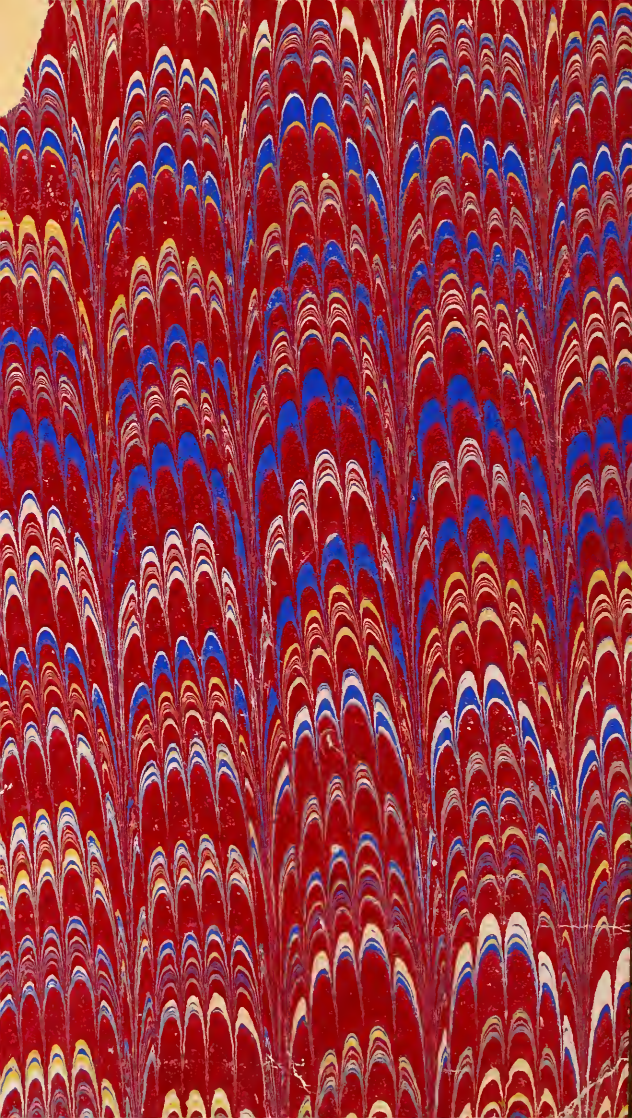
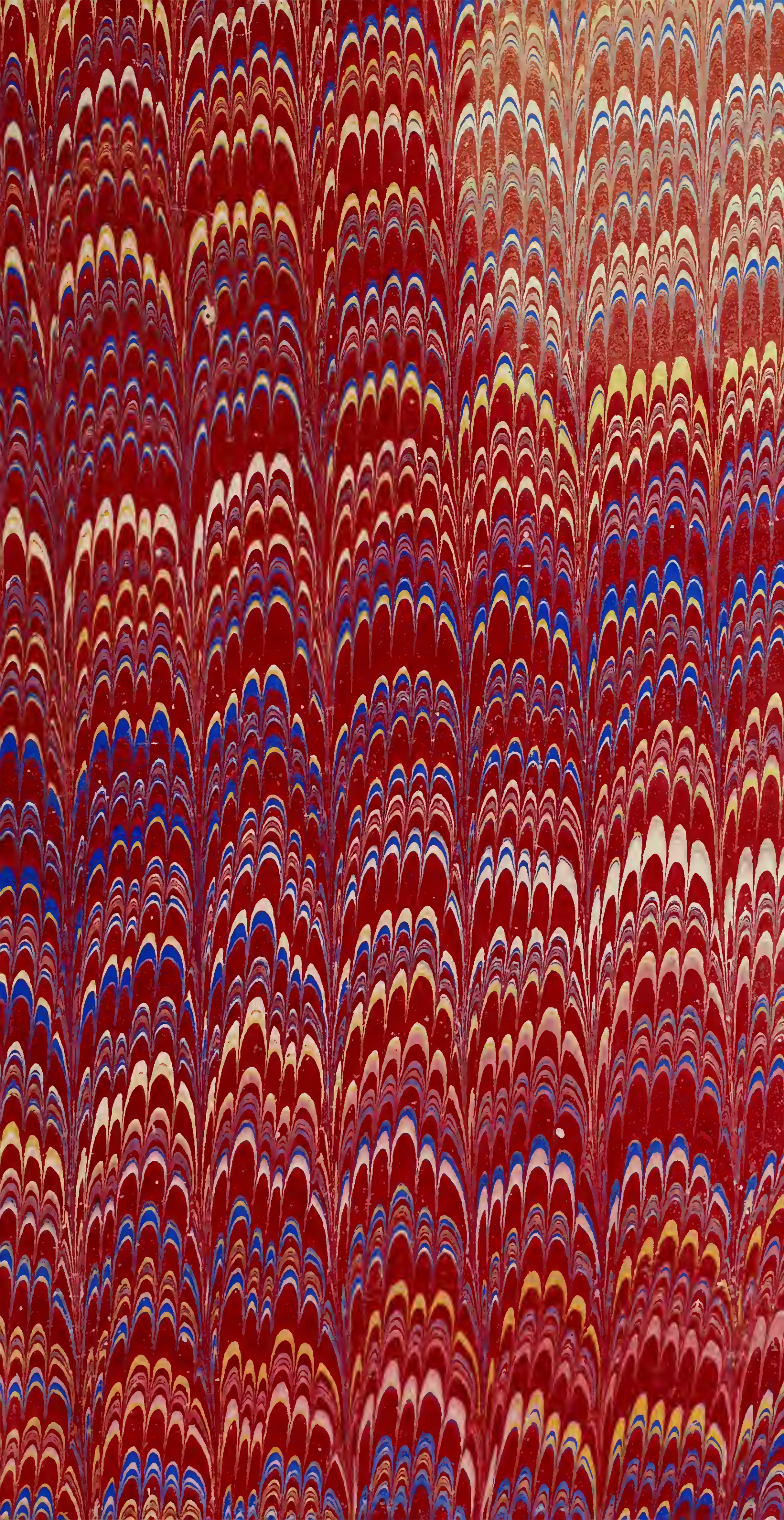
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00300947 9





ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ., 15 Іюля 1893 г. ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА", Б. ПОДЪЯЧ., 39.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ГЛИНКА

р. 1775 † 1847.

ЗАПИСКИ

СЕРГѢЯ НИКОЛАЕВИЧА ГЛИНКИ

Glinka, Sergei Nikolaevich
Zapiski

ЗАПИСКИ

СЕРГѢЯ НИКОЛАЕВИЧА

ГЛИНКИ

Къ „Русскому" моему „Вѣстнику" и „Русскому Чтенію" присовокупляю мои „Историческія и частныя записки".

„Можетъ быть всѣ произведенія моего пера со мною исчезнутъ. Желаю одного, чтобы осталось удостовѣреніе, что любовь моя къ родному краю всегда безпредѣльна была съ любовью къ человѣчеству; а если и это затеряется, то явно будетъ тамъ, гдѣ положенъ предѣлъ всѣмъ противорѣчіямъ и гдѣ остается одна любовь".

Сергѣй Глинка.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе редакціи журнала „Русская Старина"
1895

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Обществ. Польза“, Бол. Подъяч., 39.

Сергѣй Николаевичъ Глинка, авторъ печатаемыхъ Записокъ, извѣстенъ, какъ одинъ изъ выдающихся общественныхъ дѣятелей въ достопамятную эпоху нашей борьбы съ Наполеономъ и какъ писатель, много потрудившійся на поприщѣ отечественной словесности. Родившись въ лучшее время царствованія Екатерины II (1776 г.) въ патріархальной помѣщичьей семьѣ, Глинка получилъ образованіе и воспитаніе въ сухопутномъ шляхетномъ (нынѣ 1-й кадетскій) корпусѣ въ цвѣтущую эпоху этого заведенія при извѣстномъ графѣ Ангальтѣ. Рано отнятый отъ семьи и проведшій въ корпусѣ тринадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ успѣлъ совершенно забыть родныхъ, Глинка можетъ быть въ полномъ смыслѣ слова названъ питомцемъ графа Ангальта. Къ мальчику были примѣнены всецѣло тогдашніе педагогическіе пріемы, которые, какъ извѣстно, клонились болѣе къ образованію нравственной стороны человѣка, нежели къ обогащенію его ума познаніями. Глинка вышелъ изъ корпуса со скуднымъ запасомъ научныхъ свѣдѣній, но съ идеальными стремленіями, которыя желалъ осуществить, еще совершенно не зная дѣйствительной жизни. Во всю свою долгую жизнь онъ остался вѣренъ благороднымъ началамъ, вложеннымъ въ его юную, воспріимчивую душу идеалистомъ Ангальтомъ. Дѣйствительность подчасъ жестоко давала себя чувствовать С. Н. Глинкѣ, и въ Запискахъ его, писанныхъ подъ старость, иногда проглядываетъ безотрадное, глубокое разочарованіе; но несмотря

на дѣйствіе охлаждающаго опыта, онъ до конца дней своихъ способенъ былъ до полнаго самозабвенія увлекаться однимъ чувствомъ, одной идеей. Все зависѣло отъ того, чѣмъ онъ увлечется. Его любовь обратилась на отечество, на русскій народъ. Глинка былъ патріотъ въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ слова. 1812 годъ былъ эпохою наибольшаго развитія дѣятельности Глинки, лучшимъ временемъ его жизни: всего себя онъ отдалъ великому дѣлу служенія родинѣ. Съ 1808 года онъ издаетъ «Русскій Вѣстникъ», журналъ, сдѣлавшійся въ его рукахъ могущественнымъ орудіемъ для пробужденія народнаго духа въ русскомъ обществѣ, а когда настала Отечественная война, онъ первый записывается въ ополченіе, руководитъ народомъ въ Москвѣ, отдаетъ все свое имущество на общее дѣло и сберегаетъ неприкосновенными триста тысячъ рублей, данныя, ему государемъ въ полное распоряженіе. Можно смѣло сказать, что болѣе честнаго, отважнаго и благороднаго общественнаго дѣятеля не выставила та достопамятная эпоха. Этой стороною своей жизни С. Н. Глинка всегда сохранитъ за собою право на вниманіе и память потомства.

Изъ всего написаннаго Глинкою, а писалъ онъ очень много (см. справочный словарь Г. Н. Геннади), самое интересное—его Записки. Несмотря на крайнюю субъективность, восторженный тонъ, частыя отступленія и наклонность автора къ резонерству, Записки эти яркими красками рисуютъ эпоху и не потеряли своего интереса для современнаго читателя.

Иногда въ разсказѣ Глинки встрѣчаются противорѣчія, что объясняется, конечно, тѣмъ, что Записки писались въ разное время, преимущественно подъ конецъ жизни Сергѣя Николаевича, когда онъ ослѣпъ и диктовалъ ихъ.

Многое изъ Записокъ С. Н. Глинки было уже напечатано и отдѣльно, и въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Такъ еще при жизни автора появились:

«Екатерина II на родинѣ моихъ отцовъ» («Русскій Вѣстникъ», 1841 года).

«Записки о двѣнадцатомъ годѣ». Спб., 1836 г.

«Яковъ Борисовичъ Княжнинъ» («Репертуаръ русскаго театра», на 1841 г., кн. 11).

«Воспоминанія. Графы Орловы, Ломоносовъ, Херасковъ и Державинъ». Спб., 1846 г.

Много личныхъ воспоминаній заключается въ книгахъ: «Очерки жизни и избранныя сочиненія А. П. Сумарокова». Спб., 1841 г., и «Русское Чтеніе». Спб., 1845 г.

Послѣ смерти С. Н. Глинки († 1847 г.), отрывки изъ его Записокъ появились: въ «Русскомъ Словѣ», 1861 г., № 4; въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1863 г., № 4, 1865 г., № 7, 1866 г., №№ 1, 3, 5, 7, 1867 г., № 12; въ «Современникѣ», 1865 г., № 9 («Мое цензорство») и въ «Вѣстникѣ Европы», 1872 г., № 9.

Издаваемыя теперь Записки печатаются по рукописямъ, доставленнымъ намъ сыномъ покойнаго С. Н. Глинки, Ѳедоромъ Сергѣевичемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рукопись прерывается. Въ подобныхъ случаяхъ, гдѣ было возможно, недостающее пополнено печатнымъ матеріаломъ. Такимъ образомъ, Записки С. Н. Глинки впервые являются въ настоящемъ изданіи собранными въ одно цѣлое и провѣренными по подлинной рукописи.

Нелегкій трудъ сличенія рукописей и приготовленія Записокъ къ печати исполненъ Алексѣемъ Осиповичемъ Круглымъ съ тою добросовѣстностью, которою отличаются всѣ его библіографическія изслѣдованія.

Мы прилагаемъ къ Запискамъ копію съ портрета С. Н. Глинки, сохранившагося у его сына. Портретъ этотъ рисованъ акварелью и воспроизведенъ въ гравюрѣ К. Адтомъ.

ЗАПИСКИ

СЕРГѢЯ НИКОЛАЕВИЧА ГЛИНКИ.

I.

> L'homme par un penchant secret
> Chérit les lieux de sa naissance (Crésset).

Родина.—Село Сутоки.—Воспоминаніе о предкахъ.—Семейное преданіе о моемъ рожденіи.—Родъ Глинокъ.—Дворянскій бытъ стараго времени.—Отецъ.—Мать.—Хлѣбосольство.—Князь Г. А. Потемкинъ.—Мѣсто его рожденія.—Дѣтскія проказы Потемкина.—Необычайная память его.—Главныя черты его характера.—Отзывъ о немъ принца де-Линя.—Случай при погребеніи тѣла принца Виртембергскаго.—Болѣзнь и послѣдніе дни Потемкина.—Милостивцы временъ Екатерины.—М. Ѳ. Кашталинскій.—Судьба его.—Образъ жизни Кашталинскаго.—Н. А. Оленинъ.—Разсужденія о карточной игрѣ.—Продолженіе родственныхъ воспоминаній.—Дядя мой А. И. Глинка.—Размышленія о ходѣ нашей словесности.—Духъ того времени.—С. Ю. Храповицкій.—Увлеченія юности.—Первоначальная судьба М. И. Кутузова.—Филипповскій.—Благотворительность С. Ю. Храповицкаго.—Жизнь въ Кощунѣ.—Н. И. Новиковъ.—Сношенія съ нимъ С. Ю. Храповицкаго.—Письмо Н. И. Новикова.—Бабка моя Лебедева.—Моя жизнь въ селѣ Третьяковѣ.—Мой первый наставникъ Н. П. Лебедевъ.—Полковыя масонскія ложи.—Размышленія объ обществахъ.—Колыбель моего первоначальнаго ученія.—Случай, заохотившій меня къ ученію.—Добрый дядька Іоганнъ и его метода воспитанія.

Я родился 1776 года, іюля 5-го дня, Смоленской губерніи въ Духовскомъ или Духовщинскомъ уѣздѣ, въ селѣ Сутокахъ, въ 8 верстахъ отъ Чижева, родины бѣднаго шляхтича Потемкина, который потомъ, подъ блистательнымъ именемъ князя Таврическаго, гремѣлъ замыслами ума парящаго и, говоря словами Державина: «былъ могущъ, хотя и не въ порфирѣ».

Послѣ 1812 года въ первый разъ въ половинѣ 1834 года посѣтилъ я свою родину. Измѣняется жребій обширныхъ областей, измѣняется жребій и малыхъ поземельныхъ участковъ. Родина моя теперь въ постороннемъ владѣніи; но я видѣлъ слѣды праотцевъ моихъ; я видѣлъ липы, вязы и дубы, насажденные рукою моего прадѣда по матери Ѳедора Александровича Каховскаго. Я сидѣлъ подъ сѣнью сихъ деревъ, осѣнявшихъ нѣкогда юными и роскошными вѣтвями своими веселые кружки пировавшихъ друзей и родныхъ, а те-

перь грустно, уныло отживающихъ въ одиночествѣ безмолвномъ. Я сидѣлъ подъ ними, вслушивался въ минувшее и вспоминалъ, что прадѣдъ мой былъ радушнымъ патріархомъ родныхъ, другомъ бѣдныхъ, примирителемъ сосѣдей по спорамъ поземельнымъ, посаженымъ отцомъ, воспріемникомъ. На это нѣтъ почетныхъ грамотъ въ архивахъ земныхъ; эти мирныя дѣла любовь сердечная передастъ выше земли. Видѣлъ я сельскій деревянный храмъ, гдѣ въ теченіе девяноста лѣтъ курится жертва Богу любви и милосердія. Прошумѣлъ около него вихрь вражескаго нашествія; но въ стѣнахъ его не коснулся ни святыни, ни утварей церковныхъ; все осталось, какъ прежде было, нѣтъ только тѣхъ, кто тамъ бывалъ; но тамъ ихъ прахъ.

И миръ ихъ праху! Они живутъ въ душѣ моей. Любовь не умираетъ.

Надъ колыбелью новаго пришельца въ міръ, въ очахъ матери, въ очахъ отца, надежда, подруга жизни съ радужныхъ крылъ своихъ сыплетъ мечты, алѣющими розами и ожиданіями радующія сердца. Виталъ этотъ призракъ и надъ моею колыбелью; мнѣ сказывали, что въ ясный іюльскій день моего рожденія, надъ нею взвился рой пчелъ, прилетѣвшій съ ароматныхъ садовыхъ травъ и цвѣтовъ. Изъ этого выводили, что какая-нибудь необычайность промелькнетъ въ моей жизни. А я примѣняю рой пчелъ къ тѣмъ суетливымъ заботамъ, которыя давнымъ давно роятся надъ головою моею.

Говорятъ, что дворянство есть тѣнь великихъ людей. Не стану дорываться, на какой степени, послѣ перваго нашего праотца, улеглась тѣнь дворянства предковъ моихъ, или въ какой туманной дали теряется она. По ходу нашего времени, взялъ я, на лицо свое, новую грамоту въ силу рескрипта, даннаго мнѣ въ 1812 году Александромъ I. Знаю только, что предки мои—потомки тѣхъ Глинокъ, которые,—по словамъ короля Владислава,—оказали многія услуги Рѣчи Посполитой. Достовѣрно и то, что Сигизмундъ и сынъ его Владиславъ за какія-то особенныя заслуги жаловали Глинокъ и почетными грамотами, и помѣстьями въ Смоленской области. Слышалъ я также, что въ Польшѣ есть поколѣніе Глинокъ-графовъ, намъ родственное. Такъ ли это, или нѣтъ, не знаю, упомяну только, что изъ записокъ Михаила Огинскаго явствуетъ, что имя Глинокъ и теперь еще существуетъ въ прежней ихъ отчизнѣ, и что въ 1815 году кастелянъ Николай Глинка былъ въ числѣ членовъ новаго правленія. Впрочемъ, если дѣтямъ моимъ понадобится вѣковая грамота, они и теперь ее выхлопочутъ, а мнѣ она не нужна: я иду на всемірную перекличку.

Отецъ мой служилъ въ молодости въ гвардіи и, по выходѣ въ отставку, поселясь въ деревнѣ, сдѣлался примѣрнымъ хозяиномъ. Онъ жилъ безъ спѣси и безъ чванства, въ мирѣ съ самимъ собою и со всѣми. Алчная роскошь не отдѣляла еще тогда рѣзкими чертами по-

мѣщиковъ отъ почтенныхъ питателей рода человѣческаго [1]), то-есть отъ крестьянъ. Кромѣ губернскаго мундира, одежда будничная и праздничная почти вся была домашняго издѣлія. Таратайка или одноколка замѣняла щегольскую и великолѣпную карету. Домоводство цвѣло изобиліемъ, подъ животворнымъ надзоромъ хозяйскимъ. Упитанные сельскіе тельцы не уступали яствамъ героевъ Омировскихъ. Вмѣсто часто поддѣльнаго Клико въ круговыхъ чашахъ Оссіановскихъ кипѣлъ родной медъ и липецъ, а вмѣсто пунша ароматнаго подносили варенуху. Жизнь домовитая лелѣяла сердце, а любовь къ человѣчеству не была окована прихотями тщеславія. Рѣшительно можно сказать, что роскошь стѣснила въ Россіи состояніе крестьянъ пахотныхъ и оброчныхъ. Не удружили дворянству и банки заемные, и ломбарды.

Екатерина II хотѣла ими исторгнуть недостаточныхъ дворянъ изъ челюстей безбожнаго лихоимства и доставить имъ легкое средство оправляться въ случаѣ неурожаевъ, пожаровъ, скотскаго падежа и другихъ непредвидимыхъ бѣдъ. Но пышность, засѣвшая въ новоучрежденныхъ городахъ, вринула большую часть заемщиковъ въ бездну роскоши и мотовства. Екатерина жила и отжила съ своимъ временемъ. Все ея скрылось съ нею. Никогда и нигдѣ не занимая денегъ, отецъ мой, въ кругу ограниченныхъ желаній и при житьѣ незатѣйливомъ, былъ добрымъ помѣщикомъ. Радушно дѣлился онъ хлѣбомъ-солью со всѣми, и готовая къ помощи рука его сзывала бѣдныхъ сосѣдей къ участію въ избыткахъ его. Отъ прилива и отлива частыхъ гостей Сутокскій нашъ домъ былъ названъ несъѣзжимъ дворомъ. Затопленный наѣздомъ гостей, отецъ мой, завидя спускавшіеся съ горы возки и колымаги, гнѣвно вскрикивалъ иногда на мать мою: «Вотъ, матушка! родные твои отбою не даютъ!» Но когда, надѣвъ сюртукъ попарляднѣе, выбѣгалъ на крыльцо; когда встрѣчалъ и привѣтствовалъ гостей, и когда нашъ сельскій запѣвало Кулешъ, прицѣлясь ладонью къ щекѣ, звонко затягивалъ: «Вспомни, вспомни, мой любезный!» — тогда подлинная или мнимая досада быстрою зарницею сбѣгала съ лица его. Отецъ мой страстно любилъ музыку и игралъ на флейтѣ. Въ весенніе вечера онъ выходилъ на крыльцо, и звукамъ его флейты вторилъ голосъ соловьевъ, разливавшійся въ прибрежныхъ пріозерныхъ кустахъ.

Глубокая чувствительность удвоивала земное бытіе матери моей, а душевная ея набожность переносила мысль ея въ міръ духовный. Суевѣріе не волновало ея ума. Высказывались иногда порывы пыл-

---

[1]) Выраженіе Я. Б. Княжнина.

каго ея права, но это была только тѣнь на свѣтлой ея жизни. Вдовы и сироты называли ее матерью. Съ страдальцами дѣлилась слезами, а съ бѣднымъ тѣмъ, что̀ Богъ посылалъ въ избыткахъ домашнихъ. Была она и примѣрною хозяйкою. Все Сутокское славилось въ Смоленскѣ и отправлялось въ Петербургъ. Въ одной риоменной географіи сказано: «Въ Смоленскѣ варятся прекрасныя закуски».

Домашнія наши варенья, коврижки, сыры и живность появлялись при дворѣ Екатерины и на столахъ нашихъ петербургскихъ милостивцевъ и знакомыхъ. Однажды, родители мои получили слѣдующее письмо отъ Л. А. Нарышкина: «Всѣ присланныя вами коврижки разошлись на домашнемъ потчиваньи, а потому, чтобы быть позапасливѣе, прошу васъ заготовить мнѣ тысячу коврижекъ съ моимъ гербомъ, котораго и прилагаю рисунокъ. Изъ этой тысячи удѣлю только двадцать Г. Р. Державину за его хорошіе стихи. Онъ большой лакомка, а васъ отблагодаритъ своею поэзіею». Этотъ гостинецъ былъ тотчасъ отправленъ. Въ нашей кладовой кадки съ липцемъ и медомъ были безвыходно. Раздолье было тогда это житье сельское! Казалось, что и сама природа спѣшила отдарить за то, что съ нею жили и ближе, и дружнѣе.

Державинъ не остался въ долгу: изъ стиховъ его помню четыре послѣдніе:

«Дѣлежъ у насъ святое дѣло,
Дѣлимся всѣмъ, что Богъ послалъ;
Мнѣ жъ кстати лакомство поспѣло:
Тогда Фелицу я писалъ».

И князь Таврическій, нашъ сосѣдъ, посылалъ къ намъ за липцемъ и расплачивался турецкимъ оружіемъ, то въ серебряной, то въ золотой оправѣ. Всѣмъ извѣстно, что у князя Потемкина были свои гонцы ловкіе, расторопные, умные, но никогда не знавшіе того, что передавали они за его печатью. Бауръ леталъ по Европѣ не съ письмами къ тогдашнимъ министрамъ, но съ довѣренностью къ банкирамъ, которые отсыпали деньги тому, кто былъ ближе къ тайнымъ министерскимъ столикамъ. Въ числѣ этихъ гонцовъ былъ двоюродный братъ моего отца Г. Б. Глинка [1]). Въ разъѣздахъ своихъ отъ князя, заѣзжалъ онъ и къ намъ за липцемъ.

Однажды, привезъ онъ его къ Потемкину въ то время, когда онъ забавлялъ принца де-Линя прогулками на лиманѣ и давалъ ему пиры. Быстро взглянувъ на моего родственника, князь спросилъ: «Все ли здорово въ Ковно?» — Родственникъ мой отвѣчалъ, какъ слѣдовало. — «Ну, — сказалъ князь принцу, — мы сегодня будемъ пить

---

[1]) Онъ былъ при князѣ до самой его кончины.

ковенскій липецъ»; и за столомъ самъ употчивалъ его тремя бокалами. Послѣ обѣда, принцъ не могъ встать со стула. Князь улыбнулся и примолвилъ: «Это не ковенскій, это русскій липецъ моего сосѣда. Въ вашей суматошной Европѣ изъ куска золота тормошатъ и землю, и море, а у насъ въ Россіи любятъ угостить и усадить. Выпейте стаканъ холодной воды, все пройдетъ».

Кромѣ того, всякаго рода варенья и закуски отправлялись и къ Матвѣю Өедоровичу Каншалинскому, слывшему тогда смоленскимъ милостивцемъ. Матвѣй Өедоровичъ отдаривалъ или золотыми часами, или брильянтовыми перстнями, или чѣмъ другимъ.

Изображеніе нравовъ, обычаевъ, частныхъ мѣръ правительства и разсказъ о лицахъ, дѣйствовавшихъ въ свое время на театрѣ свѣта или случайности: вотъ объемъ и жизнь записокъ.

И у насъ, и въ Европѣ, говорили, что Екатерина и царствовала, и привлекала сердца. Мы согласны, что она отыскивала все то, что можно было употребить на пользу современниковъ, безъ мысли о будущемъ. Умъ ея постигъ, что сильная, богатая и чиновная аристократія домогается по духу своему угнетать то, что малочиновнѣе и маломощнѣе ея. А потому она и замѣтила въ Наказѣ своемъ, что богатымъ должно полагать преграду къ удрученію бѣдныхъ, и что чины суть принадлежность мѣстъ, а не лицъ [1]).

Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, изъ участи бѣднаго смоленскаго шляхтича перешедшій на чреду князя Таврическаго,— Потемкинъ былъ при Екатеринѣ главнымъ оплотомъ отъ притязаній сильной аристократіи, или, лучше сказать, противъ вельможеской гордыни. Вѣковыя грамоты вельможъ смирились передъ юною его грамотою. Но онъ не пренебрегалъ вельможъ дѣльныхъ, нужныхъ для дѣла.

Однажды со мною спорили, будто бы князь Николай Васильевичъ Рѣпнинъ былъ его заклятымъ врагомъ. Я возразилъ на это собственноручнымъ князя Рѣпнина письмомъ къ Потемкину, въ которомъ онъ его называетъ любезнымъ и задушевнымъ другомъ. Оно теперь въ рукахъ у князя Дмитрія Ивановича Лобанова-Ростовскаго. У Потемкина было все свое. «Забывайте искусство, — говорилъ онъ: — сами пролагайте себѣ пути, и слава великихъ дѣлъ подаритъ васъ вѣнкомъ».

Въ жребій сего чуднаго баловня счастія судьба включила всѣ необычайныя свои игры. Въ колыбель вступилъ онъ не въ стѣнахъ

---

[1]) См. Наказъ § 35-й.

дома, а въ банѣ, которую я недавно видѣлъ, но ту ли?—не знаю. Банный уроженецъ былъ и большимъ проказникомъ въ молодости своей. Однажды, вмѣстѣ съ отцомъ его, пустился полевать родной его дядя, рослый и дюжій. Смерклось, выплывалъ мѣсяцъ. Потемкинъ нарядился въ медвѣжью шкуру, висѣвшую между утварью домашнею; притаился въ кустарникѣ; охотники возвращались, и когда дядя поравнялся съ кустами, медвѣдь-племянникъ вдругъ выскочилъ, сталъ на дыбы и заревѣлъ. Лошадь сбросила сѣдока и опрометью убѣжала. Дядя, растянувшись на травѣ, охалъ отъ крѣпкаго ушиба, а племянникъ, сбросивъ шкуру, сказался человѣческимъ хохотомъ. Стали журить. Проказникъ отвѣчалъ:

— Волка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить.

Мать князя Таврическаго была образцомъ въ цѣломъ околодкѣ. По ея уставамъ и одѣвались, и наряжались, и сватались, и пиры снаряжали. Это повелительство перешло и къ сыну ея.

Съ медвѣжьими затѣями Потемкинъ вступилъ въ Московскій университетъ и высланъ оттуда недоученнымъ студентомъ, но съ дивнымъ умомъ. Переводчикъ «Иліады» Костровъ разсказывалъ, что однажды Потемкинъ взялъ у него нѣсколько частей естественной исторіи Бюффона и возвратилъ ему ихъ черезъ недѣлю. Костровъ не вѣрилъ, чтобы можно было такъ скоро перечитать всѣ взятыя части, а Потемкинъ, смѣясь, пересказалъ ему всю сущность прочитаннаго. Память его равнялась его желудку и сладострастію. Память, желудокъ и сладострастіе его все поглощали. Онъ мѣтилъ изъ гвардіи въ монастырь и попалъ въ чертоги Екатерины. Въ глубокомъ раздумьи грызъ онъ ногти, а для разсѣянія чистилъ брильянты. Женщинъ окуталъ въ турецкія шали, мужчинъ нарядилъ въ ботинки. Поглощалъ и ананасы, и рѣпу, и огурцы. «Инымъ казалось,—говоритъ графъ Растопчинъ,—что Потемкинъ, объѣвшись, не проснется, а онъ встанетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и еще свѣжѣе. Желудокъ его можно уподобить Россіи, она переварила Наполеона, и все переваритъ». Посылалъ въ Парижъ за модными башмаками и подъ этимъ предлогомъ подкупалъ любовницъ тогдашнихъ дипломатовъ. Лакомя хана роскошью, выманилъ у него Крымъ. Выдумывалъ вмѣстѣ съ Пикомъ польскіе и контрадансы; далъ Екатеринѣ и двору ея такое празднество, какого не придумалъ бы и обладатель Аладиновой лампады. Миръ, заключенный княземъ Рѣпнинымъ послѣ побѣды Мачинской, называлъ ребяческою сдѣлкою и далъ князю безсрочный отпускъ. Грозился вырвать въ Петербургѣ зубъ, т. е. сбить князя Зубова. И умеръ князь Таврическій въ глухой степи, подъ туманнымъ октябрьскимъ небосклономъ. Присмотрѣвшись къ мнимой безпечности Потемкина, принцъ де-Линь сказалъ:

«Потемкинъ притворяется, будто онъ ничего не дѣлаетъ, а онъ всегда занятъ».

Вотъ нѣкоторыя подробности о послѣднихъ дняхъ его жизни, сообщенныя мнѣ очевидцемъ, служившимъ при немъ, родственникомъ моимъ Гр. Б. Глинкою.

Въ Галацѣ послѣ погребенія принца Виртембергскаго, въ какомъ-то необычайномъ раздумьи, князь Таврическій сѣлъ на опустѣлыя дроги. Ему замѣтили это. Онъ молчалъ, но угрюмая дума, проявлявшаяся на отуманенномъ его челѣ, какъ-будто говорила: и меня скоро повезутъ. Заболѣвъ съ того же дня, переѣхалъ онъ за Днѣстръ въ монастырь Гужъ. Перемѣны въ образѣ жизни не было. Музыка гремѣла, въ комнатахъ все ликовало, одна рука его отталкивала лѣкарства, а другая хваталась за всѣ лѣкарства роскошной природы и всѣ овощи природныя; прихотливый его вкусъ самъ не зналъ, чего хотѣлъ въ періодъ своего оцѣпенѣнія. Изъ-за Прута князь пустился въ Яссы. Прощаясь съ Поповымъ, такъ крѣпко стиснулъ ему голову, что любимецъ невольно вскрикнулъ. Князь улыбнулся, а Поповъ съ восторгомъ разсказывалъ, «что еще есть надежда, что у князя не пропала сила». Въ числѣ провожатыхъ была племянница его, графиня Браницкая. Проѣхавъ верстъ шестнадцать, остановились на ночлегъ. Въ хатѣ Григорію Александровичу стало душно. Нетерпѣливою рукою сталъ онъ вырывать оконные пузыри, замѣняющіе въ тамошнихъ мѣстахъ стекла. Племянница уговаривала, унимала, дядя продолжалъ свое дѣло, ворча сквозь зубы:

— Не сердите меня!

На другой день пустились въ Яссы, проѣхали верстъ шесть. Потемкину сдѣлалось дурно, остановились, снова поднялись и снова поворотили на прежнее мѣсто. Смерть была уже въ груди князя Таврическаго. Онъ приказалъ высадить себя изъ кареты. Графиня удерживала. Онъ проговорилъ по-прежнему: «Не сердите меня!» Разложили пуховикъ и уложили князя. Онъ прижалъ къ персямъ своимъ образъ, осѣнился крестомъ, сказалъ: «Господи, въ руцѣ твои предаю духъ мой!» и вздохнулъ въ послѣдній разъ.

Отъ великана обращаюсь къ скромному быту моему!

Кромѣ великана сего своего времени, Екатерина, желая, такъ сказать, учредить между собою и дворянствомъ радушную іерархію, выбирала людей умныхъ, привѣтливыхъ въ милостивцы, или въ посредники между собою и дворянствомъ. Повторимъ и здѣсь, что Екатерина сочинила царствованіе свое. Къ милостивцамъ, учрежденнымъ не по указу, а по указанію, дворянинъ, пріѣзжавшій по дѣламъ въ Петербургъ, немедленно относился, и каждый дворянинъ въ

милостивцѣ губерніи своей встрѣчалъ и ревностнаго ходатая, и радушнаго гостепріимца.

Нашими милостивцами на берегахъ Невы были: Л. А. Нарышкинъ и М. Ѳ. Кашталинскій. О первомъ разскажу послѣ, о второмъ теперь. По особенному ли порученію Екатерины, которая сама признавалась, что, невзирая на устройство ея судовъ, все еще нужно ѣздить въ Петербургъ для покровительства (собственныя слова Екатерины II; см. Собесѣдникъ любит. росс. слова, 1783 года) или по внушенію князя Потемкина, уроженца смоленскаго, Кашталинскій былъ ходатаемъ за всѣхъ просителей, пріѣзжавшихъ изъ Смоленска по дѣламъ въ Петербургъ. Отобравъ записки, онъ спѣшилъ въ сенатъ и къ генералъ-прокурору. Словомъ, внѣ дома былъ за нихъ ревностнымъ стряпчимъ, а у себя—радушнымъ гостепріимцемъ. Матвѣй Ѳедоровичъ Кашталинскій былъ, какъ говорится, творцомъ судьбы своей. И онъ, какъ Потемкинъ, родился простымъ мелкопомѣстнымъ шляхтичемъ. Дворъ, война и обширный замыслами умъ усилили Потемкина; дворъ, карты и расторопность возвели Кашталинскаго на степень временной извѣстности. Онъ человѣкъ записокъ, а не исторіи. Отъ одного ловкаго выигрыша въ макао при дворѣ Елисаветы и отъ ловкой утайки туза, мѣшавшаго выигрышу, прослыла поговорка: «онъ туза проглотилъ». Однажды Потемкинъ, не домогаясь выигрыша, проигралъ побѣдителю въ макао сто тысячъ; это просто подарокъ, и это намекъ на свое время. Потемкинъ любилъ Кашталинскаго. Матвѣй Ѳедоровичъ хорошо зналъ математику, языки и, какъ сказываютъ, въ Семилѣтнюю войну служилъ при штабѣ герцога Ришелье. Роста онъ былъ небольшаго, казался подслѣповатымъ, но очень зорко видѣлъ. Лицо его цвѣло здоровьемъ, и онъ умѣлъ и имѣлъ средства поддерживать здоровье. Рано прибѣгнулъ онъ къ парику, чтобы каждое утро тереть голову льдомъ, въ то же время освѣжался онъ прогулками и ваннами ароматными. Къ игрѣ на бильярдѣ и къ обѣду являлся онъ въ коротенькомъ бархатномъ сюртукѣ и въ бархатныхъ башмакахъ, завязанныхъ ленточками. Казалось, что сама богиня щегольства наряжала его. Много вышло теперь сочиненій въ прозѣ и стихахъ о гастрономіи, но едва-ли гдѣ баловали вкусъ такія блюда, какія подносили у Кашталинскаго. Въ обѣдѣ были три перемѣны: двѣ состояли изъ кушаньевъ, а третья изъ закусокъ. У Кашталинскаго все было на серебрѣ и золотѣ, но скука не перечила желудку. Онъ дарилъ вкуснымъ обѣдомъ, и его дарили затѣйливою веселостью. Сенаторъ Щербачевъ не спускалъ ни блюдамъ, ни анекдотамъ, ни прибауткамъ. Видалъ я у него и молодаго человѣка въ щегольскомъ, красномъ артиллерійскомъ мундирѣ, ловкаго, умнаго, и который, обладая раз-

нообразными знаніями, золотилъ разговоры чистымъ русскимъ языкомъ безъ примѣси французскаго. То былъ Алексѣй Николаевичъ Оленинъ. Послѣ лукулловскаго обѣда въ домѣ Кашталинскаго опускались на окнахъ занавѣски, зажигались свѣчи, и начиналась рѣзня въ карты. Это не укоризна: бездѣйствіе есть преждевременная могила.

Дивлюсь, что карты, выдуманныя для забавы полоумнаго французскаго короля, заполонили общество европейское. Ни одинъ психологъ не объяснилъ еще этого; сказалъ, однако, Сумароковъ, что у насъ карты уравняли старость съ юностью; но отъ этого равенства карточнаго разгромились имущества вѣковыя и участились удары апоплексическіе. Переходъ изъ-за роскошнаго обѣда за ломберный столъ есть перекоръ природѣ. Игра угнѣздилась въ такъ называемыхъ нашихъ хорошихъ обществахъ. Кто нуженъ для партіи, тому вездѣ отворялись двери. Игра дѣлается какъ-будто новою жизнію. Руки привыкаютъ къ перетасовкѣ картъ, а душа привыкаетъ къ быстрымъ переходамъ отъ надежды къ отчаянію.

Оставя дворъ, Кашталинскій перенесъ въ смоленскую свою деревню жизнь столичную. Но онъ привезъ съ собою и два волшебныхъ талисмана богатыхъ: привѣтъ и ласку. Онъ посѣщалъ сосѣдей, отыскивалъ нуждающихся, а гостей-бѣдняковъ провожалъ до дверей и до крыльца, какъ-будто совѣстясь, что богаче ихъ. Это сущая правда: я самъ это испыталъ. Лѣтомъ и зимой былъ неутомимъ въ пѣшеходной прогулкѣ. Утончая правила долгожитія, Матвѣй Ѳедоровичъ охотникамъ до прогулокъ говорилъ: «Сперва ходите противъ вѣтра, потомъ подъ вѣтромъ, потому что если лицо и вспотѣетъ, то не остынетъ». Но кто устережется всѣхъ вѣтровъ, которые мчатъ бренную ладью нашу по океану жизни? Повернулось и колесо судьбы нашего счастливца Лукулла; попалъ и онъ въ просакъ карточный. Сотни тысячъ уплыли, но онъ досадовалъ не на утрату денегъ, а на то, что опростоволосился. Съ этою досадою переѣхалъ Кашталинскій въ Петербургъ, гдѣ прежняя блестящая его звѣзда туманно закатилась въ могилу. Отецъ мой отправлялся всегда въ Петербургъ съ запасомъ прошеній бѣдныхъ дворянъ и другихъ сословій. У насъ не было своихъ тяжбъ. Хлопоты для бѣдныхъ была такая для моего отца отрада, что онъ никогда не отказывался просить и помогалъ нуждающимся. Наступалъ срокъ масляницы, и нѣсколько возовъ, нагруженные четвертями ржи и рыбою изъ Сутокскаго озера, съ прибавленіемъ масла и сыра, отправлялись къ неимущимъ сосѣдямъ на заговѣнье. Сутоки наши процвѣтали: крестьяне знали, что ихъ не закладывали и не стѣсняли. У русскихъ крестьянъ и смыслъ, и взглядъ зоркій. И у нихъ есть живое внутреннее чувство, одушевляющее ихъ и въ жизни, и въ трудахъ, если только и то и дру-

гое роднится съ семейнымъ ихъ благомъ. Они знали, что родители мои не ѣздили мотать и роскошничать въ столицы. Знали также и убѣждены были наши крестьяне, что ни безъ очереди, ни въ очередь рекрутскую, никого изъ нихъ не продадутъ на сторону ни за горы золотыя. А водились и близъ насъ торговцы, которые промышляли:

«Искусно въ рекруты торгуючи людьми».

Зналъ я одного изъ этихъ промышленниковъ. Скупая людей, онъ развозилъ ихъ по дальнимъ губерніямъ и тамъ распродавалъ ихъ. Зналъ я его и видѣлъ, какъ гнѣвная рука Провидѣнія съ корня сорвала родное его попелище. Зналъ я и другаго нашего сосѣда, который съ какимъ-то жезломъ волшебнымъ, то-есть: то откупами, то рытьемъ канавъ по дорогамъ, то съ помощію другихъ сдѣлокъ подрядныхъ, — отъ тридцати пяти душъ дошелъ до шести тысячъ. Но это не пошло въ путь, а самъ несчастный владѣлецъ деревень и селъ спился съ кругу. Мнѣ уже за шестьдесятъ лѣтъ [1]), но я никогда не видалъ, чтобы зло до конца ликовало. То же скажутъ и наблюдатели различныхъ переходовъ міра нравственнаго.

Продолжая рѣчь о семейномъ нашемъ бытѣ, прибавлю, что у насъ было искусственное подспорье. Въ то время дворянамъ дозволялось выкуривать по девяносто ведеръ вина, но перекуривали и гораздо за сто; случалось и тутъ съ грѣхомъ пополамъ: у иныхъ проглядывало корчемство; откупщики жили и наживались. Перегонное вино шло на домашнія наливки, а остальное на потчиванье крестьянъ въ положоные дни; бардою же кормили скотъ, что и способствовало унавоживать пашни.

Было у насъ и другое большое подспорье. Въ семидесятыхъ и въ началѣ осьмидесятыхъ годовъ черезъ деревню нашу Холмъ пролегала столбовая дорога на Торопецъ и до Петербурга. Наши холмяне содержали почту. Они были удалые, ловкіе и расторопные ямщики. По этой дорогѣ проѣзжалъ великолѣпный князь Потемкинъ то изъ Бѣлоруссіи, то изъ Смоленска. Бывало, зимою въ темнозеленой бархатной бекешѣ съ золотыми застежками и въ огромной шубѣ, легкой, какъ пухъ, мчится снѣдаемый жаждой власти Потемкинъ. У князя Таврическаго не было никакой осѣдлости. Не строилъ онъ замковъ, не разводилъ садовъ и звѣринцевъ: дворецъ Таврическій былъ даромъ Екатерины II, а у него своего домовитаго пріюта не было нигдѣ. Селеніемъ его было поморье Понта Евксинскаго; заботы его были о древнемъ царствѣ Митридатовомъ, и онъ это царство

---

[1]) Писано въ тридцатыхъ годахъ.

принесъ Россіи въ даръ безкровный. Чего не успѣли сдѣлать вѣка отъ покоренія Казани и Астрахани, чего не успѣлъ сдѣлать Петръ I, то одинъ совершилъ этотъ великанъ своего времени. Онъ смирилъ и усмирилъ послѣднее гнѣздо владычества монгольскаго. Изъ пространнаго объявленія графа Остермана, по случаю первой войны съ Портой Оттоманскою при императрицѣ Аннѣ, видно, какіе грозные и опустошительные набѣги производили крымцы и до Курска, и до Нижняго, въ то самое время, когда Петръ I покорялъ крѣпости и города прибалтійскіе. И этотъ исполинъ, повторяю еще, былъ странникомъ: онъ жилъ безпріютно и умеръ въ пустынѣ, на плащѣ, подъ сводомъ сумрачнаго неба октябрьскаго. Въ Германіи была издана книга, подъ заглавіемъ: Князь тьмы. Потемкинъ не былъ ни княземъ тьмы, ни ангеломъ свѣта духовнаго міра; онъ былъ сыномъ Россіи и трудился, и работалъ не для своего тщеславія, какъ будто отчужденный отъ самого себя. Сочинитель упомянутой книги укоряетъ Потемкина въ расхищеніи достоянія нашего отечества; это ложь. Потемкинъ не грабилъ достояніе народа, подобно Меншикову, Бирону и другимъ временщикамъ. Онъ сыпалъ за границу червонцы тогда, когда надобно было золотомъ выкупить непріязненные и тайные замыслы противъ Россіи: «Деньги — соръ, говорилъ онъ: — а люди — все». Сочинитель книги укоряетъ его и честолюбіемъ. Требовать, чтобы человѣкъ, упоенный властью, не былъ бы честолюбцемъ, не летѣлъ, какъ корабль, гонимый вѣтромъ по волнамъ, — невозможно. Носилась молва, будто бы въ послѣдніе годы жизни Потемкинъ замышлялъ созданіе какого-то новаго государства изъ соединенія съ Польшей Молдавіи и Валахіи. Какихъ грезъ и мечтаній не представитъ страсть человѣка властвовать надъ людьми!

Дядя мой Андрей Ильичъ Глинка былъ отецъ Григорія Андреевича Глинки, который первый изъ круга родовыхъ русскихъ дворянъ отважною ногою вступилъ на профессорскую каѳедру и запечатлѣлъ имя свое въ лѣтописяхъ Дерптскаго университета званіемъ профессора русской словесности. Тогда еще не было помину о политической экономіи, ни о книжкахъ о сельскомъ хозяйствѣ, а въ селеніи дяди моего Закупѣ все было въ привольѣ, пышно золотѣли нивы, роскошно цвѣли его луга. Какъ теперь помню дядю моего, когда въ первый разъ встрѣтился я съ нимъ на лугу обширномъ и усѣянномъ, и уставленномъ душистыми копнами. Величавый ростомъ, онъ въ домодѣльномъ халатѣ, мѣрными шагами обходилъ поле и какъ будто глазами взвѣшивалъ каждую копну. За нимъ слѣдовалъ дюжій приказчикъ и зарубалъ на биркѣ число копенъ.

Андрей Ильичъ былъ крестнымъ моимъ отцомъ; ни у него, ни у отца моего не было нигдѣ въ закладѣ ни одной души. Тогда бо-

гатые помѣщики уравнивались съ бѣдными въ одномъ правѣ винокуренія.

По модѣ своего времени дядя одѣвался и чопорно, и красиво. На отцѣ моемъ одежда, такъ сказать, горѣла. Новое его платье было новымъ на одинъ только часъ, а на дядѣ моемъ оно какъ будто не изнашивалось. Мнѣ, крестнику его, не оставилъ онъ своей бережливости, а передалъ впослѣдствіи свой сердечный романтизмъ. Лишась первой супруги своей, онъ уныло бродилъ по рощамъ и дубравамъ и вырѣзывалъ на деревьяхъ имя ея. Онъ плакалъ, читая романы Ѳеодора Эмина, и заливался слезами, читая и перечитывая Маркиза Г..., переведеннаго Елагинымъ. Теперь этихъ книгъ нѣтъ и въ поминѣ; теперь не только не плачутъ, но и не читаютъ трагедій Сумарокова; а было время, что при дворѣ императрицы Елисаветы были для нихъ и рукоплесканія, и слезы, и вздохи. На все время, и все на время. Молніей мелькаетъ и слава побѣдъ, и слава писателей. Въ то время, когда жилъ мой дядя, мнѣніе общественное было сиднемъ неподвижимымъ. Екатерина II, очаровавъ царствованіемъ своимъ умы дворянъ, подносила имъ волшебною рукою золотой сосудъ, изъ котораго они пили забвеніе прошедшаго и безпечность о будущемъ. Имъ казалось, что Екатерина условилась съ судьбой жить вѣчно, и что они всегда будутъ жить ея жизнію. Ту же безпечность передавали они и дѣтямъ своимъ. Загнѣздился бы тогда неискоренимый застой въ умахъ дворянъ смоленскихъ и великороссійскихъ, если бы два обстоятельства не освѣжали силы мыслящей.

Во-первыхъ, въ семидесятыхъ годахъ съ блескомъ явился на поприщѣ военномъ Румянцевъ, совмѣстникъ Потемкина. Духомъ своимъ возбуждалъ онъ духъ дѣятельности въ землякахъ своихъ малороссіянахъ. Кіевская академія была храмомъ ученія ихъ, откуда рука Румянцева выводила соотчичей на пути различныхъ службъ. Безбородко, быстрый въ соображеніяхъ ума и порывистый въ страстяхъ; Завадовскій, медленный въ соединеніи мыслей, тяжелый въ оборотахъ высокопарнаго слога и вовсе отжившій съ Екатериною,— оба сіи уроженцы малороссійскіе даны Екатеринѣ Задунайскимъ [1]).

«Препровождаю къ вамъ алмазы въ корѣ»,—писалъ Задунайскій Екатеринѣ,— «ваша искусная рука ихъ обдѣлаетъ».

Во-вторыхъ, около того времени умный, дѣятельный, предпріимчивый Николай Ивановичъ Новиковъ, далеко опередившій свой вѣкъ изданіемъ Вѣдомостей Московскихъ, Живописца, дру-

[1]) Мнѣ разсказывалъ графъ Растопчинъ, что однажды императоромъ Павломъ I поручена была бумага въ двадцать строкъ, и что за нею графъ ходилъ сутокъ двое: первоначальный подлинникъ былъ весь исчерченъ и перечерченъ.

гихъ многоразличныхъ книгъ и искуснымъ вліяніемъ на умы нѣкоторыхъ вельможъ, двигалъ вслѣдъ за собою общество и пріучалъ мыслить средн роскошнаго и сладострастнаго обаянія.

Какъ бы то ни было, но хозяйство кипѣло въ домѣ моего дяди. Не бросалъ онъ денегъ на поддѣльное шампанское. Всѣмъ извѣстно, что тогда въ Гамбургѣ была вывѣска: «Здѣсь дѣлается лучшее шампанское». Онъ потчивалъ домашнимъ искрометнымъ напиткомъ, составленнымъ изъ садовыхъ плодовъ. У него было все свое, и это все въ чистомъ видѣ оставилъ онъ по себѣ. Не нужно было хлопотать ни о какихъ постороннихъ справкахъ, души крестьянскія спокойно жили въ пріютахъ своихъ, и тридцать тысячъ рублей, накопленные умнымъ хозяйствомъ, перешли въ наличности къ наслѣдникамъ.

Крестною моею матерью была супруга С. Ю. Храповицкаго, также родственника моего по матери. Степанъ Юрьевичъ Храповицкій былъ по Смоленской губерніи однимъ изъ ревностнѣйшихъ послѣдователей и содѣйствователей Новикова.

Богатый не только числомъ душъ, но и собственною душою, онъ былъ и дворяниномъ, и въ полномъ смыслѣ человѣкомъ благороднымъ. Бурную юность, проведенную въ разгулѣ военномъ, замѣнилъ онъ мирною сельскою жизнію. Храповицкій воспитывался въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и вышелъ оттуда съ просвѣщеннымъ умомъ и съ сердцемъ, готовымъ всѣхъ любить, всѣмъ вѣрить, не ознакомясь еще съ тѣмъ свѣтомъ, гдѣ и лучшій умъ, не опираясь на опытъ, спотыкается и дѣлаетъ промахи въ жизни.

По выходѣ изъ корпуса, онъ поступилъ поручикомъ подъ знамена князя Долгорукаго-Крымскаго и скоро отличился храбростію своею. Война и разгулъ юношескій идутъ рука объ руку. Въ кругу юныхъ товарищей своихъ онъ съ такимъ же жаромъ предавался карточной игрѣ, съ какимъ дѣйствовалъ въ сраженіяхъ. Онъ игралъ на чистоту и спустилъ почти все свое имѣніе, выкупленное двумя его сестрами и возвращенное ему сполна. Въ то время познакомился онъ съ Михаиломъ Илларіоновичемъ Кутузовымъ, который былъ уже извѣстенъ военною дѣятельностію и необычайною раною, полученною имъ тогда, когда стоялъ въ виду непріятеля на косогорѣ, съ котораго былъ сбитъ, и при паденіи его засыпало землею, откуда съ трудомъ его отрыли.

Но родственникъ мой во всю жизнь былъ противъ него предубѣжденъ, и вотъ отъ чего: Кутузовъ въ картахъ былъ тонкимъ тактикомъ, но Храповицкій почиталъ эту разсчетливость хитростью. Счастье, которое довело Кутузова до 1812 года, было тогда съ нимъ въ размолвкѣ и вело его тернистымъ путемъ нужды. Случалось, что онъ у сослуживца своего Филиповскаго, издавшаго впослѣдствіи

Пантеонъ россійскихъ государей, занималъ по пяти и по десяти рублей.

«За мною, братъ», — говорилъ онъ, — «не пропадетъ твое». Такъ и сбылось. Во время нашествія, домъ Филипповскаго, бывшій у Варварскихъ воротъ, сгорѣлъ; княгиня Смоленская, узнавъ о томъ, назначила ему въ память усердія его къ ея супругу по 300 руб. пенсіи.

Изъ военной службы Храповицкій вышелъ въ отставку полковникомъ, бросилъ игру и въ своемъ селѣ Кощунѣ сдѣлался въ полномъ смыслѣ отцомъ-помѣщикомъ своихъ поселянъ. Узнавъ на опытѣ роковую превратность игры, онъ не довѣрялъ и никакимъ предпріимчивымъ оборотамъ, выходящимъ изъ круга земледѣльческаго; за то поля, луга и пажити его замѣняли руды золотыя.

Извѣдавъ въ молодости своей, какъ тяжело жить среди непрестанныхъ нуждъ, онъ упросилъ бѣдныхъ сосѣдей поручить ему воспитаніе дѣтей своихъ, для которыхъ и завелъ домашнее училище.

— Вы, — говорилъ Храповицкій бѣднымъ дворянамъ: — доставите мнѣ этимъ удовольствіе быть полезнымъ и вамъ, и обществу; и притомъ вамъ не нужно будетъ издерживаться на поѣздки изъ вашихъ помѣстій въ столицу для вашихъ дѣтей, чѣмъ и облегчите жребій вашихъ крестьянъ.

Въ училище свое онъ выписалъ русскаго наставника, знавшаго французскій и нѣмецкій языки; учитель рисованія ѣздилъ къ нему изъ Смоленска по два раза въ недѣлю, а самъ онъ преподавалъ воспитанникамъ ариѳметику и начальныя основанія геометріи и называлъ это занятіе лучшимъ временемъ своего дня. По образу кадетъ онъ одѣлъ ихъ всѣхъ въ одинаковое платье на свой счетъ.

Супруга его, урожденная княгиня Соколинская, какъ будто родилась для него. У нихъ была одна душа, одна мысль; одно стремленіе къ добру. Нынче, означая степени просвѣщенія, говорятъ, что такой-то или такая-то отличаются европейскимъ образованіемъ, а я скажу просто, что супруга Степана Юрьевича основательно знала русскій языкъ, читала лучшихъ французскихъ и нѣмецкихъ писателей, понимала и завѣдовала весь хозяйственный обиходъ и оказывала нѣжную материнскую заботливость юнымъ питомцамъ. Отцы ихъ каждое воскресенье пріѣзжали въ церковь своего благодѣтеля, молились вмѣстѣ съ своими дѣтьми и радушно были угощаемы хлѣбомъ-солью хозяйскою. У Храповицкаго было село и въ Духовщинскомъ уѣздѣ: были у него въ училищѣ и дѣти тамошнихъ бѣдныхъ сосѣдей, которые, удосужась отъ сельскихъ работъ, пріѣзжали на его же лошадяхъ въ Смоленскъ и въ Кощуно, находящееся верстахъ въ 25-ти отъ города.

Лелѣя воспитанниковъ, хозяева не оставляли и отцовъ, и матерей ихъ въ болѣзняхъ и во всѣхъ ихъ нуждахъ: и это ничего имъ не значило. Въ селѣ Коццуно не было псовой охоты, а страшно сказать, что тогда за одну хорошую охотничью собаку платили по 500 и по 1.000 цѣлковыхъ; а еще страшнѣе то, что и христіанскія души иногда обмѣнивали на безсловесныхъ. Не было въ этомъ селѣ ни великолѣпныхъ вечернихъ баловъ, послѣ которыхъ иные зѣваютъ, и которые въ одинъ вечеръ уносятъ то, что въ умѣренномъ хозяйствѣ стало бы на годъ.

По выходѣ моемъ изъ кадетскаго корпуса, я гостилъ тамъ по недѣлѣ и по двѣ, но никогда не встрѣчалъ за столомъ заграничныхъ винъ, и это было не отъ скупости. За то сколько было домашнихъ наливокъ! И коццунское пиво не уступало тогда англійскому. Въ числѣ наставниковъ Степана Юрьевича былъ, кажется, Амкитетенъ, который впослѣдствіи занималъ при одномъ германскомъ дворѣ значительное мѣсто дипломата.

Онъ говорилъ: «Наливокъ и пива коццунскаго не промѣняю на всѣ иностранныя вина, привозимыя въ Смоленскъ: здѣшнія наливки — нектаръ. Эпернейское шампанское доставляютъ только къ французскому двору: гдѣ же взять этого шампанскаго въ нашихъ столицахъ и городахъ?» Не заботились въ Коццунѣ ни о нарядахъ, ни о каретахъ къ празднику: тамъ работали свои коляски и дрожки прочныя и красивыя. А потому, за вычитаніемъ этихъ прихотей и затѣй, запасныя деньги умножались и какъ будто сами собой шли къ доброй цѣли. Вотъ почему и хозяева сельскими своими избытками могли дѣлиться съ своими неимущими сосѣдями и снаряжать ихъ на службу военную или гражданскую, смотря по способностямъ ихъ, и по разлукѣ съ ними подкрѣплять ихъ своею помощью.

Всѣмъ извѣстно, съ какою ревностью Н. И. Новиковъ старался объ изданіи книгъ и распространеніи чтенія. Храповицкій непосредственно участвовалъ въ этомъ подвигѣ. Хотя въ библіотекѣ его были всѣ подлинники лучшихъ сочиненій французскихъ и нѣмецкихъ писателей, но онъ покупалъ, кромѣ русскихъ книгъ, и всѣ переводы, печатаемые у Новикова, почему и былъ съ нимъ въ письменныхъ сношеніяхъ.

Поговоримъ объ этомъ человѣкѣ.

Н. И. Новиковъ, двинувъ умственный ходъ своего вѣка, перешелъ и въ наше девятнадцатое столѣтіе. Типографія Московскаго университета обязана ему распространеніемъ Московскихъ Вѣдомостей и по дальнѣйшимъ предѣламъ нашего отечества. А учрежденіе библіотекъ по губернскимъ городамъ есть продолженіе мысли его. Видя неномѣрный разгулъ роскоши, заполонившей свѣтъ

столичный и истощавшей быть сельскій, онъ рѣшился отвлечь умы современниковъ отъ разсѣянія къ размышленію; средствомъ къ тому употребилъ изданіе книгъ. Силой чтенія ему удалось сблизить различныя сословія, а изданіемъ своего Живописца онъ огромлялъ закоснѣлое невѣжество, видѣвшее еще на челѣ трудолюбивыхъ земледѣльцевъ печать Хамову. Желая удержать подмосковныхъ своихъ поселянъ въ правилахъ возможнаго благоправія, онъ домашнимъ запасомъ всего нужнаго и для одежды, и для обуви, и для орудій полевыхъ предостерегалъ ихъ отъ поѣздокъ въ городъ, гдѣ такъ часто выработанное въ деревнѣ оставалось за попойками. Трудны были переходы его жизни, но онъ всегда оставался самимъ собою. Много перенесъ онъ, но могучая мысль человѣка должна всегда пройти черезъ горнило страданія. Сѣмена и плоды зоркой мысли сами высказываютъ человѣка. Вотъ очевидные слѣды жизни Н. И. Новикова.

Передаю здѣсь содержаніе одного письма Новикова къ Храповицкому:

«Вы благодарите меня за присылку Древней Русской Вивліоѳики, но замѣчаете, что бумага не такъ-то хороша. Всего сдѣлать вдругъ нельзя. Я стараюсь особенно о томъ, чтобы книги пускать какъ можно дешевле и тѣмъ заохотить къ чтенію всѣ сословія. Вы просите также, чтобы я выслалъ къ вамъ переводъ записокъ Сюлли, хотя у васъ и есть подлинникъ. Вы желаете, чтобы сосѣди ваши читали этотъ переводъ. Это прекрасное намѣреніе! Правила Сюлли о внутреннемъ хозяйствѣ въ государствѣ какъ будто писаны и для насъ. Нивы, луга и пажити питаютъ столицы и города; чѣмъ обильнѣе будутъ источники сельскаго хозяйства, тѣмъ привольнѣе будетъ и вездѣ. Вы поручаете мнѣ также изъ присланныхъ вами 50-ти рублей, за уплатою за книги, остальное раздать бѣднымъ. Благодарю васъ. У насъ въ Москвѣ убогія хижины подлѣ великолѣпныхъ палатъ сами извѣщаютъ о своихъ бѣднякахъ; вы желали быть безгласнымъ въ добромъ дѣлѣ, я молчалъ; но души бѣдныхъ молились за васъ».

О Степанѣ Юрьевичѣ и о Новиковѣ будетъ далѣе, а здѣсь упомяну о первоначальномъ моемъ ученіи. Я былъ счастливъ въ ребячествѣ моемъ, меня любили. Особенно ласкала меня моя двоюродная бабка Лебедева, вдова роднаго брата моей родной бабки. Село ея Третьяково было только въ 15 верстахъ отъ Сутокъ. Въ каждый свой пріѣздъ, она, мимо всѣхъ другихъ братьевъ, дарила меня и лучшими игрушками, и лучшими гостинцами. Я не понималъ тогда, что это было предпочтеніе, за которымъ такъ гоняются въ свѣтѣ, но всегда выбѣгалъ первый къ ней навстрѣчу и цѣловалъ ея руку, которою она меня такъ приголубливала. Лелѣяло меня и сердце моей

матери, но по нѣжной ея заботливости о старшемъ моемъ братѣ я видѣлъ, что оно ближе было къ нему. Не понималъ я тогда, что это была зависть, а мнѣ было досадно. И въ сердцахъ дѣтей есть свои порывы, и у мысли ихъ есть своя догадка.

Мужъ бабки, Петръ Григорьевичъ Лебедевъ, при учрежденіи губерніи избранъ былъ судьею въ Духовщинскомъ уѣздѣ. А это было тогда чередой почетною въ новомъ мірѣ управленія, устроеннаго Екатериною II. Тогда шаръ дворянскій обвивался какимъ-то блескомъ волшебнымъ. Слышно было, что въ Новгородѣ избранъ былъ въ засѣдатели суда отставной генералъ-маіоръ. Онъ жаловался Екатеринѣ, и она отвѣчала: «Я установила выборы, а шары дворянскіе не отъ меня зависятъ.» Извѣстно также, что въ Московскомъ уѣздномъ судѣ не отказался отъ должности засѣдателя камергеръ Ступишинъ, родной братъ того Ступишина, который начальствовалъ въ Пензенской губерніи во время Пугачевскаго бунта. Тогда съ такимъ же вниманіемъ смотрѣли на судей, рѣшителей жребія тяжущихся, съ какимъ древніе мореходы наблюдали свѣтила небесныя. Справедливость велитъ упомянуть, что тогда еще свято уважалась рѣчь: «Онъ бѣденъ, да честенъ». У мужа бабки моей было не безбѣдное состояніе, а къ нему, по общей тогда молвѣ, онъ прибавилъ только имя честнаго человѣка и безпристрастнаго судьи.

Бабка моя меня, своего любимца, выпросила погостить и пожить въ селѣ ея. По отмѣткѣ ея въ святцахъ о моемъ туда пріѣздѣ, я помню, что это было 1780 года, въ исходѣ мая. День былъ прекрасный. Мы отправились около вечера, и мнѣ казалось, что родное солнце шло вслѣдъ за нами. По рощамъ и кустарникамъ разливался голосъ соловьевъ. Мнѣ былъ тогда пятый годъ, и это былъ первый мой выѣздъ. Бабка моя, боясь меня обезпокоить, велѣла ѣхать шагомъ. Я блаженствовалъ и всѣмъ любовался. Мы пріѣхали въ сумерки. Увѣренная, что я буду ея жильцомъ, она заранѣе велѣла все приготовить; столъ былъ накрытъ, постель моя была поставлена подлѣ ея кровати. Всѣ меня ждали, но никто не суетился. Въ домѣ ея все какъ будто шло само собою; при ней были только двѣ дочери, старѣе меня шестью и семью годами; три сына ея были въ военной службѣ. Не слыхалъ я никакого окрика ни на дворовыхъ людей, ни на приказчиковъ. Каждый зналъ свое дѣло и исполнялъ его рачительно, оттого что не былъ развлеченъ никакими прихотями. Объ этомъ разсуждаю теперь, а тогда чувствовалъ только одно наслажденіе новой моей жизни.

Радостно было мое пробужденіе; вереница дворовыхъ мальчиковъ уже ожидала меня и бѣжала за мною въ рощу, которая роскошно раскинулась на какихъ-то курганахъ. Разсказывали мнѣ

послѣ, что тутъ была какая-то битва, въ то время когда мечъ и копье размежевывали землю русскую; но въ ребячествѣ моемъ я тутъ ничего себѣ не представлялъ и ничего не воображалъ. Набѣгавшись по курганамъ въ рощѣ, я побѣжалъ на лугъ, гдѣ уже былъ хороводъ сѣнныхъ дѣвушекъ и двѣ дочери моей бабки. Въ играхъ нашихъ неравенство лѣтъ исчезало. Дѣвушки пѣли пѣсни, а мы кружились въ хороводѣ. Меня величали, какъ будто какого-то побѣдителя, а я просто былъ баловнемъ доброй помѣщицы села Третьякова. Не утерпѣла и она: сама явилась къ намъ на лугъ. По праздникамъ въ скромной одноколкѣ мы съ бабкой ѣздили по селу. Крестьяне въ нарядныхъ своихъ платьяхъ стояли у избъ; бабка моя подъѣзжала къ каждой и заботливо спрашивала, всѣ ли здоровы у нихъ; гдѣ былъ больной, приказывала приходить къ себѣ за сельскимъ лѣкарствомъ. Ея сердце, ея христіанская любовь научила меня всѣхъ любить и всѣмъ желать добра. Въ разъѣздахъ своихъ по селу она съ особеннымъ вниманіемъ обозрѣвала амбары, гдѣ хранилась запасная жизнь крестьянъ. Село Третьяково не далеко отъ уѣзднаго города и, если приказчикъ недобросовѣстенъ, то перевозъ туда хлѣба ночью нетруденъ. Тутъ нуженъ зоркій глазъ хозяйскій. При ней отпускали чистую муку и дворовымъ, и крестьянамъ. «Избави, Боже, каждаго человѣка отъ мякиннаго хлѣба», — говорила она. А чѣмъ питаются бѣдняки въ голодный годъ, когда у богачей на пирахъ разливное море! Сытый голоднаго не разумѣетъ. Тайна этой науки въ человѣколюбивомъ попеченіи, и эту тайну вполнѣ знала моя бабка. И какъ лелѣяла она мою душу! Близъ церкви, между двухъ рощей, окруженное цвѣтущими берегами, большое озеро отражало въ волнахъ своихъ и ясное солнце, и безмятежную луну. Однажды при ней и при мнѣ закинули неводъ и вытащили множество крупной и мелкой рыбы. Торопливою рукою хваталъ я маленькихъ рыбокъ и пускалъ ихъ въ озеро. «Что это ты дѣлаешь?» — спросила бабка моя. — «Мнѣ жаль этихъ рыбокъ», — отвѣчалъ я: — «онѣ такъ сильно бьются, вѣрно, очень боятся большихъ рыбъ». Она улыбнулась и приказала, чтобы и впредь мнѣ давали на это свободу.

Я былъ временнымъ полновластнымъ владѣльцемъ и господиномъ въ помѣстьѣ моемъ. Я говорю: въ моемъ помѣстьѣ, потому что всѣ тогда такъ думали и всѣ это повторяли. Цѣлая кладовая со всѣми банками различныхъ вареній, всѣ сушеные ягоды и плоды, вся эта лакомая область была въ моемъ распоряженіи, и ребятишки, мои сверстники или нѣсколько постарѣе меня, были ежедневными застольниками моего пированья. Некому было мнѣ поперечить, всѣ покорствовали моимъ затѣямъ; но я не употреблялъ

во зло моего полномочія. Въ 1835 году былъ я въ селѣ Третьяковѣ, и двѣ умныя и добрыя дочери моей бабки разсказывали мнѣ, что имъ только та была бѣда, когда онѣ бывало захотятъ работать или читать, а бабушка посылаетъ ихъ гулять или играть съ Сережею. Отчего при этомъ разсказѣ не хочется отстать ни перу, ни сердцу? Что приковываетъ ихъ къ нему? Память о любви сердечной. Между тѣмъ безпечные дни мои текли въ лакомствахъ подъ крыломъ бабки моей, и когда на меня, баловня, никому изъ домашнихъ нельзя было ни прикрикнуть, ни пригрозиться, пріѣхалъ въ отпускъ въ село Третьяково сынъ моей бабки, Николай Петровичъ Лебедевъ, отличный маіоръ своего времени и масонъ праводушный. Собою онъ былъ очень хорошъ. Изыскивая всѣ средства къ соединенію душъ и умовъ на различныхъ путяхъ быта общественнаго, Екатерина дозволила завесть въ полкахъ масонскія ложи, подъ названіемъ ложъ Іоанна Крестителя, и отчасти на образъ ложъ шотландскихъ. Главная цѣль этихъ ложъ было возбужденіе въ офицерахъ духа братства, единодушія и самоотреченной приверженности къ матушкѣ Екатеринѣ. Во славу русской царицы, во славу братства и въ честь доблестныхъ воиновъ гремѣли въ ложахъ пѣсни, отзывавшіяся въ слухѣ и въ сердцахъ ихъ и въ веселыхъ пирушкахъ, и въ жаркихъ битвахъ, и на приступахъ кровопролитныхъ. Вотъ одна изъ этихъ пѣсенъ:

Имѣя матерь на престолѣ,
Ликуй въ своей счастливой долѣ
Сплетенный дружбою соборъ!
Прославленьемъ мудрыхъ наслаждайся,
Союзомъ братскимъ утверждайся
И пой согласно въ честь ей хоръ.
Да будетъ счастье неотступно
Съ тобой, «Почтенный», совокупно!

Наименованіе «Почтенный» относилось къ наслѣднику престола. Главнымъ мастеромъ ложъ былъ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, а частнымъ—генералъ-маіоръ Петръ Алексѣевичъ Чемодановъ.

Въ дни мирные братья-воины славили царицу, наименованную Вольтеромъ Сѣверною Семирамидою. А когда съ кипящими чашами Оссіановскими кипѣли битвы кровопролитныя, тогда при чоканьи кубковъ заздравныхъ братья-воины, наперерывъ другъ передъ другомъ, изрекали слово задушевное: кому первому врѣзаться, врубиться въ ряды сопротивниковъ, кому первому ринуться на приступъ? Съ этимъ братскимъ, съ этимъ крѣпкимъ словомъ, тогдашній егерскій маіоръ, Леонтій Яковлевичъ Неклюдовъ, первый взошелъ на стѣны измаиловскія подъ выкличкою суворовскою. Дѣятельность есть жизнь души и ума человѣческаго.

По разуму моего воображенія и по духу моей порывистой неза-

*

висимости, я не былъ членомъ никакихъ обществъ. Я не могъ на условленное время приковывать себя къ стулу и скамьѣ; но я полагаю, что всякое общество, въ различныхъ обществахъ человѣческихъ, побуждается къ соединенію властительною пружиною дѣятельности ума человѣческаго. Съ поприщемъ военнаго масона родственникъ мой соединялъ и дальнѣйшее поприще вольныхъ каменщиковъ. Не знаю, гдѣ онъ воспитывался, но умъ его обогащенъ былъ обширными свѣдѣніями; онъ былъ знакомъ со всею тогдашнею германскою словесностью и принадлежалъ къ числу людей образованнѣйшихъ и отличавшихся правилами строгой чести. Какъ у почетнаго члена, у него была лента и звѣзда. Изъ-подъ знаменъ Задунайскаго перешелъ онъ служить въ Сибирь и впослѣдствіи былъ главнымъ военнымъ начальникомъ въ Иркутскѣ [1]). Служа ревностно, онъ никогда ни на что не набивался и ни отъ чего не отказывался. Одинъ только разъ онъ испросилъ милость и вотъ какую: при вступленіи на престолъ императора Павла I, Лебедевъ писалъ къ нему: «Государь! Я двадцать пять лѣтъ служу въ Сибири; приближаясь къ старости, испрашиваю у васъ одной милости: дозвольте мнѣ пріѣхать въ Петербургъ, единственно для того, чтобы увидѣть васъ, услышать царское слово и навсегда запечатлѣть его въ душѣ моей». Государь удовлетворилъ его просьбу; онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, явился къ императору и снова возвратился въ Иркутскъ и оттуда, около 1805 года, вышелъ въ отставку. Но и послѣ отставки ему предстояла новая служба, когда громы пушекъ Наполеона сперва раздались у рубежей нашего отечества, а потомъ зарокотали въ нѣдрахъ его. Начальствуя смоленскимъ ополченіемъ, онъ видѣлъ и битву Бородинскую. Но всему есть предѣлъ: рвеніе къ новой службѣ истощило послѣднія силы преклонныхъ его лѣтъ. Вскорѣ послѣ Отечественной войны кончилъ онъ жизнь свою, непорочную на всѣхъ путяхъ его существованія. Душевную, пламенную любовь къ человѣчеству и благородную свободу мыслей сохранилъ онъ до гроба.

Дядя мой пріѣхалъ въ началѣ іюня. Лѣто было прекрасное, и онъ по привычкѣ военной раскинулъ палатку въ саду. Видя, что я съ утра до вечера вольничаю и играю съ дружиною ребятишекъ, онъ дня черезъ три сказалъ матери своей: «Пора вашему Сережѣ приниматься за ученье: стыдно намъ будетъ предъ его родителями, если упустимъ время. Его готовятъ въ кадетскій корпусъ, ему шестой годъ, а онъ и въ азбуку не заглядывалъ». Онъ убѣдилъ и выпросилъ позволеніе быть моимъ наставникомъ. Не стану хвалиться напрасно, у меня не было никакого стремленія къ ученью. Я былъ и безъ книгъ

[1]) Военнымъ генералъ-губернаторомъ.

непрестанно занятъ. Лѣтомъ то въ рощахъ гонялся за бабочками, то ходилъ за ягодами и за грибами, то спѣшилъ въ орѣшникъ; зимою — то катанье на салазкахъ, то въ комнатѣ волчки, веревочки и мячикъ. Словомъ, я былъ занятъ, мнѣ было весело. Но людей все учитъ, даже и скука, и досугъ.

Добрый мой дядя, видя мое своеволіе, повелъ меня къ ученію стезею ласки и любви.

Въ шатрѣ, подъ открытымъ небомъ, произнесъ я на пятомъ году мертвую букву русской азбуки и произнесъ ее въ духѣ своеволія и независимости. Никогда не былъ я рабомъ указки. Подъ сводомъ неба, то прогуливаясь со мною въ саду, то усаживаясь подъ липы и яблони, онъ высказывалъ мнѣ буквы и показывалъ на начертаніе ихъ. Нераздѣльно училъ онъ меня и изображать ихъ карандашемъ на бумагѣ и выговаривать буквы. И какая была бумага цвѣтная, какіе красные карандаши! Но ни эта приманка, ни нѣжная внимательность моего наставника не занимали меня. Я уже зналъ наизусть «Отче нашъ» и нѣсколько другихъ молитвъ, и мнѣ было скучно затверживать мертвыя буквы. Но вотъ какой случай заохотилъ меня къ ученью. 25-го іюля 1780 года (этотъ день помѣченъ былъ въ святцахъ, почему и помню) поѣхалъ я съ бабкою моею въ Сутоки; день былъ жаркій. Отецъ мой, отправя исправничью свою должность въ Духовщинѣ, пріѣхалъ послѣ обѣда и привезъ оттуда баранковъ. Гостинецъ разошелся по рукамъ. Я подошелъ къ окну, гдѣ стояла тарелка съ отравою для мухъ. Я началъ обмакивать туда баранки и преспокойно глоталъ ядовитую влагу. Дядька братьевъ моихъ, какъ только это увидѣлъ, тотчасъ побѣжалъ за молокомъ, и меня отпоили. Услышавъ о бѣдѣ, грозившей мнѣ, бабка моя въ безпамятствѣ и слезахъ схватила меня на руки, велѣла запрягать лошадей, и мы возвратились въ село ея. Пріѣхавъ домой, мы тотчасъ пошли въ церковь, отслужили молебенъ за избавленіе меня отъ смертной опасности. Пришелъ туда и дядя мой. Съ живымъ чувствомъ ласкалъ онъ меня, и я какъ будто изъ нѣжной его заботливости вдохнулъ въ себя охоту къ ученію. На другой день я проснулся гораздо ранѣе обыкновеннаго и, схватя мою азбуку, побѣжалъ въ садъ, гдѣ уже прогуливался мой дядя — наставникъ. «Что ты, Сережа», — спросилъ онъ, — «здоровъ ли ты?» — «Я здоровъ», — отвѣчалъ я, — «и хочу учиться». Не знаю, такъ ли радъ былъ онъ, когда получилъ отъ Павла I Анну первой степени, какъ обрадовался, услыша отъ меня неожиданныя слова: я хочу учиться. И это неудивительно: до ордена онъ дослужился, а порывъ мой къ ученью былъ для него внезапностью. И можно ли было подумать, чтобы то, что̀ грозило мнѣ смертію, открыло

путь къ новой жизни. Въ память начала моего ученья въ селѣ Третьяковѣ назвали меня бабушкинымъ питомцемъ.

Не на родинѣ произнесъ я первую букву азбуки, тамъ была только колыбель моя. Подъ чужимъ кровомъ породнился я съ трудовою грамотою; а это какъ будто и было предвѣстіемъ, что судьба обрекла меня къ жизни безпріютной.

Изъ-подъ руководства вольнаго каменщика перешелъ я подъ надзоръ дядьки, Іогана, добраго полунѣмца—русскаго, но перешелъ уже прыткимъ чтецомъ и съ изряднымъ начертаніемъ буквъ. Новый мой учитель только присматривалъ за мною, а память меня учила. Родная моя бабка и двоюродная за твердое уже чтеніе псалмовъ первой каоизмы всегда дарили меня гостинцами. Изъ этого поднялись родныя ссоры. Старшій братъ мой былъ уже въ кадетскомъ корпусѣ, а оставшійся подъ нимъ братъ косо на меня поглядывалъ, когда хвалили мое бѣглое чтеніе и дарили мнѣ гостинцы. Но я и не думалъ о соперничествѣ. Отъ такъ называемаго соревнованія до зависти въ семейномъ быту одинъ шагъ. Не поддразнивайте ребяческаго самолюбія неумѣстными похвалами. У дѣтей есть свой судъ, свой смыслъ, своя расправа. Не вѣрьте часто мнимому ихъ разсѣянію: подъ этою личиною нерѣдко притаивается очень зоркое и увертливое наблюденіе. Однимъ словомъ, не мѣшайтесь въ дѣло природы. Добрый нашъ нѣмецъ Іоганъ не заглядывалъ въ таинства душъ нашихъ, не помышлялъ о развитіи нашихъ способностей, но спасибо ему за то, что онъ самоуправнымъ диктаторствомъ не пыталъ духа нашего и не мучилъ насъ ярмомъ указнымъ. Бѣда тамъ дѣтямъ, гдѣ наставники силятся затащить ихъ на ходули умничанья своего.

II.

Путешествіе Екатерины II въ Бѣлоруссію.—Екатерина II на родинѣ князя Потемкина.—Разговоръ ея съ Румянцевымъ.—Напрасныя ожиданія богача-помѣщика.—Шатеръ для государыни.—Встрѣча ея.—Столѣтній прадѣдъ мой Г. А. Глинка.—Отзывъ Румянцева о моемъ отцѣ.—Царскія милости.—Разсказы моего отца.—Семейная память о посѣщеніи Екатерины.—Отзывъ ея объ отцѣ.—Помѣщичій бытъ въ старину.—Простота жизни.—Старинные блазни.—Положеніе крестьянъ.—Два горя моего прадѣда.—Поѣздка его въ Москву.—Волненія среди крестьянъ.

Новая жизнь блеснула на родинѣ моей. Екатерина II подарила ее посѣщеніемъ своимъ. По этому случаю я былъ взятъ изъ села Третьякова. На возвратномъ пути изъ Бѣлорусскаго края, Екатерина II, 1781 года 4-го іюня, изъ стѣнъ Смоленска, сооруженныхъ тѣмъ исполиномъ своего вѣка, который съ среды писца

перешелъ на среду вельможи и царя, отправилась въ село Чижево, на родину другаго исполина своего времени, князя Гр. А. Потемкина. Въ эту поѣздку пригласила она съ собою Румянцева-Задунайскаго; и мы увидимъ, что это было не безъ намѣренія. Карета императрицы остановилась у воротъ скромнаго дома. Румянцевъ окинулъ его быстрымъ взглядомъ. Замѣтя удивленіе на лицѣ его, Екатерина сказала: «Когда Потемкинъ устроивалъ Херсонскую пристань, завистники его разглашали, что онъ изъ выданныхъ ему милліоновъ выстроилъ какіе-то великолѣпные дворцы на родинѣ своей, а вотъ его дворецъ». Румянцевъ отвѣчалъ: «Молва, какъ морская волна, прошумитъ и исчезнетъ; если огорчаться всѣми слухами, то придется сидѣть сиднемъ; но и тутъ не уйдешь отъ пересудовъ; одни дѣла оправдываютъ насъ». Екатерина прибавила: «Я ушенадувателей не любила и не люблю. Клеветали на расточительность князя; неправда и то, что будто бы онъ писалъ ко мнѣ, что не хочетъ и не можетъ служить съ вами; онъ всегда уважалъ васъ» [1]).

Въ этомъ домѣ обращена только была въ бесѣдку та баня, въ которой родился Потемкинъ. Заглянувъ въ нее, Екатерина сошла по лѣстницѣ къ колодцу и пила воду.

Если кому изъ читателей моихъ доведется проѣзжать село Чижево, то онъ увидитъ и бесѣдку, и скромный бюстъ князя Таврическаго, работы домодѣльной, и стаканъ, въ который Екатерина почерпнула воду, и листъ въ рамкѣ за стекломъ, свидѣтельствующій о бытности тутъ императрицы. Въ это самое время одинъ изъ родственниковъ князя Таврическаго, богатый помѣщикъ, полагая, что Екатерина удостоитъ его своимъ посѣщеніемъ, заготовилъ торжественный пиръ, на который съѣхались почетные его сосѣди. Не такъ случилось. Простой шатеръ, раскинутый подъ кровомъ яснаго неба, побѣдилъ и связи знаменитости, и великолѣпіе роскоши.

Императрица поворотила изъ села Чижева прямо на столбовую дорогу, пролегавшую изъ Духовщины на Порховъ. Въ деревнѣ нашей Холмъ была тогда перемѣна лошадей. По званію капитана-исправника, отецъ мой устроилъ свой участокъ въ видѣ рощи, обсадя обѣ стороны дороги вѣтвистыми деревьями. У самой перемѣны лошадей, близъ рощицы, раскинута была довольно обширная палатка, или шатеръ. Ближайшіе наши родные, по повѣсткѣ отца моего, подъ предводительствомъ столѣтняго прадѣда моего, Григорія Андреевича Глинки, со всѣхъ сторонъ спѣшили для воззрѣнія на Екатерину. Родительница моя, въ платьѣ изъ домашняго издѣлія.

---

[1]) Это я слышалъ отъ Я. М. Чекалевскаго, бывшаго письмоводителемъ у князя Потемкина.

приготовляла въ палаткѣ сельское угощеніе. Четыре мои брата и я, въ каплфасныхъ домотканныхъ камзольчикахъ, мы кружились около столпиковъ, украшенныхъ цвѣтами, и разбѣгались глазами по узорчатымъ тканямъ, окидывавшимъ верхъ и бока шатра. Между тѣмъ отецъ мой сопровождалъ карету императрицы. День былъ какъ будто праздникомъ сельской природы. Яркіе лучи полдневнаго солнца, разливаясь по густымъ вершинамъ деревъ придорожныхъ, образовывали какой-то свѣтозарный сводъ, подъ которымъ медленно двигалось шествіе Екатерины. По одну сторону, крестьяне въ нарядныхъ одеждахъ стояли съ хлѣбомъ-солью, а по другую, крестьянки съ различными садовыми и полевыми цвѣтами. Одни простирали руки съ сокровищемъ нивъ своихъ, другіе усыпали дорогу цвѣтами и зеленью. Гремѣли хоры родныхъ пѣсенъ, по мѣрѣ движенія кареты, тянулись вереницы хороводныя. Съ очаровательнымъ привѣтомъ своимъ, Екатерина, раскланиваясь во всѣ стороны, часто останавливаясь, спрашивала у радостныхъ поселянъ:

— Довольны ли вы, друзья мои, вашимъ капитаномъ-исправникомъ?—И раздался общій крикъ:

— Довольны, матушка-царица, довольны! Онъ намъ отецъ!

Лицо Екатерины сіяло удовольствіемъ, весело было и графу Румянцеву, что онъ могъ поставить на своемъ. И въ важныхъ, и въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ щекотливое самолюбіе домогается взять свое. Императрицѣ хотѣлось непремѣнно, чтобы графъ побывалъ на родинѣ князя Потемкина, котораго если не онъ, то другіе почитали его соперникомъ; а графъ Румянцевъ, у котораго нѣкогда служилъ мой отецъ, заранѣе условился съ нимъ, чтобы мимо богатаго родственника князя Потемкина завезть къ нему императрицу. Видя, что все кипитъ душевнымъ восторгомъ, онъ доложилъ Екатеринѣ, что капитанъ-исправникъ почтетъ свыше всѣхъ наградъ, если она соблаговолитъ принять въ семействѣ его сельскую хлѣбъ-соль.

Извѣстно, что Екатерина, преобразовывая Россію по мысли своей, почитала земское начальство первою ступенью къ внутреннему благоустройству, почему и отвѣчала:

— Въ семействѣ ревностнаго капитана-исправника рада быть гостьею. Онъ исполнялъ мой уставъ, а я исполню его желаніе. Его любятъ добрые земледѣльцы, на которыхъ я всегда обращала особенное вниманіе; а это и для меня—лучшая награда.

При перемѣнѣ лошадей, графъ Румянцевъ слово отъ слова пересказалъ отцу моему отзывъ Екатерины. Онъ записалъ его и эту бумажку, которую называлъ жизнію жизни своей, носилъ въ ладонкѣ на груди.

Иду отъ памятника Екатерины на то мѣсто, гдѣ была почтовая

наша станція и гдѣ для нея перемѣняли лошадей. Боже мой, какъ все преобразовывается отъ присутствія или отсутствія одного человѣка! Гдѣ жизнь, кипѣвшая такъ весело въ этомъ селеніи? Что теперь тамъ, гдѣ останавливалась царица? Убогій пріютъ крестьянина. И что прочно на землѣ? Гдѣ Вавилонъ великолѣпный? Гдѣ это чудо древняго міра? И оно тлѣетъ подъ разливомъ мутныхъ водъ Евфрата. Но пока бьется сердце въ груди, тамъ живетъ и память о дѣлахъ благости. Сажусь подъ образами у хозяина избы и начинаю записывать то, что происходило въ шатрѣ, іюня 4-го 1781 года, а онъ былъ отсюда въ нѣсколькихъ шагахъ.

Когда карета остановилась, отецъ мой въ радостномъ порывѣ соскочилъ съ лошади и вскричалъ:

— Ма̃тушка-царица, прими отъ насъ нашу сельскую хлѣбъ-соль, нашъ домашній липецъ и наши усердныя сердца!

— Благодарю, благодарю, отвѣчала Екатерина: усердіе сердечное для меня всего дороже.

Тутъ съ быстротою юноши спрыгнулъ съ коня прадѣдъ мой и, преклонивъ колѣно, воскликнулъ:

— Матушка! Живи вдвое столько, сколько я прожилъ на бѣломъ свѣтѣ, и дай Богъ тебѣ такую же крѣпость силъ, какую Его милосердіе даровало мнѣ въ преклонные годы.

— А́ сколько вамъ лѣтъ? спросила Екатерина.

— Сто лѣтъ, матушка-государыня.

Императрица возразила съ ласковою улыбкою:

— Нѣтъ, мой другъ, цари такъ долго не живутъ: у нихъ много заботъ, — сказала и рукою приподняла моего прадѣда.

Присутствіе Екатерины превратило нашъ шатеръ въ чертогъ великолѣпный; въ видѣ ея ангелъ милосердія вступилъ въ него. Съ душевнымъ восхищеніемъ мать моя облобызала руку императрицы и подвела къ ней насъ, пятерыхъ малютокъ. И теперь еще помню то очаровательное мгновеніе, когда братъ мой Николай (онъ давно уже умеръ) рѣзво и смѣло плясалъ предъ царицею, звонкимъ голосомъ заводя родную нашу пѣсню: «Юръ Юрка на ярмаркѣ». Вижу теперь, какъ она, нѣжная матерь отечества, посадила его на колѣни; вижу, какъ братъ игралъ орденскою ея лентою; слышу, какъ смѣло сказалъ ей:

— Бабушка, дай мнѣ эту звѣзду!

— Служи, мой другъ, — отвѣчала Екатерина: — служи, милое дитя, и у тебя будутъ и ленты, и звѣзды; и тутъ же собственноручною рукою записала его и меня въ кадетскій корпусъ, а старшаго брата нашего Василія (его давно нѣтъ) въ Пажескій корпусъ.

Между тѣмъ, замѣтя, что графъ Румянцевъ разговаривалъ съ

отцомъ моимъ, какъ съ старшнымъ знакомымъ, императрица спросила, гдѣ графъ его узналъ. Герой Задунайскій отвѣчалъ, что отецъ мой былъ у него въ Молдавіи четыре мѣсяца на ординарцахъ, и потомъ прибавилъ:

— Въ жару Когульскаго сраженія я послалъ его къ полковнику Озерову съ приказомъ, чтобы онъ съ первымъ гренадерскимъ полкомъ ударилъ на толпы янычаръ, которые, нагло ворвавшись изъ лощины въ каре Племянникова, рѣзали нашихъ кинжалами.

Не робѣя предъ царицею, отецъ мой отъ полноты сердечной воскликнулъ:

— Матушка-государыня, я всѣмъ обязанъ его сіятельству, даже дѣтьми, которыхъ готовлю на службу вашему императорскому величеству.

При этомъ словѣ Левъ Александровичъ Нарышкинъ сказалъ съ живою своею шутливостію:

— Слышите, матушка, что говоритъ капитанъ-исправникъ? Онъ хвалится, что и дѣтьми своими обязанъ его сіятельству.

Спохватливый мой отецъ не ходилъ въ карманъ за словомъ и, не запинаясь, возразилъ:

— Я сущую правду говорю, матушка-государыня. Однажды, грустнымъ горемыкою явился я въ Молдавіи къ графу на ординарцы; его сіятельство съ отческою заботливостью спросилъ: «Отчего ты такъ скученъ?» Я отвѣчалъ, что помолвленъ и получилъ извѣстіе, что къ невѣстѣ моей присватался другой женихъ. Графъ немедленно далъ мнѣ домовый отпускъ, и по милости его представляю вашему величеству дѣтей моихъ.

Ликовала Екатерина при этихъ разсказахъ; она любила голосъ сердечный. Привѣтливо откушала она нашего хлѣба-соли, выпила бокалъ липца за здоровье хозяевъ «и за здоровье старшины Глинокъ», —прибавила она, обратясь къ прадѣду моему.

Графъ Румянцевъ промолвилъ:

— Не мимо идетъ пословица, что за Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаетъ. За ревностную службу роднаго внука старшины Глинокъ и вы, государыня, и я ему въ долгу. Старооскольскаго полка секундъ-маіоръ Глинка, братъ нашего хозяина, былъ въ числѣ дежурныхъ офицеровъ у генералъ-поручика Ступишина, при переходѣ черезъ Дунай; съ неустрашимою быстротою передавалъ онъ приказанія своего генерала. Онъ былъ убитъ, но и вы, государыня, читали о немъ въ моемъ донесеніи.

Слезы блеснули въ глазахъ прадѣда моего. Упавъ на колѣни предъ Екатериною, онъ сказалъ:

— Вели, матушка-царица, и я готовъ за тебя умереть во всякое время! А теперь дозволь проводить тебя верстъ десять.

Графъ Румянцевъ приглашалъ его въ свою коляску.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ:—я поѣду верхомъ у кареты матушки-царицы, нагляжусь на нее, и у меня спадетъ съ плечъ десятка два лѣтъ,—сказалъ и на борзаго коня своего взлетѣлъ безъ чужой помощи. А конь, какъ будто веселя всадника, говоря Ломоносовски:

Крутилъ главой, звучалъ браздами
И топалъ бурными ногами,
Столѣтнимъ всадникомъ гордясь,
А витязь—молодецъ!

Онъ былъ не на конѣ. Въ жизни обновленной онъ леталъ по поднебесью.

Все то, что относится къ этому дню, осталось у насъ семейнымъ сокровищемъ. Доходила ли до половины та бочка, изъ которой наливался липецъ для подчиванья царицы, ее тотчасъ дополняли, и этотъ неисходимый липецъ величали царскимъ липцемъ. Каждый разъ, когда съѣзжались родные и сосѣди, и когда рѣчь душевная вызывала воспоминаніе о великой посѣтительницѣ, въ бокалахъ и кубкахъ пирующихъ друзей кипѣлъ царскій липецъ и гремѣли восклицанія: «Да здравствуетъ матушка-царица! Да здравствуетъ мама-тушка Екатерина!»

Вечеромъ того же дня князь Рѣпнинъ, тогдашній смоленскій генералъ-губернаторъ, встрѣчалъ императрицу, и она сказала ему:

— Угадайте, у кого я была сегодня въ гостяхъ?—и, не дожидаясь отвѣта, промолвила:—я была у духовщинскаго капитанъ-исправника. Спасибо ему, онъ понялъ душу земскаго учрежденія. Онъ любимъ поселянами, и онъ вполнѣ исправникъ. Я сказала въ Наказѣ моемъ, что въ нашемъ государствѣ важнѣйшая часть—земледѣліе. Вотъ почему я приняла всѣ мѣры, чтобы земское начальство было охранительнымъ щитомъ земледѣльцевъ. Поблагодарите отъ меня духовщинскаго капитанъ-исправника за ревностное исполненіе его должности и передайте отъ меня ему эту золотую табакерку. Я никогда его не забуду. А онъ пусть привозитъ въ Петербургъ и кадетовъ своихъ, и пажа, записанныхъ мною въ корпуса.

Прадѣдъ мой, Григорій Андреевичъ Глинка, послѣ свиданія съ Екатериною жилъ еще два года и умеръ ста двухъ лѣтъ. Въ путешествіи своемъ по Ладожскому озеру Озерецковскій говоритъ, что онъ видѣлъ стариковъ, которые умираютъ костенѣя. Бывъ академикомъ и врачемъ, онъ увѣряетъ, что такая смерть есть принадлежность людей близкихъ къ природѣ. Такъ умеръ мой прадѣдъ, хотя онъ былъ небольшаго роста и худощавъ; но жизнь его, не разъеди-

пенная съ природою, закалила его рамена крѣпостью булатною. Безъ всѣхъ діетическихъ мудрованій, порожденныхъ роскошью, онъ прожилъ вѣкъ. Не посылалъ за межу родную ни за яствами, ни за напитками: тогда не знали еще у насъ на Руси и искусства за одинмъ обѣдомъ пресыщаться избытками четырехъ частей свѣта. За сытымъ его столомъ кипѣли щи, похлебки, разсольники: дымились сальники, жареная баранина; величались огромные каравая и т. п. Вмѣсто винъ фряжскихъ, шумѣли медъ и липецъ въ стопахъ исполинскихъ. Я видѣлъ стопы, въ которыя вливалось по нѣскольку бутылокъ, и которыя, по установленному обычаю, въ часы разгульной пирушки, опоражнивались однимъ духомъ.

Для приправленія сытныхъ яствъ веселостью при обѣдахъ и пирушкахъ проказничали б л а з н и, или домашніе скоморохи. Они то дрались на п а л ь ц а т а х ъ, или кіяхъ, то поддразнивали другъ друга, то выдумывали побасенки. Гости смѣялись отъ добраго сердца, а пища не превращалась въ желчь или отъ язвительныхъ пересудовъ, или отъ ѣдкихъ насмѣшекъ. Сверхъ того, старинные блазни не только были шутами, но подобно Кефію, выставленному Нарѣжнымъ въ Б у р с а к ѣ, они были и посредниками между властелиномъ и подвластными. Обижалъ ли сильный слабаго, притѣснялъ ли грозный приказчикъ жениха или невѣсту, вымарачивалъ ли онъ что-нибудь обманомъ, — все это высказывалось блазнями за барскимъ столомъ въ прибауткахъ и побасенкахъ. Сильнаго обидчика журили, а притѣсненную невинность утѣшали. Тогда крестьяне не указывали со вздохомъ и сердечнымъ сокрушеніемъ на модную карету, стоющую нѣсколькихъ десятковъ душъ; тогда не указывали на шали барынь и барышенъ, купленныя на слезы и истому сельскую. Помѣщики и въ забавахъ своихъ часто уравнивались съ крестьянами. Вмѣстѣ съ ними ходили они съ тенетами на ловлю зайцевъ и лисицъ. Тогда еще не держали въ двоpняхъ по десяткамъ и сотнямъ борзыхъ и гончихъ собакъ, на бѣду крестьянъ, особливо въ неурожай. Вооружаясь заостренными дрекольями, помѣщикъ и удалые крестьяне пускались на медвѣдей и волковъ. Въ этой отважной охотѣ прославились прабабки и бабка моя, гоняясь за хищными звѣрями на быстромъ конѣ или въ легкихъ санкахъ при блескѣ свѣтлаго мѣсяца, сыпавшаго лучи свои на лѣсъ дремучій и на бѣлизну снѣжныхъ равнинъ. Почти безболѣзненно протекла столѣтняя жизнь прадѣда моего, то же можно сказать и о душевной его жизни. По достовѣрному, а не вымышленному семейственному преданію, въ сто двухъ-лѣтнее пребываніе свое на землѣ, испыталъ онъ только два горя. Первое, когда по званію хорунжаго, т. е. въ первомъ и младшемъ чинѣ шляхты смоленской, пришла ему очередь изъ села его Красноселья отправиться верстъ за 150,

на Двинскій форпостъ; тяжело ему было разстаться съ домашнимъ кровомъ. А потому къ отводу сего перваго горя перекатилъ онъ въ Смоленскъ нѣсколько бочекъ роднаго меду и отъ употчиванной шляхты услышалъ желанный кликъ: «Увольняемъ, увольняемъ». Изъ-подъ шума сихъ криковъ радостно полетѣлъ въ пріютъ домовитый. Второе горе была необходимая поѣздка въ Бѣлокаменную. Три недѣли ѣхалъ онъ на своихъ лошадяхъ въ Москву и, пробывъ тамъ нѣсколько дней, въ такой же срокъ совершилъ путь обратный. Вслѣдъ за нимъ везли живность и всѣ съѣстные припасы домашніе: на чужбинѣ и сладкое чужое было бы горько. Сверхъ того, помѣстья его родныхъ разсѣяны были отъ Духовщины почти до самой Гжатской пристани, слѣдственно было гдѣ отдохнуть, побывать въ банѣ и попировать. Не взирая на тѣсное сближеніе съ крестьянами въ образѣ жизни, было и въ то время какое-то чудное, необычайное возстаніе крестьянъ. Общій духъ волненія обходилъ деревни и села. Это было около срока жатвы. Помѣщики съ семействами своими укрывались въ лѣса, а въ случаѣ близкой опасности прятались во ржи и кустарникахъ. Въ эти дни смятенія прадѣдъ мой съ своею женою и малолѣтними дѣтьми заперся въ с в и р н ѣ или вышкѣ отдѣльной отъ прочаго надворнаго строенія. Ночью застучали въ двери: онъ схватилъ заряженное ружье. Прабабка моя удержала его руку, чтобы безполезнымъ преждевременнымъ выстрѣломъ не навлечь на себя бѣды неизбѣжной. Не слышно было ни о какомъ зачинщикѣ бунта; казалось, что какая-то невидимая сила волновала села и деревни. А эта невидимка, какъ будто чародѣй, ходитъ и переходитъ въ повѣрьяхъ и вѣковыхъ преданіяхъ. Изъ туманной дали столѣтій вѣроятно доносилась еще вѣсть о первобытномъ состояніи русскихъ земледѣльцевъ. Вѣроятно, и они помнили, какъ жили они до взятія Казани и Астрахани. Первая перепись для иныхъ изъ нихъ была очевидною, для другихъ живою былиною [1]). Упоминая о тѣхъ дняхъ, когда жилъ мой прадѣдъ, я не утверждаю, будто бы тогда былъ золотой вѣкъ невинности, любви и благодати семейственной. Было и тогда также, что Викторъ Гюго могъ бы переселить въ тьму кромѣшную драмъ своихъ. Словомъ, былъ на разные образцы отдѣльный бытъ, а не было быта общественнаго. Спрашивали тогда у одного князя-остряка, возвратившагося изъ щегольскаго круга большаго свѣта: что онъ тамъ видѣлъ? «Много блеска, а мало людей», отвѣчалъ онъ.

---

[1]) Тогда было такъ, а теперь не такъ: слова волшебныя, если остались завѣтные памятники о п р е ж н е м ъ л у ч ш е м ъ.

III.

Поступленіе въ корпусъ.—Первая разлука съ родиною.—Петербургъ.—Братъ мой Егоръ.—Первые дни въ корпусѣ.—Отношеніе Екатерины къ кадетамъ.—Представленіе моего отца государынѣ.—Домъ перваго корпуса.—Меншиковъ.—Минихъ.—Румянцевъ.—Другіе воспитанники корпуса.—Первый русскій театръ.—Бецкій.—Старинное воспитаніе.—Институтская наивность.—Преобразованіе корпуса.—Я. Б. Княжнинъ.—Воспитательный домъ.—Привычка къ корпусу.—Знакомство съ французскимъ языкомъ.—Осенный залъ.—Ученье.—Учитель Аѳанасьевъ.—Дѣтскія плутни и кощунство.—Вліяніе музыки.—Отношеніе Екатерины къ музыкѣ.—Воспитательница г-жа Ноденъ.—Ея дочь.—Физическое воспитаніе кадетъ.—Танцовальный учитель

Чрезъ годъ послѣ посѣщенія императрицы, то-есть 5-го іюля 1785 г., въ день моего рожденія, положено было везти въ кадетскій корпусъ меня и брата моего Николая. Но со старшимъ нашимъ братомъ Василіемъ матушка никакъ не могла разстаться. Нѣсколько разъ благословляла его въ путь и нѣсколько разъ удерживала; рыданія эти и слезы побѣдили рѣшительность отца нашего. На зарѣ жизни узналъ я и слезы разлуки, и горе душевное, и силу той чувствительности, которая такъ глубоко западаетъ въ сердце. Любовь къ родинѣ была первою моею любовью, а потому и не могу и не стану описывать разлуку съ нею. Отецъ мой, сопровождавшій насъ въ Петербургъ, вынесъ меня на рукахъ изъ-подъ благословенія матери: я задыхался отъ слезъ и рыданій. У конца околицы сельской ожидало меня новое испытаніе. Никогда не обижалъ я дворовыхъ ребятишекъ, любилъ самъ лакомства, но любилъ и ихъ лакомить.

За воротами плетня сутокскаго выстроились товарищи игръ моихъ и закричали: «Прощайте, прощайте, баринъ! дай Богъ вамъ здоровья!» Не утерпѣло сердце, и я выскочилъ изъ повозки и бросился прощаться съ ними. Силою усадили меня въ повозку. Слово баринъ осталось для меня навсегда на послѣднемъ рубежѣ родины моей. Съ простымъ именемъ человѣка легче переходить туда,

«Гдѣ каждый человѣкъ другому будетъ равенъ».

Это стихъ Хераскова, а истина вѣковая.

Разсказывалъ я о сердечномъ прощаніи со мною дворовыхъ товарищей моего дѣтства, но они тамъ весьма вредны, гдѣ барское и сіятельное чванство столпляетъ ихъ около несмысленныхъ барченковъ, которые, слыша непрестанныя величанья, растутъ вмѣстѣ съ барскою и сіятельною спѣсью.

Видъ Петербурга нисколько не поразилъ меня. Огромныя зда-

нія были для меня груды камней. Сердце мое было на родинѣ. Часто снились мнѣ холмы, рощи и садъ, и очаровательное село Третьяково. Часто казалось мнѣ, что я гуляю по берегу озера и слышу разливы пѣсни вечерняго соловья въ кустахъ. Часто также просыпался я со слезами.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, отецъ представилъ насъ въ корпусъ. Насъ принимали какъ спартанскихъ отроковъ; раздѣвали, заставляли бѣгать и прыгать. Мы выдержали всю эту гимнастику. Старшій братъ нашъ Егоръ былъ уже во второмъ возрастѣ. Мы встрѣтились съ нимъ какъ съ чужимъ. И немудрено: привычка сердечная — дѣло золотое, а этой связи не было между нами. Онъ жилъ не долго и умеръ отъ чахотки. Не описываю послѣдней моей разлуки съ отцомъ. Грустенъ, печаленъ былъ тотъ вечеръ, когда пришлось разставаться съ домашнимъ платьемъ, съ домашнею рубашкою; въ первую ночь я не надѣлъ казенной рубашки; я снялъ съ груди благословеніе матери, осторожно прицѣпилъ его надъ изголовьемъ такъ, чтобы оно не прикоснулось къ стѣнѣ длинной спальной камеры нашей. Я сдѣлалъ это для того, чтобы оно было подъ домашнею рубашкою, и чтобы на другой день поцѣловать на немъ неостывшее еще прикосновеніе родительское. Я поступилъ въ кадетскій корпусъ въ тотъ самый годъ, когда вышелъ оттуда графъ Бобринскій. Въ бытность его Екатерина нерѣдко посѣщала сіе заведеніе, а графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ еще чаще. Обходясь съ кадетами, какъ съ дѣтьми своими, они отвѣдывали ихъ пищу и брали съ собою кадетскій хлѣбъ, говоря, что очень, очень хорошъ: и это сущая правда. Когда императрица прекратила посѣщенія свои въ корпусъ, тогда по воскреснымъ днямъ, зимою, человѣкъ по двадцати малолѣтнихъ кадетъ привозили во дворецъ для различныхъ игръ съ ея внуками, между прочимъ въ веревочку. На этихъ играхъ не видно было Екатерины, царицы полсвѣта; въ лицѣ ея представлялась только нѣжная мать, веселящаяся весельемъ дѣтей своихъ. Въ тотъ вечеръ, когда довелось мнѣ быть на играхъ, у шестилѣтняго товарища моего, Фирсова спустился въ игрѣ въ веревочки чулокъ и упала подвязка. Императрица посадила его къ себѣ на колѣни, подвязала чулокъ и поцѣловала Фирсова. Отпуская насъ въ корпусъ, Екатерина раздавала намъ по фунту конфектъ и говорила: «Дѣлитесь, дѣти, дѣлитесь съ товарищами своими! Я спрошу у нихъ, когда они ко мнѣ пріѣдутъ, подѣлились ли вы съ ними».

Наканунѣ отъѣзда своего изъ Петербурга отецъ мой представленъ былъ императрицѣ милостивцемъ своимъ Л. А. Нарышкинымъ. За нимъ несли огромный поднос съ домашними коврижками и нѣсколько бутылокъ липца. — «Примите, всемилостивѣйшая госуда-

рыня», — сказалъ отецъ мой, — «примите нашу сельскую хлѣбъ-соль. Я подношу вамъ тѣ коврижки, которыя вы изволили у насъ кушать, и липецъ, въ напоминаніе вашего посѣщенія названный мною царскимъ липцомъ. Каждый разъ когда съѣзжаются ко мнѣ родные и гости, мы пьемъ этотъ липецъ и восклицаемъ въ радости душевной: «Да здравствуетъ наша императрица, матушка Екатерина Алексѣевна».

Привѣтливо разговаривая съ отцомъ моимъ, императрица спросила:

— Здоровъ ли вашъ старикъ?

— Слава Богу, отвѣчалъ онъ: онъ здоровъ и говоритъ, что съ тѣхъ поръ, когда удостоился лицезрѣнія вашего, у него спало съ плечъ нѣсколько десятковъ лѣтъ.

— Пусть онъ живетъ, примолвила Екатерина, онъ патріархъ Глинокъ, а я люблю времена патріархальныя.

И тутъ же спросила:

— Всѣхъ ли трехъ правнуковъ вашего патріарха ты привезъ съ собою?

— Виноватъ, воскликнулъ мой отецъ, виноватъ, слезы матери выплакали у меня старшаго сына, записаннаго вами въ пажи!

— А развѣ я не мать вамъ? спросила императрица съ ласковою улыбкою.

— Вы, матушка-царица, возразилъ мой отецъ, — вы общая всѣмъ мать!

— Это цѣль моей жизни, отвѣчала Екатерина.

Съ восторгомъ и быстрымъ сердечнымъ порывомъ отецъ мой упалъ на колѣни, облобызалъ десницу у благодушной монархини и воскликнулъ:

— Государыня! Вы общая наша мать и окажите намъ новую милость. Вмѣсто моего сына примите старшаго сына моего брата, названнаго въ честь нашего патріарха Григоріемъ Андреевичемъ!

— Согласна, сказала Екатерина, и тутъ же вручила Льву Александровичу предписаніе о принятіи его въ Пажескій корпусъ.

Когда отецъ мой откланялся, то Левъ Александровичъ Нарышкинъ вышелъ за нимъ и, потрепавъ его по плечу, спросилъ:

— Ну что, Николай Ильичъ, доволенъ ли ты пріемомъ государыни?

— Доволенъ, отвѣчалъ мой отецъ: при ней радъ жить, а ее не переживу. Если не умеръ отъ радости, то умру съ тоски.

И онъ сдержалъ свое слово. Вѣсть о смерти Екатерины свела его въ гробъ.

Домъ кадетскаго корпуса — домъ историческій. Первоначально принадлежалъ онъ князю Александру Даниловичу Меншикову. Послѣ Полтавской битвы, на которой вмѣстѣ съ Петромъ I Меншиковъ рѣшилъ жребій вторженія въ Россію Карла XII, въ 1709 году, онъ устроилъ въ этомъ домѣ церковь. Здѣсь было обрученіе старшей дочери Меншикова Маріи Александровны съ юнымъ Петромъ II, и отсюда былъ Меншиковъ изгнанъ, лишенъ всѣхъ почестей и сосланъ въ дальнюю Сибирь на острова Березовы; но тамъ онъ, такъ сказать, отыскался въ самомъ себѣ — и утрату всѣхъ блесковъ замѣнилъ именемъ человѣка; тамъ, съ топоромъ въ рукахъ, въ крестьянской одеждѣ, забывая славу земную, сооружалъ церковь во имя Божіей Матери; подлѣ этой церкви похоронилъ онъ невѣсту юнаго императора, и самъ сошелъ въ могилу, оплакиваемый оставшимися двумя дѣтьми, для которыхъ онъ былъ послѣднею подпорою въ той Россіи, гдѣ нѣкогда былъ всѣмъ — и умеръ только христіаниномъ. Но онъ сдержалъ свое слово; когда потребовали отъ него знаковъ его почестей и заслугъ, онъ сказалъ: «Я зналъ, что и на это посягнутъ мои гонители, и заранѣе уложилъ ихъ въ ящикъ; возьмите его. Остаюсь съ однимъ крестомъ на груди — и смирюсь подъ нимъ».

Жалѣть ли этихъ честолюбцевъ, которые въ чаду тщеславія не умѣютъ жалѣть ни себя, ни другихъ?

Извѣстно, что графъ Минихъ былъ основателемъ кадетскаго корпуса, при императрицѣ Аннѣ. Казалось, что судьба Меншикова предостерегала его отъ порывовъ властолюбія; но онъ не остерегся и испыталъ ссылку въ той Сибири, гдѣ затмилось столько знаменитостей.

Вначалѣ въ кадетскій корпусъ вступали взрослые юноши, съ познаніями предварительными. Въ числѣ ихъ былъ Румянцевъ-Задунайскій. Извѣстно, что при Аннѣ Іоанновнѣ, въ какомъ-то порывѣ негодованія, онъ удалился въ Пруссію и подъ знаменами Фридриха довершилъ свое военное воспитаніе. Минихъ научилъ русскихъ побѣждать кареями, а Румянцевъ отмѣнилъ рогатки, которыми солдаты наши ограждались для цѣльной стрѣльбы. Но въ жизни его всего достопамятнѣе переписка его съ Екатериною, въ которой Екатерина и Румянцевъ предлагали свои правила къ устраненію оттоманской державы, особенно сильной тогда войскомъ янычарскимъ. Румянцевъ перешелъ за Дунай только съ 13.000 и потому просилъ усилить его полки. Екатерина отвѣчала вслѣдствіе своихъ правилъ, что не можетъ отдѣлить ни одного человѣка отъ сохи до окончанія полевыхъ работъ, почитая первою своею заботою народное продовольствіе. Такой переписки не было ни въ одной изъ европейскихъ лѣтописей. Графъ Панинъ, покорившій Бендеры и на-

несшій послѣдній ударъ Пугачеву, князь Прозоровскій, образователь легкой конницы; Мелиссино, содѣйствовавшій къ побѣдамъ подъ Ларгою и Кагуломъ; графъ Н. И. Панинъ, прославившійся въ царствованіе Екатерины такимъ же подвигомъ, какимъ князь Я. Ѳ. Долгорукій прославился при Петрѣ I, и на поприщѣ государственномъ неутомимо наблюдавшій пользу народную—всѣ они вышли изъ кадетскаго корпуса. Тутъ же учрежденъ былъ первый русскій театръ. Трагедія Хоревъ, сочиненная кадетомъ Сумароковымъ, разыграна была товарищами его въ корпусѣ, а потомъ во дворцѣ императрицы Елисаветы. Въ то же время учреждалось между кадетами первое общество любителей русской словесности. Предсѣдателями его были Сумароковъ и Херасковъ. Портреты ихъ и теперь находятся въ кадетской залѣ. Суворовъ два свои разговора въ царствѣ мертвыхъ (Кортеца съ Монтезумою и Александра съ Эростратомъ) читалъ въ кадетскомъ обществѣ любителей россійской словесности, о чемъ я слышалъ отъ самого Хераскова. Постояннымъ попечителемъ кадетскаго корпуса при другихъ начальникахъ былъ И. И. Бецкій.

Въ нашемъ энциклопедическомъ словарѣ помѣстили какую-то загадочную родословную Бецкаго; смѣшно чваниться родомъ и вѣковыми грамотами съ заслугами и безъ заслугъ. Нашъ холмогорскій рыбакъ-поэтъ сказалъ:

Кто родомъ хвалится, тотъ хвалится чужимъ.

Бецкій ничѣмъ и не хвалился; въ чинахъ и блестящихъ почестяхъ онъ вполнѣ былъ человѣкомъ, и скромное поприще жизни своей означалъ дѣлами полезными человѣчеству; но и онъ не избѣгнулъ укоризны. Легкомысленные его современники, не постигая цѣли учрежденій, говорили: И. И. Бецкій—человѣкъ нѣмецкій; въ заведеніяхъ его и тѣни не было нѣмецкаго. Въ основаніи воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, или Смольнаго монастыря онъ руководствовался заведеніями г-жи Ментенонъ; а въ новомъ уставѣ преобразованнаго кадетскаго корпуса помѣстили правило изъ Эмиля Ж. Ж. Руссо. Но вотъ что заставило Бецкаго учредить воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ въ томъ Смольномъ монастырѣ, откуда вышла Елисавета съ крестомъ въ рукахъ, въ темную осеннюю ночь и заняла престолъ отца своего: безпечная разсѣянность тогдашняго большаго свѣта, гдѣ всѣ сходили съ ума отъ французскаго воспитанія (хотя воспитанія не было и во Франціи).

Въ столицахъ нашихъ бытъ русскій вовсе отжилъ; въ городахъ было уродливое смѣшеніе стараго съ новымъ. Отцы и матери, затопленные модами и рысканьемъ въ каретахъ, оставляли дочерей на произволъ мадамовъ, Богъ знаетъ, гдѣ завербованныхъ. Вотъ

въ какихъ обстоятельствахъ Бецкій, съ согласія Екатерины, ввелъ въ стѣны Смольнаго монастыря 100 дѣвицъ и поручилъ ихъ г-жѣ Лафонъ, отличавшейся умомъ и нравственными качествами. Эта опытная наставница руководствовала юныхъ питомицъ своихъ по правиламъ Фенелона, изложеннымъ въ прекрасномъ сочиненіи: О воспитаніи дѣвицъ. Съ невинною душою, съ просвѣщенными понятіями, обогащенныя познаніями пріятныхъ изящныхъ искусствъ, юныя россіянки вышли изъ колыбели своего воспитанія и показались наивными и несмысленными младенцами; и о Бецкомъ разошлась молва, что онъ «выпустилъ сто куръ, монастырскихъ дуръ». Но кто былъ несмысленнѣе — онъ, или тѣ молодыя Чванкины, Жеманихи и устарѣлыя прелестницы, которыхъ секретарь Бецкаго, поэтъ Я. Б. Княжнинъ, осмѣивалъ и на театрѣ, и въ посланіяхъ къ Екатеринѣ? Изъ множества примѣровъ, какая несообразность была тогда между воспитаніемъ и понятіями матерей и дочерей, разскажу здѣсь одинъ: одна мать везла дочь свою, только-что выпущенную изъ монастыря, представить знатной своей покровительницѣ и дорогою напѣвала ей: «Она дурная и злая женщина; но тебѣ должно къ ней приласкаться». Еще не кончилось это поученіе, когда карета остановилась у крыльца, и мать, торопливо вошедъ къ своей покровительницѣ, пустилась величать ее всѣми льстивыми именами, а монастырка, остановясь у дверей, вскричала: «Ахъ, маменька! какъ же вы ее теперь такъ хвалите, а вы такъ ее бранили дорогою!» И сколько было такихъ обмолвокъ, и не удивительно: въ монастырѣ между свѣта и ими была китайская стѣна, и юныя питомки жили мечтами и воображеніемъ.

Насмѣшки бѣсятъ мелкую спѣсь. Бецкій пропускалъ ихъ мимо ушей. Онъ служилъ добру. Въ почестяхъ и чинахъ онъ былъ силенъ на одно добро. При Минихѣ поступали въ корпусъ взрослые юноши. Бецкій, какъ будто по степенямъ новой жизни, раздѣлилъ корпусъ на 5 возрастовъ. Каждый возрастъ состоялъ изъ 5 отдѣленій, заключавшихъ въ себѣ по 20 дворянъ и 5 гимназистовъ, изъ мѣщанскихъ дѣтей; первыхъ приготовляли къ военной службѣ, а послѣднихъ къ званію учителей, но въ воспитаніи ихъ не было никакого различія. Кто болѣе успѣвалъ въ нравственности и наукахъ, тотъ и получалъ пальмы наградъ. Сынъ мѣщанина шелъ на-ряду съ графами и князьями и по достоинству нерѣдко былъ впереди ихъ. Сближая сословія въ общемъ воспитаніи, Бецкій желалъ, такъ сказать, породнить ихъ навсегда; но это была утопія. Богатство, чины и почетность раздѣляетъ все въ свѣтѣ, и на это сердиться нечего; такъ все размѣщаютъ или должности, или обстоятельства. Каждому возрасту назначался трехгодичный срокъ. Въ первый по-

*

ступали малолѣтніе и постепенно доходили до 5-го. Первый находился подъ надзоромъ дамъ или надзирательницъ, второй — подъ наблюденіемъ гувернеровъ; а у трехъ послѣднихъ были военные начальники. И Бецкій умѣлъ выбирать надзирательницъ, или, лучше сказать, матерей малолѣтнимъ питомцамъ. Онѣ сохраняли здоровье пяти и шести-лѣтнимъ питомцамъ. Въ Россіи, въ нашемъ отечествѣ, мы, дѣти, удаленные отъ родины и родныхъ, жили какъ будто на чужой сторонѣ; но сердце вездѣ откликается на голосъ любви, и Бецкій съ колыбели нашего воспитанія призвалъ эту душевную любовь. Воспитаніе юнаго современнаго поколѣнія было владычествующею мыслью Бецкаго. Въ половинѣ октября 1788 г., онъ сказалъ секретарю своему Княжнину:

— Вы, любезный Яковъ Борисовичъ, отказались для меня отъ всѣхъ лестныхъ предложеній А. А. Безбородко; надобно же и мнѣ приготовить вамъ награду къ вашимъ именинамъ.

— Награду, — отвѣчалъ Княжнинъ, — вы обижаете меня; вы знаете мой образъ мыслей и удостовѣрены, что лучшею для себя наградою полагаю то, что вы дѣлаете меня участникомъ въ исполненіи цѣли полезной и благотворной для нашего отечества.

— Мы, — возразилъ Бецкій, — идемъ оба одинакимъ путемъ, а потому я и приготовилъ вамъ награду, соотвѣтственную образу вашихъ мыслей и расположенію вашей души.

Тутъ, взявъ исписанный листъ, онъ подалъ его Княжнину. Яковъ Борисовичъ, пробѣжавъ быстро обѣ страницы, сказалъ:

— Это приглашеніе въ Академію Художествъ всѣхъ родственниковъ воспитанниковъ Академіи.

— То-есть ко дню вашихъ именинъ; но это будетъ не торжественный актъ, а просто семейное собраніе, и вы заготовите наэтотъ случай рѣчь «о достоинствѣ человѣка и о личной славѣ просвѣщеннаго художника»; въ этотъ же день будетъ и выпускъ воспитанниковъ, окончившихъ ученіе въ Академіи.

— Этотъ день, — воскликнулъ Княжнинъ, — будетъ счастливѣйшимъ днемъ во всей моей жизни!

Бецкій подалъ ему руку и поцѣловалъ его.

Рѣчь и посланіе къ воспитанникамъ Академіи первоначально напечатаны были въ Собесѣдникѣ любителей россійской словесности. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ черты: «Часто видимые примѣры свидѣтельствуютъ о томъ, что человѣкъ, хотя и обогащенный дарами природы, но безъ воспитанія лишенный надежнаго путеводства; не шествуя, но, такъ сказать, скитаясь въ пустыняхъ свѣта и не умѣя править собою, падаетъ; и показавъ къ пущему сожалѣнію согражданъ, сколько бы онъ могъ быть полезенъ, увядаетъ, не оставя

по себѣ ничего, или весьма мало плодовъ, которые каждый гражданинъ обязанъ приносить своему отечеству».

А вотъ, что онъ говоритъ въ посланіи своемъ къ воспитанникамъ Академіи Художествъ о личномъ достоинствѣ художника:

Не думайте, чтобы почтеніе обрѣсть,
Нужна бы вамъ была чиновъ степенна честь.
Не занимаяся во вѣкъ о рангахъ споромъ,
Рафаэль не бывалъ коллежскимъ ассесоромъ.
Животворящею онъ кистію одной
Не меньше славенъ былъ, какъ славенъ и герой.

Гдѣ былъ Бецкій, тамъ была и отеческая заботливость и привѣтъ сердечный. Съ какимъ радушіемъ принималъ онъ насъ въ день своихъ именинъ, съ какою лаской самъ угощалъ насъ и съ какою нѣжною внимательностію разспрашивалъ насъ о предметахъ нашего ученія! Бецкій обладалъ глубокими свѣдѣніями въ наукахъ и искусствахъ. Онъ подалъ мысль кисти Лосенко изобразить Екатерину, сожигающею маки на олтарѣ любви къ отечеству, то-есть поставить ее на стражу пользъ ея народа. На такой стражѣ былъ и самъ Бецкій. Мысль его неусыпная о благѣ человѣчества положила основаніе Сиротопитательнаго или Воспитательнаго дома въ Москвѣ.

Въ старинной Руси, въ одномъ только Новгородѣ былъ учрежденъ пріютъ для безродныхъ младенцевъ. Ежегодное стеченіе гостей иноземныхъ изъ восьмидесяти нѣмецкихъ городовъ на берега Волхова и рѣки Великой заносило туда двѣ заразы чумы и своеволіе страстей. Первая, извѣстная подъ названіемъ черной смерти (1352), завезенная изъ Китая съ товарами въ Новгородъ и Псковъ, долетѣла оттуда до Москвы, поражала и князей, и бояръ, и поселянъ. Второе зло было постояннѣе, и предки наши, въ предупрежденіе душегубства, учредили Сиротопитательный домъ въ Новгородѣ. Но въ старинной Москвѣ это пособіе не было нужно. Статья о тогдашнихъ московскихъ приказахъ, помѣщенная Н. И. Новиковымъ въ Древней Вивліоѳикѣ, свидѣтельствуетъ, что въ то время въ нашей столицѣ не было праздношатающихся людей, и что въ быту семейномъ соблюдали чистоту нравовъ. Нашъ свѣтъ стоитъ на торговлѣ; иноземные гости соединены были взаимными выгодами, получая прибыль отъ избытковъ Новгорода, обладавшаго тогда торговлею, до рубежей Сибири, не завоеванной еще Ермакомъ; а Новгородъ богатъ былъ и серебромъ, и золотомъ, и всѣми драгоцѣнностями міра торговаго. Не то было въ новой Москвѣ. Туда залетѣли вдругъ двѣ заразы: моды и толпы слугъ, гайдуковъ, оффиціантовъ, и все это была молодежь, отторгнутая отъ сохи и затолпившаяся въ домахъ расточительной почетности и на улицахъ московскихъ. Мотовство разоряло бытъ сельскій: за Москву страдали села и де-

ревни; а въ Москвѣ часъ отъ часу болѣе умножалось распутство. Что же оставалось дѣлать Бецкому? Онъ не былъ законодателемъ; но онъ зналъ мудрое изреченіе, изображенное и на корпусной нашей стѣнѣ, что вся мудрость человѣческой политики состоитъ въ томъ, чтобы предвидѣть и предупреждать зло. Онъ предвидѣлъ, что отъ мотовства и неугомонныхъ модъ наслѣдственныя имущества будутъ добычею лихоимства, и что своеволіе страстей будетъ доводить до того душегубства, за которое Петръ I, несмотря на усиленныя просьбы супруги своей, подвергъ виновную смертной казни. А потому Бецкій учредилъ Воспитательный домъ на двухъ главныхъ основаніяхъ. Во-первыхъ, чтобы спасать несчастныхъ жертвъ безродныхъ при первомъ воззрѣніи ихъ на свѣтъ. Во-вторыхъ, чтобы пособіемъ ссуднымъ и сохраннымъ сколько возможно предохранить и помѣщиковъ и крестьянъ отъ неизбѣжнаго разоренія. Сколько невинныхъ младенцевъ, отринутыхъ людьми и отданныхъ подъ покровъ Божій! Вотъ и родословная и грамота Бецкаго. 1812-го года горѣла Москва, гибли въ ней отъ голода цѣлыя семейства, а малолѣтнее отдѣленіе Воспитательнаго дома ограждалось и безопасностью, и всѣми привольями жизни. Начальникомъ его былъ тогда отставной полковникъ Тутолминъ. Полагая, что французы зажигаютъ Москву, онъ вооружилъ своихъ людей и сталъ съ ними на стражу Воспитательнаго дома. Узнавъ о томъ, Наполеонъ потребовалъ его къ себѣ. Не зная по-французски, Тутолминъ взялъ съ собою переводчика. На вопросъ Наполеона: «Кто сжегъ Москву?» онъ отвѣчалъ: французы. — «Ошибаетесь» — возразилъ Наполеонъ, «но вы честный и храбрый человѣкъ, васъ никто не потревожитъ, Воспитательный домъ долженъ быть подъ общимъ покровительствомъ человѣчества».

Ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ не славилъ Бецкаго при жизни его. Одинъ только Державинъ звуками лиры своей почтилъ его могилу; а архимандритъ Анастасій въ память его произнесъ умилительное слово въ нашей корпусной церкви; и мы, кадеты, принесли ему въ дань благодарности искреннія слезы наши. Но если когда-нибудь на берегу Москвы рѣки, противъ Воспитательнаго дома, воздвигнутъ памятникъ Бецкому, то лучшею для него надписью послужатъ слова Наполеона: «Воспитательный домъ состоитъ подъ общимъ покровительствомъ человѣчества».

Время быстролетящее, повинуясь Провидѣнію заботливому о жребіи человѣчества, завѣсою съ свѣтлою надписью: свычка, отдѣляетъ скорбныя воспоминанія отъ привязанностей отдаленныхъ. Я говорю свычка, а не привычка. Первая относится къ бытію нравственному, вторая къ бытію вещественному. Когда дикарь американскихъ лѣсовъ равнодушно обходилъ великолѣпные сады версаль-

скіе, вдругъ, увидя родное растеніе, онъ бросился къ нему съ крикомъ, со слезами осыпалъ его поцѣлуями: онъ вспомнилъ, встрѣтя растеніе отчизны своей, и ласки, и привѣтъ, и разговоры милыхъ и друзей; онъ забылъ тогда все, кромѣ тѣхъ, съ кѣмъ жилъ душою и сердцемъ. Но отъ насъ, птенцовъ корпусныхъ, далеки уже были всѣ предметы вещественные, напоминавшіе родину. Бросьте взоръ на различные кружки кадетъ, составленныхъ изъ земляковъ, окликавшихъ другъ друга; тутъ кружокъ смольянъ, тамъ новгородцевъ, украинцевъ, саратовцевъ, сибиряковъ, словомъ, тамъ представлялась вся обширная Россія. Мы дышали новымъ воздухомъ, мы сошлись съ новыми товарищами. Свычка соединила съ ними и мысли, и душу, и сердца наши, она породнила насъ. Начались дѣтскія игры, дѣтское забвеніе прошедшаго, дѣтская безпечность о будущемъ. Мы думали, что вѣкъ свѣкуемъ въ корпусѣ. Рано познакомились мы съ французскимъ языкомъ, но это было дѣйствіемъ любви сердечной. Повторяю и здѣсь, что счастливый выборъ Бецкаго далъ намъ въ надзирательницахъ нашихъ вторыхъ матерей. Безъ книгъ и перьевъ ихъ ласковый голосъ научилъ насъ обыкновенному разговору. Изъ первыхъ рѣчей, запечатлѣнныхъ въ памяти нашей, былъ сердечный привѣтъ Екатеринѣ.

Выше было сказано, что по вечерамъ въ воскресенье отправляемы были изъ младшаго возраста по нѣскольку кадетъ для игръ съ ея внуками. Сверхъ того, въ праздничные дни изъ дворца присылали на каждое отдѣленіе по корзинкѣ конфетъ. Наши надзирательницы одѣляли каждаго изъ насъ по порядку и заставляли выговаривать слѣдующія слова: «Notre tendre mère et notre Auguste Impératrice daigne nous envoyer des bonbons, pour que nous soyons sages et dociles aux bons conseils qu'on nous donne. Nous devons l'aimer et la chérir car elle ne désire que notre bien».

Въ корпусѣ былъ учрежденъ оспенный залъ. Хотя у меня еще дома была сильная оспа, но она не оставила никакихъ слѣдовъ, а потому въ числѣ 80 кадетъ помѣстили туда и меня, тутъ же былъ и десятилѣтній товарищъ мой Головия. По привитіи оспы онъ слегъ. Видя его страданіе, я придвинулъ свою кровать къ его кровати и въ полнотѣ здоровья и усердія ухаживалъ за нимъ; бросалъ игры и игрушки, когда онъ кликалъ меня голосомъ слабымъ и унылымъ. На рукахъ моихъ онъ испускалъ послѣднее дыханіе съ тѣми словами, которыя удивили меня противуположностью своею: «Глинка, сказалъ онъ, ты будешь или великимъ бездѣльникомъ, или великимъ человѣкомъ». Что умирающій товарищъ мой понималъ подъ словомъ великій? Не знаю. Но вскорѣ буду повѣствовать о ребяческихъ моихъ бездѣльничествахъ, а особенной великости за собою до сихъ

поръ не замѣчаю. Но если достоинство человѣка состоитъ въ томъ, чтобы не унижать душу ни раболѣпствомъ, ни ласкательствомъ, ни происками ползуновъ, то отъ этого достоинства и я могу что-нибудь пріурочить къ своему жребію. Будто можно вмѣнять человѣку въ достоинство, что онъ не унижалъ и не оскорблялъ человѣка. Дивлюсь униженію и лицемѣрію, но живо сочувствую всему, что̀ возвышаетъ душу и сердце.

По окончаніи оспеннаго искуса, насъ усадили на школьныя скамьи. Я умѣлъ уже читать и потому попалъ въ 1-й или высшій классъ, гдѣ въ общее и единораспѣвочное чтеніе намъ предложили Всемірную Лакроціеву исторію. И теперь еще помню, какъ учитель нашъ Аѳанасьевъ, небольшой ростомъ, но пылкій къ своему дѣлу, для мѣрнаго распѣва, притопывалъ ногою и прикрикивалъ: «громче, громче!» А потому кому не подъ ладъ мой громкій голосъ, тотъ пусть жалуется на моего корпуснаго учителя Аѳанасьева.

Мы рождаемся не въ золотой вѣкъ Астреи, когда сама природа отъ колыбели до могилы лелѣяла человѣка съ любовью нѣжной матери. Мы рождаемся среди борьбы добродѣтели съ порокомъ. Мы должны жить въ обществѣ, слѣдственно, должны знать, какъ и съ кѣмъ жить въ обществѣ. Итакъ, первая для насъ наука, наука жизни, наука сохраненія того здраваго, яснаго смысла, который называютъ правителемъ міра. То же говоритъ и вѣковая наша пословица. Осторожность есть первая добродѣтель, гласитъ она. Я, старинный кадетъ, мечтатель отжившаго XVIII столѣтія, я едва на западѣ жизни спохватился пораздумать о дѣйствительности жизни: мы жили спустя рукава, не зная, что такое жить.

Я читалъ въ одномъ путешествіи, что въ знойныхъ степяхъ Африки, какъ будто на поверхности океана мелькаютъ острова, помѣщенные роскошною рукой природы. Если страннику доведется достигнуть такого пріюта, жители принимаютъ его привѣтливо, угощаютъ тридцать дней и потомъ убиваютъ; но послѣдній взоръ жертвы по крайней мѣрѣ обращается на красоты природы. А что̀ встрѣчаетъ простодушный жилецъ свѣта, когда грозный опытъ срываетъ съ очей его завѣсу, скрывавшую отъ него міръ козней, пронырствъ и разврата? Говорятъ, что первый шагъ въ свѣтѣ есть шагъ рѣшительный. Но кто дастъ неопытности нить Аріадпину, чтобы не запутаться въ извилистыхъ путяхъ свѣта? Если правда, что нужны для общества слѣдующія качества: вѣжливость безъ двуличія, откровенность безъ угрюмости, снисхожденіе безъ потачливости, вниманіе безъ изысканности,—то можно сказать, что существуютъ и противоположные имъ недостатки: обманъ, двуличіе, лукавство. А изъ этой противоположности выходитъ борьба, борьба ежедневная. Слѣдова-

тельно, должно знать, какъ и съ чѣмъ бороться. А этого мы не знали. Я могъ бы предложить длинную роспись о кадетахъ, изъ которыхъ одни были ограблены плутовствомъ карточнымъ, а другіе, не стерпя пронырливыхъ подысковъ, угасли на зарѣ жизни. Рѣзкая, но правдивая русская рѣчь гласитъ: простота хуже воровства. Хуже, ибо она производитъ то, что неопытнаго выходца въ свѣтъ хитрые понукаютъ, какъ хотятъ, и поворачиваютъ, куда вздумаютъ. Гдѣ общество добродѣтельныхъ гражданъ? Развѣ на островѣ Лоо-Шоо, гдѣ нѣтъ денегъ, гдѣ все даютъ безъ денегъ, и гдѣ, по разсказу мореходца Базиль-Галля, нѣтъ ни холоднаго, ни огнестрѣльнаго оружія? Но гдѣ звонкія и другія погремушки, тамъ и въ большомъ и въ маломъ объемѣ закрадываются плутни.

Сбылось надо мною предсказаніе моего товарища. Не нужно говорить, что у насъ, корпусныхъ питомцевъ, не было никакой недвижимой собственности — но была различная движимость — т. е. перья, бумага, карандаши, краски, книги и проч. Дорого то, кому что мило. Я принялся за слѣдующій торговый промыселъ: сшивъ тетрадь изъ двухъ или трехъ листовъ, я натиралъ страницы мѣломъ и известью, чтобы онѣ казались толще. Смастеря свой товаръ, я кричалъ: кто хочетъ обмѣнять бумагу на тетрадки? Являлись покупщики, и начиналась купля. Повершая обманъ обманомъ, я никогда не давалъ ощупывать мои тетрадки. А кто оспаривалъ, я прибѣгалъ къ той уловкѣ, которая уловляла и боговъ миѳологическихъ—я поддразнивалъ самолюбіе. «Не стыдно ли тебѣ, братъ, говорилъ я, вѣдь ты не слѣпъ и не близорукъ, вѣдь ты уменъ, а не хочешь разобрать, что правда, и что неправда». Хитрилъ, плутовалъ и тонкія поддѣлывая тетрадки, обмѣнивалъ на кучу добросовѣстныхъ листовъ. Накопивъ бумаги, я клеилъ папки, сумки, коробки и пускался въ новый торгъ или грабежъ.

Повторяю еще, что кому мило, то тому и дорого. Ребенокъ плачетъ, кручинится, если сдунутъ его карточный домикъ или окалѣчатъ деревяннаго его коня. Всякое посягательство на чужую собственность—-кража. Лесть выкрадываетъ тайны изъ сердца, лесть выкрадываетъ тайны и изъ кармана. Нынче много пишутъ о производствѣ и воспроизводствѣ промышленности; но чтобы ее производить и распространять, надобно имѣть запасъ и знать, изъ чего что̀ извлекать. Я уже съ вѣрнымъ запасомъ шелъ отъ одной плутни къ другой. Однажды няньки наши распустили молву, пойманную ими на улицѣ, будто-бы скоро ударитъ часъ свѣтопреставленія, и будто-бы чрезъ три дня пойдетъ по небу звѣзда огромная, которая задѣнетъ хвостомъ землю и умчитъ ее съ собою; я не вѣрилъ этому, но умышленно поддерживалъ и усиливалъ молву. «Братцы, говорилъ

я товарищамъ:—бросьте вашу бумагу, перья, карандаши. На что вамъ это все теперь! вѣдь звѣзда все унесетъ». Хитрость моя удалась; товарищи мои все бросали; а я все подбиралъ. Прошли три дня, пролетѣла и молва о свѣтопреставленіи; а у меня и подъ кроватью, и подъ соломеннымъ тюфякомъ сбереглась вымороченная бумага. Товарищи осыпали меня просьбами и укоризнами; но я, подобно Гораціеву герою:

Грохочущимъ громомъ безтрепетно внималъ
И волны ярости ногами попиралъ.

Щеголяя великодушіемъ, я раздавалъ, что хотѣлъ и кому хотѣлъ, и узналъ, что для плутней не нужно большаго ума. Плутъ часовой безсмѣшный, а добродушіе безпечно. Я плутовалъ и слылъ добропорядочнымъ ученикомъ. У насъ, кто попадалъ впросакъ, тотъ оттерпливался, а не жаловался. Къ означенію только, что плутни мои понятны имъ, товарищи назвали меня Багдадскимъ купцомъ. Мы тогда уже ознакомились съ арабскими сказками. Въ Собесѣдникѣ 1783 года, между прочими вопросами, Фонъ-Визинъ предложилъ Екатеринѣ слѣдующій: «отчего у насъ плутъ идетъ на ряду съ честнымъ человѣкомъ?» Екатерина отвѣчала: «отъ того, что первый не уличенъ на судѣ». Меня не только не уличали на судѣ, но въ поведеніи моемъ писали: Conduite irreprochable (поведенія безпорочнаго), это однакоже меня не успокоивало, и совѣсть говорила мнѣ, что я дѣлаю дурно. Есть судъ мимо всѣхъ судовъ человѣческихъ, это судъ совѣсти. Никто мнѣ не грозилъ, но какая-то внутренняя укоризна говорила мнѣ, что я дѣлаю дурно, и я слышалъ также, что Богъ караетъ за дурныя дѣла. Къ отраженію того, я затѣялъ, подобно древнимъ Титанамъ, несмотря на мое ребячество, бороться съ мыслью о существованіи Бога. Не стану объ этомъ распространяться. Часто жалуются, что тотъ или другой развращаютъ насъ. Это вздоръ. Я кощунствовалъ и самъ себя сбивалъ съ толку, пока необычайныя превратности моей жизни не угомонили моей буйной мысли; я самовольничалъ и впослѣдствіи никого за то не упрекалъ. Ребяческое мое кощунство скоро унялось, и вотъ какимъ образомъ.

До поступленія въ корпусъ, мнѣ не случалось никогда слушать оркестра; однажды въ воскресенье былъ я въ кадетской церкви. Кадеты двухъ высшихъ возрастовъ обыкновенно пѣли на клиросахъ съ большимъ искусствомъ и чрезвычайнымъ выраженіемъ. Раздалось «Иже херувимы» Бортнянскаго. Восторгъ необычный объялъ и облетѣлъ, такъ сказать, все существо мое. Слезы градомъ полились изъ глазъ моихъ. Мнѣ казалось, что душа моя переродилась и устреми-

лась выше земли. Сочетавшись сердцемъ съ этою мыслью, я бросилъ свои проказы и промыслы, возвратилъ товарищамъ отнятую у нихъ движимость и сталъ переучивать катехизисъ не памятью, а душою.

Давно сказано, что надо любить дѣтей, чтобы понимать ихъ; сердце угадываетъ ихъ вѣрнѣе, чѣмъ умъ. Этою сердечною догадливостью въ полномъ смыслѣ обладала надзирательница наша г-жа Ноденъ. Вотъ одинъ примѣръ тому. У нея была дочь, которую называли Маделонъ, сверстница наша. Приступая съ нею къ ученію, она наканунѣ заговѣннаго воскресенья пригласила человѣкъ десять питомцевъ своихъ, въ числѣ которыхъ былъ и я. Комната была освѣщена необыкновенно ярко. Занавѣсы оконъ пестрѣли разноцвѣтными гирляндами, на всѣхъ столикахъ горѣли восковыя свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ, на одномъ стояла прозрачная корзина съ конфетами, на другомъ—нѣсколько корзинъ, перевязанныхъ алыми и голубыми лентами. «Дѣти мои, сказала г-жа Ноденъ, — нынѣшнюю ночь слетѣлъ ко мнѣ въ спальню геній, державшій въ одной рукѣ корзину съ конфетами, а въ другой розги. — Если Маделонъ, сказалъ онъ,—будетъ прилежно учиться, то вотъ для нея конфеты, а если станетъ лѣниться — то вотъ розги. Вы мать. Ваша рука будетъ наказывать легко, но стыдно будетъ и ей, и кадетамъ, если станутъ лѣниться и вести себя дурно». Въ этотъ вечеръ наша милая сверстница и сама была ангеломъ невинности. По бѣлоснѣжнымъ ея плечикамъ развивались черныя кудри, щеки горѣли, крупныя слезы блистали на густыхъ рѣсницахъ ея и падали на трепещущую грудь. Она стала передъ матерью на колѣна и сказала: «Я буду, буду учиться»! Г-жа Ноденъ знала, что я лучше другихъ читаю по-русски, и она избрала меня въ наставники русской грамоты для своей дочери, а ей и мнѣ преподавала сама французскую. Общее наше ученіе шло быстро. Мнѣ былъ тогда 8-й годъ; но я самъ придумалъ способъ, какъ скорѣе пріучить ее къ выговору и изображенію буквъ русской азбуки: когда Маделонъ выучивала названіе буквъ, я заставлялъ ее писать ихъ. Это занятіе истребило послѣдніе порывы моихъ торговыхъ шалостей. Однажды пришелъ я къ моей надзирательницѣ давать и брать урокъ. Меделонъ взглянула печально и сказала: «Я слышала, что вы любите обманывать?» Я догадался, что это передано ей няньками; у насъ было правило, чтобы всѣ наши шалости, какія бы онѣ ни были, оканчивались между нами, и мы никогда не забѣгали съ жалобами другъ на друга. Я отвѣчалъ моей ученицѣ, что я обманывалъ, но теперь никогда уже обманывать не буду. Обратясь къ матери, она повторила ей мои слова. Мать отвѣчала: «Онъ прекрасно сдѣлаетъ, если не будетъ обманывать. Обманъ — гнусный порокъ».

Въ малолѣтнемъ возрастѣ насъ пріучали ко всѣмъ воздушнымъ перемѣнамъ и, для укрѣпленія тѣлесныхъ нашихъ силъ, насъ заставляли перепрыгивать чрезъ рвы, взлѣзать и карабкаться на высокіе столбы, прыгать черезъ деревянную лошадь, подниматься на высоты. По выходѣ моемъ изъ корпуса, поступилъ я съ товарищемъ моимъ, Монахтинымъ, въ число адъютантовъ князя Ю. В. Долгорукаго. Однажды въ морозъ генварскій князь взялъ насъ съ собою на садку за Прѣсненскую заставу; всѣ укутались шубами, а мы пустились въ щегольскихъ обтянутыхъ мундирахъ. Видя, что не морозъ насъ, а мы проняли морозъ, князь сказалъ: «Это могутъ вытерпѣть только кадеты да черти!» Укрѣпясь въ дѣтствѣ противъ суровости нашихъ зимъ, я и въ преклонныя мои лѣта никогда не ношу мѣховой одежды. Выправкою танцовальною приготовляли насъ къ выправкѣ фронтовой. Первымъ нашимъ танцовальнымъ учителемъ былъ г. Ноденъ, мужъ моей надзирательницы, г-жи Ноденъ. Ремесло свое онъ почиталъ дѣломъ не вещественнымъ, но дѣломъ высокой нравственности. Ноденъ говорилъ, что вмѣстѣ съ выправкою тѣла выправляется душа, и что рука грацій образуетъ движеніе ревностнаго поклонника Терпсихоры. Это напоминаетъ о Мейранѣ, танцмейстерѣ старинnаго Версальскаго дворца. Въ своихъ Философскихъ основаніяхъ д'Аламбертъ разсказываетъ, что Мейранъ, перенесясь душою въ менуэтъ, называемый ménuet à la Reine, говорилъ: «que de choses dans un ménuet», сколько огня, сколько ума, сколько жизни въ менуэтѣ!

Покойный мой пріятель Москвинъ, воспитанникъ Академіи Художествъ, усовершенствовавшійся въ Парижѣ въ искусствѣ знаменитаго Пигаля, говорилъ мнѣ, что этотъ менуэтъ танцовала тогда королева Марія Антуанета съ графомъ В. П. Кочубеемъ.

IV.

Переходъ во второй возрастъ.—Инспекторъ Фромандье.—Вольтеровъ Задигъ.—Военный инспекторъ Де-Рибасъ.—Причуды Потемкина.—Поэтъ Петровъ.—Письма Бецкаго къ Потемкину.—Отзывъ Княжнина о моихъ запискахъ, веденныхъ въ корпусѣ.—Французское письмо Де-Рибаса Княжнину.—Вниманіе Екатерины къ Де-Рибасу.—Учитель Стратиновичъ.—Мнѣніе его о Гомеровскомъ эпосѣ.—Понятіе о свободѣ.—Мои литературные опыты и отношеніе къ нимъ Стратиновича.—Счастливая память его.—Сужденіе Фромандье о событіяхъ во Франціи.—Экзамены.—Увлеченіе романами.—Смерть Пурпура.—Де-Бальменъ.—Бунтъ кадетъ.—Праздникъ, данный кадетами графу Де-Бальмену.—Графъ Ѳ. Е. Ангальтъ.—Его наружность.—Надпись къ его портрету.—Ссора Ангальта съ Потемкинымъ.—Уваженіе къ Румянцеву.—Любовь Ангальта къ кадетамъ.—Говорящая стѣна.

Время проходитъ,
Время летитъ!
Время проводитъ
Все, что ни льститъ.
Счастье, забавы,
Свѣтлость коронъ,
Пышность и славы—
Все только сонъ.

Сумароковъ

Быстрыми сновидѣніями слетали съ лица земли и съ поприща политическаго мелкія событія и затѣи мелкаго восемнадцатаго столѣтія и быстрыми шагами, какъ привидѣніе невидимое, выступалъ исполинскій разгромъ Франціи.

На многихъ челахъ померкала свѣтлость коронъ, для многихъ пышностей ударялъ часъ роковой, часъ могильный!

Между тѣмъ, хотя я жилъ и не въ Аркадіи, но безпечность аркадская убаюкивала отроческія мои лѣта, и въ то же время и для меня готовился переломъ и переворотъ въ тѣсномъ объемѣ умственной моей области.

А вотъ по какимъ степенямъ шелъ я, такъ сказать, отъ прежняго самого себя къ другому себѣ.

Чудное дѣло! Катехизисъ познакомилъ меня съ тѣмъ Вольтеромъ, который сказалъ, что катехизисъ сближаетъ съ Богомъ дѣтей, а Невтонъ ведетъ къ нему взрослыхъ. Оживляйся, память прошедшаго!

Изъ перваго возраста перешелъ я во второй, гдѣ для лѣтнихъ

игръ былъ обширный дворъ, отдѣленный заборомъ отъ прежняго нашего сада; часто мы подбѣгали къ нему и въ промежутокъ забора смотрѣли на липы, подъ которыми бывало играли и сидѣли; смотрѣли, не пройдетъ ли кто изъ нашихъ надзирательницъ или нянекъ; сердце билось отъ радости, когда взоры наши встрѣчались съ ихъ взорами, и когда намъ удавалось прокричать:

«Здравствуйте, здравствуйте, мы васъ помнимъ, мы васъ любимъ!»

Главный начальникъ втораго возраста и всѣ гувернеры были французы. Кто же въ нихъ вложилъ такое горячее и безкорыстное усердіе къ пользѣ нашей? Выборъ Бецкаго. И тамъ мы встрѣтили новое свидѣтельство о томъ, съ какимъ умнымъ раченіемъ онъ выбиралъ людей для нашего воспитанія. Начну съ нашего инспектора, маіора Фромандье. Онъ былъ человѣкъ умный, ловкій и зоркій въ дѣлахъ жизни. Однажды, когда нашъ іеродіаконъ объяснялъ намъ катехизисъ, онъ принесъ Вольтерова З а д и г а, переведеннаго Смирновымъ. — «Прочитайте, сказалъ онъ іеродіакону, прочитайте имъ главу о пустынникѣ, въ которой Вольтеръ такъ разительно представилъ пути Провидѣнія».

Всѣмъ извѣстно, какъ встрѣтился Задигъ съ пустынникомъ и какъ обязался молча смотрѣть на все, что бы онъ ни дѣлалъ. Въ началѣ ихъ путешествія зашли они въ замокъ богача, гдѣ хозяинъ принялъ ихъ съ гордымъ привѣтомъ, однако на-ряду съ другими и угостилъ ихъ роскошнымъ обѣдомъ. Пустыннику удалось запрятать подъ длинную свою одежду драгоцѣнный сосудъ. Задигъ замѣтилъ это по выходѣ изъ замка и молчалъ. Подъ вечеръ пришли они въ домъ скряги, были приняты грубо и отведены въ какое-то захолустье, гдѣ предложили имъ самый скудный ужинъ. Къ удивленію Задига, пустынникъ подарилъ скупому похищенный сосудъ. Задигъ и тутъ молчалъ. На другой день вечеромъ были они въ сельскомъ домикѣ, гдѣ хозяинъ, посвятившій себя для изученія природы и человѣка, принялъ ихъ радушно и доставилъ имъ всѣ пріятности хорошаго ночлега. На ранней зарѣ, когда всѣ еще спали въ домѣ, пустынникъ зажегъ его и удалился. Задигъ выходилъ изъ терпѣнія, но властительный взглядъ пустынника удерживалъ его порывы. Послѣдній ночлегъ ихъ былъ у вдовы, которая привѣтливо угостила ихъ и, заботясь о дальнѣйшемъ ихъ пути, дала имъ своего племянника въ проводники, чтобы онъ безопаснѣе провелъ ихъ черезъ испорченный мостъ. Едва сдѣлали они нѣсколько шаговъ по мосту, пустынникъ схватилъ юношу за волосы и сильною рукою сбросилъ его въ рѣку. — «Чудовище, извергъ!» вскричалъ Задигъ. — Чудовище, извергъ! воскликнулъ я, вскочивъ съ лавки. — «Не горячись, Глинка, ска-

залъ И. И. Фромандье, не горячись, не умничай, а дослушай повѣсть».

Вотъ сущность и развязка этой повѣсти. «При встрѣчѣ со мною, сказалъ пустынникъ Задигу, ты засталъ меня за чтеніемъ книги и спросилъ о заглавіи ея. Я отвѣчалъ, что это Книга судебъ. Ты любопытствовалъ заглянуть въ нее и, долго перебирая листы, признался, что не понимаешь въ ней ни одной буквы. Вотъ почему потребовалъ я отъ тебя безусловнаго молчанія на все, что бы я ни дѣлалъ. Слушай: богачъ, у котораго я похитилъ драгоцѣнный сосудъ, угощаетъ только для того, чтобы блеснуть своею пышностью. Мой урокъ ускромитъ его; я подарилъ сосудъ скупому, и онъ впредь будетъ гостепріимнѣе, въ ожиданіи какой-нибудь выгоды. Жаль тебѣ было, когда я сжегъ домъ умнаго нашего хозяина, но подъ развалинами его онъ найдетъ кладъ, который дастъ ему средства еще болѣе дѣлать добра людямъ. Ужаснулся ты, когда я сбросилъ съ моста юношу; но знай, что черезъ годъ онъ убилъ бы свою родственницу, а черезъ два года тебя». — «Но кто открылъ тебѣ все это?» спросилъ Задигъ. «Книга судебъ, въ которой ты не понялъ ни одной буквы!» отвѣчалъ пустынникъ; и мало ли чего вы не понимаете, а по легкомыслію своему отваживаетесь порицать пути того Провидѣнія, которое, вопреки вашей безразсудности, вездѣ и всегда заботится о васъ». — «Но кто же сдѣлалъ тебя вѣстникомъ Провидѣнія?» спросилъ Задигъ. Тутъ, вмѣсто престарѣлаго пустынника, увидѣлъ онъ генія съ блестящими крыльями. — «Смиряюсь!» воскликнулъ Задигъ, и геній исчезъ. По окончаніи чтенія Фромандье сказалъ: «Господа, не забывайте никогда нынѣшней повѣсти. Во всемъ и всегда покоряйтесь Провидѣнію. Оно лучше насъ знаетъ, къ чему и куда насъ ведетъ, какой бы ни постигъ васъ жребій. Храните честь, честность и благородство души, и вы будете счастливы внутреннимъ убѣжденіемъ своей совѣсти».

Въ корпусѣ служилъ военнымъ инспекторомъ тотъ Де-Рибасъ, о которомъ Суворовъ говорилъ, что его и Кутузовъ не обманетъ. Какимъ образомъ поступилъ онъ въ числѣ нужныхъ людей подъ знамена князя Таврическаго, объ этомъ будетъ послѣ, а здѣсь упомяну о томъ, что называли причудами Потемкина, и кто объяснитъ мнѣ эту загадку?

Въ прошедшемъ вѣкѣ были два друга. Одинъ занималъ блистательнѣйшую среду въ отечествѣ, а другой жилъ мирнымъ поэтомъ; но сила дружбы уничтожила неравенство жребія. Поэтъ ничего не требовалъ отъ знаменитаго своего друга, ни даровъ, ни почестей; а князь убѣжденъ былъ, что поэтъ дорожитъ одною его душевною взаимностію. Такая дружба была свыше понятій того свѣта, гдѣ

все движется по отношеніямъ или кружится въ вихрѣ разсѣянности. Эти два друга были князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій и поэтъ Василій Петровъ. Съ Петровымъ познакомился я въ 1797 году. Въ это время слава Потемкина промелькнула сномъ мимолетнымъ. Забыли и безкровное присоединеніе Крыма къ Россіи, и волшебный праздникъ, данный имъ Екатеринѣ. Потемкинъ не дѣлалъ никакого духовнаго завѣщанія, но онъ желалъ, чтобы въ Москвѣ на Никитской, гдѣ былъ скромный деревянный домъ отца его, сооружена была церковь.

Наслѣдники, раздѣливъ его огромное имущество, не занялись тогда этимъ дѣломъ [1]) и не упрочили памяти его никакимъ полезнымъ заведеніемъ. И вотъ какого человѣка Державинъ называлъ исполиномъ, хотѣвшимъ возвести Россію на чреду, съ которой древній міръ колебалъ вселенную. Потемкинъ не умиралъ только для дружбы. Петровъ оживлялъ его и лирою своею, и словомъ. Въ первое свиданіе со мною Петровъ мнѣ говорилъ: «И вы, конечно, слышали, что Григорій Александровичъ по какой-то ребяческой прихоти разсылалъ гонцовъ по Россіи, то за калужскимъ тѣстомъ, то за икрою, то за солеными огурцами, и въ Парижъ за модными бездѣлками. У него на посылкахъ были люди умные; на вопросы любопытныхъ, куда и зачѣмъ они ѣдутъ?—они отвѣчали шутками. Князь много читалъ и умѣлъ соображать: но онъ зналъ, что отъ людей свѣдущихъ можно иногда заимствовать въ одинъ часъ то, чего въ цѣлые мѣсяцы не доищешься въ книгахъ; убѣжденъ онъ былъ также, что гордостью ни изъ души, ни изъ мысли ничего не вызовешь. Я изложилъ это въ посланіи моемъ къ Екатеринѣ о русскомъ словѣ. Особенныя его посылки были за тѣми людьми, съ которыми ему нужно посовѣтоваться о томъ или другомъ предметѣ. Приглашая ихъ, онъ писалъ: «Если вамъ досугъ, то обяжите меня своимъ посѣщеніемъ, мнѣ нужно съ вами посовѣтоваться». И при этомъ всегда означалъ, о чемъ надобно ему переговорить. Такимъ образомъ каждому можно было надуматься и приготовиться дорогою для совѣщанія съ княземъ, и каждый возвращался домой очарованный его разговоромъ и съ какимъ-нибудь подаркомъ на память свиданія. Вотъ отчего удивлялись разнообразнымъ и основательнымъ свѣдѣніямъ Потемкина» [2]). Говорили, что онъ презиралъ людей. Неправда, у него была любимая поговорка: люди—все, а деньги—соръ. Обра-

---

[1]) Завѣщанный храмъ оконченъ былъ послѣ 1812 года.

[2]) Смотри объ этомъ въ запискахъ Михаила Огинскаго и въ моемъ „Русскомъ чтеніи“.

щаюсь къ Де-Рибасу. Онъ былъ отправленъ съ письмомъ, въ которомъ Бецкій приглашалъ Потемкина въ почетные члены Воспитательнаго дома.

Въ отвѣтахъ своихъ Бецкому князь Таврическій между прочимъ писалъ: «Благодарю васъ за сдѣланную мнѣ честь; но вы, можетъ быть, и посѣтуете на меня за то, что я отнялъ у васъ Де-Рибаса. Онъ нуженъ здѣсь для общаго дѣла и для меня». Длинное письмо Бецкаго къ Потемкину сочинено было Княжнинымъ, и его можно назвать отчетливымъ историческимъ очеркомъ всѣхъ учрежденій Воспитательнаго дома. А вотъ какъ оно досталось мнѣ.

Еще въ бытность мою въ корпусѣ ученическимъ перомъ чертилъ я свои записки. Яковъ Борисовичъ Княжнинъ читалъ мою рукопись. Не знаю, что ему въ ней понравилось и что показалось смѣлымъ, но сказалъ мнѣ: «По замашкѣ вашей мысли вижу, что вы охотникъ до наблюденій. Это хорошо. Воспоминаніе запасъ для старости». Въ первый приходъ къ намъ онъ подарилъ списокъ своего письма, который помѣстилъ я заглавною статьею въ IV-й части моихъ Русскихъ анекдотовъ. Тогда же получилъ я отъ него и списокъ французскаго письма къ нему Де-Рибаса. Оно было вписано у меня вмѣстѣ съ другими статьями въ особенной книжкѣ и затерялось въ 1812 году. Сколько помню, вотъ главныя его черты: «Вы спрашиваете меня, любезный Яковъ Борисовичъ, о теперешней моей жизни. Я переселился въ міръ труда и работы [1]). Баловни вашего большаго свѣта здѣсь замучились бы отъ скуки. Въ Петербургѣ увѣряли, что князь Потемкинъ убиваетъ здѣсь время въ праздности и роскоши; и онъ иногда по цѣлымъ днямъ лежитъ полураздѣтый на диванѣ, грызетъ ногти и думаетъ.—Если у васъ кто-нибудь спроситъ: что дѣлаетъ князь? отвѣчайте просто: онъ думаетъ. Но здѣсь по его мысли все исполняется, и она передаетъ ему все, что дѣлается на Кавказѣ, въ Константинополѣ и въ Парижѣ. Недавно какъ-то до него дошла вѣсть, что во Франціи, несмотря на мирное время, снаряжаютъ новый конный полкъ. Онъ тотчасъ писалъ туда къ нашему посольству, чтобы его извѣстили о причинѣ этого. У него, кажется, на перечетѣ всѣ ряды войскъ европейскихъ. Слышалъ я также въ Петербургѣ, что здѣсь у Потемкина всѣмъ распоряжаютъ Поповъ и Фалѣевъ; это пустая молва. Здѣсь нѣтъ проволочекъ, которыя убиваютъ дѣла и людей» [2]).

«Князь думаетъ за Попова, и онъ свободно можетъ играть въ карты. Однажды Потемкинъ замѣтилъ какое-то утомленіе въ лицѣ и сказалъ: ты вѣрно всю ночь на-пролетъ проигралъ въ карты. Береги

[1]) Dans le monde du travail.

[2]) Il n'y a point ici de délaie qui tuent les affaires et les hommes.

свои глаза. Когда я умру, ты закупоришься въ деревнѣ и будешь отъ скуки всматриваться въ звѣзды небесныя [1]). Несправедливо судятъ и о Фалѣевѣ: онъ не только занимается виннымъ откупомъ въ новомъ краю, но и съ чрезвычайною расторопностью содѣйствуетъ къ безостановочному продовольствію войскъ. Съ чрезвычайнымъ также здравымъ смысломъ говорилъ онъ о пользѣ, которую бы пріобрѣла общая наша промышленность, еслибы уничтожены были днѣпровскіе пороги, и онъ объ этомъ такъ умно и краснорѣчиво разсуждаетъ, что кажется, будто ихъ уже и нѣтъ. Говорили и обо мнѣ, что я хитрецъ, и Суворовъ, не знаю изъ-за чего, писалъ ко мнѣ: «Вы ищете совершенства; но вы не найдете его ни въ себѣ и ни въ комъ другомъ». Суворова видно напугала настойчивость моя въ поручаемой мнѣ работѣ. Но я стыдился бы потерять и одну минуту безполезно. Мое первое желаніе быть во всемъ достойнымъ вниманія князя. Довѣренность къ его уму и славѣ здѣсь всѣхъ одушевляетъ, за то и о немъ можно сказать, что онъ бы самъ все дѣлалъ, но онъ любитъ дѣлиться своею славою, и въ подвигахъ другихъ утѣшается уступкою своей славы».

Вскорѣ послѣ отъѣзда Де-Рибаса къ Потемкину, Екатерина посѣтила Бецкаго. Замѣтивъ необыкновенную суетливость въ той половинѣ дома, гдѣ жило семейство Де-Рибаса, она спросила: все ли у васъ здорово? И услышала, что поѣхали за повивальною бабкою; она поспѣшила въ спальню жены Де-Рибаса и прислуживала ей до пріѣзда бабки. Узнавъ объ этомъ, Де-Рибасъ писалъ къ императрицѣ: «Какъ не посвятить всѣ дни свои службѣ Вашей и какъ не желать жертвовать жизнію за Васъ и за отечество, видя такую безпредѣльную заботливость Вашу о нашихъ семействахъ». Екатерина отвѣчала: «Мое первое удовольствіе дѣлать всегда и при всякомъ случаѣ добро всѣмъ и каждому. Радуетъ меня похвальный объ васъ отзывъ князя Григорія Александровича, и я была на крестинахъ въ семействѣ вашемъ».

Былъ у насъ учителемъ французскаго языка Д. Х. Стратиновичъ; онъ перешелъ въ нашъ корпусъ изъ Шклова. Стратиновичъ вышелъ въ отставку маіоромъ; гдѣ и какъ онъ служилъ, объ этомъ мы не справлялись. Но онъ сказывалъ, что былъ въ Римѣ при томъ посольствѣ, которое, представляясь папѣ, отказалось снять сапоги. Не знаю, почему онъ особенно былъ со мною разговорчивъ. «Къ фран-

[1]) И это сбылось. Во время отставки, живя въ помѣстьѣ своемъ Рѣшетиловкѣ, Поповъ занимался астрономическими наблюденіями. Я узналъ это 1805-го года, въ бытность мою въ Украйнѣ, отъ Х....ва, съ дѣтьми котораго я занимался русскою словесностью, и мы посвятили Попову переводъ рѣчи Бюффона о природѣ.

цузской словесности, говорилъ онъ, пристрастился я, читая курсъ Баттё». Но сколько перемѣнилось у насъ этихъ курсовъ? Тогда и въ Московскомъ университетѣ Баттё былъ законодателемъ словесности; а теперь никто его и не читаетъ. А вотъ что Стратиновичъ говорилъ о своемъ природномъ греческомъ языкѣ.

Читая со мною переводъ Кострова Гомеровой Иліады, онъ одобрялъ нѣкоторые стихи; но, прибавлялъ онъ, — душа Гомеровой поэзіи для насъ исчезла; ее можно уподобить картинамъ Рафаэля и другихъ великихъ живописцевъ, съ которыхъ время стерло или истребило всѣ оттѣнки очаровательной кисти, оставя одинъ только абрисъ. Древніе греки чрезвычайно были щекотливы въ выговорѣ своего языка. Извѣстно, какимъ остроумнымъ перомъ Аристофанъ изобразилъ нравы своего вѣка. Но когда онъ, по пріѣздѣ въ Аѳины, покупалъ у торговки зелень для своего стола, она сказала ему: «Чужеземецъ, давно ли ты въ Аѳинахъ?»

Зная, что я кропаю стихи, Стратиновичъ совѣтовалъ мнѣ вытверживать на память стихи различнаго размѣра изъ нашихъ поэтовъ. Но минувшій вѣкъ какъ будто увлекъ съ собою все тогдашнее стихотворство. Если по нынѣшнимъ требованіямъ уничтожить въ нашихъ стихотвореніяхъ усѣченные слоги, то что изъ нихъ останется? Впрочемъ, поэзія перешла теперь въ непоколебимую положительность, гдѣ однако она еще скитается въ потемкахъ и не находитъ осѣдлости. У Д. Х. Стратиновича было свое понятіе о свободѣ: «Прибейте на улицѣ кусокъ золота, говорилъ онъ, и если тотъ прохожій, который явственно его увидитъ, не захочетъ оторвать его — онъ вполнѣ свободенъ. Я согласенъ съ Ж. Ж. Руссо, прибавлялъ Стратиновичъ, что прихотливыя страсти всегда будутъ одолѣвать буквы и слова законоучрежденій». Одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ грековъ полагалъ, что гражданскія общества учреждаются тамъ, гдѣ воспитываютъ всѣхъ одинаково, гдѣ уравниваютъ страсти, гдѣ законъ поощряетъ добродѣтель и правосудіе, и гдѣ богатые не призираютъ бѣдныхъ.

По смерти графа Ангальта, Стратиновичъ оставилъ кадетскій корпусъ и былъ при Павлѣ I-мъ въ числѣ цензоровъ въ Москвѣ; но, переставъ быть моимъ учителемъ, онъ все еще былъ наставникомъ. Строго пересматривая и наблюдая мои рукописи и не принимая отъ меня никакихъ переводныхъ романовъ, онъ одобрилъ одни только стихи къ Хандошкину, при которыхъ былъ въ прозѣ очеркъ древней и новой лирической поэзіи. Это былъ первый мой опытъ, напечатанный въ Москвѣ. Однимъ только опытамъ Монтеня посчастливилось въ полной жизни переходить изъ вѣка въ вѣкъ. Во время своего цензорства Стратиновичъ жилъ у друга моего А. А. Тучкова,

гдѣ я былъ почти каждое утро и всегда заставалъ Стратиновича за чтеніемъ Вивліоѳики Новикова. Чего онъ тамъ доискивался, не могу сказать. Памятью своею онъ удивлялъ и англичанъ. 1805-го г. за обѣдомъ у англійскаго посланника зашелъ разговоръ о какомъ-то древнемъ законѣ; посланникъ признался, что не припомнитъ, когда и кѣмъ онъ былъ изданъ. Тутъ случился Броневскій, который въ Петербургскомъ зрителѣ Крылова печаталъ остроумныя статьи о русскомъ театрѣ, и онъ отвѣчалъ, что русскій его пріятель доставитъ свѣдѣніе объ этомъ законѣ. Посолъ и гости его удивились; и Броневскій написалъ къ Стратиновичу записку, чтобы онъ сообщилъ, гдѣ находится такой-то законъ. Отвѣтъ немедленно былъ съ показаніемъ изданія и статьи. Знаніе древнихъ и нѣсколькихъ новыхъ языковъ тогда еще удивляло; теперь это дѣло обыкновенное.

Быстро промелькнули для меня три года въ первомъ возрастѣ; счастливая звѣзда блеснула надо мною и во второмъ: любовь и вниманіе встрѣтилъ я въ надзирателѣ нашемъ Леблапѣ. Но объ немъ поговорю далѣе, а здѣсь припомню, что когда вышелъ въ свѣтъ отчетъ Неккера о доходахъ Франціи, то Петръ Петровичъ Фромандье, показывая мнѣ эту книгу, сказалъ: во Франціи будетъ нѣчто необычайное. Въ ней, дѣйствительно, приближался политическій переломъ; насталъ переломъ и въ бытіи души моей.

При торжественныхъ нашихъ экзаменахъ присутствовалъ и старшій внукъ Екатерины. Готовясь къ одному изъ нихъ, самъ тогдашній архимандритъ корпусный предоставилъ мнѣ спрашивать о Богопознаніи естественномъ. Учительскій подвигъ мой увѣнчался успѣхомъ: я не только не робѣлъ, но заранѣе условился съ товарищами вмѣстѣ съ вопросами соединять и отвѣты, и чтобы они только внимательно вслушивались.

Уловка моя вполнѣ удалась. Кончился экзаменъ; наступилъ часъ наградъ. Совѣтъ корпусный за отличіе въ катехизисѣ, что присудилъ мнѣ въ подарокъ! Выслушайте: 1762 г., когда еще не было меня на свѣтѣ, Харламовъ, на бѣду будущей моей жизни, перевелъ Житіе Клевеланда, побочнаго сына Кромвеля. Переводъ нестерпимъ; но десятилѣтній ребенокъ думаетъ ли о слогѣ? Давно сказано, что первая попавшаяся въ руки книга, въ которую закралась любовь, покажется лучшею книгою. Но въ Клевеландѣ не любовь, а бѣшенство любви; и эта изступленная страсть изъ бурнаго сердца Прево, сочинителя романа, вырывалась кипящею лавою въ юное мое сердце.

По совѣсти говорю, что начальники наши были очень доброжелательны. Какъ же судить о такой опрометчивой несообразности? Вмѣсто отвѣта приведу разсказъ о томъ, что и очень смышленые

люди попадають въ просакъ отъ неспохватливости въ соображеніяхъ.

Однажды кавалеръ Фогаръ, объяснитель Полибія, слишкомъ расхвастался, будто бы онъ первый выдумалъ колонны, т. е. столпы или сонмы. Фельдмаршалъ Кейтъ, шутя надъ нимъ, сказалъ:

— Не правда, кавалеръ, не правда, не вы, а Моисей выдумалъ колонны!

Фогаръ не спохватился и отвѣчалъ:

— Я не знаю этого офицера, въ какомъ онъ полку служитъ?

Переводъ Клевеланда печатанъ былъ въ корпусной типографіи. Вѣроятно, переводчикъ не сполна заплатилъ, отъ чего и удержаны были нѣсколько экземпляровъ. Куда же ихъ дѣть? Включить въ списокъ подарковъ и для блеска натиснуть золотые орлы на переплетахъ; а потомъ при торжественной выкличкѣ, сопровождаемой звуками трубъ, подарить романъ Сергѣю Глинкѣ за прилежаніе и благонравіе. И я, вчитавшись въ очаровательные розсказни романа, прежде богатыря нашего вѣка, прежде Наполеона, сроднился съ островомъ Елены, мыслію перелеталъ за океанъ и по вершинѣ скалы Еленской гонялся за Фани, героинею романа, и сердце мое превратилось въ романъ. Я началъ влюбляться въ призраки. Мечты любви сблизили меня съ слезами; горько плакалъ я, когда въ началѣ 3-ей части романа, читалъ и перечитывалъ слѣдующія слова:

«Тутъ пускаюсь въ безпредѣльный океанъ моихъ злоключеній. Начинаю повѣствованіе, при которомъ отъ плача не могу удержаться и которое, конечно, извлечетъ слезы у моихъ читателей». Плакалъ ли переводчикъ при этихъ строкахъ, не знаю; но я плакалъ и рыдалъ. Прощай, классное ученіе, прощайте, карандаши, перья и грифеля!

Мечтательное воображеніе дотого овладѣло мной, что я заливался слезами отъ сказки о Бовѣ Королевичѣ, читая, какимъ образомъ дѣвка-чернавка спасла юнаго королевича отъ козней и злобы его гонителей; я пересталъ учиться.

Узналъ я, что и на зарѣ жизни, и въ лѣта неопытности голосъ правоты вступается въ сердцѣ человѣческомъ за гонимую невинность.

Въ этомъ-то разгромѣ занятій моихъ и въ этомъ бурномъ переворотѣ души моей приспѣло время ученія грамматики. Какъ будто бы дикими звуками отзывались въ слухѣ моемъ склоненія и спряженія. Сердце мое склонялось къ мечтамъ и спрягалось съ мечтами; разливъ моего воображенія часъ отъ часу усиливался.

Въ зимніе вечера, когда вой метели и трескъ морозовъ сгонялъ насъ со двора, кружокъ товарищей усаживался около меня для слушанія сказокъ, собственныхъ моихъ вымысловъ. Услыша призывной

звонокъ къ ужину, я говорилъ: «Ну, братцы, помните, на чемъ я остановился», и на другой вечеръ пускался въ даль небылицъ моихъ.

Распаленному воображенію моему часто мечтались по ночамъ на яву и во снѣ Богъ знаетъ какіе призраки и привидѣнія!

Съ перемѣною души моей, все во мнѣ перемѣнилось. Сказано въ первой части, что я былъ пролаза-рукодѣльникъ и неугомонный торгашъ; мечты угомонили и плутни, и рукодѣлье мое. Я бросилъ и карандаши, и краски, и бумагу, и всѣ классныя наши сокровища; я попралъ ихъ ногами, какъ въ Вольтеровой Ельдорадѣ попирали изумруды, яхонты и все вещественно блестящее, пріурочиваемое славнымъ Линнеемъ къ царству дикой природы. Словомъ, ничто вещественное меня не льстило; крайне также я сталъ небреженъ въ одеждѣ. За плутни прослылъ я Багдадскимъ купцомъ, а за неряшество — разгильдяемъ.

Между тѣмъ, когда разгуливалъ въ лабиринтѣ романтизма, умеръ генералъ Пурпуръ, начальникъ корпуса подъ вѣдѣніемъ Бецкаго; для него семейство его и кадеты были одно. Лицо его было отраженіемъ его кроткой и безмятежной души. Страсти бурныя не бороздили ни чела его, ни ланитъ. Не заглядывая въ пути окольные, онъ открытымъ сердцемъ служилъ Екатеринѣ и дѣйствовалъ по мысли и сердцу Бецкаго. Къ нему можно примѣнить то, что добрый Лафонтенъ сказалъ о смерти мудраго: смерть его была тихимъ вечеромъ дня яснаго.

На мѣсто его поступилъ графъ де-Бальменъ, сановитый и умный. Въ это время въ русскихъ полкахъ военные люди составляли два разряда: одни были приверженцами графа Задунайскаго, а другіе князя Таврическаго. Графъ де-Бальменъ былъ приверженъ къ послѣднему. Одинъ изъ сыновей графа де-Бальменъ былъ впослѣдствіи въ числѣ хранителей [1]) генерала Бонапарта на островѣ св. Елены и женился на дочери англійскаго намѣстника острова. Онъ разсказывалъ мнѣ, что однажды Наполеонъ отправлялъ во Францію запечатанное письмо, въ которомъ просилъ о присылкѣ ему бѣлья. Требовали вскрытія печати; Наполеонъ отвѣчалъ: «Лишусь послѣдней рубашки, но не соглашусь на рабское условіе». Получа тайкомъ локонъ сыновнихъ волосъ, Наполеонъ цѣловалъ его и орошалъ слезами.

При графѣ де-Бальменъ было грозное возстаніе старшихъ кадетъ противъ офицеровъ. Въ то же время геркулесами-забіяками того же старшаго возраста избитъ былъ и изувѣченъ кадетъ Михаилъ Ивановичъ Полетика. Его гнали въ корпусѣ за то, за что Анаксагоръ гонимъ былъ въ Аѳинахъ: его называли философомъ или умозрителемъ. Зависть и сила придираются и въ тѣсномъ объемѣ, и на об-

---

[1]) Секретарей. „Р. В.“, 1866, № 2.

широкомъ театрѣ свѣта. Къ счастію Михаилъ Ивановичъ выздоровѣлъ и служилъ сперва въ канцеляріи графа П. А. Зубова, а потомъ былъ секретаремъ императрицы Маріи Θеодоровны. На пятнадцатомъ году жизни онъ читалъ наизусть почти всего Руссова Емиля.

Графу де-Бальменъ мы, кадеты втораго возраста, давали только одинъ дѣтскій праздникъ. Мы подносили ему и вѣнки, и цвѣты, и прочія изъявленія усердія. Я забылъ свое привѣтствіе, но у меня осталась въ памяти затѣйливая арія, сочиненная нашимъ учителемъ декламаціи Сюрвилемъ и пропѣтая графу младшимъ изъ насъ кадетомъ:

C'est bien fort pour nous,
Mais c'est doux pour vous,
De voir un jeune écolier,
Qui veut se mêler
De faire un couplet
Tout comme en ont fait
Tant de gens d'esprit
Qui n'ont pas tout dit.

Это правда. Всего высказать нельзя. Не могу сказать, почему графъ де-Бальменъ, какъ-будто бы мелькнувъ въ стѣнахъ корпуса, отправился или въ Крымъ, или на Кубань. Преемникомъ чреды его былъ Θедоръ Евстафьевичъ Ангальтъ.

Въ корпусѣ началась новая жизнь. Съ графомъ Ангальтомъ вступилъ въ него и начальникъ, и отецъ, и наставникъ. Онъ одинъ желалъ бы замѣнить всѣхъ, если бы можно было; но зато всѣ шли по слѣдамъ его въ нѣжной заботливости о кадетахъ; дѣла его доказываютъ истину этихъ словъ. Незнаю, принадлежалъ ли онъ къ поколѣнію того Ангальта, который съ властелиномъ обширныхъ странъ европейскихъ и областей заокеанскихъ, съ Карломъ V-мъ, отъ имени князей имперскихъ заключалъ условія: но извѣстно, что онъ былъ родственникомъ Екатерины и ея генералъ-адъютантомъ. Наружность графа Ангальта была: ростъ высокій и стройный, прическа короля прусскаго; зеленый мундиръ съ простыми обшлагами, бѣлыя суконныя панталоны, ботфорты объ одной шпорѣ. А отчего? Оттого, что въ Семилѣтнюю войну, спѣша къ королю, графъ не успѣлъ надѣть другой. «А за это, говорилъ онъ, я самъ наказалъ себя, чтобы помнить, что надобно всегда быть готовымъ на свое дѣло». Кроткая его душа свѣтилась во всѣхъ чертахъ лица его: проглядывалъ въ нихъ и умъ Фридриха II, страстно имъ любимаго.

По катонскому владычеству надъ собой онъ даже не употреблялъ и носоваго платка. Но онъ строгъ былъ только къ себѣ.

Я изобразилъ это въ надписи къ его портрету. Вотъ она:

Какъ нѣжный онъ отецъ
Кадетъ всегда любя,
Былъ Титомъ для другихъ,
Катономъ для себя.

Никогда туманная черта не налегала на лицо его, а я видѣлъ его почти каждый день, а иногда и по два раза. Извѣстно только объ одной его ссорѣ съ княземъ Таврическимъ. Онъ вызвалъ его на поединокъ, а гдѣ? не могу сказать утвердительно. Задунайскій былъ его героемъ, онъ первый передалъ намъ имя его. «Запишите,—говорилъ онъ,—запишите имя графа Румянцева и въ тетрадяхъ вашихъ, и въ памяти, и въ сердцахъ.—Онъ былъ кадетомъ, пусть будетъ онъ Фаросомъ вашимъ на путяхъ военной вашей службы. Фридрихъ II любилъ и уважалъ его, хотя онъ и взялъ Кольбергъ. Герои уважаютъ героевъ». Сердце графа Ангальта всегда жило въ стѣнахъ корпуса, хотя графъ Ангальтъ жилъ за Невою, въ домѣ графа Г. Г. Орлова, тѣмъ только извѣстнаго, что отважился ѣхать въ Москву, гдѣ бродила по стогнамъ городскимъ чумная смерть. Но, несмотря на свистъ бури ноябрьской и напоръ льда отъ Ладоги, онъ спѣшилъ въ корпусъ. Дневальный у Невы говорилъ: «Нельзя». Графъ показываетъ свою генералъ-адъютантскую трость и возражаетъ: «Можно». Настилаютъ доски, и онъ первый переходитъ по зыблющейся поверхности льда. Вотъ онъ уже въ корпусной залѣ кадетской: вотъ онъ и въ торопливомъ кружку кадетъ, и говоритъ: «Дѣти мои, любезныя дѣти! товарищи, любезные товарищи! Ѣду къ вамъ, выхожу изъ кареты, спускаюсь на Неву; меня останавливаютъ, говорятъ: «темно!» Приказываю принесть фонарь; говорятъ: «Ледъ чуть сталъ!» Приказываю настилать доски, и я у васъ, я съ вами. Воетъ вѣтеръ, знобитъ морозъ, но мнѣ не холодно. Любовь все согрѣваетъ, трудъ побѣждается трудомъ. Для васъ мнѣ все легко. Въ мірѣ вещественномъ нѣтъ свѣта безъ тѣни; въ мірѣ нравственномъ наши обязанности—наше солнце; при блескѣ его лучей, мы идемъ съ душою чуждою гордости; а еслибы и встрѣтилась тѣнь, то скромность ее отдалитъ. Одушевляйтесь величіемъ сихъ нравственныхъ обязанностей, знайте ихъ, понимайте; выражайте ихъ дѣлами, сердцемъ, умомъ. Исполинъ и малютка равны предъ Богомъ. Тигры, хотя и тигры, но хранятъ миръ завѣтный. Обильный источникъ обтекаетъ сердце человѣческое: черпайте изъ него. Предусматривайте, предупреждайте. Слово начинаетъ, примѣръ довершаетъ. Солнце свѣтитъ не для себя, но для вселенной. Все дружбою, все для дружбы и вездѣ дружбою. Заниматься науками и не любить человѣчества все то же, что зажечь свѣчу и зажмуриться. Безумецъ на высокой чредѣ подобенъ человѣку, стоящему на вершинѣ высо-

кой горы. Всѣ кажутся ему оттуда карликами, а онъ самъ карликъ. Чваниться породою предковъ значитъ дорываться плодовъ въ корняхъ, забывъ, что они ростутъ на вѣтвяхъ цвѣтущихъ, а не во мракѣ подземельномъ. Зажигательное стекло воспламеняется огнемъ небеснымъ; добродѣтель и просвѣщеніе — свѣтильники жизни. Убѣдитесь, дѣти мои, въ этой мысли. Добрая воля — душа труда. Не расточайте времени, оно ткань жизни».

«Courage, le coeur à l'ouvrage, courage! Страхъ есть глупость; я люблю русскую поговорку: небось (не бойся). Достоинство, а не порода, не богатство, не степени блистательныя составляютъ человѣка; прахъ, поднимаемый вѣтромъ, все прахъ, а алмазъ и въ пыли не теряетъ цѣны своей. Истинная слава подруга истиннаго достоинства. Товарищи, любезные товарищи! Воспитаніе нѣжная матерь. Оно усѣиваетъ цвѣтами путь ученія. Идите за мною этимъ путемъ. Мнѣ пріятно, мнѣ сладко дѣлиться съ вами мыслію, душою, сердцемъ. Вы въ мысли, вы въ душѣ, вы въ сердцѣ моемъ». Такъ начиналъ и такъ оканчивалъ рѣчи свои графъ Θедоръ Евстафьевичъ Ангальтъ, и это все изображено на корпусной садовой стѣнѣ, названной графомъ говорящею стѣною.

V.

Пріѣздъ отца.—Дѣйствіе времени.—Второе путешествіе Екатерины въ Бѣлоруссію.—Рѣчь С. Ю. Храповицкаго.—Посѣщеніе домашняго училища Екатериною.—П. Я. Повало-Швейковскій.—Его рѣчь 1776 года.—Представленіе его императрицѣ въ 1787 г.—Дѣвица Повало-Швейковская на балу у императрицы.—Представленіе моего отца.—Слова Екатерины о судебныхъ учрежденіяхъ.—Благоденствіе Смоленска.—Жизнь корпусная.—Театръ.—Кадеты-актеры: Чернышъ, Озеровъ, Желѣзниковъ.—Катонъ-Гиппе.—Его смерть.—Петровъ.—Кульневъ.—Величіе древняго Рима.—Генералъ Савъ-Женье.—Увлеченіе древнимъ Римомъ.—Хоры въ честь Екатерины.—Оправданіе графа Ангальта.—Любовь графа къ русскому языку и народу.—Анекдотъ о холостомъ солдатѣ.—Сюрвиль.—Гувернеръ Леблапъ.—Кампейскіе вечера.—„Робинзонъ Крузе“.—„Открытіе Америки“.—Военныя занятія.—Русская исторія.—Леклеркъ.—Левекъ.—Отзывъ Левека о Екатеринѣ и о русскомъ народѣ.

„Радужнымъ лучемъ яснѣетъ жизнь отрока, лелѣемаго заботливымъ руководствомъ отца. Счастливъ сей отрокъ: онъ растетъ и старѣется среди благъ наслѣдственныхъ, подъ родпымъ небосклономъ“.

(Одиссея, пѣснь 1).

Петръ Петровичъ Фромандье, инспекторъ нашъ, позвалъ въ комнаты свои меня и брата моего Николая.

— Вотъ пріѣзжій изъ Смоленска, сказалъ Фромандье, онъ хорошо знакомъ съ батюшкою и матушкою вашею.

Мы спросили, здоровы ли наши родители.

— Здоровы, отвѣчалъ онъ, и прислали вамъ письмо и гостинецъ.

Мы взяли письмо и стали читать. Тутъ ручьи слезъ брызнули изъ глазъ отца нашего, и мы, бросясь въ объятія нашего родителя, плакали и кричали: «Батюшка! батюшка!»

Припомню здѣсь и то, что было тогда въ родномъ моемъ городѣ Смоленскѣ, 1787 года; Екатерина вторично посѣтила его. Князь Таврическій былъ сдѣланъ въ то время главнымъ начальникомъ войскъ и флота. Графъ Румянцевъ возвратился тогда къ войску и какъ будто собственною волею своей, если не подчинился Потемкину, то во всемъ съ нимъ совѣтовался. За эту скромность Державинъ назвалъ его Камилломъ. Вмѣстѣ съ Потемкинымъ возвысилось и дворянство смоленское. Три брата Храповицкіе были главными его членами. Старшій, Платонъ Юрьевичъ, былъ губернаторомъ, Иванъ былъ вице-губернаторомъ, а младшій, полковникъ Степанъ Юрьевичъ, съ которымъ я познакомилъ уже читателей моихъ, былъ совѣстнымъ судьею и привѣтствовалъ императрицу слѣдующею рѣчью: «По духу учрежденій вашихъ о губерніяхъ смоленское дворянство избрало меня въ совѣстные судьи. Вы, всемилостивѣйшая государыня, вы первая изъ царей земныхъ оказали явную довѣренность къ совѣсти человѣческой. Сей подвигъ увѣковѣчитъ имя ваше на трудномъ поприщѣ законодателей народовъ. Но предъ лицомъ вашимъ признаюсь откровенно, что я весьма затруднялся въ началѣ моихъ дѣйствій. По новости необычайнаго вашего узаконенія инымъ казалось, что кто по совѣстному суду признаетъ свой искъ и свое дѣло несправедливымъ, тотъ виновенъ и противъ совѣсти. По возможности разумѣнія моего, я стараюсь убѣдить тяжущихся, что сила вашего узаконенія состоитъ въ томъ, чтобы совѣсть была сама себѣ судьею и, въ случаѣ недоумѣнія, помогла бы собственнымъ своимъ сознаніемъ. Затруднялся я и съ другой стороны. Получа воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ и находясь потомъ въ военной службѣ, я не могъ заняться изученіемъ законовъ, которые также требуютъ вашего правила о совѣстномъ судѣ. При первомъ шагѣ моемъ въ новую должность, я посвятилъ себя сему ученію и чего не могъ сообразить самъ, о томъ всегда совѣтовался съ людьми опытными. Величайшею для себя наградою почитаю то, что предъ лицомъ вашимъ и въ присутствіи всего дворянства могу сказать, что доселѣ никто не жаловался на совѣстный судъ».—«Благодарю васъ, отвѣчала Екатерина, вы поняли мысль мою узаконенія и исполняете его».

Между тѣмъ императрица, узнавъ, что предъ пріѣздомъ ея у совѣстнаго судьи родился сынъ, сама вызвалась быть воспріемницею его отъ купели и сказала губернатору: «Я слышала, что у него домашнее училище для бѣдныхъ дворянъ, и желаю его видѣть. Пусть онъ ѣдетъ къ себѣ; завтра въ двѣнадцатомъ часу буду у него; но

пусть онъ по совѣсти оставитъ все такъ, какъ у него идетъ изо дня въ день, а не дѣлаетъ никакихъ приготовленій. Изъ этого можно что-нибудь заключить, а изъ приготовленій увидишь только, что тебя ждали». Такъ все и было. Отъ купели Екатерина посѣтила учебную комнату. Урокъ былъ русской исторіи изъ Записокъ касательно русской исторіи, сочиненныхъ Екатериною и напечатанныхъ въ Собесѣдникѣ. Она улыбнулась и сказала: «Ну, гдѣ же совѣсть?» Хозяинъ отвѣчалъ: «Вотъ роспись нашимъ учебнымъ днямъ и часамъ». — «Итакъ, это счастливый день для сочинительницы», промолвила Екатерина. Храповицкій представилъ ей тетрадь русской исторіи, гдѣ, сообразно съ ея повѣствованіемъ о каждомъ русскомъ князѣ, прибавлены были подробности о современныхъ имъ чужеземныхъ владѣльцахъ. Екатерина осталась очень довольна и пожелала, чтобы и другіе достаточные помѣщики для пользы бѣдныхъ подражали его примѣру. Не забыла Екатерина и перваго смоленскаго губернскаго предводителя И. Я. Повало-Швейковскаго. Въ 1787 г., онъ былъ уже въ отставкѣ и страдалъ подагрою, почему и не могъ быть при общемъ представленіи дворянъ императрицѣ. Она немедленно спросила о причинѣ его небытности, и когда ей доложили, что онъ слабъ ногами, сказала: «Пусть онъ назначитъ часъ, и пріѣдетъ запросто». Швейковскій назначилъ десять часовъ утра, что̀ и было утверждено императрицею. Ласково усадя своего прежняго оратора, Екатерина угощала его кофеемъ и шоколадомъ. Ввечеру былъ балъ; старшая дочь Ивана Яковлевича танцовала. Л. А. Нарышкинъ подошелъ къ ней и шепнулъ на ухо: «Императрица на васъ смотритъ, императрица вами занимается». Извѣстно, что Левъ Александровичъ былъ острякъ и забавникъ, и слова его часто принимались въ шутку. Это происходило у ломбернаго стола, за которымъ игралъ И. И. Шуваловъ; видя недоумѣніе дѣвицы Швейковской, онъ обратился къ ней и сказалъ: «Это правда, государыня на васъ смотритъ, и вы послѣ танцевъ подойдите къ ней», что̀ и было исполнено, и Екатерина подарила ее ласковымъ привѣтомъ. Былъ праздникъ и отцу моему. Наканунѣ отъѣзда Екатерины изъ Смоленска, Л. А. Нарышкинъ, представилъ ей отца моего, который явился съ сельскою хлѣбомъ-солью.

— Матушка, — сказалъ шутя Нарышкинъ, бывшій капитанъ-исправникъ хочетъ васъ задобрить: вы напечатали въ Собесѣдникѣ, что, несмотря на учрежденіе губерній, просителямъ все еще нужно ѣздить по дѣламъ въ Петербургъ. Онъ это прочиталъ и берется быть стряпчимъ у своихъ бѣдныхъ сосѣдей; отобравъ у нихъ просительныя грамоты, ѣдетъ туда самъ.

— Онъ хорошо дѣлаетъ, — отвѣчала Екатерина, и я благодарю

его. Я установила суды не на вѣчность, а на время [1]). Опытъ и время покажутъ, что надобно отмѣнить. А впрочемъ, дай Богъ болѣе охотниковъ на добрыя дѣла.

Екатерина и судьба лелѣяли тогда Смоленскъ. Отправка хлѣба и пеньки въ Ригу и за море доставляла средства безъ крайняго изнуренія сохи удовлетворять роскоши и людямъ, распространившимъ у насъ прихотливое владычество свое.

Такъ было въ свѣтѣ, а въ корпусѣ все шло своимъ чередомъ. Я сказалъ выше, что въ затворническихъ стѣнахъ его былъ и театръ. Въ немъ явилась Вольтерова трагедія Брутъ. Въ это время наступилъ мнѣ одиннадцатый годъ; я узналъ тогда и скалу Тарпейскую,—дочь измѣнница Тарпея пала подъ грудою золотыхъ щитовъ; и узналъ пресловутую Капитолію, представительницу Рима, провозглашеннаго городомъ вѣчнымъ. Узналъ сенатъ римскій, который показался послу неугомоннаго Пирра сеймомъ царей, словомъ, ознакомился съ лѣтописями римскими и какъ будто переселился въ древній Римъ.

Первыя лица въ трагедіяхъ представляли съ жаромъ, выраженіемъ и душою: Чернышъ, близкій по уму и сердцу графу Безбородкѣ; Владиславъ Александровичъ Озеровъ, переселившій въ память и душу свою театръ Корнеля, Расина и Вольтера, изучившій французскихъ трагиковъ и подражавшій имъ въ Эдипѣ, Поликсенѣ; П. С. Желѣзновъ, переводчикъ Телемака и нѣкоторыхъ произведеній италіанской словесности. Екатерина призвала итальянскихъ виртуозовъ и поручила имъ хоръ придворныхъ пѣвчихъ. Она слышала за это упреки отъ своихъ современниковъ и говорила: «Есть люди, которые упрекаютъ меня въ пристрастіи къ иностраннымъ виртуозамъ. Это неправда. Я выписываю ихъ не для себя, а для тѣхъ, которые влюблены въ итальянскую музыку; они точно также промотались бы на виртуозовъ, какъ сорятъ труды земледѣльцевъ на бездѣлки заграничныя. Природа не даетъ человѣку всѣхъ способностей, она не надѣлила слухъ мой способностью чувствовать очарованіе и прелесть музыки. Можетъ быть отъ того, что это льститъ моему самолюбію, я, какъ сочинительница, люблю въ операхъ моихъ русскіе напѣвы».—Такъ думала Екатерина, но, прочитавъ въ вѣдомостяхъ о чудесномъ дѣйствіи Марсельскаго марша надъ молодымъ французскимъ войскомъ въ битвѣ Жемапской, она приказала полному оркестру играть этотъ маршъ въ Эрмитажномъ театрѣ; чѣмъ болѣе вслушивалась она въ звуки, тѣмъ болѣе измѣнялось ея лицо: глаза ея пылали, она была внѣ себя и вдругъ, махнувъ рукою, вскричала: «полно, полно!» Что тогда волновало ея душу, это осталось тайною.

---

[1]) Извѣстно, что Екатерина дала судамъ сроку на пятьдесятъ лѣтъ.

Екатерина все оживляла, всему давала ходъ. Всѣ наши любители театра корпуснаго отличались счастливыми способностями ума, всѣ они пламенѣли живою чувствительностью и прежде времени сошли съ поприща жизни. Желѣзниковъ умеръ очень молодъ, онъ былъ страстный любитель Расина и Фенелона, Тасса и Петрарки. Черныш былъ въ чужихъ краяхъ, обѣщалъ блистательнаго дипломата, но пылкія страсти увлекли его, и исчезъ въ бурѣ страстей года черезъ четыре по выходѣ изъ корпуса. Озеровъ, вызвавшій на театръ и шотландскаго барда Оссіана и слѣпца Эдипа и героя Донскаго, въ живыхъ какъ будто сошелъ въ могилу или отъ волненія собственнаго воображенія, или отъ стрѣлъ зависти, неразлучной тѣни, слѣдующей за достоинствомъ и дарованіемъ. Чудное воспитаніе! Первый шагъ на поприщѣ дѣятельности общественной былъ первымъ шагомъ къ унынію или гробу. Голосъ добродѣтелей древняго Рима, голосъ Цинциннатовъ и Катоновъ громко откликался въ пылкихъ и юныхъ душахъ кадетъ. Область воображенія не можетъ быть пустынею. Были у насъ свои Катоны, были подражатели доблестей древнихъ грековъ, были свои Филопемены. Былъ у насъ Катонъ-Гине, поступившій изъ кадетъ въ корпусные офицеры и въ учителя математики. Если бы онъ былъ на мѣстѣ Регула, то, вѣроятно, и ему довелось бы проситься изъ стана ратнаго у сената римскаго распахать и обработывать ниву свою. Кромѣ жалованья не было у него ничего; но былъ у него братъ, цѣнимый имъ свыше всѣхъ сокровищъ. Взаимная ихъ любовь какъ будто бы осуществила Кастора и Поллукса. Но это герои баснословные. На поприщѣ исторической любви братской Гине сталъ на ряду съ Катономъ Старшимъ, который на три предложенные ему вопроса: кто лучшій другъ? отвѣчалъ: братъ, братъ и братъ. Братъ нашего Катона-офицера служилъ въ Кронштадтѣ и опасно занемогъ. Вѣсть о болѣзни брата поразила нашего Катона-Гине.

Свирѣпствовали трескучіе крещенскіе морозы. Заливъ крѣпко смирился подъ ледянымъ помостомъ. Саней не на что было нанять, но была душа, двигавшая и ноги, и сердце, и Гине отправился къ брату пѣшкомъ, въ однихъ сапогахъ и даже безъ чулокъ. Можно было взять у кого-либо теплые сапоги или деньги? Но что такое просить? Одолжиться. Древній римлянинъ терпѣлъ, а не просилъ. Съ небольшимъ въ полтора сутокъ Гине перешелъ заливъ, навѣстилъ, обнялъ брата и возвратился въ корпусъ къ назначенному дню дежурства. Хотя и оказались признаки горячки, хотя и уговаривали его отдохнуть и вызывались отдежурить за него, онъ отвѣчалъ: «Не измѣню должности моей». Отдежурилъ и слегъ въ постель, въ бреду жесто-

кой горячки видѣлъ непрестанно брата, говорилъ съ нимъ и съ именемъ его испустилъ послѣднее дыханіе.

Я былъ при погребеніи его, я слышалъ надгробное слово, произнесенное лютеранскимъ пасторомъ. Проповѣдникъ плакалъ, и мы всѣ, кадеты, плакали. Прими, братъ и другъ вѣрный, рано отжившій для корпуса и для добродѣтели, прими отъ меня новую жертву воспоминанія!

Сотоварищемъ Гине былъ Петровъ, находившійся въ числѣ гимназистовъ, которыхъ, какъ уже сказано, готовили въ учителя, не преграждая, однако, и другихъ путей службы. Онъ очень успѣлъ въ языкахъ и страстно любилъ музыку. Часто я съ восхищеніемъ слушалъ русскія пѣсни, оживляемыя смычкомъ его и глубокимъ чувствомъ. Душѣ его нужна была душа; сердце и любовь указали ему подругу въ веснѣ жизни; природа все дала женѣ его: умъ и душа свѣтились въ голубыхъ ея глазахъ; но у ней не было никакого состоянія.

Блаженствуя взаимною любовью, Петровъ еще болѣе занялся уроками, служившими для него единственнымъ средствомъ жизни. Ходьба по городу и непрестанное напряженіе духа повергли его въ тяжкую болѣзнь, а лѣкарства поглотили выработанное трудомъ.

Живымъ мертвецомъ всталъ онъ для новаго горя! Мѣста его заняты были другими учителями. Въ эти невзгодные дни онъ самъ носилъ воду, рубилъ дрова и продажею послѣднихъ книгъ добывалъ насущный хлѣбъ для себя и для жены своей. Горе жизни испытываетъ любовь, и если не убьетъ ее, то дастъ ей новый полетъ. Петровъ отстрадался; лѣтъ десять тому назадъ видѣлъ я его, онъ скромно и благородно продолжалъ почтенное поприще наставника. Не знаю, въ живыхъ ли онъ теперь, но онъ жилъ, онъ любилъ и былъ любимъ.

И герой 12-го года, Кульневъ, шелъ въ корпусѣ по слѣдамъ Фабриція и Эпаминонда. Подобно өивскому Эпаминонду, любилъ онъ мать свою и дѣлился съ нею жалованьемъ и, подобно Филопемену, былъ простъ въ одеждѣ и въ быту общественномъ.

Я коротко ознакомился съ Кульневымъ, когда (какъ увидятъ послѣ) былъ я въ Сумскомъ уѣздѣ учителемъ, а онъ служилъ маіоромъ въ Сумскомъ гусарскомъ полку. Оживляя въ лицѣ своемъ Эпаминонда и Филопемена и породнясь душою съ Фабриціемъ, Кульневъ дорожилъ своею бѣдностью и называлъ ее «величіемъ древняго Рима». Когда сослуживцы его напрашивались къ нему на обѣдъ, онъ говорилъ: «Щи и каша есть, а ложки привозите свои». Плутархъ былъ съ нимъ неразлученъ: съ его Ж и з н я м и в е л и к и х ъ м у ж е й отдыхалъ онъ на скромномъ плащѣ своемъ и съ ними ѣздилъ

въ почтовой повозкѣ, и у нихъ перенялъ то чувство, которое находило величіе въ нуждахъ жизни и бѣдности.

Въ чудесную войну 1812 г. на берегахъ Двины взятъ былъ въ плѣнъ раненый генералъ Сенъ-Женье: Кульневъ собственными руками и собственнымъ бѣльемъ перевязывалъ ему раны. Вскорѣ потомъ палъ Кульневъ на полѣ битвы. Услыша о его смерти, Сенъ-Женье сказалъ:

— Въ полкахъ русскихъ не стало героя и человѣка.

Древній Римъ сталъ и моимъ кумиромъ. Не зналъ я, подъ какимъ живу правленіемъ, но зналъ, что вольность была душою римлянъ. Не вѣдалъ я ничего о состояніи русскихъ крестьянъ, но читалъ, что въ Римѣ и диктаторовъ выбирали отъ сохи и плуга. Не понималъ я различія русскихъ сословій, но зналъ, что имя римскаго гражданина стояло почти на чредѣ полубоговъ. Исполинскій призракъ древняго Рима заслонялъ отъ насъ родную страну—и въ Россіи мы какъ-будто видѣли и знали одну Екатерину.

Въ честь ея мы пѣли хоры не русскіе, а французскіе. Вотъ начало одного изъ сихъ хоровъ:

Aimons, aimons toujours, notre Auguste Souveraine,
Au temple de la gloire elle n'a point point de rivaux и пр.
„Любить, любить всегда императрицу будемъ,
Соперниковъ у ней во храмѣ славы нѣтъ.
Чѣмъ благости, скорѣй себя забудемъ,
Ей удивляются Россія, цѣлый свѣтъ!“

Замѣтятъ, можетъ быть, что графъ Ангальтъ, очаровывая насъ Римомъ и Греціею, отдалялъ отъ отечества. Этого не было. Едва-ли кто изъ иностранцевъ ѣздилъ столько по Россіи, сколько онъ. Тогда русская исторія была у насъ еще въ младенчествѣ; но мы вычитывали исторію о русскомъ народѣ изъ примѣровъ и словъ графа Ангальта. Онъ чрезвычайно любилъ и уважалъ русскій народъ; онъ всегда хвалилъ его умную во всемъ сметливость и отважность духа. У насъ и въ отдѣленіяхъ, и въ классахъ, и въ увеселительной залѣ были сторожами отставные русскіе унтеръ-офицеры и сержанты; мы каждый день видѣли, какъ ласково графъ обращался съ ними. Нерѣдко, пріѣзжая въ корпусъ часу въ пятомъ по утру, онъ заставалъ въ залѣ одного дневальнаго, стараго служиваго, и расхаживалъ съ нимъ рука объ руку, и, хотя съ трудомъ, но усиливался говорить по-русски. Гвардейскіе караулы во дворцѣ всегда радовались его дежурству. Обходя ряды, привѣтливо онъ со всѣми разговаривалъ. Однажды онъ спросилъ у одного рядоваго:

— Женатъ ли ты?

— Холостъ, ваше сіятельство! отвѣчалъ рядовой.

Не понявъ этого слова, графъ прибавилъ:

— А много ли у тебя дѣтей?

— Шесть человѣкъ! сказалъ спохватливый рядовой.

Графъ далъ ему пятьдесятъ рублей. Отыскавъ дома въ словарѣ, что холостъ значитъ неженатый, графъ по пріѣздѣ въ корпусъ говорилъ намъ:

— Любезныя дѣти, я вчера заплатилъ за невѣжество мое 50 рублей, и очень радъ. Старшаго Катона упрекали за то, что онъ на восьмидесятомъ году принялся за греческую азбуку; онъ отвѣчалъ: «Лучше быть старымъ ученикомъ, нежели быть старымъ невѣждою». Я не только не стыжусь быть ученикомъ въ русскомъ языкѣ, но почитаю это ученіе украшеніемъ моей памяти. Укрѣпляйте сколько возможно вашу память: безъ нея слабы всѣ другія способности ума. Вотъ почему древніе называли музъ богинями памяти. Фридрихъ II затверживалъ каждый день по двадцати или по десяти стиховъ. Подражайте его примѣру. Тѣло требуетъ своей пищи, а умъ своей. Огонь гаснетъ, если подъ него чего-нибудь не подложатъ; гаснетъ душа, если мысль дремлетъ въ праздности. Отъ праздности до порока одинъ шагъ. Мнѣ нравятся русскія пословицы: «вѣкъ живи, вѣкъ учись» и «безъ труда, нѣтъ плода». Вы въ корпусѣ учитесь, а вышедъ изъ него доучивайтесь».

Сюрвиль, сочинитель французскихъ хоровъ, былъ и наставникъ нашъ въ декламаціи. Въ Мизантропѣ Мольера, онъ былъ истиннымъ мизантропомъ, но отличался самымъ кроткимъ нравомъ. Авторская неудачная попытка заставила его оставить Францію». Въ молодости моей», — говорилъ онъ, — «сочинилъ я романъ и думалъ, что слава о немъ прошумитъ вездѣ; прихожу однажды къ знакомому моему маркизу N, и что же? вижу, что романъ мой превращенъ въ папильотки! Самолюбіе мое раздражилось, и я уѣхалъ въ Россію». Печаленъ былъ послѣдній годъ жизни умнаго и добраго Сюрвиля. Онъ мучился жестокою простудою въ рукахъ и бѣдностью. Любя Сюрвиля, мы часто навѣщали его и, видя его нужды, спрашивали, для чего онъ не проситъ помощи? Отвѣтъ его всегда былъ одинакій: «Я не протягивалъ для милостыни здоровой руки, не протяну и больной».

Между тѣмъ, Богъ знаетъ, куда бы увлекла меня не историческая, а романтическая моя мечтательность, еслибы не остановилъ меня умный и опытный гувернеръ нашъ Лебланъ. Казалось, что онъ въ одно время жилъ и въ Россіи и во Франціи. Каждую недѣлю исписывалъ онъ по нѣскольку листовъ очень красивымъ почеркомъ и отправлялъ на родину. Но это заочное сношеніе съ заграничными друзьями не отдаляло его сердце отъ кадетъ. Извѣстно, что у входа храма Дельфійскаго была надпись: «Познай самогосебя», а у входа въ

комнату Леблана были написаны на большомъ листѣ крупными буквами стихи Вольтера, начинающіеся слѣдующими словами:

La raison est de l'homme et le guide et l'appui.
Разсудокъ смертному и вождь и подкрѣпленье.

«Ни пылкое воображеніе,—говорилъ Лебланъ,—ни счастливая память ни къ чему не поведутъ, если разсудокъ не управляетъ ими. Воображеніе увлекаетъ въ область мечты, а память, поглощая чужое, обременяетъ умъ, не сопровождаемый соображеніемъ, т. е. свѣтильникомъ разсудка. Цицерону однажды сказали, что одинъ изъ гражданъ римскихъ вытвердилъ наизусть всѣ его рѣчи. Римскій ораторъ равнодушно отвѣчалъ: «Онъ знаетъ, что̀ я знаю, а я хотѣлъ бы занять у него то, чего я не знаю». Это врѣзалось у меня въ памяти, и, какъ увидятъ впослѣдствіи, послужило къ большой пользѣ. Лебланъ не ограничивалъ себя одною французскою словесностью; нѣсколько разъ перечитывалъ онъ исторію Тридцатилѣтней войны— эту живую картину борьбы страстей и мнѣній.

«Во французской словесности не достаетъ книгъ для первоначальнаго воспитанія», —говорилъ онъ. «Германія въ этомъ счастливѣе Франціи: у нея есть Кампе». Въ честь этого друга воспитанія учреждалъ онъ кампейскіе вечера. По буднямъ въ шесть часовъ, послѣ обѣденныхъ нашихъ классовъ, а по праздникамъ въ пять часовъ пополудни призывалъ онъ насъ по нѣскольку человѣкъ въ свою комнату. Я всегда былъ на этихъ незабвенныхъ вечерахъ. Радужнымъ лучемъ сливались они съ зарею моей жизни. Чтеніе Кампе началось его Робинзономъ Крузе, извлеченнымъ изъ Робинзона Давида Фоѐ [1]) и предложеннымъ въ разговорахъ. «Видите ли», говорилъ намъ Лебланъ, «что можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ, употребляющій всѣ силы тѣлесныя и всю дѣятельность разсудка. Природа мертва, человѣкъ ее оживляетъ. Рука Робинзона преобразила островъ, куда занесла его буря. Этого мало. Силою расторопнаго ума онъ исторгъ изъ рукъ дикихъ страдальца, котораго они готовились поглотить. Гдѣ не свѣтитъ лучъ разсудка, тамъ цѣпенѣетъ въ одичалости и природа, и человѣкъ». Это слова моего наставника. Отъ Робинзона перешли мы къ Открытію Америки, также сочиненіе Кампе въ разговорахъ. Мы переносились мыслію за океанъ, по которому летѣлъ Колумбъ къ берегамъ Новаго Свѣта. Летѣли за нимъ и мысли наши. Каждый изъ насъ порывался въ его спутники. Въ глазахъ нашихъ боролся онъ и съ бурями морскими, и съ грозными воплями отчаянныхъ спутниковъ. Мы содрогались, когда Колумбъ обрекъ себя на смерть, если черезъ три дня не увидятъ

[1]) Даніель Дефо (Defoe). Пр. ред.

земли; а когда загремѣлъ радостный кликъ: «берегъ, берегъ!» мы единодушно кликнули: «берегъ, берегъ!» Но и въ книгахъ, и на дѣятельномъ поприщѣ общественномъ радость смѣняетъ горе, а горе слѣдитъ радость. Не миновало это и насъ. Вмѣстѣ съ открытіемъ новаго свѣта, открывался намъ новый міръ борьбы страстей человѣческихъ. Мы, питомцы неопытные, были поражены, когда извергъ Боодило загремѣлъ цѣпями надъ головою отыскателя нашей земной полвселенной. Товарищи мои плакали, а я рыдалъ, увидя на ногахъ Колумба оковы, въ которыя повергли его ненависть, зависть и мщеніе за то, что слава его отразила и уничтожила всѣ предубѣжденія невѣжества. Не порицая порывовъ чувствительности нашей, почтенный Лебланъ говорилъ: «Не смущайтесь, не жалѣйте о Колумбѣ: онъ не промѣняетъ оковъ своихъ на всѣ сокровища древняго и новаго міра; онъ не будетъ выпрашивать никакихъ великолѣпныхъ памятниковъ, онъ прикажетъ только положить съ нимъ въ гробъ свои оковы». Слабо и темно понималъ я тогда, отчего люди гонятъ другъ друга, но и тогда жарко заступался за гонимую невинность и теперь еще дивлюсь, какъ можно жизнь любви мѣнять на геенное пламя ненависти. Мы ознакомились съ Мексиканскою державою, павшею не отъ горсти ратниковъ Кортеца, но отъ ненависти къ мучителю Монтезумѣ. Мы плакали и оплакивали паденіе миролюбивой державы Перуваінской; мы гнушались завоевателями, не щадившими невинности и добродѣтели; въ памяти нашей запечатлѣлось имя Монки, названнаго Капокою, т. е. мужемъ, богатымъ добродѣтелями и душевными способностями; затвердили мы и трудное имя Инки Пакакутеки, или преобразователя міра. Лебланъ прочиталъ намъ нѣкоторыя изъ нравственныхъ правилъ его, сохраненныхъ Герерою и Спипсомъ. Въ числѣ ихъ было слѣдующее: «Зависть червь, который гложетъ и истощаетъ внутренность завистниковъ». Итакъ, прибавилъ наставникъ нашъ: «не сердитесь на злобныя ихъ стрѣлы, казнь въ нихъ самихъ».

Мы знакомились съ Америкою и американцами, а Россія все еще скрывалась отъ насъ въ какомъ-то отдаленномъ туманѣ. Полюбя страстно французскій языкъ (ибо мы и Кампе читали во французскомъ переводѣ), я затѣялъ увѣрять, будто бы родился во Франціи, а не въ Россіи. Впрочемъ, и не грѣхъ было породниться съ Лебланомъ: онъ бралъ жалованье за присмотръ за нами, а душу свою передавалъ по безусловному стремленію благороднаго духа своего и изъ усердія дѣлился съ нами познаніями своими.

Къ классному нашему ученію присоединилось ученіе военное. Изъ насъ, т. е. изъ кадетъ втораго возраста, выбраны были въ егеря. Ловко танцуя, мы легко и забавляясь привыкли къ выправкѣ и вы-

тяжкѣ. Въ это самое время раздана была намъ съ русскимъ переводомъ рѣчь **Объ обязанностяхъ военнаго человѣка**, до насъ еще сочиненная Леклеркомъ, въ которой между прочимъ сказано было: «Сила оружія тогда только защищаетъ отечество, когда оно управляется умомъ». Леклеркъ и Левекъ преподавали нѣкоторое время въ кадетскомъ корпусѣ французскую словесность. Они оба сочинили русскую исторію или, лучше сказать, передѣлывали своимъ слогомъ то, что передавали имъ старозавѣтные галломаны XVIII столѣтія. Я нѣкогда укорялъ ихъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», каюсь въ этомъ грѣхѣ. Левекъ не отъ себя, но ссылаясь на одного изъ нашихъ вельможъ, напечаталъ о Екатеринѣ: «si cette femme vit l'age d'homme, elle entrainera la Russie dans son tombeau!» Странное дѣло, это говорили тѣ самые люди, которые жили жизнію Екатерины. Ни Леклеркъ, ни Левекъ не заглядывали въ русскія лѣтописи, но взглядъ Левека на коренной духъ русскаго народа дѣлаетъ ему честь. Вотъ его слова: «Льстятъ величію, но ни страхъ, ни надежды не привлекаютъ ласкателей къ народамъ. А потому, всѣ какъ будто нарочно сговорились злословить народъ русскій. Личное самолюбіе все относитъ къ себѣ и во всемъ хочетъ видѣть себя. Англичане, итальянцы, нѣмцы, пріѣзжающіе въ Россію, порицаютъ народъ русскій за то, что онъ на нихъ не похожъ. Родясь и старѣясь въ крѣпостномъ состояніи, русскій крестьянинъ, какъ будто бы отчужденный отъ самого себя, кажется безсмысленнымъ; но разсмотрите его внимательнѣе, и вы признаетесь, что онъ и расторопенъ, и понятливъ, а эти два качества ведутъ ко всему».

VI.

Переходъ въ третій возрастъ.—Разлука съ добрымъ Леблапомъ.—Увеселительная зала.—Увлеченіе волшебными сказками.—Экзамены и награды.—Знакомство съ древнимъ міромъ.—Хоры спартанцевъ.—Мои записки.—Библіотека.—Гибельная страсть къ чтенію.—Излѣченіе отъ нея.—Отличная моя память.—Вниманіе ко мнѣ графа Ангальта.—Мое французское сочиненіе. —Потеря счастія. —Отыскиватель философскаго камня. —Корпусный садъ.—Говорящая стѣна.—Ферма.—Бесѣды графа съ дѣтьми. Наставленія его.—Рѣчь Я. Б. Княжнина. - Европейскія событія въ 1789 г.—Мнѣніе Екатерины о французской революціи.— Мѣры, принятыя графомъ Ангальтомъ для ознакомленія кадетъ съ современнымъ политическимъ состояніемъ Европы.—Братья Людовика XVI.—Отзывъ о нихъ графа Ангальта.—Корпусная жизнь въ 1790 г.—Расхищеніе погребовъ.—Корпусные экономы.

«Les seules conquetes durables
Sont celles qu'on fait sur les coeurs».
(Ode de J. B. Rousseau au prince Eugène).
«Побѣда первая—побѣда надъ сердцами».

Въ корпусномъ странствованіи моемъ наступилъ третій переходъ изъ возраста въ возрастъ. Въ первомъ разставался я съ гувернантшею, во второмъ разставался съ гувернеромъ. Тяжелая скорбь налегла на сердце мое при этомъ переходѣ. До-

брый Лебланъ по праву заботливыхъ попеченій своихъ сталъ роднымъ моего сердца и роднымъ моихъ мыслей. Онъ ознакомилъ глаза мои съ новыми понятіями. Говоря словами Ксенофонта: «онъ воздвигъ въ сердцѣ моемъ живой памятникъ любви радушнымъ вниманіемъ своимъ». Побѣды, одерживаемыя любовью, остаются въ душѣ до перелета ея съ земли за все земное.

Побѣда первая—побѣда надъ сердцами.

Подъ знаменемъ этой побѣды идемъ за графомъ Ангальтомъ въ обитель третьяго возраста, въ огромную залу, названную увеселительною залою.

Смотрите! Вотъ у средины задней стѣны величаво возносится мраморный истуканъ Марса, верховнаго божества римлянъ, обладателей древней вселенной. Но не страшитесь его! это не тотъ Марсъ, не тотъ Гомеровъ Арей, который крикомъ своимъ заглушалъ вопли тысячныхъ ратныхъ сонмовъ. Это Марсъ сблизитель сердецъ: по одну сторону читаемъ стихи Фридриха II:

Dans vos moindres soldats croyez voir vos enfants,
Ils aiment leurs pasteurs et non pas leurs tyrans.

По другую сторону его же стихи:

Si vous voulez passer sous un arc triomphal,
Campez en Fabius, marchez en Annibal.

Далѣе отъ истукана Марса стояли бюсты: Александра Македонскаго, Катона Утикскаго и другихъ знаменитыхъ людей, римскихъ и греческихъ. У другой стѣны былъ образецъ Вобановой крѣпости, въ огромномъ ящикѣ съ крышкою. Тутъ проглядывало очень странное сближеніе разнородныхъ вещей. Подъ крышкою были всѣ крѣпостные виды, а на крышкѣ переплета прибиты были для прочности гвоздями около 40 частей Cabinet des fées [1]). Это французское изданіе дышало роскошью очаровательныхъ картинъ. Для чего сближенъ былъ Вобанъ съ волшебницами? Вѣроятно, для приманки.

Романтическое мое воображеніе вцпилось въ волшебныя сказки. Исчезъ и послѣдній слѣдъ классныхъ моихъ тетрадей. Появились у меня кипы бумагъ, исчерченныхъ волшебными вымыслами. Какъ же отдѣлывался я въ классахъ при экзаменахъ математическихъ? А вотъ какъ: на противуположномъ окнѣ образца крѣпости Вобановой пригвожденъ былъ, подобно волшебнымъ сказкамъ, французскій словарь военныхъ наукъ; я обращался къ этому указателю, и услужливая

---

[1]) Кабинетъ волшебницъ.

моя память затверживала то и другое. Намъ преподавали въ четвертомъ возрастѣ военныя науки на французскомъ языкѣ, а потому упомянутый словарь всегда выручалъ меня изъ бѣды. Когда наступалъ срокъ экзамена, спрашивали, на сколько вопросовъ я могу отвѣчать. Убѣжденный въ моемъ невѣжествѣ, я ограничивался всегда самымъ малымъ числомъ. Когда же предлагали вопросы свыше сказаннаго, моя память подсказывала мнѣ, и я, ученикъ безтетрадный, попадалъ въ статью прилежныхъ и получалъ въ награду разноцвѣтные банты и звѣзды. Чего не было и чего не бываетъ на свѣтѣ!

Кромѣ вышепоказанныхъ книгъ, въ залѣ на особомъ столѣ лежала Библія на трехъ языкахъ, поучительныя слова русскихъ проповѣдниковъ и французскій переводъ твореній Василія Великаго; тутъ же были политическія сочиненія Гроція, Бильфельда и другихъ. Каждый изъ кадетъ по своей склонности и понятіямъ находилъ пищу для ума своего; а что я увлекался воображеніемъ, то этотъ порывъ постигъ меня еще до гр. Ангальта и, говоря нынѣшнимъ выраженіемъ, отдалилъ отъ всего «положительнаго».

Трагедія Вольтера ознакомила насъ съ древнимъ Римомъ, а Жизни великихъ мужей Плутарха воскресили въ глазахъ нашихъ дивную Спарту. По приказанію гр. Ангальта иногда по вечерамъ устраивали скамейки амфитеатромъ или уступами въ три яруса, сообразно хорамъ спартанскимъ. На первомъ садились отроки, на второмъ юноши, на третьемъ старики, разумѣется, мнимые. Хоры возглашали мы по-французски, переведенные изъ Плутарха Аміотомъ.

Хоръ стариковъ.
Nous avons été jadis
Jeunes, vaillants et hardis.

Хоръ юношей.
Nous le sommes maintenant
A l'epreuve de tout-venant.

Отроки.
Et nous un jour le serons
Qui tous vous surpasserons!

Вотъ мой переводъ:

Старики.
Юность, храбрость, пылкость лѣтъ
Намъ казали къ славѣ слѣдъ.

Юноши.
Въ бой готовы сей же часъ:
Поднимись лишь кто на насъ!

Отроки.
Слѣдъ ко славѣ мы найдемъ
И всѣхъ васъ мы превзойдемъ!

При этомъ случаѣ графъ Ангальтъ говорилъ: «Я люблю храбрость и мужество спартанцевъ, но гнушаюсь поступками ихъ съ несчастными илотами. Спартанцы хотѣли быть героями, но въ рабахъ своихъ забывали людей. Истинное геройство неразлучно съ любовію къ человѣчеству. Великъ подвигъ Леонида, который съ 300 воиновъ обрекъ себя на жертву, чтобы остановить несмѣтныя ополченія Ксеркса; незабвенна надпись на памятникѣ Ѳермопильскимъ героямъ: Прохожій, скажи Спартѣ, что мы здѣсь умерли, повинуясь ея законамъ. Жаль однако, что эти самые законы не только не обуздывали спартанцевъ, но давали имъ поводъ силою своею угнетать слабыхъ. Читая исторію, любезныя дѣти, не обольщайтесь пустымъ блескомъ; старайтесь различить подлинную славу отъ ложной и, повторяю еще, гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ человѣколюбія».

Такимъ образомъ, мы почти шутя изучили греческую и римскую исторіи. Тогда не былъ еще извѣстенъ не только новѣйшій историкъ Нибуръ, но и Вико. Графъ не пускался въ разборъ критическій, а наставлялъ насъ примѣрами и нравственными замѣчаніями. Выше сказано было, что я сочинялъ записки со времени вступленія моего въ корпусъ, домогаясь доказать, что ни въ одной изъ европейскихъ областей нѣтъ узаконеннаго воспитанія. Нѣкоторые изъ моихъ наставниковъ называли мои записки дерзкими: Яковъ Борисовичъ Княжнинъ назвалъ ихъ отважными, и я бросилъ ихъ въ огонь. Юность моя летѣла отъ мечты къ мечтѣ. Къ обширному залу нашему прилегала комната, гдѣ находилась наша отдѣльная библіотека, а я былъ библіотекаремъ. Въ то время мучила меня страсть къ чтенію; я читалъ все, что ни попадалось мнѣ въ руки; читалъ, чтобы только читать. На бѣду кровать моя была у ночника, а потому я зачитывался и ночью. Отъ двухлѣтней сидячей жизни и отъ напряженія мыслей казалось, что я впалъ въ какую-то чахотку или сухотку. Страшно болѣла у меня грудь, слышно было въ ней безпрерывное хрипѣніе, и отъ неугомоннаго чтенія на меня находилъ столбнякъ. Иногда стою неподвижно въ глубокой думѣ часъ и болѣе. Меня расталкиваютъ, колотятъ въ спину, ничего не слышу, ничего не чувствую. Почтенный инспекторъ нашъ П. П. Фромандье, ожидавшій, что я буду хватать звѣзды съ неба, сталъ терять надежду, говоря: «Глинку книги испортили». И онъ былъ правъ. Безтолковое чтеніе ни къ чему не служитъ. Дѣло въ томъ, что̀ читать—и какъ читать. Со мною сбылась поговорка: «чѣмъ ушибешься, тѣмъ и вылѣчишься». Вотъ какъ это случилось. Я прочиталъ въ сочиненіи Шарона, ученика Монтеня, статью о веселости духа, въ которой сказано, что глупо и безумно предаваться унынію или хандрѣ. Глупо,

подумалъ я, глупо я дѣлаю, что зачитываю мою юность. Она быстро пролетитъ, а я читалъ и слышалъ, что много горя въ жизни. Подумалъ и на нѣкоторое время бросилъ истомившія меня книги. Здоровье мое расцвѣло новою свѣжестью, сидячая жизнь замѣнилась пылкою дѣятельностью. Я не ходилъ, но бѣгалъ; товарищи прозвали меня «летучимъ». Но и въ этомъ разсѣяніи услужливая моя память не дремала. За эту способность графъ Ангальтъ очень полюбилъ меня и давалъ мнѣ выучивать наизусть отрывки изъ Фридриха II, то изъ Генріады Вольтера, то изъ другихъ французскихъ писателей. Прочитать и затвердить было для меня одно и то же. За то графъ задарилъ меня книгами. Однажды онъ разсказалъ намъ по-французски свое путешествіе съ Екатериною по Таврическому краю и препоручилъ намъ написать этотъ разсказъ. Мое французское сочиненіе понравилось ему болѣе другихъ, и онъ приказалъ переписать его на-бѣло, что̀ я и исполнилъ. Между тѣмъ былъ классъ русской грамматики. Я самъ не занимался и другимъ мѣшалъ. Дежурный офицеръ, грозно прикрикнувъ на меня, прибавилъ:

— Ты, Глинка, загордился и отъ того не слушаешь русскаго урока, что тебѣ удалось лучше другихъ сочинить по-французски.

— Не правда, отвѣчалъ я, стыдно гордиться чернильнымъ мараньемъ!

Съ этимъ словомъ, быстро выхватилъ я изъ настольнаго ящика неребѣленное мое сочиненіе, изорвалъ его въ куски и разметалъ по полу. Графъ пріѣхалъ въ тотъ же день послѣ обѣда, спросилъ, готовъ ли мой трудъ. Притворяясь, что отыскиваю мое сочиненіе и поискавъ его нѣсколько минутъ въ ящикѣ, я отвѣчалъ, что потерялъ его.

— Итакъ, сказалъ графъ по-французски, вы, мой другъ, потеряли свое счастіе. Я докладывалъ о васъ императрицѣ. Она вспомнила, что сама записала васъ въ корпусъ, назвала своимъ питомцемъ, приказала представить васъ къ себѣ и хотѣла отправить въ чужіе края. Но вы сами виноваты, вы потеряли свое счастье.

Признаюсь откровенно: я не потерялъ и не искалъ счастія. Да и какъ искать его? Упомяну здѣсь, что когда я зачитывался, тогда товарищъ мой N. хлопоталъ объ отысканіи философскаго камня. Однажды размѣшивалъ онъ въ химическомъ сосудѣ горячія вещества. Они вспыхнули, пламя бросилось ему въ глаза, и онъ нѣсколько недѣль лежалъ слѣпымъ, но не понялъ урока. Впослѣдствіи онъ вступилъ въ винные откупа и спустилъ и свое и братское имѣніе; но у него въ запасѣ оставалась пріятная наружность, и онъ женился на богатой вдовѣ, взялъ тысячи двѣ душъ и множество драгоцѣнностей. Было у него въ рукахъ подлинное сокровище, и все досталось въ жертву его несбыточныхъ выдумокъ. Жена его умерла въ бѣдности,

и онъ самъ въ крайней нуждѣ умеръ въ Петербургѣ и былъ погребенъ на счетъ полиціи. Это не упрекъ его памяти. Онъ былъ уменъ и свѣдущъ, и я не упрекаю его, но это доказательство, что и мечты вымысловъ и властолюбіе не знаютъ, чего ищутъ и на чемъ остановиться.

Обращаюсь къ корпусному нашему залу и саду.

Въ той комнатѣ, гдѣ я былъ библіотекаремъ, висѣли по стѣнамъ печатныя таблицы о всѣхъ наукахъ; вся энциклопедія представлялась тутъ глазамъ и заманивала мысль въ свои предѣлы. Изъ увеселительнаго нашего зала переходили мы въ садъ юными аѳинянами, учениками Аристотеля. Вся каменная стѣна, заслонявшая насъ отъ закорпуснаго міра, исписана была нравственными изреченіями французскими, нѣмецкими и русскими. Тамъ начертаны были различныя системы Птоломея, Тихобрага и Коперника. Клушинъ, бывшій нѣкогда сотрудникомъ Крылова въ изданіи журнала, отзывался съ большою похвалою о говорящей стѣнѣ. И она, дѣйствительно, говорила и глазамъ, и уму, и сердцу. Изреченія краткія, умныя, выбранныя изъ сочиненій превосходнѣйшихъ писателей, врѣзывались въ памяти и вели къ отысканію другихъ мыслей и понятій. Душевное чувство нравственности графъ предпочиталъ холодной учености. Далеко за нашу стѣну, за моря, за океанъ, повсюду, гдѣ только напечатлѣвался слѣдъ ноги человѣческой, переносили насъ слѣдующія слова: «О братія! Мы всѣ вмѣстѣ отправляемся въ путь: одни на сѣверъ, другіе на югъ, на востокъ. Намъ нужны и различныя одежды и различные запасы жизненные, — но по душѣ и по сердцу мы всѣ дѣти одного семейства, а вождь и отецъ его, давъ намъ различныя блага, вложилъ въ душу и въ сердце нераздѣльную любовь къ человѣчеству. Солнце освѣщаетъ міръ вещественный, а любовь освѣщаетъ міръ нравственный, міръ человѣчества».

Объясняясь о цѣли говорящей стѣны, графъ говорилъ: «Кажется, любезные друзья, что съ умомъ надо обходиться, какъ и съ тѣломъ, т. е. питать и подкрѣплять его каждый день. Что дѣлаютъ, чтобы питать ваше тѣло? Поутру предлагаютъ вамъ завтракъ, а между обѣдомъ и ужиномъ полдникъ. — Обѣдъ и ужинъ ума (если допустить это сравненіе) есть ученіе и размышленіе и прилежаніе въ классахъ; завтракъ и полдникъ — разговоры и мысли, внушаемые нашею говорящею стѣною, когда прогуливаетесь со мною въ саду, съ вашими наставниками или когда разсуждаете между собою». Въ большомъ кадетскомъ саду было и то, что теперь называется фермою. Одна куртина засѣяна была рожью, пшеницею и яровымъ. Прогуливаясь съ нами по саду и остановясь у этой куртины, графъ Ангальтъ сказалъ: «Нѣкоторые изъ испытателей природы полагаютъ,

что рожь самородное сибирское растеніе; если это истина, то Сибирь справедливо названа золотымъ дномъ. Многіе народы обходились безъ золота и серебра, а хлѣбъ всегда нуженъ. Было время, когда изъ мексиканскихъ и перувіанскихъ рудниковъ золото лилось рѣками; но золото часто обманываетъ роскошь, переходя въ чужія руки на потребности необходимыя для жизни. Фабричныя издѣлія англійской промышленности переселили въ Англію кучи испанскаго золота. Испанскій министръ Альберони политикою своею тревожилъ Европу въ 1717 и 18 годахъ, но онъ заслужилъ благодарность испанцевъ за то, что обращалъ особенное вниманіе на земледѣліе и сельское хозяйство. Онъ былъ уменъ, а потому воспользовался прошедшимъ и современнымъ урокомъ. И Сюлли убѣжденъ былъ, что земледѣліе и скотоводство — два главные источника внутренняго продовольствія и богатства Франціи. Министръ Кольбертъ занялся особенно учрежденіемъ фабрикъ и мануфактуръ, и одинъ годъ, одна жестокая зима 1709 года доказала его ошибку. Отъ упадка земледѣлія не стало во Франціи хлѣбныхъ запасовъ, и въ роскошномъ Версальскомъ дворцѣ нуждались въ пшеничномъ хлѣбѣ. Народъ, на плечи котораго всегда падаютъ бѣдствія, страдалъ отъ голода, и въ отчаяніи мстилъ могилѣ и праху Кольберта. Любезные друзья, въ какой бы вы ни были службѣ, какія бы степени ни занимали, уважайте всегда труды земледѣльцевъ: они питаютъ ваше отечество!» На стѣнѣ у этой хозяйственной куртины были изреченія:

Le bonheur est un bien que nous vend la nature,
Il n'est point ici—bas de moisson sans culture.
Природа счастіе за трудъ намъ продаетъ,
Кто поле не вспахалъ, тотъ жатвы не сберетъ.

Нѣсколько подалѣе — слѣдующее французское изреченіе: «Дешевизна хлѣба всегда полезна: она благопріятствуетъ народонаселенію, приглашаетъ иноземцевъ, движетъ торговлю». А вслѣдъ за этимъ извѣстіе: «Изъ Венгріи пишутъ о необычайномъ событіи на нивахъ, что въ Кремницѣ: одно зерно ржи принесло 35 колосьевъ и доставило 1.037 зеренъ; а изъ другаго зерна вышло 75 колосьевъ, изъ которыхъ 48 созрѣли и принесли 1.454 зерна; третье дало 1.313; наконецъ четвертое принесло 80 колосьевъ, изъ которыхъ 62 дали 1.581 зерно; такимъ образомъ изъ этихъ четырехъ зеренъ вышло 5.385, т. е. 1.346 на одно». Вотъ разительное доказательство, какое вниманіе графъ желалъ внушить намъ ко всему тому, что относится къ пользамъ общенароднымъ. Каждая прогулка съ нами графа была или историческимъ, или нравственнымъ урокомъ. Передавъ говорящей стѣнѣ какое-нибудь изреченіе, онъ всегда прибавлялъ къ нему свои замѣчанія. — «Вотъ тутъ, любезные друзья, говорилъ онъ, «только два

слова: prevoir et prévenir; но въ нихъ заключается вся политика; главное достоинство и въ политикѣ, и въ частныхъ обстоятельствахъ состоитъ въ томъ, чтобы обдумать, для чего что предпринимаютъ, и чѣмъ что можетъ кончиться. Мы видимъ изъ исторіи, что одно обстоятельство, которое кажется маловажнымъ, влечетъ за собою величайшія бѣдствія.—При заключеніи Утрехтскаго мира 1713 г., французскіе и англійскіе политики не опредѣлили точно границъ ничтожнаго уголка земли въ областяхъ Сѣверной Америки [1]) и отъ этого 1756 года вспыхнула война въ Европѣ. Фридрихъ II говорилъ: «Меня обвиняли въ томъ, что я овладѣлъ Силезіею, но она у насъ подъ рукою, и я взялъ на себя обязанность доставлять ея жителямъ всевозможныя выгоды; а теперь пришлось воевать за оплошность легкомысленной политики, которая къ перьямъ своимъ всегда подзываетъ пушки, отъ того что сама или не умѣла, или по какимъ-нибудь личнымъ выгодамъ не хотѣла всего сообразить».

Лейбница называютъ живою библіотекою; такимъ былъ и графъ Ангальтъ. Трудно рѣшить, чему въ немъ болѣе удивляться: различнымъ ли глубокимъ познаніямъ, или скромности. Графъ былъ первымъ наставникомъ и прилежнымъ ученикомъ въ русскомъ словѣ. Нѣкоторыя изреченія, извлеченныя изъ нашихъ пословицъ и изъ разныхъ сочиненій и переданныя имъ говорящей стѣнѣ, доказываютъ, какъ онъ старался постигать силу русскаго слова и духъ народный. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ изреченій:

Бѣда глупости сосѣдъ.
Безъ притчи вѣкъ не проживешь.
Всякъ въ обществѣ живущій подверженъ общественнымъ законамъ.
Всѣ люди слабостьми заражены неложно.
И слабымъ можно быть, но подлымъ быть не должно.
Трудъ преодолѣвается трудомъ.
Бережливость лучше прибытка.
Безъ ума голова шебала.
Для друга и семь верстъ не околица.
Изъ одной муки хлѣба не испечешь
Куда игла, туда и нитка.
Клинъ плотнику товарищъ.
Лѣто собираетъ, а зима поѣдаетъ.
Уговоръ лучше денегъ.
Мало говоря, больше услышишь.
Слово не стрѣла, а пуще убиваетъ.
Живи ни шатко, ни валко, ни на сторону.
По ниткѣ дойдешь и до клубка.
Всякое дѣло мастера боится.
Будь привѣтливъ, да не будь извѣтливъ.

---

[1]) Тогдашніе политики заботились о переторжкѣ негровъ. Историки вѣка Людовика XV свидѣтельствуютъ, что два добросовѣстные человѣка могли бы въ нѣсколько часовъ размежевать этотъ уголокъ земли.

Тише ѣдешь, дальше будешь.
Когда самую истину показывать надлежитъ, излишнихъ словъ не надобно
Кто говоритъ, что хочетъ, услышитъ; чего не хочетъ.
Десятью смѣряй—однажды отрѣжь.
Кто нужды не видалъ, тотъ счастья не знаетъ.
Вѣкъ живи—вѣкъ учись. И проч.

Графъ отдавалъ намъ отчетъ въ своихъ успѣхахъ въ русскомъ языкѣ и говорилъ: «Я экзаменую васъ, мои добрыя дѣти, экзаменуйте и вы меня въ очередь свою». И занимаясь съ нами, онъ занимался и будущею нашею судьбою. Вотъ слова его: «Voici des pensées, mes bons amis, qui veulent qu'on les écrive; répétez les, mes bons enfants, un jour à vos enfants, et dites de ma part, qu'ils en parlent aussi à leurs enfants».

«Вотъ мысли, мои любезные друзья, которыя требуютъ, чтобы ихъ записать; повторите ихъ, мои добрыя дѣти, вашимъ дѣтямъ, и скажите имъ отъ меня, чтобы они передавали ихъ своимъ дѣтямъ».

«La constance peut avancer lentament, mais elle n'interrompt jamais l'ouvrage qu'elle a commensé et produit enfin des grandes choses. Apportez chaque jour une corbeille de terre, et vous en ferez une montagne».

«Постоянство можетъ идти медленно, но оно никогда не прерываетъ начатаго имъ труда и производитъ наконецъ великія дѣла. Приносите каждый день по корзинкѣ земли, и вы наконецъ составите гору».

Объ употребленіи времени онъ говорилъ: «Пусть каждый изъ васъ себѣ скажетъ, что хорошее или худое употребленіе времени, даннаго намъ, дѣлаетъ нашу жизнь очень счастливою или очень несчастною. Къ вѣрному употребленію этого драгоцѣннаго времени желаю всею душою пригласить васъ тремя слѣдующими разсужденіями: Касательно прошедшаго времени—мы много его потеряли: первое разсужденіе. Касательно настоящаго, которымъ обладаемъ мы—оно быстро мчится; второе разсужденіе. Касательно времени, какъ остающагося намъ—оно очень не вѣрно и сомнительно: третье разсужденіе».

Эту мысль Я. Б. Княжнинъ, по порученію графа Ангальта, развилъ и изложилъ въ рѣчи своей, читанной имъ въ присутствіи графа и собраніи кадетъ. Въ заключеніе Княжнинъ сказалъ: «Полезнаго употребленія времени, котораго ущербъ ничто не можетъ замѣнить, требуетъ отъ вашей чувствительности сердце доброе, нѣжное и къ вамъ истинно отеческое нашего начальника, здѣсь присутствующаго. Не растерзайте его употребленіемъ во зло вашего времени, чтобы онъ, видя васъ во все теченіе жизни вашей, какими видѣть уповаетъ, съ восторгомъ и гордостью сказалъ: вотъ мои дѣти!»

Между тѣмъ, когда у насъ въ корпусѣ шли обыкновенныя занятія и разсуждали о полезномъ употребленіи времени, для Европы ударилъ роковой часъ.—Съ 1789 года поколебались вѣковыя основанія ея областей. Всѣ предположенія и соображенія знаменитыхъ ея политиковъ—исчезли. Вчера почитали они себя распорядителями европейскаго мира, а проснувшись увидали, что имъ надо приняться за новую азбуку. То же случилось и съ Екатериною II. Сперва революція французская казалась ей обыкновеннымъ порывомъ безпорядка общественнаго; но потомъ и она призналась, что ей пришлось закрыть всѣ книги и ожидать, что выйдетъ изъ этой бури. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ она писала Бюффону: «Вы не доказали намъ исторію человѣка». Бюффонъ радовался, что Екатерина указала ему на то, что ускользнуло отъ наблюденія цѣлой французской академіи наукъ. Но замѣчаніе Екатерины касалось только естественной исторіи; а лѣтописи всемірныя, дѣйствительно, не представляли еще такого человѣка, въ лицѣ котораго совершилась бы тогда судьба Европы и ея народовъ. Этотъ человѣкъ былъ Наполеонъ. Но и событія, соединенныя съ нимъ, кажутся теперь миѳомъ и баснею. И это не удивительно. Если бы кто-нибудь упалъ съ вершины высокой горы и остался бы живъ, онъ въ первыя мгновенія изумился бы, но потомъ, оправившись, возвратился бы къ прежнимъ своимъ занятіямъ. Такъ случилось и съ поколѣніемъ XIX вѣка послѣ необычайныхъ событій. Графъ Ангальтъ не говорилъ намъ ни о какихъ отдаленныхъ причинахъ переворота европейскаго міра, но, чтобы ознакомить насъ съ тогдашними обстоятельствами, учредилъ въ нашемъ залѣ новый столъ со всѣми новременными заграничными извѣстіями. Въ корпусѣ, а не по выходѣ изъ него, узналъ я о всѣхъ лицахъ, дѣйствовавшихъ тогда на обширномъ европейскомъ театрѣ. На томъ же столѣ помѣщены были ежемѣсячныя русскія изданія: Зритель Крылова, Меркурій Клушина, Академическія извѣстія и Московскій журналъ Карамзина. Помню, что во всѣхъ тогдашнихъ нашихъ срочныхъ изданіяхъ особенно вооружались противъ козней ябеды и заразы роскоши и модъ, истощавшихъ бытъ сельскій, а о политической бурѣ европейской въ нихъ не было и помину; она какъ будто и не существовала для Россіи.

Между тѣмъ вихрь французской революціи разметалъ братьевъ Людовика XVI по различнымъ странамъ Европы. Жильцы пышнаго двора Версальскаго скитались, какъ странники безпріютные. Графъ Д'Артуа, сильно возстававшій нѣкогда съ графомъ Шуазелемъ противъ двора сѣверной русской столицы, очутился на берегахъ Невы, былъ обласканъ привѣтливою Екатериною и посѣтилъ кадетскій кор-

пусъ. Графъ Ангальтъ показывалъ ему наше заведеніе. Въ манежѣ рѣчь коснулась революціи. Я стоялъ подлѣ графа Ангальта и слышалъ слѣдующія его слова: «Les frères du roi ressemblent aux valets qui crient que la maison de leur maitre brûle, et qui s'enfuient au lieu de l'éteindre. «Королевскіе братья похожи на слугъ, которые кричатъ, что домъ ихъ господина горитъ и, чѣмъ бы гасить его, они бѣгутъ».

Графъ Ангальтъ очень хорошо зналъ свѣтскія приличія, а потому и дивлюсь, какъ онъ обмолвился такъ невпопадъ. Съ намѣреніемъ ли это было или укоризна высказалась нечаянно? Не знаю, но убѣжденъ, что графъ въ такомъ случаѣ не бѣжалъ бы, а умеръ бы съ своими братьями.

Обращаюсь къ нашему корпусному быту.

3-го августа 1790 года заключенъ былъ миръ съ Швеціей. Въ этотъ самый день, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, возвѣстившемъ торжество мира, загорѣлась у насъ битва хищничества. Обширная наша столовая передѣлывалась; полъ былъ въ ней взломанъ. Одинъ изъ нашихъ товарищей, бѣгая по перекладинамъ, вдругъ рухнулся и погрузился въ кадку патоки. На крикъ его сбѣжалось нѣсколько кадетъ, и я въ томъ числѣ. Мы вытащили ослащеннаго товарища. Случай открылъ стекла телескопа, сблизившаго глаза съ горнимъ міромъ свѣтилъ воздушныхъ. Случай и нечаянность открыли и у насъ подпольный міръ лакомства. Быстро бросились мы въ погреба, охапками выносили оттуда сушеныя яблоки, груши, вишни, изюмъ, черносливъ. Были сшибки, схватки, но не надолго. Братскій дѣлежъ вскорѣ водворялъ пальму мира. Въ одинъ часъ, если не менѣе, расхищены были сокровища подпольной сладости, о чемъ на другой день доложено было Екатеринѣ. Императрица улыбнулась и сказала:

— Ну, что жъ! мы праздновали вчера миръ; надобно было попраздновать и кадетамъ.

Подвигъ расхищенія нашего былъ болѣе подвигомъ мщенія, а вотъ отъ чего.

Корпуснымъ экономомъ нашимъ былъ чиновникъ высокаго роста, плечистый, съ грудью атлетною, въ которой жило и билось доброе сердце. Лицо его цвѣло здоровьемъ, и онъ усердно рачилъ и о нашемъ здоровьи закупкою свѣжихъ запасовъ и заготовленіемъ здоровой пищи. Но на путяхъ земной жизни и для добрѣйшаго жильца утреннее солнце не цѣлый день сіяетъ! Набѣжала туча и на нашего радушнаго эконома. Однажды восьми или девятилѣтній сынъ его рѣзвился около огромнаго котла, въ которомъ кипѣли щи, подпрыгнулъ неосторожно и ринулся въ эту палящую бездну. Горестный отчаянный отецъ бросилъ должность свою и оставилъ корпусъ.

На мѣсто этого честнаго человѣка (котораго, къ сожалѣнію, забылъ имя) поступилъ къ намъ чиновникъ въ самомъ опальномъ мундирѣ и почти съ протертыми локтями. Не забылъ я его имени, но не выскажу. Отшатнувшись отъ безкорыстной стези своего предмѣстника, онъ запустилъ хищныя руки во всѣ отрасли питательнаго хозяйства; карманъ его и онъ самъ тучнѣлъ, а мы отъ пошлой пищи нерѣдко голодали. Худшее отмежевало лучшее. Въ пылу негодованія мы затѣяли запустить шаловливыя руки и въ погреба церковнаго причта, и въ запасницы учителей, приподняли ихъ даже и на чердаки, гдѣ развѣшивались окорока, словомъ, повсюду, гдѣ хранились дары Триптолема и Цереры, сихъ благодѣтельныхъ изобрѣтателей сохи и плуга.

VII.

Я. Б. Княжнинъ.—Юность писателя.—Увлеченія.—Успѣхъ «Дидовы».—Шекспиръ и Сумароковъ.—Актриса Гюсъ.—Графъ А. И. Марковъ.—Свиданіе Княжнина съ Сумароковымъ.—Характеръ Сумарокова.—Бракъ Княжнина.—Слава Сумарокова.—Ѳ. Г. Карнинъ.—Обѣдъ у Я. Б. Княжнина.—Потемкинъ.—Неблагодарность Крылова.—Благородный характеръ Я. Б. Княжнина.—Любовь его къ отечественной словесности.—А. А. Петровъ.—Переимчивость Княжнина.—Обзоръ произведеній Я. Б. Княжнина.—«Дидона».—Титово милосердіе.—Росславъ.—Владисанъ.—Владиміръ и Ярополкъ.—Софонисба.—Комедіи.—Опера: «Несчастіе отъ кареты».—Другіе труды Княжнина.—Рукопись: «Горе моему отечеству».—Вадимъ.—Смерть Княжнина.

> Expliquer l'homme c'est le faire aimer, c'est rattacher l'etude de la vie d'un homme à l'etude du coeur humain et de faire de l'histoire d'un individu un chapitre de l'histoire de l'humanité.

Въ лучахъ мирныхъ и сердечныхъ побѣдъ 1791 года, января 14, сошелъ съ поприща русской словесности и человѣчества Яковъ Борисовичъ Княжнинъ, наставникъ словесности въ кадетскомъ корпусѣ.

Яковъ Борисовичъ Княжнинъ родился 1744 года въ стѣнахъ древняго Пскова, на берегахъ рѣки Великой.

Отъ зари жизни до пятнадцати лѣтъ онъ одушевлялся совѣтами и примѣромъ своего отца-наставника, а потомъ на берегахъ Невы обогащалъ себя новыми познаніями у Модераха, тогдашняго профессора академіи наукъ. Умъ его свыкался съ науками, а душа питалась и расцвѣтала поэзіей. Часъ-отъ-часу болѣе юный Княжнинъ сроднялся съ Метастазіемъ, Расиномъ, Галлеромъ и Геснеромъ. Два первые поэта пролагали ему поприще драматическое, а Галлеръ, пѣвецъ горъ Альпійскихъ, и Геснеръ, Ѳеокритъ Швейцаріи, пробудили въ немъ тихую мечтательность. Воображеніе Княжнина любило ви-

тать по заоблачнымъ вершинамъ Альпійскимъ и романтическимъ долинамъ отечества Вильгельма Телля. «Еслибъ я не родился въ Россіи, говорилъ онъ,—то желалъ бы, чтобы Швейцарія была моею колыбелью». Галлеру подражалъ онъ въ стихотвореніи своемъ: Вечеръ, напечатанномъ въ Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ, который издавалъ онъ вмѣстѣ съ творцомъ Душеньки, и гдѣ помѣстилъ также нѣсколько идиллій Геснера.

Не довѣряя одному влеченію природныхъ способностей, Княжнинъ приготовлялся къ поприщу словесности и терпѣливымъ трудомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ переведенныя имъ, такъ-называемыми бѣлыми стихами, трагедіи Корнеля и Вольтерова Генріада. Жаль, что на послѣдній трудъ потерялъ онъ время, чернила и бумагу. Въ Генріадѣ есть прекрасные стихи, но нѣтъ искры жизни поэтической.

Съ знаніемъ нѣсколькихъ европейскихъ языковъ поступилъ Княжнинъ въ иностранную коллегію, гдѣ отъ юнкера до переводчика былъ для него одинъ шагъ.

Давнымъ давно сказано, что пути пылкой юности такъ же непостижимы, какъ размашистый орлиный полетъ въ долинахъ воздушныхъ и какъ слѣды корабля, разсѣкающаго валы морскіе: вскипятъ, исчезнутъ, и снова запѣнятся. Кипѣла и юность нашего поэта. Неудивительно: такова судьба души пылкой и порывистой.

Съ поприща дипломатическаго судьба перевела Княжнина въ новый міръ. Фельдмаршалъ Разумовскій, полюбя ловкаго, расторопнаго юношу-красавца, переманилъ его подъ знамена военныя, куда и поступилъ онъ въ чинѣ капитана. Міръ очарованій раскинулся передъ его глазами. Все лелѣяло его: онъ капитанъ почетный, онъ причисленъ къ дежурнымъ генераламъ. Сама Терпсихора учила его тому, что теперь называютъ граціозностію. А въ этой граціозности онъ не уступалъ въ стройныхъ танцахъ славному Пику, корнфею театральныхъ балетовъ въ царствованіе Екатерины, и который вмѣстѣ съ княземъ Потемкинымъ устраивалъ танцы на волшебномъ праздникѣ, данномъ императрицѣ въ чертогахъ таврическихъ.

Мудрено ли, что при такихъ блестящихъ достоинствахъ Княжнинъ безпрестанно переходилъ съ почетнаго дежурства на вечеръ, съ вечера на балъ, съ бала въ маскарадъ? Плывя тѣмъ берегомъ, гдѣ, напѣвая очаровательныя пѣсни, коварныя сирены заманивали въ смертныя сѣти, Улиссъ приказалъ себя крѣпко-на-крѣпко привязать къ мачтѣ, но и тутъ едва устоялъ отъ восхитительныхъ напѣвовъ; а Улиссъ былъ Омировъ мудрецъ: гдѣ же юношѣ устоять противъ напѣвовъ обольстительнаго міра? Попалъ и нашъ поэтъ въ тотъ кругъ, гдѣ, говоря собственными его словами,—

Фортуна, въ выборахъ слѣпая,
Бумагою судьбу метая,
Невинныхъ яростно разитъ:
Игрою скрывъ приманки льстивы,
Какъ Сфинксъ, опустошившій Ѳивы,
Гаданьемъ къ гибели ведетъ.

Княжнинъ, на бѣду свою, очень твердо зналъ математику, а потому и въ ставкѣ картъ пустился въ гадательныя исчисленія. Онъ не зналъ тогда, что въ рукахъ банкомета готовъ громовой отводъ противъ всѣхъ гаданій понтера.

Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ кануло въ бездну кое-что изъ родоваго наслѣдства игрока-поэта; но изъ груди его не выпала ни одна искра прекрасной его души. Все въ ней уцѣлѣло. А разительнымъ этому доказательствомъ служитъ то, что въ этотъ бурный разгулъ страстей онъ сочинилъ первую свою трагедію—Д и д о н у. Онъ читалъ ее Екатеринѣ. Императрица одобрила ее и желала видѣть на театрѣ [1]). Въ честь ея гремѣли рукоплесканія въ обѣихъ столицахъ; на Петербургскомъ театрѣ Екатерина увѣнчала первый опытъ новаго трагика своимъ присутствіемъ; но скромность Княжнина была выше всѣхъ искушеній самолюбія, часто и невольнаго. Одинъ изъ его знакомыхъ, по окончаніи трагедіи, побѣжавъ къ нему, вслухъ закричалъ:

— Яковъ Борисовичъ—нашъ Расинъ.

— Молчи! возразилъ шепотомъ Княжнинъ:—молчи, братецъ, а не то, если подслушаютъ такую ложь, то тебѣ ни въ чемъ не станутъ вѣрить [2]).

Княжнинъ ни слова не говорилъ о Шекспирѣ; Сумароковъ зналъ англійскаго поэта и голландскаго трагика Фонделя и Лопе де-Вегу, и не шелъ по стопамъ Шекспира, даже и въ Г а м л е т ѣ. Онъ былъ строгимъ наблюдателемъ трехъ Аристотелевыхъ единствъ: в р е м е н и, м ѣ с т а и д ѣ й с т в і я. И Княжнинъ подражалъ ему въ этомъ. Въ твореніяхъ ума человѣческаго существуетъ одно только единство— е д и н с т в о м ы с л и. Дивный Шекспиръ угадалъ эту тайну и, раскинувъ мысль на всю вселенную, движетъ видимую природу и олицетворяетъ страсти человѣческія. Есть легенда, что одинъ какой-то

---

[1]) Въ другой редакціи Записокъ С. Н. Глинки читаемъ: Княжнинъ отвѣчалъ: „Не могу этого сдѣлать, я долженъ сперва представить ее А. П. Сумарокову, основателю Россійскаго театра, и узнать его мнѣніе“. Екатерина похвалила скромность его, и онъ съ трагедіей своей отправился въ Москву. Поступокъ Княжнина чрезвычайно польстилъ самолюбію Сумарокова, и онъ бывалъ у него каждый день.

[2]) По другой редакціи эти слова пріятеля были произнесены послѣ окончанія съ блистательнымъ успѣхомъ трагедіи Р о с л а в ъ.

отшельникъ тысячу лѣтъ прослушалъ пѣніе райской птички, и ему этотъ рядъ десяти вѣковъ показался однимъ днемъ, однимъ часомъ, однимъ мгновеніемъ. Такимъ очарованіемъ дышатъ и Шекспировы трагедіи. У него годы превращаются въ часы, и онъ правъ: въ театръ ходятъ не исчислять, а забывать время. Но Сумароковъ и Княжнинъ надѣялись на другое очарованіе. Давно сказано: «голосъ любви—голосъ сердца, восхитительная гармонія душевная». И они были правы. У лицъ, дѣйствовавшихъ въ ихъ трагедіяхъ, былъ душевный голосъ, замѣнявшій всѣ подстановки того, что теперь называютъ театромъ на театрѣ. Вотъ что говоритъ Княжнинъ о силѣ душевнаго въ посланіи къ Граціямъ:

Безъ васъ
Актеръ себя предъ зрителемъ ломаетъ,
Героя дѣлаетъ дугой;
А съ вами Гюсъ, подпора Мельпомены,
Пріятная владычица сердецъ,
Отъ нашихъ слезъ беретъ похвалъ вѣнецъ
И чувствовать дая страстей премѣны,
То къ трепету, то къ плачу приводя,
Плѣняетъ всѣхъ ся побѣдой, въ грудь входя.

Гюсъ, дѣйствительно, была Мельпоменою французскаго петербургскаго театра. Мнѣ было семнадцать лѣтъ, когда въ первый разъ я видѣлъ ее въ А л ь з и р ѣ. Сильно волновалось сердце мое во время двухъ дѣйствій; но когда въ третьемъ дѣйствіи, почитая Замора убитымъ и взывая къ тѣни его, она произнесла:

Le trait est dans mon coeur,

я думалъ, что сердце вырвется у меня изъ груди, выбѣжалъ изъ театра и за трепетъ душевный заплатилъ горячкою. Вскорѣ потомъ встрѣтилъ я эту драматическую очаровательницу въ Лѣтнемъ саду, и что же увидѣлъ? женщину небольшаго роста, лицо въ веснушкахъ... волосы золотистые. «Рима не было уже въ Римѣ!» И къ ногамъ этой драматической красавицы прикованъ былъ тотъ нашъ графъ-дипломатъ, который выбилъ изъ рукъ Наполеона карту Европы, когда на гробѣ пожизненнаго консула предлагалъ онъ подѣлиться съ Россіей Европой [1].

Восхитителенъ, очарователенъ первый успѣхъ поэта: новый міръ возникаетъ въ очахъ его. Онъ слышитъ плески современниковъ, онъ слышитъ и вдали плески будущаго; онъ начинаетъ жить и во вре-

[1]) Графъ А. И. Марковъ. Наполеонъ, взявъ въ руки карту Европы, сказалъ русскому посланнику: Je trace la ligne de l'Europe comme le pape a tracé la ligne de demarcation de l'Amerique: moitié à la France; moitié à la Russie, а нашъ русскій посланникъ возразилъ тѣмъ, о чемъ мы сказали.

мени, и въ потомствѣ. Но Княжнинъ не удовольствовался торжествомъ своимъ на петербургскомъ театрѣ; съ пальмами драматической славы своей, съ береговъ Невы, поспѣшилъ онъ на берега Москвы-рѣки къ отцу русскаго театра, къ А. П. Сумарокову. Какое свиданіе и въ какое время! Тогда еще драматическая поэзія была, такъ сказать, новою гостьею въ нашемъ отечествѣ, а на поэта смотрѣли какъ на какое-то существо необыкновенное.

— Я виноватъ передъ вами, сказалъ Княжнинъ Сумарокову: — мнѣ надлежало до представленія трагедіи моей отдать ее на вашъ судъ; но я неосторожно поторопился прочитать ее нѣкоторымъ моимъ пріятелямъ. Молва о Дидонѣ дошла до слуха императрицы, и она требовала, чтобъ ее сыграли, между тѣмъ, какъ я переписывалъ трагедію мою для васъ, отца нашего русскаго театра.

Не нужно говорить, съ какимъ восторгомъ обнялъ Сумароковъ юнаго соперника своего! Вольтеръ сказалъ:

Qu'il est grand, qu'il est beau de se dire à soi même:
Je n'ai point d'ennemis, j'ai des rivaux que j'aime;
Montrez moi mon rival, et je cours l'embrasser.

Вольтеръ какъ-будто высказалъ въ этихъ стихахъ сердце Сумарокова: онъ охотно отдавалъ справедливость каждому изъ современниковъ своихъ. Въ другомъ мѣстѣ я представлю разительныя свидѣтельства о томъ, что онъ никогда не былъ врагомъ нашего Холмогорскаго генія. Ихъ ссорили завистники; но Сумароковъ осыпалъ цвѣтами и гробъ Ломоносова. Предполагаютъ также какую-то гордость въ Сумароковѣ, и это несправедливо. Его величали именемъ великаго современники, а онъ самъ никогда не возводилъ себя на эту пышную чреду; онъ даже не почиталъ себя и безпримѣрнымъ поэтомъ.

А вотъ и доказательство.

Трудится тотъ вотще,
Кто разумомъ своимъ лишь разумъ заражаетъ;
Не стихотворецъ тотъ еще,
Кто только мысль изображаетъ,
Холодную имѣя кровь.
Но стихотворецъ тотъ, кто сердце воспаляетъ
И чувствіе изображаетъ,
И кто умѣлъ воспѣть царицу музъ, любовь.
Парнасскимъ жителемъ назваться я не смѣю;
Но сладости любви я чувствовать умѣю.

Такъ говоритъ Сумароковъ въ стихотвореніи своемъ подъ заглавіемъ: Недостатокъ изображенія. Онъ убѣжденъ былъ, что и самое живое слово человѣческое едва-ли можетъ выразить полноту движеній сердца. А гордость, въ которой напрасно его упрека-

ютъ, называлъ онъ «язвою и запозою душевною» [1]). Княжнинъ такого же былъ мнѣнія. «Гордость, говоритъ онъ, огромная вывѣска самой мелкой души».

Но обратимся къ нашему повѣствованію.

Думалъ ли Сумароковъ, обнимая въ первый разъ Княжнина, что онъ въ лицѣ его обнимаетъ будущаго своего зятя—это его тайна. Но то вѣрно, что онъ такъ же восхищенъ былъ привѣтствіемъ Княжнина, какъ и Геродотъ, отецъ греческой исторіи, когда при плескахъ Олимпійскихъ юный Ѳукидидъ подарилъ его тѣмъ, что̀ дороже всѣхъ рукоплесканій—слезами душевнаго восторга.

Вруча трагедію свою Сумарокову, Княжнинъ сдѣлался въ домѣ его ежедневнымъ гостемъ. Чрезъ нѣсколько дней съ робостію спросилъ онъ у Сумарокова, какъ показалась ему его трагедія? Сумароковъ отвѣчалъ, что онъ снова перечитываетъ Энеиду и Дидону Лефрана Помпиньяна, чтобы высказать основательно мнѣніе свое. Но вскорѣ нашъ поэтъ забылъ трагедію и какъ будто отыскивалъ въ себѣ самого себя. Одна изъ дочерей Сумарокова была въ замужествѣ за графомъ Головинымъ, а другая, цвѣтя умомъ и красотою, ожидала еще суженаго, и этотъ суженый былъ Я. Б. Княжнинъ. Съ поэзіей музъ въ душѣ его откликнулась и поэзія любви. То же было и въ сердцѣ юной дочери Сумарокова. Часто казалось влюбленному поэту, будто въ глазахъ ея онъ вычитываетъ то, что Дидона говорила Энею:

Одинъ твой взглядъ, твой вздохъ и слово устъ твоихъ
Долгъ сердца моего.

Часто и онъ порывался выговорить:

Кто можетъ такъ любить, какъ я тебя люблю?
Все нахожу въ тебѣ!..

Но чрезвычайная скромность Княжнина оковывала уста его робостію. А любовь душевная, любовь, какъ будто изъ завѣтной храмины судьбы переходящая въ сердце, и безъ робости боязлива. Могущественное, сильное ея стремленіе то вѣритъ, то надѣется, а то, увлекаясь порывами сомнѣнія, страдаетъ и на порогѣ счастія: но это страданіе для души поэтической—блаженство. Княжнинъ это чувствовалъ и выразилъ въ прекрасныхъ стихахъ, дышащихъ и вдохновеніемъ Сафы, и сердечнымъ словомъ нашего поэта. Вотъ они:

---

[1]) См. полное собраніе сочиненій Сумарокова, томъ X.

*

Что я, ты чувствуешь ли то же?
Не видя, алчу зрѣть тебя;
Узрѣвъ, забвеніе себя
Стократно памяти дороже
Объемлетъ душу, чувство, умъ.
Въ тревогѣ нѣжной сладкихъ думъ
Душой твои красы лобзаю;
И кровь то мерзнетъ, то кипитъ,
И самъ себя тогда не знаю.
Мы сердцемъ лишь тогда живемъ,
Какъ сердце чувствуемъ въ другомъ.

Это было воспоминаніе. А что кипѣло въ душѣ поэта въ настоящемъ, въ тѣ дни, въ тѣ мгновенія, когда безмолвная любовь порывалась высказаться! Истомленный страстію, онъ открылся пріятелю своему Ѳедору Григорьевичу Карину, пламенному любителю словесности и искусствъ. Каринъ взялся быть посредникомъ и полетѣлъ къ Сумарокову. У творца Семиры страсть любви была жизнію его жизни. Страдальцы угадываютъ сердце благотворительное; а кто живетъ любовью, тому и въ другомъ не трудно разгадать тайну любви.

Сумароковъ сказалъ Карину, что и онъ, и дочь его уважаютъ умъ и душевныя качества Якова Борисовича, и что онъ радъ увѣнчать взаимную ихъ склонность. Стремительное нетерпѣніе нашего поэта равнялось порывамъ его любви. Едва вошелъ Каринъ, онъ вскричалъ: «Жизнь или смерть?» Каринъ отвѣчалъ ему стихами изъ Дидоны, съ нѣкоторою перемѣною:

Се день уже насталъ, желаемый тобою;
Дидона перстень свой Энею отдаетъ,
И ваши бракъ сердца на вѣки сопряжетъ.

Въ тотъ же день голосъ высказалъ все той, къ кому оно горѣло.

А Сумароковъ, съ восторгомъ соединяя два сердца, достойныя одно другаго, надписалъ на рукописной Дидонѣ:

Мы не въ равной долѣ:
Я тебѣ мила; а ты—стократъ мнѣ болѣ.

И съ этою надписью поручилъ невѣстѣ возвратить жениху трагедію, которую умышленно продержалъ цѣлый мѣсяцъ, дожидаясь того, что предвидѣлъ.

Въ это время Сумароковъ былъ на высшей степени своей литературной славы. 1767 года, при собраніи депутатовъ изъ всѣхъ предѣловъ обширнаго нашего отечества, проявилось и начало оживлять-

ся все то, что онъ высказалъ Екатеринѣ въ словѣ, въ которомъ предъявилъ душу ея Наказа. Въ то же время былъ онъ въ перепискѣ съ философомъ Фернейскимъ, и трагедіи его вѣнчались рукоплесканіями и слезами и на театрахъ двухъ столицъ, и на театрахъ народныхъ. Его Хоревъ сблизилъ народный духъ съ дворомъ и обществомъ большаго тогдашняго свѣта. Это его лавръ: ему одному удалось сблизить такія различныя области быта человѣческаго. Въ моихъ Очеркахъ жизни и сочиненій А. П. Сумарокова, которые выйдутъ въ непродолжительномъ времени, читатели увидятъ, какъ быстро, черезъ одинъ годъ, то-есть, 1769 года, грозною тучею затуманилась его счастливая звѣзда. А по слѣдующимъ стихамъ можно судить о душевномъ его страданіи:

Всѣ мѣры превзошла теперь моя досада;
Ступайте, фуріи, ступайте вонъ изъ ада,
Грызите жадно грудь, сосите кровь мою! [1]).

Разскажу здѣсь и о Ѳедорѣ Григорьевичѣ Каринѣ, бывшемъ сватомъ у Княжнина. Я познакомился съ нимъ въ то уже время, когда отъ семи тысячъ душъ у него оставалось только три тысячи; когда за роскошный разгулъ молодости въ старости платилъ онъ тяжелую дань докучливой подагрѣ. Въ цвѣтущіе годы жизни своей онъ не уступалъ въ пышности сатрапамъ древней Персіи. Да и что тогда было въ Москвѣ! Улицы ея были блестящимъ маскарадомъ, кареты летали великолѣпными цугами; на запяткахъ гайдуки исполинскіе; по сторонамъ каретъ скороходы, порхавшіе зефирами, въ шелковыхъ чулкахъ, даже и въ трескучіе морозы. Кровь, видно, была горячѣе. А псовая охота! — цѣлое разноцвѣтное войско. Что-за псари! что-за ловчіе! Сколько тянется фуръ со всѣми прихотями застольными! Гдѣ же все это? Правду сказалъ Тацитъ, что «не отъ каменныхъ стѣнъ зависитъ душа городовъ». Все приведенное здѣсь съ избыткомъ было у юнаго Карина. Но я, повторяю еще, познакомился съ нимъ на закатѣ его дней. Въ домѣ у него кипѣла еще чаша пиршественная, но въ сердцѣ гнѣздилась змѣя, которая за разладъ семейный ссорила его съ человѣчествомъ. Онъ любилъ меня за страсть мою къ словесности; нерѣдко утолялъ я гнѣвные его порывы, и онъ, вынудивъ у меня скучный присѣсть для моего портрета, написалъ къ нему слѣдующіе стихи:

Младаго Глинку зримъ лица сего въ чертахъ;
Сей юноша, блистающій ученьемъ,
Умомъ и просвѣщеньемъ,
Поэтъ и пламень льетъ въ стихахъ.
Что жъ будетъ въ зрѣлыхъ онъ лѣтахъ?

Я подписалъ подъ стихами: Ничто.

---

[1]) Полн. собр. соч. Ч. IX.

Хотя Я. Б. Княжнинъ и не слишкомъ надѣленъ былъ дарами своенравнаго счастія, однако и онъ, ставъ семьяниномъ, жилъ въ Петербургѣ открытымъ домомъ и былъ душою своего общества. Однажды обѣдали у него великолѣпный князь Таврическій и Каринъ. Остроты сыпались аттическою солью, и князь Потемкинъ не всегда сидѣлъ, заключась въ глубокую думу и грызя ногти. Развеселясь въ гостепріимной бесѣдѣ и оборотясь къ юному Адонису Карину, онъ сказалъ:

Ты, Каринъ,
Райскій кринъ;
Ты лилеи
Намъ милѣе!
Многихъ умниковъ умнѣе,
И весеннихъ дней яснѣе.

Каринъ не ходилъ въ карманъ за словами; за привѣтъ онъ тотчасъ отмахнулъ привѣтомъ:

Не Каринъ —
Райскій кринъ,
Ты всѣхъ розъ для насъ алѣе
И милѣе всѣхъ цвѣтовъ;
Въ битвахъ ты—громовъ страшнѣе,
А съ друзьями—весь любовь!

Спросишь невольно: гдѣ все это? Въ воспоминаніи старика, отвѣчаетъ Княжнинъ; и вотъ что онъ говоритъ:

О память! прежнихъ дней пріятныхъ,
Проникни въ томну, слабу мысль
И прежнихъ случаевъ превратныхъ
Прошедшихъ радостей исчисль.
Когда весна моя блистала,
Сбиралъ я майскіе цвѣты;
Душа какъ роза расцвѣтала,
Не знавъ, что горесть, что бѣды.
Бывало съ милою Авророй
Встрѣчалъ я первый Ѳебовъ въѣздъ,
И въ мысли восхищенной, новой
Сіялъ, какъ искра въ сонмѣ звѣздъ,
Бывало—раннихъ птичекъ пѣнье
И громкой голосъ соловья,
Шумъ водопадовъ, ихъ стремленье
Внималъ съ живѣйшимъ чувствомъ я,
Бывало—пляски, хороводы
Веселыхъ добрыхъ поселянъ,
Гдѣ безъ искусства видъ природы
Для блага общаго имъ данъ,
Меня въ младенчествѣ питали;
Я съ ними радости дѣлилъ;
Рѣзвились, пѣли и играли:
Кто прожилъ такъ, тотъ прямо жилъ.

Вотъ какъ описываетъ Княжнинъ отроческія свои лѣта, проведенныя на берегахъ рѣки Великой, въ кругу трудолюбивыхъ поселянъ. Тутъ самъ Княжнинъ всего себя высказалъ. И на поэзію, и на прозу у насъ, какъ и вездѣ, есть какая-то мода, но, несмотря на всѣ превратности различныхъ мнѣній, доблести душевныя никогда не теряютъ своей цѣны. Вотъ неотъемлемая собственность Княжнина. Его любилъ и посѣщалъ князь Потемкинъ, но Яковъ Борисовичъ никогда въ немъ не искалъ, а самъ всегда былъ готовъ на услуги другимъ. Баснописецъ нашъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ, окончивъ воспитаніе въ Тверскомъ училищѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ круглымъ сиротой. Княжнинъ далъ ему пріютъ въ своемъ домѣ и первый открылъ ему поприще тогдашней словесности, но онъ объ этомъ никогда не говорилъ. Ознакомясь съ Петербургомъ, Крыловъ оставилъ Княжнина и шутливымъ перомъ, въ комедіи своей Т а р а т о р ъ, описалъ въ смѣшномъ видѣ домашній бытъ своего хозяина. Онъ жилъ человѣколюбіемъ и ясными душевными воспоминаніями. Онъ не вспоминаетъ ни о пирахъ роскошныхъ, ни о собраніяхъ блестящихъ; онъ не вспоминаетъ даже и о торжествахъ своихъ драматическихъ. Заря жизни была бытіемъ его души; и по привычному чувству любви къ человѣчеству, онъ у себя въ домѣ не могъ видѣть печальнаго лица. Часто случалось съ нимъ, что въ дождливую погоду, взявъ денегъ, чтобы отправиться на дрожкахъ въ кадетскій корпусъ, гдѣ онъ былъ учителемъ словесности въ старшемъ возрастѣ, онъ отдавалъ тѣ деньги бѣдняку-просителю или слугѣ, который или по какой-либо причинѣ, или и умышленно, казался печальнымъ. «На, братецъ! говорилъ онъ: будь повеселѣе!». И въ корпусъ, на каѳедру словесности приходилъ въ скромномъ сюртукѣ, запрысканномъ дождемъ. «Что такое добродѣтель?» говоритъ Лабрюеръ.—Человѣколюбіе. «А что такое человѣколюбіе?» Онъ же отвѣчаетъ: «Первая душевная добродѣтель». И потомъ прибавляетъ: «Счастливцы свѣта! вы, которыхъ судьба осыпала всѣми дарами своими! не зàмки сооружайте—сооружайте памятники благодѣтельные: когда слѣды вашихъ поколѣній затеряются въ книгѣ знаменитостей, васъ вспомнятъ, если и вы помнили, что одно добро безсмертно».

Къ числу прекрасныхъ душевныхъ качествъ Я. Б. Княжнина принадлежитъ безпристрастная его любовь къ отечественной словесности. Охотно отдавалъ Яковъ Борисовичъ справедливость другимъ и радовался успѣхамъ отечественной словесности. Всѣмъ извѣстенъ Петровъ, другъ юности Карамзина, съ которымъ сей послѣдній началъ свое литературное поприще въ Д ѣ т с к о м ъ ч т е н і и, издававшемся Н. И. Новиковымъ. Осыпая гробъ его цвѣтами, Карамзинъ назвалъ его Агатономъ; этотъ другъ нашего исторіографа былъ

пріятелемъ Княжнина и показывалъ ему всѣ письма, получаемыя отъ русскаго путешественника. Въ одинъ свой приходъ въ кадетскій корпусъ Яковъ Борисовичъ, перечитывая ихъ намъ, съ восторгомъ сказалъ: «Привѣтствую русскую словесность съ новымъ писателемъ. Юный Карамзинъ создаетъ новый, живой, одушевленный слогъ и проложитъ новое поприще русской словесности». Любилъ и Карамзинъ Княжнина; особенно нравилось ему изъ сочиненій Якова Борисовича посланіе: Отъ дяди стихотворца риомоскрина. Никто изъ нашихъ писателей не уважалъ трудовъ земледѣльцевъ болѣе Княжнина.

Вотъ его слова:

Почтенъ питатель смертныхъ рода!
На нивы тучныя спѣшитъ;
Чтя трудъ его, сама природа
Согбенны класы золотитъ.
Онъ смертныхъ жизнь съ полей сбираетъ
И униженье презираетъ,
Чѣмъ пышность гордая претитъ
Его полезнѣйшей заботѣ;
Въ священной рукъ его работѣ
Блаженство міра состоитъ.

Съ такимъ же чувствомъ цѣнилъ онъ и услуги домашнихъ людей своихъ: никто изъ нихъ не слыхалъ на себя окрика и не погоревалъ отъ него. Въ жизни его были черты достойныя Плутарха и Ж. Ж. Руссо.

По свойству души своей, вотъ какъ онъ въ Толковомъ словарѣ опредѣляетъ уваженіе. «Уваженіе», говоритъ онъ, «раздѣлено по состоянію богатства». Но онъ во всѣхъ рѣчахъ, говоренныхъ имъ въ Академіи Художествъ и въ корпусѣ, доказывалъ, что истинное достоинство человѣка заключается въ немъ самомъ. Въ томъ же словарѣ онъ называетъ исторію архивомъ тщеславія. Это не совсѣмъ справедливо. Исторія оказываетъ часто пагубныя слѣдствія тщеславныхъ замысловъ, но правда и то, что эти уроки иногда вѣтеръ разноситъ, и если смотрѣть на исторію, какъ на хронологію неудачныхъ царствованій и на заблужденія народовъ, оно можетъ быть и справедливо. Тамъ же, говоря о чернильницѣ, онъ сказалъ: «чернильница—малая причина большихъ дѣйствій». Тутъ почти вся исторія XVIII столѣтія отъ 1713 до 1788 года.

Въ Отечественныхъ Запискахъ» 1840 года Княжнина сопричислили къ какимъ-то труженикамъ. И я готовъ назвать Я. Б. труженикомъ; но въ чемъ? Въ неустанномъ стремленіи къ подвигамъ добра и къ благу общественному, во время служенія своего при Иванѣ Ивановичѣ Бецкомъ. Дай Богъ, чтобы такихъ тружениковъ у насъ было побольше!

Пушкинъ въ Онѣгинѣ своемъ называетъ Княжнина переимчивымъ. Согласенъ. Но то, что онъ перенималъ отъ другихъ, все то выражено творческимъ русскимъ словомъ.

Напр. Вейссе говоритъ:

Ohne Glück in unsern Tagen,
Hielt Vernunft und Klugheit nicht:
Glück fährt auf einen gold'nen Wagen,
Wer vernünftig zu Füßen kriegt.

А вотъ какъ Княжнинъ это перевелъ:

Счастье строитъ все на свѣтѣ,
Безъ него—куда съ умомъ?
Счастье ѣдетъ и въ каретѣ,
А съ умомъ идетъ пѣшкомъ.

Въ посланіи Ты и Вы, Княжнинъ подражалъ Вольтеру, но какъ?—онъ оживлялъ тамъ чувствомъ, гдѣ поэтъ Фернейскій шутилъ.

Напр. Вольтеръ говоритъ:

Ah! madame, que votre vie
D'honneurs aujourd'hui si remplie,
Diffère de nos doux instans!
Le large suisse à cheveux blancs,
Qui ment sans cesse à votre porte,
Philis! est l'image du temps,
Il semble qu'il chasse l'escorte
Des tendres amours et des ris.

А у Княжнина:

Въ восторгахъ нашихъ я и ты, забывъ весь свѣтъ,
Мы думали, что насъ счастливѣй въ свѣтѣ нѣтъ.
И въ самомъ дѣлѣ такъ! Кто могъ быть насъ блаженнѣй;
И чѣмъ же генералъ въ веселіи отмѣннѣй?
Отмѣннѣй? быть нельзя; безмѣрно ниже насъ.
Не по природѣ онъ, по этикету васъ
Любя, нахмуряся къ вамъ важно подступаетъ.
Утѣхи, смѣхи прочь и игры отгоняетъ.
Боясь знатность онъ и блескъ свой уронить,
Онъ можетъ ли васъ такъ, какъ я тебя любить.
Превосходительствомъ природу отягчая,
И въ сердцѣ гордость онъ съ любовью къ вамъ мѣшая,
Васъ любитъ, помня то, что онъ и генералъ;
А я тебя любя, себя позабывалъ,
Всѣ были чувствія, вся мысль полна тобою,
И весь я занятъ былъ лишь Лизою одною.
Тобою слышалъ все, тобой на все взиралъ,
Тобою жилъ, твоимъ дыханіемъ дышалъ..

И потомъ:

У насъ лишь только два часа бывали въ сутки:
Одинъ чтобъ вмѣстѣ свѣтъ и время забывать;
Другой—не видяся, увидѣться желать.

Тутъ все чувство, вся тайна, вся поэма любви!

Заглавіе сказки своей: Попугай Княжнинъ заимствовалъ у Грессета, но весь русскій разсказъ его. И какой разсказъ! Послушаемъ. Старушка и прекрасная дочь, въ разлукѣ съ сыномъ, бывшимъ въ полку, купила попугая и ревностно занимается его воспитаніемъ.

И поэтъ говоритъ:

Большое дѣло воспитанье!
Ласкаемъ и любимъ заморской кавалеръ.
Какъ нравиться давалъ и щеголямъ примѣръ.
Его прелестно лепетанье,
Пристойно завсегда,
Не допускало никогда
Тѣхъ словъ, которыя стыда наводятъ краску.
Въ бесѣдахъ, ласкою платя за ласку,
Красавицамъ кричалъ: je vous adore!
Цалующимъ: цалуй меня encore;
Старушкамъ: Ну, подите съ Богомъ!
Вотъ такъ-то отвѣчалъ разумникъ разнымъ слогомъ.
Подобно, Цесарь вдругъ и самъ писалъ,
И сказывалъ другимъ совсѣмъ иныя строки,
Такъ и Жако свои выказывалъ уроки.
Мать съ дочерью въ награду за труды
Свой зрѣли полонъ домъ всечасно.
Знакомства новыя, и всѣ несутъ плоды
Конфеты, сухари, бомбонъ—какъ все прекрасно!
Катается Жако, какъ въ маслѣ сыръ—
И всякой день такой же пиръ,
Какой откупщики даютъ боярамъ рѣдко,
Однако жъ мѣтко.

Повторяю еще: Пушкинъ называетъ Княжнина переимчивымъ; но развѣ и его Онѣгинъ не откликается родствомъ съ Чайльдъ-Гарольдомъ? Байронъ говоритъ: «Переводя, отважною грудью завоевывай духъ писателя», а нашъ А. П. Сумароковъ сказалъ:

Не мни, переводя, что смыслъ въ творцѣ готовъ:
Творецъ даетъ намъ мысль, но не даетъ намъ словъ.

Сущая правда! Въ чемъ же состоитъ тайна поэзіи и прозы?— Въ живомъ сочетаніи словъ своего природнаго языка. Жуковскій, Пушкинъ и другіе наши поэты тѣмъ же говорятъ языкомъ, какимъ и мы, люди обыкновенные; но отъ чего же изъ поэзіи ихъ переливается и въ слухъ, и въ душу какая-то непостижимая сладость?— Оттого, что въ сочетаніи словъ отыскали они жизнь души, сердца и мысли. Въ греческой антологіи Венера говоритъ: «Вулканъ и Марсъ меня видали, но гдѣ видалъ меня Пракситель?» Гдѣ? Въ творческой мысли своей, и рѣзцомъ своимъ вывелъ изъ мрамора изумительную прелесть. Въ мысли олицетворилъ сперва Пракситель свое произведеніе, а потомъ представилъ его взорамъ. То же дѣлаютъ и

чародѣи-поэты: они словами олицетворяютъ свою мысль, движеніе своей души и сердца, и потомъ передаютъ намъ, въ нашемъ общемъ словѣ, свои вдохновенія. Такъ поступалъ и Княжнинъ. Скажутъ, что нѣкоторыя изъ красокъ его поблекли. А много ли живописцевъ слова человѣческаго устояли противъ грознаго напора времени?

Взглянемъ теперь на полный объемъ произведеній Княжнина. Первымъ его драматическимъ опытомъ была трагедія Дидона. Основа ея въ Энеидѣ Виргилія; но это основа лживая, а потому и всѣ драматическія Дидоны неудачны. Виргилій представляетъ, что Купидонъ, въ видѣ Асканія, юнаго сына Энея, рѣзвясь на колѣнахъ Дидоны, воспламеняетъ въ ней жаръ страсти къ Энею. Я сказалъ въ моей Сумбекѣ:

Кто, кромѣ сердца, дастъ любви уставъ, законъ?

и это справедливо не отъ того, что мое, но отъ того, что и природа то же скажетъ. Истина необходима и въ любви. Древніе, какъ будто мимо души человѣческой, все относили къ какому-то внѣшнему вліянію. Добрый Жанъ-Жакъ Руссо говоритъ, что «онъ далъ бы юному Эмилю, когда онъ достигнетъ лѣтъ семнадцати, для развитія чувствительности его, прочитать четвертую тетрадь Энеиды». Но тамъ не любовь, а изступленіе страсти. И Руссо въ Новой Элоизѣ своей, выдумывая любовь, въ лицѣ Сенъ-Пре говоритъ: «Могущество небесное! ты дало мнѣ душу для ощущенія скорбей; дай мнѣ другую душу для чувствованія блаженства». Это любовь по воображенію. А развѣ Шекспиръ не выдумывалъ любви въ Отеллѣ и въ Жюльетѣ и Ромео? Нѣтъ! онъ не умствовалъ, а изображалъ природу; онъ изображалъ въ Отеллѣ борьбу ухищренія коварнаго Яго съ пылкою и порывистою душою легковѣрнаго супруга: и въ Жюльетѣ и Ромео представилъ двухъ юныхъ, восхитительныхъ любовниковъ, отягченныхъ враждебною ненавистію отцовъ своихъ. Тутъ душа, тутъ голосъ природы! Впрочемъ, въ трагедіи Княжнина русскій трагическій слогъ высказывается уже съ большею зрѣлостію.

Титово милосердіе заимствовано Княжнинымъ изъ Метастазія. Княжнинъ самъ читалъ ее въ кадетскомъ корпусѣ. Я былъ въ числѣ слушателей, и теперь повторю съ Сен-Ламберомъ:

Ужь соловей умолкъ, но слышу пѣснь его.

Изъ нѣмецкихъ писателей любилъ онъ особенно Геснера и перевелъ нѣсколько его идиллій, напечатанныхъ въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ. «Какъ счастливъ Геснеръ!» говорилъ онъ: «кисть его оживляла прелести родныхъ долинъ, и онъ былъ нѣжнымъ сыномъ природы».

Часто, очень часто перелеталъ Княжнинъ мыслію подъ небосклонъ древней Гельвеціи, гдѣ новый Ѳеокритъ дышалъ горнымъ воздухомъ страны живописной и обильной напоминаніями родной славы.

«Я люблю древнюю Гельвецію,—говорилъ Княжнинъ,—люблю Геснера, и если бы не родился въ Россіи, то желалъ бы быть его соотечественникомъ. Въ идилліяхъ его все дышетъ жизнію золотаго вѣка».

Третія трагедія Княжнина—Р о с с л а в ъ. Усиливаясь исторгнуть изъ души Росслава тайну, гдѣ скрывается Густавъ Ваза, будущій избавитель Швеціи, кровожадный Христіернъ, говоритъ Росславу:

Чтобы не трепетать, кто ты таковъ?

Р о с с л а в ъ.

Я Россъ.

Х р и с т і е р н ъ.

Ты плѣнникъ дерзостный, ты рабъ мой!

Р о с с л а в ъ.

Тотъ свободенъ,
Кто, смерти не страшась, тиранамъ не угоденъ.

Х р и с т і е р н ъ.

Чего желаешь ты, скажи?

Р о с с л а в ъ.

Чего? Престола.

Х р и с т і е р н ъ.

Умри, злодѣй! Мое терпѣнье истребя,
Надежду на кого взлагаешь?

Р о с с л а в ъ.

На себя.

Восхищенные зрители съ торжественными рукоплесканіями вызывали поэта, и это было началомъ вызововъ сочинителей драматическихъ. Скромный Княжнинъ отъ гремѣвшихъ кликовъ опрометью бѣжалъ изъ театра, но вызовъ продолжался. Дмитревскій, игравшій Росслава, вышелъ и сказалъ: «М. Г., сочинителя нѣтъ въ театрѣ; но голосъ вашъ, столь для него лестный и перешедшій и въ мое сердце, передамъ ему съ чувствомъ благодарности за тотъ торжественный вызовъ, которымъ вы увѣнчали его». Загремѣли новыя рукоплесканія. А Княжнинъ ожидалъ Дмитревскаго въ домѣ его. Едва увидѣвъ, онъ бросился его обнимать и съ восторгомъ воскликнулъ: «Счастливъ Княжнинъ, что родился современникомъ Дмитревскаго: ему, а не себѣ обязанъ онъ торжествомъ Р о с с л а в а».

Въ трагедіи В л а д и с а н ъ отчасти откликается Вольтерова Ме-

ропа. Разнесся слухъ, будто бы Владисанъ погибъ въ сраженіи. Витозаръ, главный вельможа, утѣшая Пламиру и сына его, преклоняетъ на свою сторону вельможъ славянскихъ. Раболѣпнымъ поклоненіемъ изъявляютъ они покорность свою Витозару; а Пламира восклицаетъ:

О, малодушные! подъ иго уклоненны,
Вы слабыхъ удручать лишь только дерзновенны,
Безъ чести, безъ души, народныя главы,
Для счастья своего велики только вы!

Въ Владисанѣ есть отчасти и нынѣшній романтизмъ, и театръ въ театрѣ. Славянскій князь является въ одеждѣ горестнаго странника въ той самой области, гдѣ владычествовалъ и гдѣ прослылъ убитымъ. Онъ видитъ надгробный памятникъ, воздвигнутый ему любовью печальной супруги. Наконецъ, къ величайшей скорби своей видитъ супругу и сына, утѣсненныхъ наглою силою вельможи. Казалось, какъ бы всему этому не дѣйствовать на сердце? Но я въ молодости моей два раза на театрахъ двухъ столицъ видѣлъ представленіе этой трагедіи, и она нисколько не волновала души моей. А отчего? Оттого, что, когда идешь смотрѣть ее, въ памяти не оживляется никакое воспоминаніе. Герцогъ Мальборугъ, извѣстный и по военному своему поприщу, и по пѣсни, громкой его именемъ, говорилъ: «Я въ трагедіяхъ Шекспира учусь англійской исторіи». Онъ могъ бы еще прибавить: «и развитію страстей въ истинѣ исторической». Сочиняя Владисана, Княжнинъ забылъ свой стихъ:

Воспоминаніемъ живетъ душа моя.

Владиміръ и Ярополкъ—отчасти подраженіе Расиновой Андромахѣ. Въ ней много сильныхъ, великолѣпныхъ и сердечныхъ стиховъ. Въ ней поэтъ однимъ стихомъ выразилъ то боевое удѣльное междоусобіе, когда, по словамъ сочинителя Слова о полку Игоревѣ: Жизнь земли русской гибла въ распряхъ князей. При Княжнинѣ не былъ отысканъ этотъ памятникъ нашей старины; онъ, по собственному вдохновенію, сказалъ:

Россію русскій князь Россіей истреблялъ.

Послѣдняя трагедія Княжнина Софонисба, заимствованная у Триссино и у подражателя его Лоре. И въ ней также есть сильные стихи. Напр. Масинисса, истомленный и насиліемъ римлянъ, и тоскою жизни, обращаясь къ богамъ, восклицаетъ:

О боги лютые! коль жизнь моя вашъ даръ,
Возьмите вы его: я имъ себя терзаю,
Я сей несчастный даръ вамъ нынѣ возвращаю.—
Возьмите вы его!.. Пусть римляне живутъ,
Въ злодѣйствахъ счастливы, пускай несчастныхъ рвутъ

Подражалъ Княжнинъ въ трагедіяхъ классикамъ европейскимъ, то же дѣлалъ и въ комедіяхъ. Но и въ нихъ слово русское—его; это главное дѣло. Говорили и Мольеру, что онъ беретъ у Плавта и Теренція, а онъ возражалъ: «Гдѣ нахожу хорошее, то почитаю своимъ». О Хвастунѣ я скажу только, что онъ отчасти заимствованъ изъ Детуша, но приноровленъ къ русской современности. Не посѣщая театра около тридцати лѣтъ, не знаю, часто ли его играютъ; но кто видѣлъ въ Полистѣ Черникова и Сандунова, тотъ вѣрно и теперь поблагодаритъ Княжнина за это лицо. Комедія его Чудаки также отчасти заимствована у Детуша и Мольера. Въ оперѣ: Сбитеньщикъ, Степанъ выведенъ на степень Фигаро Бомарше; но въ немъ нѣтъ ни одного галлицизма. Онъ зоркимъ русскимъ взглядомъ присмотрѣлся къ быту житейскому: знаетъ всѣ его продѣлки, дѣйствуетъ, какъ опытный жилецъ міра продѣлокъ. Въ Сбитеньщикѣ слышны отголоски и изъ Мольеровой Школы Мужей; но Волдыревъ, Ѳаддей и Власьевна—собственныя лица нашего автора: сверхъ того и главная, основная мысль принадлежитъ Княжнину. Онъ хотѣлъ доказать, что есть люди, думающіе, будто глупость и безсмысліе необходимы для безусловнаго повиновенія. Такъ мечталъ Волдыревъ, опекунъ Паши, и, выходя изъ дома, оставленнаго имъ подъ надзоромъ ненавистныхъ невѣждъ, онъ, съ важностію таинственныхъ мудрецовъ древняго Египта, говоритъ: «Глупый человѣкъ гораздо лучше остряка: все дѣлаетъ вѣрно и точно, что ему прикажетъ хозяинъ. Умъ надобенъ тому, кто повелѣваетъ, а кто исполняетъ приказанія, тому надобна глупая точность»! Такъ разсуждалъ Волдыревъ и черезъ глупцовъ попалъ въ цехъ простофиль. Княжнинъ, подъ шутливою личиною Сбитеньщика, разрѣшилъ задачу, въ семнадцатомъ столѣтіи предъявленную Боссюэтомъ, а въ восемнадцатомъ—Суворовымъ. «Здравый смыслъ, сказалъ Боссюэтъ, «управляетъ свѣтомъ» [1]). А Суворовъ говоритъ: «Точность въ одномъ Богѣ; въ дѣлахъ же человѣческихъ нужно теченіе». Вслѣдствіе этого правила, отдавая приказанія (особенно въ Италіи), онъ прибавлялъ: «Я говорю: иди вправо, а ты, по направленію непріятеля или по какой-нибудь удобности увидя, что нужно идти влѣво —иди: у тебя есть и свой смыслъ».

Острыя комическія шутки Княжнина и теперь еще откликаются. Разговаривая со мною о Княжнинѣ, одинъ изъ новыхъ комиковъ сказалъ: «Хвастунъ его дышетъ веселостью». Прибавляю и отважностью. Намекая о быстромъ возвышеніи нѣкоторыхъ временщиковъ и о вліяніи ихъ на тогдашнее общество, онъ рѣзко означилъ это

---

[1]) C'est le bon sens qui gouverne le monde.

стихомъ Помута, который, хвастая мужественною силою Верхолета, говорилъ Простодуму:

«Онъ врютитъ въ канцлеры на васъ освирѣпѣвъ!»

С...вандъ сказалъ, что письма Севиньи суть лучшая исторія двора Людовика XIV и великолѣпнаго, и страннаго, что нѣкоторыя драматическія произведенія восемнадцатаго вѣка суть исторія нравовъ того времени. Къ числу ихъ принадлежитъ опера Княжнина: Несчастіе отъ кареты.

Не заботясь о своей личности, Княжнинъ на ряду съ Фонвизинымъ не потакалъ дурачествамъ своего вѣка. Но онъ былъ смѣлѣе въ своихъ комедіяхъ. Фонвизинъ въ Недорослѣ представилъ баловня въ семьѣ Скотининыхъ, а въ Бригадирѣ—баловня скупой бригадирши, который былъ шутомъ въ Парижѣ и шутомъ возвратился въ семью свою и былъ соперникомъ батюшки своего въ волокитствѣ за полумодною совѣтницею. Это только смѣшно; а Княжнинъ прямо мѣтилъ въ большой свѣтъ въ оперѣ своей Несчастіе отъ кареты.

Господинъ Фирюлинъ и супруга его, побывавъ въ Парижѣ, на яву и во снѣ бредятъ о модахъ. Наступаетъ праздникъ, изъ Парижа привезена новая карета. Денегъ нѣтъ, нѣтъ урожая, но есть крестьяне, годные въ рекруты. Фирюлинъ приказчика своего Клима переименовываетъ Клеманомъ и за эту переименовку требуетъ, чтобы, во что ни стало, онъ досталъ бы денегъ для покупки кареты. Лукіанъ. ловкій слуга, жившій нѣкогда въ городѣ, влюбленъ въ Анюту, которая приглянулась и приказчику. Лукіана хватаютъ, оковываютъ и обрекаютъ въ жертву за модную карету. Къ счастію, на ту пору въ деревнѣ случился господскій шутъ Аоанасій. Узнавъ, что Лукіанъ кое-какъ налетомъ нахваталъ нѣсколько французскихъ словъ, онъ берется выручить его изъ бѣды и врютить въ бѣду приказчика. Сдѣланъ договоръ и, какъ водится, скрѣпленъ задаткомъ. Модные помѣщики нагрянули въ деревню. Лукіанъ бросается къ ногамъ ихъ, возглашая: Monsieur! Madame. Отъ этихъ волшебныхъ словъ мосье и мадамъ растаяли: Лукіанъ спасенъ, въ рекруты попалъ другой. Тутъ Аоанасій, торжествуя побѣду, поетъ:

Провалъ возьми тотъ свѣтъ,
Гдѣ столько бѣдъ,
То отъ каретъ,
То отъ манжетъ,
То отъ Анетъ,
И гдѣ приказчикъ плутъ.

Была бѣда и отъ смычковъ гончихъ и борзыхъ собакъ, на которыя обмѣнивали семьи крестьянъ; была бѣда и отъ торгашей; переселяли на лицо земли русской перекупы негровъ,

Искусно въ рекруты торгуючи людьми,

сказалъ Княжнинъ. Говорятъ, что первое представленіе оперы: Несчастіе отъ кареты было въ Эрмитажномъ театрѣ въ присутствіи Екатерины, а неугомонная роскошь и моды, на бѣду хижинѣ, кипѣли въ столицахъ и городахъ. Были и въ деревняхъ безсовѣстные корыстолюбцы, которые наживались и добивались чиновъ, чтобы тѣснить сосѣднія угодья и

Какъ на собственныхъ, на ихъ косить лугахъ.

Нынче много писали о вредѣ черезполосныхъ владѣній; но Княжнинъ первый высказалъ это въ Хвастунѣ.

Опера Несчастье отъ кареты непосредственно принадлежитъ Княжнину и его времени. Она была любимою оперою Екатерины. Въ ней живая картина тѣхъ дурачествъ, когда суматошный Парижъ давалъ законы нашему, такъ называемому, большому свѣту, и когда мода была все, а человѣчество—дѣло постороннее.

При всей остротѣ ума своего Княжнинъ не былъ насмѣшливъ и только разъ намекнулъ о паденіи драмы какого-то сочинителя, не означая однако имени его; онъ имѣлъ завистниковъ и недоброжелателей за то, что ревностно защищалъ человѣчество.

Хотя фортуна-мачеха не очень щедро надѣлила Якова Борисовича дарами своими, но и у него бывали дружескія пирушки; по повѣрью того времени, литераторы шутили, остроумничали, перекидывались колкими эпиграммами, заносились на Парнассъ и не заглядывали въ область политики; но когда забушевала французская революція, тогда Княжнинъ первый понялъ порывъ и полетъ этой бури.

Но счастливъ ли былъ Княжнинъ на поприщѣ своихъ трудовъ? Вотъ его отвѣтъ:

Однѣ заслуги чтя, моя не подла муза;
Бѣжа со лестію порочнаго союза,
Въ терпѣніи своемъ, несчастна, но тверда,
Не приносила жертвъ Фортунѣ никогда.

И это сущая правда. А онъ много трудился. Какъ членъ Россійской академіи, онъ участвовалъ въ составленіи Русскаго словаря; а въ Собесѣдникѣ, гдѣ участвовала сама Екатерина, доставлялъ многія статьи; онъ также вмѣстѣ съ Фонвизинымъ переводилъ словарь, изданный французскою академіею.

Нашъ поэтъ доказалъ также, что душа его была выше всѣхъ обольщеній счастія. Иванъ Ивановичъ Бецкій принялъ его въ секретари свои и водворилъ въ Кадетскій корпусъ наставникомъ русской словесности. Безбородко, занимавшій и при Екатеринѣ чреду блистательную, перезывалъ его къ себѣ отъ Бецкаго, предлагая и чины,

и улучшеніе состоянія. Княжнина ничто не поколебало. Онъ говорилъ: «Я чувствую, что я полезенъ на моемъ мѣстѣ, вотъ моя почесть и награда». Не обольщаясь никакими почестями, онъ жилъ сердцемъ и въ стихахъ своихъ сказалъ:

Мы сердцемъ лишь тогда живемъ,
Какъ сердце чувствуемъ въ другомъ.

И на сердечный его голосъ откликались сердца воспитанниковъ Академіи Художествъ, Воспитательнаго дома и Кадетскаго корпуса. Къ очерку жизни его должно прибавить, что В. А. Озеровъ, сочинитель Эдипа и Фингала, и Ефимьевъ, сочинитель комедіи Братомъ проданная сестра, были его учениками. Первый пожалъ вѣнцы Мельпомены по смерти его, а второй блеснулъ на театрѣ при немъ.

Рано уклонился Я. Б. Княжнинъ въ могилу: онъ не дошелъ и до полвѣка. Труды и чрезмѣрная чувствительность ускорили его кончину. Когда зашумѣла буря французской революціи, онъ написалъ почти все то же, что тесть его, Сумароковъ, высказалъ Екатеринѣ 1762 года. Но тогда еще Франція, затериваясь въ кукольномъ быту своемъ, дремала, не слыша отдаленной бури. Правда, ее слышалъ Жанъ-Жакъ-Руссо еще 1756 года, но его называли безумцемъ и мечтателемъ.

Смерть преждевременная постигла Княжнина на сорокъ восьмомъ году. Предполагаютъ, что рукопись его, подъ заглавіемъ: «Горе моему отечеству», попавшая въ руки постороннія, отуманила последніе мѣсяцы его жизни и сильно подѣйствовала на его пылкую чувствительность. Въ этой рукописи страшно одно только заглавіе. Я читалъ нѣсколько черновыхъ листовъ. Главная мысль Княжнина была та, что должно сообразоваться съ ходомъ обстоятельствъ и что, для отвращенія слишкомъ крутаго перелома, нужно это предупредить заблаговременнымъ устроеніемъ внутренняго быта Россіи, ибо французская революція дала новое направленіе вѣку. Такую же почти мысль изложилъ онъ въ трагедіи Россла въ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ сочиненій своихъ. Вѣроятно, что рукопись умышленно или неумышленно перетолкована была людьми пугливыми, которые видятъ страхъ тамъ, гдѣ его нѣтъ, а не видятъ его тамъ, куда онъ дѣйствительно затѣснился. При бушеваніи вѣтра какая сила человѣческая воспретитъ, чтобы колебались лѣса и не волновались лѣса? Сумароковъ, тесть Княжнина, прежде его сказалъ:

Питай водами лавръ, доколѣ не увянетъ,
И скройся грозныхъ бурь, доколѣ громъ не грянетъ.

Патріотическія, но не дерзновенныя мысли Княжнина оправданы были событіями, быстро измѣнившими прежній міръ политическій.

Спустя лѣтъ десять по смерти его, я прочиталъ въ философической исторіи о французской революціи Фонтена — Дезодоара слѣдующія слова: «Исполинскій разгромъ французской революціи, поколебавшій міръ политическій, долго будетъ дѣйствовать на жребій народовъ и на судьбу правителей ихъ».

Я читалъ бумагу Княжнина и повторяю еще: главныя мысли, изложенныя въ ней, читатели увидятъ въ моихъ «Очеркахъ жизни и сочиненій А. П. Сумарокова». Какъ бы то ни было, но тогда гулъ бури французской революціи застращалъ умы, и патріотическія мысли Княжнина показались неумѣстными. Онъ не пережилъ этого случая. Полагали, будто бы трагедія его Вадимъ нанесла ему ударъ преждевременной смерти. Это несправедливо: онъ скончался въ 1791, а трагедія Вадимъ напечатана была княгинею Дашковою въ 1792 году. Не берусь описывать свойствъ прекрасной души Я. Б. Княжнина; онъ самъ высказалъ ихъ, и вотъ въ какихъ словахъ:

Для добродѣтели на всѣ бѣды стремиться,
Любить отечество и смерти не страшиться,
Для счастья своего не льстить страстямъ людей:
Вотъ что я сохранялъ всегда въ душѣ моей!

VIII.

Н. Я. Озерецковскій. — Отвѣтъ его Екатеринѣ. — Наружность Озерецковскаго. — Мнѣніе его о Карамзинѣ. Послѣднее свиданіе мое съ Озерецковскимъ. — Актеръ Офренъ. — Анекдотъ о Вольтерѣ. — Мимо-классныя пособія. — Питомцы графа Ангальта. — Я. П. Кульневъ. — Воспитательная система графа Ангальта. — Актеръ Плавильщиковъ. — Его уроки словесности. — Профессоръ Х. П. Безакъ. — Моя ссора съ его сыномъ. — Арестъ. — Пославіе къ товарищу изъ-подъ ареста. — Слова гр. Ангальта. — И. А. Цызыревъ. — Его увѣщанія. — Письмо мое къ графу. — Раскаяніе и прощеніе. — Корпусныя партіи. — Г. А. Галаховъ. — Книжная спекуляція. — Аллеръ — Плавильщиковъ и Чупятовъ. — Ф. Ф. Сакенъ.

Мѣсто Княжнина занялъ у насъ Николай Яковлевичъ Озерецковскій, академикъ, естествословъ и врачъ, словомъ, мужъ ученый, обладавшій различными свѣдѣніями. Онъ сопровождалъ въ путешествіи по чужимъ краямъ графа Бобринскаго. Екатерина, недовольная Телемакомъ, укоряла Ментора. Озерецковскій съ добродушною откровенностью отвѣчалъ: «Матушка, вѣдь я человѣкъ! Одинъ Богъ дѣлаетъ, что хочетъ; я сдѣлалъ, что могъ». Лицо Озерецковскаго было здорово и молодо. Онъ былъ сутуловатъ и еще болѣе сгибался, когда, держа въ рукахъ табакерку, выхватывалъ изъ нея табакъ, щепотку за щепоткою, торопливо принюхивалъ, мѣрными шагами ходилъ по классу, пріискивая надлежащее слово и, отыскавъ его, при-

говаривалъ: «да, вотъ такъ надобно». Тутъ рѣчь его текла плодовитѣе и свободнѣе. Изучая анатомію, онъ не только объяснялъ намъ смыслъ фигуръ риторическихъ, но и дѣйствіе ихъ на внутренній составъ тѣлесный. О Карамзинѣ онъ былъ совершенно различнаго мнѣнія съ Княжнинымъ. Видя, съ какимъ жаромъ читали мы письма русскаго путешественника, онъ однажды заставилъ меня прочесть вслухъ письмо о горахъ альпійскихъ. Я началъ читать. Озерецковскій по обыкновенію своему расхаживалъ по комнатѣ, и, когда я кончилъ чтеніе подобно восторженной Пиѳіи, онъ угрюмо и отрывисто сказалъ: «Ну, что это такое? пышный, вычурный слогъ, мыльный пузырь, надутый вѣтромъ. Кольни булавкой, вѣтеръ вылетитъ, и останется пустота. Я самъ былъ на Альпахъ, но не видалъ того сумбура, который забрелъ въ это письмо». Случилось мнѣ въ другой разъ читать Озерецковскому переводъ Карамзина Вольтерова экклезіаста. При чтеніи стиховъ: «Ничто не ново подъ луною», онъ вспыхнулъ отъ досады и проворчалъ: «Неправда, не подъ луною, а подъ солнцемъ. На что такъ срамить землю?» Для дополненія разсказа о Н. Я. Озерецковскомъ, сближаю времена и скажу, что 1825 года встрѣтилъ я его у тогдашняго министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова. Онъ былъ еще довольно крѣпокъ на ногахъ, но на лицѣ его проглядывало изнеможеніе, предвѣстіе близкой смерти. Онъ мнѣ очень обрадовался и сказалъ съ прежнимъ радушіемъ: «Ты много трудишься, братъ, это хорошо».

— Тружусь много, отвѣчалъ я, потому что привыкъ къ труду, да проку мало.

— Нѣтъ нужды, братъ, возразилъ онъ, въ трудѣ всегда есть прокъ; трудъ занимаетъ умъ и душу. Я и постарѣе тебя, но не прочь отъ труда.

Въ путешествіяхъ Озерецковскаго по Россіи есть много полезнаго по части внутренняго хозяйства; слогъ ясный и приличный разсказу, мѣстами встрѣчаются удачныя и счастливыя выраженія. Напримѣръ, онъ говоритъ, что, осматривая Астрахань съ окрестныхъ ея возвышеній, онъ любовался ею. но когда вошелъ въ грязныя ея улицы, то ему показалось, что вся красота Астрахани осталась на ея холмахъ.

Занявъ отъ Фридриха II страсть къ французскому языку, графъ Ангальтъ пригласилъ въ учители декламаціи для усовершенствованія въ произношеніи тогдашняго французскаго актера Офрена. Офренъ былъ чрезвычайно даровитый актеръ. Декламируя разсказъ Терамена о смерти Ипполита, изъ Федры Расиновой, онъ плакалъ. Плакали и мы, несмотря на длинный и однообразный александрійскій стихъ: въ декламаціи Офрена простота и чувство слышались

*

въ выразительномъ его голосѣ. Онъ не выбрасывалъ ходули декламаціи своей. Офренъ гостилъ въ Фернеѣ у Вольтера и игралъ съ нимъ на домашнемъ его театрѣ. «Хотя Вольтеръ», говорилъ онъ намъ, «былъ иногда вспыльчивъ, но одушевлялъ свои трагедіи и лица, игравшія съ нимъ въ нихъ». Объ этомъ Офренъ разсказывалъ намъ слѣдующій анекдотъ: «Въ первомъ представленіи Китайской Сироты Вольтера Лекенъ игралъ Чингисъ-Хана. Трагедія принята была холодно. Вольтеръ бѣсился и, по обыкновенію своему, честилъ земляковъ своихъ именемъ вельховъ-невѣждъ, способныхъ быть только тиграми и обезьянами. Во время бѣшенства Вольтера Лекенъ пріѣхалъ въ Ферней. Не давъ ему образумиться, Вольтеръ закричалъ: «Прочитайте, прочитайте мнѣ, г. Лекенъ, роль Чингисъ-Хана. Посмотримъ, какъ вы ее играли». Лекенъ началъ читать высокопарно, размахивая руками и вытягивая свой небольшой ростъ. «Скверно, скверно! вы убили мою трагедію!» кричалъ Вольтеръ, топая ногами; и самъ началъ читать роль Чингисъ-Хана. Лекенъ не сводилъ съ него глазъ, ловилъ каждый взглядъ, каждый звукъ его голоса, и, когда Вольтеръ кончилъ, онъ повторилъ роль свою. Вольтеръ въ свою очередь вслушивался и всматривался въ Лекена, и вдругъ бросился обнимать его, воскликнувъ: «Браво, браво! вотъ какъ надобно выражать роль умнаго, скрытнаго и хитраго Чингисъ-Хана! Теперь наши парижане оглушатъ васъ рукоплесканіями». Такъ и сбылось. Для записыванія уроковъ Офрена, графъ роздалъ намъ тетради, названныя имъ cahiers surnumèraire (сверхкомплектными); онъ препоручилъ, чтобы мы записывали туда и то, что встрѣчали замѣчательнаго при собственномъ нашемъ чтеніи. Кому удавалось сдѣлать хорошій выборъ мыслей, изреченій историческихъ, замысловатыхъ анекдотовъ, тетрадь того удостоивалась и переплета, и собственноручной рукописи графа. Онъ очень былъ доволенъ, находя у насъ извлеченія изъ героя его Фридриха II; впрочемъ, онъ выхвалялъ и мысли, дышавшія Фенелоновой душою. Очень немногіе изъ кадетъ проходили основательно поприще класснаго ученія. Иные какъ будто выходили съ однимъ букваремъ. Вѣроятно, что мыслящая сила и никогда бы не пробудилась въ нихъ безъ тѣхъ мимо-классныхъ пособій, изобрѣтенныхъ графомъ Ангальтомъ. Гдѣ только недоученнымъ его питомцамъ представлялся случай къ дѣйствію души, тамъ съ удивительною быстротою развивались понятія ихъ. Встрѣтясь съ нѣкоторыми изъ сотоварищей моихъ послѣ заграничныхъ ихъ походовъ, начавшихся съ 1799 года, я изумился основательному изъясненію ихъ на языкахъ иностранныхъ и обильному богатству ихъ познаній.

Были также и такіе кадеты, которые, вышедши изъ корпуса съ полнымъ курсомъ классическаго ученія и ставъ наряду съ обыкно-

венными офицерами, упадали подъ бременемъ учебнымъ и, хватаясь въ уныніи духа за Бахусову чашу, исчезали прежде времени и для службы, и для свѣта. Были и такіе, которые, напитавшись свободою Рима и Аѳинъ, оставляли службу, сами не зная, для чего. Но если кому удавалось переломить себя и свыкнуться со шпагою, тотъ, исполнивъ обязанности міра существеннаго, переходилъ съ новою бодростію духа въ міръ римскій и греческій. Въ числѣ сихъ новыхъ жильцовъ міра древности былъ Яковъ Петровичъ Кульневъ. Услыша о его смерти, Сенъ-Женье пролилъ слезы и сказалъ: «Въ полкахъ русскихъ не стало героя человѣчества!» Итакъ до послѣдняго біенія сердца своего Кульневъ сохранилъ правила графа Ангальта, желавшаго, чтобы всѣ его питомцы были героями человѣчества и на полѣ битвъ, и на поприщѣ гражданскомъ.

Ученіе графа Ангальта можно назвать ученіемъ предварительнымъ, которое, знакомя исподволь съ различными предметами, не изнуряетъ способностей ума и сберегаетъ полноту ихъ къ предлежащему ученію. Деспотизмъ азіатскій вреденъ и въ дѣлахъ человѣческихъ, и въ области ученія.

Неумѣстное принужденіе раздражаетъ душу и нерѣдко гаситъ и счастливѣйшія дарованія. Насъ въ дѣтствѣ съ завязанными глазами вводятъ въ область ученія, оттого-то въ ней дѣтямъ и кажется все дико. Развяжите глаза ума, освѣтите пути, которыми умъ долженъ идти, и питомецъ смѣло и радостно бросится въ объятія наукъ. Такъ думалъ и дѣйствовалъ графъ Ѳедоръ Евстафьевичъ Ангальтъ. Воспитаніе, повторяю еще, называлъ онъ нѣжною матерью, которая, отдаляя терніи, ведетъ питомца своего по цвѣтамъ.

Не теряя изъ вида и русскаго языка, гр. Ангальтъ пригласилъ и нашего актера Плавильщикова, который громкимъ и яснымъ голосомъ читалъ намъ оды и похвальныя слова Ломоносова. При этихъ урокахъ графъ всегда присутствовалъ. Кромѣ одъ Ломоносова, Плавильщиковъ читалъ самъ и разсужденіе свое о тогдашней словесности, помѣщенное въ З р и т е л ѣ Крылова. Съ жаромъ говорилъ онъ о Ломоносовѣ; Р о с с і а д у называлъ вѣнцомъ русской словесности, а Д у ш е н ь к у Богдановича неувядаемымъ цвѣткомъ нашего Парнасса. Это было давно, въ прошедшемъ столѣтіи, а каждый вѣкъ налагаетъ свою печать и на дѣла людей, и на перья писателей, и не оглядываясь идетъ впередъ, чтобы въ свою очередь затеряться въ будущемъ вѣкѣ.

Желая пріучить насъ къ основательному чтенію, изъ перваго или высшаго класса графъ выбралъ въ 1793 г. для слушанія логики нѣсколько учениковъ, въ число которыхъ, не знаю почему,

попалъ и я. Профессоръ логики былъ у насъ Христіанъ Ивановичъ Безакъ, человѣкъ благодушный и ученый. Выводы логическіе объяснялъ онъ выкладками или формулами алгебраическими.

Престарѣлый нашъ профессоръ, шутя самъ надъ способомъ своего преподаванія, говорилъ: «Не бойтесь моихъ крючковъ, они не такъ страшны, какъ крючки подьяческіе. Моими крючками можно ловить мышей». Ретивое мое воображеніе никакъ не поддавалось на эти крючки. Я слушалъ разсѣянно, въ тетрадь ничего не записывалъ, и, засунувъ книгу подъ столъ, читалъ украдкою то Дидерота, то Буффлера, то Вольтера, то Ж. Ж. Руссо. Профессоръ зналъ это и, не сердясь на меня, почти каждый классъ вызывалъ на словесный бой. Не вѣдаю, какъ предлагалъ я доводы свои, a priori или a posteriori; знаю только, что пылкая моя діалектика очень забавляла добраго профессора. Иногда спорили мы по получасу и болѣе, и нерѣдко открыто изъявлялъ я несогласіе свое. Великодушный мой противникъ подлинно ли, или въ шутку уступалъ мнѣ, приговаривая: «Вамъ надобно выдержать тридцать походовъ и тридцать сраженій; а безъ этого у васъ все будетъ въ головѣ стихотворческій вѣтеръ». И почтенный профессоръ былъ правъ. Вѣтреная моя голова чуть было не погубила меня еще въ кадетскомъ корпусѣ.

Офицеромъ того отдѣленія, въ которомъ я былъ сержантомъ, былъ молодой человѣкъ, сынъ вышеупомянутаго профессора логики. Онъ вмѣстѣ со мною занимался описаніемъ Петербурга, давно напечатаннымъ и забытымъ. Мы были съ нимъ пріятели, но въ неравенствѣ чиновъ и отъ малѣйшей искры можетъ вспыхнуть пожаръ. И онъ вспыхнулъ отъ одного неосторожнаго слова. Лѣтомъ обыкновенно стояли мы лагеремъ въ саду, по три человѣка въ палаткѣ. Сержантскую кровать всегда ставили въ срединѣ. Пока разбивали лагерь, я забиралъ въ библіотекѣ книги и съ этимъ запасомъ безпечно бѣжалъ въ садъ, по привычкѣ своей, подпрыгивая и напѣвая пѣсню. Вдругъ слышу голосъ одного изъ товарищей моихъ [1]): «Глинка, твою кровать поставили сбоку!» Вовсе не заботясь о почетности сержантской, я спросилъ у него: кто велѣлъ? Мой товарищъ отвѣчалъ: «Безакъ». На это имя вырвалась у меня риѳма, которою подъ часъ величаютъ и очень умныхъ людей. Мой офицеръ-сотрудникъ былъ на бѣду въ сосѣдней палаткѣ и въ эту минуту забылъ и нашу пріязнь, и мою для него работу, выскочилъ и грозно вскричалъ: «Какъ ты смѣешь меня бранить?» Я сказалъ очень хладнокровно: «Извините, я и не думалъ объ этомъ; но мало ли что срывается съ языка и что говорится заочно!» Слова мои разнесъ вѣтеръ, закипѣла

---

[1]) М. С. Щулепниковъ.

сильная борьба, я выхватилъ у него шпагу, и что сдѣлалъ я въ запальчивости, право, и теперь не могу объяснить. На крикъ его сбѣжались офицеры и кадеты, запальчивость моя сдѣлалась явною, и соперникъ мой поспѣшилъ съ жалобою на меня къ нашимъ начальникамъ. Сперва повели меня къ нашему инспектору, маіору Фромандье. Онъ приказывалъ мнѣ просить прощенія, я отвѣчалъ: «Умру, а не унижусь!» Отводятъ меня къ полковнику Редингеру, кроткому и добрѣйшему человѣку; и онъ убѣждалъ меня, чтобы я просилъ прощенія, но я отвѣчалъ по-прежнему. Около двухъ часовъ продолжались начальницкія увѣщанія, но тщетно. Изреченъ приговоръ. Нашему трагику, Владиславу Александровичу Озерову, служившему тогда въ корпусѣ поручикомъ, приказано было вести меня въ тюрьму, съ замѣчаніемъ не допускать меня отдаляться отъ стѣнъ корпуса, опасаясь, чтобы я въ тревогѣ духа не бросился въ Неву. Я шелъ и ни въ чемъ не противорѣчилъ Озерову. Тюрьма была на верху высокаго каменнаго зданія, называемаго jeu de paume (т. е. мѣсто игры въ мячъ). Озеровъ простился со мною и ушелъ. Съ шумомъ захлопнулась за нимъ дверь тюремная, звонко грянули болты желѣзные. Затихъ шумъ шаговъ сторожа, и все смолкло.

Подвигъ Катона, поразившаго себя кинжаломъ, когда Юлій Цезарь сковалъ его цѣпями, кружился у меня въ головѣ, я готовъ былъ раздробить ее объ стѣну; но и въ корпусѣ и внѣ его, я никогда не поникалъ подъ внезапными ударами судьбы, а быстро оправлялся и возвращался къ привычной веселости моей. Не читалъ ли я въ Ж. Ж. Руссо, сказалъ я самому себѣ, что человѣкъ во всѣхъ случаяхъ долженъ жить, какъ будто бы только-что упалъ съ облаковъ? Я здѣсь одинъ, но мечты мои со мною. Я успокоился. У меня оставили чернильницу, перо и бумагу, предполагая, что я хотя письменно буду просить прощенія. Вмѣсто челобитной мнѣ запало въ голову посланіе къ одному изъ моихъ товарищей. Вотъ начало:

Изъ горницы весьма чудесной,
О голыхъ четырехъ стѣнахъ,
Невинный гдѣ сидитъ и грѣшный,
Хочу писать къ тебѣ въ стихахъ;
О чемъ? того еще не знаю,
А прежде музамъ поклонюсь, и проч.

Между тѣмъ опомнился мой соперникъ и, въ присутствіи цѣлаго нашего возраста, умолялъ графа Ангальта простить меня. Графъ отвѣчалъ: «Теперь поздно! Говорящая стѣна, на которой я написалъ, что должно соблюдать законы и порядокъ, уличила бы меня, еслибъ я потакалъ теперь упорному юношѣ; но и вы неправы. Сколько разъ я говорилъ и для памяти помѣстилъ на стѣнѣ: «Уважайте

юношей; никто не знаетъ, что изъ нихъ выйдетъ» [1]). Вы признаетесь, что и вы разгорячились, это очень похвально; великодушіе всегда готово извинять. Однажды шелъ я съ прусскимъ королемъ по Берлинской площади; на столбѣ прибитъ былъ пасквиль на короля. Онъ приказалъ мнѣ прочитать его и, выслушавъ спокойно, сказалъ: «Пусть прибьютъ эту бумагу пониже, чтобы всякій могъ ее читать». Вслѣдъ почти за нами пріѣхалъ въ Сансуси одинъ изъ жителей берлинскихъ съ доносомъ на пасквиль. Въ этотъ день я былъ дежурнымъ и пошелъ доложить о немъ королю. Онъ отвѣчалъ: «Скажите этому господину, что Фридрихъ забываетъ то въ Sans-Souci, что́ молва разглашаетъ о немъ въ городѣ. Пусть онъ ѣдетъ къ себѣ, а я въ своемъ уголкѣ займусь чѣмъ-нибудь полезнымъ для блага народнаго». Будемъ подражать этому примѣру, — прибавилъ графъ, — въ жизни много можетъ случиться; но, любезныя мои дѣти, кто забываетъ обиду и помнитъ добро, тотъ истинный герой!»

Чрезъ три дня со мною, неугомоннымъ узникомъ, начались переговоры и пересылки. Я упорствовалъ; мнѣ угрожали, что отдадутъ въ солдаты.

— А развѣ солдаты не люди, возражалъ я,—да еще можетъ быть и лучше насъ!

Наконецъ дней чрезъ десять посѣтилъ мою тюрьму Иванъ Алексѣевичъ Цызыревъ. При входѣ его я лежалъ на голой скамьѣ и читалъ Тита-Ливія. Отъ внезапнаго его посѣщенія я вскочилъ и нѣсколько смутился. Онъ, ласково подавъ мнѣ руку, сказалъ, чтобы я сѣлъ, и самъ сѣлъ подлѣ меня. И. А. Цызыревъ былъ по корпусу старшимъ капитаномъ, а по арміи полковникомъ. Душа его отражалась въ прекрасной наружности. Въ сердцахъ юношей есть живое чувство правоты: они по врожденному побужденію уважаютъ высокую нравственность человѣка. Это чувство питали къ нему кадеты. Его слова влетали въ душу. Когда другіе офицеры, унимая наше бушеванье, выбивались изъ силъ, являлся Цызыревъ и говорилъ:

— Господа, какъ вамъ не стыдно!

Воцарялась тишина, и все приходило въ порядокъ. Не принуждая меня просить прощенія, И. А. Цызыревъ началъ со мною разговоръ о необходимости повиновенія.

— Если и палку поставятъ, сказалъ онъ, — то, по обязанности службы, ей должно повиноваться.

— Позвольте мнѣ этому не вѣрить, отвѣчалъ я,—палка будетъ молчать, и ссоры не будетъ; но, вы знаете, впрочемъ, какого шуму

---

[1]) Respectez la jeunesse, et ne vous précipitez pas de la juger, soit en bien, soit en mal. (См. Говорящую стѣну, изданную въ Москвѣ 1828 г.).

надѣлала та шляпа, передъ которою безумецъ Геслеръ велѣлъ кланяться?

Цызыревъ улыбнулся и продолжалъ:

— Но признайтесь, что вы виноваты предъ Фромандье и предъ почтеннымъ директоромъ Редингеромъ въ томъ, что отвергли дружескія ихъ увѣщанія.

— Признаюсь, отвѣчалъ я, — въ этомъ я чрезвычайно виноватъ. Я привыкъ быть благодарнымъ и за ласковое слово, и за ласковый взглядъ; а при этомъ случаѣ я до того онѣмѣлъ въ изступленіи, что не внималъ и душевному убѣжденію.

— Припомните, прибавилъ И. А. Цызыревъ, — припомните, что когда второй разъ батюшка вашъ пріѣзжалъ въ корпусъ, графъ Ангальтъ сказалъ ему: «Когда голова ваша покроется сѣдинами, сынъ вашъ будетъ вамъ утѣшеніемъ». Что скажетъ отецъ, что скажетъ добрая ваша мать, когда услышатъ о горестной вашей судьбѣ? Они не перенесутъ такого удара!

Слезы лились изъ глазъ ручьями; я долго плакалъ и не могъ промолвить ни слова: наконецъ сказалъ:

— Я готовъ написать къ графу Ангальту письмо; но, говоря откровенно, я ни за что не измѣню совѣсти; а потому буду писать только въ духѣ христіанства.

Цызыревъ съ радостью согласился на это, и я написалъ слѣдующее письмо по-французски: «Блудный сынъ въ порывѣ своеволія оставилъ родительскій домъ и на чужбинѣ растратилъ все имущество свое. Но, вѣря нѣжности сердца отцовскаго, онъ возвратился къ нему. Издали увидя преступника-сына, отецъ устремился къ нему съ распростертыми объятіями и прижалъ его къ сердцу своему. Юный сынъ воскликнулъ: «Я согрѣшилъ предъ небомъ и предъ тобою. Я не достоинъ имени твоего сына». И вы, ваше сіятельство, и вы, нѣжный отецъ кадетъ, прострите ко мнѣ объятія отца евангельскаго; а я — устремлюсь въ нихъ съ умиленіемъ евангельскаго сына».

На другой день пришелъ за мною въ тюрьму В. А. Озеровъ. Въ саду предъ лагеремъ выстроенъ былъ кареемъ весь нашъ возрастъ, т. е. до ста двадцати кадетъ. Графъ и всѣ начальники стояли въ срединѣ. Озеровъ ввелъ меня туда и громко съ чувствомъ прочиталъ мое письмо. Слезы брызнули у меня изъ глазъ. Графъ обнялъ меня и съ прежнею нѣжностью назвалъ своимъ сыномъ, своимъ другомъ.

Промчалась туча, и прошедшее кануло въ бездну забвенія. Прошло болѣе пятидесяти лѣтъ, но этотъ случай, можетъ быть, навсегда рѣшившій мою судьбу, все еще живетъ въ моемъ сердцѣ.

Была у насъ и собственная кадетская борьба мнѣній: и на на-

шемъ тѣсномъ небосклонѣ отражался духъ XVIII столѣтія: были у насъ и свои матеріалисты, и спиритуалисты. Я былъ въ числѣ послѣднихъ. Вождемъ первыхъ былъ Г. А. Галаховъ. Страстно любилъ онъ Омира и Тацита, но Гельвецій былъ его законодателемъ. Сильно защищалъ онъ систему его вещественныхъ ощущеній, а я возражалъ, что побужденія нравственности и добродѣтели не могутъ быть окованы ощущеніями вещественными. «Самъ Гельвецій», говорилъ: «я дѣлами опровергнулъ могильную свою систему. Онъ былъ нѣжнымъ другомъ и защитникомъ человѣчества. Служа въ молодости по соляному откупу и слыша ропотъ утѣсняемыхъ покупателей, не онъ ли въ порывѣ благороднаго негодованія сказалъ:

«Убейте, убейте меня! можетъ быть, это уйметъ другихъ отъ хищнаго разбоя!»

Жаркіе наши споры иногда оканчивались ручною схваткою. Борьба вездѣ борьба. Сопротивника моихъ юношескихъ мнѣній нѣтъ уже на свѣтѣ. Въ чинѣ маіора отправился онъ въ Корфу и своимъ каре отразилъ оттоманскую конницу. Онъ вѣрно не думалъ тогда о Гельвеціи. Забыли его теперь и во Франціи. Tous les systèmes ont régné, et tous les systèmes sont morts, говорятъ французы.

Въ это самое время собиралось насъ человѣкъ шесть для книжной спекуляціи, или оборота. Мы затѣяли скропать Новый Жилблазъ; и окончивъ двѣ части, отправили мы ихъ, мимо нашего начальства, къ тогдашнему цензору-полиціймейстеру Жандру, а онъ препроводилъ книжную попытку нашу къ директору нашему Редингеру, добрѣйшему и честнѣйшему человѣку. Насъ пожурили, погоняли, а Новый Жилблазъ пошелъ въ огонь. Не сооружайте костровъ инквизиціонныхъ на вздоръ: для него есть печки, очаги и камельки.

Раболѣпное благоговѣніе къ французскому театру внушалъ намъ Аллеръ, учитель французской риторики. Высокопарнымъ слогомъ своимъ онъ провозглашалъ намъ:

«Корнель владычествуетъ на небесахъ, Расинъ на землѣ, а Кребильонъ въ областяхъ преисподнихъ». Вольтеру въ этомъ раздѣленіи не было уголка, ибо онъ, вопреки чугунныхъ узаконеній школьнаго Батте, осмѣлился плѣнять сердца Заирою и Альзирою.

Аллеръ до званія учителя риторики былъ французскимъ адвокатомъ. Когда онъ черезъ-чуръ раздобарствовалъ, графъ Ангальтъ говорилъ ему шутя:

— Avocat, taisez vous! (Г. стряпчій, молчите!)

При этомъ возгласѣ малорослый Аллеръ пріосанился и съ театральною напыщенностью возглашалъ.

— Non, quand un avocat parle, il faut que l'auditoire l'écoute. C'est la règle. Нѣтъ, когда стряпчій говоритъ, тогда слушатели должны ему внимать. Это правило.

Графъ улыбался и молчалъ.

Хотя нашъ адвокатъ-риторъ и не открылъ Ньютоновой системы, но подобно ему носилъ лѣтомъ и зимою одинакую одежду,—то было полукафтанье, подбитое мѣхомъ, и съ широкими карманами по обѣимъ сторонамъ. Въ жару самодовольствія ударяя по карманамъ, онъ говорилъ:

— У меня въ карманахъ вся французская словесность.

Аллеръ читалъ намъ Ифигенію и Федру, а Плавильщиковъ, окончивъ съ нами Ломоносова, читалъ трагедіи Княжнина и Сумарокова и всѣ вышедшія тогда стихотворенія Державина. Когда звучнымъ голосомъ прочелъ намъ Вельможу, гдѣ сказано:

Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ
Въ Марокскихъ лентахъ и звѣздахъ,

мы спросили у него: да кто же этотъ Чупятовъ? Онъ отвѣчалъ:

— Говорятъ, что Чупятовъ былъ нѣкогда богатымъ купцомъ, торговалъ за моремъ, но одна сильная буря лишила его состоянія и затмила его умъ. Не могу сказать, торговалъ ли онъ съ Африкою, но въ помѣшательствѣ разсудка ему мечтается, что имъ плѣнилась Марокская принцесса, и онъ горитъ къ ней взаимною страстью, и что въ награду за его постоянство она присылаетъ тѣ почетные знаки, о которыхъ упоминаетъ Державинъ. Я познакомлю его съ вами.

Плавильщиковъ сдержалъ слово, и на другой день, часу въ шестомъ вечера, пришелъ къ намъ въ садъ съ марокскимъ кавалеромъ. Я смотрѣлъ на Чупятова съ большимъ вниманіемъ. Онъ былъ высокаго роста, во французскомъ кафтанѣ и съ мишурными знаками отличія. Лицо его было здоровое и свѣжее, хотя и проглядывала въ выраженіи какая-то грусть. Болѣе всего удивляла меня его скромность; онъ шелъ тихо и такъ вѣжливо намъ кланялся, что мы отъ добраго сердца и безъ всякой улыбки платили ему взаимнымъ поклономъ.

Къ особеннымъ нашимъ занятіямъ съ графомъ Ангальтомъ принадлежало чтеніе военныхъ записокъ и жизни древнихъ и новыхъ полководцевъ. Этимъ предметомъ занимался съ нами Ф. Ф. Сакенъ, бывшій потомъ фельдмаршаломъ.

---

*

ГЛАВА IX.

Охлажденіе Екатерины къ графу Ангальту.—Послѣдніе дни графа.—Его погребеніе.—Благотворительность графа.—Захаровъ.—Письмо Ангальта къ Румянцеву.—Заботливость графа Ангальта о кадетахъ.—Мысли его о смерти.—Питомцы графа.—Монахтинъ.—Толь.—Память объ Ангальтѣ.—Поступокъ Редингера.—М. И. Кутузовъ.—Пріемъ, сдѣланный ему въ корпусѣ.—Моя рѣчь и отвѣтъ на нее.

Перемѣняются обстоятельства, а вмѣстѣ съ ними перемѣняются иногда и люди; въ превратности свѣта трудно сохранять непоколебимость душевную; но кто утвердилъ дѣянія свои на совѣсти, тотъ не отдастъ ихъ на произволъ легкомысленнаго мнѣнія: нравственную жизнь свою ставитъ онъ выше всего земнаго.

Такъ говорилъ графъ Ангальтъ и никогда не измѣнялъ этому правилу. Мѣсяца за три до кончины своей подвергся онъ какой-то опалѣ при дворѣ, гдѣ никогда онъ не былъ уклончивымъ царедворцемъ. Вмѣстѣ съ охлажденіемъ Екатерины все къ нему перемѣнилось, но онъ оставался всегда тѣмъ же, чѣмъ и прежде: ревностно исполнялъ свою генералъ-адъютантскую должность, ни отъ кого изъ придворныхъ не допытывался объ этой перемѣнѣ; а къ намъ былъ еще привѣтливѣе и, чувствуя изнеможеніе силъ своихъ, онъ какъ-будто хотѣлъ, чтобы въ кругу нашемъ пресѣклось послѣднее біеніе его сердца. Въ половинѣ 1794 г. скончался графъ Өедоръ Евстафьевичъ Ангальтъ. За два дня до смерти онъ медленными шагами обходилъ садъ и съ отеческимъ вниманіемъ бесѣдовалъ съ нами о говорящей стѣнѣ, и послѣднимъ привѣтомъ его было не прощаніе, а надежда на скорое свиданіе.

— Слабѣетъ тѣло мое, — сказалъ онъ, — но не душа. Вы, мои любезныя дѣти и друзья, всегда были въ ней, и она никогда не разстанется съ вами.

Мы не знали, что это было послѣднее прощаніе съ нами его отцовской любви. Блѣдностью было подернуто лицо его, но въ глазахъ свѣтилась привѣтливость подобно лучамъ солнечнымъ, безмятежно угасающимъ на западномъ небѣ.

Графъ не призывалъ ни корпусныхъ, ни постороннихъ врачей. Ни жизнію, ни смертію своею онъ не хотѣлъ никого безпокоить. Но какимъ мы были поражены ударомъ, когда директоръ нашъ К. Ө. Редингеръ, заливаясь слезами, сказалъ:

— Общаго нашего отца нѣтъ. Графъ Ангальтъ умеръ!

Цѣлый корпусъ готовъ былъ двинуться къ гробу его. Около семи лѣтъ былъ онъ начальникомъ и никого не огорчилъ ни дѣломъ,

ни словомъ; кроткіе выговоры его были отцовскими наставленіями. Изъ старшаго нашего возраста назначили 20 человѣкъ въ домъ покойнаго графа. Въ числѣ ихъ, былъ и я [1]). Умилительное зрѣлище представилось глазамъ нашимъ въ простой комнатѣ, гдѣ стоялъ гробъ его. Въ предсмертный часъ свой онъ поручилъ, чтобы все было какъ можно проще. Гробъ не былъ окруженъ никакою выставкою знаковъ почетныхъ, но тутъ были уже и непрестанно приходили вдовы, сироты и люди разныхъ состояній; съ рыданіями ихъ раздавались восклицанія: «Отецъ нашъ, благодѣтель нашъ! Кто будетъ безъ тебя нашимъ кормильцемъ?» У гроба только его открылась тайна неисточимыхъ его благодѣяній. При вступленіи въ корпусъ графа Ангальта императрица подарила ему серебряный столовый приборъ. У него пировъ не было, и никто не зналъ, куда исчезъ этотъ подарокъ. Тутъ узнали отъ его камердинера, что графъ его продалъ, и что полученныя за него деньги и часть своего жалованья употреблялъ онъ для вспоможенія нуждающимся. При жизни своей, разсуждая съ нами о различныхъ свойствахъ человѣческихъ, онъ говорилъ:

— Любезныя дѣти и друзья! есть чудные люди, которые, имѣя все, не дѣлаютъ добра ни себѣ, ни другимъ; и только смерть вырываетъ у нихъ то, чѣмъ не умѣли дѣлиться, пока были на свѣтѣ. Скупость наполняла ихъ сундуки, а сердца ихъ были пусты. Будемъ дѣлать добро, пока мы живемъ, и, доставляя отраду другимъ, мы будемъ чувствовать въ сердцѣ нашемъ еще лучшую награду.

Такъ и поступалъ графъ Ангальтъ. По утру, до отъѣзда своего въ корпусъ, онъ каждый день приказывалъ своему камердинеру справляться о всѣхъ бѣдныхъ и больныхъ той части, гдѣ онъ жилъ; а вечеромъ посылалъ къ нимъ пособія отъ неизвѣстнаго. Мы плакали при этомъ разсказѣ, и трагикъ нашъ В. А. Озеровъ, бывшій съ нами дежурнымъ при гробѣ, тутъ же написалъ въ память графа французскіе стихи, помѣщенные покойнымъ цензоромъ П. А. Корсаковымъ въ первой книжкѣ М а я к а.

Зало, гдѣ мелькали остатки великолѣпія, отворилось въ первый разъ и приняло гробъ графа Ангальта. А при прежнемъ его хозяинѣ, графѣ Г. Г. Орловѣ, какое тутъ было стеченіе и вельможъ, и людей чиновныхъ!

Но тутъ можно припомнить, что отсюда и графъ Орловъ отправился въ Москву не на радостные дни, но когда зараза угрожала

---

[1]) Варіантъ: „Къ тѣлу его былъ назначенъ поручикъ В. А. Озеровъ и двѣнадцать человѣкъ кадетъ, въ числѣ которыхъ былъ и я. Около полудня пришли мы въ бывшій домъ графа Г. Г. Орлова, гдѣ жилъ графъ Ангальтъ и умеръ на простой постели“.

тамъ повсемѣстною смертью. И гдѣ укрыться отъ неизбѣжнаго предѣла? Жизнь исчезаетъ, добро остается, и оно привело къ гробу покойнаго графа Ангальта страдальцевъ, и въ ихъ сердцахъ онъ жилъ и будетъ жить своими благодѣяніями.

Изъ постороннихъ былъ у гроба съ семействомъ только Захаровъ, переводчикъ книги подъ заглавіемъ: «Совѣты военнаго человѣка, отца—сыну, посвященные графу Ангальту». Но и онъ не былъ для него чужимъ человѣкомъ: Захаровъ былъ учителемъ графа русскаго языка. Вмѣстѣ съ нимъ пошли мы въ кабинетъ графа, служившій для него и спальнею. На письменномъ столикѣ на одной сторонѣ лежали три евангелія: славянское, французское и нѣмецкое, и русскія пословицы; на другой—поэтическая практика Фридриха II-го и Генріада, изъ которыхъ графъ доставлялъ намъ выписки. Скромный Захаровъ говорилъ намъ, что онъ училъ и учился вмѣстѣ съ нимъ, читая славянское евангеліе и сравнивая его съ переводами.

Графъ,—говорилъ онъ,— очень любилъ русскія пословицы и называлъ ихъ указателями русскаго народнаго духа.

Тутъ же Захаровъ разсказалъ намъ, что графъ каждый годъ къ Рождеству и къ Свѣтлому Воскресенью поручалъ ему выкупать по нѣскольку человѣкъ, содержавшихся въ острогѣ за долги.

И мнѣ,—прибавилъ онъ,—оставилъ графъ незабвенный памятникъ: онъ подарилъ мнѣ золотую табакерку съ своимъ портретомъ, нарисованнымъ вашимъ товарищемъ, кадетомъ Дербуномъ. Вызывались и академики писать его портретъ, но онъ говорилъ:

— Кисть сына лучше другихъ изобразитъ лицо и душу своего отца.

Узнали мы также отъ Захарова, что почти наканунѣ своей смерти графъ писалъ къ П. А. Румянцеву письмо. Оно не было еще запечатано, и вотъ его переводъ: «При вступленіи моемъ въ начальники кадетскаго корпуса, гдѣ вы, любезный другъ, были старшимъ кадетомъ, я писалъ къ вамъ, что желалъ бы имѣть при себѣ какого-нибудь заслуженаго солдата изъ числа тѣхъ, которые были съ вами въ походахъ и живутъ у васъ въ деревнѣ. Вы удовлетворили мою просьбу, и присланный вами сержантъ, возвратясь къ вамъ, скажетъ, что до послѣдняго дня моей жизни мы вспоминали и ваши походы и вашу славу. Онъ и вамъ и мнѣ былъ преданъ душою, и я любилъ простую русскую его рѣчь и разсказы о вашихъ подвигахъ. Часъ отъ часу болѣе чувствую изнеможеніе тѣлесныхъ силъ моихъ, но живо еще воображаю то время, когда въ молодости своей вы были у насъ, въ Берлинѣ, и съ такимъ жаромъ читали, въ присутствіи короля, отрывки изъ тактики его. Давно это было! Я

умираю, а вы долго еще живите и для отечества, и для примѣра дѣтямъ моимъ, кадетамъ, а вашимъ внукамъ. Съ перваго шага моего въ корпусѣ я познакомилъ ихъ съ вашею славою и съ вашими подвигами. Любите ихъ моею любовію».

Товарищи мои смѣнялись, а я до самаго погребенія оставался у гроба покойнаго графа. Часъ отъ часу болѣе стекались туда бѣдняки, которымъ помогалъ онъ при жизни своей. Онъ дѣлалъ добро тайно, но сердце страдальцевъ угадываетъ своихъ благотворителей. Они узнали, что ихъ помощникомъ былъ тотъ, чья карета летѣла въ корпусъ тогда, когда ни однѣ дрожки не показывались на улицахъ. Бываютъ мгновенные порывы любви и вниманія, а у графа Ангальта это было чувство постоянное, онъ имъ жилъ и жилъ для кадетъ. Каждое утро, каждый день послѣ обѣда онъ спѣшилъ къ намъ съ какою-нибудь выпискою, съ подарками книгъ или съ новымъ открытіемъ въ области наукъ. Помню и теперь, съ какимъ удовольствіемъ извѣстилъ онъ насъ, что наконецъ научились смягчать морскую воду, и съ какимъ чувствомъ онъ прибавилъ:

— Какъ бы счастливы были люди, еслибы научились смягчать все то, что́ огорчаетъ человѣчество.

И у этого человѣка, когда затуманился его жребій, не было у гроба ни одного временнаго любимца счастія. Но онъ зналъ свѣтъ и, передавая намъ свой опытъ, написалъ на говорящей стѣнѣ: «Перелетныя птицы торопятся туда, гдѣ блеснетъ лучъ весны, и спѣшатъ оттуда, гдѣ повѣетъ зимній холодъ. Солнечные часы свѣтятся въ ясный день, меркнутъ вмѣстѣ съ нимъ. Вотъ, мои любезныя дѣти, образъ ложныхъ друзей. Все перемѣняется, кромѣ совѣсти. Берегите это сокровище, и оно будетъ вашею отрадою во всѣхъ обстоятельствахъ вашей жизни».

Упомянуто уже было, что графъ былъ и начальникомъ корпуса, и генералъ-адъютантомъ. Не знаю, отчего за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины своей впалъ онъ въ глубокую опалу при дворѣ. Одинъ только разъ въ продолженіе семи мѣсяцевъ, при разговорѣ о семилѣтней войнѣ, императрица внимательно къ нему обратилась съ вопросомъ:

— Графъ! такъ ли это было?

Общая любовь петербургскихъ жителей, несмотря на опалу его при дворѣ, провожала его въ могилу. Улицы, по которымъ везли на Волково поле тѣло графа Ангальта, затѣснялись народомъ. Кровли усѣяны были зрителями; повсюду раздавались восклицанія: «Онъ былъ отцомъ кадетъ!», а бѣдныя семейства, провожавшія его, прибавляли: «Онъ былъ и нашимъ отцомъ!»

По отеческой любви своей къ кадетамъ графъ желалъ, чтобы и

прахъ его покоился въ саду кадетскаго корпуса. Въ срединѣ, предъ кадетскимъ лагеремъ врыта была мраморная доска съ надписью, кто подъ ней лежитъ.

Вотъ что объ этомъ говорилъ графъ:

— Я по двумъ причинамъ помѣстилъ надгробный свой камень въ саду кадетскомъ. Во-первыхъ, по праводушію, во-вторыхъ, по обязанности. По праводушію въ изъявленіе привязанности моей къ нимъ, оставаясь и послѣ смерти съ ними, или родственниками ихъ, или съ ихъ дѣтьми; по обязанности, — чтобы примѣромъ моимъ, такъ сказать, сроднить ихъ съ послѣднимъ явленіемъ жизни человѣческой. Ибо, повѣрьте мнѣ, мои юные и любезные друзья! страхъ смерти есть страхъ пустой, безполезный и ничтожный, страхъ, свойственный людямъ робкимъ и слабоумнымъ и приковавшимъ свой умъ къ одному праху земному. «Любезныя дѣти! вотъ четвероугольникъ, гдѣ помѣстится мой прахъ. Около него плющъ и незабудки съ надписью: не забудь меня! Къ нимъ привьются мирты, гирлянды цвѣтовъ. Мирта, — эмблема мертвой природы, плющъ — пріязни, онъ льнетъ и обвивается, незабудки — душа этой картины; листья плющевые — чувствъ погребаемаго. Миртъ окончательное дѣйствіе картины». На другой день послѣ великолѣпныхъ похоронъ графа Брюса графъ Ангальтъ сказалъ намъ: «Меня будутъ погребать не такъ пышно; кадеты попросятъ своихъ кроликовъ подрыться подъ мой надгробный камень; а старшіе сержанты положатъ меня подъ него, и дѣло будетъ въ шляпѣ. Cela va fort bien la montagne est passée!»

Въ XVIII столѣтіи увѣряли, что воспитаніе не достигло своей цѣли, оттого что въ училищѣ надобно забывать занятое въ свѣтѣ, а въ свѣтѣ отбрасывать пріобрѣтенное въ училищѣ. Но ученіе графа Ангальта развивалось въ понятіяхъ его питомцевъ на всѣхъ путяхъ жизни. Не упомяну здѣсь о тѣхъ кадетахъ, которые такъ рано исчезли 1799 года въ войнѣ, кипѣвшей въ Швеціи, Италіи и Голландіи. Съ 1812 года особенно извѣстны стали: Монахтинъ, Толь (впослѣдствіи графъ) и Полетика. Первый, управляя штабомъ корпуса Дохтурова, вывелъ наши полки, со всѣхъ сторонъ непрестанно тревожимые непріятелемъ, и на военномъ совѣтѣ подъ Смоленскомъ въ числѣ трехъ голосовъ былъ и его голосъ. Толь былъ дежурнымъ полковникомъ при Кутузовѣ, а Полетика въ Лондонѣ, напечатавъ на англійскомъ языкѣ статью о тогдашнемъ состояніи Россіи, былъ посломъ въ области Сѣверной Америки; рѣчь, произнесенная имъ тамъ, была напечатана въ заграничныхъ вѣдомостяхъ. Монахтинъ палъ жертвою Бородинской битвы въ чинѣ генерала. Умъ его былъ обогащенъ глубокими познаніями, и онъ удивлялъ природныхъ германцевъ и французовъ знаніемъ ихъ языковъ. По окончаніи загра-

ничной войны 1815 года французскіе историки называли Толя первымъ русскимъ тактикомъ. Отчего имъ такъ казалось, не разбираю этого. Скажу только, что ни Монахтинъ, ни Толь, ни Полетика не занимали ни въ одномъ изъ корпусныхъ классовъ первыхъ мѣстъ. Въ послѣдній годъ жизни графа Ангальта шесть кадетъ награждены были звѣздами: они не были въ числѣ ихъ, а я былъ; впрочемъ, они получили потомъ звѣзды на службѣ, но я ихъ не домогался заслужить; моя звѣзда блеснула и померкла въ стѣнахъ корпуса. Но двѣ памяти о графѣ Ангальтѣ живутъ и теперь въ душѣ моей: сердечная память о любви его къ намъ и умственная память, укрѣпленная его руководствомъ и до сихъ поръ еще помогающая мнѣ въ соображеніи моихъ мыслей. Онъ спасъ мою пылкую юность и въ этомъ дѣлѣ былъ единственнымъ моимъ наставникомъ. Въ вышеприведенной надписи моей къ портрету незабвеннаго графа Ангальта, я сказалъ, что для другихъ онъ былъ Титомъ, а для себя Катономъ. Захаровъ, прочитавъ мою надпись, возразилъ: «Графъ Ангальтъ былъ счастливѣе Тита: императоръ римскій съ горестью признавался, что онъ потерялъ одинъ день, не сдѣлавъ добра, а въ жизни графа и каждый часъ, и каждый день посвященъ былъ добру». Нашъ директоръ, полковникъ Редингеръ, вполнѣ дѣлилъ съ нами скорбь о потерѣ нашего отца и по движенію собственнаго своего сердца сохранялъ его правила. Однажды при мнѣ явился къ нему богатый отецъ одного изъ нашихъ кадетъ (имя его скрываю) съ низкимъ поклономъ и, робкою рукою подавая ему свертокъ, сказалъ: «Тутъ пятьсотъ рублей». — «Вы,—возразилъ Редингеръ,—конечно, назначили это для того, чтобы показать сыну вашему, какъ должно употреблять излишнія деньги». Товарищъ мой былъ тотчасъ призванъ, и директоръ сказалъ ему: «Вотъ, мой другъ, батюшка твой даритъ тебѣ пятьсотъ рублей на добрыя дѣла, и мы исполнимъ его желаніе. На триста рублей въ память графа Ангальта мы выкупимъ изъ острога нѣсколько человѣкъ, а двѣсти рублей доставимъ въ городскую больницу». Съ этими деньгами отправленъ былъ офицеръ, которому поручено было взять росписку изъ острога и больницы. Богачъ краснѣлъ и не зналъ, что говорить; сынъ, ничего не зная, отъ добраго сердца цѣловалъ его руки, а я въ восторгѣ сказалъ Редингеру: «Вы оживляете графа Ангальта чувствительностію и дѣлами вашими!» Офицеръ возвратился. Росписки отданы были отцу; товарищъ мой, простясь съ отцомъ, вышелъ вмѣстѣ со мною, повторяя одно изъ любимыхъ изреченій графа Ангальта:

Le bien que l'on a fait la veille,
Fait le bonheur du lendemain.

«Я счастливъ сегодня, — говорилъ онъ мнѣ, — счастливъ буду завтра и всегда напоминаніемъ объ этомъ днѣ».

Неизвѣстность и ожиданіе всегда волнуютъ умы. Долго допытывались мы и наконецъ узнали, что къ намъ назначенъ начальникомъ Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ. Мы уже слышали о его чудесныхъ ранахъ, о его подвигахъ подъ Измаиломъ, о его быстромъ движеніи за Дунаемъ на высотахъ Мачинскихъ, которое рѣшило побѣду и было первымъ шагомъ къ заключенію мира съ Портою Оттоманскою въ исходѣ 1791 года. Въ половинѣ 1794 года былъ онъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополѣ, гдѣ ловкою политикою возбудилъ общее вниманіе пословъ европейскихъ, а остроуміемъ своимъ развеселялъ важный диванъ и султана. Въ блестящихъ лаврахъ вступилъ онъ къ намъ въ корпусъ, и тутъ встрѣтило его новое торжество, какъ будто нарочно приготовленное для него рукою графа Ангальта. Вошедъ въ нашу залу, Кутузовъ остановился тамъ, гдѣ была высокая статуя Марса, по одну сторону которой, какъ уже выше было сказано, начертана была выписка изъ тактики Фридриха II: «Будь въ станѣ Фабіемъ, а въ полѣ Ганнибаломъ», а по другую сторону стоялъ бюстъ Юлія Кесаря. Если бы какая-нибудь волшебная сила вскрыла тогда звѣзду будущаго, то тутъ представилась бы живая лѣтопись всѣхъ военныхъ событій 1812 года. Но тогда въ нашей великой Россіи никто объ этомъ не думалъ; все въ ней пировало и ликовало, только мы были въ уныніи. Кутузовъ молча стоялъ предъ Марсомъ, и я чрезъ ряды моихъ товарищей подошелъ къ нему и сказалъ: «Ваше высокопревосходительство! въ лицѣ графа Ангальта мы лишились нашего нѣжнаго отца, но мы надѣемся, что и вы съ отеческимъ чувствомъ примете насъ къ своему сердцу. Душа и мысль графа Ангальта жила для насъ, и благодарность запечатлѣла въ душахъ нашихъ любовь его къ намъ. На поляхъ битвъ слава увѣнчивала васъ лаврами, а здѣсь любовь ваша къ намъ будетъ одушевлять насъ такою же признательностію, какую питали мы и къ прежнему нашему отцу». Когда я кончилъ, Кутузовъ, окинувъ насъ грознымъ взглядомъ, возразилъ:

— Графъ Ангальтъ обходился съ вами, какъ съ дѣтьми, а я буду обходиться съ вами, какъ съ солдатами.

Мертвое молчаніе было единственнымъ на это отвѣтомъ. Онъ понялъ, что мы догадались, что слова его были постороннимъ внушеніемъ.

ГЛАВА X.

Политическія событія.—Недовѣріе Екатерины къ гр. Ангальту.—Французъ Пашъ.—Марсельеза.—Духъ времени.—Оправданіе гр. Ангальта отъ взводимыхъ на него обвиненій.—Его питомцы.—Образъ жизни кадетъ при гр. Ангальтѣ.—Почитатели графа.—Дѣятельность его питомцевъ.—Наставленія графа Ангальта.—Памятникъ ему.—Кутузовъ.—Буйство кадетъ.—Спасеніе Толя.—Мое стихотворство.—Экзамены.—Русское сочиненіе.—Предсказаніе Кутузова.—Отношеніе его къ кадетамъ.—Преждевременный выпускъ.—Толь.—Рѣчь Кутузова.—Мой отвѣтъ по тактикѣ.—Л. А. Нарышкинъ.—Пѣснь Великой Екатеринѣ.—Пріемная временщика.—Отзывъ Державина о моихъ стихахъ.—Совѣтъ Л. А. Нарышкина.

Было время испытанія для всѣхъ и для всего. Съ одной стороны, буря революціи шумѣла во Франціи, а съ другой запылала война въ Польшѣ отъ тщеславнаго порыва новаго временщика! Для взволнованныхъ страстей нѣтъ ни уроковъ исторіи, ни опыта, тутъ нуженъ свѣтильникъ истины. Но гдѣ его взять среди круженія нашихъ обществъ? Усомнилась и Екатерина въ ученіи графа Ангальта: ей показалось, что онъ какое-то необыкновенное направленіе даетъ умамъ нашимъ. А я по совѣсти скажу, что онъ даже никогда не произносилъ слово революція. Онъ предлагалъ намъ тогдашнія напечатанныя извѣстія въ видѣ только современной исторіи. «L'ingnorance de ce qui est, entraine l'ésprit dans les ténèbres», говорилъ онъ (Незнаніе существующаго увлекаетъ умъ въ потемки).

Между тѣмъ, какая-то невидимая рука въ нашей залѣ съ оконъ и столовъ отбирала книги и газеты и снимала со стѣнъ всѣ собственноручные памятники графа Ангальта. Постепенно исчезли со стѣнъ нашего сада и надписи, и эмблемы, и изображеніе системъ Тихобрага, Птоломея и Коперника; вмѣстѣ съ ними отживали и пирамиды, и стѣны Вавилонскія, и всѣ чудеса древняго міра. И въ стѣнахъ залы, и въ саду все для насъ перемѣнилось, кромѣ напоминанія о томъ человѣкѣ, который въ тѣсные предѣлы корпуса отцовски старался переселить все то, что непрерывный рядъ вѣковъ передавалъ мысли человѣческой. Не стало у насъ ни французскихъ журналовъ и ни какихъ заграничныхъ газетъ; но въ это время вступилъ учителемъ французскаго языка въ младшій возрастъ швейцарецъ Пашъ. Моя французская болтливость скоро меня съ нимъ познакомила. Не знаю, родственникъ ли онъ того Паша, который былъ въ числѣ республиканскихъ министровъ и завлекъ умныхъ, но опрометчивыхъ жирондистовъ сперва въ сѣти свои, а потомъ на гильотину. Упомяну только, что онъ передавалъ мнѣ вѣсти о французской революціи, и что отъ него получилъ я марсельезу, которую тогда перевелъ: въ

*

необычайное время не люди—воздухъ высказываетъ событія. Опустѣла учебная область графа Ангальта; Кутузовъ переселился въ корпусъ, но жилъ въ немъ невидимкою. Это было въ исходѣ тринадцатаго года бытности нашей въ корпусѣ. Мы чувствовали, что намъ настало время отворить изъ него ворота. Такъ и сбылось. И потому предложу нѣсколько словъ о предубѣжденіи, которое и до сихъ поръ еще существуетъ, на счетъ хода ученія при графѣ Ангальтѣ. Полагаютъ, будто бы оно поселяло въ умы наши какую-то изнѣженность, отвращавшую отъ работъ и трудовъ обыкновенной службы [1]). Отвѣчаю на это примѣрами и начну съ моихъ товарищей, а потомъ съ кадетъ старшихъ возрастовъ, вышедшихъ изъ корпуса при графѣ Ангальтѣ. Покойный графъ Толь дослужился до всѣхъ военныхъ почестей, кромѣ фельдмаршала; сенаторъ Полетика достигъ также всѣхъ почестей и продолжаетъ службу. П. П. Турчаниновъ служилъ постоянно и умеръ генералъ-лейтенантомъ. М. С. Щулепниковъ служилъ въ гражданской службѣ, но участвовалъ въ Бородинской битвѣ и отъ полученной тамъ раны умеръ. А. А. Писаревъ извѣстенъ по военной части и продолжаетъ службу въ званіи сенатора. А. Х. Востоковъ занимается постоянно словесностью и изслѣдованіемъ отечественныхъ древностей. Н. В. Арсеньевъ проходилъ поприще военной и гражданской службы и учредилъ домъ для лишенныхъ ума, заслуживающій вниманіе всѣхъ пріѣзжающихъ въ Петербургъ иностранцевъ 1846 года праздновали былъ въ корпусѣ пятидесятилѣтній юбилей полковника Севербрика, который постоянно занимался фехтовальнымъ искусствомъ и въ чертогахъ царскихъ, и въ корпусѣ, и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ; онъ нѣкогда въ борьбѣ на рапирахъ побѣдилъ Поликучи, который уступалъ въ этомъ искусствѣ одному только И. С. Горголли. Обращаюсь къ кадетамъ старшихъ возрастовъ: 1799 года много было изъ нихъ генераловъ въ Италіи съ Суворовымъ; и онъ послалъ къ императору Павлу съ извѣстіемъ о первыхъ своихъ побѣдахъ полковника Кушникова, вышедшаго изъ корпуса при графѣ Ангальтѣ, и писалъ къ графу Ростопчину: «Кушниковъ все знаетъ, перомъ напишетъ, карандашомъ нарисуетъ, циркулемъ измѣритъ мои шаги. Онъ всему научился въ корпусѣ. Ура!» Несмотря на огромное состояніе, пріобрѣтенное имъ по женитьбѣ, онъ умеръ на службѣ александровскимъ кавалеромъ. Товарищи Кушникова. Салтыковъ и Меркуловъ, служатъ сенаторами въ московскихъ департаментахъ. Упомянулъ я, что трагикъ нашъ Озеровъ умеръ прежде времени и въ припадкѣ унынія бросилъ въ огонь послѣднюю свою трагедію: Медею. Поэзія

---

[1]) См. 2-ю книжку «Москвитянина» 1846 года.

нерадѣльна съ чувствительностію: Расинъ умеръ отъ косаго взгляда Людовика XIV, а Мильтонъ, гонимый Карломъ II, не упадалъ духомъ. Но все это не зависитъ отъ воспитанія. Полагаютъ также, будто бы при графѣ Ангальтѣ была въ корпусѣ какая-то затворническая жизнь [1]). Не говоря о томъ, что у насъ былъ и свой театръ, и карусель, и что графъ Ангальтъ приглашалъ тогдашнихъ виртуозовъ, Хандошкина, Жерновика и другихъ, чтобы увеселять насъ концертами, скажу, что мы посѣщали и общественные театры и концерты, и въ праздники выѣзжали въ городъ къ нашимъ знакомымъ. Но что можно было занять тогда въ большомъ свѣтѣ, гдѣ женщины забавлялись рулеткою, гдѣ около нихъ кривлялись петиметры и гдѣ были и пожилые люди, которые не понимали ни Спинозы, ни Ламетри, ни Вольтера, щеголяли пустымъ вольнодумствомъ. А я въ это время читалъ въ корпусѣ, что въ той же Франціи, гдѣ возставали и противъ Бога, и противъ безсмертія души предъ лицомъ цѣлаго народа и предъ лицомъ неба, призывали Высшее Существо и говорили: намъ нужны правота и добродѣтель. При жизни графа Ангальта были порицатели его ученія, но были и достойные цѣнители его. Князь Н. В. Рѣпнинъ препоручилъ двухъ своихъ родныхъ внуковъ Фогелю, преподававшему намъ исторію на французскомъ языкѣ, съ тѣмъ чтобы они пользовались наставленіями графа Ангальта. Вслѣдъ за этимъ явился графъ М. Ѳ. Каменскій съ двумя своими сыновьями и сказалъ графу Ангальту: «Вы пролагаете юношамъ вашимъ путь къ славѣ и трудамъ; вы и въ стѣнахъ кадетскаго корпуса продолжаете тѣ подвиги, которыми увѣковѣчили имя ваше въ борьбѣ вашего короля съ саксонцами; шпагою своею вы пожинали лавры, а человѣколюбіемъ привлекли сердца. Примите и моихъ сыновей подъ свое руководство». Обратясь къ сыновьямъ, прибавилъ: «Поцѣлуйте руку, которая всегда миловала побѣжденныхъ непріятелей!» Графъ обнялъ ихъ, и они часто вмѣстѣ съ нами обходили садовую нашу стѣну и слушали отеческіе его уроки. Князь Рѣпнинъ и графъ Каменскій были первыми старшими кадетами: стало быть, они умѣли и могли цѣнить всѣ переходы корпуснаго воспитанія. Наконецъ предполагаютъ также, что юные кадеты, по причинѣ изнѣженной мысли сдѣлались неспособными къ трудамъ службы, спѣшили на покой въ свои помѣстья. Но и это было бы не безполезно. Кто воспитанъ любовію и вниманіемъ, чье сердце не окаменѣло отъ роскоши и тщеславія, тотъ будетъ и тамъ полезенъ. Въ началѣ 1796 года воспослѣдовала война съ Персіею, и нѣкоторые изъ моихъ товарищей были въ этомъ походѣ. Въ исходѣ того

[1]) См. «Москвитянинъ» 1846 года.

же года, при вступленіи на престолъ императора Павла, такъ называемые матушкины сынки, въ колыбели записанные въ гвардію и жившіе тунеядцами въ помѣстьяхъ своихъ отцовъ, потребованы были на дѣйствительную службу, отъ которой некогда было уже отбиваться кадетамъ. Въ архаровскомъ полку, въ восьми баталіонахъ, многіе изъ моихъ товарищей были моими сослуживцами. 1799 года происходили военныя дѣйствія русскихъ въ Италіи, въ Швейцаріи, въ Голландіи и на прибрежныхъ островахъ Англіи. Сколько же кадетъ трехъ послѣднихъ выпусковъ графа Ангальта исчезло въ этой обширной войнѣ! 1805 года русскія войска спѣшили на помощь австрійцамъ. И тутъ были мои товарищи. Въ концѣ 1806 года русскіе ополчились за Пруссію; въ то время составилось 600.000 земскихъ войскъ, куда поступили и пожилые кадеты. 1807 года продолжались двѣ войны: въ Пруссіи и въ Турціи. 1808 года къ войнѣ съ Портою Оттоманскою присоединилась война со Швеціею и продолжалась до исхода 1809 г. Отъ 1810 до половины 1812 года, когда полки Наполеона двигались уже во внутренность Россіи, моръ остановилъ дѣйствія русскихъ въ Турціи. Сколько было подъ знаменами войны отечественной кадетъ близкихъ къ выпускамъ графа Ангальта: участвовали они и въ трехлѣтней заграничной войнѣ. Изъ этого очерка военныхъ годовъ видно, что тогда ни въ Россіи, ни въ Европѣ некогда было нѣжиться на розахъ. Нѣкоторые изъ товарищей моихъ послѣ общаго мира служили въ канцеляріи вдовствующей императрицы. Слѣдственно, кадеты графа Ангальта способны были и къ письменнымъ занятіямъ. И графъ оставилъ воспитанникамъ своимъ душевныя и безсмертныя наставленія, какъ быть полезными отечеству и человѣчеству.

Вотъ подлинникъ и переводъ ихъ:

«Mes chers enfants, mes amis, mes compagnons! Il y a de grandes ressources dans le coeur de l'homme (Много жизни въ сердцѣ человѣка).

«Nous ne voyons ordinairement que quelques détails et non pas le tout. Soyons donc modestes et réservés dans nos jugements». (Мы видимъ только нѣкоторыя подробности, но не все. А потому будемъ скромны и осторожны въ нашихъ сужденіяхъ).

«Le jour viendra, mes chers amis, oui, il viendra, que vous devez ordonner; alors, je vous en prie, avec un maintien tranquille et doux, et d'un ton ferme et assuré; tout cela agit plus qu'on ne pense sur l'ame de celui qui obéit. Point de colére, point d'emportement, sans orgueil, sans arrogance, et n'humiliez point—car cela révolte. N'oubliez pas, mes bons enfants, ce qu'on vous dit, c'est un ami

veritable et sincère qui s'entretient avec vous» (Наступитъ день, любезные друзья, когда вы должны будете повелѣвать; тогда, прошу васъ, повелѣвайте съ видомъ безмятежнымъ и кроткимъ, голосомъ твердымъ и спокойнымъ; все это сильнѣе, нежели предполагаютъ, дѣйствуетъ на души подчиненныхъ. Не увлекайтесь ни гнѣвомъ, ни пылкостью, ни гордостью и никогда не унижайтесь, ибо это возмущаетъ душу. Не забывайте, мои добрыя дѣти, не забывайте моихъ словъ. Съ вами бесѣдуетъ искренній и истинный другъ).

Вотъ памятникъ графа Ангальта, другаго не ищите. На Волковомъ полѣ прахъ его скрытъ подъ тѣмъ камнемъ, подъ которымъ онъ хотѣлъ покоиться въ стѣнахъ корпуса, а подлѣ этого смиреннаго памятника возносится великолѣпный камень нѣмецкому столяру.

Предпринимали подписку на памятникъ, но она не состоялась. Графъ Ангальтъ подавалъ руку каждому русскому человѣку, но не уступалъ ни шагу временной спѣси. Вѣрилъ ли Кутузовъ молвѣ о графѣ и о корпусѣ, не знаю. Но онъ былъ вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ и въ этомъ рѣзкою чертою отличался отъ Суворова. Отдѣляясь отъ свѣта, Суворовъ, какъ будто опасаясь, чтобы слава его подвиговъ не затмилась, набивался съ письмами ко всѣмъ значащимъ своимъ современникамъ. Кто чего-нибудь ищетъ и домогается, тотъ не хочетъ быть забытымъ. «Не покажись раза три въ театрѣ, говорилъ Наполеонъ послѣ первой войны въ Италіи, и слава твоя разстелется дымомъ». Кутузовъ не велъ переписки, но въ виду общества дѣйствовалъ своимъ лицомъ, кланялся и уклонялся, выжидалъ и не упускалъ выжданнаго, оттерпливался и послѣ сумрачныхъ дней выходилъ блистательнѣе.

Въ корпусъ вступилъ онъ во всемъ сіяніи славы своей. Онъ жилъ въ стѣнахъ корпуса, но не съ нами. Незадолго до своей кончины, графъ Ангальтъ подарилъ мнѣ полное изданіе Плутарха, Аміотова перевода. Замѣчу здѣсь, что все то, что графъ намъ дарилъ, и все, что было въ нашей увеселительной залѣ, онъ покупалъ на собственное иждивеніе и сверхъ того доставлялъ всевозможныя льготы корпуснымъ учителямъ. Графъ Ангальтъ былъ мотъ и расточитель на добрыя дѣла.

Безпечная веселость моя исчезла. Уныло бродя по саду, я то перечитывалъ изреченія нашей стѣны, то читалъ Юнговы ночи Лаво, то проливалъ слезы вмѣстѣ съ Доддомъ, читая его размышленія въ темницѣ. Доддъ былъ духовникъ и наставникъ графа Честерфильда. Въ отсутствіе своего воспитанника, увлекаясь благотвореніемъ, онъ составилъ довѣренность за ложною подписью для полученія изъ банка около 100.000 рублей на наши деньги. Подлогъ

открылся. Доддъ былъ взятъ подъ судъ; были неопровержимыя доказательства, что деньги разошлись по рукамъ бѣдныхъ, самъ графъ ревностно за него ходатайствовалъ, но по англійскимъ законамъ былъ онъ казненъ. Въ это же почти время и въ силу тѣхъ же законовъ адмирала Биха разстрѣляли за то, что противные вѣтры вырвали изъ рукъ его побѣду. Такіе вѣтры бушуютъ часто и на твердой землѣ. Послѣ графа Ангальта забушевали у насъ человѣкъ шесть силачей: они задирали и обижали слабыхъ, въ числѣ которыхъ былъ и Толь. Однажды забіяки условились потѣшиться надъ нимъ. Для меня тогда была единственная отрада отстаивать тѣхъ, кому грозила бѣда. Я присовѣтовалъ. Толю спрятаться, а самъ не пошелъ ужинать, занялся переводомъ мессинскихъ элегій изъ Анахарзиса Бартелеми. Не отыскавъ Толя, забіяки налетѣли на меня и кричали: «Ты его запряталъ, гдѣ онъ?» — «На что онъ вамъ», — возразилъ я: «и долго ли вы еще будете тѣшить свои кулаки?» Вмѣсто отвѣта кулаки застучали на моей головѣ, кровь хлынула у меня изъ носа. Я хотѣлъ выскочить въ окно и стеклами изранилъ себѣ правую руку. На ней и теперь еще остались эти слѣды. Мой товарищъ Толь въ чинахъ и почестяхъ забылъ объ этомъ. Да я ему ни о чемъ не докучалъ, потому что никогда не искалъ милостиваго вниманія важныхъ лицъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что я за разбитое стекло и за шумъ былъ посаженъ на сутки въ карцеръ.

Скажу по совѣсти, что изъ всѣхъ моихъ товарищей одинъ только я былъ мечтателемъ, и что часто воображеніе заполоняло всѣ способности моего ума. Увлекаясь порывомъ воображенія, я сочинилъ стихи на тогдашнія военныя дѣйствія республиканскаго оружія, прибавя къ тому и мысли мои о новой нашей борьбѣ въ Польшѣ. Трагикъ Озеровъ, все еще служившій въ корпусѣ, показалъ мои стихи Державину, и лирикъ нашъ поручилъ ему сказать мнѣ, чтобы я не давалъ волю воображенію. Но въ этомъ подѣйствовалъ не онъ. Незадолго предъ тѣмъ отецъ мой писалъ ко мнѣ, что желаетъ, чтобы я поступилъ въ артиллерію, гдѣ служитъ нашъ родственникъ. Я отвѣчалъ, что всѣмъ наукамъ нельзя выучиться, что гнавшись за двумя зайцами—ни одного не поймаешь, и я къ артиллерійской службѣ неспособенъ.

Въ отвѣтъ отецъ мой писалъ, что до него дошелъ слухъ, будто я сочиняю стихи, и совѣтовалъ мнѣ въ изъявленіе благодарности за оказанныя намъ благодѣянія написать посланіе къ императрицѣ, прибавляя, что объ этомъ уже отнесся къ Л. А. Нарышкину, и что онъ обѣщалъ довести мои стихи до свѣдѣнія императрицы. Вотъ что было поводомъ къ сочиненію пѣсни Великой Екатеринѣ. Но объ этомъ будетъ далѣе.

Между тѣмъ поразило насъ необычайное обстоятельство. При вступленіи въ корпусъ графа Ангальта, Екатерина до переѣзда своего въ Царское Село и по возвращеніи оттуда проѣзжала мимо корпуса и дарила привѣтливою улыбкою кадетъ, сбѣгавшихся взглянуть на нее, но это прекратилось за годъ до кончины графа, и къ удивленію нашему въ началѣ декабря Екатерина опять проѣхала мимо корпуса. Эта загадка скоро объяснилась и предвѣстила преждевременный выпускъ нашъ изъ корпуса. На другой день по проѣздѣ императрицы былъ повѣщенъ, а чрезъ два дня воспослѣдовалъ экзаменъ, всегда происходившій по вечерамъ. Началось съ русской словесности. Николай Яковлевичъ Озерецковскій задалъ намъ сочинить письмо, будто бы препровожденное къ отцу раненымъ сыномъ съ поля сраженія.

Кадетъ Егоровъ былъ первымъ по классу, Калатинскій вторымъ, а я третьимъ. Два первыя сочиненія Кутузовъ слушалъ безъ особеннаго вниманія. Дошла очередь до меня. Я читалъ съ жаромъ и громко, Кутузовъ вслушивался въ мое чтеніе. Лицо его постепенно измѣнялось, и на щекахъ вспыхнулъ яркій румянецъ при слѣдующихъ словахъ: «Я раненъ, но кровь моя лилась за отечество, и рана увѣнчала меня лаврами! Когда же сынъ вашъ пріѣдетъ къ вамъ, когда вы примете его въ свои объятія, тогда радостное біеніе сердца вашего скажетъ: «Твой сынъ не измѣнилъ ожиданіямъ отца своего!» У Кутузова блеснули на глазахъ слезы, онъ обнялъ меня и произнесъ этотъ роковой и бѣдоносный приговоръ: «Нѣтъ, братъ! ты не будешь служить, ты будешь писателемъ!»

Недавно еще слышалъ я, будто бы Кутузовъ обходился съ нами сурово. Это неправда; правда только то, что между имъ и нами было какое-то безмолвное недовѣріе, но это недовѣріе рушилось и разрѣшилось случайно. Кутузовъ пожалъ тогда такіе лавры, какихъ не пожиналъ ни на высотахъ Мачинскихъ, ни подъ стѣнами Измаила, ни на полѣ Бородинскомъ—онъ побѣдилъ самого себя.

Два вечера прошли спокойно. На третій спрашивали у насъ всемірную исторію, которая какъ будто нарочно подоспѣла съ великими своими превратностями къ важнѣйшему обстоятельству нашей кадетской жизни. Мы начали шепотомъ разговаривать между собою, и голоса 120-ти кадетъ слились въ одинъ жужжащій гулъ.— «Тише, господа!» сказалъ Кутузовъ. Мы смолкли и чрезъ нѣсколько минутъ опять заговорили. «Тише, говорю вамъ!» грозно повторилъ Михаилъ Илларіоновичъ. Мы замолчали, но не надолго. «Тише!» закричалъ онъ еще грознѣе и при этомъ третьемъ «тише» прибавилъ нѣсколько словъ, отъ которыхъ мы замолчали. Ударило восемь часовъ; Кутузовъ вышелъ. Мы всѣ пошли за нимъ. Каждый вечеръ

Кутузовъ ѣздилъ къ тогдашнему временщику. Слуга сказалъ, куда ѣхать, а мы закричали:

— Подлецъ, хвостъ Зубова!

Въ наше время о каждомъ экзаменѣ начальникъ корпуса лично доносилъ императрицѣ. На другой день Кутузовъ явился къ ней.

— Каковы твои молодцы? спросила Екатерина.

— Прекрасны, Ваше Величество, — отвѣчалъ онъ, — они слишкомъ учены, имъ недостаетъ только военной дисциплины. А потому, хотя они не дожили еще до срока двухъ лѣтъ, но позвольте ихъ выпустить.

Екатерина согласилась и сказала:

— Постарайся отдать твоихъ молодцовъ на руки такихъ полковниковъ, которые бы не застращали ихъ службою. Юношей надобно беречь, они пригодятся.

Кутузовъ объявилъ намъ рѣшеніе Екатерины. При появленіи его, нынѣшній графъ Толь и я, мы стояли возлѣ его. Кутузовъ любилъ Толя за искусные чертежи и за охоту къ военнымъ наукамъ.

— Послушай, братъ, сказалъ онъ Толю, чины не уйдутъ, науки не пропадутъ. Останься да поучись еще.

Толь остался, и Кутузовъ ознакомилъ его съ своими военными правилами и познаніями.

Шесть человѣкъ выпущены были капитанами, а всѣ прочіе поручиками. Кутузовъ созвалъ къ себѣ нашихъ офицеровъ и сказалъ имъ: «Господа, развѣдайте, кто изъ кадетъ не въ состояніи обмундироваться, да сдѣлайте это подъ рукою. Наши юноши пресамолюбивые, они явно ничего отъ меня не возьмутъ». Съ мундировъ недостаточныхъ кадетъ мѣрки сняты были ночью: чрезъ три дня мундиры были готовы и отданы имъ, будто бы отъ имени ихъ отцовъ и родныхъ. Ударилъ часъ прощанія. Мы составили кругъ. Кутузовъ вошелъ въ него и сказалъ: «Господа, вы не полюбили меня за то, что я сказалъ вамъ, что буду обходиться съ вами, какъ съ солдатами. Но знаете ли вы, что такое солдатъ? Я получилъ и чины, и ленты, и раны: но лучшею наградою почитаю то, когда обо мнѣ говорятъ: онъ настоящій русскій солдатъ. Господа! гдѣ бы вы ни были, вы всегда найдете во мнѣ человѣка, искренно желающаго вамъ счастія, и который совершенно награжденъ за любовь къ вамъ вашею славою, вашею честью, вашею любовью къ отечеству». За день до выхода изъ корпуса, когда надѣли мы мундиры, Кутузовъ поодиночкѣ призывалъ насъ къ себѣ и предлагалъ намъ тактическіе вопросы. Мнѣ задалъ онъ вопросъ о полевыхъ укрѣпленіяхъ. Чувствуя, что по строгимъ правиламъ науки не могу отвѣчать, я спросилъ: какъ прикажете мнѣ объясниться,

тактически или исторически? Онъ взглянулъ на меня и сказалъ: «Ну, посмотримъ, отвѣчай исторически». Я началъ: «Полевыя укрѣпленія устраиваются для остановленія первыхъ напоровъ непріятеля. Извѣстнѣйшіе изъ такихъ укрѣпленій устроены были Петромъ I на полѣ Полтавскомъ, и графъ де-Саксъ въ сочиненіи своемъ о военномъ искусствѣ приписываетъ имъ побѣду русскихъ надъ Карломъ XII. Въ древнія времена аѳинскій полководецъ Ификратъ при всякомъ случаѣ укрѣплялъ свои войска и, когда его упрекали въ излишней осторожности, онъ говорилъ: «Въ военное время непріятель вездѣ. Онъ не тамъ нападаетъ, гдѣ его остерегаешься, но тамъ, гдѣ его не ждутъ». Но никакія укрѣпленія не могутъ устоять предъ отважною рѣшимостью войска. Графъ Ангальтъ разсказывалъ намъ о вашемъ движеніи на высотахъ Мачинскихъ, споспѣшествовавшемъ къ заключенію мира съ Портою Оттоманскою 1791 года». Кутузовъ былъ доволенъ моимъ отвѣтомъ.

Теперь скажу нѣсколько словъ о Л. А. Нарышкинѣ. Левъ Александровичъ Нарышкинъ, какъ говорилось, былъ столповой вельможа двора Екатерины, посредникъ между ею и мнѣніемъ народнымъ. Приготовляясь издать какой-нибудь указъ, она поручала ему узнать: что скажетъ о томъ народъ? Нарышкинъ зналъ духъ народный и острыми замысловатыми шутками умѣлъ вызвать мысль народную. Въ простой одеждѣ ходилъ онъ по площадямъ, протирался, никого не толкая, вездѣ, гдѣ былъ народъ, заводилъ рѣчь, какъ бы неумышленно, о томъ, что нужно было ему вывѣдать. Люди русскіе любили его. Затѣйливымъ балагурствомъ и радушною ласкою приманивалъ онъ сердца ихъ. Однажды при мнѣ сходилъ онъ съ крыльца къ каретѣ. Его встрѣтилъ хлѣбникъ съ корзинкою и говоритъ: «Батюшка, Левъ Александровичъ! прикажите выдать за хлѣбы деньги».—«Скрипку, скорѣе скрипку!» закричалъ онъ. Принесли скрипку.—«Ну, братъ! ты славный парень; пропляши бычка»! Тутъ вельможа-скрипачъ засучилъ рукава, заигралъ, загудѣлъ и запѣлъ, словомъ, какъ говорилось, отодралъ бычка, а хлѣбникъ удалой выкинулъ лихую выпляску. «Славно! Славно, братъ!» вскричалъ Левъ Александровичъ. «Вотъ мы и расплатились. Я игралъ, ты плясалъ». Разумѣется, что деньги были отданы. Левъ Александровичъ былъ оберъ-шталмейстеромъ. Однажды Екатерина ѣхала изъ Петербурга въ Царское Село, до котораго верстахъ въ двухъ сломалось колесо въ ея каретѣ. Императрица, выглянувъ изъ кареты, громко сказала: «Ужь я Левушкѣ (такъ называла она Л. А.) вымою голову». Левъ Александровичъ выпрыгнулъ изъ коляски, прокрался стороною до въѣзда въ Царское Село, вылилъ на голову ведро воды и сталъ,

какъ вкопанный. Между тѣмъ колесо уладили, Екатерина подъѣзжаетъ, видитъ Нарышкина, съ котораго струилась вода и говоритъ: «Что ты это, Левушка?» — «А что, матушка! вѣдь ты хотѣла мнѣ вымыть голову. Зная, что у тебя и безъ моей головы много заботъ, я самъ вымылъ ее»! Все кончилось смѣхомъ. Въ другой разъ пришелъ онъ во дворецъ, прикинувшись чрезвычайно встревоженнымъ. — «Что съ тобою сдѣлалось, Левушка?» спросила Екатерина, — «ты такъ грустенъ!» — «Матушка!» отвѣчалъ онъ, — «жена меня гонитъ съ бѣлаго свѣта! Она требуетъ, чтобы я платилъ долги! Да гдѣ это видано, матушка, чтобъ придворный платилъ долги? Отъ этого со стыда умрешь. Разведусь, разведусь съ женою!» Долгъ былъ заплаченъ. Но какой? Екатерина возвращала ему только то, что онъ расточительною рукою разсыпалъ для народныхъ увеселеній.

Левъ Александровичъ былъ еще гостепріимцемъ и угостителемъ всѣхъ азіатскихъ народныхъ старшинъ, пріѣзжавшихъ съ поклономъ къ Екатеринѣ или по дѣламъ. За столомъ было для каждаго родное, любимое его блюдо. По пестротѣ разнообразныхъ одеждъ различныхъ племенъ, казалось, видишь не обѣдъ, а какой-то волшебный съѣздъ изъ Тысячи одной ночи. Хозяинъ азіатскихъ своихъ гостей осыпалъ привѣтами и ласками, шутилъ, смѣшилъ ихъ, забавлялъ музыкой и плясками. А они, возвратясь во-свояси, говорили своимъ друзьямъ и роднымъ: Какая царица! какіе у ней бояре!

Такой голосъ раздавался и въ кочевьѣ калмыковъ и въ степяхъ киргизъ-кайсаковъ. Чувство достоинства души своей глубоко запало въ сердца тѣхъ племенъ кочующихъ, которыя сказали: «Лучше пальмѣ быть вырванной съ корнемъ, нежели переломленной: лучше человѣку умереть, нежели жить въ уничтоженіи». Ловила и Екатерина всѣ случаи, чтобы торжественно показывать ему свой радушный привѣтъ. Былъ у него однажды балъ и маскарадъ. Гремѣла музыка, танцовали подъ звуки польскихъ Козловскаго, положенныхъ на слова Державина; гремѣли клики:

Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Внезапно и неожиданно является Екатерина въ полномъ нарядѣ царицы Натальи Кирилловны, подходитъ къ хозяину и ласково привѣтствуетъ его. Восхищенный хозяинъ бросается на колѣни, цѣлуетъ руку Екатерины и въ слезахъ восклицаетъ: Матушка! Матушка!

По выходѣ моемъ изъ корпуса, я при первомъ шагѣ въ большой свѣтъ увидѣлъ, что буду въ немъ пришельцемъ и гостемъ.

По приказанію милостивца нашего семейства Л. А. Нарышкина я напечаталъ въ корпусной типографіи упомянутую пѣснь Великой Екатеринѣ, переплелъ въ голубой атласъ и представилъ ему первое мое печатное сочиненіе. Въ то же утро отправилъ онъ меня къ князю П. А. Зубову съ маіоромъ Петровымъ, служившимъ при дворцовой конюшнѣ. Въ пріемной князя было уже множество лицъ и въ мундирахъ и во фракахъ. Нисколько не робѣя, но укрываясь отъ любопытныхъ взоровъ, я сталъ въ уголъ комнаты и закрылъ шляпою мое сочиненіе, а мой услужливый путеводитель, какъ опытный знакомецъ съ передними знатныхъ, подбѣгалъ то къ тому, то къ другому съ привѣтствіями и разспросами.

Я много уже читалъ о передних временщиковъ и думалъ: чего отъ нихъ добиваются? Сегодня они все, а завтра вмѣстѣ съ ихъ случайностью все исчезнетъ, и тѣ самые раболѣпные поклонники, которые съ такою жадностью ловили каждый его взглядъ, первые забудутъ ихъ. Кромѣ этого, кружились въ головѣ моей и Римъ, и Спарта, и Аѳины, гдѣ не знали переднихъ и гдѣ, по словамъ одного французскаго поэта, «не нужно было ждать приказа молвить слово».

Тутъ, нечаянно оглянувшись, я увидалъ М. И. Кутузова, который стоялъ недалеко отъ дверей. Въ то время отъ князя вышелъ камердинеръ съ подносомъ и съ пустою шоколадною чашкою въ рукахъ. Кутузовъ поспѣшно подошелъ къ нему и спросилъ по-французски: «Скоро ли выйдетъ князь?» — «Часа черезъ два», отвѣчалъ съ важностью камердинеръ. А Кутузовъ, не отступавшій отъ стѣнъ Очакова, ни отъ стѣнъ Измаила, смиренно сталъ на прежнее мѣсто. Досада закипѣла въ моемъ юномъ сердцѣ; я подошелъ къ Петрову и сказалъ: «Я не стану болѣе ждать!» Оторопѣвъ отъ этихъ словъ, Петровъ спросилъ: «А что же я доложу Льву Александровичу?» — «Что вамъ угодно» — отвѣчалъ я, — «Кутузовъ, герой Мачинскій и Измаильскій, здѣсь ждетъ и не дождется, а я что такое?» И я ушелъ. Часу въ шестомъ вечера пришелъ я къ Нарышкину. Онъ сидѣлъ на софѣ съ какимъ-то незнакомымъ человѣкомъ: то былъ Державинъ. Увидя меня, Левъ Александровичъ захохоталъ и сказалъ: «Гаврило Романовичъ! посмотрите, вотъ этотъ Вольтеровъ Гуронъ, который убѣжалъ изъ пріемной князя, онъ затѣялъ тамъ высчитывать послужной списокъ Кутузова. Понатрется въ свѣтѣ—перестанетъ балагурить. Однако, въ пѣснѣ его къ Екатеринѣ есть хорошіе стихи»: и Левъ Александровичъ прочиталъ наизусть слѣдующее:

Ты отрокомъ меня пріяла,
Ты разумъ мой образовала,
Ты въ сердце чувствія влила;

Благотворительной рукою
Ты правила моей душою,
Ты жизнь мнѣ новую дала!

Державинъ похвалилъ эти стихи. Я былъ очень радъ, и благодаря моей памяти, съ восторгомъ началъ наизусть читать его Фелицу. Левъ Александровичъ приговаривалъ: «Продолжай, продолжай, братъ!» Лицо Державина дышало удовольствіемъ, и слезы брызнули изъ глазъ его при строфѣ:

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей;
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скипетръ несть.

Державинъ поцѣловалъ меня и сказалъ: «Питайте всегда эти чувства къ государынѣ, это дѣлаетъ честь вамъ и вашему сердцу; но», — прибавилъ онъ, — «передалъ ли вамъ В. А. Озеровъ мнѣніе мое о вашихъ стихахъ?» Но, не дождавшись отвѣта, Левъ Александровичъ спросилъ: «А что онъ, видно, и тамъ что-нибудь напроказилъ? ужь не ударился ли онъ въ политику?» Державинъ отвѣчалъ, что стихи мои не предосудительны, но что я часто слишкомъ неосторожно увлекаюсь порывомъ воображенія. — «То-то, братъ», — сказалъ Левъ Александровичъ, — «воображеніе бредъ; а до политики не касайся, это не твое дѣло. Наша политика въ кабинетѣ Екатерины. Она за насъ думаетъ и заботится. А наше дѣло пировать да веселиться!» Былъ я въ нѣсколькихъ домахъ такъ-называемаго большаго свѣта, но нигдѣ не слыхалъ ни слова о дѣлахъ европейскихъ. Мысли и душа моя летѣли на родину.

ГЛАВА XI.

Поѣздка на родину въ 1795 году.—Картина зимы.—Остановка въ Чудовѣ.—Разсказы ветерановъ.—Новгородъ.—Историческія воспоминанія.—Патріархальное семейство.—Бѣдность народа.—Дорожные разговоры.—Мой старшій братъ. Матушкины сынки.—Карты.—Упадокъ родоваго дворянства.—Зоричъ.—Шкловскій корпусъ.—Радость свиданія съ родными.—Пребываніе на родинѣ.—Первое знакомство съ большимъ свѣтомъ.—Смоленскъ.—Поѣздка въ Москву.—В. С. Ваксель.—Д. II. Бeклемишевъ.—Письмо А. Г. Орлова.—Обратный путь. Смерть брата.—Эпитафія.—Поѣздка въ Петербургъ. Возвращеніе въ Москву.—Князь Ю. В. Долгорукій.—Его экспедиція въ Италію и Черногорію.—Чесменскій бой.—Штатъ князя. Князь II. II. Долгорукій.—С. Н. Сандуновъ.—Лиза Сандунова—Померанцевъ.—Шушеринъ.—Плавильщиковъ.

Вездѣ я направлялъ мысль мою къ сему вѣчному вліянію, которое видимая природа производитъ на расположеніе духа и на судьбу человѣка.

Александръ Гумбольдтъ.

Toute ma jeunesse est réfugiée dans mon coeur.

Вся юность моя переселилась въ сердце мое.

Шатобріанъ.

Въ 1795 году, въ половинѣ января, по выходѣ изъ тогдашняго сухопутнаго кадетскаго корпуса, отправился я на родину, въ Духовщинскій уѣздъ, съ старшимъ братомъ моимъ Василіемъ и съ младшимъ Николаемъ, корпуснымъ моимъ сопитомцемъ. Изъ насъ, трехъ братьевъ, одинъ я остался на шаткихъ колеяхъ нашего міра, такъ часто и въ такихъ различныхъ объемахъ кружащагося безъ мира. Мнѣ было тогда девятнадцать лѣтъ. Зима росконествовала во всемъ великолѣпіи своемъ. Въ стѣнахъ нашего училища бѣгали мы по двору и въ саду въ легонькихъ курточкахъ, безъ шляпъ и въ башмакахъ, подчасъ съ такими же подметками, какими отличались сапоги бѣдняка Наполеона Бонапарта до 1793 г., то-есть до перваго удачнаго его батарейнаго выстрѣла подъ Тулономъ. На все время и все на время! Но бѣгая и по двору, и по саду, я видѣлъ снѣгъ, но не зиму. А за заставой, подъ яснымъ, голубымъ небосклономъ, мелькнули въ глазахъ моихъ и рощи, и поля, и луга, и долины, блиставшіе и изумрудами, и яхонтами, и топазами, словомъ,—очаровательными отблесками всѣхъ тѣхъ цвѣтовъ, которые Ньютонъ съ такимъ усиліемъ заманивалъ въ окна своего кабинета, но которые слово Божіе сотворило въ одно быстрое мгновеніе.

Удивительная была картина зимы! То былъ блистательный праздникъ, которымъ она даритъ глаза безденежно. Но когда одинъ изъ такихъ зимнихъ праздниковъ пооцарапалъ носъ Дидероту, кото-

рый перечитывалъ Наказъ съ Екатериною, онъ писалъ въ Парижъ, къ пріятелямъ своимъ: «Если будете на берегахъ Невы, то окутывайте плотнѣе лицо: русскій морозъ невѣжливъ». Живи Дидеротъ въ нашъ двѣнадцатый годъ, и онъ бы назвалъ нашъ морозъ—морозомъ убійственнымъ. Но развѣ морозъ заманивалъ къ себѣ громы и молніи ратные? Развѣ пески знойной Ливіи виною, что они засыпали войско Камбиза? Развѣ вѣтры виноваты, что грозные порывы ихъ разметали, такъ называемый, «непобѣдимый» флотъ гордаго Филиппа?

Какъ бы то ни было теперь разсуждая, а въ январѣ 1795 года съ восторгомъ наслаждался полнымъ разгуломъ зимы, которая блескомъ цвѣтовъ своихъ не лелѣяла глазъ моихъ тринадцать лѣтъ. Мнѣ и брату моему Николаю, намъ душно было въ кибиткѣ. Новое зрѣлище земли и неба непрестанно заманивало насъ къ себѣ. Особенно мой сопитомецъ, какъ-будто предчувствуя, что весна дней его померкнетъ съ будущею весною, почти не заглядывалъ въ повозку. На свободѣ, подъ открытымъ небомъ хотѣлъ онъ надышаться жизнью. А у него въ этой жизни была и душа, и жаркое чувство, и умъ, и мысль зоркая; все это было и все промелькнуло мгновеннымъ лучемъ въ апрѣлѣ того же 1795 года. Ему удалось только взглянуть на мать, на отца, услышать слова ихъ любви, услышать первую пѣснь весенняго соловья, помолиться въ родномъ храмѣ и лечь у стѣнъ его, подлѣ праха нашихъ праотцевъ.

Быстро на свѣтлый небосклонъ налетаетъ грозная туча! То же бываетъ и на небосклонѣ нашей жизни. Едва блеснетъ улыбка на устахъ, а въ глазахъ сверкаютъ слезы. Но тогда сквозь радужное сіяніе восхитительной надежды не проглядывала къ намъ ни одна черта туманная. Сердца наши ликовали и летѣли на родину. Въ такомъ расположеніи духа остановились на покормку нашихъ лошадей въ селѣ Чудовѣ. Старшій нашъ братъ былъ въ бекешѣ, а мы въ военныхъ зеленыхъ курточкахъ. Неподалеку отъ насъ сидѣли на полатяхъ два отставные солдата, обросшіе уже бородами. Въ это время и въ сѣверной столицѣ, и въ окрестностяхъ ея витала какая-то молва о новой войнѣ. Поглядывая на насъ, старые служивые (тогда слово ветеранъ не было еще въ ходу) между собою говорили: «Вотъ и эту молодежь туда же отправятъ».

Тутъ вдругъ одинъ спросилъ товарища своего: «Да когда же кончится этотъ мятежъ?» Другой, не запинаясь, наотрѣзъ отвѣчалъ: «Да какъ людей не будетъ!» И теперь еще не надивлюсь этому быстрому, этому громоносному отвѣту. Сберите всѣхъ мыслителей нашего міра земнаго—они будутъ разсуждать о превратностяхъ политическихъ, о кипѣніи страстей человѣческихъ, о поры-

вахъ духа завоевательнаго и такъ далѣе. Но человѣкъ безграмотный, простымъ смысломъ, безъ всѣхъ околичностей къ укрощенію мятежа и волненію страстей превращаетъ нашу земную вселенную въ пустыню безлюдную. Поэзія ужасная! Но разсказъ мой не выдумка, онъ напечатанъ былъ въ 1805 году въ журналѣ Бруснлова въ то самое время, когда нашъ Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ, первый изъ русскихъ полководцевъ, началъ борьбу съ Наполеономъ въ странѣ германской, гдѣ судьба опредѣлила ему и 1813 года продолжать такую же борьбу, и кончить жизнь.

Съ теплаго ихъ пріюта мы пригласили добрыхъ ветерановъ къ намъ на чай. Съ нами, юношами, разгулялось воображеніе ихъ, и память былаго громко откликнулась: «Намъ обоимъ», сказалъ одинъ изъ нихъ: «довелось быть подъ Кагуломъ, въ кареѣ генерала Племянникова, въ которое тучею ястребиною влетѣли толпы янычаръ, поджидавшія насъ въ лощинахъ. Вскрикнувъ: «Алла! Алла!», они бросились на насъ въ кинжалы. Мы не то, чтобы дрогнули, но некогда было спохватиться. Вдругъ, откуда ни возьмись, на конѣ богатырскомъ взвился графъ Петръ Александровичъ полетомъ соколинымъ, подскакалъ къ намъ и воскликнулъ: «Ребята, стой!» И душа у насъ встрепенулась, и ноги какъ-будто къ землѣ приросли, и ни одна чалма не́ выбилась изъ карея».

Такъ говорилъ первый, а вотъ разсказъ его товарища.

«Съ нашими русскими полками какъ-будто нагрянула подъ Очаковъ и зима русская: лиманъ замерзъ; а въ день великаго угодника Божьяго Николая сказанъ былъ штурмъ. Морозъ былъ трескучій, но сердца кипѣли отвагою. Вдругъ раздалось въ рядахъ нашихъ: «Князь Григорій Александровичъ молится на батареѣ и плачетъ: ему жаль насъ, солдатушекъ». Загремѣло: «ура! съ нами!» Мы полетѣли на валы, на стѣны—и крѣпости какъ-будто и не было. А лѣтомъ, когда еще турки храбрились, нашъ батюшка князь Григорій Александровичъ какъ-будто для прогулки разъѣзжалъ подъ ихъ батареями. Ядра сыпались, а онъ себѣ и не поморщится. Однажды подлѣ него, рука объ руку, убило ядромъ наповалъ генерала Синельникова, а на отца нашего не пала и порошинка. Видно, Богъ его за то и берегъ, что онъ себя нигдѣ не берегъ, а объ насъ всегда жалѣлъ».

И это истина историческая. По случаю взятія Исакчи князь Таврическій въ тогдашнихъ военныхъ извѣстіяхъ писалъ: «При столь важномъ происшествіи милость къ намъ Господня тѣмъ паче видна, что у насъ не было ни одного убитаго, ни раненаго».

Разсказы нашихъ чайныхъ собесѣдниковъ-ветерановъ были, такъ сказать, продолженіемъ и дополненіемъ того, что мы слышали

въ стѣнахъ нашего корпуса. Были у насъ старые служивые въ прислугахъ при пушкахъ, на ученіяхъ. Мы были окружены олицетворенными лѣтописями временъ Румянцева, Потемкина и Суворова. Разумѣется, что эти лѣтописи кипѣли разсказами о взятіи крѣпостей и о сраженіяхъ, иногда и съ перемолвкою, но мы слушали съ восхищеніемъ. Очаковъ и Кинбурнская Коса особенно были намъ знакомы. Въ честь взятія Очакова сочинена была кадриль, которую мы танцовали въ торжественныя собранія, а съ Кинбурномъ сблизило насъ письмо Суворова къ дочери его. Поздравляя ее «графинею двухъ имперій», онъ между прочимъ препоручалъ ей при встрѣчѣ съ графомъ Безбородкою во дворцѣ цѣловать у него руку. Случайность — лѣстница. Одинъ съ нея сходитъ, другой восходитъ — Безбородко восходилъ, а звѣзда князя Таврическаго начинала тускнѣть.

Продолжаю свой разсказъ.

Утреннее солнце блеснуло надъ Новгородомъ, когда мы къ нему подъѣхали. Волшебное имя его было мнѣ извѣстно не изъ преданій историческихъ, но изъ трагедіи: Вадимъ, Якова Борисовича Княжнина. Мысль моя залетѣла въ даль вѣковъ, и я воскликнулъ съ Вадимомъ:

О! Новгородъ, что ты былъ и что ты сталъ теперь!

Теперь, то-есть когда мнимый или подлинный Вадимъ вступилъ въ борьбу съ Рюрикомъ. А чѣмъ онъ былъ до Рюрика? Ничѣмъ. Ибо онъ еще и не существовалъ. Повторяю, мнѣ было тогда девятнадцать лѣтъ, а я о лѣтописцѣ Несторѣ и слухомъ не слыхалъ. Была у насъ какая-то краткая русская исторія, сочиненная Вегеленомъ съ вопросами и отвѣтами на русскомъ и французскомъ языкахъ. Эти сухія, краткія, такъ сказать, выжимки изъ исторій истомляють только память, а душѣ ничего не передаютъ. Исторія отечественная — новый міръ для каждаго юнаго сына отечества. Изъ нея переходитъ въ жизнь его бытіе жизни вѣковой. Мнѣ неоткуда было усвоить себѣ эту жизнь; зато какой былъ разгулъ юному моему воображенію!

Но простите мнѣ, и домъ Ярослава, и домъ Мароы Посадницы! Мнѣ тогда въ умъ не приходило спросить: гдѣ вы? Русская старина была отъ меня тогда, говоря русскимъ словомъ, «за тридесять земель». Да и теперь мы все еще выкликиваемъ ее изъ дали туманной. Когда же блеснетъ солнце надъ полнымъ объемомъ отечественной исторіи, откуда ждемъ самобытной ея жизни!

Мы пріѣхали въ Новгородъ въ воскресенье и, помолясь въ первомъ храмѣ Божіемъ, пустились черезъ Ильмень за Ильмень.

И въ какой пріютъ привела насъ счастливая судьба! Шести лѣтъ разстался я съ родиною. Быть земледѣльческій какъ-будто заслоненъ былъ отъ насъ дремучими лѣсами, раскинутыми природою по берегамъ Ореноко. Изъ-подъ морознаго небосклона вошли мы въ просторную избу, чистую, теплую и свѣтлую. Хозяева обѣдали. Патріархъ семьи, старецъ маститый, сидѣлъ у образнаго кіота. По сторонамъ сидѣли сыновья, невѣстки и внучата. Хозяйка была въ другомъ пріютѣ—въ тихой могилѣ. На столѣ, на скатерти бѣлой, какъ снѣгъ, дымилась чаша со щами и лежали пироги, свѣтящіеся отливомъ яхонтовъ. Все, говоря нынѣшнимъ словомъ, все обличало тутъ обиліе привольной сельской жизни; и ласковый, радушный хозяинъ пригласилъ насъ къ трапезѣ своей. Старшій нашъ братъ отнѣкивался; а мы и съ добрымъ позывомъ на пищу, и съ простосердечіемъ юношескихъ лѣтъ приняли привѣтъ безъ всѣхъ околичностей. Приказавъ своимъ поотодвинуться, хозяинъ усадилъ насъ подлѣ. Тутъ и въ памяти, и въ душѣ моей откликнулись стихи, напечатанные въ тогдашнемъ московскомъ журналѣ:

Русь блаженная стократно!
Какъ душѣ моей пріятно,
Что въ родной странѣ моей
Въ селахъ можно съ счастьемъ знаться,
Съ нимъ въ углу твоемъ встрѣчаться!

Не знаю, что понравилось въ насъ гостепріимному нашему хозяину; то ли, что, смотря на насъ, юношей, онъ припоминалъ свои весенніе дни, или наше простосердечіе, но у него отъ избытка сердечнаго лился разговоръ, и между прочимъ онъ разсказалъ намъ слѣдующее любопытное обстоятельство:

«Я не здѣшній уроженецъ», сказалъ онъ; «съ отцомъ моимъ я пріѣхалъ въ эти мѣста по нашимъ промысламъ въ то самое время, когда при государѣ Петрѣ I происходила первая поголовная перепись всему русскому народу и когда каждый остался крѣпкимъ землѣ тамъ, гдѣ застала его перепись. Я было сильно пригрустнулъ, но родитель мой, человѣкъ смышленый и грамотный, сказалъ мнѣ: Развѣ ты не видѣлъ, какъ великій государь работалъ въ Воронежѣ, снаряжая сухопутное и судоходное войско подъ Азовъ? Онъ былъ и на пристани съ топоромъ въ рукахъ, и въ кузницѣ, и въ воеводской канцеляріи, и вездѣ на работѣ; не въ сласть ему ни сонъ, ни пища: вся мысль его въ трудѣ. Трудно нашему брату и избу перестроить, а ему, отцу нашему, довелось перестроивать цѣлое царство. Ему нужно и свое родное войско, и свой флотъ. Но для этого нужны во всемъ порядокъ и чередъ. Вотъ для чего и перепись крѣпитъ насъ съ землею. Онъ трудится для всѣхъ; какъ же и намъ не потрудиться

для него? Тысячи рукъ нашихъ не сдѣлаютъ того, что дѣлаютъ однѣ его руки; тысяча глазъ не увидятъ того, что одни глаза видятъ и распоряжаютъ. Намъ будетъ и здѣсь житье привольное. Лѣсовъ окомъ не окинешь; земли, слава Богу, досталось намъ вдоволь. Не давай только потачки лѣни, и будь самъ готовъ на службу, когда востребуетъ того государь. Будемъ крѣпко держаться за землю, а душою за Творца Небеснаго, такъ Богъ и благословитъ насъ; руки у насъ не связаны, и наше останется при насъ».

«Такъ», прибавилъ нашъ хозяинъ, «говорилъ мой отецъ, и Богъ на самомъ дѣлѣ благословилъ и насъ всѣхъ. Пока шла перепись — смуты не было никакой. По всѣмъ приходамъ повѣщена была сходка, и въ храмахъ вразумляли насъ, чтò для чего дѣлается. А мы молились Богу, да просили у Него, Царя Небеснаго, земному нашему царю здравія и долголѣтія. Велся порядокъ — и все велось порядкомъ».

Выѣзжая изъ сельскаго гостепріимнаго пріюта нашего хозяина, мнѣ казалось, что выѣзжаю изъ страны счастливой Аркадіи. Послѣ уже я читалъ, что датчанинъ Флемингъ, бывшій въ Россіи при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и проживпшій нѣкоторое время въ селеніяхъ новгородскихъ, говоритъ, что онъ встрѣтилъ тамъ и Аркадію, и міръ патріархальный, гдѣ душа и сердце обнимались съ чистою совѣстью. Дары душевные нашъ хозяинъ заимствовалъ не изъ преданій — они были его собственностью. Въ силу требованій нынѣшней статистики, мнѣ бы слѣдовало означить и урочище пріозерное и имя хозяина, но весь письменный мой запасъ остался въ стѣнахъ нашего училища. Не было у меня ни карандаша, ни записной книжки. Все тогдашнее мое сокровище состояло въ «Вадимѣ» Княжнина, въ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву», надѣлавшемъ тогда много шума, а теперь уснувшемъ сномъ непробуднымъ, и «Чувствительномъ путешествіи», Стерна, въ которомъ сердце и мысль всегда что-нибудь отыщутъ. Съ этимъ запасомъ и съ мечтами романической юности ѣхалъ я на родину. Но чѣмъ болѣе отдалялись мы отъ жилища нашего пріильменскаго гостепріимца, тѣмъ болѣе казалось, что мы заѣзжаемъ въ какія-то дымныя, курныя дебри. Это бѣдныя хижины. Войдемъ. Двери настежь; съ двухъ сторонъ прорубы, названные окнами, открыты; сверху, въ отверстіе трубы, бьетъ дымъ и заполоняетъ избу. Вѣтеръ разгуливаетъ въ стѣнахъ, дымная мгла слѣпитъ глаза. Это бы еще ничего, но тутъ и колыбели младенцевъ, тутъ и животныя, гнѣздящіяся по угламъ или расхаживающія по тинистому полу, зараженному тлетворною сыростью. Нѣкоторые предполагаютъ, что въ хижинѣ, отданной на произволъ смрада и дыма, ходячій вѣтеръ прочищаетъ воздухъ. Но

каково пришельцамъ колыбельнымъ въ этомъ дымномъ и вѣтреномъ мірѣ! Не того желалъ Петръ I. Въ одномъ изъ достопамятныхъ указовъ своихъ онъ предписываетъ, чтобы избы одну отъ другой раздѣлять садами и въ охраненіе отъ пожарныхъ случаевъ, и для соблюденія чистоты, необходимой для здоровья. И Екатерина II, разсуждая о томъ, отчего у крестьянъ отъ двадцати и пятнадцати дѣтей едва-ли остается четвертая часть, говоритъ: «Долженъ быть тутъ какой-нибудь порокъ или въ пищѣ, или въ образѣ ихъ жизни, или въ воспитаніи, который причиняетъ гибель сей надежды государства. Какое цвѣтущее состояніе было бы Россіи, еслибы могли благоразумными учрежденіями отвратить или предупредить сію пагубу» [1]).

Слѣдственно, по мнѣнію Екатерины, и для крестьянъ необходимо воспитаніе, охраняющее душевныя и тѣлесныя способности. Но какое впечатлѣніе производили надъ нами эти пріюты бѣдности, это высказать не могу! На покормкѣ лошадей мы шли на улицу на борьбу съ морозомъ, чтобы не глотать тлетворныхъ испареній. Тутъ встрѣчали мы мальчишекъ, бѣгавшихъ и подлѣ, и мимо насъ въ скудныхъ лохмотьяхъ. Съ плечъ нашихъ порывались къ нимъ наши легкіе тулупы; но другихъ у насъ не было, и мы по неволѣ укрощали стремленіе сердечное; зато тайкомъ вытаскивали изъ нашихъ чемодановъ то чулки, то платки, торопливою рукою раздавали мы и то, и другое; еще торопливѣе бросались они къ нашимъ подаркамъ, и когда садились мы въ кибитку и трогались въ путь, они бѣжали за нами съ восклицаніями: «Благодаримъ васъ!» И это слово громко откликалось въ душѣ нашей. По пріѣздѣ на родину, когда старшій нашъ братъ долженъ былъ представить опись во всемъ выданномъ намъ, мы чистосердечно покаялись родительницѣ нашей въ похищеніяхъ нашихъ у насъ самихъ. Она поцѣловала насъ и перекрестила.

Воспоминанія юныхъ лѣтъ! Вы волшебный, очаровательный голосъ той райской птички, который тысячу лѣтъ превращаетъ въ одинъ день, въ одно мгновеніе!

Какъ бы то ни было, но и тогда я замѣтилъ, что у жильцовъ этихъ дымныхъ пріютовъ есть какая-то рѣчь самобытная и сильные обороты въ выраженіи мысли. Наставники ихъ — природа, сердце и здравый смыслъ, а нерѣдко и горе жизни. Въ нашъ девятнадцатый вѣкъ оповѣстили, что нѣтъ девяти музъ, но есть одна только муза — скорбь душевная [2]).

---

[1]) Наказъ § 266.

[2]) Presque tous les chefs d'oeuvre dans tous les arts sont dus à quelque souffrance connu ou secrette. Il n'y a pas neuf Muses, cela est faut: il y en a une—la douleur.

Чудное дѣло! При блескѣ кружащагося міра, при чудесахъ образованности надобно душѣ тонуть въ скорби душевной, чтобы вызывать оттуда безсмертные напѣвы и передавать ихъ въ даль вѣковъ!

Но эта скорбь душевная и объясняетъ геній Омира. Внѣшній объемъ его Иліады весь заимствованъ изъ памятниковъ кисти и рѣзца, уцѣлѣвшихъ въ храмахъ и чертогахъ, покоющихся и теперь еще въ развалинахъ стовратныхъ Ѳивъ. Омиръ, польстя Иліадою тщеславію грековъ, самъ издѣвался надъ витязями ея въ шутливой своей поэмѣ. Но Одиссея—созданіе его сердца и глубокое выраженіе превратностей жребія человѣческаго; и въ нашихъ глазахъ, и въ нашъ вѣкъ повторилась цѣлая Одиссея и въ какомъ исполинскомъ объемѣ!

Въ ночь звѣздную, когда сводъ небесный полнымъ блескомъ свѣтилъ своихъ какъ-будто всматривался во что-то необычайное на землѣ, ему, вчерашнему повелителю народовъ и властелину ихъ жребія, ему дозволено было пройтиться по большой Ліонской дорогѣ. Медленно и уныло идетъ онъ и вдругъ встрѣчаетъ сельскаго священника. Остановя его, онъ спрашиваетъ: «Скажи мнѣ, служитель Божій, подъ какою я теперь стою звѣздою?» Скромный пастырь отвѣчалъ: «Не знаю».—«А я», возразилъ онъ: «вчера еще я зналъ и небо, и землю, а теперь все забылъ».

Поэтъ Попъ говоритъ, что сквозь всю Одиссею пролегаетъ живая струя любви къ человѣчеству. Съ восхищеніемъ читалъ въ колыбели воспитанія моего Одиссею, переведенную Рошфоромъ. А по выходѣ оттуда на первыя деньги, выработанныя у театра московскаго, я купилъ этотъ переводъ и подъ портретомъ Омира подписалъ слѣдующіе его стихи:

Songez qu'un suppliant, que le malheur accable,
Est aux yeux des dieux mêmes un objet respectable.

«На просителя-страдальца и небо смотритъ съ умиленіемъ».

Испыталъ Одиссей или Улиссъ бури морскія, испытала грозное ненастье и моя Одиссея. 1812 года переплыла она море огненное и остановилась подъ скромнымъ балаганомъ тамъ, гдѣ эта буря нашествія уравняла и сокровища палатъ, и пожитки мелкихъ пріютовъ; тамъ отыскалъ я Одиссею моей юности и перекупилъ ее. Уцѣлѣлъ портретъ Омира, уцѣлѣла и надпись: «На просителя-страдальца и небо смотритъ съ умиленіемъ».

Омиръ правъ. Любовь къ человѣчеству—солнце міра духовнаго. А если оно не согрѣваетъ души, то что такое жизнь и для чего жить?

Непрестанно отуманиваемые дымомъ и опальнымъ видомъ хижинъ, мы съ меньшимъ братомъ для разсѣянія переселились мыслью

въ область историческую. Братъ мой зналъ наизусть почти всю ту древнюю Ролленеву исторію, которую сочинитель по мѣрѣ отпечатанія частей препровождалъ Фридерику Второму, когда онъ былъ еще наслѣднымъ принцемъ, и къ которому писалъ по вступленіи его на престолъ: «Желаю быть вашимъ другомъ, но не въ этомъ бренномъ мірѣ, а тамъ—въ вѣчности. Это великая тайна».

Въ дорожную кибитку нашу по очереди переселялись и Вавилонъ, и Экбатана, и Персеполисъ, и развалины Пальмиры, и всемірная держава римская. Прислушиваясь къ жаркимъ разсказамъ и къ ребяческимъ мечтамъ неопытности нашей, нашъ старшій братъ и тогдашній менторъ тихомолкомъ улыбался, покачивая головою. Отъ различнаго воспитанія были у насъ и различныя понятія.

Главнымъ впечатлѣніемъ юности моей почитаю то, что въ первый проѣздъ мой изъ училища на родину я получилъ первый урокъ въ изслѣдованіи духа народнаго. Я вычитывалъ душу народа русскаго не изъ книгъ, но подъ сводомъ неба и прислушиваясь къ душѣ русскаго слова. Вотъ что было впослѣдствіи основаніемъ «Русскаго Вѣстника».

Пустясь въ дальнѣйшій путь, мы повстрѣчали к р е с т ь я н и н а-Ц и ц е р о н а. Вотъ какимъ образомъ. Дорога была изрыта выбоями, тянулся возъ и опрокинулся. Мы съ братомъ Николаемъ выскочили изъ кибитки и помогали бѣдняку приподнять возъ. Попытка наша была удачна. Видя, что лошадь чуть передвигаетъ ноги, мы спросили у крестьянина, зачѣмъ впрягаетъ онъ такую измученную лошадь.—«Что дѣлать?»—отвѣчалъ онъ—«у насъ въ цѣлой деревнѣ не сыщешь лучше этой. Коли увидите по здѣшнимъ деревнямъ нищихъ, спросите: ч ь и к р е с т ь я н е? Вамъ скажутъ: т а к о г о-т о. (крестьянинъ каждый разъ повторялъ имя, довольно тогда громозвучное); если встрѣтите клячонку, спросите: о т к у д а о н а? Вамъ скажутъ: изъ такой-то деревни. Еслибъ проѣзжали лѣтомъ и увидѣли бъ испитой скотъ, вы спросили бъ: чей скотъ? Вамъ бы отвѣчали: крестьянъ такого-то. Еслибъ увидѣли убогую пашню и спросили бы: чьи пашни? Вамъ сказали бъ: крестьянъ такого-то».

Эта крестьянская р и т о р и к а ринула въ сильный разгулъ память и воображеніе мое. Дюмарсе, думалъ я, правду сказалъ, что на площадяхъ и на рынкахъ услышишь такія м е т а ф о р ы и ф и г у р ы р и т о р и ч е с к і я, какихъ не встрѣтишь и въ лучшихъ риторикахъ. Есть сердечное, есть душевное витійство, выкликиваемое чувствомъ изъ глубокаго чувства. «Отъ избытка сердца», сказалъ небесный Благовѣститель, «глаголятъ уста». Гремѣло витійство на стогнахъ Рима и Аоинъ. Раздавался голосъ душевный и подъ тѣнію дремучихъ лѣсовъ древней Германіи и Сѣверной Америки. Всѣмъ извѣстна рѣчь

поселянина, отправленнаго съ береговъ Дуная въ Римъ посломъ. Разительны и слова дикарей американскихъ, вызываемыхъ европейцами къ переселенію. «Можемъ ли мы», воскликнули они, «можемъ ли мы сказать праху отцовъ нашихъ: Встань и слѣдуй за нами!» Периклъ, сорокъ лѣтъ владычествовавшій надъ аѳинянами силою краснорѣчія, каждый разъ, готовясь говорить передъ народомъ, молилъ боговъ, чтобы не обмолвиться и не сказать глупости. Питайте душу мыслями, животворными для человѣчества, и тогда, по выраженію Лонгина, мысли ваши будутъ отголосками души вашей».

Есть наборъ словъ и есть слово жизни, которое никогда не пролетитъ мимо сердца. Упрекая юнаго Леостена, щеголявшаго высокопарною рѣчью, Фокіонъ сказалъ: «Твои рѣчи подобны кипариснымъ деревьямъ: онѣ высоки, но безплодны».

Возвратясь въ кибитку, съ удивленіемъ пересказалъ я старшему нашему брату о жалобѣ бѣднаго крестьянина. Какъ можно такъ сурово обходиться съ людьми, которыхъ Я. Б. Княжнинъ называлъ «почтенными питателями рода человѣческаго»! И, не дождавшись отвѣта, прочиталъ стихи:

Почтенъ питатель смертныхъ рода,
Къ надеждѣ нивъ своихъ спѣшитъ;
Чтя труды его—сама природа
Согбенны класы золотитъ.

Братъ мой пожималъ плечами и улыбался: онъ зналъ все то, что отъ меня закинуто было завѣсою неопытности.

По обычаю того времени, старшій братъ мой Василій записанъ былъ въ гвардію числиться, а не служить. Множество молодыхъ дворянъ также льготно числились и, подобно брату моему, наслаждались отпускомъ; иные, мелькали во фрунтѣ, другіе доучивались слегка въ гвардейскихъ школахъ и выходили капитанами и поручиками. Передъ новымъ годомъ начиналось назначеніе. Секретарю гвардіи отбою тогда не давали съ запросами: «Будетъ ли назначенъ мой сынъ? Внесенъ ли въ списокъ мой племянникъ?» и т. д. Въ первый день новаго года новопроизведенныхъ офицеровъ представляли Екатеринѣ. Ласково привѣтствовала она ихъ и называла юный офицерскій разсадникъ запаснымъ своимъ войскомъ. А когда, вынырнувъ изъ этого войска, капитаны и поручики, не окурясь военнымъ порохомъ, спѣшили на битву съ зайцами, тогда по вдохновенію Екатерины сочиняли посланія къ трусамъ, которые, гоняясь за зайцами, не щадятъ ни рукъ, ни ногъ, ни головы, а за отечество боятся выглянуть изъ захолустья своего. Въ смыслѣ вещественномъ, новички-офицеры не могли

вредить службѣ, во-первыхъ, потому, что, числясь сверхъ-комплектными, не получали жалованья; во-вторыхъ, потому, что имъ въ пѣстуны давали старшихъ и заслуженыхъ капитановъ; наконецъ, и потому, что они мелькали только передъ рядами и скрывались, какъ молодой мѣсяцъ. Старые служивцы не слишкомъ сердились на молодежь, слывшую тогда подъ названіемъ матушкиныхъ сынковъ, ибо эти баловни привозили обиліе благъ земныхъ туда, гдѣ фортуна была мачехою. Особенно пятьдесятъ два богатыря, то-есть карты, угобжали звонкостію и бумажностію новичковъ.

Въ разгулѣ тогдашняго быта дворянскаго молодые дворяне бѣгали отъ чернилъ и перьевъ, какъ отъ пугалищъ. Зато люди дѣловые, по праву способностей своихъ и по знанію русскаго языка, не заталкивая дворянъ, изъ которыхъ одни гонялись за зайцами, а другіе офранцуживались въ Парижѣ, но выслуживаясь, занимали значительную чреду въ службѣ гражданской. А отъ этого нерѣдко князьямъ и боярамъ доводилось обивать пороги и стоять въ переднихъ новыхъ чиновниковъ, вышедшихъ, какъ говорится, въ люди не по грамотамъ предковъ, но по личнымъ достоинствамъ.

Упадокъ родоваго дворянства происходилъ, во-первыхъ, отъ ранней отставки дворянъ, ибо отдаточные въ рекруты обгоняли юныхъ помѣщиковъ своихъ чинами; во-вторыхъ, отъ уклоненія отъ службы гражданской, въ третьихъ, отъ обстоятельствъ побочныхъ. Наконецъ игра карточная сильно потрясла и опрокинула старинный бытъ дворянскій. Игроки-систематики говорили: «Какая до того нужда, что имѣнія переходятъ изъ рукъ въ руки? Тѣмъ лучше: одинъ промотался, а многіе нажились. Слѣдственно деньги не станутъ залеживаться въ могильныхъ сундукахъ; оборотъ ихъ будетъ дѣятельнѣе и быстрѣе». Не знаю, что сказалъ бы Сидней и Адамъ Смитъ объ этихъ оборотахъ и изворотахъ денежныхъ. Карточный долгъ почитался долгомъ святымъ и вывѣскою чести. Горе тому, кто, проигравъ вечеромъ на честное слово, не уплачивалъ поутру! Продай, заложи крестьянъ, пусти по міру легковѣрныхъ заимодавцевъ, а плати или со всѣхъ ломберныхъ столовъ грянетъ на тебя проклятіе. При князѣ Прозоровскомъ, тогдашнемъ московскомъ градоначальникѣ, запрещенъ былъ банкъ. Встрѣтясь на гуляньѣ съ Анакреономъ своего времени Ю. А. Нелединскимъ, князь сказалъ: «Ну сирѣчь (это было обыкновенною его поговоркою или приговоркою), вы слышали: банкъ запрещенъ?» «Благодаримъ васъ, ваше сіятельство!—отвѣчалъ Нелединскій,— «перестанутъ играть на мѣлокъ».

Почтенный мой цензоръ Петръ Александровичъ Корсаковъ же-

лалъ, чтобы я выпустилъ разсказъ о братѣ. Нельзя, вѣдь мы не въ патріархальныя живемъ времена. Разрывъ родства—исторія нашего времени.

Дѣти одного семейства, на зарѣ жизни разсѣянныя по различнымъ мѣстамъ и получившія различное воспитаніе, послѣ долговременной разлуки встрѣчаются, какъ будто посторонніе и незнакомые. Такъ и съ нами случилось. Я былъ воспитанъ въ Петербургѣ, а братъ мой Василій выросъ дома и наѣздомъ учился въ Шкловѣ, въ корпусѣ, учрежденномъ Семеномъ Васильевичемъ Зоричемъ, устремленнымъ на путь временнаго блеска княземъ Таврическимъ. Вечеромъ, въ первый день случайности своей, Зоричу данъ былъ балъ на одной петергофской дачѣ. Гусаръ-удалецъ и красавецъ шутилъ, забрасывалъ турецкими словами, которыя уловилъ въ отважныхъ схваткахъ съ отоманскими наѣздниками, очаровывалъ всѣхъ ловкими движеніями въ венгеркѣ и мазуркѣ, и самъ былъ очарованъ внезапнымъ переходомъ изъ рядовъ гусарскихъ въ чертоги. Случайность его протекла, какъ тихая струя безшумнаго ручейка. Ни при себѣ, ни послѣ себя не оставилъ онъ никакого слѣда на поприщѣ тогдашней политики, которая, повторяю слова Державина, не выходила изъ мощныхъ дланей того исполина, который осмѣлился взвѣсить силу Росса и духъ Екатерины. Но уклоняясь въ кругъ жизни частной, Зоричъ сдѣлалъ то, чего не сдѣлалъ ни одинъ изъ временщиковъ ни прежде, ни послѣ его. Онъ завелъ въ Шкловѣ корпусъ и этимъ заведеніемъ сблизилъ съ собою дворянъ смоленскихъ и бѣлорусскихъ. Труднѣе всего соблюдать во всемъ надлежащую середину. Китайцы, по ихъ мнѣнію, тысячи и тысячи лѣтъ доискиваются этой надлежащей середины. А потому и неудивительно, что ея не было ни въ сухопутномъ корпусѣ, гдѣ я воспитывался, ни въ корпусѣ шкловскомъ, куда братъ мой наѣзжалъ для мимолетнаго ученья. Сухопутный кадетскій корпусъ былъ слишкомъ затѣсненъ стѣнами отъ большаго и малаго свѣта, а корпусъ шкловскій, подобно древней Спартѣ, вовсе былъ безъ стѣнъ. Корпусъ Зорича былъ и садомъ Гесперидскимъ, и волшебнымъ замкомъ Тассовой Армиды. У роскошнаго владѣльца Шклова былъ непрестанный приливъ и отливъ гостей. Гремѣли концерты, шумѣли балы, были театральныя представленія, проскакивали и романическія приключенія. Изъ Шклова можно было отправляться въ столицы, въ полномъ смыслѣ, человѣкомъ моднаго свѣта. Но братъ мой, заглядывая только въ Шкловъ, свыкся съ деревней для деревни.

Между тѣмъ часъ отъ часу болѣе приближались мы къ родинѣ нашей. 8-го февраля 1795 года мы увидѣли съ окрестной высоты нашу

родину. Свѣтилось прекраснѣйшее зимнее утро. Послѣ тринадцатилѣтней разлуки съ роднымъ пепелищемъ завидѣть надъ кровлею отцовскою струящійся дымъ въ отблескѣ багряномъ — это можно чувствовать, а не описывать. Вотъ мы уже спускаемся съ горы, и на звонъ колокольчика сбѣгаются и изъ деревни, и люди дворовые. Гремитъ общій голосъ: «Ѣдутъ! Ѣдутъ!» Въ ожиданіи насъ, тринадцатилѣтнихъ птенцовъ, слетѣвшихъ съ гнѣзда роднаго, съѣхались родные и родственницы. У крыльца быстрѣе молніи вылетѣлъ я изъ кибитки. Въ волненіи душевномъ бѣгу въ комнату. Никто не указалъ мнѣ на родительницу мою. А какимъ образомъ очутился я у ногъ ея, и теперь не могу этого объяснить. Думаю только, что сердце мое угадало бы и среди тысячи женщинъ, хотя глаза мои простились съ нею на шестомъ году жизни моей. Съ того восхитительнаго мгновенія прошли десятки лѣтъ, но и теперь еще вполнѣ живетъ оно въ душѣ моей. Ни корпусная жизнь, ни смерть моихъ родителей не истребили ихъ изъ моей памяти. Среди различныхъ превратностей судьбы я счастливъ въ тотъ день, когда они мелькнутъ мнѣ въ сновидѣніи. Послѣ первыхъ восторговъ свиданія, когда я вышелъ въ другую комнату, меня окружили прежніе мои дворовые-сверстники, съ которыми въ ребячествѣ моемъ дѣлилъ я игры и все, что у меня было. Тутъ же бросилась обнимать меня моя кормилица и, указывая на своего сына, сказала: «Вотъ, батюшка, твой братецъ». И тогда же я породнился съ нимъ этимъ чувствомъ. И мнѣ, и ему нужна была взаимная любовь, но я не могъ такъ безусловно сблизиться съ моимъ роднымъ братомъ.

Я дышалъ новою жизнію, жизнію родственною. Небосклонъ родной былъ предѣломъ и мыслей, и желаній моихъ. Видѣть отца, мать, сестру; любоваться семилѣтнимъ братомъ Ѳедоромъ, который, вытвердя многія мѣста изъ Владиміра, трагедіи Ѳ. П. Ключарева, читалъ ихъ съ жаромъ и съ размашкою дѣтскихъ рукъ: вотъ что было тогда радостію обновленныхъ моихъ дней.

Гдѣ лучше, какъ въ семьѣ своей!

сказалъ И. И. Дмитріевъ. Я вполнѣ это тогда чувствовалъ. Не заботился ни о службѣ, ни о будущемъ жребіи моей жизни, ни о почестяхъ, которыя служа можно заслужить. Не такъ думали добрые родители мои: они предполагали, что сынъ ихъ, девятнадцатилѣтній поручикъ, выйдетъ, какъ говорилось, въ люди и будетъ чѣмъ-нибудь въ свѣтѣ. Такъ они думали, а эта мысль даже и мимоходомъ не западала въ мой юношескій, въ мой романическій умъ. Душа моя, такъ сказать, поглощена была однимъ родственнымъ чувствомъ: ничто другое не примѣшивалось къ нему. Иногда мною забавлялись, какъ

ребенкомъ; я походилъ на выходца изъ какого-то другаго свѣта, откуда появился, не вѣдая и не зная, что дѣлаютъ и какъ живутъ въ подлинномъ свѣтѣ.

Сердце, полное жизни и любви, дорожитъ каждою ласкою, каждымъ словомъ радушнымъ. Однажды шелъ я по деревнѣ. Кормилица моя бросилась ко мнѣ изъ избы, запросила къ себѣ и усердно потчевала блинами, приправляя потчеванье веселостію и привѣтною рѣчью. Убѣдила она меня завернуть къ ней и на другой, и на третій день. Родительница моя узнала объ этомъ и смѣясь сказала: «Вѣдь ты этимъ отобьешь отъ дѣла и работы». Рубль серебряный былъ наградою кормилицѣ за блины.

Въ первый разъ познакомился съ большимъ свѣтомъ въ Смоленскѣ и тамъ же въ первый разъ увидѣлъ у коменданта балъ. Зрѣлищемъ волшебнымъ показался онъ мнѣ, и я написалъ слѣдующіе стихи:

Великолѣпіемъ прославленъ градъ Петровъ,
Москва веселія жилищемъ учинилась,
А обладающа сердцами всѣхъ любовь
Съ прелестной красотой—въ Смоленскѣ поселилась.

Этотъ привѣтъ въ одинъ вечеръ ознакомилъ меня со всѣми. Въ стихахъ моихъ не было лжи! Смоленскъ, дѣйствительно, величался тогда красотою жительницъ своихъ. Но, какъ говоритъ пѣсня:

Все со временемъ проходитъ.

Сверхъ того, Смоленскъ, сближенный съ Екатериною, урожепцемъ своимъ княземъ Таврическимъ, цвѣлъ тогда двумя отраслями сельскаго хозяйства: продажею въ Ригу хлѣба и пеньки, особенно закупаемыми англичанами.

Но вѣтвь этой послѣдней промышленности весьма поблекла съ 1800 года, когда послѣ войны итальянской воспослѣдовалъ разрывъ съ Англіей. Расчетливые островитяне обратились за этимъ избыткомъ въ другую сторону. А какъ дорожили тогда англичане нашею пенькою, о томъ будетъ далѣе разсказъ княгини Дашковой.

Хотя родители мои были не въ числѣ богачей, но я видѣлъ, что въ первый пріѣздъ мой отправляли они домашніе избытки къ тѣмъ изъ сосѣдей, которые не могли сами пріѣхать, а другіе получали пособіе лично. И это происходило тогда по всѣмъ годовымъ праздникамъ. Быстро прошло двадцать дней со времени пріѣзда нашего на родину, и на второй недѣлѣ великаго поста попечительный мой отецъ со мною и братомъ, моимъ корпуснымъ сопитомцемъ, рѣшился ѣхать въ Москву, чтобы выпросить насъ въ отпускъ. На Дорого-

бужской дорогѣ завернули мы въ село въ Залежье [1]), достойное своего названія и по прекрасному дому, и по очаровательнымъ окрестностямъ, гдѣ Днѣпръ величаво извивается. Но въ этомъ свѣтѣ постоянство—гость мимолетный. По прихотямъ своенравной фортуны, перетасовавшей и растасовавшей у насъ столько движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, родственники сперва выиграли у родственника село Залежье, а потомъ оно перешло къ бѣдному смоленскому шляхтичу, Василію Савельевичу Ваксслю, который нѣкогда по безпріютности своей проживалъ у моего прадѣда, упомянутаго въ первой части записокъ. Не знаю, гдѣ Ваксель учился математикѣ, но извѣстно, что при смѣтливомъ умѣ и искуснымъ межеваніемъ сдружился онъ съ тѣмъ талисманомъ, который называемъ счастіемъ. Богатство лилось къ нему рѣкой. Къ селу Залежью пріурочилось Заборье въ Вяземскомъ уѣздѣ и т. д. Былъ ли онъ въ Москвѣ однимъ изъ главныхъ членовъ межевой канцеляріи, или послѣ Апрѣлева былъ начальникомъ оной—не помню.

Хотя въ нашъ девятнадцатый вѣкъ порываются выхватить бытъ и варяжскій, и казарскій, и санскритскій изъ челюстей ѣдкой древности, но она многое и многое перемежевываетъ къ туманной области забвенія. Какъ бы то ни было, а расторопный землемежеватель прослылъ въ Москвѣ Вольтеромъ, по каламбурному или загадочному знанію (Vol-terre). Упоминаю объ этомъ шутя, потому что и онъ самъ говорилъ мнѣ смѣючись: «Вотъ добился же и я до чего-нибудь въ свѣтѣ! Меня называютъ Вольтеромъ, хотя я отъ роду не былъ грѣшенъ ни въ одномъ стишкѣ».

Акциденціи, или взятки прокрадывались и въ девяностыхъ годахъ. Неудивительно. Поэтъ сказалъ:

И въ солнцѣ, и въ лунѣ есть темныя мѣста.

Но тогда была своя сноровка: «Бери ловко въ руки, выдавай ловко изъ рукъ, и все сойдетъ съ рукъ; дѣлись—говорили остряки—взятками, своди концы съ концами, и дѣло будетъ въ шляпѣ». Я. Б. Княжнинъ высказалъ это въ Сбитеньщикѣ своемъ такимъ образомъ:

Кажется не тожно,
Все на свѣтѣ можно:
Покупать, продавать;
Только должно осторожно поступать.

По большей части такъ и дѣлали. Притомъ же роскошь и мода въ семействахъ средняго состоянія не требовали еще шалей, съ

---

[1]) По другой рук. Засижье.

которыми князь Таврическій ознакомилъ большой свѣтъ, послѣ второй турецкой войны; въ каретахъ щеголяли тогда князья, графы и бояре. Слѣдовательно то, что̀ переходило въ руки по дѣламъ и тяжбамъ, сокровенно сохранялось въ штатулкахъ, которыя отверзали нѣдра свои по выходѣ въ отставку владѣльца своего; тогда на сбереженныя акциденціи покупались или деревни, или домишки.

Въ первыхъ числахъ марта 1795 года въ первый разъ въѣхалъ я въ Москву, но въ какую? Не ѣхалъ Христофоръ Колумбъ по наклоненію магнитной стрѣлки: сперва мысленно отыскалъ Новый Свѣтъ, потомъ открылъ его. Ни по какому наклоненію мыслей моихъ не могъ я тогда отыскать Москвы въ Москвѣ. Прочиталъ я въ корпусѣ въ Натальѣ боярской дочери о градѣ престольномъ. Но это чтеніе быстро промелькнуло въ памяти моей, загроможденной памятниками Рима и Аѳинъ. Счастливая звѣзда, которая сопровождала меня отъ Петербурга до родины, встрѣтила меня и при первомъ шагѣ моемъ въ Москвѣ. Еслибъ я въ отроческихъ лѣтахъ наслышался о Кремлѣ, о Красной площади, еслибы слышалъ, что въ Москвѣ почти каждая улица есть страница историческая, то вѣрно порывался бы взглянуть на нее съ Поклонной еще горы, откуда представляется она въ обширномъ объемѣ своемъ. Но я преспокойно сидѣлъ въ углу кибитки и думалъ о родинѣ. Ни большой колоколъ, ни исполинская пушка, ни колокольня Ивана Великаго, ничто не возбуждало и не занимало моего любопытства. Несмотря на пустынное отношеніе памяти и мыслей моихъ къ старинной и завѣтной матушкѣ-Москвѣ, сердце мое породнилось съ ея гостепріимствомъ. Приближаясь къ церкви Смоленской Божіей Матеріи, мы вышли изъ кибитки; отецъ нашъ остановился у наружной иконы Николая Чудотворца и осѣнился крестомъ; мы также перекрестились и вслѣдъ за нимъ пошли на Смоленскій рынокъ освѣдомиться, гдѣ можно остановиться. Тутъ къ намъ подошелъ незнакомецъ въ большой медвѣжьей шубѣ и сказалъ, обращаясь къ отцу нашему:

— Вы, конечно, пріѣзжіе, вамъ нужна квартира?

— Точно такъ, отвѣчалъ мой отецъ.

— Милости просимъ ко мнѣ, продолжалъ незнакомецъ,—у меня какъ будто бы нарочно для вашего пріѣзда теперь опростались комнаты.

И радушный незнакомецъ взялъ отца подъ руку и повелъ къ себѣ. Имя его Д. П. Беклемишевъ. Этотъ почтенный человѣкъ пострадалъ впослѣдствіи отъ неудачныхъ оборотовъ и отъ непомѣрнаго усердія своего. Онъ тогда разсказывалъ мнѣ, что родственникъ его, Беклемишевъ, имѣлъ жаркую схватку въ собраніи депутатовъ въ Москвѣ съ однимъ изъ сильныхъ тогдашнихъ временщиковъ.

Одушевляясь званіемъ депутата, Беклемишевъ праводушно объяснялся о необходимости твердаго и положительнаго законоучрежденія. Временщикъ закричалъ:

-- Молчи, дерзкій!

— Молчи самъ—возразилъ Беклемишевъ:—жизнь мою оставилъ я за порогомъ палаты депутатской, и здѣсь вѣщаю словами правды, ибо отъ насъ требуютъ правды.

Слѣдовало бы мнѣ объ этомъ разспросить подробнѣе, но мнѣ тогда и во снѣ не снилось, что буду когда-нибудь писать въ Россіи объ Россіи.

Беклемишевъ сообщилъ мнѣ письменный отзывъ графа А. Г. Орлова по случаю отказа его быть предсѣдателемъ палаты депутатовъ. Вотъ сущность этого отзыва: «Милостивые Государи! Приношу вамъ глубочайшую благодарность за оказанную мнѣ честь избраніемъ меня въ предсѣдатели палаты депутатовъ. Сія величайшая для меня почесть доказываетъ, что вы обращаете вниманіе на скромную мою жизнь, но чѣмъ болѣе уважаю сіе избраніе, тѣмъ болѣе испытываю мою совѣсть и убѣждаюсь, что я неспособенъ поддерживать столь важное званіе и признаю себя недостойнымъ высокой чреды, на которую вы меня вызываете. Но вмѣстѣ съ вами и со всѣми сынами Россіи, буду молить Провидѣніе, да увѣнчаетъ Оно трудное ваше дѣло повсемѣстнымъ водвореніемъ правды и святости законовъ, споспѣшествующихъ общему нашему счастію, и дабы тѣмъ исполнилось намѣреніе нашей монархини, предпочитающей счастіе Россіи собственной жизни».

Тогда ходила молва, будто бы жители отдаленныхъ странъ нашего отечества, прибывшіе въ Москву для присутствія въ собраніи, простодушно удивлялись, для чего нужны законы. Это просто шутка; о законахъ не думали тогда роскошные богачи, проматывавшіе на прихоти пустаго тщеславія труды поселянъ своихъ, но дѣйствія законовъ всегда страшились тѣ, которые, заглушивъ голосъ совѣсти, опасались, что рано или поздно правосудіе сорветъ личину съ пронырливой ихъ корысти.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость.

Но она нѣкогда была, итакъ продолжаю объ ней разсказъ.

Къ счастію, безостановочно дали намъ отпускъ, и мы выѣхали изъ Москвы. Но несчастный ушибъ, принудившій отца открыть кровь, задержалъ насъ нѣсколько подъ Вязьмой у одного изъ родныхъ нашихъ, отъ котораго мы выѣхали на Страстной недѣлѣ. Дорога была несносная; но утру, въ самое Свѣтлое Воскресенье мы

не пріѣхали, а по непроходимой почти ростепели шагомъ черепашьимъ притащились въ деревню нашу Пологи, бывшую верстахъ въ двадцати отъ Сутокъ. Тринадцать лѣтъ не встрѣчали мы этого дня съ матерью, а потому и просили отца нашего, чтобы поспѣшить въ родныя Сутоки. Онъ не могъ удовлетворить нашей просьбы и по слабости здоровья, и по причинѣ ужасной дороги. Но мы говорили, что пойдемъ пѣшкомъ, что пролетимъ двадцать верстъ, чтобы только похристосоваться съ матушкой.

Видя неотступную нашу просьбу, родитель мой сказалъ мнѣ:

— Сергѣй! Я заказалъ въ Москвѣ чугунную доску для памятника, который хочу поставить на томъ мѣстѣ, гдѣ императрица удостоила насъ посѣщеніемъ своимъ, и гдѣ она соблаговолила собственною рукою записать въ корпусъ тебя и брата твоего.

Быстро схватилъ я перо и написалъ слѣдующее:

Дражайшій памятникъ благополучныхъ дней,
Когда монархиня, достойна алтарей,
Родителей моихъ жилище посѣтила
И благости на нихъ несмѣтныя излила!
Ты будешь возвѣщать грядущимъ временамъ,
Сколь снисходительна была царица къ намъ.

Мечта! мечта! И этотъ памятникъ при пожарныхъ заревахъ 1812 года легъ въ прахъ земной. Но и тридцать четыре года не изгладили изъ души моей того восторга, когда мы съ братомъ не пошли, а полетѣли на крыльяхъ любви торопливой. На топкихъ лугахъ мы увязали по колѣни; порывъ сердечный все преодолѣвалъ. Въ полверстѣ отъ дома нашего кровь брызнула у меня изъ горла. Я остановился, обмылся изъ ручья, и мы, такъ сказать, перелетнымъ взмахомъ влетѣли въ комнаты и воскликнули:

— Христосъ воскресъ, матушка!

Не требуйте отъ пера того, чего и сердце не можетъ высказать!

Напрасно многіе увѣряютъ, что порывы душевные—бредъ и мечта. Въ глазахъ моихъ въ залѣ корпусной умеръ одинъ отецъ, обнимая сына своего послѣ десятилѣтней разлуки.

Не знаю, какъ я не умеръ отъ радости, празднуя великій день на родинѣ. Я тогда такъ былъ счастливъ!..

На возвратномъ нашемъ пути на родину у брата Николая оказалось какое-то неодолимое влеченіе къ водѣ. На Днѣпрѣ, переходя по льду, онъ едва не утонулъ. Въ тотъ годъ весна была ранняя, и братъ мой, отправляясь въ гости къ кому-нибудь изъ родныхъ, всегда спрашивалъ: есть ли тамъ рѣчка? Наступилъ весенній праздникъ Георгія, храмовой праздникъ въ нашемъ селѣ. Погода была ясная, хотя вѣялъ холодный вѣтерокъ. Мать наша, по слабости здо-

ровья, легла послѣ обѣда отдохнуть. Отецъ мой ходилъ по двору и курилъ трубку. А я, гуляя подъ горою, на берегу ручья, мечталъ съ Стерномъ. Вдругъ среди общаго безмолвія раздался страшный крикъ: «Утонулъ, утонулъ! Николай Николаевичъ утонулъ!» Сестра моя гуляла въ саду: ее несли въ обморокѣ. Родитель мой молніей полетѣлъ къ озеру, въ отчаяніи душевномъ бросился въ него и былъ уже въ немъ по грудь. Насилу могли его удержать. «Гдѣ онъ? Гдѣ онъ?» вопіялъ горестный нашъ отецъ. Служитель мой Иванъ Яковлевъ, которому впослѣдствіи далъ я свободу и опредѣлилъ къ московскому театру, объяснилъ мнѣ, что погибшій братъ мой зазвалъ его купаться и, едва спустился съ берега, пошелъ ко дну, и что онъ нѣсколько разъ нырялъ за нимъ, но тщетно. Раскинули неводъ, принесли багры, достали тѣло. Между тѣмъ, отъ шума и смятенія мать наша выбѣжала на крыльцо, и что же увидала она? Мертвое тѣло юнаго сына ея, несомое на рукахъ; того сына, который послѣ тринадцати лѣтъ разлуки для того возвратился на родину, чтобы взглянуть на мать, на отца и умереть! Пріѣхалъ врачъ, но было уже поздно. Не было и искры жизни.

Я окаменѣлъ отъ глубокой скорби, слезы замерли у меня въ груди. Врачъ отворилъ мнѣ кровь, которая едва струилась.

Разнеслась плачевная молва по сосѣдству, съѣхались родные. Положено было предать тѣло землѣ на другой день. Мать наша лежала полумертвою; по временамъ туманно поглядывала и съ тяжелымъ стономъ вопіяла: «Гдѣ онъ! Гдѣ онъ! Живъ ли онъ?» И опять смыкала очи. Скрытно отъ нея, рано по утру повезли тлѣнные останки въ церковь. Я остался при матери, остались и нѣкоторые родные. Нѣсколько разъ, приходя въ себя, порывалась она въ столовую, предполагая, что тамъ тѣло покойника. Ее удерживали и говорили, что она еще успѣетъ проститься. Ударилъ часъ по полудни. Лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ. «Вы обманываете меня!»—сказала она,—«вы обманываете меня! Николая погребаютъ!» Она повергласъ стремительно на колѣни, положила три земные поклона и прочитала Отче нашъ! Я слышалъ голосъ сердца, голосъ души! Я слышалъ моленіе матери. Я упалъ на колѣни, молился, рыдалъ, и мнѣ казалось, что камень оторвался отъ стѣсненной груди моей. Кто сказалъ матери, что въ тотъ самый мигъ сына ея опускали въ могилу? Кто сказалъ ей о томъ? Сердце матери! Милый братъ и соименецъ! Не стану оплакивать ранней твоей кончины; ты много не испыталъ, не боролся ни съ собственнымъ своимъ сердцемъ, ни съ превратностями судьбы; не испыталъ ты и горестнаго гоненія страстей человѣческихъ. Братъ мой былъ моложе меня годомъ и питалъ въ душѣ чувствительность доброде-

тели. Никогда не огорчалъ онъ меня, но я въ стѣнахъ корпуса огорчалъ его иногда упреками за пренебреженіе французскаго языка. Читая однѣ русскія книги, онъ ознакомился съ душою роднаго слова. Я мечталъ, а онъ разсуждалъ. Постоянное чтеніе исторіи сблизило съ нимъ предварительный опытъ. Я смотрѣлъ на все сквозь лучи радужные; взглядъ его на общество былъ вѣрный, но не порицательный.

Въ это время родственникъ мой, занимавшій въ Смоленскѣ чреду почетнаго чиновника, отправлялся на берега Невы по дѣлу, въ которое вовлекли его непріязненные попреки. Нужно было лично поклониться сильному временщику и отыскать благоволеніе. Повторяю и здѣсь, что Екатерина сама сознавалась, что и послѣ изданія Учрежденія о губерніяхъ все еще настояла нужда ѣздить въ сѣверную столицу для отысканія покровительства [1]).

Для разсѣянія меня отпустили съ родственникомъ моимъ. Въ это счастливое время и слухомъ еще не слыхалъ я, что такое суды и для чего они существуютъ? Роковой жребій знакомства съ ними таился вдали будущаго, откуда, какъ послѣ увидятъ, такимъ ударилъ палетомъ перуннымъ, что я не въ стихахъ, а просто въ прозѣ завидовалъ брату моему, отошедшему въ могилу до встрѣчи съ тяжбою и ябедою. Но, повторяю еще, тогда все это скрывалось вдали недоступной мысли моей.

Горе тому, кому довелось на туманномъ западѣ жизни искать и отыскивать. Подъ бременемъ этой пытки родственникъ мой изнемогъ и умеръ. Онъ меня любилъ и увѣрялъ, будто бы я не разбогатѣю и отъ золотаго руна. Простясь съ прахомъ его, я отправился въ Москву, гдѣ находились вновь составленные московскіе баталіоны, куда я назначенъ былъ при выпускѣ изъ корпуса. Во второй разъ для меня Москвы не было въ Москвѣ. Русское было далеко отъ моихъ мыслей, а въ настоящемъ затерялся я въ области такъ-называемаго большаго свѣта, также далеко отъ древней Москвы и отъ старобытной Россіи.

Войска, бывшія тогда въ Москвѣ, состояли подъ начальствомъ князя Юрія Владиміровича Долгорукова. Являюсь къ князю. Лицо его показалось мнѣ угрюмымъ; но радушная ласка освѣтила его. «Останься, братъ, при мнѣ, сказалъ князь,—а я дамъ свѣдѣніе въ вашъ баталіонъ, что оставляю тебя при себѣ. Твой корпусный однокорытникъ Монахтинъ у меня живетъ».

Въ первую еще битву въ семилѣтнюю войну, то-есть въ авгу-

---

[1]) См. «Собесѣдникъ» 1783 года и «Были и Небылицы» Екатерины Второй, изданныя сочинителемъ Записокъ 1830 года.

стѣ 1756 года, князь Юрій служилъ въ гвардіи и былъ раненъ. Не величаю личной его храбрости. Скажу только, что въ свое время отличался онъ и свѣдѣніями военными, и знаніемъ языковъ, и расторопностью дипломатической, а потому по настоянію графа Алексѣя Григорьевича Орлова и былъ употребленъ онъ въ тайную экспедицію военно-дипломатическихъ посольствъ въ Чорную гору.

1769 года сдѣлалось движеніе къ первой турецкой войнѣ. Князь просился въ Арменію. Екатерина удержала его. Въ это время графъ А. Г. Орловъ, подъ предлогомъ болѣзни, находился въ Италіи. Были о томъ и догадки, и предположенія. Разсказывали, будто бы онъ изъ Ливорны отправилъ какую-то таинственную дѣвицу въ Россію, гдѣ будто бы и отдана она была въ одинъ изъ женскихъ монастырей. Странствуя на досугѣ по Италіи, графъ завернулъ въ Венецію.

Въ прежней европейской дипломатикѣ были пройдохи или спекуляторы политическіе, уловлявшіе всѣ случаи выставлять себя людьми нужными, необходимыми, чтобы тѣмъ удобнѣе ловить рыбу въ мутной водѣ. Нашлись такіе удальцы изъ нашихъ единовѣрцевъ, славянъ-венеціанцевъ. Они увѣрили графа Орлова, будто бы славяне-венеціанцы недовольны правительствомъ и будто бы и сосѣди ихъ черногорцы ждутъ и не дождутся, когда ударитъ для нихъ часъ избавленія отъ ига оттоманскаго; наконецъ, они увѣряли, что по первому воззванію россійскаго двора вспыхнетъ общее возстаніе въ Архипелагѣ. Полагаясь на эти увѣренія, графъ убѣждалъ Екатерину немедленно отправить флотъ, но съ тѣмъ, чтобы князь Юрій Долгорукій участвовалъ въ экспедиціи, а иначе не приметъ начальства. Составилась тайная экспедиція для отправленія къ берегамъ Италіи. Князь Юрій назначенъ былъ главою ея подъ именемъ купца Барышникова. Получа изустныя наставленія отъ императрицы, князь вышелъ изъ кабинета, а графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ вынесъ къ нему Аннинскую ленту и сказалъ:

— Императрица дозволяетъ вамъ ее надѣть, когда захотите, и даетъ вамъ двадцать тысячъ рублей.

Князь отвѣчалъ:

— Не возьму ни ленты, ни денегъ, а званіе купца принялъ я на себя въ той надеждѣ, что буду чѣмъ-нибудь полезенъ отечеству.

Прибывъ въ Италію, князь Юрій встрѣтилъ графа Орлова въ Пизѣ и вручилъ ему бумаги отъ императрицы. Ждали флота, ждали войска. Но флотъ семь мѣсяцевъ простоялъ у береговъ Англіи, будто бы для починки, а въ самомъ дѣлѣ для того, что адмиралъ думалъ и твердилъ: «Авось помирятся!» Но авось въ политикѣ, говоря словами Суворова, то же, что и авось въ военномъ дѣлѣ. Это обманчивый оборотень. Начались приготовленія къ достиженію туманной,

неопредѣленной цѣли. Въ этой попыткѣ политической князь Юрій былъ гласомъ (sic) страдательнымъ. Но и невольно подчиняясь чужимъ предположеніямъ, онъ выпутывался изъ затруднительныхъ обстоятельствъ собственною расторопностью.

Надлежало спѣшить на Семигальскую ярмарку. Двадцать шесть бродягъ славянъ изъ различныхъ мѣстъ Италіи отправились въ Семигалію къ Драговичу, а князь Юрій пустился въ Анкону за деньгами къ Маруцію. Изъ военныхъ чиновниковъ былъ съ княземъ Долгорукимъ маіоръ Розенбергъ, который впослѣдствіи, то-есть 1799 года, въ чинѣ полнаго генерала, отразилъ на горахъ въ Швейцаріи Массену и поразилъ Лекурба. Секретаремъ при экспедиціи былъ Миловскій. Предпріимчивую дружину велъ въ Черную гору черногорецъ, служившій капитаномъ въ Россіи. Вторымъ лицомъ по князю былъ графъ Войновичъ, подданный венеціанскій. Были еще два гвардейскіе офицера, дворецкій князя и слуга итальянецъ Лукезини, плутъ записной и проворный.

— Вотъ, говорилъ князь: вотъ вся моя армія, съ которою я отправился на Семигальскую ярмарку.

Труденъ былъ переходъ черезъ горы: несли на себѣ свинецъ, порохъ, медали и подъ этою ношею вскарабкивались на горы, пробирались черезъ стремнины и пропасти, уцѣпляясь за терновникъ.

— Смерть, прибавляетъ князь: была передъ нами, около насъ и подъ нами. Наконецъ съ руками, исцарапанными и окровавленными, въ одеждѣ изорванной, странники-дипломаты вошли въ черногорскую деревню Черницу, откуда князь Юрій повѣстилъ сборъ черногорцамъ въ Цетинъ, гдѣ были архіерей и губернаторъ. На другой день черногорцы хлынули со всѣхъ сторонъ, выслушали манифестъ, присягнули императрицѣ Екатеринѣ и поступили подъ начальство князя Юрія. Но флотъ все еще медлилъ, а венеціане, прислуживаясь туркамъ, смѣльчакамъ нашимъ раскидывали вездѣ сѣти и даже покушались отравить ихъ, подкупая слугу итальянца. Наконецъ турки повѣстили, что тотъ получитъ пять тысячъ червонныхъ, кто представитъ имъ князя Юрія живаго или мертваго. Звукъ обѣщанныхъ червонцевъ свѣялъ съ устъ черногорцевъ мимолетную присягу. Умысля захватить и продать князя туркамъ, они подъ разными предлогами домогались отдалить отъ него стражу славянскую. Князь съ сопутниками своими рѣшился бѣжать. Графъ Войновичъ, переодѣвшись въ турецкую одежду, нанялъ лодку. Труденъ былъ входъ въ Черногорію, еще труднѣе былъ оттуда ночной выходъ. Изъ стремнинъ и пропастей опытный проводникъ выносилъ, такъ сказать, дружину на рукахъ. Заря встрѣтила ее на берегѣ моря. Славянскій патріархъ,

укрывавшійся отъ турокъ съ нѣсколькими архимандритами, упросилъ князя взять ихъ съ собою.

— Съ восторгомъ, говорилъ князь: отплыли мы. Насъ окружали четыре непріятеля: черногорцы, венеціанцы, турки и берега моря Адріатическаго.

А вотъ разсказъ нашего героя о боѣ Чесменскомъ.

Послѣ моихъ походовъ, пишетъ князь: поѣхалъ я къ князю Алексѣю Григорьевичу, а флотъ поплылъ искать славы въ Архипелагѣ, оставя одинъ корабль и фрегатъ, на которыхъ мы съ графомъ отправились въ Морею. Появленіе флота русскаго нагнало на турокъ сильный страхъ: Наваринъ сдался горсти русскихъ и грековъ. Русскихъ было только двѣнадцать человѣкъ.

Замѣтимъ, что въ нашъ вѣкъ этотъ самый Наваринъ рѣшилъ судьбу Греціи. Вскорѣ подоспѣлъ къ намъ, продолжаетъ князь: Адмиралъ Ельфинстонъ съ тремя кораблями и присоединился къ прежнимъ нашимъ шести линейнымъ кораблямъ. Было также у насъ и нѣсколько фрегатовъ. Долетѣла вѣсть, что въ море пустились шестнадцать турецкихъ кораблей и множество различныхъ судовъ. Составился на кораблѣ нашемъ совѣтъ, на которомъ были два графа Орловы, контръ-адмиралъ, капитанъ нашего корабля, Грейгъ и я. Начинали колебаться, но мы съ Грейгомъ рѣшительно сказали, что должно плыть къ турецкому флоту и напасть на него. Не вдругъ, но, наконецъ, намъ удалось вовлечь въ мнѣніе наше графа Алексѣя Григорьевича. Къ счастію нашему, у насъ былъ капитанъ Грейгъ, мореходецъ искусный, опытный, умный и распорядительный. Онъ разставилъ нашъ флотъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Три корабля въ авангардѣ подъ начальствомъ адмирала: 1) «Европа», 2) «Евстафій», на которомъ былъ адмиралъ Спиридовъ и графъ Ѳедоръ Григорьевичъ Орловъ; 3) «Януарій». Кордебаталь: 1) «Трехъ Святителей», 2) «Три іерарха», 3) «Ростиславъ». Въ арьергардѣ адмиралъ Ельфинстонъ. Корабли: 1) «Не тронь меня»; 2) осьмидесяти-пушечный «Всеволодъ», 3) «Саратовъ».

Предписано было, чтобы корабли между собою находились на разстояніи полкабельта, чтобы шли одинъ за другимъ и на пистолетный выстрѣлъ отъ непріятеля ложились въ линію и производили пальбу.

Наканунѣ Грейгъ убѣждалъ меня принять начальство на кораблѣ «Ростиславѣ». Я смѣючись отвѣчалъ, что я не морякъ. Наконецъ, по настоянію его, я переѣхалъ на корабль «Ростиславъ», куда послѣдовалъ за мною генералъ Паленъ, подполковникъ Перель и еще нѣкоторые. На другой день увидѣли мы турецкій флотъ на якорѣ между островомъ Хіосомъ и азіатскимъ берегомъ. Корабль капитанъ-

наши въ той же линіи, но отдаленный полкабельтовъ на шесть или болѣе, на правомъ крылѣ всего флота.

Данъ знакъ къ нападенію. Корабль «Европа», пришедъ на надлежащее разстояніе, поворотилъ вдоль турецкаго флота съ пальбою. За нимъ двинулся «Евстафій», а потомъ «Януарій». Ставъ передъ капитанъ-пашинскимъ кораблемъ, «Януарій» встрѣтилъ мель и, опасаясь попасть на нее, вернулся назадъ. То же предпринималъ и «Евстафій», но паруса были чрезвычайно повреждены. Задрейфовало его на корабль капитанъ-пашинскій. Полагали, что завяжется ручной бой, но адмиралъ и графъ Ѳедоръ Григорьевичъ сѣли въ шлюпку и погребли къ фрегату, стоявшему въ отдаленіи отъ флота. На кораблѣ, второпяхъ, адмиралъ забылъ сына своего, а графъ Ѳедоръ Григорьевичъ друга своего, князя Козловскаго. Капитанъ Крузъ на послѣдней своей шлюпкѣ послалъ адмиральскаго сына къ графу Алексѣю Григорьевичу прокричать: «ура!», то-есть поздравить со взятіемъ турецкаго корабля. Горестно было это: «ура!» Перескочивъ на заполоненный корабль, наши встрѣтили дымъ, клубившійся снизу. Бросились опять на свой корабль. Корабль турецкій запылалъ въ огнѣ. Наши люди въ изумленіи ожидали жребія своего. Вдругъ съ турецкаго корабля упала горящая мачта на нашъ корабль; искры отъ него посыпались въ пороховую камеру, открытую въ сраженіи. Мгновенно корабль нашъ взлетѣлъ на воздухъ, спаслись капитанъ Крузъ, штурманъ и еще человѣка четыре. Всѣ прочіе погибли, въ томъ числѣ и князь Козловскій. Очень вѣроятно, что турки сами зажгли пустой корабль, чтобы подвергнуть нашъ флотъ той участи, какую испытали отъ насъ.

Корабль «Трехъ Святителей» первый перешелъ сквозь турецкую линію. «Три іерарха» и «Ростиславъ», повернувъ противъ турецкаго флота, двинулись къ нему какъ можно ближе и огромляли его пальбою. Флотъ турецкій, отрубя якорь, стремительно и въ разстройствѣ пустился въ глубокій бассейнъ при Чесмѣ. А нашъ авангардъ, убавляя паруса, прибылъ тогда, когда уже обложили Чесменскій бассейнъ. Въ сраженіи онъ далеко былъ отъ насъ и изъ хвастовства стрѣлялъ на воздухъ изъ пушекъ.

Между тѣмъ въ то самое время, когда взорвало корабль «Евстафій», графъ Алексѣй Григорьевичъ швырнулъ на палубу бриллiантовую табакерку и вскричалъ: «Ахъ! братъ!» Неожиданно явившійся адмиральскій сынъ извѣстилъ, что графъ Ѳедоръ Григорьевичъ и отецъ его живы; графъ позвалъ меня къ себѣ, и мы пустились съ нимъ отыскивать брата его и застали его державшаго въ одной рукѣ шпагу, а въ другой ложку съ яичницей. На груди адмирала былъ большой образъ, а въ рукѣ рюмка съ водкою.

Снова переговоря съ Грейгомъ, немедленно оснастили мы четыре брандера, и ночью, подъ прикрытіемъ корабля «Европы», Клокачевъ вплылъ въ бассейнъ и сблизился съ турецкимъ флотомъ, который въ такой былъ суматохѣ, что иной корабль стоялъ къ намъ кормою. Нѣсколькими выстрѣлами брандскугельными отважный Клокачевъ сжегъ турецкій флотъ до тла. Изъ четырехъ брандеровъ одинъ «Ильинъ» сцѣпилъ свой брандеръ съ фланговымъ турецкимъ кораблемъ. Разъѣзжая съ Грейгомъ на шлюпкѣ, мы увидѣли на разсвѣтѣ, что одинъ только корабль «Родосъ» уцѣлѣлъ, и проводили его въ русскій флотъ. Домогались вытащить и другой, но съ сосѣдняго корабля свалилась на него мачта.

Ужасно, неописанно было зрѣлище въ Чесменскомъ портѣ! Кровь смѣшалась съ водою; люди обгорѣлые, въ различныхъ положеніяхъ лежали между дымившимися корабельными обломками, которыми такъ затѣсненъ былъ портъ, что едва можно было пробраться на шлюпкѣ.

Угасъ пламень пожара Чесменскаго, вспыхнуло новое пламя отъ порывовъ щекотливаго самолюбія. Подтрунивая надъ княземъ Юріемъ, графъ Ѳедоръ Григорьевичъ Орловъ сказалъ:

— Вѣдь мнѣ дадутъ второй степени Георгія, а вамъ третьей... Въ пылу досады князь возразилъ:

— Что я заслужилъ, то все мое, а если меня обойдутъ, то все-таки мое останется при мнѣ. А что вамъ дадутъ, тому не позавидую.

Радушный князь Юрій Владиміровичъ принялъ меня въ число адъютантовъ своихъ. И я зажилъ у князя, какъ въ родномъ домѣ. Штатъ князя Юрія Владиміровича составленъ былъ изъ отличныхъ молодыхъ людей того времени. Два брата Апухтины были изъ первыхъ остроумниковъ. Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ по бѣглости и гибкости ума своего, говоря тогдашнею рѣчью, былъ первый хватъ въ Москвѣ. Хватъ значило въ то время молодецъ на всѣ руки. Онъ забрасывалъ и русскими, и французскими bons mots (острыми словами). Въ этомъ мірѣ я былъ совершенно новичкомъ, а потому какъ можно менѣе говорилъ, боясь обмолвиться. Но какъ ни умудряйся, а подъ часъ отъ бѣды не уйдешь: попалъ и я въ просакъ, и вотъ такимъ образомъ. Дочь князя превосходно выучилась у иностранца Кинеля музыкѣ и живописи. Мнѣ вздумалось на одну изъ ея картинъ скропать французскіе стихи, въ которыхъ съ восточною надутостью слога, я назвалъ ее la perle des princesses. Досталось мнѣ отъ остряковъ моихъ товарищей за эту восточную жемчужину! И по дѣломъ.

Чтобъ глупо не упасть и чтобъ не осрамиться,
Такъ лучше не въ свои намъ сани не садиться.

Въ числѣ адъютантовъ князя Юрія Владиміровича были два брата Долгорукіе, сыновья князя Петра Петровича, который, какъ значится въ «Запискахъ» князя Юрія Владиміровича, 1770 года заполонилъ Наваринъ съ двѣнадцатью русскими рядовыми и горстью грековъ. Вскорѣ по восшествіи на престолъ императора Александра старшій братъ (тоже князь Петръ Петровичъ) поступилъ къ нему въ адъютанты. Записки не числительныя таблицы, а потому, нарушая ходъ годовъ, упомяну о достопамятномъ случаѣ, относящемся къ князю Петру Петровичу Долгорукому. 1805 года, предъ Аустерлицкимъ сраженіемъ, князь отправленъ былъ къ Наполеону для переговоровъ. Въ первыхъ параграфахъ второй части военныхъ записокъ Монтекукули сказано, что если ожидать переговорщика, то на передовой цѣпи отдавать приказъ, чтобы всѣ часовые кричали, что они изнурены голодомъ, усталостью и готовы бѣжать. Наполеонъ помнилъ и привелъ въ дѣйствіе это правило. Молодой князь-переговорщикъ забылъ его. Едва показался онъ, вдругъ раздались громкія восклицанія часовыхъ французскихъ: «Куда насъ ведетъ этотъ императоръ! Онъ хочетъ насъ переморить съ голода и холода! Мы сдадимся! мы разбѣжимся!» Князь былъ уменъ, но тутъ не спохватливъ. Принявъ за чистыя деньги ложные возгласы, нашъ переговорщикъ представился Наполеону въ видѣ властительнаго диктатора. Тогда судьба не давала еще Наполеону тѣхъ грозныхъ уроковъ, которые свели его на скалу Елены; тогда чело счастливца обвилось блестящими лучами славы итальянской и египетской. Какъ-будто забывъ и это, князь кичливо укорялъ его въ нарушеніи договоровъ и занятіи Неаполя. Закипѣлъ досадою Наполеонъ, гнѣвною рукою накинулъ на голову шляпу и гордо сказалъ: «Eh bien nous nous battrons!» (Такъ мы будемъ сражаться!). На обратномъ пути встрѣтилъ и провожалъ князя тотъ же ложный крикъ на передовой цѣпи, и онъ передалъ его за подлинный отголосокъ негодованія. Собранъ былъ военный совѣтъ. Кутузовъ представлялъ, что должно пообождать, что мы стоимъ подъ стѣнами Ольмюца, что къ намъ подходятъ наши войска. «Правда», прибавилъ онъ, «мы терпимъ недостатокъ въ продовольствіи, но его терпятъ также и французы». По этимъ и другимъ соображеніямъ Кутузовъ не соглашался на бой. Возвратившійся князь улыбнулся. Кутузовъ сказалъ: «Что ты улыбаешься, молодой человѣкъ! Не думаешь ли, что трусость удерживаетъ меня отъ сраженія? Мои лѣта и мои раны за меня говорятъ». Съ этими словами онъ вышелъ изъ совѣта. Часа въ четыре государь посѣтилъ Кутузова. Сраженіе было отмѣнено. Михаилъ Ларіоновичъ бросился къ ногамъ императора и сказалъ: «Государь! вы спасаете славу Россіи». Къ несчастью, произошло недоумѣніе между союзни-

ками. Ночь, смѣнившая день, перемѣнила и обстоятельства. Но на другой день Кутузову доставленъ былъ планъ битвы. «Не соглашаюсь!» воскликнулъ онъ, «это планъ Наполеона». Булгаринъ справедливо замѣтилъ, что теперь можно откровенно говорить о первыхъ нашихъ неудачахъ. Неудачу Аустерлицкую, эту первую попытку русскихъ противъ Наполеона, кажется, цѣлыя столѣтія отмежевали отъ нашего времени. Какъ искры, мимолетныя побѣды сверкали и угасали на поляхъ ратныхъ, но потомство не забудетъ, что Александръ не возбранилъ Кутузову напечатать во всеобщее свѣдѣніе, что «по причинѣ личнаго присутствія государя не отдаетъ онъ отчета въ Аустерлицкомъ сраженіи».

Прибывъ въ Парижъ подъ яркимъ сіяніемъ счастливой своей звѣзды, Наполеонъ приказалъ представить на театрѣ ту тактическую хитрость, которою удалось ему завлечь въ сѣти князя Долгорукаго.

П. П. Долгорукій умеръ передъ началомъ второй войны съ французами, т. е. въ 1806 г. Умеръ и Кутузовъ, не стало Наполеона, не стало и Александра I, и сколькихъ еще не стало! Тутъ невольно скажешь съ Босюетомъ: «O néant! O mortels, ignorants de leur destinée». «О суета! О смертные, невѣдущіе судьбы своей!»

Въ гостепріимномъ домѣ князя Юрія Владиміровича судьба дала мнѣ въ сосѣди ловкаго актера того времени — Силу Николаевича Сандунова. По пылкости, живости, дѣятельности и изворотливости ума его можно назвать русскимъ Бомарше. Разсказъ о тогдашней Москвѣ начну съ новаго моего знакомства. Обстоятельства женитьбы его сливаются съ напоминаніями вѣка Екатерины II. Въ молодости своей С. Н. Сандуновъ былъ ловкимъ актеромъ и на театрѣ, и въ обществѣ. Не зная французскаго языка, острыми русскими шутками смѣшилъ онъ баръ и большой свѣтъ, а иногда и крѣпко задѣвалъ ихъ своими колкостями. Но вдругъ впалъ онъ въ глубокую задумчивость. Лиза, поступившая на Большой Эрмитажный театръ императрицы, заполонила его сердце. Но у него былъ опасный соперникъ и по важному мѣсту, и по отличнымъ способностямъ гибкаго ума. Но этотъ дѣлецъ-вельможа, говоря словами Державина:

Сегодня обладалъ собою,
А завтра прихотямъ былъ рабъ.

Ведя холостую жизнь, онъ любилъ на досугѣ пошировать съ пріятелями въ трактирѣ и, оставляя за порогомъ свою почетность, уравнивалъ тамъ всѣхъ съ собою лаской и привѣтомъ. Страстно также любилъ онъ общественныя увеселенія, особенно театръ и маскарады.

Силенъ былъ этотъ вельможа, но въ дѣлѣ соперничества вышло иначе. Сердце Лизы отдано было Сандунову. «Въ это ужасное время», говорилъ мнѣ Сандуновъ, — «часто приходила мнѣ въ голову мысль о самоубійствѣ; но это пагубное средство я всегда почиталъ трусостью, а не отважностью. Невольно, однакоже, изнемогалъ я иногда духомъ и, однажды, когда я читалъ «Вертера» Гете, торопливо вошла ко мнѣ Лиза, взглянула на книгу, вырвала ее изъ моихъ рукъ и сказала: «Полно тебѣ дурачиться, можетъ быть, сегодня будемъ мы счастливы. Вечеромъ я играю въ Эрмитажѣ «Ѳедула съ дѣтьми» — сочиненіе императрицы. Возьми перо и пиши къ государынѣ прошеніе о нашемъ бракѣ. Ты знаешь, какъ государыня любитъ эту оперу. Можетъ быть, мнѣ удастся ей угодить; подамъ нашу просьбу, а ты будь въ это время за кулисами».

«Ѳедулъ съ дѣтьми» была любимою оперою Екатерины изъ всѣхъ театральныхъ представленій. Въ этотъ вечеръ Лиза превзошла сама себя. Сочинительница, очарованная ея игрою, была внѣ себя отъ восхищенія. Рукоплесканія не умолкали. Послѣ представленія Екатерина допустила Лизу къ рукѣ, а она бросилась на колѣни и вскричала: «Матушка! Матушка царица! спаси меня!» Съ этими словами вручила она Екатеринѣ бумагу, въ которой жаловалась, что сильный вельможа, преслѣдующій ее, препятствуетъ ей выйти за С. Н. Сандунова. Въ этотъ мигъ выбѣжалъ изъ-за кулисъ Сандуновъ и сталъ также на колѣни. Прочитавъ прошеніе, Екатерина сказала: «Все уладится, будьте спокойны и не заботьтесь о приданомъ».

Приданое готовилось, а Екатерина по этому случаю сочинила для Лизы пѣсню:

Какъ красавица одѣвалася,
Одѣвалася, снаряжалася,
Для милаго друга
Жданаго супруга.
Всѣ подружки
Другъ отъ дружки
Ей старались угодить,
Чтобъ скорѣе снарядить.
Лизу всѣ онѣ любили,
Сердцемъ всѣ ее дарили
За ласку, любовь,
За доброе сердце;
А доброе сердце
Всего намъ милѣй!

Трудно жить и уживаться въ этомъ свѣтѣ не только въ горѣ, но и въ радостяхъ и въ счастіи. Началась новая борьба. Около людей случайныхъ, на посылкахъ ихъ прихотей и страстей, кружится всегда рой раболѣпныхъ прислужниковъ. На Сандунова нападали

со всѣхъ сторонъ, чернили, сердили, выводили изъ терпѣнія. Но у него были тогда два вспомогательныя войска—восторгъ счастливой любви и театральная слава жены его. Вскорѣ послѣ этого въ особенной чести на театрѣ была опера «Рѣдкая вещь», переведенная съ итальянскаго актеромъ Дмитревскимъ, который въ Лондонѣ удивлялъ Гаррика, а въ Парижѣ игралъ въ Вольтеровой «Заирѣ» Оросмана, дожилъ до нашего 1812 года, почти ста лѣтъ явился на театрѣ въ драмѣ «Ополченіе» и умеръ въ повтореніи историческихъ вѣковъ. Въ этой оперѣ Сандунова представляла крестьянку. Богачъ, городской волокита, увиваясь около нея, обольщаетъ ее драгоцѣнными подарками. Она взяла изъ рукъ его кошелекъ и отвѣчала аріей:

Перестаньте льститься ложно
И думать такъ безбожно,
Что деньгами возможно
Въ любовь къ себѣ склонить.
За деньги золотыя,
За камни дорогіе
Красавицы градскія
Васъ могутъ полюбить,
А насъ корысть не льститъ.

И при этомъ словѣ она бросила кошелекъ къ той сторонѣ, гдѣ каждый разъ сидѣлъ въ ложѣ раздосадованный вельможа-обожатель (Безбородко). Громко хлопали зрители, хлопалъ, сжавъ сердце, и сіятельный вельможа, который, при обширномъ умѣ и удивительной памяти, уподоблялся, въ разгулѣ страстей, современнику своему, Фоксу, который металъ пламенные перуны на холоднаго соперника своего Питта (?). Но всему есть предѣлъ. Сандунова до того довели, что онъ, по собственнымъ словамъ, рѣшился бѣжать изъ Петербурга въ Москву; а по этому случаю, прощаясь съ зрителями, онъ отважился прочитать стихи, сочиненные Клушинымъ, издателемъ «Меркурія» и сотрудникомъ въ «Зрителѣ» Крылова. Главною мыслью этихъ стиховъ было то, что Сандуновъ не хочетъ оставаться долѣе тамъ,

Гдѣ бары и бароны
Готовы разсыпать Лизетамъ милліоны.

Милліоны, вѣроятно, причтены для рифмы. Переселясь въ Москву, Сандуновъ отдалъ въ Воспитательный Домъ, въ пользу сиротъ, всѣ петербургскія драгоцѣнности, полученныя прежнею Лизою. Его называли скрягою, но это неправда. Скряга прячетъ за замки и деньги, и душу свою, а Сандуновъ трудовыя свои деньги расточилъ на пользу общественную.

Напротивъ дома своего, на Трубѣ, выстроилъ онъ бани на славу, съ приличными отдѣленіями для всѣхъ сословій, и всѣ его благодарили. Справедливо только то, что онъ пріучалъ жену свою къ самому мелочному хозяйству. Въ ней какъ-будто были двѣ женщины.

Одна — актриса, восхищавшая игрою и голосомъ зрителей, а другая — въ обществѣ чрезвычайно робкая и безгласная. Однажды, за обѣдомъ, князь Юрій Владиміровичъ, указывая на нее, сказалъ: «Нашу Елизавету Семеновну можно уподобить фельдмаршалу Лаудону. Въ мирное время онъ какъ-будто робѣлъ предъ каждымъ человѣкомъ и не могъ промолвить ни одного слова, а въ сраженіяхъ былъ герой и леталъ какъ орелъ. Елизавету Семеновну никто въ комнатѣ не узнаетъ, она сидитъ притаясь и боится промолвить слово, но на театрѣ за ея быстрою игрою и голосомъ не поспѣваютъ наши рукоплесканія». А. С. Н. Сандуновъ былъ ловкимъ, умнымъ и искуснымъ актеромъ и на театрѣ, и въ комнатѣ. Казалось, что онъ никогда не сходилъ со сцены. Но живая, ловкая Сандунова какъ-будто бы сама въ себѣ исчезала, переходя изъ театра въ комнату. Каждый день видѣлся я съ Сандуновымъ. Насъ раздѣляла одна только стѣна. Весело было смотрѣть на счастливую чету, но грозный приговоръ судьбы палъ и на Сандунова. Въ вихрѣ нашего свѣта счастье — быстрая перемѣна театральныхъ декорацій.

Сила Николаевичъ Сандуновъ, мой первый путеводитель въ Москвѣ, познакомилъ меня съ товарищами своими: Померанцевымъ, Шушеринымъ, Плавильщиковымъ и другими. Какъ-то въ разговорѣ Николай Михайловичъ Карамзинъ говорилъ мнѣ, что нашъ Померанцевъ сходствовалъ съ французскимъ актеромъ Мале. Не знаю, чѣмъ былъ прежде Мале, но Померанцевъ изъ причта церковнаго перешелъ на театръ и самоучкою сдѣлался въ своемъ родѣ единственнымъ актеромъ. Онъ былъ высокаго роста и казался неуклюжимъ. Но безъ всѣхъ движеній онъ сильно овладѣвалъ вниманіемъ зрителей. Вся страсть драматическаго искусства была въ его голосѣ. Иногда только приподнималъ онъ правую руку и, сжимая въ ней всѣ пальцы, кромѣ указательнаго, дѣйствовалъ ею чуднымъ образомъ. Въ первый разъ видѣлъ я его въ «Отцѣ семейства» (кажется, Иффланда). Пораженный бѣгствомъ дочери своей съ какимъ-то графомъ, онъ говорилъ: «Ты улетѣла отъ меня, милая моя малютка! Я любилъ, я лелѣялъ тебя! ты одна была моею жизнью и отрадою! и ты покинула меня, и ты унесла съ собою всѣ мои радости; зачѣмъ не взяла ты съ собою и моего сердца! Оно изноетъ безъ тебя и скоро перестанетъ биться!» Весь театръ плакалъ. Неподражаемъ онъ былъ во всѣхъ прозаическихъ драмахъ, но не умѣлъ произнести ни одного стиха, и въ роли Гостомысла былъ даже смѣшонъ.

Напротивъ того, Шушеринъ былъ миоическимъ протеемъ или русскимъ оборотнемъ: отъ «Ярба» переходилъ къ «Сыну любви», и въ «Попугаѣ» Коцебу былъ простодушнымъ Ксури, а впослѣдствіи въ «Эдипѣ» Озерова оживилъ страдальца, лишеннаго зрѣнія

и гонимаго судьбою. На театръ перешелъ онъ изъ лавки, гдѣ былъ простымъ сидѣльцемъ. Онъ былъ роста высокаго и стройнаго, лицо его было умное, черты чрезвычайно рѣзкія, но въ «Сынѣ любви» и въ другихъ подобныхъ драмахъ онъ казался красавцемъ; у него все было разсчитано: и каждый шагъ, и каждое движеніе, и выраженіе каждаго слова. Роли свои повторялъ онъ, обыкновенно, передъ зеркаломъ и былъ строгимъ судьею самого себя; въ пріятельскомъ кругу Шушеринъ былъ очень остроуменъ, но никогда не пересуждалъ ни товарищей, ни знакомыхъ. Изъ всѣхъ тогдашнихъ актеровъ одинъ только Плавильщиковъ поступилъ на театръ изъ дворянъ. При самомъ кроткомъ нравѣ у него была слабость: онъ всегда съ удовольствіемъ упоминалъ о своемъ дворянствѣ и о томъ времени, когда, въ званіи учителя, знакомилъ слушателей своихъ съ русскою исторіею, по портретамъ ея государей. Въ роляхъ отцовъ семейства онъ былъ превосходенъ въ выраженіи каждаго слова. Въ трагедіяхъ всегда выражалъ чувство и никогда не звучалъ рифмами, но иногда увлекался жаркими порывами и вскрикивалъ. Плавильщиковъ силою исполинской груди произносилъ однимъ духомъ длинные періоды изъ похвальнаго слова императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Лицо его отличалось необыкновенною свѣжестью. Чай былъ любимый его напитокъ. За чаемъ онъ былъ говорливъ и говорилъ умно и складно, но никогда не вдавался ни въ какіе споры. Въ дѣлахъ театральныхъ мнѣніе его товарищей управляло имъ.

ГЛАВА XII.

Знакомство мое съ Шатровымъ.—Его Каминъ.—Н. П. Николевъ.—Обѣдъ у Карамзина.—Острый отвѣтъ Николева.—Представленіе Сорены.—Отвѣтъ Екатерины графу Брюсу.—Попытка моя печатать свои стихи.—Цензоръ Х. А. Чеботаровъ.—Модный свѣтъ.—Роскошь.—Князь Ю. В. Долгорукій.—Моя адъютантская должность.—Хозяйственная дѣятельность князя.—Князь В. Ю. Долгорукій.—Его долги.—Щедрость стараго князя.—Слабости князя Ю. В Долгорукаго.—Столкновеніе Эртеля съ Безсоновымъ.—Судъ надъ Безсоновымъ.—Отзывъ кн. Ю. В. Долгорукова о гр. Зубовѣ.—Отставка князя.—Отпускъ мой на родину.

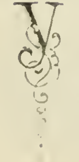
„Вездѣ я направлялъ мысль мою къ сему вѣчному вліянію, которое видимая природа производитъ на расположеніе духа и на судьбу человѣка“.

Александръ Гумбольдтъ.

„Toute ma jeunesse s'eet réfugiée dans mon coeur“.

Вся юность моя переселилась въ сердце мое.

Шатобріанъ.



С. Н. Сандунова познакомился съ Н. М. Шатровымъ. Не учась нигдѣ, онъ сталъ на степень поэтовъ-самоучекъ. Русское слово, славянское нарѣчіе и природа—были его наставниками. Напрасно классики затягиваютъ подъ свои зна-

мена Буало — онъ наотрѣзъ сказалъ: «Кто не родился подъ звѣздою поэзіи, тотъ не будетъ поэтомъ». Съ запасомъ метафоръ недалеко уѣдешь. Умъ говоритъ уму, сердце — сердцу, душа — душѣ. Простолюдину Шекспиру природа открыла всѣ тайны сердца человѣческаго. Кому предоставлено читать въ великой книгѣ природы, всегда отверстой для духа творческаго; кому предоставлено уловлять переливныя движенія сердца и души человѣческой — тотъ выразится языкомъ вдохновенія. Шатровъ не знаетъ иностранныхъ языковъ, но въ стихотвореніяхъ его — общій объемъ мыслей. Дидеротъ въ бытность свою въ Петербургѣ, гдѣ перечитывалъ съ Екатериною Наказъ ея, узнавъ, что Василій Майковъ, сочинитель проказныхъ поэмъ, не свѣдущъ ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ языкахъ, упросилъ Александра Ильича Бибикова перевесть для него нѣсколько страницъ изъ Майкова.

— Я хочу видѣть, сказалъ Дидеротъ, какъ предлагаетъ и соображаетъ мысли писатель, не знающій французскаго языка.

Бибиковъ перевелъ, а Дидеротъ и въ переводѣ нашелъ тотъ же ходъ мыслей, какой и во французскомъ языкѣ.

Различное предложеніе и соображеніе мыслей зависятъ не отъ мертвыхъ буквъ, но отъ различныхъ дѣйствій ума, души и сердца. Во всѣхъ нарѣчіяхъ, существующихъ на лицѣ земли, завѣтнымъ солнцемъ сіяютъ три слова первородныя: Богъ, природа, человѣкъ. Проявленіе ихъ въ стихотвореніяхъ Шатрова вездѣ сливается съ цѣлью предположенною. Написалъ и онъ Каминъ, но не напечаталъ. А вотъ почему. Однажды прихожу къ нему зимою. Поэтъ сидѣлъ у камина, быстрою рукою рвалъ листы и бросалъ въ огонь.

Я. Что ты дѣлаешь?

Онъ. Рву мой Каминъ.

Я. За что?

Онъ. Пушкина Каминъ ходитъ по всѣмъ рукамъ.

Я. Пушкина Каминъ хорошъ, но рукъ не обожжетъ.

Онъ. Скажутъ, что я хотѣлъ обезьянить, а я свой Каминъ давно написалъ.

Я. Хорошъ же ты, Николай Михайловичъ: Герострата укоряютъ, что онъ сжегъ одинъ храмъ Эфесскій, а ты въ нѣсколько минутъ сжегъ царство Ассирійское и царство Вавилонское, и Персидское, и Мидійское, и древній міръ Александра Македонскаго, и древній міръ Рима исполинскаго.

Мы много шутили и смѣялись, но царства каминныя истлѣли въ каминѣ. Скажу и теперь: Жаль Камина Шатрова: яркимъ огнемъ горѣли въ немъ исполинскія царства міра древняго и разлетались, какъ искры, разносимыя дуновеніемъ вѣтра.

Шумятъ бури ратныя, или, говоря словами Гизо, выходятъ на бой понятія человѣческія со штыками и пушками; шумятъ распри понятій и на вершинахъ двух-холмистаго Парнасса. Въ свое время Шатровъ былъ подъ знаменами оппозиціонной партіи, воевавшей противъ Карамзина. По выходѣ его бездѣлокъ Шатровъ грянулъ на нихъ слѣдующею эпиграммою:

Собравъ свои творенья мелки,
Русакъ нѣмецкій надписалъ:
Мои бездѣлки.
А разумъ, прочитавъ, сказалъ:
Ни слова, дива!
Лишь надпись справедлива.

И мгновенно изъ-подъ знаменъ господствующей партіи вылетѣлъ отвѣтъ:

Коль видимъ разумъ мы во образѣ Шатрова,
Помилуй, Боже, насъ отъ разума такова!

Знакомство съ Шатровымъ повело меня къ знакомству съ Николаемъ Петровичемъ Николевымъ. На зарѣ жизни померкло зрѣніе его, но умъ всегда ярко свѣтилъ. Чѣмъ была Антигона для Эдипа, тѣмъ Шатровъ былъ для Николева: вездѣ онъ былъ его вожатымъ. Врачи говорили ему, что отъ частаго смотрѣнія на слѣпоту онъ самъ современемъ ослѣпнетъ. Отъ этого ли, или отъ чего другаго, а предреченіе сбылось. На западѣ жизни Шатровъ погрузился въ потемки Оссіановскія. Но подвигъ его дружбы достоинъ жить въ лѣтописяхъ друзей.

Николева можно назвать поэтомъ-метафизикомъ. Онъ чрезвычайно любилъ и въ произведеніяхъ своихъ, и въ разговорахъ, блиставшихъ какою-то живою новостію, изворачивать и раздроблять мысли. Дурную оказали ему услугу напечатаніемъ сочиненій въ четырехъ огромныхъ частяхъ, не отбросивъ даже и грѣховъ его юности. Но утвердительно можно сказать, что избранныя сочиненія Н. П. Николева никогда не поблекнутъ въ области русской словесности. О слогѣ его можно выразиться по-французски: Son style est nourri de pensées. Оболочка мыслей, то-есть слогъ, разнообразится и отцвѣтаетъ; душа мыслей безсмертна, какъ мысль. Любя раздробленіе мыслей, Николевъ называлъ Державина поэтомъ внѣшней природы. Внѣшнюю же природу называлъ онъ корою, по которой умъ скользитъ, но не останавливается. При такомъ умѣ Николевъ старался воздерживаться отъ острыхъ и язвительныхъ шутокъ. Однажды только явно измѣнилъ онъ своему правилу. По случаю изданія Аонидъ былъ торжественный обѣдъ у Н. М. Карамзина: за

столомъ при заздравномъ кубкѣ за будущій успѣхъ Аонидъ главный издатель ихъ Карамзинъ сказалъ: «Кто въ наше время напишетъ вялый и водяной стихъ, тому именнымъ указомъ должно запретить писать стихи». Николевъ съ хитроумною улыбкою возразилъ: «Объ насъ что говорить: мы что за поэты. Но, Николай Михайловичъ, вамъ бы надобно пощадить себя».

И Николеву, въ свою очередь, Мельпомена подносила вѣнцы. Играли трагедію его Сорену. При рѣзкихъ выходкахъ противъ тирановъ и тиранства раздавались громкія рукоплесканія. Но нашлись люди услужливые, которые, пріѣхавъ изъ театра къ тогдашнему московскому градоначальнику графу Брюсу, такъ настращали его трагедіею Николева, что онъ запретилъ вторичное представленіе и извѣщалъ императрицу, что принялъ эту мѣру по причинѣ многихъ стиховъ о тиранахъ и тиранствѣ. Екатерина отвѣчала графу:

«Запрещеніе трагедіи Сорены удивило меня. Вы пишете, что въ ней вооружаются противъ тирановъ и тиранства. Но я всегда старалась и стараюсь быть матерью народа. А потому и предписываю отнюдь не запрещать представленія Сорены».

Объ этомъ обстоятельствѣ предложено было въ Русскомъ моемъ Вѣстникѣ 1809 г. при разборѣ трагедіи Сорены.

Павелъ I любилъ Николева и подарилъ ему трость съ золотымъ набалдашникомъ, осыпаннымъ брильянтами и съ надписью: «A l'aveugle clair-voyant» — слѣпцу зорковидящему. Сущая правда: Николевъ далеко заглядывалъ въ міръ политическій.

Познакомясь съ писателями, и я затѣялъ втиснуться въ ряды ихъ. Съ тетрадью изъ стиховъ иду въ университетъ къ тогдашнему цензору Харитону Андреевичу Чеботареву. Робкою рукою представляю рукопись. На бѣду мою въ ней была ода на суевѣріе, выкраденная изъ Вольтера.

— Не пропущу, сказалъ мнѣ цензоръ.

— А почему? возразилъ я.

— Да знаешь ли ты, молодой человѣкъ! (Скажу мимоходомъ и я былъ молодъ: Et moi aussi je fus berger en Arcadie! И я былъ пастушкомъ въ Аркадіи счастливой!). Да знаешь ли ты, что такое суевѣріе?

— Хотя и не учился въ университетѣ, отвѣчалъ я, но очень знаю различіе между вѣрою и суевѣріемъ. Вѣра требуетъ любви, милосердія и снисхожденія къ человѣчеству. А во имя суевѣрія инквизиторъ Торквемада, первый зажигатель костровъ святотатственныхъ, сожигаетъ тысячи въ губительномъ ихъ пламени. Во имя вѣры добродѣтельный Пенъ покупаетъ въ Сѣверной Америкѣ землю, заселяетъ ее дикими и голосомъ любви призываетъ ихъ подъ знамепіе

креста. Во имя же суевѣрія Людовикъ XIV, по внушенію духовника своего Ламеза, изгоняетъ изъ нѣдръ Франціи тысячи трудолюбивыхъ протестантовъ, которые въ чужія области перенесли съ собою оборотливый умъ, промышленность и свѣтъ наукъ.

— Вижу, вижу—вскричалъ цензоръ: что вы хорошо учились исторіи.

— Нѣтъ, сказалъ я: я не учился исторіи, а читалъ ее, да и думаю, что и тѣ, которые берутся учить исторію, часто лгутъ на исторію. Нельзя смотрѣть чужими глазами, нельзя слушать чужими ушами, нельзя и чужимъ умомъ всматриваться въ событія минувшихъ вѣковъ.

— О, да, какъ же вы рѣчисты, возразилъ цензоръ:—но я все-таки не пропущу вашей оды. Выбросьте ее; все прочее тотчасъ подпишу.

Долго еще шли у насъ переговоры; окончилось тѣмъ, что я не согласился выбросить оды, а цензоръ не ознаменовалъ скрѣпою своей моей тетрадки.

Модный московскій свѣтъ, на ряду съ петербургскимъ, размежевался на два отдѣленія: въ одномъ отличались англоманы, въ другомъ галломаны. Въ Петербургѣ было болѣе англомановъ, то-есть любителей повѣрій англійскихъ; въ Москвѣ болѣе было галломановъ. Въ модныхъ домахъ появились будуары, диваны, и съ ними начались истерики, мигрени, спазмы и т. д.

Изъ обветшалой Франціи XVIII столѣтія пахнуло къ намъ волокитство, вмѣстѣ съ Доратами, Парни и такъ называемою любезностью петиметровъ.

Какъ будто бы для сбереженія своихъ сердецъ, щеголихи большаго свѣта надѣли золотыя цѣпи. Это однакоже была не парижская мода, а своя—московская. Въ утренніе разъѣзды и на обѣды ѣздили съ гайдуками, скороходами, на быстрыхъ четверняхъ и шестерняхъ [1]).

Вечеромъ—домашніе театры, гдѣ большею частію играли французскія комедіи, балы и маскарады; по воскресеньямъ и въ праздничные дни подъ Донскимъ были кулачныя схватки, пляски, хоры пѣсельниковъ и санный бѣгъ. Въ честь побѣдителя раздавались рукоплесканія. По почамъ кипѣлъ банкъ. Тогда уже ломбарды болѣе и болѣе затѣснялись закладомъ крестьянскихъ душъ. Быстры, внезапны были переходы отъ роскоши къ разоренію. И у насъ въ большомъ свѣтѣ завелись мѣнялы. Днемъ разъѣзжали они въ каретахъ по домамъ съ корзинками, наполненными разными бездѣлками, и

[1]) Тогда ѣзда парою называлась мѣщанскою ѣздою

промѣнивали ихъ на чистое золото и драгоцѣнные каменья, а вечеромъ увивались около тѣхъ счастливцевъ, которые проигрывали свое имѣніе и выманивали у нихъ почетное подаяніе.

Одинъ изъ новыхъ англійскихъ писателей представляетъ роскошь въ блестящемъ головномъ уборѣ, въ пышной одеждѣ, а подъ нею голыя, изможденныя ноги, около которыхъ, съ одной стороны, уцѣпилась женщина, а съ другой глупость. Но этого не замѣчали въ 1795 году. Москва пировала въ полномъ разгулѣ жизни веселой. Въ заграничномъ европейскомъ мірѣ гремѣло оружіе республиканскихъ легіоновъ и на поляхъ Италіи, и на берегахъ Рейна, а въ предѣлахъ древней Батавіи развѣвались знамена трехцвѣтныя; но для насъ все это было на краю какого-то другаго свѣта.

Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій [1]) былъ государственный и военный человѣкъ, но у него въ домѣ не было ни одного иностраннаго журнала, ни одного листочка заграничныхъ вѣдомостей. По утрамъ занимался онъ своей должностью, зналъ обо всѣхъ происшествіяхъ московскихъ, наблюдалъ обстоятельства петербургскія; послѣ обѣда и вечеромъ игралъ въ бостонъ, и не слышно было ни одного слова о дѣйствіяхъ войны европейской. О чемъ же говорили мы, молодые его адъютанты, между собою? О балахъ, театрахъ и москарадахъ. Я былъ у князя Юрія Владиміровича на вѣстяхъ благотворенія, принималъ прошенія отъ неимущихъ, представлялъ общій докладъ князю и развозилъ пособія его.

О доказательствѣ бѣдности просителей не нужно было справляться. «У васъ въ Москвѣ, писалъ принцъ де-Линь къ Екатеринѣ, бѣдныя хижины стоятъ подлѣ великолѣпныхъ палатъ и не боятся ихъ». Гдѣ теперь эти палаты? Стѣны ихъ остались, но перешли въ руки промышленниковъ, и прежней пышности ихъ какъ будто не бывало. Возразятъ, что такой переворотъ произошелъ отъ иноплеменнаго нашествія двѣнадцатаго года. Но и до этого времени сколько было вторженій роскоши и модъ въ Москву, и сколько погибло труда земледѣльческаго отъ расточенія и пренебреженія сельскаго быта! О послѣднемъ обстоятельствѣ приведу свидѣтельство изъ собственноручныхъ записокъ князя Юрія Владиміровича.

«Наслѣдственныя мои и братьевъ моихъ вотчины — говорилъ онъ: почти вовсе разорились отъ трехъ постороннихъ управленій». Вотъ почему князь взялъ все подъ свой собственный надзоръ, учредилъ

---

[1]) Родился 1740 г., умеръ 1830 г. Авторъ немного заходитъ тутъ впередъ. Кн. Ю. В. былъ главнымъ начальникомъ Москвы уже при Павлѣ I. Въ концѣ царствованія Екатерины онъ командовалъ войскомъ, расположеннымъ въ Москвѣ, а потомъ вышелъ въ отставку (1795 г.).

суконную фабрику и винокуренный заводъ. Увѣряли, будто бы Екатерина однажды укоряла князя, что отъ него отзывается винокуреніемъ. Это неправда. Все установленное закономъ непричастно презрѣнію. Князь Н. В. Репнинъ въ званіи начальника Смоленской губерніи несправедливо гналъ откупщиковъ; для соблюденія закона, нужно только безпристрастное наблюденіе, чтобы предупреждать пронырства вредныя обществу.

Сильныя были нападки на князя Юрія Владиміровича и за то, что онъ не платилъ долговъ своего сына. Я лично зналъ князя Василія Юрьевича. Онъ былъ прекрасный и образованный молодой человѣкъ, но сталъ жертвою игроковъ и вошелъ въ неоплатные долги. Что же было дѣлать отцу? Отдать ли на новое разореніе имѣніе, имъ самимъ устроенное? Каково было бы бѣднымъ крестьянамъ переходить изъ рукъ въ руки, подвергаться непривычнымъ для нихъ работамъ, тяжелымъ взысканіямъ и горестной неизвѣстности о судьбѣ своей? Князь поступилъ обдуманно; но это приписывали его скупости. Это пустая молва и клевета. Онъ былъ даже расточителенъ на пользу и добро. Старшинѣ московскихъ ямщиковъ Ширяеву на различныя его заведенія давалъ онъ по пятидесяти тысячъ и болѣе, безъ всякаго залога и обязательства; а за одного изъ прежнихъ своихъ адъютантовъ А. П. Апухтина, который, въ генеральскомъ чинѣ, находясь при строеніи Нижегородской ярмарки, не представилъ отчета во ста тысячахъ, заплатилъ все сполна и никогда не требовалъ возврата. Князь и мнѣ давалъ двадцать тысячъ съ тѣмъ, чтобъ я переводилъ изъ Энциклопедіи части, относящіяся къ художеству и ремесламъ; но я зналъ, что и Дидро, особенно занимавшійся тѣмъ, съ трудомъ доискивался у парижскихъ художниковъ и ремесленниковъ подлиннаго значенія ихъ работъ, и потому я отказался.

Въ домѣ князя жили двѣ дочери и нѣсколько дѣвицъ, дочерей бѣдныхъ родителей, существовавшихъ его помощью и благодѣяніями. Въ числѣ ихъ была и дочь актера Померанцева, умная, скромная и къ которой можно было примѣнить французское изреченіе: «La grace plus belle que la beauté». У Юрія Владиміровича были двѣ слабости: пристрастіе къ происхожденію отъ Рюрикова колѣна и къ голубой лентѣ. Однажды князь Николай Борисовичъ Юсуповъ звалъ его на свадебный обѣдъ къ одному изъ иностранцевъ, у котораго онъ былъ посаженымъ отцомъ. Князь отвѣчалъ: «Я пріѣду въ голубой лентѣ, надѣньте же и вы свою». Но по любви своей къ московскимъ гражданамъ князь былъ членомъ мѣщанскаго клуба. Несмотря на то, ему не по сердцу были неровные браки. Броневскій, родной братъ того Броневскаго, который былъ

соучастникомъ Крылова въ изданіи Зрителя, управляя Никольскою суконною фабрикой князя, помолвленъ былъ на дочери актера Померанцева. Князь, который изъявилъ свое согласіе, далъ ей приданое и былъ посаженымъ отцомъ. Но когда на другой день свадьбы Броневскій пришелъ его благодарить, князь угрюмо сказалъ: «Поздравляю тебя, братецъ! Но все-таки она дочь актера». Я ахнулъ про себя, ибо, повторяю еще, въ семь мѣсяцевъ бытности моей у князя, изъ устъ его вылетѣло одно только это непривѣтное слово.

Чему это приписать? Родовую честь называютъ предразсудкомъ, внушаемымъ воспитаніемъ и привычкою. Но если мысль о знатности рода переходила изъ вѣка въ вѣкъ, то какъ управиться съ нею? Не берусь быть стряпчимъ за князя. Скажу только, что въ князѣ не было ни черты гордости и спеси; онъ уважалъ всѣ званія, для него не было такъ-называемаго послѣдняго человѣка. По должности своей и по влеченію добраго сердца, онъ выслушивалъ равно и вельможу, и гражданина, и бѣдняка въ скудной одеждѣ. Душа его всегда готова была спасать страдальцевъ. Изъ множества примѣровъ предложу здѣсь одинъ разительный. При императорѣ Павлѣ 1797 года снова запрещенъ былъ банкъ и притомъ позднія вечернія собранія. Часовъ въ десять по улицамъ водворялось безмолвіе, и въ домахъ угасалъ огонь. Страсть къ игрѣ ухитрялась и усыпляла зоркій надзоръ, что̀, однако, не всегда удавалось. Тогдашній оберъ-полицеймейстеръ Эртель, по личному неудовольствію, подыскивался подъ князя М. и маіора С.

Однажды въ полночь подстерегъ онъ банкъ у князя М., влетѣлъ къ нему съ причетомъ своимъ. Между тѣмъ, когда князь и маіоръ С—ій рубились въ карты не на животъ, а на смерть, на софѣ погруженъ былъ въ глубокій сонъ сибирякъ Безсоновъ, поручикъ Архаровскаго полка, составленнаго изъ прежнихъ восьми Московскихъ батальоновъ (гдѣ и я служилъ), казначей своего батальона, любимый и уважаемый всѣмъ полкомъ за честность и добросовѣстность. Полицеймейстеръ добирался и до него, предполагая (чего иногда не предполагаютъ!), будто бы онъ былъ лазутчикомъ за полиціей. Онъ будитъ спящаго. Пробудясь второпяхъ и протирая глаза мощными руками, укрѣпленными роднымъ его сибирскимъ воздухомъ, онъ спросилъ:

— Что вамъ надобно?

— Ступайте за мной, отвѣчалъ полицеймейстеръ: вы были свидѣтелемъ игры.

Безсоновъ сказалъ: — «Оставьте меня, завтра нашему батальону ранній смотръ. Вы видите, что я спалъ. Не стыдите меня передъ началь-

никомъ. Для меня честь дороже жизни» — «Ступайте», грозно прикрикнулъ оберъ-полиціймейстеръ. — «Иду! но только смотрите, чтобы вы не раскаялись, офицерскою моею честію я дорожу свыше жизни...» — Часа въ четыре ночи привели игроковъ и Безсонова въ домъ начальника полка, гдѣ, по тогдашнему обыкновенію, стояли и полковыя знамена. Выходитъ Иванъ Петровичъ Архаровъ, разбуженный тревогою, въ колпакѣ и халатѣ. Взглянулъ на Безсонова и сказалъ: «Какъ, и ты здѣсь?» Посадили приведенныхъ подъ знамена. На заботливые разспросы человѣколюбиваго нашего начальника полиціймейстеръ волею-неволею признался, что онъ поручика Безсонова засталъ спящимъ. «Грѣшно было тебѣ, братецъ, будить!» Смущенный полиціймейстеръ просилъ дозволенія сказать Безсонову, что до него не будетъ дѣла.—«Не надобно было и заводить шума, прибавилъ Архаровъ: – отъ искры пожаръ загорается. Поди, братецъ, поправь свой грѣхъ».—Полиціймейстеръ пошелъ къ Безсонову и сказалъ, что онъ свободенъ. «Поздно! закричалъ Безсоновъ: — я говорилъ тебѣ, не води меня сюда. Ты привелъ — вотъ тебѣ!» Отгрянулъ звукъ, а чего? не трудно отгадать. Разнеслась молва; отъ искры загорѣлся пожаръ. Безсоновъ отданъ былъ подъ судъ. Офицеры нашего полка были судьями, они плакали; но въ силу устава Петра I выставили въ приговорѣ: лишеніе руки. Всѣ судьи любили, уважали сибиряка и скрѣпили приговоръ и перомъ и слезами. Осужденнаго въ оковахъ отвели въ тюремный замокъ.

Князь Юрій Владиміровичъ, вышедшій въ отставку при Екатеринѣ, 1795 года, былъ опять градоначальникомъ московскимъ. Приговоръ поступилъ къ нему; въ ночь роковаго происшествія, дворецкій князя пріѣхалъ ко мнѣ въ Лефортовскій дворецъ съ извѣстіемъ, что князь меня требуетъ. Было три часа ночи. Я засталъ князя одѣтымъ.—«Я не могъ уснуть, сказалъ онъ,—надобно спасти Безсонова. Онъ не кстати упрямится и не проситъ извиненія у оберъ-полиціймейстера. Онъ тебя любитъ, поѣдемъ къ нему». Послѣ рѣшенія суда Безсонова перевезли въ острогъ, куда мы и поѣхали часу въ пятомъ. Князь послалъ унтеръ-офицера провѣдать, что дѣлаетъ Безсоновъ. Услышавъ, что онъ спитъ, князь приказалъ доложить, когда проспится. Безсонова разбудили, и я отъ имени князя пошелъ его уговаривать: но тутъ не нужно было сильное краснорѣчіе. Одно слово: самъ князь пріѣхалъ тебя спасти, все рѣшило. Князь вошелъ къ нему и сказалъ: «Молись, братъ, Богу! дѣло еще можно поправить. Дай отзывъ, что ты все сдѣлалъ въ пьяномъ видѣ. Эта ложь не постыдитъ тебя, а ты человѣкъ добрый и нужный». Безсоновъ согласился, подалъ отзывъ, и дѣло перенесено было въ гражданскій уголовный судъ. Князь Юрій и Архаровъ

уговорили полиціймейстера. Сопротивники въ судѣ обнялись, а внѣ суда увѣнчали мировую веселою пирушкою.

Въ добрѣ весь человѣкъ.

И всякій человѣкъ есть ложь.

сказалъ Державинъ; но подавать руку помощи падающему человѣку значитъ сближать ее съ небомъ. Безсоновъ служилъ, жилъ и умеръ первымъ подпоручикомъ по арміи. Но и послѣ упомянутаго обстоятельства, вновь поступя въ полкъ, онъ, въ званіи полковаго казначея, былъ правою рукою начальниковъ; а товарищей дарилъ пріязнію, совѣтами и участіемъ. Я всегда любилъ его и какъ воспреемника отъ купели старшаго моего сына, и какъ умнаго и расторопнаго питомца сибирской природы, и какъ человѣка, умѣвшаго любить человѣчество.

Выше упомянуто, что 1795 года въ домѣ князя Юрія Владиміровича не было ни разговора и никакихъ иностранныхъ извѣстій о происшествіяхъ заграничныхъ.

Въ первый разъ услышалъ я отъ него объ имени Наполеона, когда онъ былъ уже первымъ консуломъ и когда разнеслась молва объ адской машинѣ [1]). «Англичане, сказалъ князь, нарушили права народныя и человѣчества, посягнувъ такъ безчестно на жизнь генерала Бонапарта». Многіе у насъ приписывали это англичанамъ, но это событіе и теперь еще не разгадано. Въ исходѣ 1795 года князь Юрій Владиміровичъ занятъ былъ единственно событіями отечественными. Онъ явно былъ противъ похода въ Персію.

«Зубовъ, говорилъ онъ, хочетъ вписать брата своего въ число героевъ и всѣми силами домогается открыть ему путь туда, гдѣ Петръ I воевалъ по нуждѣ и покорилъ Дербентъ; но теперь эта война вовсе безполезна. Еслибъ и родной отецъ одобрялъ ее, я бы и съ нимъ не согласился». У Зубова были въ Москвѣ свои приверженцы, и молва о мнѣніи князя долетѣла въ Петербургъ. Между ними вспыхнуло неудовольствіе, князь подалъ въ отставку и былъ предварительно извѣщенъ объ увольненіи отъ свояка своего, графа Н. И. Салтыкова.

Князь стоялъ у камина, когда получилъ это извѣстіе. «Я бы еще послужилъ», сказалъ онъ, — «но не хочу связываться съ Зубовымъ». Обратясь ко мнѣ, промолвилъ: «Ты, братъ, возьми отпускъ, ты давно не былъ у своихъ; я знаю, что московскіе батальоны не пойдутъ въ походъ. Княгиня дастъ гостинецъ для твоей матери. Стыдно было бы изъ нашего дома отпустить тебя съ пустыми руками». И я получилъ отпускъ.

---

[1]) Въ 1802 году.

ГЛАВА XIII.

Родина.—Дороховъ.—Русская пѣсня.—Лагерная жизнь.—Корпусныя воспоминанія.—Первый мой походъ.—Командировка въ Петербургъ.—Супруги Литвиновы.—Озеровъ.—А. Н. Нарышкина.—Кончина Екатерины.—Мое знакомство съ М. Т. Каченовскимъ.—Дурасовъ.—Ѳ. Г. Каринъ.—Ю. А. Нелединскій.—Д. Н. Кашинъ.—Моя поставка оперъ на московскій театръ.—Медоксъ.—Актеры: Померанцевъ, Шушеринъ, Плавильщиковъ.—Война Троянская на московскомъ театрѣ около 1798—99 гг.—Военныя событія.—Походъ.—Моя рота.—Возвращеніе въ Москву и отставка моя.—Театральныя мои сочиненія.—Панценбитеръ.—Перемѣна домашняго быта.

Снова спѣшу на родину. Не гонится вслѣдъ за мною мысль о весельяхъ московскихъ. 1796 года не наступило еще перерожденіе души моей въ жизнь отечественную, въ жизнь русскую. Родина была жизнью души моей. Любилъ я читать исторію, но тогда простился и съ нею. Имена отца, брата, сестры сильнѣе всѣхъ именъ историческихъ сливались съ новымъ бытіемъ сердца. Ихъ видѣть, дышать одпимъ съ ними воздухомъ было тогда верховнымъ моимъ благомъ... Весело жилъ я на родинѣ, но вдругъ пришло извѣстіе изъ Петербурга, что московскіе батальоны стоятъ лагеремъ подъ Осиновыми рощами, и что батальоны поступили подъ начальство Кутузова, строгаго блюстителя дисциплины воинской. Съ отставкою князя Юрія Владиміровича я снова былъ откомандированъ въ полкъ, и потому на главномъ смотру, не видя меня при ротѣ, Кутузовъ сказалъ: «А, это тотъ Глинка, котораго я называлъ писателемъ. Но если онъ вздумаетъ возиться съ перомъ, то пусть уступитъ шпагу другому, поревностнѣе его къ службѣ». Родители мои ужаснулись, и я немедленно долженъ былъ ѣхать въ полкъ. Снова разстался я съ родиной. Разстался, какъ страстный любовникъ, прощаясь съ жизнью души своей. Что занимало меня на родинѣ? Она сама и обитатели ея. Родной небосклонъ, родныя поля и рощи веселили меня болѣе тѣхъ зрѣлищъ, которыя видѣлъ я на театрѣ. Воспоминанія о дняхъ жизни на родинѣ и теперь еще, въ уединенныхъ моихъ прогулкахъ, носятся передо мною, какъ легкіе радужные призраки.

Дорогою въ первый разъ узналъ я силу и душу русскихъ пѣсенъ. Вотъ какимъ образомъ.

На одной станціи встрѣтился я съ тѣмъ Дороховымъ, который въ 1812 году былъ раненъ подъ Малымъ Ярославцемъ, и которому Кутузовъ приказалъ сказать: «Ты раненъ при взятіи укрѣпленія Верен. Умри, Дороховъ! ты защитилъ Малороссію!» Дороховъ былъ старѣе меня нѣсколькими годами и служилъ тогда маіоромъ. Въ молодости не долго до знакомства: мы скоро съ нимъ

сблизились и сѣли въ одну повозку. Былъ часъ одиннадцатый; ночь дышала прохладою, луна свѣтила полнымъ блескомъ; зазвенѣлъ колокольчикъ, и ямщикъ запѣлъ:

Вспомни! вспомни, мой любезный!..

Русская пѣсня—это голосъ сердца, которое испрашиваетъ у мысли исхода. Такъ, среди зимнихъ бурь, метелей и вьюгъ, глаза выпрашиваютъ у туманнаго небосклона солнечнаго луча. Съ заунывными, томными звуками пѣсни сливались наши слезы. То былъ отголосокъ изъ тѣхъ заунывныхъ пѣсенъ, которыя какъ-будто несутся изъ какой-то вѣковой дали и всегда щемятъ сердце. То же чувствовалъ и спутникъ мой, будущій герой войны въ отечествѣ за отечество. Но и тутъ, повторяю, отечество далеко еще было отъ меня, и я съ восхищеніемъ также внималъ пламеннымъ разсказамъ Дорохова о швейцарской природѣ, о вершинахъ ея горъ, гдѣ пала гордыня Карла Смѣлаго отъ пастуховъ швейцарскихъ, самоотреченныхъ защитниковъ отчизны. Не забылъ я и той ночи, когда голосъ русскій сроднилъ меня съ русскими пѣснями.

«Ты не будешь служить!» сказалъ мнѣ Кутузовъ, какъ выше упомянуто; и онъ угадалъ. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ, въ лагерѣ гоняли сквозь строй рядоваго, причемъ и я былъ по должности. Едва я услышалъ вопль и увидѣлъ кровь, голова моя закружилась, въ глазахъ потемнѣло: я упалъ въ обморокъ, и очнулся подъ арестомъ. Странное дѣло! Чужая кровь меня пугала и пугаетъ, собственная моя—никогда. Были и у насъ въ корпусѣ силачи, которые тѣшились тѣмъ, чтобы задирать и бить слабыхъ. Безтрепетною грудью я всегда отстаивалъ послѣднихъ. Силачи возроптали сильно и условились поколотить меня добрымъ порядкомъ. Однажды не пошелъ я ужинать и, сидя на концѣ обширной нашей спальни, гдѣ была моя постель, занимался я переводомъ Мессинскихъ элегій изъ Анахарзиса. Вдругъ слышу шумъ, и шесть силачей ястребинымъ полетомъ нагрянули на меня со ставчиками, замѣнявшими у насъ стулья. Посыпались на голову мою удары; кровь хлынула у меня изъ носу и горломъ. Выбиваю окно, чтобы выскочить на галлерею; на рукахъ моихъ и теперь еще остались отъ этого слѣды ранъ. Дежурный офицеръ, увидя на другой день перевязанныя мои руки, спросилъ: «Отчего это?» Я отвѣчалъ, что ушибся. Благодаря Бога! и теперь остался я еще при юношеской моей мысли, что терпи самъ, а не обижай другихъ [1]).

---

[1]) Ср. выше гл. X, на стр. 120.

Въ мое время въ лагерномъ быту офицеры ни въ чемъ не нуждались. У полковниковъ были тогда хозяйственныя суммы отъ различныхъ денежныхъ статей и употреблялись безотчетно. У нашего батальоннаго начальника, Петра Степановича Бибикова, былъ каждый день открытый столъ для всѣхъ офицеровъ. Кофе, чай, закуска, ужинъ не сходили со столовъ. Сверхъ того, неимущимъ офицерамъ покупали шарфы, а иногда снаряжали и полный мундиръ. Всѣ молодые полковники въ московскихъ батальонахъ были молодцы въ полномъ смыслѣ слова. Въ числѣ ихъ находился и князь Сергѣй Николаевичъ Долгорукій. Онъ первый привезъ въ лагерь подъ Осиновыя рощи посланіе Къ женщинамъ Карамзина На подхватъ летало оно тогда изъ рукъ въ руки. Съ поэзіей стихотворною сливалась у насъ и поэзія военная. Нерѣдко по вечерамъ, послѣ веселыхъ пирушекъ, полковники наши приказывали ротамъ, а иногда батальонамъ, заряжать ружья (разумѣется холостыми зарядами) и вступать въ бой. О стрѣльбѣ нашей доходили вѣсти до Екатерины, и она говорила: «Пусть себѣ веселятся, имъ скоро будетъ дѣло». Познакомясь 1808 года съ княгинею Дашковой, я при первомъ свиданіи предложилъ ей вопросъ: «Какъ обозрѣвала Екатерина французскую революцію, когда она вспыхнула?» Княгиня отвѣчала: «Привыкнувъ къ учрежденному ходу общества, Екатерина полагала, что революція будетъ порывомъ мгновеннымъ». Но этотъ порывъ, который дальновидный Жанъ-Жакъ Руссо предсказывалъ до 1789 года, превратясь въ грозную бурю, опрокинулъ во Франціи всю Францію и вринулъ въ области сопредѣльныя. Войска республиканскія гремѣли на берегахъ Рейна; Бонапартъ, по словамъ Суворова, «смѣло шагая», обходилъ исполинскія вершины горъ Альпійскихъ, чрезъ которыя съ такимъ усиліемъ переходилъ Аннибалъ, орлинымъ полетомъ съ горъ Апеннинскихъ изумлялъ и разилъ Австрійскую армію. Жаромъ юности кипѣло и сердце ветерана славы и побѣдъ, сердце Суворова. Непрестанно писалъ онъ къ Екатеринѣ: «Матушка! Вели идти противъ французовъ!» Онъ хотѣлъ обновить жизнь свою борьбою съ юнымъ вождемъ республиканцевъ, и императрица готовила ополченіе на сушѣ и на морѣ, но только готовила не торопясь и, какъ было сказано, выжидая времени.

Нашимъ батальонамъ данъ былъ приказъ сперва расположиться въ Тверскихъ уѣздахъ, а потомъ идти въ Литовскія губерніи. Это былъ первый мой походъ или лучше, сказать, моя первая военная прогулка. Вездѣ раздавались пѣсни солдатъ; офицеры гарцовали на коняхъ и бились объ закладъ, кто кого обгонитъ. Веселый мигъ настоящаго отдалялъ отъ насъ будущее. На привалахъ и ночлегахъ

мы пировали подъ открытымъ небомъ, играли въ карты, шутили, смѣялись. Хотя я вполнѣ втянулся въ вихрь жизни военной, однакоже иногда какъ будто бы украдкою отъ самого себя читалъ, кропалъ стихи, прозу, но вовсе не помышлялъ о названіи писателя; чернильный мой скарбъ бросалъ въ огонь.

Батальонъ нашъ вступилъ въ Ржевъ, а я отправленъ былъ въ Петербургъ дипломатомъ въ канцелярію князя Зубова и къ Николаю Петровичу Архарову, тверскому намѣстнику, съ просьбою, чтобы дозволено было батальону нашему расположиться по сопредѣльнымъ уѣздамъ. Въ Петербургѣ остановился я въ домѣ генеральши Лебедниковой, родной сестры Свистунова, переводчика Дѣтскаго Чтенія г-жи Бомондъ [1]). Тутъ жилъ и зять ея, Литвиновъ, учившій рапирному искусству внуковъ Екатерины. Для меня каждый день въ семействѣ Литвинова былъ праздникомъ гостепріимства, потому что я видѣлъ, что сходство нравовъ, мыслей, все соединяло счастливую чету. Ласка — магнитъ сердца; и теперь живетъ въ моей памяти ихъ нѣжная заботливость обо мнѣ. Одно набрасывало тѣнь на жребій: они не веселились улыбкою колыбельныхъ птенцовъ. Цвѣла ихъ жизнь и быстро отцвѣла! Супруга, томимая чахоткою, сошла въ могилу. Вмѣстѣ съ смертельною горестью сѣмена той болѣзни запали въ грудь горестнаго вдовца.

«Я не переживу ея, говорилъ Литвиновъ: — днемъ и ночью образъ ея въ глазахъ моихъ. Слышу ея голосъ, она зоветъ меня». И онъ черезъ нѣсколько дней умеръ. А казалось, любви надобно бы было вѣкъ вѣковать. Но они:

. . . въ томъ свѣтѣ жили,
Гдѣ все прекрасное напасти огромили!..

Однажды шелъ я по Литейной улицѣ мимо каменнаго дома. Изъ раствореннаго окна втораго этажа слышу голосъ «Сергѣй Николаевичъ!» Оглядываюсь. То былъ голосъ Владислава Александровича Озерова. Спѣшу къ нему. Онъ сочинилъ тогда свою трагедію Олегъ. Съ торопливостію авторскою онъ принялся мнѣ читать ее, прося быть его цензоромъ. Въ пятомъ дѣйствіи я предложилъ нѣкоторыя измѣненія; сочинитель согласился, и при мнѣ сдѣлалъ поправки, и подарилъ десять апельсиновъ. А я сказалъ:

Не дари меня ты златомъ,
Подари меня собой,
Что въ подаркѣ мнѣ богатомъ:
Лучше злата даръ мнѣ твой.

---

[1]) Напечатано въ С.-Петербургѣ 1783 года.

Озеровъ и въ лаврахъ трагика не перемѣнился ко мнѣ. Я узналъ Озерова въ стѣнахъ корпуса: онъ читалъ мнѣ тамъ первый свой опытъ въ русскомъ стихотворствѣ; то было посланіе Абеларда къ Элоизѣ, переведенное изъ сочиненія Коларда. Это былъ слабый отблескъ подлинныхъ писемъ Абеларда къ Элоизѣ. Отъ Олега до Эдипа шагъ исполинскій. Въ памяти Озерова вмѣщался весь театръ Корнеля, Расина, Вольтера. Превосходно зналъ онъ французскій языкъ, игралъ французскія трагедіи въ нѣкоторыхъ домахъ вельможъ и съ блескомъ высказывалъ свои рѣчи. Среди славы своей Озеровъ безвременно угасъ отъ той чувствительности, которая творитъ писателя, а нерѣдко и ведетъ его къ жребію пѣвца освобожденнаго Іерусалима.

Въ бытность мою въ Петербургѣ 1796 года общимъ предметомъ было преднамѣренное бракосочетаніе юнаго короля шведскаго съ великою княгинею Александрою Павловною. Оба цвѣли весною жизни. Сама любовь возлелѣяла дщерь Павла и Маріи. Сердце ея сказалось сердцу Густава. Густавъ плѣнился въ ней ею. Отъ отца наслѣдовалъ онъ и престолъ, и рыцарскій его духъ, и жребій злополучный.

Политическія излучины положили преграду ихъ союзу. Герцогъ Зюдерманландскій, дядя юнаго короля, настаивалъ, чтобы предварительные обряды бракосочетанія совершались по узаконеніямъ шведскимъ. А графъ Аркадій Марковъ, подкрѣпляемый княземъ Платономъ Зубовымъ вопреки убѣжденіямъ опытнаго графа Безбородки, мечтали, что побѣдятъ упорство сыновъ Скандинавіи. Назначенъ былъ день сговора по русскимъ обрядамъ; устроилось торжество въ чертогахъ Екатерины, но судьба на западѣ жизни назначила ей ждать и не успѣть. Тщетно Аркадій Марковъ истощалъ увертливое свое дипломатическое витійство, герцогъ неподвижно сидѣлъ на стулѣ, а юный король курилъ трубку, и быстрыми шагами ходилъ по комнатѣ. Не сбылось, не состоялось. А градъ Петровъ говорилъ: «Судьба опредѣлила Екатеринѣ быть великимъ человѣкомъ; принялась за женское дѣло, а потому и не успѣла».

Мнѣ случилось обѣдать у Анны Никитишны Нарышкиной, помѣщицы села Тарутина, гдѣ 1812 года былъ станъ Кутузова и откуда онъ писалъ къ ней, чтобы сохранены были тамошнія укрѣпленія въ память потомству. За кофеемъ хозяйка завела рѣчь о скоротечности временной жизни. Она была очень умна. Казалось, что какъ будто слышалъ я, какъ объ этомъ говорили древніе и новые философы.

Изъ Петербурга въ октябрѣ отправился я къ батальону и привезъ дозволеніе занять уѣзды, прикосновенные къ Ржеву, гдѣ первоначально мы остановились. Но вскорѣ пришло приказаніе изъ Твер-

ской губерніи выступить намъ въ Литву. Мы выступили; но одинъ день, одинъ часъ, одно мгновеніе—и все перемѣнилось. Не было никакой вѣсти о болѣзни Екатерины, и 1796 года ноября 6-го ея не стало.

Екатерина Вторая не могла пережить той Екатерины, которая будто бы приковала счастіе къ колесницѣ своей. Неудачная помолвка и исполинскій разгромъ державъ европейскихъ сильно потрясли и подѣйствовали на ея душу. Казалось, Промыслъ непостижимый изрекъ, чтобы конецъ старобытнаго существованія Европы былъ предтечею кончины Екатерины. Она сама предвѣстила ее за нѣсколько дней до шестаго ноября, разлучившаго Екатерину и съ престоломъ и съ Россіей. При выходѣ ея на крыльцо сверкнула молнія змѣеобразно и разсѣялась передъ нею.

«Это знакъ близкой моей смерти», сказала она, и шестаго ноября, подобно внезапно блеснувшей молніи, внезапно уклонилась она въ гробницу.

Иные опровергають это явленіе. Мало ли что кажется несбыточнымъ и на путяхъ земной политики. Необычайныя событія пріурочились къ кончинѣ Екатерины; необычайныя волненія природы 1756 года слились съ разгромными событіями политическими. Говоря о такомъ сочетаніи горняго міра съ дольнимъ, Фридрихъ въ исторіи своего времени сказалъ: «Мы это видимъ, а тайна этого въ судьбахъ Провидѣнія».

Фридриха никто не упрекнетъ въ суевѣріи, а меня пусть упрекаютъ и въ суевѣріи и въ мечтательности, а я предложу здѣсь о дивномъ явленіи, случившемся при Екатеринѣ.

По прекращеніи первой турецкой войны, князь Юрій Долгорукій остался въ службѣ, предполагая, что будетъ полезенъ отечеству, а братъ его Василій Владиміровичъ на другой же день по заключеніи мира подалъ въ отставку. Вскорѣ потомъ отправился онъ въ Петербургъ, гдѣ сильно убѣждали его снова вступить въ службу, но супруга отговаривала, отчего и нажилъ онъ много враговъ. По настоятельной нуждѣ князь предпринялъ поѣздку въ Москву; за болѣзнію княгиня осталась въ Петербургѣ. Князя извѣщаютъ, что княгинѣ стало хуже, и чтобы онъ поспѣшалъ. На берега Невы дано было знать, что отъ прибытія князя въ Петербургъ ужасныя могутъ произойти послѣдствія. Горестный супругъ не перенесъ клеветы, изнемогъ и умеръ.

Въ это время другъ князя, Степанъ Степановичъ Апраксинъ, стоялъ съ полкомъ въ Москвѣ. Пораженный смертью друга, онъ рѣшился, не взирая на то, что скажутъ, отдать ему послѣдній долгъ съ надлежащими военными почестями. Около полуночи, сидя въ кре-

слахъ и въ раздумьи о горестной потерѣ, Апраксинъ курилъ трубку. Вдругъ кто-то шаркнулъ, отворилъ дверь и вошелъ въ спальню: то былъ покойный князь.

«Бладарю тебя, мой другъ! ты поступилъ, какъ истинный другъ и какъ честный человѣкъ. Завтра опять къ тебѣ буду».

Могильный гость отошелъ въ могилу. Апраксинъ, не вѣря ни глазамъ, ни слуху, пригласилъ отважнѣйшаго маіора (время утаило его имя) для будущаго свиданія съ мертвецомъ. Ударила полночь. Покойникъ явился и сказалъ:

«Еще разъ благодарю тебя, а за три дня до кончины твоей приду къ тебѣ». Апраксинъ видѣлъ, слышалъ, и маіоръ безстрашный видѣлъ и слышалъ. Молва о выходцѣ-мертвецѣ прогремѣла по всему городу. Онъ въ часъ урочный сдержалъ свое слово, явился за три дня до смерти Апраксина. Въ этотъ чудесный мигъ врачъ сидѣлъ за ширмами и слышалъ непонятный для него разговоръ Апраксина съ посѣтившимъ его призракомъ. Три остальные дня Степанъ Степановичъ провелъ такъ, какъ человѣкъ, собирающійся въ дальній путь. Письменно все распорядилъ, все устроилъ, исповѣдовался, причастился и перешелъ къ завѣтному другу. Кончина его припомнила прежнее обстоятельство всѣмъ старожиламъ московскимъ, современникамъ его.

Если выбрать все то, что древніе историки писали о явленіяхъ, то можно составить огромную лѣтопись. Не вхожу въ изслѣдованіе, передаю только, что слышно было лѣтъ за сорокъ и болѣе, и что повторилось послѣ такого же срока.

По кончинѣ императрицы московскіе батальоны вмѣсто Литвы, по предписанію вступили въ Москву. Павелъ I не желалъ и не искалъ случая къ войнѣ.

Въ Москву пришли мы совершенными рекрутами; заснули учеными фрунтовыми офицерами, проснулись, не зная первой буквы новаго устава. Но все это кое-какъ обошлось: учились полковые наши начальники, учились и мы. Это была круговая порука.

Однажды по вступленіи моемъ въ караулъ на гауптвахту Ивана Великаго дѣлалъ я перекличку по списку находившимся арестантамъ. Окончивъ весь распорядокъ по должности моей, сѣлъ обѣдать. Отъ тогдашняго московскаго сибарита Ѳедора Григорьевича Карина на каждый караулъ приносили мнѣ и роскошныя блюда и лучшія вина. Сидя въ скромной своей шинели, арестантъ Каченовскій пристально посматривалъ на меня. Полагая, что его прельщаетъ мой обѣдъ, я приглашалъ раздѣлить его со мною; но онъ отвѣчалъ, что уже обѣдалъ. «На что вы такъ пристально смотрите?» спросилъ я.

«На ваши книги» отвѣчалъ онъ. Такъ началось мое знакомство съ Михаиломъ Трофимовичемъ Каченовскимъ. Онъ былъ тогда въ

военной службѣ, а впослѣдствіи профессоромъ, издателемъ журнала Вѣстникъ Европы и ректоромъ Московскаго университета. О первоначальномъ моемъ съ нимъ знакомствѣ упомянуто было въ Московскомъ Вѣстникѣ и въ отдѣленіи русскаго слова С.-Петербургской академіи наукъ. Доводилась мнѣ очередь въ караулъ, я всегда запасался книгами; на этотъ разъ были со мною двѣ большія части примѣчаній Болтина на Русскую, исторію сочиненную Леклеркомъ. Услышавъ отъ Каченовскаго, что онъ охотникъ до чтенія, я передалъ ему мои книги, оставилъ ихъ у него и послѣ смѣны моей. Приходя въ караулъ на упомянутую гауптвахту, я нарочно бралъ съ собою нѣсколько книгъ и дѣлился ими съ печальнымъ арестантомъ, что̀ продолжалъ дѣлать и при перемѣщеніи его на Воскресенскую гауптвахту.

Не желая пробуждать никакихъ непріятныхъ воспоминаній въ умѣ арестантовъ, я никогда не тревожилъ ихъ разспросами о причинахъ ареста. Обращайте вниманіе на горестнаго человѣка,— сердце его само собою раскроется вамъ. Познакомясь со мною покороче, Каченовскій разсказалъ мнѣ о своей участи. По распоряженіямъ къ заграничной войнѣ, Ярославскій полкъ, стоявшій въ Москвѣ, назначенъ былъ въ корпусъ Корсакова, слѣдовавшій въ Швейцарію, а Каченовскому поручено было продать въ Москвѣ ненужныя полковыя вещи, въ числѣ которыхъ былъ и порохъ. Увлекаясь страстію къ ученью, онъ замѣшкалъ продажею вещей. Наконецъ бывшіе съ нимъ рядовые пришли къ нему съ вѣстію, что для покупки вещей нашлись охотники, и пора ихъ продать. «Я разбиралъ въ это время— сказалъ мнѣ Каченовскій,— съ помощію словаря, VI пѣснь изъ Вольтеровой Генріады и, уносясь въ небо, забылъ землю. Признаюсь также, что по неопытности моей я не зналъ, что для продажи пороха нужно предварительное свидѣтельство отъ коменданта, а потому приказалъ рядовымъ продать все гуртомъ. Продажа была явная; комендантъ узналъ о порохѣ, и я подвергся аресту». Но Каченовскій былъ счастливъ. У начальника его, генералъ-лейтенанта Дурасова, было сердце всегда готовое на добро. Освѣдомясь о бѣдѣ своего аудитора, онъ препроводилъ на высочайшее имя письмо слѣдующаго содержанія: «Въ военныхъ процессахъ Петра I сказано, что собственное признаніе паче свидѣтельства цѣлаго свѣта. Признаюсь, государь, что аудиторъ моего полка по приказу моему продавалъ порохъ и потому подвергаю себя суду».

Генералъ Дурасовъ продолжалъ свой путь, а Каченовскій былъ освобожденъ. Говорятъ, что благодѣянія часто происходятъ или отъ личныхъ выгодъ или отъ тщеславія. Но жаль однако, что и подлинное добро иногда забывается.

Помѣстивъ въ Вѣстникѣ Европы хорошую статью О духовныхъ витіяхъ, онъ могъ бы припомнить слѣдующія слова Іоанна Златоуста: «Передъ цѣлымъ міромъ вознесу имя благодѣтеля, питавшаго меня въ скудости моей». Прибавлю къ этому, что М. З. Дурасовъ былъ въ свою очередь жертвою той чувствительности, которая и при жизни часто отдаляетъ человѣка отъ свѣта.

Съ Ѳ. Г. Карпнымъ познакомили меня не одни роскошные караульные обѣды. Насъ болѣе всего сблизила взаимная склонность къ тогдашней русской и французской словесности.

Приготовленія къ новой войнѣ шли какъ будто мимо насъ. О Голландіи и островахъ Англіи нигдѣ не было и помину. Съ Италіей знакомили насъ богачи, расточавшіе золото на покупку оттуда подлинныхъ и поддѣльныхъ картинъ. Швейцарія была поизвѣстнѣе, потому что уроженцы ея начали замѣнять въ Москвѣ французскихъ наставниковъ. Съ Карпнымъ у насъ были споры о французскихъ и нашихъ писателяхъ. Служа въ молодости своей въ гвардіи, онъ отличался въ блестящихъ обществахъ ловкостью обращенія и остротою ума.

И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ былъ онъ въ связи со всѣми современными писателями, кромѣ Дмитріева и Карамзина. У Карпна въ свое время часто гостилъ баснописецъ Хемницеръ, оставилъ рукописныя Сказки, которыя укрылись и отъ печати, и отъ пересудовъ. Онѣ были въ духѣ вольныхъ Лафонтеновскихъ сказокъ. На обѣдахъ у Карпна познакомился я съ Крыловымъ, извѣстнымъ тогда по изданію только Зрителя. Е. И. Костровъ почти у него жилъ и у него большею частью переводилъ онъ міровую Иліаду и Оссіана. Съ Ѳ. Г. Карпнымъ познакомился я тогда, когда отъ семи тысячъ осталось у него три тысячи душъ. Первые мѣсяцы брака своего (ужаснаго послѣдствіями) раздѣлался онъ съ долгами, и у него была одна только дочь. Карточной игры онъ не терпѣлъ и не предавался тогдашнему волокитству. Какая же враждебная сила увлекла у него четыре тысячи душъ? Несчастное воспитаніе и неумѣніе цѣнить труды земледѣльцевъ. Внѣшній блескъ столицы заслонялъ тяжелыя заботы сельскаго быта отъ питомцевъ большаго свѣта; въ деревняхъ у богачей нерѣдко бывали заграничные наставники, уподоблявшіе нашихъ крестьянъ скотамъ. Повторяю и здѣсь съ благодарностью, что корпусной мой наставникъ графъ Ангальтъ училъ насъ цѣнить труды русскаго земледѣльца и передавалъ намъ глубокое свое уваженіе къ здравому ихъ смыслу. Карпнъ былъ ловкій молодой человѣкъ, пріятно объяснялся по-французски, обогатился различными свѣдѣніями и основательно зналъ русскій языкъ. Но способностямъ его недоставало необходимой дѣятельности, и потому

праздность и тщеславіе пристрастили его къ псовой охотѣ. У него былъ цѣлый полкъ нарядныхъ егерей, псарей и стрѣлковъ и стаи гончихъ и борзыхъ собакъ. На все у насъ была мода. За лихую борзую собаку, наперерывъ другъ передъ другомъ, платили по тысячѣ цѣлковыхъ и хвастали своею покупкой. Въ отъѣзжія поля, во Владимірское помѣстье, за Карпнымъ тянулся обозъ съ винами и со всѣми прихотями роскошныхъ причудъ. Со всѣхъ сторонъ стекались къ нему пріятели и льстецы; и на этихъ потѣхахъ возобновилась пышность древнихъ азіятскихъ сатраповъ, исчезало время и богатое наслѣдство. Лѣтъ за пять до моего знакомства уже все перемѣнилось. Подагра приковала Карпна къ постели и къ кресламъ. Его причисляли къ какимъ-то вольтерьянцамъ, но у него и помину не было ни о какомъ вольнодумствѣ философовъ XVIII столѣтія. Онъ весь, такъ сказать, жилъ въ трагедіяхъ Расина, переводилъ его Ифигенію; нѣсколько разъ переводилъ отъ перваго до послѣдняго стиха и, плѣняясь французскимъ подлинникомъ, переносилъ въ свои стихи даже строчные знаки. Я сперва возражалъ на это, что языкъ имѣетъ свои обороты, и что должно передавать духъ писателя, а не внѣшнюю оболочку его слога; но наконецъ уступилъ его настойчивости. Переводъ Ифигеніи отжилъ съ переводчикомъ.

Я слышалъ, что до размолвки своей съ женою Каринъ былъ снисходителенъ и кротокъ въ домашнемъ быту, а потомъ сдѣлался сварливымъ и безпокойнымъ. Мнѣ удавалось останавливать его порывы, за что и прислуга всегда радовалась моему пріѣзду, а это было почти каждый день. Имѣніе Карпна было отдано подъ опеку. Въ числѣ его опекуновъ былъ Юрій Александровичъ Нелединскій. Пріѣзжая по дѣламъ, онъ читалъ хозяину свои пѣсни. Изъ всѣхъ тогдашнихъ писателей одинъ Нелединскій не дарилъ меня никогда ни привѣтомъ, ни разговоромъ. Однажды только, но это было послѣ Карина, 1804 года, я былъ съ Нелединскимъ на обѣдѣ у княгини М. П. Голицыной. Разговаривая съ французскимъ учителемъ, онъ сказалъ: «Теперь французскіе маршалы получили почести и богатства, имъ нечего болѣе желать: и теперешняго своего роскошнаго быта не захотятъ промѣнять на дымные бивуаки; французская революція кончилась». Учитель соглашался. Я возразилъ изреченіемъ Мирабо, что революція кончится тогда, когда изъ Европы перейдутъ въ Америку. Они пропустили это мимо ушей. Обстоятельства опровергли ихъ предположенія. Нелединскій былъ игрокъ; а давно сказано, что у горячихъ игроковъ никакая политика не вырветъ картъ изъ рукъ. У нихъ свои соображенія. Меня не удивляла опрометчивость сужденій Нелединскаго. Но вотъ чему я не могъ не удивиться. Н. П. Николевъ, какъ было выше упомянуто, прибавилъ

очень основательныя политическія замѣчанія къ посланію своему къ княгинѣ Дашковой. Онъ былъ лучшимъ другомъ Карина; навѣщалъ его почти каждый день. Шатровъ, постоянный его вожатый, читалъ его сочиненія, но и онъ ни слова не говорилъ о тогдашнихъ необычайныхъ заграничныхъ происшествіяхъ. Даже въ исходѣ 1798 года переворотъ европейскій и наши приготовленія къ войнѣ—все это было для насъ дѣломъ постороннимъ.

Воспитаніе, богатство, роскошь, праздность отравили жизнь Карина, но сердце у него было доброе. По смерти московскаго архитектора Карина, остались въ горькой участи вдова его, два сына и двѣ дочери. Они не были ни въ какомъ колѣнѣ въ родствѣ съ Ѳ. Г. Каринымъ. По одному только имени онъ усыновилъ сиротъ. Заботился онъ и обо мнѣ. Однажды подалъ мнѣ бумагу и сказалъ: «Это ваше». То была на мое имя купчая или дарственность на шестьдесятъ калужскихъ его душъ. Я изорвалъ запись и сказалъ: «Не возьму; я никогда не буду имѣть человѣка, какъ собственность, и притомъ не понимаю сельскаго быта».

Но былъ и для меня душевный праздникъ. Каринъ переводилъ для Сандуновой оперу: М е д е я. Нуженъ былъ человѣкъ, который бы зналъ языки и музыку. Съ Д. Н. Кашинымъ познакомилъ меня Сандуновъ, а я ввелъ его къ Карину. Кашинъ принадлежалъ тогда Г. И. Бибикову. Восхищаясь музыкальнымъ его искусствомъ и голосомъ русскихъ пѣсенъ, Каринъ сказалъ мнѣ: «Надобно какъ-нибудь освободить Данилу Никитича изъ крѣпостнаго состоянія. Сперва нападемъ на сердце его господина, а если эта попытка не удастся, я ничего не пожалѣю, чтобъ его выкупить. Вѣдь я еще не совсѣмъ промотался».

Кашинъ былъ въ восторгѣ; а я предложилъ, чтобы для этого пригласить на совѣщаніе и Сандунова. Это было дня за три до 1799 года, памятнаго для меня и незабвеннаго для Кашина. Сандуновъ тотчасъ пришелъ и по общему согласію положено было, чтобъ я писалъ то, что мы трое будемъ соображать. Вотъ начало письма. «Вы называете меня крестникомъ старшаго сына вашего Александра Гавриловича. Онъ крестилъ меня, отправляясь для укрощенія пугачевскаго бунта [1]). Между различными должностями былъ онъ начальникомъ русскаго петербургскаго театра и по любви ко всему отличному онъ желалъ, чтобъ я, крестникъ его, былъ актеромъ или музыкантомъ. Вы поручили меня знаменитому Сартію. Я былъ съ

---

[1]) Тутъ явная ошибка. Отецъ Александра Ильича, побѣдителя Пугачева, Илья Александровичъ умеръ еще въ 1784 году. Дѣло, конечно, идетъ о другихъ Бибиковыхъ.

нимъ въ то время въ Яссахъ, когда мой наставникъ сочинилъ для князя Таврическаго концертъ: Тебе Бога хвалимъ, сопровождаемый ста пушечными выстрѣлами. Кромѣ музыки я пріобрѣлъ знаніе языковъ. Итальянскій языкъ ознакомилъ меня съ Аріостомъ и съ Тассомъ. Вы дали мнѣ новую жизнь, и я вашъ крѣпостной слуга». Я хотѣлъ прибавить: «Вы отецъ всѣхъ вашихъ людей». Каринъ прервалъ: «Къ чему это? двухъ дѣлъ не надо смѣшивать; мы просто говоримъ объ одномъ Кашинѣ». Сандуновъ совѣтовалъ написать, что такъ какъ Кашинъ даетъ уроки въ нѣкоторыхъ дворянскихъ домахъ, то наши бояре говорятъ: «Конечно, Кашинъ искусный музыкантъ; мы бываемъ въ его концертахъ; но онъ крѣпостной человѣкъ, и намъ неловко призывать его для уроковъ нашимъ дочерямъ». Я включилъ въ письмо слова Сандунова и съ общаго согласія прибавилъ: «Вы не только ничего не взыскиваете съ меня, но позволяете мнѣ жить въ домѣ своемъ; вы не употребляете меня ни для какихъ домашнихъ должностей. Но осмѣливаюсь сказать: вы въ крѣпостномъ моемъ состояніи не можете еще вполнѣ убѣдиться въ приверженности моей къ вамъ. Окажите мнѣ послѣднее благодѣяніе. перемѣните мою участь, и вы увидите всю приверженность и благодарность къ вамъ свободнаго моего сердца». Кашинъ поспѣшилъ къ своему господину. Часа черезъ два онъ прибѣжалъ къ намъ, запыхавшись и въ восторгѣ душевномъ, и бросясь обнимать насъ, повторялъ: «Я свободенъ, я свободенъ!» И шампанское закипѣло въ бокалахъ. И съ какимъ выраженіемъ игралъ Кашинъ на фортепіанахъ русскія пѣсни! То былъ первый день его свободы.

При содержателѣ Медоксѣ, я, говоря французскою рѣчью, былъ: «en possession de scène; но этимъ хозяйствомъ завѣдывалъ не одинъ. Я снабжалъ операми, а А. Ѳ. Малиновскій переводными произведеніями театра Коцебу. Забылъ я и счетъ переведеннымъ мною операмъ, да и онѣ канули въ Лету. Но въ офицерскомъ быту онѣ были для меня большимъ подспорьемъ. Распѣвали на театрѣ мои оперы, да и я жилъ тогда отъ нихъ припѣваючи. Однажды въ полторы недѣли перемахнулъ я съ французскаго и подъ французскую музыку пять оперъ. Медоксъ ахнулъ и увѣрялъ, что въ Англіи о такой быстрой работѣ возблаговѣстили бы во всѣхъ газетахъ.

«Однако же», прибавилъ онъ: «оставьте ваши рукописи у меня для сличенія ихъ съ подлинниками».

Михайло Егоровичъ Медоксъ былъ добрый человѣкъ, но и у него водилась чахотка въ карманахъ, а потому я возразилъ:

«Не оставлю и если сей же часъ не получу условленныхъ денегъ за мой трудъ, то всѣ рукописи мои изорву въ клочки».

Настойчивость моя побѣдила, и я получилъ семьсотъ рублей.

Не знаю, такой ли ощущалъ Колумбъ восторгъ, открывъ новый свѣтъ, какой чувствовалъ я, получа въ первый разъ такое огромное количество трудовыхъ денегъ. Тѣмъ еще болѣе я былъ радъ, что на собственныя мои деньги могъ препроводить на родину московскіе гостинцы матери и сестрѣ.

«Ты будешь жить своими трудами», подумалъ я. А что можетъ сравниться съ тѣмъ счастьемъ, чтобы жить своимъ трудомъ и удѣлять изъ него и другимъ!

Эта новая мечта прильнула тогда къ прежнимъ мечтамъ и улетѣла, какъ сонъ мгновенный!

Содержатель прежняго Московскаго театра былъ ума изворотливаго и, когда сгорѣлъ на Остоженкѣ деревянный театръ, онъ былъ главнымъ основателемъ новаго, каменнаго. Хотя театръ составлялъ главный источникъ его доходовъ, но на большомъ его театрѣ давали только семьдесятъ пять представленій.

Вотъ какъ это происходило.

Когда сочинители и переводчики приносили къ Медоксу произведенія свои, онъ приглашалъ актеровъ на совѣщаніе: принять пьесу или нѣтъ. Если принятіе по прочтеніи предлагаемой піесы утверждалось большинствомъ голосовъ, тогда содержатель удалялся, предоставляя каждому выборъ своей роли. Потомъ, возвратясь на совѣщаніе съ новымъ вопросомъ: во сколько времени принятая пьеса можетъ быть выучена? срока на это нигдѣ не убавлялъ онъ, но, смотря по піесѣ, и прибавлялъ.

Были тогда въ Московскомъ театрѣ подлѣ оркестра табуреты, занимаемые тогда, такъ сказать, присяжными любителями театра. У нѣкоторыхъ изъ нихъ были и свои домашніе театры. Содержатель приглашалъ и ихъ, и сочинителей, и переводчиковъ на репетицію. Если приглашенныя лица единодушно утверждали, что пьеса идетъ успѣшно и что каждый изъ актеровъ вникъ въ душу роли своей, тогда назначалось главное представленіе. Въ противномъ случаѣ отлагалось еще на время. Повтореніе такъ изощряло память, что суфлеръ почти вовсе былъ не нуженъ. Скудны были декораціи, но мечта существовала, душа прислушивается къ слову душевному. Извѣстно, что пылкій Дидеротъ въ трагедіяхъ и драмахъ сидѣлъ въ ложѣ зажмурясь.

«Я хочу», говорилъ онъ: «сливаться душою съ душами дѣйствующихъ лицъ, а для этого мнѣ глаза не нужны: на нихъ дѣйствуетъ вещественное, а для меня театръ—міръ отвлеченный».

Кромѣ большаго театра былъ тогда въ Москвѣ лѣтній театръ въ Воксалѣ. Въ отжившемъ Воксалѣ былъ садъ и очень изрядный комнатный театръ, на которомъ актеры дѣйствовали, не опасаясь ни не-

*

настья, ни ударенія солнечныхъ лучей. На немъ давали оперы по двѣ въ одномъ дѣйствіи и такого же рода комедіи. Послѣ представленія былъ балъ и ужинъ. А все это не превышало тогда пяти рублей. Можно было увидѣться съ знакомыми, нагуляться въ саду, быть въ театрѣ, на балѣ и на ужинѣ. Теперь память о Воксалѣ осталась только въ пѣснѣ, также забытой, а тогда сочиненной по случаю привезенія въ Москву плѣннаго шведскаго адмирала-красавца. Въ пѣснѣ говорено было, что въ суетливомъ вихрѣ круженія головъ модныя матушки и дочки полетѣли за нарядами:

Какъ сказали, что въ Воксалъ
Будетъ шведскій адмиралъ.

Въ саду Воксала Медоксъ предполагалъ выстроить театръ для народа и для представленія однѣхъ народныхъ пьесъ.

«Вотъ мой батюшка!.. говорилъ онъ мнѣ: тутъ у насъ будутъ играть актеры новички, а кто изъ нихъ отличится, того переведемъ на большой театръ»...

На прежнемъ театрѣ актеры сами вызывались быть актерами. Есть вдохновеніе, дѣйствующее мимо всѣхъ училищъ.

Корреджій глазами и душою всматривается въ картину Рафаеля и восклицаетъ: «И я живописецъ!» и—онъ былъ живописцемъ. Померанцевъ готовился въ дьячки, нечаянно завернулъ въ театръ, присматривался, прислушивался къ игрѣ актеровъ; въ груди, въ мысли его вспыхнуло вдохновеніе, и онъ сказалъ: «И я актеръ». И онъ былъ тѣмъ актеромъ, котораго Карамзинъ сравнивалъ съ французскимъ актеромъ Моле. Карамзинъ былъ въ Парижѣ и видѣлъ Моле. Я не былъ въ Парижѣ и не видѣлъ, но вотъ что скажу о Померанцевѣ. Умно разыгрывалъ онъ комедіи, а въ драмахъ въ каждомъ отголоскѣ его была душа, были слезы. Мимики вовсе не было въ немъ, она не нужна была для него. Проперцій говорилъ своей Цинтіи: «Искусство не для тебя!» А Вольтеръ повторилъ въ З а и р ѣ: «L'art n'est point fait pour toi, tu n'en a pas besoin».

«На что тебѣ искусство? Оно не твой удѣлъ, твоя наука—чувство»—это мои давнишніе грѣхи и стихи къ портрету Померанцева.

Смѣялись бы, если бъ у кого все дѣйствіе драматическое сосредоточилось въ указательномъ пальцѣ. Но это было единственнымъ движеніемъ или жестомъ Померанцева, и этотъ указательный палецъ указывалъ прямо на волненіе сердецъ и слезы зрителей. Въ трагедіяхъ Померанцева—не было Померанцева. Я видѣлъ его въ трагедіи Сумарокова С и н а в ѣ и Т р у в о р ѣ. Онъ игралъ Гостомысла и не умѣлъ или, лучше сказать, природное его чувство противилось выражать натяжки искусственнаго сплетенія рифмъ. Не знаю, почему трагедіи названы благородными, а драмы трагедіями мѣщанскими;

извѣстно, что названіе трагедіи у грековъ произошло отъ чернаго козла. Чванство трагическое, привыкнувъ ходить на ходуляхъ, переселяется и не въ театральное чванство. Во Франціи кичливый трагическій актеръ Баронъ, а у насъ добродушный Плавильщиковъ такъ иногда вскрикивали, какъ вскрикиваетъ вельможа въ пылу раздраженнаго самолюбія.

Шушеринъ удивительно ходилъ въ трагедіяхъ на ходуляхъ: каждый шагъ его былъ разсчитанъ, каждое движеніе обдумано. Всѣ свои трагическія роли твердилъ онъ и обработывалъ передъ зеркаломъ. Онъ, такъ сказать, не игралъ, онъ повелѣвалъ надъ собою на театрѣ. Голосъ Шушерина, осанка, движенія, —все было въ немъ трагико-искусственно. Но не прибѣгая къ зеркалу, извлекалъ онъ слезы въ двухъ драмахъ Коцебу: въ Сынѣ любви и Попугаѣ. Въ этой послѣдней игралъ онъ роль негра Ксури и кажется былъ Ксуріемъ.

Снабжалъ я операми и Большой театръ, и Воксалъ, а между тѣмъ предпріимчивый Сила Сандуновъ вступилъ въ борьбу съ Медоксомъ. Въ сопровожденіи Плавильщикова Сандуновъ прибылъ ко мнѣ въ Лефортовскія казармы, гдѣ тогда помѣщался нашъ полкъ. «Сергѣй Николаевичъ», сказалъ онъ мнѣ: «мы пришли отъ лица нашихъ товарищей убѣждать васъ, чтобы вы прекратили сношеніе ваше съ Медоксомъ. Стыдно намъ, русскимъ, зависѣть отъ иноземца: мы намѣрены взять театръ на свой отчетъ».

Зная, что трагикъ Шушеринъ и нѣкоторые другіе его товарищи не расположены къ Сандунову и женѣ его, я отвѣчалъ:

«Вамъ не удастся столкнуть Медокса: вы сами въ раздорѣ между собою».

«Да знаете ли вы, вскричалъ Сандуновъ: что Медоксъ пріѣхалъ въ Москву съ однимъ своимъ ремесломъ лубочныхъ театровъ!»

— Это вздоръ, возразилъ я.—Ремесломъ никого нельзя упрекать.

— Итакъ, продолжалъ Сандуновъ — вы не хотите содѣйствовать въ пользу своихъ соотечественниковъ?

— Не правда, отвѣчалъ я — у Медокса за одно дѣйствіе беру я по пятидесяти рублей, а у васъ за оперу въ два и три дѣйствія беру отъ десяти до пятнадцати.

Было еще нѣсколько словесныхъ перестрѣлокъ, и наконецъ я сказалъ:—вы не собьете Медокса, а сами еще болѣе перессоритесь и разойдетесь въ различныя стороны.

Такъ и случилось. Подъ знаменами трагика Шушерина нѣсколько актеровъ, а въ томъ числѣ актрисы Синявская и Калиграфова, Мельпомены тогдашняго Московскаго театра, перешли на Петербургскій театръ.

Между тѣмъ юный Бонапартъ, возмужавшій побѣдами на поляхъ

Италіи, подобно Юлію Цезарю, какъ будто въ одно мгновеніе мелькнулъ въ трехъ частяхъ древняго міра: и на волнахъ моря Средиземнаго, и у пирамидъ Египетскихъ, и въ предѣлахъ Сиріи. Въ то же время, т. е. въ 1799 году, по всему пространству Рейна, отъ истока его до впаденія въ море, кипѣли битвы грозныя, непрерывныя. Англія опасалась потрясенія владычества своего въ Восточной Индіи; Австрія видѣла паденіе древняго зданія германскаго. Англія и Австрія прибѣгли къ Павлу I и въ вожди войскъ ихъ просили Суворова. Павелъ принялъ на себя санъ покровителя вѣковаго рыцарства Мальтійскаго и изъявилъ согласіе. А Суворовъ, говоря его словами, изъ сельскаго своего уединенія, гдѣ въ скромной церкви на клиросѣ «пѣлъ басомъ, полетѣлъ пѣть Марсомъ». И Марсъ древнихъ римлянъ изумился быстрому полету сѣвернаго Марса.

Но, побѣждая штыками, Суворовъ принужденъ былъ сражаться и съ батареями дипломатическими. И въ этой борьбѣ герой Италіи писалъ къ графу Ростопчину, тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ [1]): «Дайте мнѣ волю или вольность. Чужую кровлю кроя, свою не должно раскрывать». Гремѣли побѣды за побѣдами къ поддержанію кровель Англіи и Австріи.

Но ряды побѣдъ требуютъ новыхъ вспомогательныхъ рядовъ войскъ. Въ это время и въ число вновь назначенныхъ войскъ включенъ былъ и осьмисотный отрядъ изъ осьми батальоновъ нашего Архаровскаго полка. Офицеры всѣхъ нашихъ батальоновъ собраны были на обширный дворъ Лефортовскихъ или Головинскихъ казармъ. Начался выборъ изъ насъ въ походъ, въ присутствіи начальника нашего, Ивана Петровича Архарова, и московскаго коменданта, Гессе. Изъ батальона, гдѣ я служилъ, назначили капитана Есипова. «Ваше высокопревосходительство», сказалъ онъ: «у меня двѣсти разстроенныхъ душъ, да я же и языковъ не знаю; а штабсъ-капитанъ Глинка говоритъ по-французски». Есиповъ былъ любимецъ нашего полковника, почему и былъ подкрѣпленъ имъ. Отъ несправедливости сердце мое всегда кипѣло и тутъ сильно вспыхнуло: вынувъ изъ кармана пяти-рублевую ассигнацію, я сказалъ: «Вотъ теперь все мое состояніе, но я иду!» Тутъ стали обнимать меня начальники и полковникъ А. Н. Сухотинъ сказалъ мнѣ: «Третьяго дня я сердился на васъ, полагая, что вы умышленно громко возразили на мои слова. Но теперь вижу, что еще громче вызываетесь на поле битвы и славы».

Много еще сыпалось на меня похвалъ. А я думалъ: пусть умру, пусть убьютъ, и пусть смерть моя сохранитъ жизнь другаго. Жизнь

---

[1]) Т. е. первоприсутствующему въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ

вещественная никогда не льстила меня, и я никогда не заботился о ней.

Но Провидѣніе мимо меня заботилось обо мнѣ. На другой день послѣ вызова моего, тогдашній рачительный оберъ-полиціймейстеръ Эртель пріѣхалъ къ Архарову съ докладомъ и съ какими-то рукописными стихами, которые относили на мой счетъ. Иванъ Петровичъ возразилъ:

— Не всякому слуху вѣрьте. Штабсъ-капитанъ Глинка вчера передъ цѣлымъ полкомъ доказалъ и показалъ усердіе къ государственной службѣ. Онъ самъ вызвался въ походъ.

А я прибавлю по совѣсти, что тогда перо мое не черкнуло и буквы подсудимой. Походъ нашъ въ Италію не состоялся. По приходѣ нашего отряда въ Брестъ-Литовскъ, русскія войска возвращались уже изъ-за границы.

Въ Москву возвратился я капитаномъ. Рота моя ознакомилась и сблизилась со мною. Надо мною подшучивали, будто я не зналъ и дороги въ свою роту. Это неправда. Кто знаетъ дорогу къ сердцамъ солдатъ, тому нельзя не знать дорогу къ жилищу ихъ. Я зналъ, когда надобно ходить, и ходилъ безъ повѣстокъ.

Но то правда, что я не любилъ затороплять и суетить людей. Училъ менѣе другихъ, а у меня молодецки выбрасывали ружьемъ. Голосъ у меня былъ споровистый, а ласка одушевляла солдатъ. Болѣе года управлялъ я ротою, и въ это время только двумъ рядовымъ дано по пятнадцати палокъ, и то по особенному случаю: ихъ подняла хмѣльными на улицѣ полиція. На другой день рота черезъ унтеръ-офицера просила, чтобы виновные были наказаны, и б о о н и д ѣ л а ю т ъ с т ы д ъ р о т ѣ. Въ это время рощи подъ Головинскимъ дворцомъ не были еще расчищены. Густота ихъ способствовала побѣгу солдатъ: у меня не было ни одного бѣглеца. Нерѣдко доводилось мнѣ ходить въ караулъ за маіора, и тогдашній главнокомандующій, графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, каждый разъ говорилъ мнѣ:

— Пора! пора въ маіоры; у васъ и голосъ не капитанскій.

Но у меня не то было на умѣ. Готовясь къ войнѣ, я еще болѣе убѣдился, что неспособенъ къ ней, и что на поприще ея не заманивали меня ни чины, ни почести.

Врожденное отвращеніе отъ крови все преодолѣвало. Вступилъ я уже на чреду пятьдесятъ девятаго, но и теперь при случаяхъ кровопусканія бѣгу изъ дома.

Были свои отвращенія и у великихъ міра. Въ Р у с с к о м ъ моемъ В ѣ с т н и к ѣ помѣщенъ былъ старшаго гвардейскаго унтеръ-офицера Капина о Петрѣ Первомъ разсказъ, въ которомъ между прочимъ

восклицаетъ: «Чудное дѣло! Такой великій человѣкъ боялся такой малой твари!» [1]).

Слышалъ я еще и другой разсказъ о Петрѣ Первомъ. Сказываютъ, что, отправляя однажды денщика дневальнаго для занятія ночлега, государь далъ наказъ, чтобы тамъ не было ни малой твари, ни набольшаго. Учиня осмотръ отъ нашествія малой твари, денщикъ не догадался приказать вынести колыбель изъ застѣнной горницы. Ночью раскричался ребенокъ. Петръ проснулся, кликнулъ денщика и сказалъ:

— Вѣдь я тебѣ говорилъ, чтобъ не было ни малой твари, ни набольшаго.

Изумленный денщикъ съ робостію отвѣчалъ:

— Да кто же, государь, здѣсь болѣе васъ?

— Ребенокъ, возразилъ Петръ и велѣлъ осторожно перемѣстить колыбель.

Меня не безпокоитъ крикъ младенцевъ, но я содрогаюсь, когда идя мимо высокаго дома вижу у окна ребенка, не видя за нимъ няньки. Не страшитъ меня крикъ и боярской спеси, хотя часто у меня лилась отъ него кровь, но то была моя кровь, а потому и не пугала меня.

Какъ бы то ни было, но въ исходѣ 1800 года я вышелъ въ отставку. Походъ и принятіе роты отклонили меня отъ работы на театръ, отъ чего я нуждался въ деньгахъ. Рота, узнавъ объ этомъ, нарядила ко мнѣ фельдфебеля Такаева и унтеръ-офицера съ блюдомъ и на немъ съ двумя стами рублей.

— Рота, сказали они,—узнала, что у васъ нѣтъ на дорогу денегъ. Помня вашу любовь къ намъ и ваши награды, рота проситъ вамъ вмѣсто хлѣбъ-соли принять двѣсти рублей.

Я благодарилъ моихъ добрыхъ сослуживцевъ, но денегъ не взялъ.

Опера моя: Наталья боярская дочь, сблизила меня съ Сандуновымъ, и при посредствѣ его я продалъ князю Долгорукову библіотеку мою за триста рублей.

Припомню здѣсь, что послѣ перваго представленія моей Натальи, въ первый маскарадъ въ залѣ Благороднаго Собранія, князь Ю. В. Долгорукій явился въ одеждѣ боярина Матвѣева; зять его, Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ, въ одеждѣ Алексѣя; знаменитая княгиня Дашкова въ нарядѣ Натальи, и такъ далѣе. Такимъ образомъ вся опера моя перешла въ маскарадъ и года черезъ

---

[1]) Таракана.

четыре сошла съ театра, уступивъ мѣсто драмѣ моей того же имени, также давно отжившей.

Незадолго до отставки моей, умеръ мой добрый пріятель Панценбитеръ, вышедшій изъ кадетскаго корпуса тремя годами прежде трагика Озерова. Превосходно зналъ языки и очень умно писалъ по-русски; на французскомъ языкѣ сочинилъ онъ трагедію Красъ и Посланіе къ сибариту, то-есть къ самому себѣ. Вотъ первый стихъ:

Sybarite indolent, énervé de mollesse!

Скудный жребій отдалялъ его въ прозѣ жизни отъ нѣги сибаритской, но, страшное дѣло, богатыя его познанія не доставляли ему никакой службы. Я не былъ еще тогда знакомъ съ Н. М. Карамзинымъ, а пріятель мой часто съ нимъ обѣдалъ, и когда Карамзинъ послѣ обѣда курилъ трубку, онъ читалъ ему свою комедію: Пять тысячъ рублей. Слѣдующія мѣста особенно забавляли Карамзина:

ЛЮБОДЕНЬГИНЪ.

Племянницѣ моей сыскался женишекъ,
Богатый секретарь, почтенный старичекъ.
Я съ рода моего, въ теченіе полвѣка,
Не видывалъ еще честнѣе человѣка.
Онъ денегъ за женой не проситъ ничего;
Нельзя не выдать мнѣ Клариссы за него.
Пусть качествами онъ съ Клариссою несходенъ:
Не качествами мужъ,—количествами годенъ.

Еще болѣе смѣялся Карамзинъ, слушая любовную челобитную Секретаря Закорючкина къ племянницѣ Любоденьгина, вотъ она:

Я, именованный Василій Закорючкинъ,
Въ теченье двадцати и девяти годовъ,
Лишился двухъ супругъ и днесь остался вдовъ:
Супругу третью мнѣ потребно того ради.
А поелику вы зависите отъ дяди,
Который обѣщалъ поставить мнѣ жену...
Жениться я на васъ никакъ не премину.

Стихи эти у меня запечатлѣлись въ памяти, а комедія, вмѣстѣ съ подрядными моими операми, давнымъ давно канула въ Лету.

Важнѣе всего то, что содѣйствіемъ Н. М. Карамзина бывшій тогда начальникомъ Московскаго театра князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ купилъ для театра Пять тысячъ рублей за пятьдесятъ рублей! Было время, когда для насъ, инвалидныхъ тружениковъ чернильныхъ, и это казалось очень много.

Высказалъ я причину, что вызывало меня въ отставку, но, по младенческой моей безпечности, не придумалъ, чѣмъ и какъ буду

жить въ отставкѣ? Изъ дома я ничего не получалъ, отъ работы отдалился, оставляя Москву. Но, отдавъ себя безусловно подъ щитъ Провидѣнія, я и теперь, на западѣ жизни, не заношусь вдаль: живу какъ живется и нейду на перекоръ судьбѣ. Тѣнь брата моего! я не ссорюсь съ тобою. Слезами любви на могилахъ праотеческихъ орошалъ я прахъ твой, а здѣсь выскажу истину. Возвратясь на родину послѣ отставки, я на родинѣ не встрѣтилъ родины. Со смертію отца моего пошатнулась полная чаша домовитая и часъ отъ часу оскудѣвала. Увидалъ, что со смертію отца все измѣнилось. Послѣ него имѣніе осталось чистое: по заемнымъ письмамъ слѣдовало намъ еще получить тысячъ до семи. Итакъ нужно только было охранять и сохранять. Вскорѣ увидятъ, что я ни до чего на родинѣ не дотронулся и перстомъ. Кромѣ любви къ отцу и матери, я былъ на ней лицо постороннее. А потому, какъ наблюдатель посторонній, говорю: грѣхъ было старшему брату моему Василію продавать лучшую деревню нашу на Вопи, гдѣ цвѣли рощи дубовыя, гдѣ нивы золотились жатвою обильной и гдѣ луга приречные доставляли травы ароматныя. Грѣхъ ему это было и предъ доброй и снисходительной матерью, и передъ братьями малолѣтними. Грѣхъ ему было продавать промышленнику рекрутами девять человѣкъ. Стыдъ великій, позоръ и горе той странѣ, гдѣ торгуютъ человѣчествомъ! Отчего и въ тѣсныхъ предѣлахъ семействъ, и въ областяхъ обширныхъ, вслѣдъ за неправдами человѣческими идетъ судъ Божій! Повторяю и здѣсь, что Фридрихъ Второй относитъ это къ тайнымъ судьбамъ Провидѣнія. Въ вихрѣ свѣта, въ суетахъ жизни эти тайны летятъ мимо очей, но проявляются въ свое время. Насталъ судъ Божій и надъ родиной моей. Отъ повальной болѣзни грозная смерть въ нѣсколько дней изъ лучшихъ и зажиточныхъ дворовъ вырвала двадцать пять человѣкъ въ полнотѣ ихъ жизни и цвѣтущей молодости. 1801 года, противъ обыкновенія своего, родительница моя отправилась на масляницѣ за Смоленскъ въ деревню Рай, въ семи верстахъ отъ города, принадлежащую одному изъ родственниковъ нашихъ. Дня три я былъ въ разъѣздахъ по роднымъ и, возвратясь въ Рай, засталъ мать мою, сидѣвшую въ креслахъ съ повязанною шеей. Цѣлую руку и слышу:

— Сергѣй, я умру!

— Не умирайте, сказалъ я, прослезясь: — при васъ мнѣ ничего не нужно, а безъ васъ все брошу на родинѣ и уѣду въ Украйну учителемъ.

Вскорѣ увидятъ, что это сбылось.

Сердце мое сильно волновалось; но я не подозрѣвалъ, что роковой часъ на шагъ отъ матери моей: зная, что при каждомъ усиленіи долголѣтней ея болѣзни опасность близка, она въ тотъ же мигъ посылала за священникомъ.

Хозяева и гости пошли ужинать. Я остался у постели матери моей. Вдругъ слышу ея рыданіе. Въ смущеніи душевномъ спрашиваю. О чемъ вы, матушка, плачете?

— Я умру! отвѣчала она:—а сестра твоя, единственная моя дочь, останется въ бѣдности.

— Я отдамъ ей все мое наслѣдство, сказалъ я.

— Отдашь?

— Богомъ свидѣтельствую, что отдамъ!

Тутъ она меня перекрестила, и это было послѣднее ея благословеніе.

Между тѣмъ старшій братъ мой пріѣхалъ изъ Смоленска съ книгою и съ повытчикомъ гражданской палаты для утвержденія за нимъ всего имѣнія.

— Поздно, сказалъ я ему, обливаясь слезами:—поди поклонись праху матери, а я исполню данное ей слово.

Я исполнилъ это святое слово и отдалъ сестрѣ все наслѣдство движимое и недвижимое. Не хвалюсь этимъ. Я отдалъ крестьянъ какъ будто бы бремя, тяготившее меня. Люблю человѣчество, но людьми править не умѣю. Я отдалъ движимость, потому что мнѣ некуда было ее дѣвать.

XIV.

Мое одиночество.—Первое время въ Москвѣ.—Кашинъ.—Его разсказы.—Сандуновъ.—Защита угнетенной невинности.—Мое учительство. Родное слово.—Самообразованіе.—Возвращеніе въ Москву. Платоническія поѣздки въ Петербургъ.—А. А. Тучковъ.—Увлеченіе Наполеономъ. Подвиги Тучкова.—М. М. Тучкова.—Очерки Москвы и Петербурга 1806 г.—Мѣры правительства.—Дворянскіе выборы въ Москвѣ.—Н. С. Мордвиновъ.—Докторъ Фрезъ.—Графъ Бутурлинъ.—Смерть Фреза. Воспоминаніе о Потемкинѣ.—Посѣщеніе Хераскова.—Предложеніе князя Ю. В. Долгорукова. Проводы изъ Москвы.—Путешествіе въ Петербургъ.—Н. А. Радищевъ. Его отецъ А. Н. Радищевъ.—Новгородъ.—Историческія воспоминанія.

Лишась отца и матери и отдавъ все мое наслѣдство, я остался круглымъ сиротою на бѣломъ свѣтѣ. Куда преклонить голову? Куда ѣхать и зачѣмъ ѣхать? Но и на этомъ бурномъ океанѣ предположеній я, колыбельный младенецъ на двадцать четвертомъ году жизни моей, я ринулъ мой челнокъ подъ паруса судьбы и подъ щитъ Провидѣнія. А для этого не нужны ни торговыя, ни маклерскія книги, а довѣренность и безусловная надежда на Провидѣніе. А потому, поклонясь праху отцовъ, осенью 1802 года взялъ я почтовыхъ и отправился изъ Смоленска въ Москву, не

только не льстя себя никакими надеждами, но даже и не лелѣя воображенія очарованіемъ мечты. На берегахъ Москвы рѣки очутился я съ семьюдесятью-пятью рублями, и то не надолго. Дня черезъ три, играя въ банкъ, я спустилъ и денежное мое достояніе и остался при пяти рубляхъ. Ѣду изъ гостей домой, — были уже сумерки, — идетъ пріятель мой Кашинъ и окликаетъ меня; я сошелъ съ дрожекъ и пригласилъ его къ себѣ на послѣднія деньги роспить бутылку донскаго при радостномъ свиданіи. Вино принесли: уплатилъ извозчику и, въ полномъ смыслѣ, остался голъ, какъ соколъ, только не съ соколиной замашкой. Но я бѣднякъ, поставленный судьбою въ тотъ вечеръ на череду первостепенныхъ бѣдняковъ, бесѣдую съ пріятелемъ моимъ Кашинымъ о великолѣпномъ князѣ Таврическомъ. Долго бесѣдовали мы съ Кашинымъ, который учился музыкѣ у знаменитаго Сартія и сопровождалъ его въ поѣздкахъ съ княземъ Потемкинымъ. Въ своемъ родѣ, Сартій былъ такой же романтикъ, какъ и Потемкинъ: оба они думали, что умъ парящій дѣйствуетъ мимо правилъ, оцѣпляющихъ мысль человѣческую. Мнѣ разсказывалъ Кашинъ, что однажды, по порученію князя, Сартій написалъ музыку на Тебе Бога хвалимъ, въ которой съ голосами пѣвчихъ сливались громы пушечные. Разсказывалъ мнѣ онъ также о томъ волшебномъ пирѣ, который давалъ Потемкинъ Екатеринѣ и всему двору.

Онъ видѣлъ то дивное мгновеніе, когда при звукахъ невидимаго хора:

Стой, не лети ты, время!
И благъ нашихъ не лишай:
Жизнь наша есть цѣпь печалей!..

князь Таврическій лобызалъ державную руку Екатерины и передъ ея лицемъ и среди великолѣпныхъ пышностей, совокупленныхъ изо всѣхъ краевъ вселенной, подобно Соломону и Кесарю, признался, что все величіе земное мечта и прибавилъ:

Жизнь наша есть цѣпь печалей!..

Я припомнилъ въ разговорахъ нашихъ, что этотъ великолѣпный праздникъ давался въ честь взятія Измаила, и что главнаго виновника торжества, Суворова, тутъ не было. Вѣроятно, что князь Потемкинъ отдалилъ умышленно Суворова, опасаясь, чтобъ онъ не напроказилъ и ногою діогеновскою не попралъ бы всѣхъ пышныхъ его затѣй. Припомнилъ я, что тогда Суворовъ былъ въ Финляндіи, откуда къ племяннику своему, князю Горчакову, писалъ: «Я въ непрестанной мечтѣ!» А что значили, прибавилъ я: передъ этою перелетною мечтою огни, подобно безчисленнымъ звѣздамъ, блиставшіе въ чертогахъ Таврическихъ! Что значитъ передъ этою мечтою садъ,

превращенный въ дивный садъ Армиды, какъ будто бы утопавшій въ морѣ пламени разноцвѣтнаго!

Прощаясь съ Кашинымъ, я, говоря Омировски, въ отчужденіи отъ всего вещественнаго міра, легъ спать, не думая о будущемъ.

«Спись добро хотя во снѣ», говорить пословица. Но мнѣ на яву приснилось то, чего бы и сонъ не выдумалъ. Просыпаюсь и вижу Сандунова, который, какъ онъ сказалъ, около часу сидитъ у моей постели.

— Забываюсь подъ крыломъ сна, какъ младенецъ безпечный на ложѣ нѣжной матери. Виноватъ, но что проку въ томъ, что я проснулся, когда въ карманѣ нѣтъ ни копѣйки, — сказалъ я.

— А хочешь ли имѣть сейчасъ полторы тысячи годоваго дохода?

— Хочу, но только трудовыхъ.

— Трудовыхъ, и очень трудовыхъ. Хочешь ѣхать въ Украйну учителемъ? — сказалъ Сандуновъ.

— Для трудовъ готовъ пуститься хотя на край свѣта; гдѣ трудъ, тамъ и пріютъ мой, а въ Украйну съ удовольствіемъ. За нѣсколько часовъ до смерти моей матери я сказалъ ей, что, лишась ея, брошу все и поѣду въ Украйну учителемъ. Благословеніе матери извлекаетъ со дна моря: на мнѣ одномъ изъ всего семейства опочило оно и теперь извлекаетъ меня изъ бездны нужды. Но, — прибавилъ я, — къ кому же я поѣду?

Сандуновъ разсказалъ мнѣ, что богатый украинскій помѣщикъ Д. А. Х—въ отправился въ Петербургъ, чтобы съ графомъ Кутайсовымъ взять винный откупъ на Украйнѣ, но что дѣла остановили его, и что онъ ищетъ теперь учителя для трехъ сыновей.

Расторопный Сандуновъ любилъ услуживать пріятелямъ, гдѣ не было перекора его выгодамъ. Въ быту общественномъ и это не бездѣлица: другой и пальцемъ не коснется къ облегченію чужой ноши. Онъ познакомилъ меня съ Х—мъ, и я немедленно получилъ отъ него тысячу рублей въ зачетъ учительскаго жалованья. Х—въ отправился въ Украйну, а я выпросилъ мѣсяцъ срока, чтобы приготовиться къ подвигу воспитанія.

«Съ моремъ нельзя договариваться», говорили въ старину. Нельзя договариваться и съ бурными житейскими обстоятельствами. Взявъ учительскій задатокъ, я вдругъ сдѣлался Дономъ-Кихотомъ.

Однажды вошла ко мнѣ въ комнату хозяйка, у которой я нанималъ квартиру, вдова портнаго-нѣмца, разорившагося отъ того, что шилъ на бояръ богатыхъ деревнями, но не тароватыхъ на уплату долговъ. У нея была одна только дочь. Бѣдная дѣвушка страстно влюбилась въ пріятеля моего Н—ва, который былъ тогда адъютантомъ у князя Волконскаго. Н—въ былъ красавецъ; вѣтренность и разгулъ жизни губили его. Онъ обманулъ дѣвушку, взялъ у нея

брильянты и уѣхалъ въ Смоленскъ, не сказавъ мнѣ ни слова о своей любви. Ставъ на колѣни, мать несчастной дѣвушки сказала: «Спасите, спасите, дочь мою! Вотъ письмо отъ вашего друга П—ва: онъ пишетъ, что вы можете все намъ объяснить касательно обстоятельствъ моей дочери». Успокоивъ горестную мать, я прочиталъ письмо и сказалъ: «П—въ былъ мнѣ, какъ вамъ извѣстно, короткимъ пріятелемъ, но другомъ не былъ никогда. Онъ ни слова никогда не говорилъ мнѣ о своей помолвкѣ въ Смоленскѣ. Если вы желаете, я возьму всѣ его письма къ вашей дочери, поѣду въ Смоленскъ и уличу его въ вѣроломствѣ собственною его рукой».

Героемъ романическаго приключенія пріѣхалъ я въ Смоленскъ, извѣщаю П—ва о причинѣ моего пріѣзда изъ Москвы, убѣждаю его не поразить смертельнымъ ударомъ обольщенную жертву, наконецъ, объясняю, что отчаянная мать, съ вѣрными доказательствами его обмана, на все рѣшится. Но получаю отвѣтъ, что лучше бы я не геройствовалъ, а пріѣхалъ къ нему и съ нимъ бы дружески выпилъ. Вижу, что съ нимъ толковать нечего, немедленно отправляюсь на почту, чтобы взять лошадей и ѣхать къ отцу невѣсты П—ва и окончательно сорвать маску съ жениха. На почтѣ встрѣтилъ я пріятеля П—ва и на вопросъ его—куда ѣду, сказалъ напрямки куда и зачѣмъ. Въ то время у П—ва была пріятельская пирушка; встрѣтившійся со мною пріятель П—ва передалъ ему мои слова. П—въ для молодечества зарядилъ два пистолета, сѣлъ на лошадь и въ сопровожденіи денщика погнался за мною.

Между тѣмъ я уже видѣлся съ отцомъ невѣсты и обо всемъ извѣстилъ его. Со слезами на глазахъ старикъ благодарилъ меня, что я открылъ обманъ, и мы простились. На десятой верстѣ обратнаго пути П—въ нагналъ меня. Почтовыя лошади мои, проскакавъ болѣе пятидесяти верстъ, медленно спускались съ горы, а я, утомясь отъ душевной тревоги, дремалъ. Внезапный крикъ и топотъ лошадей и блеснувшая надъ моею головой шпага разбудили меня. Съ-просонка и второпяхъ, я выскочилъ изъ брички и очутился между лошадьми, которыя остановились. Одѣваясь тогда по модѣ, я былъ въ черномъ фракѣ и башмакахъ. Шинель я оставилъ въ бричкѣ. Не хвалюсь отважностью, но въ тотъ мигъ я не чувствовалъ страха, а оторопѣлъ отъ внезапнаго нападенія. Оружія со мною не было. Выпутавшись изъ упряжи, я подошелъ къ П—ву и сказалъ:

— Я безоруженъ, ты можешь убить меня, если только твоя грязная рука поднимется на меня.

— Хорошо!—закричалъ П—въ, поворачивая лошадь,—я въ Москвѣ убью тебя. Мы раздѣлаемся!—и онъ ускакалъ въ сопровожденіи своего бѣднаго денщика.

Мы не раздѣлались на землѣ. Онъ успѣлъ жениться на дочери генерала N.. котораго удалось ему увлечь обманомъ. Спустя лѣтъ двадцать Н—въ умеръ отъ операціи при извлеченіи камня. Я встрѣтился съ его вдовою, которая и при жизни мужа была уже въ печальной участи вдовы.

— Вы правду намъ говорили,—сказала она мнѣ,—теперь видите мой злополучный жребій! Батюшка помнилъ всегда слова ваши и благословлялъ имя ваше и въ послѣднія минуты своей жизни.

По возвращеніи въ Москву, я запасся книгами и отправился учительствовать въ Украйну. Роскошно цвѣло іюньское лѣто. Спутниками моими были Гомеръ, Виргилій, Тассъ, Геснеръ и другіе пѣвцы вдохновенные. Читая великія творенія, я уходилъ въ рощу, вслухъ читалъ и жилъ съ поэтами въ ихъ мірѣ. Книга была единственною пищей души моей.

Миновавъ дымныя и курныя избы, я плѣнился чистыми и опрятными украинскими хатами. Мнѣ казалось, что я переселился въ Швейцарію, и къ дополненію мечты не доставало только горъ и грозныхъ, и живописныхъ.

Какимъ образомъ не учась сдѣлаться у ч и т е л е м ъ? Я сказалъ, что изъ стѣнъ корпуса не вынесъ съ собою ни строчки учебной. Читалъ я въ Паскалѣ, что собственныя наши мысли живѣе заимствованныхъ поселяются въ умѣ нашемъ: читалъ я, что Невтонъ могуществомъ мысли отыскалъ новое устройство горняго міра; читалъ я, что Перретъ де-Монтальтъ, бросивъ стадо, питающееся желудями, шестьдесятъ лѣтъ слѣдилъ мыслію паству духовную и престолъ папскій и—наконецъ добился своего: я не залеталъ мыслію въ область планетную, не заботился о почестяхъ свѣта, а придумывалъ, какъ приступить къ должности у ч и т е л я-н а с т а в н и к а, ибо въ лицѣ моемъ сосредоточивались обѣ эти обязанности. Но откуда было заимствовать основныя правила для нихъ? Дюкло говорилъ, что въ XVIII столѣтіи много было у ч е н і я, а мало воспитанія. А я скажу вмѣстѣ съ Ж. Ж. Руссо, что тогда не было ни ученія, ни воспитанія. Отчего же все это бродило во Франціи въ потемкахъ? Оттого что не было права общаго; оттого что законодательство, такъ сказать, сиднемъ сидѣло на вѣковыхъ подмосткахъ необразованнаго судопроизводства; оттого что тогда не рѣшены были вопросы: чему должно учить, какъ должно учить? Вотъ, кажется мнѣ, на какихъ основаніяхъ должно учредить и распорядокъ, и способъ ученія. Но чтобъ учредить распорядокъ и способъ ученія, для того необходимы готовыя средства, то-есть общія и первоначальныя книги, изложенныя кратко и ясно. Умный Свифтъ говоритъ, что тотъ истинный благодѣтель человѣчества, кто изъ одного колоса научитъ дѣлать два. Бла-

годѣтель человѣчества и тотъ, кто, не истощая ниву умственную, обогатитъ ее новыми плодами. Если каждое время требуетъ совершенствованія, если одно открытіе ведетъ къ другому, если мы живемъ въ вѣкѣ чудесъ, мы должны выходить изъ тумана прошлаго: взойдемъ на вершину, откуда свободнымъ взоромъ обнимемъ все то, что дѣйствительно полезно и нужно [1]).

Я узналъ, что двое изъ будущихъ моихъ учениковъ были уже въ пансіонахъ и въ училищахъ, и что утомились учиться. Мнѣ трудно было открывать средства къ пробужденію ума или усыпленнаго, или совращеннаго съ надлежащаго пути. Но мѣсяца черезъ три заналп въ душахъ моихъ воспитанниковъ искры пламени Прометея, возженныя не мною, но твореніями умовъ превосходныхъ, которыми окружилъ я ихъ, и съ которыми сблизились сердца и мысли ихъ: что полюбитъ душа, къ тому прильнетъ и мысль.

Приготовляя уроки ученикамъ моимъ, сообразно развитію ихъ понятій, я и себя занималъ уроками. На всѣ предметы чтенія моего завелъ я у себя тетради. Одну для словесности, другую для политики, третью для исторіи, четвертую для теоріи общаго круга наукъ. Встрѣтя различныя мысли о сихъ предметахъ, я вносилъ ихъ въ каждый разрядъ моихъ тетрадей, сличая ихъ съ изреченіями и мыслями, прежде занесенными.

Я учился также и по-аристотелевски, то-есть прогуливаясь подъ открытымъ небомъ или подъ тѣнью рощъ, и на берегахъ свѣтлыхъ источниковъ бесѣдовалъ и обдумывалъ. Замѣчу, что я иногда въ сутки не спалъ и шести часовъ, что рѣдко давалъ отдыхъ мысли, но дышалъ полнотой здоровья. Ни честолюбіе, ни тщеславіе не волновали души моей. Никому не перебивалъ я дороги ни къ чинамъ, ни къ почестямъ; а кому было завидовать учителю, заслоненному отъ свѣта?

По безпечности своей я ничего не откладывалъ на такъ называемые черные дни. Отъ трехлѣтнихъ трудовъ моихъ у меня ничего не осталось. Не всякому дано искусство Франклина, который умѣлъ жить, нажить и пережить срочную жизнь бытіемъ мысли и безсмертія своего имени.

По возвращеніи моемъ изъ Украйны въ Москву, я явился къ князю Ю. В. Долгорукову, и онъ сказалъ мнѣ: «Когда ты перестанешь дурачиться? Помилуй! ты за мечтами все потерялъ. Служи, служи!» И онъ ѣздилъ ко всѣмъ своимъ почетнымъ знакомымъ и упрашивалъ ихъ, чтобъ они завлекали меня на службу. «Для соб-

---

[1]) Журналъ французскаго языка. Часть I, стр. 433.

ственной его пользы», — говорилъ онъ, — «окуйте его цѣпями. Онъ опять, пожалуй, поѣдетъ куда-нибудь учительствовать».

Живя въ обществѣ, надобно чѣмъ-нибудь быть полезнымъ обществу. Это безспорно. Но должно спросить: могу ли я служить, и не лучше ли для службы, чтобъ я не служилъ. Не разсуждаю. Знаю только, что для службы должно готовить себя, а я путемъ никогда ничему не учился. Воображеніе мое, заполоненное романами, разорвало и прервало всю связь обыкновеннаго ученія. Зная, что инымъ служба служитъ, а не они ей, я подалъ прошеніе о принятіи меня на службу въ коммиссію составленія законовъ. Меня хотѣли принять переводчикомъ и даже для испытанія дали перевести указъ. Я перевелъ его, указъ напечатанъ былъ при первой части законовъ, а я не былъ принятъ.

Я началъ въ Москвѣ работать для театра, а на выработанныя деньги ѣздилъ въ Петербургъ. Не искалъ я ни чиновъ, ни почестей, но ничего не потерялъ, лелѣя сердце жизнію мечтательною. Да и сколько искателей моего времени спотыкнулись на скользкихъ путяхъ исканій своихъ! Зналъ я тогда одного умнаго ученаго человѣка, которому доступны были и чертоги царскіе, и державная довѣренность; повернулось колесо случайности, и мой знакомецъ, съ огромнымъ портфелемъ проектовъ (изъ которыхъ, впрочемъ, нѣкоторые осуществились), перешелъ подъ сельскій кровъ [1]).

Я два года былъ влюбленъ въ Петербургѣ платонически и ѣздилъ туда единственно, чтобы наглядѣться на голубыя очи моей очаровательницы. Ей посвятилъ я въ моихъ Юнговыхъ ночахъ скорбь и страданіе. И эти годы были самые поэтическіе и мечтательные годы моей жизни. Но мои платоническія поѣздки въ Петербургъ не стоили никому ни капли слезъ, ни капли трудоваго пота. Я на трудовыя свои деньги блаженствовалъ по-своему.

Въ то самое время возвратился изъ Парижа другъ мой. Александръ Алексѣевичъ Тучковъ, куда ѣздилъ онъ для разсѣянія душевной тоски; но отрада ожидала его въ Москвѣ. Вскорѣ онъ сталъ супругомъ той, которая все пережила кромѣ любви къ нему. Но какою очаровательною жизнію цвѣли тогда сердца молодыхъ супруговъ! И какъ они были достойны другъ друга! Тогдашній московскій большой свѣтъ украшался супругою Тучкова. Щедрыми надѣлила природа дарами А. А. Тучкова. Онъ былъ красавецъ, душа чистая, ясная, возвышенная. Умъ его обогащенъ былъ глубочайшими познаніями. Но чѣмъ другіе въ немъ восхищались, онъ только одинъ не замѣчалъ въ себѣ. Мы познакомились въ счастливые дни

---

[1]) Н. В. Каразинъ.

юношеской жизни и подружились навсегда. Никогда не требовали мы другъ отъ друга никакой услуги, но при каждомъ свиданіи намъ казалось, будто видимся послѣ долгой разлуки. Съ отплытіемъ Наполеона къ берегамъ Египта, мы слѣдили за подвигами новаго Кесаря; мы думали его славой; его славой расцвѣтала для насъ новая жизнь. Верхъ желаній нашихъ было тогда, чтобы въ числѣ простыхъ рядовыхъ находиться подъ его знаменами. Но не одни мы такъ думали и не одни къ этому стремились. Кто отъ юности знакомился съ героями Греціи и Рима, тотъ былъ тогда бонапартистомъ. А. А. Тучковъ былъ въ Парижѣ и въ трибунатѣ въ тотъ неисповѣдимый часъ, когда пожизненнаго консула избрали въ императоры.

Казалось, говорилъ онъ, что трибунъ Карно возразительную рѣчь свою произнесъ подъ штыками Наполеона. Мрачно было лицо его, но голосъ его гремѣлъ небоязненно. 1806 года въ издаваемыхъ тогда французскихъ вѣдомостяхъ при главной квартирѣ Беннигсена сказано: «Въ сраженіи Голоминскомъ князь Щербатовъ и полковникъ Тучковъ, подъ градомъ пуль и картечи, дѣйствовали какъ на ученьи». Объ этомъ потому только напоминаю, что другъ мой никогда не говорилъ о своихъ военныхъ подвигахъ. Но ни бивачная жизнь, ни походы, ни битвы кровопролитныя не пресѣкли переписки его со мною. Въ этомъ заочномъ свиданіи мы переписывались по-французски. Любимаго нами Ж. Ж. Руссо называлъ онъ L'homme de la nature—человѣкомъ природы. Въ 1809 году, когда онъ отправлялся въ армію, а я ѣхалъ въ Смоленскъ, мы завтракали вмѣстѣ. Старшіе его братья нѣсколько разъ присылали за нимъ для подписи какихъ-то дѣловыхъ семейныхъ бумагъ. Въ третій разъ онъ отвѣчалъ посланному:

— Скажи братьямъ, что я купчую подписать успѣю, а съ Сергѣемъ Николаевичемъ вижусь можетъ быть въ послѣдній разъ.

Я отвѣчалъ, что для дружбы нѣтъ послѣдняго часа. Кто кого переживетъ, тотъ и оживитъ того жизнію дружбы. Но другъ мой какъ будто предрекъ свой жребій: мы болѣе съ нимъ не видались, потому что онъ былъ убитъ во время Бородинской битвы.

На батареѣ у деревни Семеновской, гдѣ струится рѣчка Огникъ, и гдѣ гремѣлъ адъ пушекъ Наполеона, занималъ онъ люнетъ. А. А. Тучковъ (въ чинѣ генералъ-майора) командовалъ тогда Павловскимъ полкомъ. Настала минута идти впередъ, Тучковъ закричалъ полку своему: «Ребята, впередъ!» Полкъ дрогнулъ. «Вы дрогнули!» —вскричалъ онъ,—«я пойду одинъ!» Схвативъ знамя, онъ бросился впередъ, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ люнета палъ жертвою смерти. Когда роковая картечь поразила его въ грудь, адъютантъ и рядовые подхватили его. Ужасный наметъ ядеръ посыпался на нихъ и

раздробилъ трупъ Тучкова; тутъ былъ убитъ адъютантъ и множество рядовыхъ врыты были ядрами въ землю.

Но ты не умеръ! Посмотри, кто съ крестомъ на груди, въ черномъ одѣяніи и при вихрѣ порывистомъ идетъ по снѣжнымъ сугробамъ въ сопутствіи престарѣлаго схимника, держащаго въ одной рукѣ крестъ Господній, а въ другой водоосвященную чашу? Кто этотъ ангелъ посѣтитель могилъ исполинскихъ? Это супруга твоя! Она будетъ ангеломъ-хранителемъ поля Бородинскаго. Посмотри: она останавливается у костей, еще не истлѣвшихъ; она преклоняетъ колѣна, она возноситъ и длани, и духъ сокрушенный къ общему Отцу небесному всего человѣчества. Она молится за жертвы грозной битвы Бородинской, а сопутникъ ея, схимникъ, окропляетъ святою водой кровавое поле.

Маргарита Михайловна Тучкова послѣ двѣнадцатаго года встрѣтила императора Александра I на перевозѣ черезъ Оку, и государь спросилъ, чего она желаетъ. Горестная вдова отвѣчала, что она желала бы соорудить церковь тамъ, гдѣ въ 1812 году убитъ ея мужъ. Дано было дозволеніе. Маргарита Михайловна немедленно на свое собственное иждивеніе соорудила храмъ во имя Христа Спасителя на той батареѣ, гдѣ былъ убитъ ея супругъ. Не думала она тогда, что въ стѣны новосозданнаго храма перейдетъ и послѣдняя надежда земной ея жизни. Въ 1826 году умеръ послѣдній сынъ Маргариты Михайловны, родившійся въ великій годъ нашествія. Я сопровождалъ Маргариту Михайловну на Бородинское поле для отданія послѣдняго долга юношѣ. Не могу изъяснить того чувства, которое глубоко навсегда запало въ мою душу, когда въ первый разъ послѣ 1812 года въѣхалъ я на равнины Бородинскія: мнѣ казалось, что каждый поворотъ колеса попираетъ прахъ тысячи жертвъ. Вся отшельническая жизнь вдовы и матери заключалась въ стѣнахъ храма. Войдя въ него, вы увидите на лѣвой сторонѣ памятникъ, воздвигнутый супругу: въ срединѣ сіяетъ образъ Божіей Матери, бывшій съ А. А. Тучковымъ во всѣхъ походахъ, а направо—гробница юнаго сына съ надписью, въ которую перешла вся жизнь вдовы-матери: се азъ, Господи!

Въ исходѣ 1806 года въ нѣдрахъ Россіи ходило воззваніе о составленіи милиціи или земскихъ войскъ къ отвращенію бури, угрожавшей Россіи. Сильна была скорбь моя, когда на зарѣ жизни я прощался съ роднымъ пепелищемъ, но неизъяснимое чувство взволновало мою душу. Въ то время отечество для меня было новою мечтой, и воображеніе мое горѣло, какъ чувство юноши, согрѣтое первымъ пламенемъ любви.

Еще въ 1805 году, когда Наполеонъ, по занятіи Вѣны, передъ

портретомъ Маріи-Терезіи упрекалъ Австрію въ утратѣ древней славы германцевъ, я говорилъ моимъ знакомымъ, что и до Москвы дойдетъ очередь завоеванія; 1806 года это предчувствіе преобразилось въ душѣ моей во внутреннее убѣжденіе. Объ этомъ обстоятельствѣ написалъ я письмо и, отдавая его одному изъ короткихъ моихъ пріятелей Х., сказалъ: «Наполеонъ будетъ въ Москвѣ; вотъ письмо о томъ. Если умру или паду подъ знаменами ратными, то прочитай слова мои нашимъ знакомымъ. Я не пророкъ и не суюсь въ пророки, но есть времена, когда будущее сливается съ настоящимъ. Сердце вѣщунъ: оно опережаетъ предположенія и расчетъ. Не я одинъ мечтатель неугомонный, но и Москва въ небываломъ движеніи, въ новой дѣятельности».

И вотъ очерки Москвы и Петербурга 1806 года:

Еще ни свѣтъ, ни заря, а по улицамъ московскимъ то и дѣло мчатся кареты, коляски и сани. Видно, у какого-нибудь знатнаго барина былъ великолѣпный балъ? Нѣтъ, у большихъ баръ московскихъ чуть мелькаетъ огонь въ кабинетахъ; наскоро одѣвшись, они спѣшатъ ѣхать. Куда же стремится весь этотъ поѣздъ? Въ Охотный рядъ, въ домъ Дворянскаго Собранія. Никто не смыкалъ глазъ ночью; всѣ были въ раздумьи и сюда сходятся, чтобы надуматься. Чтò это такое? Какой будильникъ встревожилъ князей, бояръ и дворянъ московскихъ? У границъ Россіи гремятъ пушки Наполеона, и онъ хочетъ въ нее ворваться. Да что ему надобно? Чего ищетъ онъ подъ бурями зимними? Ему тѣсно въ Тюильрійскихъ чертогахъ, въ Парижѣ, во Франціи, въ Европѣ. Дайте ему всю нашу вселенную, ему и въ ней будетъ тѣсно. Да какже онъ сталъ такимъ силачемъ, такимъ исполиномъ? Умный Карлъ Нодье говоритъ, что на такую силу наткнули его о б с т о я т е л ь с т в а, а безъ того онъ былъ бы исправнымъ офицеромъ, впрочемъ очень неуживчивымъ. А что такое о б с т о я т е л ь с т в а? Не знаю. Прошлаго столѣтія мой корпусный профессоръ, Х. И. Безакъ, любя подъ часъ поспорить со мною, говорилъ, что мнѣ слѣдуетъ выиграть тридцать сраженій и получить тридцать ранъ, чтобы наткнуться на колесо вольфіанской логики. Не вѣдаю, какъ ядра и картечи учатъ логикѣ, не похвастаю, что я былъ подъ ними, хотя отъ такъ называемыхъ обстоятельствъ и теперь оттерпливаюсь, какъ будто отъ налетовъ картечныхъ, а всетаки не берусь опредѣлить, что такое о б с т о я т е л ь с т в а. Кстати теперь разскажу объ обстоятельствѣ, котораго я былъ свидѣтелемъ. Въ проѣздъ мой изъ Москвы до Петербурга, въ 1806 году, я велъ записку о всѣхъ неустройствахъ, происшедшихъ отъ внезапнаго повѣщенія о составленіи новой рати. Въ Петербургѣ представилъ я мою записку Н. М. Новосильцеву, подъ вѣдѣніемъ котораго писано

было воззваніе о земскихъ войскахъ. Онъ сказалъ мнѣ, что въ этихъ неустройствахъ виновно земское начальство.

— Призывъ шести сотъ тысячъ на оборону отечества есть мѣра необычайная, сказалъ я, — а потому позвольте спросить васъ, было ли о томъ заранѣе предварено земское начальство?

— Нѣтъ! простодушно отвѣчалъ Новосильцевъ.

— Слѣдственно, возразилъ я, — нельзя и обвинять земское начальство. Еслибы заблаговременно извѣстили губернаторовъ, начальники губерній повѣстили бы по уѣздамъ и всему духовенству. Такимъ образомъ въ стѣнахъ церквей священники въ поученіяхъ своихъ могли бы приготовить и вразумить и въ городахъ, и уѣздахъ, и въ селахъ прихожанъ своихъ о причинахъ необходимости новаго вооруженія, дотолѣ не существовавшаго въ Россіи почти цѣлыя два столѣтія.

Чтó же изъ этого вышло? Иду на другой день въ канцелярію Новосильцева и вижу, что пріятель мой В—ко, бывшій въ числѣ чиновниковъ Новосильцева, стоитъ у стола, и передъ нимъ открытъ Апокалипсисъ. Смотрю, онъ подчеркиваетъ перомъ слѣдующія слова изъ десятой главы: «И имѣли надъ собою царя — ангела бездны, ему же по-еврейски имя Авваданъ а по-гречески Аполліонъ».

— Чтó изъ этого хотите сдѣлать? спросилъ я.

В—ко отвѣчалъ:

— Для возбужденія русскаго народа мы произведемъ Наполеона въ Аполліоны, въ Антихристы.

— Помилуйте, возразилъ я, что это вы затѣваете!

— Да вѣдь ты самъ, сказалъ В—ко, внушалъ, что надобно воодушевлять народъ.

— Да развѣ этимъ воодушевляютъ народъ? прибавилъ я. — Вы насмѣшите Европу, надѣлаете стыда Россіи, а путнаго изъ этого ничего не выйдетъ. Ну, если черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вашего новаго Антихриста доведется назвать императоромъ и другомъ?

Мало ли что я еще говорилъ. Голосъ мой раздавался въ пустынѣ. Скликанные шесть сотъ тысячъ ратниковъ зѣвали. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубей предписывалъ свои уставы маститымъ старцамъ — князю Ю. В. Долгорукову и Орлову. У этихъ екатерининскихъ орловъ крылья опустились. Беннигсенъ велъ какую-то отступательную войну и привелъ Наполеона къ Тильзиту: мое предсказаніе оправдалось. Что же такое значили тогдашнія обстоятельства?

И все падало передъ Наполеономъ. И великій политикъ Питтъ, который около шестнадцати лѣтъ звонкими гинеями двигалъ и пе-

редвигалъ войска европейскія,—Питтъ умеръ въ 1806 году, когда съ береговъ Сены Наполеонъ перешагнулъ на берега Вислы. Нѣтъ и Нельсона: онъ убитъ въ Трафальгарской битвѣ испанскимъ матросомъ. Онъ какъ-будто условился съ Питтомъ умереть въ одно время, чтобы дать свободу широкой груди Наполеона надышаться воздухомъ всѣхъ небосклоновъ европейскихъ. Судъ Божій ходилъ надъ народами и до насъ дошелъ.

Обращаюсь къ Москвѣ.

Какъ бы то ни было, но вотъ зала Дворянскаго Собранія наполнилась избирателями, и начались выборы. Всѣ глаза обращены были на два лица: на Николая Семеновича Мордвинова и на князя Дашкова. Имъ предстояла чреда губернскихъ начальниковъ московскихъ земскихъ войскъ. Страшное дѣло? Суворовъ говоритъ, что Кутузова и де-Рибасъ не обманетъ. А у меня есть собственноручное письмо де-Рибаса, въ которомъ онъ выставляетъ величайшими хитрецами Мордвинова и Суворова.

«Въ бытность мою въ Херсонѣ, говоритъ онъ: — брандеры совсѣмъ были готовы, вѣтеръ дулъ постоянно попутный, но они не прибыли: это были шашни Мордвинова, который распустилъ слухъ въ Херсонѣ, будто бы я прибылъ туда для принятія начальства надъ двумя эскадрами...» [1]). А вотъ что досталось на долю Суворова!..

«Суворовъ съ такимъ ухищреніемъ обходится на кинбурнской косѣ, что отъ него житья нѣтъ его подчиненнымъ» [2]). Мордвиновъ былъ другомъ поэта Василія Петрова, котораго въ свое время и читали, и вѣнчали пальмами. Онъ льстить не любилъ, не льстилъ и князю Таврическому; онъ былъ его другомъ и писалъ о немъ по влеченію жаркаго къ нему чувства дружбы. А вотъ что онъ говоритъ о Н. С. Мордвиновѣ:

Ты, смертныхъ другъ, ты радъ всѣхъ видѣть въ благоденствѣ,
Чужихъ успѣхи—твой вѣнецъ.
Усердьемъ многокрыленъ
Талантами обиленъ.
Красой и блескомъ ихъ
Любуешься въ другихъ.

Чему вѣрить? французской ли прозѣ или русскимъ стихамъ? Де-Рибасъ увѣрялъ, что Мордвиновъ завидовалъ чужой славѣ, а Петровъ говоритъ, что чужіе успѣхи—считалъ онъ собственными

---

[1]) Huit brulots étaient tout prêts quand j'étais à Kherson; les vents, ont été constamment bons, mais ils n'arrivèrent pas; c'est un tour de Mr.Mordvinoff, qui a repandu à Kherson, que je suis arrivé pour commander les deux escadres.

[2]) Souvorow se conduit avec tant du duplicité que tous sont au désespoir d'être sous ses ordres.

своимъ вѣнцомъ; не вхожу объ этомъ въ разборъ, да и кто разберетъ борьбу и ссору страстей человѣческихъ; дѣло въ томъ, что Н. С. Мордвиновъ возбудилъ вниманіе государственными бумагами и въ особенности голосомъ о Эмбинскихъ водахъ, подаренныхъ Павломъ I графу Кутайсову. Улыбалось счастіе и князю Д. М. Дашкову до 1806 года: московскимъ дворянствомъ онъ единодушно избранъ былъ въ губернскіе предводители.

Но на счастье прочно
Здѣсь надежду брось!

Прежній попутный вѣтеръ отклонился отъ него и подулъ на сторону моряка Н. С. Мордвинова. Борьба кипитъ въ обществѣ человѣческомъ. Трудно найти миръ въ нашемъ мірѣ. Покойный Николай Васильевичъ Обресковъ (а сколько приходитъ именъ на память, когда сидишь съ перомъ въ рукахъ за своими записками!), личный непріятель князя Дашкова, человѣкъ красивый собою, баловень роскоши и нѣги, умомъ гибкій и рѣчистый въ русскомъ словѣ, сильно возсталъ, когда нѣкоторые изъ дворянъ произнесли на выборахъ имя князя Дашкова. Избранъ былъ Н. С. Мордвиновъ. Слово не стрѣла, а пуще убиваетъ. Слова Обрескова сильно взволновали честолюбіе князя Дашкова: онъ схватилъ желчную горячку. Сперва основываясь на силѣ диплома, даннаго ему въ Англіи на докторское званіе, онъ самъ пользовалъ себя, но потомъ приглашенъ былъ докторъ Фрезъ, корпоей тогдашнихъ московскихъ врачей. Какъ теперь смотрю на Фреза: мущина стройный, ловкій, лицо умное, въ глазахъ огонь живой мысли, всегда разряженный щеголемъ, и куда ни пріѣзжалъ, всегда въ боковомъ карманѣ былъ у него послѣдній нумеръ Гамбургскихъ Вѣдомостей. Еще въ 1797 г. при каждой вѣсти о побѣдѣ юнаго Бонапарта говорилъ онъ: «Посмотрите, что изъ него будетъ. Онъ потревожитъ не одну мою любезную Германію». Однажды, при мнѣ, графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ читалъ Фрезу письмо генерала Бонапарта къ принцу Карлу, въ которомъ онъ убѣждалъ австрійскаго полководца быть посредникомъ въ заключеніи мира. Когда дошло до этихъ словъ: «tout a son terme, même les passions humaines» (всему есть предѣлъ, даже и страстямъ человѣческимъ), Фрезъ быстро вскочилъ со стула и какимъ-то торжественнымъ голосомъ вскричалъ:

— Не вѣрьте ему, онъ обманываетъ самого себя: война—его стихія: онъ умретъ безъ нея. Привычка—вторая природа. Одного изъ моихъ больныхъ, страдавшаго водянкой въ груди, я засталъ за бутылкой шато-лафита. «Что вы дѣлаете, сказалъ я, вырвавъ у него стаканъ:—вы убиваете себя!» — «Такъ что же, возразилъ онъ хладно-

кровью: если не умру отъ болѣзни, то непремѣнно умру, если перестану пить шато-лафитъ: я къ нему привыкъ!» Я держусь правила Гиппократа, продолжалъ Фрезъ:—ни въ природѣ, ни въ сердцѣ человѣческомъ нѣтъ ничего такого, о чемъ мы говоримъ: такъ случилось. Мы часто вѣримъ на слово, оттого что намъ лѣнь доискиваться настоящей причины, но причина всегда существуетъ.

Я передалъ только смыслъ словъ Фреза. Онъ говорилъ съ графомъ Бутурлинымъ по-французски, а графъ удивлялъ и въ Парижѣ знаніемъ французскаго языка. А вотъ доказательство этому знанію. За нѣсколько лѣтъ до революціи Дидотъ издалъ Фенелонова Телемака со всею роскошью типографскою. Полагая, что отъ рачительности корректоровъ не укрылось ни одной опечатки, онъ повѣстилъ во всѣхъ вѣдомостяхъ европейскихъ, что за каждую опечатку платитъ по 100 червонныхъ. Ни въ Лондонѣ, ни въ самомъ Парижѣ никому не удалось напасть на слѣдъ опечатки. Одинъ только нашъ графъ Бутурлинъ отыскалъ пять опечатокъ и поручилъ Дидоту пятьсотъ червонныхъ раздать бѣднымъ его землякамъ. Возвращаюсь къ Фрезу и къ князю Дашкову. Политика и врачебное искусство были душой Фреза; скажу къ чести его, что онъ не только никого не заталкивалъ на своемъ поприщѣ, но и своимъ одноземцамъ и русскимъ врачамъ прокладывалъ пути въ тѣ дома, гдѣ самъ пользовалъ. Не увлекался онъ также и самонадѣяніемъ. Въ подмосковной деревнѣ своей лѣчилъ онъ ногу одному крестьянину. Крестьянинъ сказалъ Фрезу, что его какой-то дѣдъ въ сосѣдствѣ вылѣчитъ, и дѣйствительно вылѣчилъ. Фрезъ самъ это разсказывалъ и говорилъ:

— Я только наблюдалъ за лѣченіемъ, а потомъ, поклонясь моему побѣдителю, далъ ему двѣ красненькія бумажки.

Къ князю Дашкову Фрезъ былъ призванъ уже поздно. У насъ обыкновенно призываютъ врачей на совѣщаніе, когда больной дышитъ на ладонъ, и въ такую же пору принимаются и за духовное завѣщаніе. Охотникамъ до жизни надлежало бы это дѣлать, когда еще и природа и мысль могутъ за себя постоять. Князь Дашковъ умеръ: почти въ слѣдъ за нимъ и Фрезъ сошелъ въ могилу. Онъ умеръ какъ-будто на ногахъ. Наканунѣ кончины, у него показалась изъ гортани кровь. Онъ однакожъ на другой день ѣздилъ по своимъ больнымъ и, возвратясь домой часовъ въ десять вечера, легъ дочитывать газеты. Вдругъ домашніе услыхали звонокъ его ночнаго колокольчика. Сбѣжались, но все было кончено: Фрезъ самъ прозвонилъ послѣдній часъ своей умной и полезной жизни.

Съ княземъ Дашковымъ познакомила меня переведенная мною «Исторія ума человѣческаго» Кондильяка. Она давнымъ давно покоится въ неумолимой Летѣ. Точно также я думаю, какъ и во Фран-

ціи со смертью Сіеса, страстнаго любителя кондильяковской метафизики, отжилъ свой вѣкъ Кондильякъ, этотъ подражатель Локка, превращавшаго чувства души въ ворота души. До предводительства своего князь Дашковъ жилъ въ скромномъ домикѣ, и по четвергамъ насъ обѣдало у него человѣкъ пять или шесть. Удивительно, что съ тогдашнимъ европейскимъ своимъ просвѣщеніемъ и при случайности матери своей, онъ шелъ черепашьимъ шагомъ по колеѣ чиновной. А это и опровергаетъ молву, будто бы тогда матушки да тетушки выводили сынковъ своихъ и племянничковъ. Князь дошелъ только до аннинской ленты. Можетъ быть иноземное воспитаніе отняло у него сноровку жить въ Россіи на русскую стать. По приверженности своей къ графу Румянцеву, князь Дашковъ вызывалъ Потемкина на поединокъ. Князь Таврическій не поднялъ рыцарской перчатки, но, какъ увидимъ далѣе, не отъ трусости. Вы можетъ быть кивнете головой, услышавъ отъ меня, что Потемкинъ былъ бы счастливѣе, еслибъ не дожилъ до разочарованія всего того, что мы называемъ верховными благами нашего земнаго міра. Да, онъ былъ бы счастливѣе, еслибы умеръ въ тѣ волшебные дни, когда кипящая полнота надеждъ заманивала и мысли, и сердце его на ту очаровательную чреду, откуда честолюбіе, прельщаясь само собою, выказывается въ такомъ яркомъ блескѣ. Но и голосъ неба и свидѣтельства ума человѣческаго давно запретили сердцу нашему оковываться земными желаніями.

Декабря 6-го 1806 года я съ моею трагедіей — Сумбекой отправился къ творцу Россіады. Собравъ трудовыя мои деньги, я рѣшился стать въ ряды земскихъ войскъ, куда поступали на своемъ иждивеніи. Ни помѣстій и никакой, кромѣ трудовой, собственности у меня не было. Но и мое сердце просилось стать за жизнь отечества; а надежда моя въ снаряженіи на службу опиралась на мою трагедію Сумбеку, за которую я долженъ былъ получить отъ петербургскаго театра нѣсколько тысячъ рублей. Ахъ! какъ сладостно мнѣ было и думать и мечтать, что меня мой собственный трудъ ведетъ подъ хоругви отечественныя! Скажу, къ стыду моему, что, кружась въ вихрѣ московскаго свѣта, я еще въ первый разъ ѣхалъ къ патріарху словесности своего времени, дожившему до лѣтъ Фернейскаго философа, то-есть до восьмидесяти четырехъ лѣтъ. Херасковъ такъ радушно принялъ меня, что мнѣ казалось, будто я давно былъ знакомъ съ нимъ. И это правда, знакомство съ писателями — не шарканье свѣтское. Мы знакомы съ ними, не видя ихъ. Сумбека моя посвящена была Хераскову. Прочитавъ посвященіе, Херасковъ сказалъ:

— Вы это сдѣлали изъ человѣколюбія. Я отжилъ въ свѣтѣ и для свѣта.

Трудно описать, что я чувствовалъ при видѣ человѣка современнаго колыбели новой нашей словесности XVIII вѣка. Мы обѣдали втроемъ: Херасковъ, жена его, Елизавета Васильевна, и я. Хотя Михаилъ Матвѣевичъ и сражался подъ знаменами Румянцева при Ларгѣ и подъ Кагуломъ, но о военныхъ дѣйствіяхъ 1806 года и о Наполеонѣ онъ не говорилъ ни слова. Супруга Хераскова сказала мнѣ:

— Я принималась писать трагедію—Сумбеку, но дошла только до третьяго дѣйствія, и вамъ довелось кончить начатое мною.

— Не знаю, отвѣчалъ я:—ожила ли въ моей Сумбекѣ Сумбека нашего поэта, но я старался вслушаться въ ея голосъ. Въ Россіадѣ онъ не уступаетъ въ выраженіи страстей Тассовой Армидѣ. Вольтеръ говоритъ, что Кино въ оперѣ своей оживилъ Тасса, но я не отважусь сказать этого о моей Сумбекѣ.

— Писалъ и я трагедіи, сказалъ Херасковъ,—но я ими не доволенъ. Не то было бы въ нихъ, еслибы лѣтъ двадцать назадъ вышелъ Лагарповъ Лицей. Изучаю его и теперь, да поздно: скоро для меня опустятся и драматическая занавѣсь, и завѣса общаго нашего міра.

— Для васъ нѣтъ этой завѣсы,—отвѣчалъ я.

— Нѣтъ,—возразилъ онъ,—я вѣрю безсмертію души, но безсмертію писателей не вѣрю.

Послѣ обѣда мы пошли въ кабинетъ. Надъ письменнымъ столомъ Хераскова висѣлъ портретъ Ломоносова.

— Вотъ мой наставникъ,—сказалъ Херасковъ.

И посадя меня подлѣ себя, съ такимъ жаромъ читалъ строфы изъ одъ Ломоносова, съ какимъ въ 1790 году графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ читалъ ихъ въ Лондонѣ Карамзину.

Я хотѣлъ проститься, но Херасковъ удержалъ меня и сказалъ:

— Я съ вами препровожу письмо въ Петербургъ, къ другу моему Михаилу Никитичу Муравьеву.

Взявъ листъ бумаги и перо и, не прибѣгая къ очкамъ, исписалъ листъ кругомъ, запечаталъ, вручилъ мнѣ письмо и примолвилъ:

— Скажите Михаилу Никитичу, что я дочитываю послѣднюю страницу моей жизни; и еслибы вздумалось мнѣ описывать ее, то на заглавномъ листѣ выставилъ бы мои два стиха:

Наука трудная, непостижима въ вѣкъ,
Для человѣка есть наука—человѣкъ!

Письмо Хераскова подвязало крылья моему усердію къ службѣ. Простясь съ поэтомъ, я поѣхалъ къ князю Ю. В. Долгорукову;

у него засталъ я графа Хвостова, А. И. Пушкина и другихъ. Князь принялъ меня въ кабинетѣ и сказалъ:

— Ступай служить ко мнѣ.

— Нѣтъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ я,—хотя у меня нѣтъ никакой собственности на родинѣ, но я хочу служить тамъ, гдѣ гробы моихъ предковъ, моихъ отцовъ.

— Хорошо,—возразилъ князь,—да есть ли у тебя съ чѣмъ ѣхать въ дорогу и чѣмъ снарядиться на службу? Скажи откровенно. теперь не до чванства и не до стыда, обстоятельства всѣхъ насъ поравняли.

Тутъ князь подошелъ къ шкатулкѣ, вынулъ нѣсколько бѣлыхъ ассигнацій и сказалъ:

— Возьми, братъ, на обмундировку и на дорогу.

Тогда проѣздъ въ Петербургъ былъ дешевъ. Отсчитавъ сто рублей, я отдалъ остальное князю и сказалъ:

— На дорогу возьму, а обмундируюсь самъ; я въ Петербургѣ долженъ получить около двухъ тысячъ за мою трагедію Сумбека.

Часовъ въ девять вечера возвратился я отъ князя домой и нашелъ слѣдующую записку отъ актера П. Р. Колпакова: «Узнавъ. что вы собираетесь въ Петербургъ искать службы. мы, по согласію дирекціи, завтра сыграемъ вашу драму Наталья Боярская дочь, и просимъ васъ въ театръ. Лицомъ въ грязь не ударимъ».

Спутникомъ моимъ въ Петербургъ вызвался быть Николай Александровичъ Радищевъ, сынъ сочинителя книги подъ заглавіемъ: Путешествіе отъ Петербурга до Москвы. Я извѣстилъ его запиской, что завтра, послѣ театра, все будетъ готово въ дорогу, и поручилъ человѣку (я не умѣлъ и не умѣю приказывать) взять подорожную и сходить за почтовыми.

Были и для меня праздники драматическіе. Ложи, партеръ,— все было занято. Играли словомъ живымъ, душевнымъ; гремѣли рукоплесканія. Тутъ все сливалось съ ходомъ тогдашняго времени. Въ драмѣ моей война и пожаръ, и самоотверженіе для земли русской.

Поблагодаривъ радушныхъ актеровъ, я сѣлъ въ повозку съ моимъ спутникомъ Радищевымъ. Лихая тройка, посулъ ямщикамъ на водку придавали крылья нашей ѣздѣ. Отъ сильнаго мороза небо рдѣлось. Удалая пѣсня ямщика сливалась съ колокольчиками. Признаюсь, что вечернія рукоплесканія какъ-будто гнались за мной. Въ Тверь пріѣхали мы къ поздней обѣднѣ. Въ городѣ было сильное движеніе. На выборы въ земскіе чиновники съѣхались со всѣхъ сторонъ. У дома губернатора тѣснились экипажи. изъ которыхъ выходили люди пожилые, временъ Екатерины и Павла I, въ мундирахъ. Многіе уже были въ милиціонныхъ мундирахъ.

Между тѣмъ, въ народѣ замѣтили мы недоумѣніе. Когда мы выѣхали изъ Твери, крестьяне безпрестанно останавливали насъ и разспрашивали, что такое милиція? Объяснивъ, что слѣдовало объ этомъ временномъ вооруженіи, я убѣдился, что если добросовѣстно вразумлять людей, то они рады вразумляться. Но молва превратная быстрымъ налетомъ разнеслась по деревнямъ и селамъ. Въ одномъ селеніи за Тверью крестьяне какъ-будто въ англійской матросской схваткѣ ловили друга друга, и рука сильнаго связывала и закручивала руки слабаго, для отдачи, какъ они говорили, въ милицъ. Въ такой суматохѣ одному крестьянину сильно досталось топоромъ по рукѣ. Услыша пронзительный крикъ крестьянина, я бросился въ толпу, не въ силу уложенія, вызывающаго на вопль страдальца (тогда некогда было соображать статьи), но въ порывѣ кипѣвшей во мнѣ любви къ отечеству.

— Что вы дѣлаете? Что вы затѣяли?—вскричалъ я.—Кровь ваша и жизнь нужна отечеству, а вы сами себя губите! Да и кто далъ вамъ право хватать другъ друга? Грѣхъ безъ нужды проливать чужую кровь, и страшно подумать, чтобы свои подняли руки на своихъ. Великъ Богъ русскій! Онъ берегъ и сберегаетъ нашу родную Русь. Можетъ быть, и никому изъ насъ не доведется выступить на поле ратное! А еслибы непріятель ворвался въ родной нашъ край, еслибы онъ врипулся въ наши села и деревни, кто бы изъ васъ не поспѣшилъ отстаивать свое жилище, своихъ женъ, дѣтей? У меня, братцы, нѣтъ ни кола, ни двора, нѣтъ ни жены, ни дѣтей: я самъ въ потѣ лица добываю хлѣбъ насущный, а я далъ клятву служить отечеству и умереть за него.

Радищевъ привсталъ въ саняхъ и закричалъ:

— Ребята, онъ говоритъ правду.

Я продолжалъ:

— Васъ напугали словомъ милиція. Это значитъ—войско земское. А это войско собирается на своей землѣ, за свою землю, за свои поля, за могилы отцовъ, за все, чѣмъ надѣлилъ Богъ нашу землю русскую, что велитъ намъ хранить и соблюдать въ ней. Я такой же христіанинъ, какъ и вы. Вотъ мой крестъ. А подъ крестомъ Господнимъ сердце не станетъ лгать.

Утирали слезы крестьяне, не замерзали слезы и въ моихъ глазахъ. Голосъ душевный вызываетъ души; въ событіяхъ необычайныхъ и душа дѣйствуетъ необычайно. Крестьяне на перехватъ другъ передъ другомъ усаживали меня въ сани, и, когда мы двинулись съ мѣста, раздался общій голосъ:

— Дай, Богъ, вамъ здоровья!

Тридцать лѣтъ не слышу я тѣхъ рукоплесканій, которыми при-

вѣтствовали меня на театрахъ; но эти слова и теперь откликаются въ памяти и въ сердцѣ моемъ. Горитъ еще на щекѣ моей братскій поцѣлуй товарища моего Николая Александровича Радищева. Было много тогда задушевнаго разговора съ Н. А. Радищевымъ. Прекрасный онъ былъ человѣкъ. Со слезою вспоминаешь объ немъ. Пріѣдетъ въ Москву—бѣжитъ ко мнѣ; уѣдетъ въ деревню, гдѣ для облегченія своихъ поселянъ трудился вмѣстѣ съ ними, и оттуда препровождалъ прозу и стихи для книгопродавца Шряева, и оттуда ведетъ со мною, говоря рѣчью нашихъ предковъ, «заочное свиданіе», т. е. переписку. Онъ умеръ въ полнотѣ жизни, и съ нимъ сошли въ могилу и мимолетные чернильные труды его; а ихъ было много. Да и сколько чернильной славы отжило, едва-ли не въ колыбели! И сколько изъ нихъ перешло на обертки новопечатной славы, объ которой также въ свою очередь скажутъ: «Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ».

Отецъ моего спутника, Александръ Николаевичъ Радищевъ, былъ человѣкъ чрезвычайно просвѣщенный и образованный. Въ юности своей онъ на иждивеніе императрицы Екатерины II учился въ Лейпцигскомъ университетѣ и по выходѣ оттуда получилъ довольно выгодное мѣсто въ таможнѣ. Но съ пылкимъ умомъ и рѣзкимъ перомъ, въ кипѣніи желчи, онъ присталъ къ противной сторонѣ князя Таврическаго и издалъ книгу: Путешествіе отъ Петербурга до Москвы. Въ сильной выходкѣ противъ Потемкина онъ представилъ его какимъ-то восточнымъ тираномъ, роскошествовавшимъ въ великолѣпной палаткѣ подъ стѣнами какой-то крѣпости. Я убѣжденъ, что императрица Екатерина II никогда не наказала бы Радищева. Доказательствомъ тому можетъ служить то, что когда угодливые люди представили ей книжку Радищева, она сказала: «Грѣхъ ему! Я занималась его воспитаніемъ, я хотѣла изъ него сдѣлать человѣка полезнаго для отечества!»

По этому случаю князь Таврическій писалъ Екатеринѣ II: «Я прочиталъ присланную мнѣ книгу. Не сержусь. Рушеньемъ Очаковскихъ стѣнъ отвѣчаю сочинителю. Кажется, матушка, онъ и на Васъ взводитъ какой-то поклепъ. Вѣрно и Вы не понегодуете. Ваши дѣянія—Вашъ щитъ».

Я не назову сочинителя упомянутой книги человѣкомъ безпокойнымъ. Этимъ именемъ честятъ нерѣдко людей, горящихъ ревностью къ правдѣ и пользѣ общей. Онъ былъ просто увлеченъ и завлеченъ. Потемкинъ не сталъ бы мстить Радищеву, Екатерина пожалѣла бы его молодость, но настояніе другихъ лицъ, на которыхъ Радищевъ бросалъ стрѣлы въ книгѣ, проложило ему дальній путь

въ Сибирь. При Павлѣ I онъ былъ возвращенъ, а при императорѣ Александрѣ I умеръ въ Петербургѣ.

Какъ часто, повторяю и здѣсь, записки бываютъ памятною книжкою смерти! Но тогда, быстро летя въ открытыхъ саняхъ съ моимъ любезнымъ товарищемъ, мы прискакали въ Новгородъ, и у меня въ памяти блеснули стихи наставника моего въ русской словесности Якова Борисовича Княжнина изъ трагедіи его Вадимъ.

О, Новгородъ! Что ты былъ и чѣмъ теперь ты сталъ?
Ты сѣверу всему уставы подавалъ.

Въ дали туманной затаивается отъ насъ бытіе древней Руси. Нашъ ли князь Рюрикъ, до прихода въ Новгородъ, былъ съ варягами подъ стѣнами Парижа, не знаю. Но вотъ 1806 года изъ стѣнъ Парижа двинулась рать, и пришла нужда Новгороду на-ряду со всѣми русскими городами выставлять новыя силы. Отжилъ вѣчевой колоколъ, не гремитъ на вѣчѣ голосъ Мароы Посадницы! На новое совѣщаніе съѣхались дворянскіе предводители изъ всѣхъ уѣздовъ новгородскихъ. Не слышно колокола вѣчеваго, а раздается благовѣстъ собора Софійскаго и призываетъ въ стѣны свои къ слушанію манифеста и для присяги новыхъ чиновниковъ. Высказана была въ манифестѣ смерть за ослушаніе въ земскихъ войскахъ, но никто при этомъ не поблѣднѣлъ и не запнулся. Всѣ твердымъ голосомъ обрекли себя на смерть за жизнь отечества. Кончилась служба. Градской голова съ сословіемъ своимъ является для принесенія пожертвованій на алтарь отечества. Несутъ граждане новгородскіе и золото, и серебро; иные несутъ и оклады съ образовъ. Такъ было при предкахъ нашихъ.

Выѣзжая изъ Новгорода, я думалъ: «Боже мой! то же солнце свѣтитъ надъ Россіей; тотъ же небосклонъ и надъ Европою. Все та же природа съ своими морями, озерами и рѣками. И все не то въ Россіи, и все не то въ Европѣ. Въ Россіи все перемѣнилось не вступно въ одно столѣтіе. Въ Европѣ все перемѣнилось въ быстромъ перелетѣ нѣсколькихъ лѣтъ. Стояли на стражѣ у нея церберы и, казалось, были умы зоркіе, а пришлось перевѣдываться штыками и пушками».

ГЛАВА XV.

Н. М. Новосильцевъ.—А. Л. Нарышкинъ.—Чтеніе трагедіи: „Михаилъ Черниговскій" у Державина.—Д. П. Трощинскій.—Полученіе денегъ. Визитъ къ М. Н. Муравьеву.—Высочайшая награда.—Чтеніе трагедіи.—Представленіе трагедіи: „Наталья, боярская дочь".—Актеръ Яковлевъ.—Поѣздка на родину.—Тумило-Данековичъ.—Родина Потемкина въ 1806 г.—Смоленскъ прежде и теперь. Французскіе плѣнные.—Разговоръ съ французскимъ полковникомъ.—Указъ 1807 г.—Чудо-богатыри. Обѣдъ старымъ солдатамъ.—Знакомство съ русскимъ народомъ.—Пріемъ свинца и пороха.—Графъ М. Ѳ. Каменскій.—Москва въ 1808 г. Первая мысль объ изданіи „Русскаго Вѣстника".—Цѣль новаго журнала.—П. П. Бекетовъ.—Разговоръ съ графомъ Ѳ. В. Растопчинымъ.—Замѣчаніе о Багратіонѣ.—Родство Ѳ. В. Растопчина съ М. С. Перекусихиной.—Возвышеніе графа.—Письмо Растопчина къ издателю „Русскаго Вѣстника".—Село Вороново.—Разсказы Растопчина.

Ночью пріѣхали мы въ Петербургъ; мнѣ не спалось, да я думаю, что и въ цѣлой Россіи рѣдко у кого былъ хорошій сонъ. Забота объ отечествѣ рано поднимала. Дорогой составилъ я записку о всемъ, что встрѣчалось, и въ семь часовъ утра отправился съ нею къ Н. М. Новосильцеву, тогдашнему начальнику коммиссіи составленія законовъ, подъ вѣдѣніемъ котораго сочиненъ былъ манифестъ 1806 года.

Сущность моей записки состояла въ томъ, чтобы въ необычайныхъ обстоятельствахъ извѣщать предварительно мѣстныя начальства и приходы церковные о такихъ мѣрахъ, съ какими сопряжено составленіе земскихъ войскъ. О разговорѣ моемъ съ нимъ я упоминалъ выше.

Было девять часовъ утра. И время, и все тогда торопилось. Передавъ записку, я поспѣшилъ къ Александру Львовичу Нарышкину, съ просьбой о выдачѣ мнѣ денегъ за С у м б е к у. Я засталъ у него много различныхъ лицъ съ разспросами о тогдашнихъ обстоятельствахъ.

Едва только вошелъ въ залу Александръ Львовичъ, я обратился къ нему съ просьбой о выдачѣ мнѣ денегъ за мои пьесы. «Теперь недосугъ», отвѣчалъ онъ. Эти слова были для меня громовыми ударами. Что будетъ со мною и моею службой, если не получу денегъ отъ театра? Между тѣмъ я отправился къ Державину съ трагедіей моею—М и х а и л ъ, к н я з ь Ч е р н и г о в с к і й, бывшею еще въ рукописи. У него тоже было многочисленное собраніе, и я въ кругу его читалъ мою трагедію. Она произвела дѣйствіе, потому что со-

держаніе ея примѣняли къ тогдашнимъ обстоятельствамъ. Въ трагедіи моей Михаилъ, князь Черниговскій, говоря о первомъ нашествіи на землю русскую монголовъ или татаръ, восклицаетъ:

Мы не смиряемся, мы Бога забывали,
За тяжкой прахъ земной мы небо продавали.
И съ грознымъ воинствомъ къ намъ налетѣлъ Батый.

При этихъ словахъ всѣ слушатели воскликнули имя новаго завоевателя нашего вѣка.

Возвратясь домой, нахожу слѣдующую записку отъ Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго, тогдашняго министра юстиціи: «Общій нашъ пріятель, Василій Назаровичъ Каразинъ, пришелъ ко мнѣ отъ Державина въ восторгѣ отъ вашего Михаила; онъ говоритъ, что это живая исторія, которая по Европѣ ходитъ и движется; грѣхъ вамъ будетъ, если обойдете меня: въ 1781 году, когда я служилъ при смоленскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Рѣпнинѣ, мнѣ первому удалось поздравить батюшку вашего съ посѣщеніемъ, которымъ удостоила его императрица».

Напоминаніе объ отцѣ одушевило меня. Иду къ Дмитрію Прокофьевичу. И что же? У дверей его кабинета сидѣлъ управляющій А. Л. Нарышкинъ. Видя, какъ быстро распахнулись для меня двери кабинета министра, онъ всталъ и низко поклонился мнѣ, а у меня мелькнула мысль въ головѣ воспользоваться этимъ случаемъ. Не стану говорить, съ какимъ жаромъ читалъ я мою трагедію, и какими похвалами дарилъ меня министръ, а вотъ въ чемъ дѣло: я высказалъ Трощинскому рвеніе мое къ службѣ и неполученіе отъ А. Л. Нарышкина денегъ. Онъ взялъ перо, листъ бумаги и быстро написалъ нѣсколько строкъ. Позвавъ управляющаго Нарышкина, онъ отдалъ ему записку. Итакъ, безъ исканья, бѣганья и хлопотъ вечеромъ того же дня получилъ я за мою Сумбеку полторы тысячи рублей отъ управляющаго Нарышкина. Это было для меня Язоново золотое руно. И какъ я радовался, что не принялъ денегъ на мундиръ отъ добраго князя Юрія Владиміровича. Мнѣ казалось, что въ памяти объ отцѣ рука его облекаетъ меня въ военные доспѣхи.

Немедленно отправился я къ Зеленкову, къ извѣстному тогда петербургскому портному, и заказалъ себѣ милиціонный мундиръ. Въ щегольскомъ моемъ мундирѣ явился я къ М. Н. Муравьеву, тогдашнему предсѣдателю коммиссіи прошеній, и отдалъ ему письмо отъ Хераскова. Не въ однихъ міоахъ существуютъ друзья: есть святая дружба всегда и во всякое время въ сердцѣ человѣческомъ, сохранившемъ свѣжесть жизни своей. Крупныя слезы падали изъ

глазъ Муравьева на письмо Хераскова. Когда онъ успокоился, я сказалъ: «Другъ вашъ поручилъ мнѣ передать изустно, что дочитываетъ послѣднія страницы изъ жизни своей, и что еслибы довелось ему писать записки, онъ на заглавномъ листѣ выставилъ бы свои два стиха:

Наука трудная, непостижима въ вѣкъ,
Для человѣка есть наука —человѣкъ!

— Михаилъ Матвѣевичъ правъ, отвѣчалъ онъ, — человѣкъ — большая загадка. Кто думалъ и предполагалъ, что человѣкъ, вовсе безгласный до 1793 года въ Европѣ, будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ переставлять въ ней цѣлыя области по своему произволу? Я заимствовалъ въ сочиненіяхъ моихъ событія изъ сѣвера Скандинавскаго; но все это китайскія тѣни передъ тѣмъ, что мы теперь видимъ. Нашъ исторіографъ въ своемъ Вѣстникѣ Европы говоритъ, что Лафатеръ предсказываетъ, что этотъ человѣкъ не переживетъ своей славы. Не говорю, что такое его слава; но только Европа отъ 1796 до 1806 года слышитъ громы пушекъ его и не можетъ образумиться. Дошла очередь и до насъ. Я очень радъ, что вижу васъ въ милиціонномъ мундирѣ; объ усердіи вашемъ доложу государю. Михаилъ Матвѣевичъ извѣщаетъ меня, что вы желаете поднести Его Величеству ваши Юнговы ночи.

— Книга со мною, отвѣчалъ я и подалъ ее вмѣстѣ съ слѣдующимъ письмомъ къ государю: «Изъ чертоговъ царскихъ и изъ хижинъ земледѣльческихъ смерть выводитъ каждаго странника нашего міра. Одни дѣла остаются. Дѣянія великой бабки Вашего Величества перейдутъ въ исторію, а благодѣянія, оказанныя Ею моимъ родителямъ и мнѣ, живутъ въ моей душѣ. По влеченію сего чувства, памяти Ея посвящаю мою книгу».

— Приходите ко мнѣ дня черезъ два, сказалъ, прощаясь со мною, Михаилъ Никитичъ.—Я пришелъ, и богатый бриліянтовый перстень отъ государя встрѣтилъ меня у Муравьева. Привѣтствуя меня съ подаркомъ, Михаилъ Никитичъ сказалъ, улыбаясь: а я съ васъ возьму взятку. Прошу васъ сегодня ко мнѣ на вечеръ съ вашею трагедіей Михаилъ, князь Черниговскій: о ней громкая молва ходитъ по городу.

Торжествомъ былъ для меня этотъ вечеръ. Какими слезами увѣнчалъ Михаилъ Никитичъ тѣ явленія, гдѣ откликались дружба и любовь супружеская. Это было лучшимъ вѣнцомъ отжившей моей трагедіи.

Между тѣмъ, когда говорили, что я вызываю минувшее, олицетворивъ въ трагедіи моей современное, въ томъ же 1806 году гром-

кія рукоплесканія встрѣчали и провожали стихъ, произносимый Пожарскимъ въ трагедіи Крюковскаго, на петербургскомъ театрѣ:

Россія не въ Москвѣ, она въ сердцахъ сыновъ.

Но я замѣчу, что это говорилъ Пожарскій Крюковскаго, а не Пожарскій нашихъ предковъ; что Россія должна жить въ сердцахъ всѣхъ своихъ сыновъ, это святая истина, но что при предкахъ нашихъ жизнь всей земли Русской заключалась въ Москвѣ, это другая истина.

Былъ и мнѣ праздникъ въ 1806 году: на петербургскомъ театрѣ давали мою драму Наталья, боярская дочь. И теперь въ уединеніи моемъ слышу рукоплесканія при томъ мѣстѣ, когда Яковлевъ, игравшій Любославскаго, извѣстясь въ подмосковномъ имѣніи, гдѣ онъ скрывался съ Натальей, о набѣгѣ враговъ, обнажилъ мечъ и воскликнулъ: «Тѣнь моего отца, ты зовешь меня на подвигъ славы и смерти!.. Наталья, враги грозятъ землѣ Русской! Намъ должно разстаться! Смерть за отечество — торжество души русской!»

Какъ игралъ Яковлевъ, и какой онъ былъ прекрасный человѣкъ! Однажды, 1805 года, былъ я у него; мы сидѣли у окна, на которомъ лежали въ углу двѣ красныя ассигнаціи. День былъ ненастный, окно было затворено. Вдругъ раздался на улицѣ жалобный голосъ нищаго. Яковлевъ приложилъ ухо къ стеклу и прислушивался минуты двѣ. «Какой жалкій голосъ», вскричалъ онъ: «у него сама душа проситъ!» и, быстро отворивъ окно, бросилъ деньги прохожему бѣдняку.

Окно затворилъ, но сердце никогда не затворялъ для голоса страдальца. Чудное это время 1806 года! На всѣхъ театрахъ и вездѣ все кипѣло неразгаданною какою-то вѣстью о великомъ и близкомъ событіи. Есть глаголъ у времени, но многимъ ли досугъ прислушиваться къ нему? Недосугъ. Вихрь свѣта увлекаетъ, время летитъ, а судъ Божій идетъ своею стопою.

Питая благодарность къ государю, я нарочно положилъ отправиться на новую ему службу въ день его рожденія, декабря двѣнадцатаго. Иду проститься съ М. Н. Муравьевымъ; услыхавъ, что я уѣзжаю, онъ пожелалъ мнѣ счастливаго пути и просилъ присѣсть подлѣ себя:

— Говорятъ, сказалъ онъ, что въ одахъ нашихъ поэтовъ все дышитъ лестью. Вотъ я теперь перечитываю оду Петрова на день рожденія нынѣшняго государя. Въ ней поэтъ какъ будто пророческимъ голосомъ предсказалъ все то, что совершается теперь въ глазахъ нашихъ. Онъ говоритъ устами Россіи:

Пойду, на все себя отважа;
Моя тебѣ грудь—вѣрна стража
И безотказна жертва—кровь!

Это не лесть, это картина нашего времени. Я видѣлъ слезы государя, когда онъ самъ говорилъ: «Я не желалъ войны. За то Богъ послалъ мнѣ великую отраду. Торопливость всѣхъ сословій къ вооруженію и пожертвованіямъ передъ цѣлымъ свѣтомъ свидѣтельствуетъ любовь русскихъ къ отечеству и ко мнѣ».

Что влекло меня на родину, гдѣ у меня не было ничего кромѣ сердечныхъ воспоминаній? Въ душѣ родилась новая мысль, и не у меня одного. Всѣхъ и каждаго вызывала она къ защитѣ отечества и къ оборонѣ гробовъ праотеческихъ. Умный князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ правду сказалъ, что въ это время мы были всѣ равны въ ожиданіи рѣшенія судьбы нашего отечества. Когда я отдалъ наслѣдственную собственность, то никакія заботы о ней не заполоняли моихъ мыслей. Въ обыкновенное время, говорятъ, деньги и собственность все, но необыкновенныя времена показываютъ, что въ душѣ человѣческой есть нѣчто выше всего того, что̀ называютъ корыстью и личною выгодой. Надобно было служить на свое иждивеніе, и никто не роптал. Въ обѣихъ столицахъ молодые люди спѣшили подъ священныя хоругви, престарѣлые торопились присылать пожертвованія на алтарь отечества.

Изъ деревни брата моего Ѳедора Николаевича я отправился въ Духовщину записаться на службу. На этой дорогѣ каждый шагъ былъ для меня воспоминаніемъ. Вотъ памятникъ, поставленный тамъ, гдѣ 1781 года Екатерина посѣтила отцовъ моихъ. Вотъ еще наша родина—деревня Холмъ. Тутъ нѣкогда была почта, и когда-то шла большая дорога въ Петербургъ. Гдѣ вы, молодцы холмяне? Гдѣ вы, удалые ямщики своего времени? А какое тутъ было движеніе, когда сосѣдъ нашъ, князь Таврическій, ѣздилъ изъ своего села Чижова въ Петербургъ!

Пріѣхавъ въ Духовщину, я поспѣшилъ къ тамошнему дворянскому предводителю Тумило-Даненковичу. Вотъ нашъ разговоръ:

— Я пріѣхалъ къ вамъ служить.

— Это невозможно.

— Почему?

— У васъ нѣтъ помѣстья и никакой собственности.

— У меня есть собственность неотъемлемая: желаніе служить отечеству и умереть за отечество. Притомъ же и вамъ, и всѣмъ здѣсь извѣстно, что я не промоталъ и не продалъ наслѣдство: я подарилъ его сестрѣ.

*

— Это все хорошо. Но я не помѣщу васъ въ спискѣ помѣщиковъ, поступающихъ на службу.

— Отчего же это?

— Оттого что если служба продолжится, то у кого ничего нѣтъ, тому другіе дворяне должны будутъ давать. А я ничего не могу отъ себя откладывать.

— Да я и не прошу ничего! Итакъ вамъ нельзя меня принять?

— Нельзя.

— Прощайте.

— Останьтесь чай пить.

— Теперь не до чаю.

Предводитель былъ исправный и добрый человѣкъ; но у кого мысль засидѣлась на путяхъ обыкновенныхъ и указныхъ, у того въ необычайную годину она не вдругъ приподнимается. А откуда ее взять, когда нѣтъ ея въ душѣ? Что мы знаемъ и что мы видимъ? Наступилъ двѣнадцатый годъ, а духовщинскій предводитель былъ въ то время странникомъ по чужимъ сторонамъ, и 1813 года я напечаталъ въ Русскомъ Вѣстникѣ благодарное письмо къ тому семейству, гдѣ дали ему гостепріимный пріютъ. Вотъ мое мщеніе.

Полная луна освѣщала и небосклонъ, и снѣжную равнину, когда я ѣхалъ въ село Третьяково, во вторую мою родину, гдѣ любовь и ласка были первыми моими наставниками. Изъ Третьякова я поѣхалъ въ село Чижово, родину князя Потемкина. Давно хотѣлось мнѣ видѣть то мѣсто, гдѣ родился этотъ исполинъ своего времени. Я думалъ, что увижу тамъ гордыя башни великолѣпнаго готическаго замка, но увидалъ скромный пріютъ и домъ, и сельскую церковь. Ничто тутъ не перемѣнилось. Только баня, въ которой родился Григорій Александровичъ, превратилась въ каменную бесѣдку; и отъ нея небольшая лѣстница, по которой Екатерина II 1784 года іюня 4-го сходила пить воду, ведетъ къ колодцу; и стаканъ, изъ котораго она пила воду, остался въ бесѣдкѣ подлѣ простаго бюста Потемкина. Вотъ все великолѣпіе князя Таврическаго.

Происходя изъ духовнаго званія, Потемкинъ страстно любилъ читать духовныя книги. Я полагалъ, что въ селѣ ничто не перемѣнилось и что, вѣрно, остались памятники того времени. И я не обманулся. На вопросъ мой, не осталось ли какихъ духовныхъ книгъ отъ князя, управитель указалъ мнѣ на старинный шкафъ, и первая попавшаяся мнѣ книга была: Слово о священствѣ, Іоанна Златоуста. Костровъ, университетскій товарищъ Потемкина, разсказывалъ мнѣ, что во всемъ томъ, что̀ онъ читалъ, онъ дѣлалъ свои замѣтки. Такъ и было. Пробѣгаю первую завернутую страницу и читаю (предлагаю по новому переводу). «Если хочешь всѣхъ вое-

начальниковъ исчислить отъ самой глубокой древности, ты увидишь, что ихъ трофеи были большею частію слѣдствіемъ ихъ военной хитрости, и побѣждавшіе посредствомъ оной заслужили болѣе славы, нежели тѣ, кои поражали открытою силой, ибо сіи послѣдніе одерживають верхъ съ великою тратою людей, такъ что никакой не остается выгоды отъ побѣды». На полѣ эти рѣчи Потемкинъ четко отмѣтилъ чернилами: «Правда, сущая правда, нельзя сказать справедливѣе». Вижу другую завернутую страницу и читаю: «Изобиліе денегъ не то, что благоразуміе души: деньги истрачиваются». Въ отмѣткѣ Потемкина сказано было: «И это сущая правда, и я цѣлую эти золотыя слова».

Въ первый разъ въ 1795 году, по выходѣ моемъ изъ корпуса, я засталъ въ Смоленскѣ блескъ всѣхъ утѣхъ столичныхъ. Теперь же, пріѣхавъ въ Смоленскъ, вижу тѣ же дома, но въ стѣнахъ ихъ не то. Роскошь, опрокинувшись на соху, ожидала отъ нея новой животворной силы. Удивлялся однакоже Наполеонъ, услышавъ, что отъ этой сохи внезапно явилось шестьсотъ тысячъ ратниковъ. Еще болѣе удивлялся, что эта громада собралась и не двигалась.

Въ Смоленскѣ я остановился въ гостиницѣ итальянца Чаппо. Снаряжали земское войско, а между тѣмъ часъ отъ часу болѣе прибывало въ Смоленскъ плѣнныхъ. Въ числѣ ихъ былъ и графъ Сегюръ, молодой адъютантъ Наполеона. Не знаю, сынъ ли онъ того Сегюра, который былъ посломъ при Екатеринѣ II. Въ этой же гостиницѣ Чаппо отведенъ былъ постой и другому плѣнному французскому полковнику.

На другой день поутру прихожу я въ общую залу. Полковникъ сидѣлъ въ задумчивости и курилъ трубку. Чаппо, указывая ему на меня, сказалъ:

— Вотъ и господинъ профессоръ Глинка вступилъ въ милицію.

Завязался разговоръ.

— Извините,—сказалъ я,—при всемъ уваженіи моемъ къ ученому сословію, я никогда не былъ по недостатку учености профессоромъ. Я служилъ офицеромъ и теперь поступаю на службу безъ всякаго жалованья, но употребя на это мои трудовыя деньги.

— C'est bien! C'est très bien!

A tous les coeurs bien nés, que la patrie est chère!

— Вижу, полковникъ, что у васъ душа пламенная, благородная, а потому спрашиваю у васъ, зачѣмъ Наполеонъ исторгъ васъ изъ нѣдръ вашего прекраснаго отечества! Зачѣмъ превращаетъ онъ области европейскія въ дымные биваки? Зачѣмъ идетъ онъ путемъ Атиллы? Ужели онъ забылъ, что высокомѣрный Людовикъ XIV,

истощивъ Францію войной и расточительностью, сказалъ у дверей гроба:

— Я слишкомъ любилъ войну, я обременялъ народъ!

— Это правда. Это исторія, но по законамъ военной чести мы не разсуждаемъ, а повинуемся.

— Вы правы, честь—подруга военной славы. Но съ горестью предрекаю, что ваши соотечественники будутъ жертвою новаго завоевателя. Онъ не остановится и не можетъ остановиться. Макіавель давно сказалъ, что новый обладатель долженъ непрестанно поражать умы подвигами необычайными. Перестанетъ онъ удивлять, и къ нему охладѣютъ. На чредѣ консула онъ казался намъ потомкомъ Камилловъ, Фабриціевъ и Цинцинатовъ. Признаюсь вамъ, что и я, и мой другъ полковникъ Тучковъ (о которомъ писали, что въ Голоминскомъ сраженіи, подъ градомъ пуль, онъ дѣйствовалъ какъ-будто на ученьѣ), мы стремились стать подъ знамена генерала Бонапарта.

— Передъ Голоминскимъ сраженіемъ у васъ были исправные и усердные шпіоны. По своей привычной опрометчивости Мюратъ думалъ напасть врасплохъ на русскія войска; но все было предупреждено, сказалъ полковникъ.

— Полагаю, что лучшіе шпіоны—предусмотрительность и осторожность. А гдѣ дѣло идетъ на червонцы, тамъ легко сдѣлать перевѣсъ совѣсти.

— Насъ обманули,—мы встрѣтили не то, чего ожидали; отпоръ былъ силенъ, и я былъ взятъ въ плѣнъ. Вашъ начальникъ князь Голицынъ и ваши войска не дремали. Но не моренгскіе лавры занимали воображеніе наше. Наполеонъ очаровалъ насъ сіяніемъ славы египетской.

— Мы думали, что, возвратясь изъ этой исторической страны, онъ увѣковѣчится именемъ миротворца. Въ моихъ мечтахъ я воспѣвалъ на вашемъ языкѣ будущаго миротворца Европы; стихи слабы, я писалъ ихъ какъ скиѳъ, но въ восторгѣ душевномъ. Вотъ что изъ нихъ помню:

Les champs de l'Italie le proclamèrent vainqueur.
Tu seras plus grand encore au retour de l'Egypte,
Qui remet les lauriers au pacificateur:
Le nom et servira de couronne et d'égide [1]).

— Я вижу, что вы любите французскій языкъ.

— Я люблю и Францію, и все человѣчество. Но откровенно скажу, что я питалъ какое-то особенное пристрастіе къ вашимъ зем-

---

[1]) Италія гласитъ: ты громкій побѣдитель,
Будь болѣе еще безсмертенъ примиритель.
Отъ громкихъ пирамидъ въ Европу возвратясь,
Миротвореніемъ скрѣпи съ потомствомъ связь.

лякамъ, а потому душевно желѣю, что кровь будетъ обливать Европу. Англія, откинутая морями, достигнетъ своей цѣли.

Тутъ я бросился къ себѣ на верхъ, взялъ Боссюэтову рѣчь О всемірной исторіи и, возвратясь къ полковнику, прочиталъ ему то мѣсто, гдѣ авторъ говоритъ: «Непобѣдимое постоянство Рима побѣдило Кароагенъ».

— Такимъ же упорнымъ постоянствомъ Англія побѣдитъ Францію. Наполеонъ погибнетъ.

Мы разстались пріятелями.

Вскорѣ послѣ разговора съ полковникомъ разнеслась молва, что по первой повѣсткѣ отъ Беннигсена земскія смоленскія войска выступятъ въ походъ, и хорошо бы было. Наши земскіе ратники взвились бы соколами за орлами нашими. Въ необычайныхъ обстоятельствахъ, повторяю и здѣсь, мѣшкотность отнимаетъ душевныя силы. Готовясь въ походъ, и я двинулся въ ряды, но не въ свой родной уѣздъ, а въ Сычевскій, гдѣ уѣздный предводитель, Иванъ Николаевичъ Ефимовичъ, принялъ меня въ званіи бригадъ-маіора.

Въ февралѣ 1807 года воспослѣдовалъ указъ, которымъ вызывали на службу отставныхъ солдатъ. Было бездорожье и ненастье. Но ничто не удерживало нашихъ чудо-богатырей, говоря по-Суворовски. (Тогда же слово ветеранъ не было еще въ ходу ни у военныхъ, ни у писателей). По долгу службы моей, мнѣ надлежало сдѣлать имъ перекличку и составить списокъ. Они мнѣ показались движущимися памятниками русской славы, отживающими лѣтами, но не усердіемъ. Хотя на нихъ самихъ, на ихъ грудяхъ, унизанныхъ медалями, высказывались послужные ихъ списки, но мнѣ хотѣлось породниться съ ихъ именами, и я громко выкрикивалъ ихъ службу. Да и было что вычитывать! Иной былъ при взятіи Бендеръ съ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ, иные были съ княземъ Потемкинымъ при паденія Очакова; другіе подъ Кагуломъ съ Румянцевымъ и при трудномъ переходѣ за Дунай, когда тринадцать тысячъ русскихъ шли на потрясеніе державы Оттоманской; другіе были съ Суворовымъ при взятіи Измаила. Тутъ были и богатыри, выдержавшіе упорныя битвы при Требіи, при Нови и при переходѣ черезъ вершины Альпійскія. Были тутъ и тѣ, которые, вытерпя борьбу съ волнами морскими, сражались на берегахъ древней Батавіи. Словомъ, тутъ какъ-будто олицетворилась и военная исторія временъ Екатерины II, и исторія русскихъ въ Европѣ за Европу. Кто принудилъ этихъ примогильныхъ сыновъ русской славы, кто принудилъ и безрукихъ, и безногихъ, и слѣпыхъ пройти по сто и болѣе верстъ? Кто вринудилъ ихъ въ бури зимнія? Любовь къ родинѣ и сила святой вѣры!

— Братцы! сказалъ я имъ: — вы давно отслужили свою службу съ честью и славою. Ваши раны, ваши почетные знаки, все ручается за вашу вѣру и вѣрность. Ступайте съ Богомъ по домамъ и отдыхайте: вы выработали спокойствіе кровью и ранами своими.

— Не пойдемъ! вскричали и безрукіе, и безногіе, и слѣпые. — Не пойдемъ!

Слѣпые говорили:

— Кому Богъ оставилъ глаза, тотъ поведетъ насъ подъ пули и въ штыки.

Безногіе и увѣчные восклицали:

— Не отстанемъ отъ молодыхъ. Крикнутъ впередъ — и мы будемъ впереди!

Уѣздный начальникъ, городничій и добрые сычевскіе граждане устроили обѣдъ для нашихъ богатырей. Я самъ разносилъ имъ вино и пиво. Бывалъ я въ свое время на пирахъ роскошныхъ, но такого не видывалъ. Тутъ все было на распашку: и душа, и сердце, и живое русское слово. Когда маститая кровь поразогрѣлась, одинъ семидесяти-восмилѣтній, на видъ еще бодрый, воинъ сказалъ мнѣ:

— А вотъ, батюшка, когда давеча ты звонкимъ голосомъ такъ рѣчисто высчитывалъ нашу службу, у меня такъ и запрыгало сердце и за каждое слово говорило тебѣ спасибо.

А грамотные унтеръ-офицеры говорили:

— Вѣдь и мы читали государевъ манифестъ. Тамъ сказано, что пришла пора идти на оборону могилъ отцовскихъ. Вотъ мы и пошли, да, вѣдь и у насъ же были отцы и матери!

Въ числѣ сошедшихся ратниковъ въ Сычовкахъ были двое изъ того корпуса бугскихъ егерей, съ которымъ Кутузовъ дѣйствовалъ подъ Измаиломъ.

— Братцы, — сказалъ я, — выпейте за здоровье вашего прежняго начальника!

Раздался общій голосъ:

— Да! мы выпьемъ за его здоровье! Никому изъ насъ не чужой Михаилъ Ларіоновичъ, онъ съ нашимъ братомъ-солдатомъ одну кашу кушивалъ!

И застучали чарки. Я выпилъ также чарку за здоровье богатырей, за всѣхъ тѣхъ, кто любитъ русскихъ солдатъ. Раздалось общее ура.

Въ необычайный годъ среди русскаго народа ознакомился я съ душою нашихъ воиновъ.

Что же почувствовалъ я, видя порывъ души богатырей русскихъ? Они подарили меня сокровищемъ обновленія мысли.

Мнѣ стыдно стало, что доселѣ, кружась въ какомъ-то невѣ-

домомъ мірѣ, не зналъ я ни духа, ни кореннаго образа мыслей русскаго народа. Въ шумѣ большаго свѣта, на балахъ и вечерахъ этого не было. Но время могучею силой вывело духъ русскій передъ лицомъ нашего отечества и передъ лицомъ Европы. Онъ повелъ меня, какъ далѣе увидимъ, къ новой жизни. И этотъ первый урокъ повелъ меня постепенно къ изданію Русскаго Вѣстника. Въ первый разъ на тринадцатомъ году встрѣтилъ я лѣтопись Нестора у сычевскаго городничаго. Имя его забылъ, но зато и теперь помню слова его объ общемъ и внутреннемъ хозяйствѣ Россіи: «Деревни и села»,—говорилъ онъ,—«суть основаніе зданія нашего отечества; уѣзды и губернскіе города—стѣны, а столица—кровли».

Выше сказано, что въ февралѣ 1807 года былъ вызовъ отставныхъ солдатъ. Того же года, въ мартѣ мѣсяцѣ. воспослѣдовалъ указъ о сформированіи или устроеніи подвижныхъ батальоновъ и стрѣлковъ по уѣздамъ, и тогда же предписано было, чтобы изъ каждаго уѣзда явился въ Смоленскъ чиновникъ для закупки пороха и свинца. Отъ трагедіи моей Сумбеки остались у меня деньги, а потому, чтобы нарядомъ чиновника изъ деревни не упустить времени, я самъ вызвался ѣхать въ Смоленскъ, въ сопровожденіи подводъ, съ рядовыми на свой счетъ. Изъ двѣнадцати уѣздовъ собралось двѣнадцать человѣкъ для пріема свинца и пороха, но въ арсеналахъ не оказалось ни того, ни другаго. Суворовъ назвалъ бы это недомекомъ, недоглядкою; но я съ избыткомъ былъ награжденъ за свою поѣздку, и вотъ какимъ образомъ: при прощаніи со мною, мой уѣздный начальникъ, И. Н. Ефимовичъ, препоручилъ мнѣ побывать у графа Михаила Өедотовича Каменскаго, котораго сынъ, Сергѣй Михаиловичъ, былъ женатъ на его дочери.

1807 года, марта 17-го, по упомянутому порученію пошелъ я къ фельдмаршалу Каменскому. Онъ пріѣхалъ въ Смоленскъ по-Суворовски, въ кибиткѣ, съ однимъ мальчикомъ, и остановился въ скромномъ купеческомъ домѣ, подъ горой. Дорогой я встрѣтился съ Павломъ Николаевичемъ Ефимовичемъ, роднымъ братомъ моего уѣзднаго начальника. На вопросъ, куда я иду, я отвѣчалъ: «Къ фельдмаршалу».—«И я туда же иду; пойдемте вмѣстѣ». Входимъ къ фельдмаршалу: онъ лежалъ на постели, подъ одѣяломъ, въ рукахъ его была книга, а на глазахъ надѣты очки. У кровати, на столѣ, стоялъ чайникъ съ чашкой. При входѣ нашемъ онъ сильно кашлянулъ и отхаркнулъ кровью. Выслушавъ мой привѣтъ, фельдмаршалъ усадилъ меня у изголовья постели, а товарищу моему указалъ мѣсто у стѣны. Быстрымъ взглядомъ окинувъ меня съ головы до ногъ, онъ спросилъ:

— Гдѣ ваша перевязь? Вчера былъ у меня вашъ губернскій начальникъ со всѣми офицерами: у нихъ у всѣхъ перевязи по мундиру.

Я отвѣчалъ, что перевязь моя петербургской работы, что въ Смоленскѣ всѣ ею любуются, а потому изъ скромности я спряталъ ее подъ мундиръ. Фельдмаршалъ улыбнулся и прилегъ; минутъ пять было глубокое молчаніе, и вдругъ слышимъ голосъ: «Съ кого сниметъ Богъ руки, будетъ тотъ Іовомъ многострадальнымъ. Копилъ я кое-какую славу пятьдесятъ лѣтъ, и хотятъ отнять ее у меня въ одну минуту; надѣюсь на правоту государя и на безпристрастіе соотечественниковъ». Крупныя слезы сверкнули въ очахъ фельдмаршала. Не отирая ихъ, онъ продолжалъ: «Я встрѣтилъ армію необъятную, невиданную въ наше время. Для приведенія въ порядокъ я обскакалъ ее верхомъ верстъ полтораста. Король прусскій обѣщалъ доставить продовольствіе, но не могъ. Непріятель таковъ, что коли прорвется, то прямо въ Камчатку. А потому онъ не ожидалъ, что его державу постигнетъ такой ударъ; я хотѣлъ приблизить войско къ границамъ, во-первыхъ, для того, чтобы поставить твердый оплотъ, а во-вторыхъ и для того, чтобы снабдить надежнымъ продовольствіемъ. Мы теперь отгрызываемся, откусываемся, но не побѣждаемъ. Все зависитъ отъ превосходнаго числа войскъ. У кого будетъ десятью человѣками болѣе, на сторонѣ того будетъ побѣда. Черезъ три мѣсяца я буду оправданъ!» Такъ и вышло, и почти день въ день пришлось отъ 9-го марта до перемирія 2-го іюня 1807 г.

Увлеченный душевнымъ разсказомъ графа, я предложилъ вопросъ:

— Какой тактикѣ вы отдаете преимущество, — прежней или нынѣшней?

При этихъ словахъ у графа засверкали глаза, онъ приподнялся съ постели, яростнымъ львомъ опрокинулся онъ на меня, схватилъ за грудь и закричалъ:

— Что ты, шпіонъ, пришелъ меня добить, убить?

Товарищъ мой поблѣднѣлъ; неловко было и мнѣ въ рукахъ фельдмаршала: перерывчитымъ голосомъ я сказалъ:

— Возможно ли это?

Графъ прилегъ и минуты черезъ три снова и съ тѣмъ же ожесточеніемъ напалъ на меня. Спасибо услужливой памяти, выручила меня въ эту трудную минуту.

— Ваше сіятельство, — сказалъ я, — я въ первый разъ вижу того полководца, о которомъ Фридрихъ II говорилъ въ сочиненіяхъ своихъ, что онъ первый тактикъ въ Европѣ.

Налетѣвшая на меня туча съ громомъ и молніей изъ устъ

фельдмаршала укротилась. Лицо его прояснилось, онъ прилегъ, а я продолжалъ:

— Я виноватъ, что потревожилъ васъ вопросомъ. Но вотъ къ чему онъ клонился. Если военное искусство должно служить къ защитѣ, а не къ пагубѣ людей, то какая тактика этому способствовала: та ли, которая существовала до французской революціи, или та, которая возникла послѣ нея? Дотолѣ ни въ древней, ни въ новой исторіи не было примѣра, чтобы въ одинъ день, въ одинъ часъ, кипѣли битвы на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ. А мы видѣли, что въ первые мѣсяцы 1799 года были одновременно сраженія отъ истока Рейна до впаденія его въ море.

Не хвалюсь, но фельдмаршалъ чрезвычайно внимательно слушалъ мое объясненіе. Вмѣсто непосредственнаго и положительнаго отвѣта, графъ тотчасъ началъ о военномъ дѣлѣ, отъ обожженныхъ кольевъ до нашихъ временъ. Память, соображеніе и живое слово— все тутъ было. Графъ, по окончаніи разсказа, повторилъ:

— А черезъ три мѣсяца я буду оправданъ.

Прощаясь со мною, фельдмаршалъ поцѣловалъ меня.

Едва мы вышли, Ефимовичъ сказалъ мнѣ:

— Что вы надѣлали, Сергѣй Николаевичъ?

— Что такое? отвѣтилъ я.

- Вы видѣли яростнаго льва и слышали соловья.

Будущій историкъ станетъ доискиваться причины отъѣзда фельдмаршала Каменскаго отъ арміи; тутъ обстоятельство самое простое. Беннигсенъ прежде Каменскаго принялъ армію съ письменнымъ уполномочіемъ въ дѣйствіяхъ своихъ. Фельдмаршалъ, по пріѣздѣ своемъ, предложилъ, какъ мы видѣли, отступленіе. Беннигсенъ не согласился. Завязалось преніе, къ жару котораго Беннигсенъ предъявилъ свое уполномочіе. Могъ ли онъ это сдѣлать при старшемъ, при фельдмаршалѣ? Не знаю; но вотъ что достовѣрно: оставя начальство, Каменскій не былъ въ бездѣйствіи. Въ проѣздъ свой, замѣтя по движеніямъ войскъ, что Мюратъ готовится напасть на князя Д. В. Голицына, онъ предупредилъ этого послѣдняго и сдѣлалъ надлежащее распоряженіе. Князь Голицынъ не скрылъ этого обстоятельства отъ міра военнаго. Объ этомъ напечатано было въ описаніи его подвиговъ, въ жизнеописаніяхъ нашихъ генераловъ.

Я вернулся въ Москву съ душей обновленною, и мнѣ казалось, что вижу ее въ первый разъ. 1806 года мнѣ душно было въ обширныхъ ея стѣнахъ. Тогда мысли мои стремились подъ хоругви отечества; тогда какое-то нетерпѣніе туманило все въ моихъ глазахъ! Въ 1808 году, на каждой улицѣ, на каждомъ перекресткѣ, представлялся мнѣ новый міръ, вызываемый воображеніемъ изъ прошед-

шаго. Словомъ, Москва явилась мнѣ въ своемъ подлинномъ видѣ, то-есть завѣтною, живою лѣтописью земли Русской. Я спѣшилъ ознакомиться съ каждымъ ея памятникомъ, и каждый день былъ для меня новымъ открытіемъ, новымъ пріобрѣтеніемъ. Въ этомъ расположеніи духа задумалъ я издавать Русскій Вѣстникъ. Тильзитскій миръ былъ просто перемиріемъ. Выше показалъ я мысли мои о томъ, что и Москвѣ не миновать жребія европейскихъ столицъ. А потому, главнымъ основаніемъ, главною цѣлью Русскаго Вѣстника предположилъ я возбужденіе народнаго духа и вызовъ къ новой и неизбѣжной борьбѣ. Часъ отъ часу болѣе расширялось въ умѣ моемъ новое поле для новыхъ понятій. Но какъ было дать имъ выходъ? Чѣмъ же и какъ могъ я превратить поле въ ниву? Разработка требуетъ рукъ, а руки—двигателя, то-есть денегъ. Но ратная моя попытка умчала все мое трудовое.

О деньги, деньги—Вавилонъ!

сказалъ сочинитель оперы Оленька, осыпанный всѣми дарами счастія мірскаго. А если и любимецъ фортуны подъ часъ говорилъ это, то какъ же мнѣ—рыцарю безталанному, не прокрикивать было Вавилона? Но Богъ не безъ милости, а свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Нашелся такой человѣкъ и для меня, въ лицѣ Платона Петровича Бекетова. Въ молодости своей онъ жилъ въ Петербургѣ, а переселясь въ Москву, оставилъ свѣтъ, жилъ въ области изящныхъ искусствъ, наукъ и словесности, и между тѣмъ имѣлъ типографію. Изъ сыновъ Россіи Платонъ Петровичъ прежде всѣхъ сталъ вызывать изъ прошедшихъ вѣковъ лица, бывшія или слывшія въ свое время знаменитостями. Зала его была увѣшана ихъ портретами, съ краткими жизнеописаніями Карамзина. Въ типографіи его изъ моихъ чернильныхъ трудовъ напечатаны были до 1808 года: Исторія ума человѣческаго, Юнговы ночи, Наталья—боярская дочь, Сумбека, Русская повѣсть въ стихахъ и Царица Наталья Кирилловна. Съ нѣсколькими заготовленными тетрадками для Русскаго Вѣстника отнесся я къ Бекетову и за двѣнадцать книжекъ просилъ тысячу двѣсти рублей.

— Издавайте сами,—отвѣчалъ Бекетовъ,—это будетъ для васъ выгоднѣе.

— Нельзя,—отвѣчалъ я,—у меня ничего нѣтъ, а изъ ничего одинъ Богъ создалъ свѣтъ. У васъ печатанъ переводъ Донъ-Кихота. Попаду и я въ его рыцарство, если съ пустымъ карманомъ пущусь на журнальное поприще.

Сердечный вызовъ отклонилъ всѣ неудобства.

— Напечатаніе двухъ первыхъ книжекъ,—сказалъ Бекетовъ,—

я беру на себя и на свой счетъ, и если не будетъ подписчиковъ, то издержки останутся за мною.

Не знаю, такъ ли радъ былъ Колумбъ, когда послѣ упорной борьбы съ океаномъ и съ предубѣжденіемъ современниковъ взглянулъ въ первый разъ на берега Новаго Свѣта, какъ восхитился я, найдя средство пуститься отыскивать старинный русскій бытъ.

Объ изданіи Русскаго Вѣстника помѣстилъ я въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Увѣдомленіе о Русскомъ Вѣстникѣ возбудило и недоумѣніе, и удивленіе. Въ то время я жилъ въ блестящемъ кругу московскомъ; для обѣдовъ мнѣ не нужно было разводить огня. Москва тогда кипѣла хлѣбосольствомъ. Домъ А. С. Небольсиной былъ первымъ домомъ гостепріимнымъ; по четвергамъ у нея были званые обѣды. Въ первый четвергъ, по выходѣ моего увѣдомленія о Русскомъ Вѣстникѣ, я встрѣтился у нея съ гр. Ѳ. В. Растопчинымъ. Я всѣхъ пережилъ! Кажется, давно ли это было? А гдѣ они всѣ! Тамъ, куда неизбѣжная дорога всѣмъ пришельцамъ міра сего.

А какое раздолье мысли было тогда для меня! Какими остротами графъ приправлялъ каждое блюдо! У него въ каждомъ словѣ было что-то волшебное.

Обѣдъ кончился. Съ ласковымъ привѣтомъ графъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Я читалъ ваше увѣдомленіе; отважное ваше предпріятіе удивляетъ меня.

— Что же тутъ удивительнаго?—отвѣчалъ я:—издатель Русскаго Вѣстника хочетъ въ Россіи говорить о Россіи. Я видѣлъ народъ русскій: въ земской моей службѣ я ознакомился съ духомъ его; я прислушивался къ душевному его голосу. Да и вы сами, графъ, такъ умно и живо высказали, въ лицѣ вашего Богатырева, въ вашихъ Мысляхъ вслухъ на Красномъ крыльцѣ, духъ русскаго народа. Мое перо не чета вашему; у вашего пера крылья, и ваши Мысли вслухъ разлетѣлись на всеуслышаніе.

— Благодарю васъ за вашъ отзывъ, но я крайне неблагодаренъ А. С. Шишкову за то, что онъ, безъ моего согласія, перепечаталъ мои листки и поставилъ на ряду съ Багратіономъ и другими русскими полководцами имя Беннигсена, о которомъ я и не думалъ. Но объ этомъ поговоримъ послѣ, а теперь предлагаю вамъ себя въ сотрудники, только съ условіемъ: запальчивое перо мое часто бываетъ заносчиво; удерживайте, останавливайте меня.

— Графъ, отвѣчалъ я,—предложеніе ваше для меня и самое лестное, и самое трудное. Между нами такое большое разстояніе!

— Полно, полно; гдѣ дѣло идетъ о пользѣ общей, тамъ нѣтъ разстоянія, и тамъ не считаются чинами.

Здѣсь кстати упомянуть, что доставило блестящую славу Багратіону 1805 г. въ первую попытку русскихъ войскъ съ Наполеономъ, когда австрійскій генералъ Макъ сдалъ крѣпость Ульмъ безъ выстрѣла, Кутузовъ выступилъ изъ Браунау, преслѣдуемый упорно легіонами императора Наполеона. Къ облегченію главныхъ своихъ войскъ, Кутузовъ оставилъ Багратіона на цѣлый переходъ отъ себя. Ночью подъ Голлосбруномъ, нѣсколько корпусовъ французскихъ, въ томъ числѣ и гренадеры Удино, со всѣхъ сторонъ стѣснили нашихъ. Сами французы пишутъ, что хитрость спасла русскихъ. Въ первые наши ряды поставлены были офицеры, знавшіе французскій языкъ. При движеніи ихъ, на кликъ французовъ: «Кто идетъ?» изъ рядовъ русскихъ раздался громкій отвѣтъ: «Ce sont les nôtres!» «Наши». Такъ прошелъ князь Багратіонъ, и Кутузовъ въ извѣстіи своемъ повѣстилъ, что онъ отбился отъ французовъ, въ обѣихъ столицахъ посыпались на Багратіона лавры и пальмы. Шишковъ превратилъ его въ Бога войны: Богъ-рати-онъ, и въ Москвѣ, въ англійскомъ клубѣ, дали ему торжественный обѣдъ.

Обращаюсь къ графу Растопчину.

Обстоятельства выказываютъ человѣка. По смерти князя Таврическаго, у котораго графъ Растопчинъ былъ въ числѣ адъютантовъ, о немъ почти вовсе не было слышно. Знали его только по его острымъ шуткамъ и потому, что былъ родственникомъ Марьи Савишны Перекусихиной, близкой и къ Екатеринѣ, и къ добру. Такъ говорили объ ней и во дворцѣ, и въ городѣ, и въ народѣ, и въ стѣнахъ того корпуса, гдѣ я воспитывался. И если общее хорошее мнѣніе даритъ счастьемъ, то, безъ сомнѣнія, Марья Савишна была счастлива.

Съ восшествіемъ на престолъ Павла I, Ѳ. В. Растопчинъ быстро награжденъ былъ и орденомъ Андрея Первозваннаго, и графствомъ, и званіемъ министра иностранныхъ дѣлъ. Вспыхнувшая 1799 года война съ Французскою республикой открыла графу Растопчину блистательное поприще. Онъ оказалъ большія способности, сопряженныя съ его чредой, и съ именемъ его ознакомилась вся тогдашняя политика европейская.

Въ Русскомъ Вѣстникѣ 1808 года было напечатано, что Тильзитскій миръ, заключенный въ 1807 году, былъ только временнымъ перемиріемъ, и что если, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, снова будетъ война между Россіей и Франціей, то въ отечествѣ нашемъ будутъ приняты всѣ надлежащія мѣры къ отраженію властолюбиваго завоевателя. Но справедливость требуетъ сказать, что графъ первый, еще въ 1807 году, своими Мыслями

вслухъ на Красномъ крыльцѣ, вступилъ такъ-сказать въ родственное сношеніе съ мыслями всѣхъ людей русскихъ. Его листокъ облетѣлъ и чертоги, и хижины, и какъ будто былъ передовою вѣстью великаго 1812 года.

Войдя со мною въ сотрудничество по Русскому Вѣстнику, графъ писалъ ко мнѣ слѣдующее письмо изъ своего села Воронова: «Спасибо вамъ за напечатаніе грамотки моей въ 1-й книжкѣ Русскаго Вѣстника. Мой «Устинъ Вѣниковъ» (такъ подписался графъ подъ статьей своею, и статьей смѣлою) — продолженіе моего Богатырева и его «Мыслей вслухъ на Красномъ крыльцѣ». Пора духу русскому пріосаниться. Шопотъ — дѣло сплетницъ. А я спѣшу вамъ сказать, что нашъ молодецъ Суворовъ пріосанилъ мое перо, и оно изъ жизни его вырвало кое-что такое, что мысль и слово его ставитъ на одной чертѣ съ его геройствомъ. Этотъ чудакъ-герой какъ будто и изъ могилы своей выкликаетъ душу, разумѣется, душу русскую».

Тутъ былъ слишкомъ лестный намекъ на Русскій Вѣстникъ: пропускаю его: что прошло, то и поминай какъ звали. Продолжаю письмо: «Вамъ, любезный мой сотрудникъ, непремѣнно надобно побывать у меня въ селѣ Вороновѣ, гдѣ и получите отъ меня анекдоты о Суворовѣ, иначе не выпущу ихъ изъ рукъ. А чтобы вамъ не соскучиться на дорогѣ, я пригласилъ вамъ въ товарищи Д. А. Новосильцева и общаго нашего пріятеля Н. С. Муромцева. Оба они, по обычаю нашей молодежи, рыскали по чужимъ краямъ. Первый былъ тамъ съ нынѣшнимъ министромъ финансовъ Гурьевымъ. Оба они, по замашкѣ ума, въ грязь лицомъ не ударятъ. Готовьтесь навострить слухъ къ выслушанію вѣстей о пресловутой Европѣ, которую теперь нянчитъ и водитъ на помочахъ нашъ другъ Наполеонъ. Можетъ быть изъ краснобайства о заморскомъ выскажется что-нибудь и о нашей матери—землѣ Русской. Вѣдь все теперь еще въ раздумьи и въ разгулѣ. Но что земля Русская намъ не мачеха, объ этомъ готовъ спорить до тѣхъ поръ, пока не лягу въ матерь сырую землю. Чего нѣтъ въ нашей родной колыбели? Было бы только у насъ горячее къ ней сердце, да обнимала бы ее покрѣпче дума русская, а то постоитъ она за себя».

Съ распростертыми объятіями принялъ меня хозяинъ села Воронова. И что это было за село! Все кипѣло тамъ привольемъ жизни. Думалъ ли самъ владѣлецъ, что года черезъ четыре онъ собственною рукой отдаст его въ жертву пламени?

Послѣ обѣда товарищи мои пошли осматривать хозяйственныя заведенія графа, а онъ взялъ меня за руку, повелъ въ свой кабинетъ и сказалъ:

— Тутъ будетъ исповѣдь моя сотруднику моему.

Передаю отчасти слышанное на этой исповѣди.

Но если и Жанъ-Жакъ Руссо признавался, что перо его никогда не уловляло полета тѣхъ мыслей, которыя наполнялись въ головѣ его въ уединенныхъ прогулкахъ, то и неудивительно, что подъ моимъ перомъ поблекнутъ краски разсказа графа Растопчина, въ духѣ его Богатырева, съ самородными поговорками.

«Люблю Суворова, — сказалъ графъ,—съ восторгомъ пишу о немъ. Но онъ большой сдѣлалъ промахъ въ Вѣнѣ. Онъ слишкомъ круто наступалъ на грудь членамъ гофкригсрата, которые и тамъ привыкли къ раздумью, гдѣ дѣло само собою кипѣло. Суворовъ это зналъ. Жаль, что на этотъ разъ не прикинулся лисой. Тутъ пригодилась бы и змѣиная хитрость. Чѣмъ швырять бѣлый листъ членамъ совѣта на вопросъ: въ чемъ состоитъ планъ его кампаніи? онъ могъ бы по-своему наговорить имъ турусовъ на колесахъ. Ему за велерѣчіемъ не нужно ходить въ карманъ. Не спохватился, оплошалъ. Зналъ онъ, говоря его словами, и тактику, и практику, а за спиной себя оставилъ распѣтушенную спесь. Ему ли было не вѣдать, что взбѣшенное самолюбіе, во что бы ни стало, потѣшитъ себя мщеніемъ. Графъ Разумовскій тогда же писалъ ко мнѣ изъ Вѣны, что и баронъ Тугутъ и всѣ члены совѣта чрезвычайно раздражены противъ нашего героя, но что англичане всѣми силами отстаиваютъ его. Впрочемъ, прибавилъ нашъ посолъ, — Суворовъ не замедлитъ и побѣдами, а предъ побѣдителемъ невольно умолкнутъ и негодованіе, и досада. А я прибавлю, что, какъ русскій, Суворовъ хорошо поступилъ. Императоръ Павелъ I, полагаясь на его знаніе и опытъ, не требовалъ никакого предварительнаго отчета въ дѣйствіяхъ. Онъ вѣрилъ его славѣ, его генію. Но гофъ-кригсъ-ратъ иначе судилъ. А между тѣмъ, летая по полямъ Италіи орломъ, нашъ богатырь Рымникскій показалъ и доказалъ Европѣ, что онъ не съ одними мусульманами умѣетъ управляться. Серюрье, Макдональдъ, Жубертъ, Моро, нечего сказать, всѣ были молодцами. Легіоны ихъ дрались какъ львы; но трехцвѣтное знамя поникло передъ нашимъ сѣвернымъ орломъ. Ничто не помогло. Суворовъ писалъ ко мнѣ: дайте мнѣ волю или вольность. Да гдѣ мнѣ было взять? А что по моему званію можно было дѣлать, то я и дѣлалъ. Я писалъ къ Кобенцелю: «Нужны дѣла, а не слова: между союзными дворами должны существовать дружба, правота и откровенность». Письмо это и мой на него отвѣтъ я тогда же отправилъ къ Суворову въ Италію.

«Загнанный въ дѣйствіяхъ своихъ на чужбинѣ, Суворовъ говорилъ, что онъ мѣшается въ числахъ. Зато императоръ Павелъ исчислялъ каждый шагъ его побѣдъ, зато графъ С. Р. Воронцовъ

грудью отстаивалъ его въ Лондонѣ, и всѣ мои мысли были съ нимъ. Не дремали и итальянцы: кардиналъ Руффо рыцаремъ сѣлъ на коня и поднялъ на бой неаполитанскихъ лазарони, подкрѣпленныхъ русскимъ отрядомъ. Но тутъ нагрянула бѣда: чѣмъ бы поддержать возстаніе неаполитанское, адмиралъ Нельсонъ, какъ Тассовъ Ринальдъ, дремалъ въ оковахъ новой Армиды. Суворовъ писалъ къ нему: «Проснись, герой, проснись, сибаритъ!» но Нельсонъ не пробуждался. Съ нимъ не было средины: онъ былъ весь славой или весь любовью.

«А мы надѣялись вслѣдъ за нашимъ героемъ отправить изъ Митавы короля Лудовика XVIII и герцога Ангулемскаго подъ кровлю Тюильрійскаго дворца, надѣясь, что туда же поспѣшитъ отплыть изъ Англіи и графъ д'Артуа. Но по нашей пословицѣ: «Нужный путь Богъ управитъ», никакой машинистъ ни на какомъ театрѣ не передвинетъ декораціи съ такою быстротой, съ какою все передвинулось въ Европѣ въ исходѣ 1799 года. Война была исполинская. Русскія знамена развивались въ Голландіи и у береговъ Англіи, угрожая сѣверной Франціи. Нельсонъ съ флотомъ своимъ былъ у береговъ Италіи, а наши корабли дѣйствовали съ кораблями турецкими. И что изъ этого вышло? Австрійцы, подъ начальствомъ принца Карла, отъ нашихъ швейцарскихъ войскъ оттянулись къ Мангейму, въ Голландіи Германъ запировалъ и попалъ въ плѣнъ, а англичане пустились на попятный дворъ. Въ Швейцаріи Массена не побѣдилъ, но поддѣлъ нашихъ. Вотъ какъ это случилось. Было условленное перемиріе. Но вдругъ на высотахъ своихъ французы сильно всполошились, и у нихъ было необычайное движеніе. Съ нашей стороны немедленно отправили полковника Поливанова съ запросомъ о таковой торопливой перестановкѣ французскихъ войскъ. Дѣло шло къ ночи. Хитрый Массена задержалъ его и послалъ отъ себя извѣстить нашихъ, что будто онъ готовится съ легіонами своими праздновать наступленіе республиканскаго года, и что если услышимъ пушечную пальбу, то это просто привѣтствіе празднеству. Мы, русскіе, отъ отваги молодецкой нерѣдко бываемъ слишкомъ довѣрчивы. Нашъ богатырь Цицiановъ, гроза персіянъ, былъ застрѣленъ на вѣроломномъ переговорѣ. Отъ довѣрія попали наши въ просакъ подъ Цюрихомъ. Массена врасплохъ, не дождавшись разсвѣта, напалъ на слабѣйшее наше крыло; но ему нечѣмъ было похвалиться: за суматоху подъ Цюрихомъ Суворовъ съ лихвой отомстилъ ему. Розенбергъ, подъ Мутенстельтомъ сбилъ съ поля Лекурба и взялъ его въ плѣнъ. Въ то же время громкія воззванія Массены такъ разожгли воображеніе парижанъ, что они ожидали Суворова къ себѣ плѣннымъ, но онъ прошелъ себѣ черезъ Чортовъ мостъ и пробился чрезъ ущелья,

гдѣ подстерегали его республиканцы съ грозными своими пушками. Какъ бы то ни было, по Суворову нельзя было держаться въ Италіи, а Корсакову въ Швейцаріи. «Тугутъ», писалъ ко мнѣ Суворовъ, «вездѣ, а Гоцъ — нигдѣ». Въ другомъ письмѣ онъ же говорилъ: «Отнимите у меня перья». Въ войнѣ 1799 года громко высказываются три главныя обстоятельства: во-первыхъ, императоръ Павелъ отъ чистаго сердца желалъ для спокойствія Европы всего, а для себя — ничего. Во-вторыхъ, перья сбили съ поля битвъ штыки побѣдоносные. Въ третьихъ, разсыпанные Питтомъ милліоны гиней, которые такъ сильно поворачиваютъ нашъ земной шаръ, ни на шагъ не подвинули впередъ дѣлъ европейскихъ.

«Между тѣмъ бывшій побѣдитель Италіи быстро летѣлъ по волнамъ морскимъ изъ Египта; а нашъ Суворовъ извѣщалъ графа Разумовскаго, гдѣ и когда Бонапартъ опрокинетъ временные успѣхи австрійцевъ. Маренго это доказало. Не дремлетъ и консулъ Бонапартъ. Нашихъ плѣнныхъ, захваченныхъ врасплохъ подъ Цюрихомъ, было во Франціи тысячъ до семи. Англія отказалась выручать ихъ. Консулъ Бонапартъ снарядилъ нашихъ руссаковъ и предложилъ ихъ нашему государю безусловно, вслѣдствіе чего и былъ за ними отправленъ нашъ генералъ. Ловкою услугой Бонапартъ сблизился съ нами. Мнѣ, какъ министру иностранныхъ дѣлъ, прислалъ онъ золотой столовый приборъ, принятый мною съ изволенія государя».

Вотъ что мнѣ разсказывалъ графъ Растопчинъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1808 года. Давно это было. Можетъ быть что-нибудь и изгладилось изъ моей памяти, но сущность разсказа вѣрна. Предлагаю также здѣсь и сущность письма Талейрана къ графу Растопчину. Вотъ главное содержаніе: «Вашъ императоръ,—говоритъ Талейранъ,—увѣнчался безсмертною славой. Онъ первый очамъ Европы великодушною рукой представилъ пальмы мира, ибо онъ для нея только сдвинулъ храбрые полки свои. Желаніе мира въ нынѣшнихъ важныхъ обстоятельствахъ есть желаніе счастія вселенной».

«По смерти канцлера Безбородко,—продолжалъ графъ,—государь предложилъ мнѣ его мѣсто и дарилъ нѣсколько тысячъ душъ. Языки, которые и тогда уже гоняли меня сквозь строй, распустили молву, что будто бы я ожидалъ кончины канцлера съ какимъ-то тревожнымъ нетерпѣніемъ, будто бы то-и-дѣло посылалъ справляться, дышитъ ли онъ? Это вздоръ, сущій вздоръ! По моимъ лѣтамъ я не рѣшился принять его мѣсто, но откровенно признаюсь, что теперь жалѣю, зачѣмъ отказался отъ предлагаемыхъ душъ».

ГЛАВА XVI.

Успѣхъ Русскаго Вѣстника.—Кн. Е. Р. Дашкова.—Ея сотрудничество въ Русскомъ Вѣстникѣ.—Ея разсказы о Екатеринѣ II.—Маскарадъ у Л. А. Нарышкина.—Екатерина у Ломоносова.—Купецъ Владиміровъ.—Мнѣніе Екатерины о французской революціи.—Англоманство княгини Дашковой.—Письмо издателя Русскаго Вѣстника къ знаменитой россіянкѣ.—«Вѣсти или мертвецъ въ живыхъ»—Размолвка съ гр. Растопчинымъ.—Статья Шлецера.—Возраженіе на нее.—Гнѣвъ Наполеона на Русскій Вѣстникъ.—Увольненіе мое отъ театра.—Письмо Аракчеева.—Слухи о предварительномъ совѣщаніи о Тильзитскомъ мирѣ.—Второе письмо Аракчеева.—Отвѣтъ на него.

Съ историческимъ запасомъ для памяти и съ анекдотами о Суворовѣ возвратился я въ Москву. Живые разсказы графа Растопчина о героѣ Италійскомъ придали Русскому Вѣстнику крылья. Почти всѣ члены Англійскаго клуба подписались на него. Такъ все удачно сладилось, что я впередъ, по расчету листовъ, сполна все уплатилъ Платону Петровичу Бекетову, первоначальному двигателю моихъ трудовъ. Не думайте, однакоже, чтобы подписка была огромная. Даже и въ грозный 1812 годъ разошлось не свыше ста экземпляровъ. Вѣстникъ Европы Н. М. Карамзина въ одинъ годъ выдержалъ два изданія 1802 года. Тогда миръ лелѣялъ землю Русскую. Несмотря на то, что у моего Вѣстника не было огромнаго расхода нынѣшнихъ журналовъ, но съ кѣмъ ни раскланивался я на улицѣ изъ знакомыхъ граждан московскихъ, всѣ они за Русскій Вѣстникъ говорили мнѣ спасибо и прибавляли: «Вы пріучаете насъ читать». Весело мнѣ также было видѣть, съ какимъ жаромъ порыва студенты Московскаго университета спѣшили ловить книжки Вѣстника при выходѣ ихъ. Тогда еще М. П. Погодинъ, защищающій теперь съ такимъ успѣхомъ память Нестора, не былъ студентомъ, а вотъ что онъ писалъ ко мнѣ 1842 года: «Вашъ Русскій Вѣстникъ 1808 года, украшенный портретами Димитрія Донскаго, царя Алексѣя Михаиловича, боярина Матвѣева и другихъ, возбудилъ во мнѣ первое чувство любви къ отечеству, русское чувство, которое сохраню, и благодаренъ вамъ на вѣки».

Между тѣмъ (и это меня восхищало) Русскій Вѣстникъ доходилъ и въ хижины нашихъ землевладѣльцевъ, рѣдко грамотныхъ, но, по словамъ Екатерины II, «одаренныхъ догадкой, здравымъ смысломъ и крѣпостью тѣхъ мышцъ, которыми движутъ соху, питающую землю, и защищаютъ ее».

Я сказалъ, что увѣдомленіе о Русскомъ Вѣстникѣ познакомило меня съ графомъ Растопчинымъ; оно же отворило мнѣ двери княгини Дашковой.

*

Вотъ какъ это было.

Посломъ ко мнѣ княгиня отправила книгопродавца Полежаева, старшаго лѣтами, но едва-ли не бѣднѣйшаго изъ тогдашнихъ московскихъ книгопродавцевъ, хотя ему и удалось племянниковъ своихъ, Глазуновыхъ, вывесть на счастливую колею книжной торговли.

Княгиня съ русскими людьми была не спесива. Безъ чиновъ разговаривала она съ Полежаевымъ и охотно слушала его разговоръ о всякой всячинѣ. Вмѣстѣ съ путеводителемъ моимъ отправился я къ княгинѣ (въ ея домъ, перешедшій потомъ къ графу Воронцову, на Никитской). Лѣстница была не высока, но, какъ увидимъ, условіе о сотрудничествѣ тяжелѣе было лѣстницы на Ивана Великаго. Быстро встала княгиня съ софы при входѣ нашемъ и, подошедъ ко мнѣ, сказала:

— Очень рада, что вижу издателя Русскаго Вѣстника. Я вызываюсь къ вамъ въ сотрудницы, только съ уговоромъ: я настойчива и даже своенравна въ мнѣніи и въ слогѣ моемъ; прошу не перемѣнять у меня ни буквы, ни запятой, ни точки.

И тутъ, говоря по-гомеровски, я очутился между двухъ скалъ, Сциллою и Харибдой, или, говоря просто, долженъ былъ отдѣлываться среди двухъ огней. Графъ Растопчинъ требовалъ, чтобъ я его останавливалъ, а княгиня Дашкова требовала перу своему воли безусловной.

Но усадя меня и Полежаева, княгиня тотчасъ смягчила свой строгій приговоръ очаровательнымъ для меня привѣтомъ.

— Я прочитала, сказала она,—вашу поэму или повѣсть о царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ. Она пробудила во мнѣ чрезвычайно пріятное для меня воспоминаніе.

И она разсказала мнѣ, какъ Екатерина II была въ маскарадѣ у Льва Александровича Нарышкина въ нарядѣ царицы Натальи Кирилловны, а княгиня Екатерина Романовна одѣта была подмосковною крестьянкой и пѣла въ хороводѣ пѣсню:

Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой,
Разыгралась, расплясалась
Красна дѣвица душа.

Разсказъ объ этомъ отчасти былъ помѣщенъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1808 года. Напечатанъ тоже въ Русскомъ Вѣстникѣ подлинный отзывъ Екатерины о русскомъ народѣ, переданный мнѣ княгинею: «Народъ русскій надѣленъ силою, умомъ и догадкою».

Въ третій мой приходъ къ княгинѣ она снова подарила меня живою своею памятью о дняхъ минувшихъ. Я засталъ ее за чтеніемъ

Одъ Ломоносова, изданныхъ въ четвертую долю листа. Не закрывая книги, она сказала:

— Я было собиралась писать къ вамъ о Ломоносовѣ, но вы здѣсь сами. Изъ первой вашей книжки вижу, что вамъ памяти не занимать. Слушайте, разскажу вамъ о Екатеринѣ и о нашемъ холмогорскомъ лирикѣ.

— Незадолго до кончины его пріѣзжаю во дворецъ, и государыня съ чрезвычайнымъ прискорбіемъ сказала мнѣ: — «Нашъ Михайла Васильевичъ что-то слишкомъ закручинился: поѣдемъ къ нему. Онъ насъ любитъ, а изъ любви чего не дѣлаютъ».

Немедленно отправились мы къ нашему поэту и застали его сидѣвшаго въ глубокомъ раздумьи у длиннаго стола, гдѣ были разложены химическіе аппараты. Въ камелькѣ огонь, какъ будто прощаясь съ хозяиномъ, то вспыхивалъ, то угасалъ. Мы вошли къ Ломоносову тихомолкомъ, безъ доклада; но услыша привѣтъ императрицы: «Здравствуйте, Михайла Васильевичъ!» онъ вскочилъ, какъ будто съ просонокъ.

Екатерина сказала:

— Я пріѣхала съ княгиней посѣтить васъ, услыхавъ о вашемъ нездоровьи или, лучше сказать, о вашей грусти.

Нѣсколько минутъ уста Ломоносова окованы были молчаніемъ. Наконецъ онъ воскликнулъ:

— Нѣтъ, государыня! не я нездоровъ, не я грустенъ, больна и грустна душа моя.

— Полѣчите ее, отвѣчала Екатерина: — полѣчите ее живымъ перомъ своимъ. Привѣтствуя меня съ новымъ годомъ, вы сказали въ одѣ своей, что также усердствуете ко мнѣ, какъ и къ дочери Петра Великаго. Что жъ? ужели вы намѣрены мнѣ измѣнить?

— Измѣнить? Кому? Вамъ, матушка-государыня! вскричалъ Ломоносовъ. — Нѣтъ! не перо, а сердце мое писало:

Твой трудъ для насъ обогащенье;
Мы чтимъ стѣною подвигъ твой!
Твой разумъ — наше просвѣщенье,
И неусыпность — нашъ покой.

Слезы блеснули въ очахъ Екатерины, и она возразила:

— Вѣрю, вѣрю, Михайла Васильевичъ! А чтобъ еще болѣе удостовѣрить меня, то завтра пріѣзжайте ко мнѣ откушать хлѣба-соли. Щи у меня будутъ такія же горячія, какими подчевала васъ ваша хозяйка.

Для чего я тогда же не помѣстилъ въ Вѣстникѣ этого разсказа, объ этомъ будетъ далѣе. Но пока яблоко раздора еще не пало между нами, и приходы мои къ княгинѣ остались у меня въ памяти.

Вотъ еще разсказъ.

Когда пронеслась молва въ Петербургѣ о схваткѣ приказчиковъ нашего купца Владимірова съ англійскими купцами въ Лондонѣ, княгиня Дашкова получила отъ Екатерины слѣдующую записку: «Пріѣзжай ко мнѣ. Знаю Англію, но мнѣ нужно поговорить съ тобою объ англичанахъ; ты лично наблюдала ихъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, умъ хорошъ, два лучше».

Государыня встрѣтила ее словами:

— Слыша ли ты, что задумалъ нашъ проказникъ Владиміровъ? Онъ приказалъ бросить въ море половину своей пеньки, завезенной въ Англію, сердясь за то, что англичане сбивали на нее цѣну. Я призывала его, и онъ говоритъ: «Матушка, будьте спокойны, русская торговля не ударитъ себя въ грязь лицомъ. Пусть они упрямятся, они ничего не выиграютъ; если за половину не дадутъ того, что слѣдовало за все, то велю еще утопить пеньки, — пропади она. Не дамъ насмѣхаться надъ собою. Договоръ долженъ быть святъ. Будьте спокойны, матушка!» Вотъ что онъ говоритъ, а ты какъ объ этомъ думаешь?

Княгиня отвѣчала:

— Я думаю, государыня, что онъ правъ. Пенька для русской торговли съ Англіей стоитъ почти на ряду съ хлѣбомъ. Купцы англійскіе дѣлаютъ Владимірову пустую привязку. Неумѣстная ихъ гордость уступитъ необходимости. Гдѣ имъ взять на скорую руку запасъ пеньки?

Такъ и сбылось. Владиміровъ за остальное выручилъ все свое сполна.

Вслѣдъ за этимъ разсказомъ я получилъ отъ княгини первую ея статью для Русскаго Вѣстника. Англичанамъ былъ въ ней праздникъ, а сынамъ Германіи туманныя сумерки. «Видна птица по полету», — говоритъ наша пословица. По полету мыслей и по замашкѣ пера княгини я увидалъ, что сотрудничество ея быстро промелькнетъ. Замѣчанія и оговорки строго мнѣ были запрещены, а потому я спѣшилъ похищать (признаюсь въ томъ грѣхѣ) сокровища ея памяти. Я чрезвычайно хотѣлъ узнать, какого была мнѣнія Екатерина о началѣ и ходѣ французской революціи. Вслѣдствіе этого, доставляя княгинѣ книжку Вѣстника, съ ея статьей, я предложилъ этотъ вопросъ. Она пробѣжала сперва свою статью и, не встрѣтя въ ней ни малѣйшаго измѣненія, начала свой разсказъ.

«Спѣша во дворецъ, я встрѣтила принца д'Артуа въ ту самую минуту, когда онъ садился въ карету, не отнимая платка отъ глазъ. Императрицу застала я въ слезахъ.

— Вы плакали, государыня? — сказала я.

— Плакала! Да и есть отъ чего плакать,—горестно отвѣчала она.—Принцы французскіе въ изгнаніи, королевское семейство гибнетъ, старшая Франція какъ-будто бѣжитъ изъ отечества своего. И это ни къ чему не послужило [1]). Зная легкомысленность и вѣтренность французовъ и убѣжденная въ необходимости порядка общественнаго, я полагала, что суматоха французская будетъ минутнымъ порывомъ. Ошиблась; это не бунтъ, не революція, это Богъ знаетъ что такое. Закроемъ высокоумныя книги наши и примемся опять за букварь.

— Государыня,—сказала я,—вы то же говорите, что Гиббонъ говоритъ въ письмѣ, которое я на дняхъ получила отъ него изъ Женевы. Онъ пишетъ, что зрѣлище теперешней Франціи—небывалое событіе въ исторіи, и что при всѣхъ усиліяхъ мысли, нельзя опредѣлить, чѣмъ все это кончится.

— Это извѣстно одному Богу,—возразила Екатерина.—Правда, однакоже, и то, что тутъ не кстати замѣшалось пустое чванство. Къ чему было дворянству наряжаться въ рыцарскія одежды, залитыя золотомъ? Къ чему было депутатовъ du tiers états, въ бѣдныхъ ихъ черныхъ епанчахъ, заталкивать въ сѣни дворца версальскаго? Не люблю Людовика XI, но онъ правду сказалъ:

Quand l'orgueil marche devant,
Dommage suis de prés.

Я ничего не намекнула принцу о мнѣніи моемъ; но у насъ, при собраніи депутатовъ имперіи, всѣмъ былъ равный пріемъ и одинаковая почесть. Бранятъ Неккера за то, что онъ удвоилъ число депутатовъ средняго сословія противъ чиновъ дворянства и духовенства, но бранятъ его несправедливо. По закрытіи нашей палаты въ Москвѣ депутаты разъѣхались по домамъ своимъ съ добрымъ мнѣніемъ обо мнѣ, и это ускорило преобразованіе губерній. Ты знаешь, какія клеветы взводило на меня французское министерство. Легкомысленному герцогу Шуазелю не понравился мой Наказъ за изъявленное въ немъ вниманіе къ народу, и онъ сжегъ его въ Парижѣ. Что же, развѣ это спасло Францію? Я не перемѣнила мнѣнія моего о русскомъ народѣ, а во Франціи все перемѣнилось. Люблю перо Вольтера, но чрезвычайно досадую на него за презрѣніе къ хижинамъ поселянъ. Народъ надобно вразумлять, а не бранить. Ты помнишь, что я говорила во время Пугачевскаго бунта? Я была убѣждена, что одно заблужденіе, будто бы Пугачевъ тотъ, за кого вы-

---

[1]) Въ „Русскомъ Словѣ“: „Эмигранты вошли во Францію вмѣстѣ съ союзными войсками и вмѣстѣ съ ними убѣдились, что имъ нечего уже дѣлать“.

даетъ себя, привлекло къ нему народъ; я твердо была увѣрена, что когда образумятся и узнаютъ коварный обманъ, то сообщники его сами, собственными руками, выдадутъ его. Впрочемъ, въ разсужденіи Франціи, буду держаться правила моего доктора Роджерсона: онъ всегда выжидаетъ дѣйствія природы, а потомъ начинаетъ давать лѣкарства; и я стану выжидать. что будетъ съ Франціей.

Княгиня разсказывала мнѣ это въ тотъ самый вечеръ, когда графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, отправляясь въ Петербургъ на чреду министра народнаго просвѣщенія, пріѣхалъ проститься съ нею. Провожая его до дверей, княгиня сказала:

— Повторите мое мнѣніе въ Петербургѣ: Англія, Англія, Англія и англичане!

Увы! и для меня этотъ вечеръ былъ прощальный съ умною, но неуступчивою во мнѣніяхъ своихъ, княгиней.

Вотъ какъ это случилось.

Черезъ три дня я получилъ отъ княгини Дашковой вторую ея статью для Р у с с к а г о В ѣ с т н и к а. И въ ней величала она англичанъ и безпощадно казнила нѣмцевъ. Сердясь на Рейнскій союзъ, она бросила перуны свои даже и на племена, описанныя живымъ перомъ Тацита. Что было дѣлать? Пришлось и мнѣ ухитриться. Неучтиво было сражаться явно, а потому я упросилъ моего пріятеля и цензора, Алексѣя Θеодоровича Мерзлякова, извѣстить меня запиской, что онъ никакъ не соглашается пропустить присланной статьи. Мерзляковъ отстоялъ меня, и я къ запискѣ его присовокупилъ слѣдующее письмо къ княгинѣ:

«Въ стѣнахъ еще училища моего запомнилъ я остроумное посланіе ваше къ слову т а к ъ. Вы сказали:

Когда большіе господа
Кого ругаютъ,
Тогда
Стоящіе предъ ними потакаютъ:
Такъ, такъ, сударь, такъ, такъ!

«По уваженію къ вамъ мнѣ стыдно быть т а к а л ь щ и к о м ъ, то-есть вринуться въ число тѣхъ льстецовъ, на которыхъ падали ваши стрѣлы. Вотъ почему и впередъ не буду помѣщать въ В ѣ с т н и к ѣ грозныхъ вашихъ выходокъ противъ племенъ германскихъ. Вы любите Екатерину, вы передали мнѣ о ней сокровище вашей памяти, а Екатерина говорила: «Одинъ Богъ совершенъ». Вы особенно величаете англичанъ за непреклонную ихъ борьбу съ Наполеономъ; боролись съ нимъ и сыны Германіи. Были у насъ въ модномъ свѣтѣ свои а н г л о м а н ы и г а л л о м а н ы. Первые управлялись въ перелетѣ модъ погремушками лондонскими, а другіе парвж-

скимп. Приняли мы при Петрѣ Первомъ одежду нѣмецкую или, лучше сказать, иностранную; но вѣнскихъ модъ у насъ не было и нѣтъ.

«Между тѣмъ не отважусь превозносить хвалами вашу любовь къ отечеству. Повторю здѣсь то, что мой наставникъ въ русской словесности, Княжнинъ, сказалъ въ своемъ посланіи къ вамъ:

Я дерзко бъ о себѣ помыслилъ,
Что слабая хвала моя
Такъ славу раздавать способна,
Какъ просвѣщенна мысль твоя.

Съ роковою вѣстью о непринятіи статьи отправилъ я къ княгинѣ посредника нашего, Полежаева. Грозно вспылила сочинительница. Вертѣла и перевертывала то записку цензора, то мое письмо.

— Какъ смѣлъ цензоръ,—говорила она,—не пропустить моей статьи? А этотъ издатель Вѣстника, что онъ за выскочка? И, обратясь къ Полежаеву, прибавила:—Посмотри, мой другъ, какими огромными буквами испестрилъ онъ письмо свое. Развѣ я дитя, что онъ хочетъ учить меня азамъ? Переучивать меня, переучивать друга Екатерины!

Много еще было такого пылу, но не надолго.

Въ слѣдующей книжкѣ Русскаго Вѣстника я напечаталъ письмо къ княгинѣ, подъ заглавіемъ: Письмо издателя Русскаго Вѣстника къ знаменитой Россіянкѣ. Въ этомъ письмѣ изложилъ я подробно все то, что англійскіе писатели огромной всемірной исторіи, говоря просто, нагородили о нашей русской землѣ и новой нашей Россіи. Немедленно явился ко мнѣ Полежаевъ съ привѣтомъ княгини и съ отзывомъ, что хотя она и очень досадовала на возвращеніе ея статьи, какъ сочинительница, но, какъ россіянка, отдаетъ справедливость всему тому, что напечатано къ ней въ письмѣ моемъ, что она приглашаетъ меня на вечера свои. За отзывъ я благодарилъ княгиню, но отъ вечеровъ отказался. Къ умной княгинѣ съѣзжались по вечерамъ не рыцари Артурова круглаго стола, но остряки и рыцари зеленаго стола, въ числѣ которыхъ былъ Ю. А. Нелединскій. Кипѣла игра, и кипѣла борьба мнѣній политическихъ. Чрезвычайно сердилась княгиня, проигрывая въ карты (что, однакоже, случалось рѣдко) и торжествовала, когда выигрывала въ спорѣ политическомъ. Съ умомъ россіянки у нея былъ весь умъ европейскій.

Вскорѣ рушилось и сотрудничество со мною графа Ѳ. В. Растопчина. И вотъ по какому поводу.

1808 года, въ круженіи большаго московскаго свѣта, разлетѣлась молва, будто бы умеръ Петръ Ивановичъ, молодой сынъ графа

Ивана Петровича Салтыкова. И вдругъ мнимый покойникъ явился въ полномъ здоровьи и, какъ слышно было, присватался къ одной изъ московскихъ красавицъ. Отъ этихъ толковъ изъ-подъ пера графа Растопчина вышла бойкая комедія: Вѣсти, или мертвецъ въ живыхъ. Эта попытка въ комедіи показываетъ, что еслибы графъ Растопчинъ почаще острилъ комическое перо, то, можетъ быть, обогналъ бы и сочинителя Недоросля. Послѣ деревенскаго недоросля появились въ нашемъ модномъ свѣтѣ свои недоросли. А графъ зналъ свѣтъ и всѣ его причуды, и у него въ русской рѣчи была та соль, которая славилась въ древней Греціи подъ названіемъ соли аттической. Въ комедіи своей онъ мѣтилъ не въ бровь, а прямо въ глазъ различнымъ лицамъ, извѣстнымъ въ тогдашнемъ большомъ московскомъ свѣтѣ. При раздачѣ ролей, роль Богатырева, въ которой сочинитель высказывалъ себя, досталась П. А. Плавильщикову. Но на бѣду онъ заболѣлъ. Я настаивалъ, чтобы графъ отложилъ представленіе комедіи своей до выздоровленія Плавильщикова. Бѣда бѣду слѣдитъ; эта пословица сбылась и съ Вѣстями графа. Сочинитель Лизы или рекрутскій наборъ зналъ всѣ крыльца московскихъ вельможъ и увивался въ ихъ переднихъ съ низкопоклонностью. Прислуживаясь графу, невпопадъ онъ увѣрилъ его, что новый актеръ Кондаковъ, имъ введенный на театръ, не ударитъ лицомъ въ грязь и отстоитъ Богатырева. Лесть побѣдила мое мнѣніе; не знаю, однакожъ, отразилъ ли бы и Плавильщиковъ натискъ, готовившійся на Вѣсти, подъ знаменемъ той барыни, которую въ лицѣ Набатовой сочинитель вооружилъ противъ себя. Не было набата, но зато роковые отголоски свистковъ жужжали не хуже пуль. У графа разлилась желчь и вылилась изъ-подъ пера его въ двухъ громоносныхъ письмахъ, направленныхъ на московскую публику и присланныхъ ко мнѣ изъ села его Воронова для напечатанія въ Русскомъ Вѣстникѣ. Вскорѣ потомъ, свидясь съ графомъ въ томъ домѣ, гдѣ онъ вызывался въ сотрудники Вѣстника, я сказалъ ему, что въ силу предварительнаго условія я не напечатаю его писемъ: въ нихъ слишкомъ много желчной колкости. Графъ махнулъ рукой, прищурилъ по обыкновенію лѣвый глазъ и молча отошелъ отъ меня. На другой день, едва-ли не на зарѣ утренней, отъ перваго моего сотрудника налетѣла такая же буря, какая разразилась надъ головой моей отъ первой моей сотрудницы.

Въ третьемъ лицѣ получилъ я отъ графа французскую записку, гласившую, что «графъ Растопчинъ требуетъ отъ маіора Глинки свои бумаги». Я отвѣчалъ по-французски, что «маіоръ Глинка, не привыкнувъ раболѣпствовать ничьимъ прихотямъ, съ радостью освобождаетъ себя изъ-подъ ярма условнаго и возвращаетъ бумаги

графу Растопчину». Такъ и кончилось сотрудничество графа Өедора Васильевича. На нѣсколько дней сходились мы въ походѣ 1809 г. Наконецъ, дружно сблизились при громѣ пушекъ Наполеона. А я, издатель Русскаго Вѣстника, всматривался въ 1812 годъ, въ какой-то дали туманной. Когда крѣпко съ чѣмъ сродится душа, она у времени, вмѣсто мѣсяцевъ и дней, похищаетъ годы. Компасъ—надежный вождь мореплавателей и подъ яснымъ небомъ, и въ ночь дремучую. Есть и у души на путяхъ событій человѣческихъ свой компасъ—мысль наблюдательная, и не я одинъ наблюдалъ.

Въ то самое время, когда я принялся за новую грамоту, уроженецъ Германіи, сынъ Августа Шлецера, который первый и намъ русскимъ, и ученому свѣту европейскому показалъ завѣтную думу Нестора лѣтописца, былъ профессоромъ Московскаго университета, и профессоромъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Бросивъ горестный взглядъ на быстрые политическіе переходы нашего вѣка и видя, что война съ береговъ Нѣмана перелетала въ Испанію, на берега Атлантическаго океана, написалъ онъ на нѣмецкомъ языкѣ письмо, въ которомъ, между прочимъ, сказалъ, что въ наше время, когда дымъ огней бивуачныхъ какъ-будто часъ отъ часу болѣе отталкиваетъ Европу въ туманный бытъ среднихъ вѣковъ, послѣдній пріютъ ея наукамъ и образованности остается на берегахъ областей Сѣверной Америки.

Василій Андреевичъ Жуковскій, издававшій тогда вмѣстѣ съ Каченовскимъ Вѣстникъ Европы, перевелъ и напечаталъ эту статью въ своемъ изданіи.

Въ военное министерство было препровождено возраженіе на письмо профессора Шлецера. Кѣмъ и откуда—этого не спрашивайте. Скажу только, что оттуда эта бумага возвратилась съ прибавленіемъ къ ней словъ: «Геній графа Аракчеева согласитъ огнестрѣльныя орудія съ холоднымъ ружьемъ, которымъ побѣждалъ Суворовъ». Подъ этими словами означена была подпись, гласная буква А., служащаго при военномъ министерствѣ. Печать на пакетѣ была съ надписью: преданъ безъ лести.

Главная сущность бумаги была слѣдующая: во-первыхъ, что намъ, русскимъ, не для чего бѣжать за океанъ, и что и науки, и искусства могутъ процвѣтать въ нашемъ отечествѣ. Во-вторыхъ, что послѣ Фридландскаго сраженія Наполеонъ могъ бы то же сказать, что и Пирръ сказалъ послѣ своихъ побѣдъ въ Италіи надъ римлянами: «Еще одна побѣда—и мы погибли». (И это бы сбылось, еслибъ Англія вмѣсто 1809 двинула 1807 года Австрію въ тылъ Наполеону. Что она выиграла, вооруживъ австрійцевъ 1809 года? Ужели только то, что Наполеонъ сдѣлался зятемъ императора

австрійскаго?). Въ третьихъ, тутъ же было сказано, что въ быстромъ пораженіи Пруссіи 1806 года непосредственно участвовала изворотливая политика Талейрана. (А Наполеонъ на скалѣ Еленской говорилъ, что это было дѣломъ Провидѣнія, и что онъ могъ бы перемѣнить политическое существованіе Пруссіи. Но для чего того не сдѣлалъ,—этого онъ не досказалъ. И мало ли что съ нимъ сошло въ могилу!). Въ четвертыхъ, сказано было въ той бумагѣ, что одно великодушіе Александра I, послѣ Фридландскаго сраженія, остановило потоки крови человѣческой. (И это не пустой звукъ словъ: подъ Тильзитъ подоспѣли вновь устроенные полки княземъ Д. И. Лобановымъ-Ростовскимъ. Шестьсотъ тысячъ земскихъ войскъ или милиціи готовы были двинуться по первой повѣсткѣ. Притомъ же, еще повторяю, и Австрія, пользуясь отдаленіемъ Наполеона отъ границъ своихъ, могла дѣйствовать ему въ тылъ. Сверхъ того, у меня была въ рукахъ цѣлая тетрадь приказовъ Наполеона и маршаловъ его, доставшаяся одному изъ нашихъ офицеровъ при переправѣ черезъ Алль [1]). Въ этихъ приказахъ сказано было, что въ войскахъ французскихъ свирѣпствуетъ язва бѣгства (la peste de la désertion); также помянуто было, что «солдаты Наполеона терпятъ голодъ; но чѣмъ труднѣе обстоятельства, тѣмъ блистательнѣе слава орловъ французскихъ». Это говорено было въ маѣ мѣсяцѣ, а въ іюнѣ заключены были и перемиріе, и миръ. Можно еще къ этому прибавить, что послѣ Тильзитскаго мира Россія съ одними только строевыми войсками предприняла новую войну со Швеціей и продолжала войну съ Портой Оттоманскою). Вотъ почему сочинитель бумаги нѣкоторымъ образомъ въ правѣ былъ сказать: «Еслибы послѣ Фридландскаго сраженія великодушіе императора Александра не остановило потоковъ крови человѣческой, то Богъ знаетъ, гдѣ былъ бы Наполеонъ!» Но тогда еще судьбы Божіи не довершились надъ Европой; тогда еще уроженецъ бѣдной Корсики не достигъ горняго величія на всѣхъ путяхъ жизни своей. Наконецъ, тогда еще не ударилъ надъ отечествомъ нашимъ двухвѣковой срокъ испытанія.

Не годы, кажется, а цѣлыя столѣтія отдѣлили насъ отъ нашего двѣнадцатаго года. Грянетъ выстрѣлъ ружья охотника—и птицы разлетятся; стихъ выстрѣлъ—и онѣ опять запрыгаютъ по вѣтвямъ и травѣ. Пронесется туча роковая—и люди снова заживутъ, спустя рукава, какъ-будто и ни въ чемъ не бывало. Да и много ли теперь осталось современниковъ грознаго нашествія, которое на скалѣ

[1]) Эту любопытную рукопись я передалъ Петру Степановичу Валуеву, бывшему предсѣдателю коммиссіи, наряженной къ изслѣдованію, отчего въ войнѣ 1807 года оказался недостатокъ въ продовольствіи войскъ.

Еленской Наполеонъ назвалъ неловкою попыткой, une guerre gauchement entreprise? А у новаго поколѣнія сколько своихъ и заботъ, и хлопотъ, да и что ему до минувшаго?

Однакоже перенеситесь на досугѣ въ 1808 годъ. Вообразите, что вы идете по улицамъ московскимъ и слышите со всѣхъ сторонъ отзывъ добрыхъ гражданъ московскихъ: «Ну, слава Богу, порадовалъ насъ Русскій Вѣстникъ; душа у насъ пріосанилась, русская наша честь устояла!»

Вотъ какой былъ праздникъ и мнѣ, теперешнему отшельнику отъ міра, по напечатаніи изложенной бумаги! Но чему быть,—тому не миновать. Въ это счастливое для Русскаго Вѣстника время пріѣхалъ въ Москву Александръ Львовичъ Нарышкинъ, начальникъ театровъ. По тогдашней моей службѣ при московскомъ театрѣ сочинителя и переводчика и по давнишнему знакомству съ домомъ Нарышкиныхъ, я поспѣшилъ къ Александру Львовичу и засталъ его за чтеніемъ моего Вѣстника, въ которомъ многое уже было помѣщено и о бояринѣ Матвѣевѣ, и о царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ изъ рода Нарышкиныхъ. Взявъ меня за руку, онъ сказалъ:

— Я непремѣнно представлю твой Русскій Вѣстникъ государю. Пришли его ко мнѣ въ атласѣ въ Петербургъ черезъ Майкова. Продолжай, братъ, свое дѣло; ты крѣпко отстаиваешь нашу Русь святую, за то тебѣ и всѣ говорятъ спасибо. Вчера я былъ въ Англійскомъ клубѣ, и твоя послѣдняя книжка, въ которой ты повѣстилъ о Тильзитскомъ мирѣ, ходила изъ рукъ въ руки.

Черезъ нѣсколько дней Александръ Львовичъ отправился въ Петербургъ, куда вслѣдъ за нимъ я отправилъ и мой Русскій Вѣстникъ. Но повторяю еще поговорку нашу: «чему быть—того не миновать». Былъ для меня московскій праздникъ, былъ для меня 1808 годъ: и праздникъ историческій, и политическій. Я право не тщеславенъ, но тутъ и поневолѣ есть чѣмъ похвалиться. Послѣ Тильзитскаго мира на меня перваго палъ гнѣвъ Наполеона. Сближаются крайности, сближаются и неожиданныя обстоятельства. Въ то самое утро, когда Александръ Львовичъ Нарышкинъ вошелъ въ кабинетъ императора Александра I съ Русскимъ Вѣстникомъ, вошелъ туда же и Коленкуръ, посолъ императора Наполеона, съ жалобой на Русскій Вѣстникъ и съ переводомъ вышеозначенной статьи. Государь отвѣчалъ:

— Вы видите, что я не зналъ о существованіи этого журнала. Но я не мѣшаюсь въ печатныя мнѣнія моихъ подданныхъ: это дѣло цензуры [1]).

[1]) Смотри мою Русскую Исторію и Жизнь Александра I, стр. 5, часть I.

Вслѣдъ за этимъ цензору моему Мерзлякову сдѣланъ былъ выговоръ, а я получилъ отъ Аполлона Александровича Майкова письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что я по политическимъ обстоятельствамъ уволенъ отъ московскаго театра.

Такимъ образомъ 1808 года выдержалъ я, будущій первый ратникъ московскаго ополченія, борьбу съ Наполеономъ. Но это, такъ сказать, была борьба политическая, внѣшняя. А вотъ борьба внутренняя.

Напечатавъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1808 года передовую вѣсть о 1812 годѣ, то-есть вышеупомянутую бумагу, я препроводилъ Русскій Вѣстникъ къ графу Аракчееву. Съ первою же почтой я получилъ отъ него благодарный отвѣтъ. Письмо его вполнѣ помѣщено въ Русскомъ Вѣстникѣ 1808 года, и вотъ сущность его въ тѣхъ же словахъ. Графъ писалъ, что «хотя онъ сынъ бѣдныхъ родителей, но прадѣдъ его, Аракчеевъ, подъ Очаковымъ служилъ при графѣ Минихѣ генералъ-маіоромъ, когда чины были болѣе уважаемы» [1]). Къ этому графъ прибавилъ, что «онъ учился грамотѣ не по рисованнымъ картамъ, а по букварю и псалтырю, и что родителями своими препорученъ былъ Казанской Божіей Матери». Въ заключеніе письма сказано было: «Для того, кто по мѣрѣ силъ своихъ служилъ отечеству, всѣ похвалы пріятны тогда, когда, удалясь въ деревню и войдя въ свою совѣсть, онъ можетъ сказать, что сдѣлалъ что-нибудь полезное для отечества».

Хотя ни въ письмѣ моемъ, ни въ Вѣстникѣ не возжигалъ я никакого хвалебнаго опміама графу Аракчееву, но мнѣ эти слова чрезвычайно понравились и, какъ тотчасъ увидимъ, приходились кстати.

Не знаю, почему стоустая молва разгласила по нашимъ губерніямъ, будто графъ Аракчеевъ содѣйствовалъ къ заключенію Тильзитскаго мира. Извѣстно было только, что на предварительное совѣщаніе о томъ призваны были: Александръ Андреевичъ Беклешовъ и Василій Степановичъ Поповъ, бывшій письмоводитель князя Потемкина. Проѣзжая черезъ Могилевъ, гдѣ находился тогда областной начальникъ милиціи, князь С. Ѳ. Голицынъ, и у котораго гостила графиня Браницкая, Поповъ былъ у нихъ. Графиня Браницкая привыкла обходиться съ нимъ по-родственному и, прощаясь съ нимъ, сказала:

— Смотри, Васинька, не ударь лицомъ въ грязь. Припомни все то, что бывало слышалъ отъ дядюшки. Будь тамъ молодцомъ. Видно,

---

[1]) Въ извѣстіяхъ того времени означено, что генералъ-маіоръ Аракчеевъ завѣдывалъ продовольствіемъ войскъ.

вспомнили, каковъ былъ Григорій Александровичъ и въ военныхъ, и въ политическихъ дѣлахъ. А твоя голова понатерлась отъ него [1]).

Какіе подавали голоса при заключеніи Тильзитскаго мира Беклешовъ и Поповъ, о томъ не было особеннаго слуха. Носилась только молва, что Беклешовъ совѣтовалъ устроить подъ рукой сельскія ополченія.

Какъ бы то ни было, но вскорѣ по полученіи отъ графа Аракчеева письма получилъ я отъ него другое письмо съ приложеніемъ около двадцати писемъ, препровожденныхъ къ нему изъ разныхъ губерній. Графъ желалъ, чтобъ я напечаталъ ихъ въ Русскомъ Вѣстникѣ. Но я не исполнилъ его воли, и вотъ почему: лица, писавшія къ нему, такъ увлеклись глубочайшею къ нему преданностью, что возвеличили его наименованіями избавителя и спасителя отечества. Не дивлюсь возгласамъ этихъ господъ: случайность и богатство — такой волшебный талисманъ, что хотя бы и не ожидали себѣ отъ нихъ никакой пользы, а все-таки имъ бьютъ челомъ. Но я удивляюсь графу. Я слышалъ, что онъ любилъ словесность и съ жаромъ читалъ наизусть цѣлыя явленія изъ трагедій Озерова: слѣдовательно, онъ зналъ силу и приличіе выраженій. И несмотря на это онъ два раза сдѣлалъ два сильные промаха. Въ первый разъ промахнулся онъ, возвративъ изъ Петербурга въ Москву въ письмѣ подъ печатью своею: преданъ безъ лести, вышеупомянутую бумагу съ припиской: «Геній графа Аракчеева согласитъ огнестрѣльное орудіе съ холоднымъ ружьемъ, которымъ научилъ побѣждать Суворовъ». И подъ этимъ еще, повторяю, выставлена была буква А., служащаго въ военномъ министерствѣ. Во второй разъ онъ промахнулся, препроводя ко мнѣ письма съ показанными возгласами. Тутъ спросимъ, отчего и на мудрецовъ бываетъ простота! Оттого, что когда хотя немного дашь некстати повадку уму, за него тотчасъ уцѣпится самолюбіе и затянетъ въ свои сѣти.

Какъ бы то ни было, вотъ что я отвѣчалъ графу:

«Получа отъ вашего сіятельства письмо и приложенныя къ нему бумаги, повторяю собственныя ваши слова: «Для того, кто по мѣрѣ «усердія своего служилъ отечеству, всѣ похвалы пріятны тогда, «когда, удалясь въ деревню и войдя въ совѣсть свою, онъ можетъ «сказать, что и я сдѣлалъ что-нибудь полезное для отечества». Не берусь возражать на восторженныя изреченія лицъ, привѣтствовавшихъ васъ, и искренно желаю, чтобы вы долго проходили поприще свое; но теперь не могу напечатать присланныхъ вами писемъ. Все то, что относится къ случайнымъ людямъ, разлетается громкою оглас-

[1]) Слышано мною отъ самого Василія Степановича Попова.

кой. Меня назвали бы льстецомъ, пресмыкающимся передъ человѣкомъ случайнымъ и добивающимся какихъ-нибудь у него милостей. А я отъ юности лѣтъ моихъ ни передъ кѣмъ не раболѣпствовалъ. Но въ свѣтѣ рѣдко вѣрятъ и самымъ безкорыстнымъ отзывамъ. Мнѣнія людей различны, и пересуды привязчивы».

Это сущность письма, при которомъ препроводилъ я обратно къ графу Аракчееву письма иногородныхъ лицъ, привѣтствовавшихъ графа именами избавителя и спасителя отечества. При первой встрѣчѣ моей съ графомъ Милорадовичемъ, послѣ войны заграничной, какъ-то зашла рѣчь о графѣ Аракчеевѣ, и я разсказалъ ему объ этомъ случаѣ. Милорадовичъ съ какою-то торопливостью вскричалъ:

— И вы это сдѣлали съ такимъ страшнымъ человѣкомъ?

Я возразилъ:—А что такое страшный человѣкъ?

Отвѣта не было.

Никогда графъ Аракчеевъ не дѣлалъ мнѣ никакого добра. Никогда, однакоже, не былъ для меня ни страшенъ, ни грозенъ. Напротивъ того, когда я написалъ въ Русскомъ Вѣстникѣ въ 1808 году О необходимости колонно-вожатыхъ, о лѣсныхъ сельскихъ засадахъ и о летучихъ отрядахъ, онъ писалъ мнѣ: «Сижу у камина, читаю Русскій Вѣстникъ и размышляю».

ГЛАВА XVII.

Заря юныхъ дней моихъ.—Г. Б. Глинка.—Прощальный холостой ужинъ.—Моя свадьба—Душевное геройство женщины.—Слуга Иванъ Яковлевъ.—Смерть моей тещи.—Журнальныя нападки на меня.—Цвѣтникъ.—Французская эпиграмма.—А. Ѳ. Воейковъ.—М. Т. Каченовскій.—Журналъ для Милыхъ.—Мнимая ненависть моя къ иностранцамъ.—Записка П. С. Валуева.—Графъ И. А. Остерманъ.—Обѣдъ у него.—Привѣтъ Н. М. Карамзина.—Анекдоты о Петрѣ Великомъ, собранные Кашинымъ.—Сплетни обо мнѣ въ свѣтѣ.—Второй визитъ мой гр. Остерману.—Обзоръ политическихъ событій 1809 года.

Въ борьбу Русскаго Вѣстника 1808 года съ исполиномъ нашего времени, которому явственно сказано было, что «если по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія возгорится снова между Франціей и Россіей война, то духъ русскій станетъ на стражу отечества»,—въ эту борьбу блеснула для меня заря юныхъ дней моихъ. И какая свѣтлая заря! Я былъ женихъ, страстно влюбленный въ свою невѣсту.

Еще въ стѣнахъ кадетскаго корпуса, въ ясные весенніе и лѣтніе дни, сидя на берегу садоваго пруда, не мечталъ я ни о славѣ, ни о богатствѣ, ни о почестяхъ, а мечталъ просто о жизни семейной

въ какомъ-нибудь сельскомъ пріютѣ, удаленномъ отъ шума и тяжелыхъ условій свѣта. Мечталъ о подругѣ и въ мысляхъ говорилъ и себѣ и ей:

Пускай и свѣтъ забудетъ насъ,
Я тѣмъ благополучнѣй буду.

А какъ отъ 1794 года пріурочилось это къ 1808 году, право не знаю. Но только это столкновеніе мечтательное, какъ будто вызванное голосомъ сердца изъ дали минувшаго. Отбросивъ довѣренность къ самому себѣ, я жилъ и живу вѣрою въ Промыслъ небесный. Никогда не пускался я ни въ правители, ни въ управители моего жребія. Часто, очень часто, когда намъ кажется, что мы все придумали и обдумали, налетъ внезапной бѣды обращаетъ въ прахъ всѣ наши соображенія. И вотъ доказательства. Недѣли за три до моей свадьбы пріѣхалъ въ Москву родственникъ мой, Григорій Богдановичъ Глинка, для помѣщенія тринадцатилѣтней дочери своей въ Екатерининскій институтъ. Испытавъ, какъ тяжело было и мнѣ на седьмомъ году моей жизни разстаться съ родиной, и зная, какъ растутъ съ лѣтами привычки ко всему тому, что лелѣяло нашу колыбель и золотые дни младенчества, я убѣждалъ родственника моего отмѣнить намѣреніе, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ очень хорошее состояніе и могъ дать воспитаніе своей дочери подъ своимъ надзоромъ. Но недовѣрчивость людей бываетъ часто лютымъ ихъ врагомъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда голосъ безкорыстной правды предостерегаетъ ихъ для собственной ихъ пользы. Родственникъ мой, остановившійся у меня, при всемъ умѣ своемъ предположилъ, что я тороплю его съ дочерью домой для того, чтобъ избавиться отъ незваныхъ гостей. Онъ съѣхалъ отъ меня. А я съ тѣми же убѣжденіями и даже на колѣняхъ съ упрямою настойчивостью упрашивалъ его не подвергать дочь жестокому испытанію разлуки съ нимъ и съ родиной. Все было тщетно. Помѣстивъ дочь свою въ институтъ, онъ, по неопытности, увѣрилъ ее, что пріѣдетъ къ ней черезъ мѣсяцъ. Біеніемъ изнывшаго сердца юная дочь считала дни и часы. Прошелъ мѣсяцъ, отецъ не пріѣхалъ, и ударъ въ сердце свелъ въ могилу жертву тоски по родинѣ. Что же изъ этого вышло? Отъ родныхъ его посыпались на меня укоризны, будто бы я умничаньемъ своимъ заманилъ родственника моего въ Москву и заставилъ его отдать дочь въ институтъ. Много съ жизни угощали меня такими напраслинами; да и теперь еще пчелинымъ налетомъ жужжатъ онѣ и надо мной, и около меня. Такъ и быть. Благодарю Бога за то, что самъ не отстрѣливался напраслинами, хотя подъ-часъ бывало и невольно вздохнешь отъ нихъ. Борьба съ предубѣжденіями человѣческими — борьба трудная. Она стоитъ града картечнаго.

Передъ свадьбой, на прощальномъ холостомъ ужинѣ, были у меня почти всѣ писатели того времени. Былъ Николевъ, былъ Шатровъ, Измайловъ, Кокошкинъ, Ивановъ, князь Шаликовъ, Жуковскій и Мерзляковъ. Припоминая имена современныхъ писателей, сколько разъ скажешь съ Жуковскимъ: «насъ учили: слава дымъ!» Давно ли пѣлъ Мерзляковъ, а кто теперь прислушивается къ звукамъ его лиры? И гдѣ они теперь? Тамъ, гдѣ и мы всѣ будемъ. Въ живыхъ остался только В. А. Жуковскій. Ни Василій Андреевичъ, ни я не думали, что онъ на берегахъ Невы будетъ извѣщать меня о своей помолвкѣ и скажетъ, показывая на портретъ невѣсты своей: «Вотъ какой ангелъ хочетъ дѣлить со мною жизнь».

24-го апрѣля 1808 года была моя свадьба. День былъ очаровательный, и все какъ будто блистало прелестью лѣтней природы. Окрестности московскія цвѣли въ полной красѣ своей. Но въ стѣнахъ Москвы мой пріютъ сближался съ какою-то туманною памятью минувшаго. Я нанималъ домъ подлѣ церкви Успенія на Могильцахъ, гдѣ въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, въ годину мороваго повѣтрія, было кладбище для умершихъ отъ заразы. Переулокъ, ведущій отъ церкви къ Пречистенкѣ, и теперь еще слыветъ подъ именемъ Мертваго; въ этомъ переулкѣ былъ домъ купца Гробова, гдѣ тогда продавалась модная ткань — м о р ъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашей свадьбы явились къ намъ опекуны жены моей съ требованіемъ отъ сиротскаго суда 10 рублей 45 копѣекъ.

— За что, милостивый государь, взыскиваютъ съ насъ эти деньги?

— За перья и за бумагу, отвѣчали опекуны.

— Жена моя, возразилъ я,—была тринадцать лѣтъ подъ опекой и во все время ничего не получала; что же дѣлали и перья и бумага?

Вмѣсто отвѣта опекуны выложили на столъ свертокъ съ просроченными заемными письмами тысячъ на тридцать.

— Что же я буду дѣлать съ этими бумагами? спросилъ я.

— Вѣдайтесь съ судомъ, сказали опекуны, отвѣсили по поклону, и простылъ слѣдъ ихъ и наслѣдства.

Правда, тогда уже было мнѣ тридцать два года: пора было взяться и за умъ, но я былъ несмысленнымъ ребенкомъ въ дѣлахъ судебныхъ крючкотворствъ. Теперь, на западѣ жизни, истомясь десятилѣтнею тяжбой, я узналъ, что сиротскій судъ во всякомъ случаѣ отвѣчаетъ за цѣлость имущества сироты. Чудо русскія пословицы! Какихъ геніальностей не увлекаетъ безжалостная рѣка забвенія! А старина — что диво. Пословицы живутъ себѣ да поживаютъ. Вотъ

почему Екатерина Вторая сама знакомила внука своего Александра Павловича съ русскими пословицами и поговорками. Виноватъ, если только есть въ чемъ виниться, это маленькое Стерновское отступленіе. А я просто хотѣлъ сказать: «Вѣкъ живи, вѣкъ учись». А безъ этого сильно проучиваетъ насъ сумрачный налетъ грознаго опыта. За меня, младенца въ судахъ и тяжбахъ, брался хлопотать изъ половины чрезвычайно бойкій дѣлецъ. И тутъ было невпопадъ: главнымъ и первымъ опекуномъ былъ родной дядя жены моей и былъ еще въ живыхъ. Я опасался, чтобы какая-нибудь отвѣтственность не пала на него. А слово—родной было для меня всегда святымъ словомъ. Жена моя, наслѣдница просроченныхъ заемныхъ писемъ, безтрепетною рукой оттолкнула отъ себя судейское томленіе, за что и теперь цѣлую ея руку. Подвигъ ея доставилъ мнѣ въ полномъ смыслѣ душевное наслажденіе. Нашъ родной, при первой вѣсти объ уничтоженіи иска, поспѣшилъ къ намъ съ семействомъ своимъ, чтобъ отблагодарить за освобожденіе отъ тяжелой отвѣтственности. Но часто и трудовымъ потомъ нажитое гибнетъ отъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, а на чемъ оттискъ неправды, то, давнымъ-давно сказано, разлетается прахомъ. Но за пиромъ родственнымъ объ этомъ не было и помину. Не стало дяди и опекуна жены моей; не стало и многихъ близкихъ къ нему, а я отъ жены моей не слыхалъ и полслова укоризны. Превозносятъ героевъ историческихъ, но есть и душевное геройство. Этотъ вѣнокъ принадлежитъ женѣ моей. Остаться ни при чемъ и, оглядываясь во всѣ стороны, не встрѣчать даже и слабаго отблеска къ улучшенію жребія своего! Умри я тогда, и труды мои сошли бы со мною въ могилу. Въ раздѣлѣ имущества родоваго преимущество на сторонѣ колѣна мужскаго. Но если у мужчины есть руки, ноги и сколько-нибудь запаса въ головѣ, онъ пробьется кое-какъ сквозь бурю обстоятельствъ. Стыдно ему, обладая и силою, и крѣпостью, коснѣть въ безсиліи и душой, и умомъ, и руками. Удивлялись греческому мудрецу, который въ грозный часъ кораблекрушенія, когда всѣ хватились за пожитки свои, не шевелится съ мѣста и на вопросъ, съ чѣмъ онъ останется, отвѣчалъ: все мое со мною. И это правда. Все съ человѣкомъ, если онъ крѣпко породнился съ трудомъ, съ терпѣніемъ и спохватывается тамъ, гдѣ лѣность усыпляетъ способности, а отчаяніе, ближайшій сосѣдъ унынія, завлекаетъ Богъ знаетъ куда и во что. Не то съ женщиной. Свѣтъ требуетъ отъ нея всего. Что же если судьба ничѣмъ ее не полелѣяла? Свѣтъ и отъ бѣдности требуетъ образованности, и еще съ большею взыскательностію. Богатству все прощаютъ; ему издалека кланяются: тутъ не до нравственныхъ свойствъ души. А бѣдности бѣда, если вихрь обстоятельствъ перекинется изъ волшебнаго сада образо-

ванности въ дремучій лѣсъ, хуже нежели на добычу дикихъ звѣрей, на добычу грызущихъ нуждъ и на посмѣяніе роскошной, богатой спеси.

Это теперь пришло мнѣ въ голову, а тогда въ радости сердца даже и тѣни не было какого-либо опасенія. Въ то же самое время далъ я обѣщанную свободу послѣднему моему человѣку, оставшемуся у меня отъ родоваго моего наслѣдства, отданнаго мною сестрѣ моей и по словесному завѣщанію матери моей, и по собственному движенію сердца.

Давши слово — крѣпись. И я устоялъ въ моемъ словѣ, и мой спутникъ въ рыцарскихъ моихъ перелетахъ этого стоилъ.

Въ половинѣ 1807 года въ однихъ только предѣлахъ Турціи гремѣло русское оружіе. Земскія наши войска или милиція, за исключеніемъ изъ нея людей, поступившихъ въ строевые полки, отложивъ свои пики и ружья, обращались къ сохѣ и спѣшили на родныя свои пепелища. Чудное было зрѣлище переходовъ пятисотъ тысячъ ратниковъ, вооруженныхъ въ отечествѣ за отечество. Но тогда и вся Европа и при громѣ пушечномъ, и безъ грома ихъ была ополченнымъ станомъ. А все это было дѣломъ одного человѣка, котораго парижскій институтъ еще 1797 года подарилъ названіемъ: «геометра сраженій и механика побѣдъ». Все это было дѣломъ одного человѣка, который, какъ будто шутя, проработывалъ напролетъ цѣлыя ночи, спалъ, когда хотѣлъ, а нерѣдко и вздремнуть не давалъ цѣлой Европѣ. Но внутри нашего отечества ни звука не раздавалось браннаго, а я велъ войну съ самимъ собою и въ этой войнѣ мчалъ изъ мѣста въ мѣсто сопутника моего, который не кружась въ мечтахъ романическихъ, невольно охалъ отъ толчковъ тогдашней безшоссейной дороги, вымощенной или заваленной бревнами среди болотъ. Замѣчу однако мимоходомъ, что по этой тяжелой дорогѣ при Екатеринѣ Второй въ сорокъ часовъ доставили прусскаго принца изъ Петербурга въ Москву. Удалые были тогда ямщики! Голосистыми пѣснями они какъ будто придавали быстроту коней Гомерова Ахиллеса. И мы на удалыхъ коняхъ во второй уже разъ летѣли въ одинъ мѣсяцъ съ береговъ Невы на берега Днѣпра. По правую сторону отъ Порѣчья къ Смоленску виднѣются не озера, а какіе-то отрывки морей, осѣненныхъ лѣсами.

Былъ очаровательный іюльскій вечеръ. На голубомъ небѣ солнце въ безмятежномъ великолѣпіи спускалось на покой въ волны озеръ и золотило отражавшіяся въ нихъ вершины лѣсовъ. Остановя почтовую повозку, я бросился къ прелестямъ живописной природы. Мечты зароились въ головѣ моей.

«По наукѣ», думалъ я: — «земной нашъ пріютъ кружится около

солнца; по глазамъ — оно уклоняется отъ насъ. Да вѣдь надобно же отдохнуть когда-нибудь и этому солнцу, которое всѣмъ безъ разбору и приличій даритъ и свой блескъ, и красоту полей и луговъ, и золотыя жатвы нивъ!» Такъ мечталъ я, и всплывала луна, и солнце дружелюбно уступало ей владычество свое. Какой миръ въ мірѣ небесномъ! Какой миръ въ области безчисленныхъ свѣтилъ и свѣтовъ! А у насъ за клочки земли какія кипятъ и ссоры, и вражды, и бури военныя!»

Долго можетъ быть бродилъ бы я рыцаремъ-мечтателемъ по берегамъ озера, но вдругъ слышу голосъ моего спутника: «С. Н.! пора ѣхать, ужь ночь на дворѣ. Побойтесь Бога! меня измучили и жаръ и пыль».

«Не сердись, братъ!» отвѣчалъ я. — «Авось либо скоро угомонится моя почтовая гоньба. Я дамъ тебѣ свободу, а ты себѣ отдыхай, да живи припѣваючи»...

Онъ и получилъ обѣщанное. Иные мнѣ говорили, будто онъ у меня понагрѣлъ руки. Не знаю. Но живо помню, какъ пригодилось мнѣ усердіе его. Полковые пріятели мои 1798 года (давно, а кажется, будто вчера) въ битву фараонскую очистили меня до живой нитки, въ пухъ и въ замѣнъ перешедшаго къ нимъ всего моего карманнаго быта и домашняго скарба подарили меня поговоркой: на то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ.

Но у меня было другое правило. Правило, чтобы все отцовское считать не своимъ, а свое бросать на вихрь юнаго удальства. Оставались у меня отцовскія двѣ лошади, повозка и третья, подаренная мнѣ однимъ изъ родственниковъ моихъ. Все это рѣшился я съ человѣкомъ отправить подъ кровъ родной. При прощаніи со мною мой Иванъ Яковлевъ высыпалъ ко мнѣ на письменный столъ тридцать цѣлковыхъ, а на скудный мой одръ положилъ связку съ бѣльемъ, словомъ, передалъ мнѣ все, что могъ вырвать у запальчиваго моего порыва въ игрѣ, въ которой и аза не смыслилъ.

Итакъ, въ 1808 году въ маѣ мѣсяцѣ, жена моя и я — мы остались въ отечествѣ нашемъ отчужденными отъ всякой собственности. Мы остались только сами съ собою, съ своими сердцами, съ своею привязанностію другъ къ другу. Слѣдовательно, я могъ бы стать на череду космополита или всемірнаго гражданина. Но это мнѣ и въ мысль не приходило. Сердце мое породнено было съ отечествомъ чистою, святою любовью. Тогда еще я даже и не разсуждалъ о степеняхъ любви къ нему. Но теперь я могу сказать, вызывая минувшее, что любовь моя къ отечеству не мечтой витала въ душѣ моей. Смотрю на небо, и небо не обличитъ меня во лжи.

Скажутъ, можетъ быть, что я любилъ его любовью къ юной моей

подругѣ? Не разсуждалъ я объ этомъ и не возражаю на это. Но и само это чувство отстаиваетъ и существованіе, и силу любви. А эта любовь растетъ съ нами, и если къ счастію или несчастію замѣшкается на постоѣ жизни, тогда нѣтъ для нея ни пространства морей, ни вершинъ горъ, тогда любовь частная развивается въ общую и обнимаетъ всѣхъ земныхъ странниковъ, какъ братьевъ, какъ родныхъ. Но рано оставила землю мать моей юной супруги. Лѣтомъ того же 1808 года простилась она съ свѣтомъ, гдѣ каждый ея шагъ былъ свидѣтельствомъ ея добродѣтели и любви ея къ дочери. Была недавно, то-есть 1842 года, жена моя въ Москвѣ. Была два раза на могилѣ матери въ стѣнахъ Дѣвичьяго монастыря и не перомъ, а душою писала ко мнѣ:

«Сердце мое изъ груди моей рвалось къ незабвенной нашей матери. Горько плакала на прахѣ ея и не хотѣла отдѣлиться отъ него. Мнѣ казалось, что вижу ее».

Пролетѣлъ мимо Русскаго Вѣстника перунъ Наполеона. Александръ I не положилъ преградъ моему усердію. Минуло тридцать пять лѣтъ со времени моего изданія, и я кладу пальмы признательности на гробъ сына Россіи, уважавшаго имя русское. Я испыталъ, что чѣмъ далѣе идешь на пути жизни, тѣмъ живѣе, тѣмъ свѣтлѣе отражается въ душѣ память о добрѣ. Внѣшній натискъ на Русскій Вѣстникъ былъ и скоро прошелъ. Началась внутренняя на него пальба. Чудное дѣло! Первый былъ выстрѣлъ изъ Цвѣтника, издаваемаго баснописцемъ Измайловымъ. Державинъ препроводилъ въ Русскій Вѣстникъ, чрезъ Ивана Ивановича Дмитріева, стихи къ Купидону. Я отозвался, что баснословнаго не помѣщаю въ Русскомъ Вѣстникѣ. Въ гнѣвномъ порывѣ нашъ лирикъ напалъ на меня эпиграммой, которою поставилъ меня въ ряды безсловесныхъ (смягчаю выраженіе) и говорилъ, что я не знакомъ съ нѣжными сердцами. Но гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость; и это сбылось почти вслѣдъ за сердитымъ налетомъ. Гаврила Романовичъ сообщилъ въ мое изданіе драматическій отрывокъ, подъ заглавіемъ: Праздникъ у Добрады, посвященный императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; съ того времени у поэта съ Русскимъ Вѣстникомъ существовалъ миръ ненарушимый.

Эпиграмма Державина была въ Цвѣтникѣ, издаваемомъ баснописцемъ Измайловымъ. Въ этомъ же журналѣ сказано было, что я сперва обогрѣлся на солнцѣ, возженномъ Петромъ I на нашемъ отечественномъ небосклонѣ, а потомъ нырнулъ въ болото, откуда выказывается одинъ только уголокъ зеленой обертки Русскаго Вѣстника. За этимъ возгласомъ изъ Петербурга налетѣлъ на Русскій Вѣстникъ и французскій откликъ. Вскорѣ

послѣ жалобы Коленкура, вышла на меня эпиграмма, въ которой сочинитель говоритъ, что и трагедія моя—Сумбека, или паденіе Казани, предвѣстила свой жребій; что мрачныя Юнговы ночи еще болѣе потемнѣли подъ моимъ перомъ; что драма — Наталія усыпила зрителей пустословіемъ. Конецъ эпиграммы былъ слѣдующій:

A présent sur un ton rempli de suffisance,
A ses concitoyens il prêche l'ignorance [1]).

Право, я не заманивалъ земляковъ своихъ въ область безграмотности, а просто учился тогда узнавать землю Русскую.

Отдѣлывали меня на берегахъ Невы; посыпались эпиграммы и на берегахъ Москвы рѣки. Бойкій острякъ А. Ѳ. Воейковъ выпустилъ въ свѣтъ извѣстные стихи подъ заглавіемъ: Сумасшедшій домъ, и вотъ чѣмъ подарилъ меня въ нихъ:

Нумеръ третій, на лежанкѣ
Истый Глинка возсѣдитъ;
Передъ нимъ духъ русскій въ стклянкѣ
Неоткупоренъ стоитъ.

Много, слишкомъ много чести: не бездѣлица быть сторожемъ духа народнаго! Но я на себя этого не бралъ, а просто вникалъ въ духъ народный. Бережетъ для необычайной годины духъ народный тотъ, кто живетъ повыше земли. Это очень умно высказалъ намъ русскій адмиралъ Василій Яковлевичъ Чичаговъ.

Въ 1790 году Густавъ III, приглашавшій стокгольмскую почетность на балъ въ Петербургъ, претерпѣлъ неудачу и на сухомъ пути, и на морѣ. Екатерина спокойно прислушивалась къ выстрѣламъ, а адмиралы ея Крузъ и Чичаговъ дѣлали свое дѣло. Послѣднему достался въ плѣнъ шведскій корабль: Принцъ Карлъ. Капитанъ его, ужиная у нашего адмирала, сказалъ: «Мы ошиблись въ расчетѣ: думали угостить васъ, а вмѣсто того попали къ вамъ въ гости». Чичаговъ отвѣчалъ: «На это была воля великаго хозяина». А эта воля и пробуждаетъ духъ народный въ свою годину и въ свой урочный часъ.

Напалъ на меня и добрый мой пріятель М. Т. Каченовскій, и вотъ изъ чего. Трагедія Сорена Н. П. Николева вмѣстѣ съ трагедіями Сумарокова отжила спокойно свой вѣкъ. Не знаю, изъ чего и для чего М. Т. Каченовскій вздумалъ потревожить прахъ Сорены, только въ издаваемомъ имъ тогда Вѣстникѣ Европы онъ наступилъ всею силою пера своего на главное лицо трагедіи и сравнилъ его съ Тиверіемъ и Нерономъ. Я любилъ Николева и

[1]) Теперь же голосомъ надменнымъ, горделивымъ,
Соотчичей своихъ въ невѣжество влечетъ.

какъ человѣка, и какъ писателя, поднялъ за него перчатку и возразилъ на грозный отзывъ о его Соренѣ. Правда, что трагедія эта въ свое время надѣлала много шума на московскомъ театрѣ, что тогдашній генералъ-губернаторъ запретилъ представленіе и донесъ о томъ Екатеринѣ. Екатерина отвѣчала: «Вы напрасно это сдѣлали. Сочинитель вооружается противъ тирановъ, а я всегда желала быть матерью народа». Вскорѣ послѣ моего возраженія, помѣщеннаго въ Русскомъ Вѣстникѣ, я издалъ драму — Мининъ. Теперь скажу, что въ ней слабо высказана душа того времени. Замѣть это Каченовскій, и тогда побѣда была бы на его сторонѣ. Но онъ напечаталъ по поводу этой драмы, что я пишу для двухперстнаго сложенія и для мучныхъ лавокъ. Въ послѣднемъ я согласенъ. Я желалъ породнить Русскій Вѣстникъ съ народною мыслію, и это сближеніе пригодилось мнѣ 1812 года, когда по возложеннымъ на меня особеннымъ препорученіямъ надлежало завѣдывать и мучными лавками, и всѣми разрядами быта московскаго.

Зацарапнулъ Русскій Вѣстникъ и Журналъ для милыхъ. Мнѣ какъ-то случилось читать въ одно время и старинные напѣвы Кирши Данилова, и Анекдоты о генералѣ Бонапартѣ. Въ напѣвахъ Кирши какой-то богатырь жаловался, что ни одна слеза не пробивается въ глазахъ его. А въ Анекдотахъ о генералѣ Бонапартѣ помѣщено было письмо его къ женѣ адмирала Брюса, погибшаго съ флотомъ своимъ у береговъ Египта. Бонапартъ, между прочимъ, говорилъ вдовѣ адмирала: «Жалѣю, что я не могу плакать».

«Вотъ,—воскликнулъ Журналъ для милыхъ, — въ Русскомъ Вѣстникѣ засыпаетъ и Суворовъ, и уступаетъ мѣсто Наполеону». И тутъ же повѣщено было о какой-то ненависти моей къ иностранцамъ.

Все это пустые возгласы. Писали и во французскихъ, и въ нѣмецкихъ журналахъ пустые возгласы объ этой небывалой моей ненависти къ иностранцамъ. Не о лицахъ ихъ писалъ я, а о томъ, что они сами порицаютъ, и что мы перенимаемъ у нихъ изъ привычки перенимать. Во всю бытность въ Москвѣ меня не только не огорчалъ ни одинъ иностранецъ, но когда, по разрушеніи бывшаго у меня Донскаго училища, пало на меня тяжелое бремя долговъ, одинъ уроженецъ Венгріи, Альбертъ Фишеръ, преподававшій уроки на арфѣ, даже помогъ мнѣ, и по духовному завѣщанію 1824 года отказалъ мнѣ шесть тысячъ «за любовь мою къ трудамъ и къ бѣднымъ». Такъ написалъ онъ въ духовномъ завѣщаніи, а когда я пришелъ благодарить его въ послѣдніе дни его жизни, онъ сказалъ:

«Извините, что я вас упомянулъ въ моемъ духовномъ завѣщаніи. Отходя въ могилу, я не могъ отказать себѣ въ этомъ душевномъ удовольствіи». Не отъ иностранцевъ мнѣ чаще доставалось и достается, а отъ своихъ любезныхъ земляковъ, хотя никогда, нигдѣ и никому не перебивалъ я дороги. Но Богъ съ ними! Благодарю Провидѣніе за то, что сердце мое никогда не томилось ни ненавистію, ни завистію, ни жаждою мщенія. Случалось мнѣ иногда иныхъ отвлекать и отъ пропасти и вмѣсто спасибо слышать чудные поклепы. Не сержусь и на это. На западѣ жизни, когда душа прилежнѣе вслушивается въ небо, любовь сердечная хотѣла бы обнять всѣхъ и каждаго. Вотъ моя исповѣдь, и мой ангелъ-хранитель не выскоблитъ ея изъ книги жизни.

Летѣли стрѣлы на Русскій Вѣстникъ, но были для него и дни праздничные. Получаю слѣдующую записку отъ Петра Степановича Валуева, тогдашняго начальника кремлевской экспедиціи: «Знаменитый сынъ нашего отечества, графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ, ревностный читатель вашего Русскаго Вѣстника, усердно приглашаетъ васъ на обѣдъ». Уважая и лѣта графа, и личныя доблести его, не бывъ дотолѣ съ нимъ знакомъ, я рѣшился посѣтить его до обѣда. Являюсь, называю свое имя, и сіятельный Несторъ съ юношескимъ жаромъ воскликнулъ:

— Вы уже слишкомъ нападаете на иностранцевъ, вы хотите помрачить славу Петра I!

— Эта дерзкая мысль никогда не приходила мнѣ въ голову. Но скажу съ Діогеномъ, что для того иногда много говорю, чтобы хоть что-нибудь услышали. Петръ I желалъ видѣть Россію Россіей, а русскихъ—русскими. Онъ желалъ сблизить насъ съ Европой не причудами модъ, не заразами роскоши, но—ремеслами и искусствами, и тѣмъ благотворнымъ просвѣщеніемъ, которое сохраняетъ и отечество, и человѣчество. Еслибы Петръ I всталъ теперь изъ гроба и увидѣлъ мелочное круженіе нашего большаго свѣта, онъ не узналъ бы насъ.

— Это правда, возразилъ графъ,—это сущая правда!

И вслѣдъ за тѣмъ онъ пересказалъ очень отчетливо содержаніе нѣкоторыхъ статей Русскаго Вѣстника. А ему было девяносто лѣтъ. Онъ удивилъ меня своею памятью и польстилъ моему самолюбію.

Раскланявшись съ графомъ, тихими шагами пошелъ я по улицѣ. Мысль о чудныхъ переходахъ жизни невольно расшевеливала мою память. Дѣдъ графа былъ добрый сельскій пасторъ; отецъ достигъ блистательной чреды министра и заключилъ Нейштадтскій миръ. При Петрѣ II былъ его менторомъ на поприщѣ ученія; при Аннѣ

распоряжалъ всею дипломатикою. Казалось, твердою ногою стоялъ на своей чредѣ, и въ одно мгновеніе переселенъ сталъ на тѣ Березовы острова, гдѣ былъ и Меншиковъ и Долгорукіе. Жизнь раздѣляла эти знаменитости, смерть соединила ихъ и примирила могильною тишиною. Изъ чего люди бьются и изъ чего еще, можетъ быть, и долго будутъ биться? Вальтеръ-Скоттъ научилъ переводить исторію въ романы. Для переселенцевъ на острова Березовы изъ стѣнъ Сѣверной столицы и съ береговъ Москвы не нуженъ этотъ переводъ. За этой чудной исторіей едва-ли угоняется какой романтизмъ.

Въ первый день знакомства моего съ графомъ обѣдали у него графъ Алексѣй Ивановичъ Пушкинъ, Петръ Степановичъ Валуевъ, княгиня К. Р. Дашкова, графиня—супруга графа Остермана-Толстаго, братецъ ея князь Голицынъ. Указывая на меня, нашъ хозяинъ спросилъ у графа Пушкина и княгини Дашковой: «Знаете ли вы этого молодаго человѣка?» Они отвѣчали утвердительно, и графъ примолвилъ: «Вотъ онъ печатаетъ о томъ каждый мѣсяцъ, о чемъ я только одинъ разъ въ жизни моей осмѣлился писать къ государю».

Прислуга графа была одѣта такъ же, какъ и въ то время, когда онъ былъ посломъ въ Швеціи. По старинному обычаю своя домашняя музыка играла на духовыхъ инструментахъ. Но для меня особенно замѣчательно было то, что за столомъ не слышалось ни одного французскаго слова. Это вполнѣ былъ русскій обѣдъ. Послѣ стола радушный хозяинъ показывалъ мнѣ рисунокъ новой церкви для своего подмосковнаго села Воскресенскаго и около часа откровенно разговаривалъ со мною; но я не допытывался у него, о чемъ онъ писалъ къ государю. Тогда ходъ времени все самъ собою высказывалъ.

Вскорѣ послѣ знакомства моего съ графомъ, явился ко мнѣ поэтъ того времени Василій Львовичъ Пушкинъ съ привѣтомъ отъ нашего исторіографа. Онъ сказалъ мнѣ, что Н. М. Карамзинъ помѣститъ въ исторіи своей новые анекдоты о Петрѣ Великомъ, напечатанные въ Русскомъ Вѣстникѣ.

Сочинитель этихъ анекдотовъ—унтеръ-офицеръ Кашинъ, служившій при Петрѣ I въ гвардіи. Рукопись его переплетена была вмѣстѣ съ одною изъ двухъ частей исторіи о Петрѣ I, напечатанной въ четвертую долю листа въ Венеціи. И книгу, и рукопись подарилъ я въ библіотеку гвардейскаго штаба, когда начальникомъ онаго былъ Николай Мартьяновичъ Сипягинъ. Много пріобрѣлъ я такихъ рукописей, когда сталъ переучиваться. И не одинъ я занимался этимъ 1808 года. Въ это самое время князь Борисъ Владиміровичъ Голицынъ, воспитывавшійся въ Парижѣ, началъ перевоспитываться въ

Москвѣ. Подробности объ этомъ изложены въ моихъ запискахъ 1812 года.

Юный графъ Кутайсовъ, о которомъ Александръ I сказалъ старому графу:

— Вашъ сынъ дѣлаетъ честь русской арміи, и армія его любитъ.

Кутайсовъ отправился въ Парижъ довершать познанія свои въ военномъ искусствѣ. Смолкли громы на берегахъ Нѣмана, но какой-то невидимый вѣстникъ какъ будто подсказывалъ о новыхъ великихъ событіяхъ.

Между тѣмъ рѣшительное отдаленіе мое отъ большаго свѣта возбудило различные слухи, предположенія и догадки. Говорили даже, что я оттого прячусь, что крѣпко сдружился съ бахусовою чашей. Правда, я былъ упоенъ, но чѣмъ? счастіемъ моей семейной жизни и любовью къ отечеству. Въ этихъ двухъ чувствахъ была моя вселенная. Куда и зачѣмъ мнѣ было выходить изъ нея? Новое ученіе поглощало мои мысли; любовь юной моей подруги освѣтляла всѣ мгновенія и каждый шагъ бытія моего. Я не жалуюсь на московскій свѣтъ. Въ безпечной моей юности и до предчувствія о будущей судьбѣ нашего отечества я жилъ въ немъ весело. Но я никому не перебивалъ въ немъ ни одного шага. За что было требовать отъ меня, чтобъ я раздвоилъ мою жизнь, то-есть у себя бы работалъ, а въ свѣтѣ кружился? Однако и самъ тогдашній свѣтъ часъ отъ часу болѣе притихалъ. Слышалъ я отъ нѣкоторыхъ людей, встрѣчаясь съ ними на Тверскомъ бульварѣ: «Мы отдали бы половину нашего имѣнія, чтобъ обезопасить остальное».

Что это за чудное устройство Европы! Въ одномъ углу зашумитъ буря, и все какъ будто приходитъ въ какое-то смутное колебаніе. Кажется, вѣка прошли съ того времени, когда всемірная Римская держава тревожилась отъ набѣговъ дикарей изъ лѣсовъ и болотъ. Въ Европѣ все просвѣтлѣло, каждый шагъ измѣренъ, все въ ней извѣстно кромѣ того, что небо беретъ въ свое завѣдываніе.

У кого изъ читателей моихъ записокъ есть Русскій Вѣстникъ, тѣ могутъ усмотрѣть, что въ объявленіи 1809 года помѣщено о присоединеніи къ нему иностранныхъ извѣстій. Снова запискою черезъ Петра Степановича Валуева графъ И. А. Остерманъ пригласилъ меня къ обѣду и сказалъ:

— Бога ради, не помѣщайте въ Русскомъ Вѣстникѣ ничего иностраннаго. Пусть будетъ въ немъ все наше отечественное.

Какъ было не согласиться съ человѣкомъ, который, доживая до ста лѣтъ, зоркимъ умомъ слѣдилъ за ходомъ моего изданія. Да впрочемъ и не нужно было прибѣгать къ иностранному перу для выска-

зыванія дѣлъ европейскихъ. Наполеонъ показывалъ ихъ передъ лицомъ цѣлаго міра.

Удивительный былъ годъ 1809-й. Порывъ самоотверженія сыновъ Россіи торжественно начался въ исходѣ этого достопамятнаго года. Перенеситесь мыслію въ окрестности и на стогны московскія. Представьте, что вы тамъ 6 декабря 1809 года. Вотъ императоръ Александръ I выходитъ изъ саней у Тверской заставы и въѣзжаетъ въ столицу верхомъ. Морозъ былъ трескучій, но сердца кипѣли рвеніемъ. Слышите звонъ колокольный, но онъ не заглушаетъ кликовъ восхищеннаго народа. Слышите ли эти задушевныя восклицанія: Отецъ! Отецъ нашъ! Ангелъ нашъ! Государь ѣхалъ одинъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ сонмами народа. Иные хватались за лошадь императора, другіе цѣловали узду и стремена. Лошадь отъ давки народной покрыта была пòтомъ. Множество торопливыхъ рукъ стирали потъ платками и чѣмъ могли, чтобы передать эти памятники своимъ домашнимъ. И во все это время продолжались восклицанія: «Здравствуй, надежа-государь! Пріѣзжай къ намъ почаще! Мы каждый день, каждый часъ, нашъ родной отецъ, молимся за тебя Господу Богу!»

Вотъ государь сходитъ съ лошади у Иверской Божіей Матери. Онъ преклоняетъ колѣно, онъ молится. И вся Москва въ лицѣ народа преклоняетъ колѣно, и вся Москва молится съ царемъ своимъ. Что это такое? Это преддверіе великаго двѣнадцатаго года. У сердца есть вѣщія предчувствія. По этому случаю Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ произнесъ живую рѣчь въ университетѣ. Тогдашній его начальникъ Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій ловилъ всѣ случаи къ воспламененію въ воспитанникахъ духа отечественнаго.

Это время было въ полномъ смыслѣ праздникомъ народнымъ. Я усилилъ свои прогулки по улицамъ, по рядамъ и въ Кремлѣ. Вездѣ я слышалъ душевный голосъ народа, вездѣ къ нему прислушивался, и было чего послушать. По знакомству моему съ людьми московскими со мною говорили не запинаясь и откровенно. Словомъ, я жилъ среди народа и жизнію народною.

ГЛАВА XVIII.

Турецкая война.—Н. М. Каменскій.—1811 годъ во Франціи и въ Россіи.—Мое предсказаніе о судьбѣ Москвы.—Главная причина потрясенія Россіи въ 1812 г.—Мои сношенія съ графомъ Растопчинымъ.—Мой братъ.—Сперанскій.—Оправданіе его.—Состояніе Россіи предъ началомъ Отечественной войны.

Война продолжалась въ предѣлахъ Турціи. На мѣсто фельдмаршала князя Прозоровскаго, начальствовавшаго надъ русскими войсками и умершаго 1809 года, назначенъ былъ графъ Н. М. Каменскій, пожавшій лавры на берегахъ Кюменя. Другъ мой и товарищъ А. А. Тучковъ разсказывалъ, что во время финляндскаго похода, пришедъ однажды къ графу Каменскому, онъ увидѣлъ, что военное сочиненіе Жомини лежало у него на столѣ съ неразрѣзанными страницами. «Ужели, спросилъ онъ,—вы, графъ, еще не заглянули въ книгу Жомини?»—«Некогда», было отвѣтомъ графа.—«А у него, прибавилъ Тучковъ,—все кипѣло безостановочно: и продовольствіе войскъ, и размѣщеніе ихъ, и сраженія».

Чрезвычайно было различіе 1811 года между Франціей и Россіей. Въ первой все было въ движеніи, все сіяло радостными надеждами. Въ Россіи не слышно было никакихъ торжественныхъ возгласовъ. Война съ Турціей шла своимъ чередомъ подъ начальствомъ Кутузова, принявшаго войско послѣ смерти Каменскаго. Были успѣхи, но торжественныхъ одъ не слагалось. Въ это время была только въ Москвѣ карусель на Большой Донской улицѣ, гдѣ нѣкогда были пристанища графа Орлова-Чесменскаго. Начальниками каруселя были генералъ-адъютантъ Өедоръ Петровичъ Уваровъ и Степанъ Степановичъ Апраксинъ. На вырученныя отъ зрителей деньги на другой день данъ былъ обѣдъ отставнымъ воинамъ, жившимъ въ Москвѣ. Раздавалось у р а! Но ни карусель, ни пиръ не возбудили особеннаго вниманія. Намеки проходятъ мимо духа русскаго, онъ любитъ разгулъ рѣшительный.

Между тѣмъ горѣлъ Кіевъ и другіе города. Пламя пожарное разливалось по лѣсамъ. Я ѣздилъ въ это время въ Украйну и по всей дорогѣ слышалъ какіе-то туманные толки. Я видѣлъ еще въ исходѣ 1806 года грозную тучу 1812 года; поступивъ въ земскія войска, я оставилъ у Ө. Ө. Кокошкина письмо, въ которомъ говорилъ, что если доведется мнѣ быть убитому въ сраженіи, то онъ увидитъ изъ письма моего, что если не будутъ приняты какія-нибудь необычайныя мѣры, то Москвѣ не миновать жребія Вѣны.

И тутъ не было никакого пророческаго притязательства; тутъ былъ простой взглядъ на ходъ времени. Вотъ почему 1812 годъ

меня нисколько не удивилъ; вотъ почему отъ 1808 года, то-есть отъ начала изданія Русскаго Вѣстника, до 1812 года я непрестанно печаталъ о необходимости новыхъ военныхъ силъ, о составленіи летучихъ или партизанскихъ отрядовъ и о лѣсныхъ засадахъ. Наконецъ, вотъ почему 1812 года я первый поспѣшилъ въ Москвѣ записаться въ ратники ополченія, и вотъ почему смѣлою рѣчью іюля 5-го въ Слободскомъ дворцѣ, въ собраніи дворянскомъ, высказалъ, что Москва будетъ сдана.

Не стану говорить, такъ или не такъ дѣйствовали наши полководцы. Не стану разсуждать, для чего Барклай-де-Толли отвергалъ необычайныя средства, и для чего Кутузовъ не воспользовался ими? Казалось, для чего было предъ битвою Бородинскою отдалить отъ войска нѣсколько конныхъ артиллерійскихъ ротъ? Для чего бы не присоединить ихъ къ полкамъ князя Лобанова, стоявшаго передъ Москвою по Владимірской дорогѣ? Казалось, для чего бы не подвинуть эти полки къ главному войску? Развѣ въ Россіи не стало бы на это подводъ? А притомъ, развѣ исторія не указываетъ на силу и дѣйствія косвеннаго или боковаго движенія и нападенія?

Положимъ, что у князя Лобанова были новоустроенные полки. Но это ничего не значило. Для сгущенія своихъ колоннъ, Наполеонъ 1813 года подъ Бауценомъ затѣснялъ въ нихъ и гражданъ, и земледѣльцевъ, и кого ни попало. Прикиньте къ полкамъ князя Лобанова нѣсколько тысячъ просто мужиковъ на коняхъ. Праздныхъ пушекъ множество стояло въ арсеналахъ московскихъ. Развѣ нельзя было присоединить ихъ къ опытнымъ ротамъ артиллерійскимъ? А съ этимъ новымъ войскомъ подъ вечеръ можно было бы нагрянуть въ тылъ праздно стоящей гвардіи Наполеона. Волей или неволей, но онъ долженъ былъ бы туда повернуться, откуда бы загремѣла новая гроза. Такимъ образомъ войска Наполеона очутились бы между двумя огнями. Москва досталась въ руки Наполеона послѣ Бородинской битвы, безполезной и требуемой только пылкими нашими воинами, утомившимися отъ непрестанныхъ отступленій въ отечествѣ. Что Москва пала — и это еще ничего. Главная бѣда нахлынула при отступленіи и нашествіи войскъ опасныхъ не пушками и не штыками, но тлетворною заразой, распространившеюся въ рядахъ ихъ. Заразились нѣсколько уѣздовъ московскихъ, а въ Смоленской губерніи погибло отъ заразы до ста десяти тысячъ человѣкъ.

На поляхъ Италіи Суворовъ сказалъ: «Мы бросимъ методику». И бросилъ ее. Зато въ пятьдесятъ шесть дней завоевалъ онъ все то, что въ два года подпало подъ мечъ Бонапарта. Оставалась одна Мантуа, которая, по словамъ Суворова, «не стоила траты времени». Но Россія стоила того, чтобъ ее отстаивать, а не играть русскими горо-

дами въ шахматныя ставки. Барклаю-де-Толли восемьдесятъ смоленскихъ помѣщиковъ предлагали вооружить дружины своихъ охотниковъ, бойкихъ наѣздниковъ. Барклай-де-Толли отказалъ, забывъ, что прусскій поручикъ Шилль съ однимъ полкомъ тревожилъ армію Наполеона 1809 года. А этихъ охотниковъ и стрѣлковъ-крестьянъ, знающихъ всѣ мѣста, набралось бы тысячъ до трехъ и болѣе, которые ночными нападеніями въ тылъ и крылья непріятеля не давали бы ему и глазъ сомкнуть. Не сносясь съ смоленскими помѣщиками, и я, по взятіи Смоленска, подалъ графу Растопчину записку о вооруженіи охотничьихъ дружинъ по уѣздамъ московскимъ, и излагалъ, что начиная отъ Гжатской пристани, откуда по обѣимъ сторонамъ тянутся съ небольшими промежутками лѣса, эти лѣсныя дружины могли бы сильно тревожить Наполеона. Графъ сперва согласился, а потомъ сказалъ: «Мы еще не знаемъ, какъ повернется русскій народъ. Мое дѣло выпроводить теперь дворянъ изъ уѣздовъ московскихъ». Графъ Растопчинъ не зналъ, какъ повернется русскій народъ!.. Намъ нѣтъ времени изучать духъ народный и наше отечество. Летучіе или партизанскіе отряды появились послѣ битвы Бородинской, а я о нихъ писалъ въ 1809 и 1810 годахъ въ Русскомъ Вѣстникѣ. Слѣдовательно, не храброму Денису Давыдову пришла о нихъ первая мысль. Мало ли о чемъ тогда я писалъ, да какъ было слушать меня, мелкую сошку? Однако, когда нагрянулъ двѣнадцатый годъ, тогда и различные бары поговаривали: «Если бы слушали васъ!» Чванство ненавижу и не отъ гордости напоминаю объ этомъ. Нѣтъ никакой диковинки, что я кое-что видѣлъ. Я всматривался изъ уединенія моего въ ходъ времени отъ 1808 до 1812 года.

Говорили, что будто бы Барклай-де-Толли обращеніемъ войска русскаго на Жиздру и Мосальскъ могъ бы отклонить Наполеона отъ Москвы. Это мечта. Не приняты были необычайныя мѣры при первомъ шагѣ вторженія нашествія въ Россію; слѣдственно, одна Москва должна была поглотить его въ гробовой могилѣ. Притомъ же и при позднемъ вооруженіи ополченія пошли мѣстническія передряги.

Московскій ратническій комитетъ подчинили петербургскому ратническому комитету, состоявшему подъ предсѣдательствомъ графа Аракчеева, Балашева и Шишкова. Графъ Растопчинъ въ порывѣ досады сказалъ: «Государь далъ мнѣ эполеты съ брильянтовымъ своимъ вензелемъ, говорилъ, что я его на плечахъ ношу. А теперь отдаетъ меня въ батраки къ Аракчееву» — и потому бросилъ ратническій комитетъ. Другое обстоятельство: Кутузовъ, по принятіи войска отъ Барклая-де-Толли, сдѣлался въ силу устава большой арміи, изданнаго 1811 года, полновластнымъ распорядителемъ Московской губерніи. Графъ Растопчинъ изъ глагола дѣйствительнаго

превратился въ глаголъ страдательный. Чѣмъ бы сближаться съ Растопчинымъ, Кутузовъ пустился хитрить такъ, какъ онъ хитрилъ подъ Тарутинымъ, обманывая Наполеона. Послѣднее было хорошо. Но первый обманъ былъ вовсе неумѣстенъ. Въ необычайныхъ обстоятельствахъ всего нужнѣе и всего сильнѣе сближеніе душъ. Въ письмѣ своемъ изъ Владиміра къ Ивану Петровичу Архарову Растопчинъ называлъ Кутузова весьма нелестно.

Было недоумѣніе въ полководцахъ нашихъ. Не было быстраго и внезапнаго сближенія войска съ ополченіемъ народа; было волненіе умовъ и въ Москвѣ. На улицахъ, въ толпахъ народа, проявлялось явное негодованіе. Видя баръ и барынь, скачущихъ къ церквамъ, народъ кричалъ: «Вотъ теперь стали молиться, а то пиры, да балы! Плясали, мотали, да и накликали бѣду!»

Какая главная причина потрясенія, причиненнаго Россіи 1812 годомъ? Пусть земля спроситъ объ этомъ у неба. Меня назовутъ за это безумцемъ, но мой отвѣтъ слѣдующій: подите въ первое присутственное мѣсто, взгляните на зерцало и вникните хорошенько въ два назерцальные указа Петра I. Указъ его 1722 года, апрѣля 17-го, скажетъ, что въ Россіи нѣтъ правды; а указъ 1724 г. засвидѣтельствуетъ, что и Петръ со всею своею исполинскою силой оставилъ Россію «подъ судомъ Божіимъ». А какъ Россію вывесть изъ-подъ суда Божьяго, про это знаютъ на́большіе.

Графъ Ѳ. В. Растопчинъ, встрѣтясь со мною въ Москвѣ, пригласилъ меня къ обѣду на дачу его въ Сокольники. Графъ очень радушно принялъ меня. За обѣдомъ разговоръ былъ общій. За нѣсколько дней передъ этимъ графъ принятъ былъ у государя, и императоръ обратилъ особенное вниманіе на старшаго его сына. Послѣ обѣда графъ усадилъ меня въ кабинетѣ на софѣ. Мы остались одни, и онъ сказалъ:

— Мой французъ-аббатъ, видя упадокъ нашихъ ассигнацій, какъ голубь изъ ковчега летитъ во-свояси. Туда ему и дорога. Мой старшій сынъ подростаетъ. Желаю, чтобы онъ былъ русскимъ. Не люблю нынѣшняго воспитанія. Насъ какой-то порывъ вѣтра забросилъ на крутизну горы, и мы Богъ знаетъ какъ быстро катимся оттуда. Свѣтъ оковалъ насъ причудами заморскими и оборотнями модъ. Мы у себя не свои. Я говорилъ это въ моихъ *Мысляхъ на Красномъ крыльцѣ*, и вы то же повторяли въ вашемъ *Русскомъ Вѣстникѣ*, а потому прошу васъ принять подъ руководство ваше старшаго моего сына, не въ видѣ учителя, — на это будутъ особенные люди, — а въ видѣ нравственнаго наставника.

— Графъ, — отвѣчалъ я, — я чрезвычайно дорожу вашею довѣренностью, и ваше предложеніе для меня очень лестно, но вы

знаете, что Русскій Вѣстникъ ввелъ меня въ обязанность съ подписчиками. У меня нѣтъ ни одного сотрудника, вся отвѣтственность лежитъ на мнѣ, а нашъ герой Суворовъ сказалъ: «Точность въ одномъ Богѣ; въ дѣлахъ же человѣческихъ—нужно теченіе». Этого теченія непрерывнаго необходимо требуетъ срочное изданіе. За два дѣла въ одно время приняться было бы безсовѣстно, и непремѣнно будетъ упущеніе или въ томъ, или въ другомъ.

— Вы правы,—сказалъ графъ,—но пригласите по крайней мѣрѣ брата вашего (сочинителя Писемъ русскаго офицера о походѣ 1805 года). Въ нихъ высказывается и умъ, и душа.

— Братъ мой,—отвѣчалъ я,—очень молодъ.

— Тѣмъ лучше: по уму, по душѣ своей онъ скорѣе сблизится съ сыномъ моимъ.

— Непремѣнно буду писать къ брату моему.

Потомъ я спросилъ у графа, какъ у человѣка, участвовавшаго въ дѣлахъ государственныхъ:

— Отчего у насъ произошелъ такой быстрый упадокъ бумажекъ? Въ Европѣ возвышеніе и упадокъ денежный зависитъ отъ удачныхъ или неудачныхъ пушечныхъ выстрѣловъ. Но у насъ кажется все въ своей силѣ. Оружіе русское покорило Финляндію; въ Турціи оно дѣйствуетъ успѣшно, и къ намъ присоединилась еще область Бѣлостокская. Фабрики наши и мануфактура оживились. Континентальная система не можетъ долго существовать: это перетянутая струна наполеоновской политики, она лопнетъ, моря взыщутъ свои права.

— Я согласенъ съ вами,—сказалъ графъ.—Посѣтя меня въ моемъ селѣ Вороновѣ, вы говорили, что почитаете Тильзитскій миръ временнымъ перемиріемъ, и я въ этомъ согласенъ съ вами. Намъ не миновать новой борьбы съ Наполеономъ. Русскій нашъ народъ чрезвычайно смышленъ и догадливъ. Но при всей суетѣ теперешней промышленности нашъ народъ чувствуетъ, что чего-то недостаетъ, и какъ-будто чего-то ждетъ. А отъ этого и деньги наши пошли въ какой-то сбивчивый ходъ. Мы не вѣримъ теперешнему нашему времени.

Въ концѣ 1809 года учредился Государственный Совѣтъ, винная поставка перешла въ казну, и сдѣлано было новое постановленіе о соли. Все было въ новомъ движеніи: и правительство, и деньги, и люди частные. Въ это время поэтъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ назначенъ былъ министромъ юстиціи. Незадолго до отъѣзда его на берега Невы, онъ, видя, что я помѣстилъ нѣсколько статей о военномъ искусствѣ изъ сочиненій Макіавеля, просилъ меня, чтобы я далъ ему прочитать ту часть, въ которой Макіавель говоритъ о

владѣльцѣ. Отправляясь въ Украйну на работу учительскую еще 1802 года, въ числѣ прочихъ историческихъ и политическихъ книгъ я запасся и полнымъ сочиненіемъ Макіавеля, переведеннымъ на французскій языкъ Жиродеемъ. Возвращая мнѣ дня черезъ три книгу мою, Иванъ Ивановичъ сказалъ:

— Признаюсь вамъ, что мнѣ нѣкоторыя мысли ваши въ Русскомъ Вѣстникѣ казались неясными; но, вникнувъ въ правила Макіавеля, я вижу, что вы дѣльно говорили.

— Настоящая истина,—отвѣчалъ я,—такъ проста, что она вездѣ и всегда очевидна; мы ее запутываемъ и предположеніями, и перетолкованіями нашими.

По приглашенію графа Растопчина, братъ мой Ѳедоръ Николаевичъ пріѣхалъ въ Москву въ началѣ 1810 года. Графъ принялъ его очень радушно. Это было поутру, а ввечеру того же дня я получилъ отъ графа записку, что, къ крайнему его сожалѣнію, братъ мой, по его мнѣнію, слишкомъ молодъ для предполагавшейся должности. Какъ и отчего произошла такая быстрая перемѣна въ мысляхъ графа, не допытываюсь. Но вотъ мой къ нему отвѣтъ:

«Вы настоятельно вызывали брата моего. Вы восхищались живымъ его слогомъ, дышащимъ благороднымъ чувствомъ и любовью къ отечеству. Это собственныя ваши слова. Вы и сегодня поутру со слезами благодарили меня за пріѣздъ брата моего. Видно переходъ отъ прежняго воспитанія къ новому показался вамъ труднымъ? Но братъ мой не раскаивается, что пріѣхалъ въ Москву. Ему удалось видѣть вельможу, убѣждающаго русскихъ быть русскими».

Несмотря на этотъ сердитый отвѣтъ, графъ снова со мною сблизился, а когда,—объ этомъ будетъ упомянуто въ запискахъ о 1812 годѣ.

Прибавлю еще нѣсколько словъ къ событіямъ 1809 года. Сказано было выше, что часть русскихъ войскъ хотя и не соединялась съ Наполеономъ, но потревожила австрійцевъ и тѣмъ споспѣшествовала къ быстрымъ его успѣхамъ въ Австріи. Но хотя войска русскія двигались за Наполеона, но духъ ихъ былъ противъ него. Князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ привѣтствовалъ письменно принца Карла въ началѣ его успѣховъ. Письмо попалось въ руки Наполеона, и князь Горчаковъ, говоря словами его дяди, обомлѣвалъ въ бездѣйствіи до 1812 года.

Нѣтъ общаго правила въ политикѣ. Все зависитъ отъ обстоятельствъ, рѣдко единообразныхъ. Политика—игра, а разыгрываетъ ее вдохновеніе и геній. Вотъ чего не зналъ ни одинъ изъ такъ называемыхъ людей государственныхъ, бывшихъ въ Россіи на чредѣ управленія отъ 1809 до 1812 года. Это тѣмъ удивительнѣе, что

обстоятельства нисколько не были запутаны и въ очевидности были единообразны. Слѣпой только не увидитъ, когда внезапное облако налетитъ и затемнитъ солнце. Но у всѣхъ тогдашнихъ государственныхъ людей вещественные глаза были свѣтлые. Отчего же не видали они, какая туча собирается и скопляется на Россію, и вмѣсто того, чтобы принимать своевременныя мѣры къ отраженію предстоявшей бури, только озабочивали и умъ императора Александра, и умы народа мелочными сдѣлками не къ управленію, но къ запутыванію подлиннаго управленія?

И вся эта суматошная буря и тревога пали на Михаила Михаиловича Сперанскаго.

Когда, 1813 года, встрѣтился я съ графомъ Растопчинымъ, онъ мнѣ сказалъ:

— Во время службы моей при князѣ Потемкинѣ, видя, какъ и чѣмъ наполняетъ онъ желудокъ, казалось, что онъ не доживетъ до утра. А онъ проснется, какъ ни въ чемъ не бывало, свѣжъ и опять за то же принимается. Россію можно уподобить этому богатырскому желудку. Она проглотила Наполеона и Сперанскаго.

Но за что было Россіи проглотить Сперанскаго, объ этомъ Растопчинъ не вымолвилъ ни слова.

Зналъ я Сперанскаго, когда онъ еще не былъ графомъ. Бесѣдовалъ съ нимъ дружески и откровенно и любилъ его, какъ человѣка, стремящагося къ пользѣ общественной.

Въ пространномъ своемъ письмѣ къ императору Александру Сперанскій сказалъ:

«Вы, государь, съ первыхъ дней царствованія своего положили неуклонно дѣйствовать къ преобразованію Россіи по духу своего времени и по степени ея просвѣщенія».

Но какъ бы ни былъ силенъ человѣкъ, однако, если, выйдя для прогулки въ ясный день, его на дорогѣ настигнутъ внезапно громъ и дождь, то волею или неволею должно куда-нибудь уклониться.

Императоръ Александръ I обманывался, полагая, что онъ будетъ неуклонно заниматься преобразованіемъ Россіи, летая то подъ Аустерлицъ, то подъ Тильзитъ, то въ Парижъ.

Сперанскій прибавляетъ: «Вышедшія уже учрежденія были какъ-будто плодомъ многихъ лѣтъ, и все бы распространялись болѣе и болѣе, еслибы люди были справедливѣе и обстоятельства счастливѣе».

Далѣе Сперанскій говоритъ, что «всѣ представленія его подверглись зависти, клеветѣ и общему злословію».

И неудивительно. Дѣло общее должно быть на виду у всѣхъ, иначе оно всегда будетъ возбуждать подозрѣніе, предположенія и

недоумѣнія. Мы сейчасъ увидимъ, что Сперанскій самъ соглашался съ этимъ.

«Весь разумъ тогдашняго плана управленія состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства въ началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствіямъ сей власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы».

«Но»,—продолжаетъ Сперанскій,—«полезнѣе, можетъ быть, было бы всѣ установленія сего плана приготовить вдругъ и открыть единовременно; тогда они явились бы въ своемъ размѣрѣ и стройности и не произвели бы въ дѣлахъ никакого смѣшенія».

Слѣдовательно, для этого надлежало выждать тѣхъ счастливыхъ обстоятельствъ, о коихъ Сперанскій упомянулъ выше. Но этого не было. Два мѣсяца сряду ежедневно ходилъ онъ въ кабинетъ государя, то совѣщаясь съ нимъ о достоинствѣ человѣка, то принося рукописи, составлявшія цѣлыя книги. Какъ же было зависти не бѣситься, какъ было не волноваться страстямъ, какъ было не предполагать тамъ злоумышленіе, гдѣ было одно заторопленіе! Сперанскій былъ очень уменъ, не уступалъ ему въ умѣ и Неккеръ, и они оба увлекались, какъ люди, близостью къ престолу. Не мнѣ защищать М. М. Сперанскаго, его защищаетъ собственная его невинность. Признаюсь откровенно, и мнѣ наряду со всѣми странными казались тѣ указы, о которыхъ говорили, что «разумъ ихъ выйдетъ послѣ». На что же было оглашать указы безъ разума? Признаюсь, что и мнѣ казалось страннымъ, когда людей опытныхъ въ дѣлахъ судебныхъ произвели въ догробные титулярные совѣтники.

Сперанскій въ письмѣ своемъ говоритъ о себѣ, «что онъ и былъ тогда въ средоточіи управленія государственнаго». Какъ же человѣку, стоявшему на этой чредѣ, не вѣдать было, до чего доводитъ раздраженіе сердца человѣческаго? Нѣкоторые люди говорили, что это было сдѣлано для того, чтобъ этою мѣрою затруднить молодымъ дворянамъ поступленіе въ гражданскую службу. Положимъ, что это было и такъ. Но за что же было обижать людей, ожидавшихъ отъ гражданской службы тѣхъ чиновъ, которые время и законъ доставляютъ? Но и тутъ Сперанскій имѣлъ полезное намѣреніе. Онъ хотѣлъ, чтобы для службы гражданской выходили люди образованные изъ стѣнъ университета. Но все служило ему обвиненіемъ.

Въ то время, какъ въ кабинетъ императора Александра налетали со всѣхъ сторонъ различныя предначертанія для преобразованія Россіи, Россія была на шагъ отъ бури нашествія. Видя обветшалость зданія государственнаго, очень хорошо и полезно поддержать его, чтобъ оно не подавило отечество паденіемъ своимъ. Но на

все свое время. Нечего было тогда умствовать о томъ и о семъ, когда Наполеонъ былъ уже почти у рубежей Россіи. Важнѣе всего въ тогдашнихъ обстоятельствахъ то, что въ ноябрѣ 1811 года допустили откупиться семидесяти тысячамъ рекрутъ. Но это болѣе относилось къ военной части. Въ чемъ тутъ былъ виноватъ Сперанскій? Ужели должно предположить, что императоръ Александръ или не зналъ, или не хотѣлъ видѣть опасности, угрожавшей Россіи? Ужели и графъ Аракчеевъ, и тогдашній военный министръ Барклай-де-Толли не видали той же опасности? Ужели они не знали того, о чемъ люди русскіе въ Москвѣ явно и громко говорили? Въ это время, съ наступленіемъ вечернихъ сумерекъ, появлялась на небосклонѣ Москвы комета. Прохожіе, останавливаясь, всматривались въ это явленіе, обращались къ церквамъ и грустно восклицали: «Помететъ землю Русскую!» Тутъ можно сказать, что голосъ народа былъ голосомъ Божіимъ. Развѣ не доносился онъ до Петербурга?

Новый рекрутскій наборъ въ мартѣ 1812 года людей, едва привыкшихъ къ ружью и непривыкшихъ къ трудамъ военнымъ! Но это не касалось Сперанскаго. Если Растопчинъ и другіе предполагали, что Сперанскій способствовалъ въ чемъ-нибудь нашествію Наполеона на Россію, то они крайне ошибались. Въ то же время, когда комета была видна на небосклонѣ Москвы, и Наполеонъ изъ оконъ дворца Тюильрійскаго всматривался въ какую-то звѣзду, имъ только однимъ видѣнную, а Коленкуръ, князь Понятовскій и другіе приближенные уговаривали его, чтобъ онъ не пускался въ Россію; на всѣ ихъ убѣжденія Наполеонъ возразилъ:

— Не я иду! меня влечетъ сила, мнѣ самому непостижимая!

Что же тутъ было дѣлать одному Сперанскому? И могли ли тысячи головъ преклонить или отклонить тогда волю того человѣка, который самъ сознался, что у него не было своей воли!

Вотъ что явно опровергаетъ нелѣпый поклепъ на небывалую измѣну М. М. Сперанскаго. Рвеніемъ неумѣстнымъ онъ самъ себя затороплялъ, а съ другой стороны завистники, сбивая его то въ ту, то въ другую сторону, понуждали его отбиваться кипами бумагъ. А потому при отпускѣ Сперанскаго 1812 года, когда понеслась на него клевета враждебная, императоръ Александръ I сказалъ ему:

— Еслибы не такія были настоятельныя обстоятельства, то для изслѣдованія вашихъ дѣйствій должно бы употребить мнѣ и годъ, и два года.

Отчего вышла такая запутанность, и кто въ томъ виноватъ? И въ этой запутанности Сперанскій былъ страдальцемъ.

ГЛАВА XIX.

Заключеніе мирныхъ договоровъ.—Прибытіе государя къ войску.—Основаніе Патріотическаго Общества.—Поляки.—Торжество Александра I.—Воззваніе Кутузова къ народамъ Германіи. — Поэма Габерланда. — Калишское свиданіе.—Состояніе Пруссіи.—Несогласіе среди европейскихъ державъ.—Ложь Наполеона.—Воззваніе прусскаго короля. Рѣчь герцога Суссекскаго.—Чествованіе Александра I въ Америкѣ.—Общія надежды на русскаго императора.—Люценская битва.—Современная статья о перемиріи.—Присоединеніе Швеціи.—Письмо шведскаго короля къ Наполеону.—Генералъ Моро.—Воззваніе шведскаго короля къ арміи.—Союзъ съ Австріей.—Смерть генерала Моро.—Битва Кульмская.—Послѣднія слова умирающаго Моро.—Письмо императора Александра къ вдовѣ Моро.—Успѣхи союзниковъ.—Ложь Наполеона. «Обличитель» Ришера Серизи.—Плѣнъ Головина у японцевъ.—Заботливость Александра I о воспитанникахъ Горнаго корпуса.—Приказъ 26 августа 1813 г.—Человѣколюбіе императора Александра.—Подвиги Энгельгардта и Шубина.—Лейпцигская битва.—Русскіе на Рейнѣ.—Отношеніе Александра I къ союзникамъ.—Маркизъ де-Виндранжъ.

По удивительному стеченію обстоятельствъ и къ усугубленію величія 1812 года, между тѣмъ какъ Наполеонъ громомъ своего оружія оглушалъ вселенную, въ сіе самое время Александръ заключилъ три мирные договора. Августа 5-го подписалъ онъ миръ съ Турціей, сентября 12-го утвердилъ дружественный договоръ съ Испаніей, а ноября 7-го воспослѣдовалъ манифестъ о союзѣ съ Англіей. Такимъ образомъ посреди войны опустошительной россійскій государь былъ ангеломъ миротворнымъ. Уже Наполеонъ бѣжалъ изъ предѣловъ Россіи, а Александръ I, скрѣпя на берегахъ Невы союзы съ тремя областями, отправился въ Вильну къ войску. День 10-го декабря ознаменовался прибытіемъ его туда. Этотъ день былъ новымъ торжествомъ для россійскаго войска и предвѣстіемъ новыхъ побѣдъ. Поэтъ нашъ В. А. Жуковскій, находившійся тогда въ Вильнѣ, изобразилъ въ слѣдующихъ словахъ достопамятный случай:

Сколь намъ величественъ ты, царь, тогда предсталъ,
Сжимающій вождю въ виду полковъ десницу,
И старца на свою ведущій колесницу,
Чтобъ вмѣстѣ съ нимъ летѣть съ отмщеньемъ въ слѣдъ врагамъ.

Въ эти радостные часы жизни своей, Кутузовъ говорилъ своимъ приближеннымъ:

— Какъ счастлива моя старость! я встрѣтилъ государя въ областяхъ, присоединенныхъ къ Россіи Екатериною Великою и теперь очищенныхъ отъ непріятеля.

Уже Россія стала возстановляться изъ гробовыхъ развалинъ силою любви и милосердія. Александръ I приготовлялся снова на подвигъ добра для спасенія Европы, а благодѣтельная десница его супруги простиралась къ оживотворенію страдальцевъ, всего лишен-

ныхъ нашествіемъ. Подъ непосредственнымъ покровительствомъ императрицы Елисаветы Алексѣевны составилось въ Петербургѣ женское Патріотическое Общество. Многія изъ матерей, супругъ и дочерей нашихъ героевъ вступили въ оное. Тутъ во всей силѣ явилось торжество милосердія! Тысячи семействъ, скитавшихся безъ пристанища, немедленно были взысканы, призрѣны и оживлены на поприщѣ скорбнаго ихъ бытія.

Передъ нашествіемъ на Россію Наполеонъ говорилъ, что будто бы нѣсколько милліоновъ поляковъ готовы сѣсть на коней и сопутствовать ему въ завоеваніи Россіи. Предположенія его остались мечтой. Онъ успѣлъ только взволновать умы, обольщая древнихъ нашихъ единоплеменниковъ мнимою свободой для того, чтобы надежнѣе завлечь ихъ въ сѣти свои. Истина эта разительно явствуетъ изъ словъ генерала Домбровскаго, произнесенныхъ имъ 1818 года и приведенныхъ въ донесеніи слѣдственной коммиссіи о розысканіи тайныхъ польскихъ обществъ. «Еслибы Наполеону, говорилъ генералъ Домбровскій,—и въ 1818 году удалось дойти до береговъ Эльбы, то и тогда бы поляки снова были жертвами его». Великодушный Александръ въ день своего рожденія, въ день декабря 12-го, отъ искренняго сердца изрекъ прощеніе полякамъ и изъявилъ желаніе, чтобы древніе наши единоплеменники наслаждались счастіемъ и безопасностію въ совершенномъ сліяніи съ Россіей.

Донесеніе о военныхъ дѣйствіяхъ съ 18-го по 23-е декабря князь Кутузовъ-Смоленскій заключалъ сими словами: «Нѣтъ уже въ границахъ россійскихъ непріятеля; всѣ области, прежде бывшія польскія и подъ скипетромъ россійскимъ находящіяся, отъ иноплеменныхъ очищены».

Императоръ Александръ I прежде еще сказалъ: «Дотолѣ не положу оружія моего, доколѣ не сотру съ лица земли русской врага, дерзнувшаго войти въ ея предѣлы». Сбылись сіи слова! Слѣды непріятеля остались видимы только по костямъ его, разсѣяннымъ по полямъ отъ Москвы и до границы!

Исчезло грозное нашествіе, и взоры всѣхъ народовъ обратились на Александра I.

При вступленіи русскихъ въ мѣстечко Сталупенъ, восхищенные жители единодушно восклицали: «Да будетъ невинно терпящему народу защитникомъ императоръ Александръ».

Въ день 25-го декабря торжественно возвѣщено было, что нѣтъ уже ни одного врага въ предѣлахъ Россіи, и въ тотъ же день предположено сооруженіе храма Христу-Спасителю.

Повторимъ еще, ссылаясь на собственное свидѣтельство Наполеона, что торжество Россіи 1812 года было торжествомъ любви

народной. «Любовь народа, вѣщалъ Александръ I въ 1805 году, любовь народа составляетъ для меня единственный предметъ, начало и конецъ всѣхъ моихъ дѣйствій». Онъ вполнѣ 1812 года насладился счастіемъ этой любви. Онъ еще болѣе убѣдился, что изъ всѣхъ политическихъ предположеній вѣрнѣйшая стезя, ведущая къ истинной славѣ, есть та, которая ведетъ къ сердцамъ народа.

Января 7-го императоръ Александръ прибылъ въ городъ Ликъ. Радостные жители единодушно восклицали: «Ты нашъ спаситель! Ты нашъ государь!» Александръ отвѣчалъ: «Я вашъ другъ».

Александру I на новомъ поприщѣ заграничномъ не нужно было вымышлять никакихъ хитростей и уловленій: онъ продолжалъ только быть самимъ собою, и онъ наслаждался счастіемъ несравненнымъ! Сердца жителей странъ иноземныхъ летѣли къ нему навстрѣчу, а сердца сыновъ Россіи сопутствовали ему повсемѣстно. Народы европейскіе во взорахъ его читали спасеніе и свободу свою.

Александръ I и король прусскій дозволили престарѣлому нашему полководцу Кутузову издать къ народамъ Германіи воззваніе, воспослѣдовавшее отъ 15-го марта. Русскій полководецъ возвѣстилъ, что возстановленіе Германіи и расторженіе ига, возложеннаго завоевателемъ на древнія страны ея, есть главная цѣль военныхъ подвиговъ россіянъ. Такъ говорилъ Кутузовъ, и великія событія доказали, что довѣренность къ правотѣ и великодушію есть душа союзовъ. Хотя подвигъ избавленія Европы не былъ еще довершенъ, но всѣ уже сословія жителей заграничныхъ заранѣе одушевлялись надеждой, что сей подвигъ увѣнчается успѣхомъ. Нѣмецкій стихотворецъ Габерландъ издалъ въ Кенигсбергѣ въ пяти пѣсняхъ поэму, подъ заглавіемъ: Россіяне девятнадцатаго столѣтія, избавители Европы.

Король прусскій первый изъ государей европейскихъ присоединился къ Александру I-му. Король узналъ, что на границѣ Силезской ожидаетъ его графъ Платовъ, приказалъ ѣхать поспѣшнѣе и, увидя донскаго героя, тотчасъ вышелъ изъ коляски, обнялъ и сказалъ: «Графъ, берегите себя для блага отечества и для спасенія угнетенной Европы». На послѣдней станціи отъ Калиша, самъ Александръ I ожидалъ Вильгельма III. За двѣ версты отъ города оба монарха пересѣли на приготовленныхъ лошадей.

21-го марта 1813 года городъ Калишъ увидѣлъ двухъ государей, испытанныхъ злополучіемъ и снова соединенныхъ Провидѣніемъ. При появленіи короля прусскаго русскія войска единодушно воскликнули: ура! По случаю сего достопамятнаго свиданія Кутузовъ сказалъ императору Александру I: «Государь! для васъ не пропали двѣнадцать лѣтъ вашего царствованія: вы пріобрѣли опытъ». Нѣко-

торые предполагаютъ, будто бы Кутузовъ отклонялъ Александра I отъ перехода за границу. Итакъ эти слова престарѣлаго героя относятся къ тому, что императоръ внутренно былъ убѣжденъ, что личное его присутствіе необходимо было къ скорѣйшему сближенію государей и народовъ. Такъ и сбылось.

Приверженцы Наполеона выдумали и распустили молву, будто бы въ нѣдрахъ Германіи составился заговоръ, и заговорщики угрожали предавать огню и мечу всѣ тѣ мѣста, куда будутъ приближаться русскія войска.

Пруссія возстала и вооружилась. Юноши знатнѣйшихъ семействъ наряду съ простыми гражданами спѣшили подъ знамена отечества. Ученые, оставляя мирныя свои занятія, обмѣнивали книги и перья на штыки и мечи. Всѣ убѣдились, что доколѣ будетъ существовать Наполеонъ, дотолѣ не могутъ процвѣтать ни спокойствіе, ни науки, ни безопасность общественная. Даже и служители алтарей спѣшили въ ряды военные. Сынъ одного прусскаго священника, говоря проповѣдь вмѣсто отца своего, въ концѣ оной воскликнулъ: «Мы всѣ читали и слышали воззванія къ защитѣ свободы германской: Богъ и отечество зовутъ насъ на поле битвъ!» —и самъ опредѣлился въ войско гусаромъ. Многіе изъ молодыхъ его слушателей послѣдовали его примѣру. Смурая одежда и желѣзная медаль почитались тогда лучшимъ украшеніемъ. Въ это же самое время Наполеоновы вѣстовщики страшили соотечественниковъ своихъ одеждой и бородами русскихъ ратниковъ и казаковъ. Народъ, по внутреннему убѣжденію обращающійся къ наслѣдственнымъ добродѣтелямъ, не отстаетъ, но идетъ впередъ. Высочайшая степень просвѣщенія въ томъ состоитъ, чтобы знать самихъ себя. Русскіе узнали силу духа народнаго, и они спасаютъ Европу. Пѣсни нѣмецкихъ стихотворцевъ о будущемъ оживотвореніи нѣмецкихъ областей гремѣли уже въ рядахъ старыхъ и новыхъ полковъ прусскихъ, сливались со звуками пѣсенъ русскихъ воиновъ. Извѣстный берлинскій художникъ Лоосъ выбилъ медаль съ надписью: союзъ для завоеванія независимости и благоденствія общественнаго, заключенный 1813 года. Приготовляясь къ новому отраженію Наполеона, Александръ I все еще желалъ мира. Въ подтвержденіе сего въ извѣстіяхъ того времени говорили: «Миръ есть первая потребность областей европейскихъ. Миръ, основанный на выгодахъ взаимныхъ, миръ, заключающій въ основаніи своемъ поручительство своего постоянства: такой миръ есть цѣль всѣхъ усилій Александра I. Но для достиженія онаго нужно, чтобъ и Австрія выставила военную силу, соотвѣтственную обстоятельствамъ». Въ тѣхъ же извѣстіяхъ прибавлено, что это замѣчаніе привело политиковъ въ большое недоумѣніе.

Недоумѣніе или, лучше сказать, несогласіе въ общихъ пользахъ областей европейскихъ давно существовало въ Европѣ. Къ потрясенію австрійской державы Людовикъ XIV въ семнадцатомъ столѣтіи вызывалъ турокъ къ стѣнамъ Вѣны, а въ осьмнадцатомъ столѣтіи лордъ Чатамъ говорилъ, что если Англія на однѣ сутки прекратитъ непріязнь свою къ Франціи, то Австрія погибнетъ.

Множество можно привесть подобныхъ примѣровъ. А потому справедливо было замѣчено, что области европейскія при всемъ просвѣщеніи своемъ находились въ необщежительномъ состояніи, ибо между ними не было никакого прочнаго союза, обезпечивающаго пользы каждаго государства на основаніи пользъ взаимныхъ.

Одни политическія предположенія для сего недостаточны. Прочность взаимныхъ связей народовъ зависитъ отъ благоволенія любви, но истекающихъ изъ человѣколюбія, возвѣщаемаго голосомъ небеснымъ.

На семъ основаніи любви священной учреждены были въ Россіи Библейскія общества въ продолженіе 1813 г. «Библія, говорилъ Петръ I, есть книга всѣхъ книгъ». А Евангеліе, по словамъ одного иностраннаго проповѣдника, «есть свѣтило, озаряющее родъ человѣческій!» Счастливы бы были народы, еслибы при блескѣ сего свѣтила исчезли навсегда тучи военныя, и еслибы всѣ народы сблизились союзомъ любви и милосердія, посылаемыми Небомъ къ отрадѣ людей.

Увлекаясь страстью къ войнѣ и жаждой побѣдъ, Наполеонъ снова ополчился. Онъ увѣрялъ, что Франція и Италія снова выставили милліонъ двѣсти тысячъ войска. Наполеонъ увѣрялъ сенатъ французскій, что будто бы не онъ, а татары опустошили и жгли въ Россіи города и селенія: но въ чемъ же не могъ онъ увѣрить народы, порабощенные владычеству его? «Я самъ былъ въ Россіи, говорилъ Наполеонъ сенату своему, Москва подверглась нашей власти. Но когда рушилась пограничная защита Россіи, и когда узнали о безсиліи ея войскъ, тогда скопища татаръ, призванныя къ оборонѣ Россіи, обратили убійственныя свои длани къ разоренію прекраснѣйшихъ ея областей». Обольщеніе еще очаровало умы французовъ, они не могли разстаться съ мыслію, что подъ знаменами завоевателя могутъ домогаться обладанія надъ Европой и вселенной.

«Великія пожертвованія, говорилъ король прусскій, нужны отъ всѣхъ сословій моего народа. Подвигъ нашъ важенъ; число и сила непріятеля опасны. Мы должны рѣшиться на всѣ пожертвованія; они ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ должны пріобрѣсть посредствомъ оныхъ. Надобно сражаться и умирать или имя наше исчезнетъ».

И въ другомъ воззваніи Вильгельмъ III прибавилъ слѣдующія

слова: «Наслѣдный принцъ и весь домъ мой будутъ со мной на полѣ битвы. Они будутъ сражаться наряду со всѣми. Пруссаки! съ вами также будетъ народъ мужественный, пришедшій на помощь нашего отечества и цѣлой Германіи; съ вами будетъ народъ почтенный, который подвигами безсмертными завоевалъ свою независимость. Этотъ народъ явилъ довѣренность къ государю своему, къ вождямъ, къ правотѣ дѣла и силѣ своей: и съ нимъ самъ Богъ ополчился. Наше дѣло есть дѣло всѣхъ народовъ и всѣхъ благомыслящихъ людей въ Европѣ».

Герцогъ Сусекскій, братъ Георга IV, англійскаго короля, приглашая англійское купечество къ вспомоществованію жителямъ сѣверной Германіи, въ рѣчи своей, между прочимъ, сказалъ: «Германія подверглась игу; доселѣ не было ей благопріятнаго случая обнаружить всѣ силы свои, расторгнуть оковы и взыскать свободу свою. Но теперь она подкрѣпляется великодушными усиліями россіянъ и мудрыми распоряженіями Александра I. Итакъ наступилъ часъ возрожденія Германіи».

1813 года Европа и вселенная взирали на Александра I и на Россію. На другомъ краю океана жители сѣверныхъ американскихъ областей въ мартѣ мѣсяцѣ праздновали изгнаніе враговъ изъ Россіи. Заздравный кубокъ за Александра I сопровождался слѣдующимъ привѣтствіемъ: «Александру I, великому императору всероссійскому! Онъ не сѣтуетъ о томъ, что не завоевалъ Новаго Свѣта: онъ радуется, что спасъ старое полушаріе». И вдругъ, при стеченіи многочисленныхъ зрителей, появилось прозрачное изображеніе Александра съ надписью: «Освободителю Европы».

Изъ сихъ свидѣтельствъ явствуетъ, что народы на всѣхъ концахъ вселенной убѣждены были, что оружіе Александра I необходимо было къ расторженію долголѣтнихъ оковъ, обременявшихъ Европу. Еще не всѣ народы соединились, еще многія области европейскія томились подъ тяжкимъ бременемъ войны, а жители Новаго Свѣта привѣтствовали уже Александра I именемъ Освободителя Европы. Онъ былъ тогда общею надеждой всего человѣчества.

Хотя Наполеонъ и увѣрялъ, что битва, происходившая подъ Люценомъ 1813 года апрѣля 21-го, была битвой блестящею и рѣшительною, но это не справедливо. Рѣшительная битва есть та, которая увѣнчивается счастливыми успѣхами и важными послѣдствіями. Русскіе и пруссаки выдержали натискъ Наполеоновыхъ войскъ и отступили, во-первыхъ, для того, чтобы завлечь непріятеля въ средину Германіи, а во-вторыхъ, чтобы выждать приступленія Австріи къ союзу европейскому. Итакъ, тщетно думалъ Наполеонъ послѣ сей битвы загнать русскихъ въ ужасную область ихъ зимъ и напрасно

не задолго передъ тѣмъ увѣрялъ французовъ, что черезъ два мѣсяца заключитъ миръ.

Въ день битвы Люценской, когда пѣхота и конница сближались съ непріятелемъ, вдругъ раздался голосъ: «государь!» Генералъ Винцегероде тотчасъ поскакалъ навстрѣчу императора. Всѣ бывшіе при немъ вслѣдъ за нимъ поспѣшили. Государь, выслушавъ отъ генераловъ донесенія, благодарилъ за успѣхи въ новомъ заграничномъ походѣ. Между тѣмъ императоръ приближался къ линіи непріятельской. Начальникъ штаба генералъ Винцегероде отговаривалъ офицеровъ слѣдовать далѣе за государемъ, чтобы многочисленностію свиты не обратить особеннаго вниманія непріятеля. Но никто не хотѣлъ отстать, всѣ порывались за Александромъ I и составили около него полукружіе. Непріятель открылъ сильную пальбу. «Ядра, говоритъ самовидецъ, падали передъ нами, за нами и около насъ.» Но императоръ, какъ будто бы не слыша грома пушекъ и не видя опасности, спокойно продолжалъ разсуждать съ генераломъ о движеніи непріятеля; потомъ вынулъ изъ кармана донесеніе генерала Милорадовича, прочиталъ оное вслухъ и поѣхалъ обозрѣвать войска наши.

«Люценская битва, говоритъ Наполеонъ, подобно громовому удару разрушила и уничтожила замыслы союзниковъ, домогавшихся раздробить великую имперію. Юные французы возвысили въ сей день блескъ крови своей. Еслибы всѣ европейскіе государи и министры, управляющіе ихъ кабинетами, присутствовали на полѣ сей битвы, они бы убѣдились въ томъ, что невозможно оттолкнуть назадъ звѣзду Франціи».

Съ своей стороны союзники такъ извѣщали о той же битвѣ:

«Хотя потеря непріятелей важнѣе потери союзныхъ войскъ; хотя оружіе наше при каждомъ нападеніи увѣнчивалось успѣхомъ, но благоразуміе требовало уступить сопротивнику, чтобы сблизиться съ нашими пособіями и надежнѣе возобновить бой».

Въ извѣстіяхъ того времени по случаю перемирія напечатана была слѣдующая статья:

«Въ первые мѣсяцы похода 1813 года опасались неудачъ отъ разсѣянія и отдѣльныхъ дѣйствій союзныхъ войскъ въ различныхъ мѣстахъ. Отступленіе еще болѣе устрашило людей, всегда склонныхъ къ боязни и увлекаемыхъ мнѣніемъ тѣхъ, которые мечтаютъ, будто бы предположенія ихъ суть превосходство политики. Безъ сомнѣнія, что непріятель предложилъ перемиріе не изъ усердія къ миру, но по необходимости, заставлявшей его успокоить умы французовъ и войско, желавшихъ и требовавшихъ мира. Наполеонъ, просившій сего перемирія, не прежнимъ уже былъ Наполеономъ. Онъ испыталъ превратность судьбы. Въ глазахъ его погибла несмѣтная армія, съ

которою домогался онъ нанесть послѣдній ударъ Европѣ, свободѣ и независимости ея. Счастіе оставило Наполеона. Личина спала; исчезъ непобѣдимый.

«Сверхъ того, области германскія твердо рѣшились возвратить свою независимость. Народы ихъ, вмѣстѣ съ пруссаками, порывались жертвовать всѣмъ для спасенія чести и свободы. Трудно было опредѣлить, почему согласились они на предложеніе Наполеона тогда, когда, повидимому, надлежало бы ему отказать? Но то достовѣрно, что какъ бы ни окончилась новая война, Россія во всѣхъ отношеніяхъ была безопасна. По одному побужденію великодушія перенесла она оружіе за предѣлы свои; воины ея, животворимые рвеніемъ къ общему благу, сражаются подъ предводительствомъ полководцевъ, образованныхъ побѣдой и примѣромъ Кутузова, сошедшаго во гробъ въ сіяніи безсмертной славы. Итакъ ей предстоялъ только миръ славный и полезный, миръ, ни въ чемъ не зависѣвшій отъ непріятеля».

Изъ уваженія къ добродѣтелямъ Александра I и для пользы Швеціи, шведскій король приступилъ къ союзу во время перемирія.

Король еще въ мартѣ мѣсяцѣ 1812 года усиливался склонить Наполеона къ миру и спокойствію. Онъ между прочимъ къ нему писалъ: «Государь! человѣчество уже слишкомъ много страдало. Двадцать лѣтъ земля обагряется кровію человѣческою. Вамъ остается одна только слава, —слава положить предѣлъ кровопролитію... Желаете ли, чтобы россійскій императоръ извѣщенъ былъ о возможности сближенія? Великодушіе Александра I служитъ порукою въ томъ, что онъ приметъ всѣ сношенія, полезныя вашей имперіи и сѣвернымъ областямъ Европы. Если событіе, столь необычайное и столь нетерпѣливо всѣми ожидаемое, совершится, тогда народы, сильно смущаемые напоминаніями о прежнемъ опустошеніи ихъ странъ и приближеніемъ ужасовъ новой войны, еще сильнѣйшею одушевятся къ вамъ благодарностію».

Наполеонъ желалъ одной славы — славы военной.

Переплывъ океанъ, генералъ Моро поспѣшилъ въ станъ союзниковъ. На другой день по пріѣздѣ его въ Прагу, императоръ Александръ имѣлъ съ нимъ свиданіе. Восхищенный качествами, украшавшими императора, Моро говорилъ: «Россійскій императоръ не человѣкъ, а ангелъ: я умру за него». Государь самъ представилъ его королю прусскому. Изъ устъ также самого императора услышалъ Моро о всѣхъ подробностяхъ войны 1812 года. Удивляясь искусству и опыту военному, блиставшимъ въ разсказѣ Александра I, Моро невольно воскликнулъ: «Государь! вамъ одно вредитъ: собственная ваша скромность».

Шведскій король, бывшій тогда наслѣднымъ принцемъ и пред-

водителемъ соединенной сѣверной арміи, издалъ слѣдующее воззваніе въ главной своей квартирѣ, находившейся въ Ораніенбургѣ: «Воины! въ счастливомъ успѣхѣ нашего оружія полагаюсь на покровительство Божіе, на справедливость нашего дѣла и на вашу неутомимость. Еслибы послѣднія двѣнадцать лѣтъ не ознаменовались необычайными и бѣдственными происшествіями, то совокупныя ваши знамена не развѣвались бы на землѣ германской. Опытъ убѣдилъ государей, что вся Европа есть большое семейство, и что ни одна изъ странъ ея не должна взирать хладнокровно на посягательство завоевательной власти. Вы созваны съ береговъ Волги и Дона, съ береговъ Британскихъ и сѣверныхъ горъ; вы соединены съ германскими народами, восставшими за общее дѣло Европы. Забудемъ всѣ предубѣжденія, раздѣляющія народы, и единодушно устремимся къ великой цѣли: къ обезпечиванію общей независимости. Императоръ Наполеонъ не можетъ быть въ мирѣ съ свободною Европой. Дерзновеніе его ввело четыреста тысячъ въ предѣлы Россіи, онъ оставилъ ихъ тогда, когда угрожали имъ повсемѣстныя бѣдствія. Триста тысячъ французовъ погибли на равнинахъ того обширнаго государства, котораго монархъ истощилъ всѣ средства къ сохраненію мира съ Франціей».

Между тѣмъ взоры всей Европы обращены были на Австрію. Наконецъ увѣнчалось полнымъ торжествомъ присутствіе Александра I за границей. День августа 3-го ознаменовался въ стѣнахъ Праги сближеніемъ Франца II съ императоромъ Александромъ. День незабвенный для Европы, день рѣшительно возвѣстившій ея независимость.

Часто ложь помрачаетъ истину, но истина въ очередь свою торжествуетъ. Кутузова уже не было на свѣтѣ, изреченіе его сбылось и осуществилось. Мысль переживаетъ скоротечное наше бытіе. Въ день празднества, происходившаго въ Калишѣ по случаю прибытія туда короля прусскаго, на вечернемъ освѣщеніи у дома, занимаемаго Кутузовымъ, явилась слѣдующая надпись: «Соединенная сила сильнѣе».

Государи европейскіе, укрѣпляясь 1813 года соединеніемъ силъ противъ силы, долго разрушавшей счастіе народовъ, возвѣстили вселенной и потомству, что главная сила состоитъ въ самоотреченіи отъ личныхъ выгодъ и собственныхъ отношеній, для спокойствія народовъ.

Генералъ Моро былъ изъ первыхъ жертвъ войны возобновленной. Ядро поразило его въ то самое время, когда, вмѣстѣ съ Александромъ I, обозрѣвалъ онъ дрезденскія укрѣпленія. «Я погибъ,

сказалъ онъ, но пріятно умереть за столь славное дѣло и за столь великаго императора!»

Августа 17-го происходила безсмертная битва Кульмская. Въ извѣстіяхъ того времени уподобляли эту битву битвѣ Термопильской. Въ герояхъ русскихъ дѣйствительно ожили тогда герои спартанскіе. 18-го августа повозки, въ которыхъ везли раненыхъ, затруднились продолжать путь къ городу Теплицу. Одна изъ повозокъ, на которой находились подпоручики Скаржинскій и Годеинъ, остановилась у самаго того дома, гдѣ былъ графъ Остерманъ, лишившійся руки, и откуда государь, посѣтя его, только-что вышелъ. Увидя раненыхъ офицеровъ, Александръ I тотчасъ спросилъ: когда и гдѣ они ранены? Удовлетворя вопросу императора, Годеинъ прибавилъ, что товарищъ его, раненый тремя пулями, лежитъ теперь безъ памяти. «Береги его, пекись о немъ, сказалъ государь съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ. Вашъ полкъ отличился; дай Богъ вамъ скорѣе выздоровѣть. Поѣзжайте благополучно въ городъ Будишну, откуда отправитесь въ Прагу, гдѣ все приготовлено для раненыхъ». Голосъ Александра I, оживляемый ангельскимъ состраданіемъ, извлекъ подпоручика Скаржинскаго изъ безчувствія. «Съ кѣмъ ты говорилъ?» спросилъ отъ своего товарища. «Съ государемъ», отвѣчалъ Гедеинъ. При семъ словѣ, собравъ послѣднія силы, раненый герой приподнялся, снялъ фуражку и, оборотясь къ государю сказалъ: «Государь! поле устлано трупами враговъ вашихъ; съ радостію умру, когда услышу, что мы побѣдили!» Клики побѣдоносные гремѣли въ полкахъ русскихъ, но героя не было уже на свѣтѣ

Моро, лежавшій уже на одрѣ смертномъ, слышалъ побѣдоносные клики союзниковъ, сражавшихся за независимость Европы; онъ узналъ о пораженіи Вандама и сказалъ: «Давно уже нужно было обуздать сего изверга въ злобныхъ его порывахъ». Пораженный до глубины души вѣстію о смерти Моро, государь сказалъ: «Онъ былъ великій человѣкъ; у него было самое благородное сердце».

Желая излить отраду въ сердце вдовы генерала Моро, Александръ I препроводилъ къ ней слѣдующее письмо: «Когда лютое бѣдствіе, постигшее подлѣ меня генерала Моро, лишило меня свѣдѣній и опытности сего великаго человѣка, я питалъ надежду, что усильныя старанія сохранятъ его и семейству и дружеству. Провидѣніе иначе опредѣлило. Онъ умеръ такъ, какъ жилъ: въ полной твердости души непоколебимой и постоянной. Великія скорби сея жизни облегчаются однимъ участіемъ. Вы вездѣ найдете въ Россіи сіи чувствованія. Если вы пожелаете въ ней поселиться, я изыскивать буду всѣ средства къ украшенію существованія той особы, въ отношеніи которой почитаю священнымъ долгомъ быть и утѣшителемъ,

и подпорою. Будьте въ томъ увѣрены и при каждомъ обстоятельствѣ вашемъ пишите прямо ко мнѣ. Предупрежденіе вашихъ желаній будетъ моимъ наслажденіемъ; дружба моя къ вашему супругу сопровождаетъ его за предѣлъ гроба. Одно только средство хотя отчасти заплатить за его дружество состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать для его семейства все то, что можетъ утвердить его благосостояніе. Примите въ сихъ горестныхъ и злополучныхъ обстоятельствахъ свидѣтельство и увѣреніе всѣхъ душевныхъ моихъ чувствованій».

Почти каждый день оружіе союзниковъ увѣнчивалось новыми успѣхами и новою славой. 23-го, 24-го и 25-го августа войска союзныя сражались подъ начальствомъ шведскаго короля. Въ сраженіи Денневицкомъ Пруссія озарилась безсмертною славой. Войска прусскія и шведскія дѣлили съ нами опасность, смерть и славу.

Что же дѣлалъ Наполеонъ въ это время? Онъ обманывалъ себя и другихъ. «Частные и маловажные успѣхи непріятеля,—писали его приверженцы,—не могутъ стѣснить дѣйствій большой арміи, предводимой императоромъ». Наполеонъ ложными извѣстіями обманывалъ Францію и свое войско. На эти извѣстія не стоитъ возражать ибо происшествія и истина въ нихъ вовсе искажены. Неудачи названы простыми ошибками, а ничтожныя выгоды—совершенными побѣдами.

Прямодушные полководцы не страшатся истины; чѣмъ болѣе она распространяется, тѣмъ сильнѣе довѣренность одушевляетъ ихъ соотечественниковъ. Румянцевъ-Задунайскій, принявъ въ первый разъ главное начальство надъ войскомъ, немедленно учредилъ почту, чтобы воины русскіе скорѣе могли сообщаться съ родными и друзьями своими мыслію, сердцемъ и перомъ. Напротивъ того, Наполеонъ 1813 года приказалъ перехватывать письма, препровождаемыя въ армію его изъ Франціи. Обрекая полки свои въ жертву властолюбія, онъ лишилъ ихъ послѣдней отрады, отрады заочнаго сношенія сердечнаго.

Ришеръ-Серизи, издававшій въ 1797 году повременное изданіе подъ заглавіемъ: Обличитель, говоритъ: «Въ бурныя времена часто великій человѣкъ есть великій преступникъ. Еслибы Бонапартъ не громилъ пушками Парижа и не умерщвлялъ мирныхъ его жителей, онъ остался бы простымъ офицеромъ или вступилъ бы въ артиллерію турецкую вмѣстѣ съ Оберомъ Байе. Онъ не былъ бы побѣдителемъ Италіи, онъ не произнесъ бы 14-го іюля, подкрѣпляясь штыками, наглой рѣчи, постыдной для цѣлой Франціи. Я отнюдь не причисляю имени Бонапарта къ именамъ великихъ людей, увѣковѣченныхъ исторіей, хотя изъ нихъ нѣкоторые преступленіемъ достигли блестящей степени. Нѣтъ! я ожидаю отъ этого человѣка однѣхъ раз-

валинъ, убійства и опустошенія. Перо какого-нибудь Тацита истребитъ всѣ сіи мыльные пузыри, мелькнувшіе на одно мгновеніе. Тюрень, разбитый при Маріандалѣ, величественнѣе всѣхъ мнимыхъ новыхъ нашихъ героевъ, знаменитыхъ однимъ кровавымъ торжествомъ».

Такъ объяснялся 1797 года Ришеръ-Серизи, но голосъ его заглушенъ былъ бурей страстей, проложившею завоевателю невозможные пути къ владычеству.

Блаженъ, кто въ сіяніи величія и славы какъ будто бы забываетъ эту славу и помнитъ только о благѣ людей! Въ августѣ 1813 года снова раздавался громъ русскаго оружія, но Александръ I не забылъ что въ предѣлахъ Японіи Головнинъ съ товарищами былъ взятъ въ плѣнъ японцами, предполагавшими, что Россія съ ними въ войнѣ; 13-го августа среди заботъ заграничныхъ, среди попеченій о спасеніи Европы, императоръ Александръ предписалъ снарядить и приготовить все нужное къ освобожденію Головнина изъ плѣна. Приготовляясь отплыть въ третій разъ къ берегамъ Японіи, Рикордъ отслужилъ молебенъ, привѣтствовалъ государя пушечными выстрѣлами и съ крикомъ мореходцевъ: «Да здравствуетъ Александръ! да здравствуетъ государь, пекущійся о жребіи каждаго страдальца», отправились въ путь [1]).

Кто испыталъ разлуку съ родными и друзьями; кто по обязанностямъ службы долженъ жить въ отдаленныхъ краяхъ отечества, гдѣ нѣтъ никакихъ предметовъ для разсѣянія: тотъ знаетъ, что иногда невольно уныніе тяготитъ душу. А потому, заботясь о тѣхъ молодыхъ людяхъ, которыхъ должность отзываетъ въ дальнія области Россіи, Александръ I предписалъ, чтобы воспитанниковъ Горнаго кадетскаго корпуса обучали музыкѣ для того, чтобы во время отдаленной своей службы они услаждали уединеніе свое музыкой [2]). Вотъ истинная чувствительность, ознаменовывающаяся тѣмъ, чтобы по возможности своей освѣтлять отрадою тернистые пути жизни.

Августа 26-го въ Теплицѣ воспослѣдовалъ слѣдующій высочайшій приказъ къ россійской гвардіи:

«Въ достопамятный день седьмаго надесять числа сего мѣсяца, храбрые гвардейскіе воины, покрыли вы себя новыми неувядаемыми лаврами и оказали важную отечеству услугу. Вы въ маломъ числѣ одержали и съ неслыханнымъ мужествомъ поразили превосходнаго въ силахъ врага, порывавшагося съ лютостію при Теплицахъ про-

---

[1]) Смотри записки Рикорда.

[2]) Смотри книгу А. К. Шторха, подъ заглавіемъ: Россія подъ державой Александра I.

стирать далѣе шаги свои въ Богемію. Вы грудью своею остановили его, нанесли ему страшный ударъ и тѣмъ открыли путь къ послѣдовавшей потомъ на другой день совершенной побѣдѣ. Знатный непріятельскій корпусъ весь безъ остатка побитъ, истребленъ и разсѣянъ. Главнокомандующій онымъ со всѣми прочими генералами, штабъ и оберъ-офицерами и двѣнадцатью тысячами рядовыхъ взятъ въ плѣнъ, восемьдесятъ одна пушка со множествомъ зарядныхъ ящиковъ и обозовъ достались въ наши руки. Воины, тѣлохранители и защитники государства! Вы доказали, что достойно и праведно честь имени сего на себѣ носите. Изъявляю вамъ всего отечества и мою благодарность. Вы вмѣстѣ съ безсмертной славой купили ее кровью и своими дѣлами. Въ знакъ должной признательности дарую вамъ: Преображенскому и Семеновскому полкамъ и гвардейскому морскому экипажу георгіевскіе знаки, Измайловскому же и Егерскому георгіевскія трубы. Рука Господня да сохранитъ васъ, поборающихъ по вѣрѣ и правдѣ».

Сей приказъ, изданный въ день 26-го августа, напоминалъ, что ровно за годъ передъ тѣмъ гремѣла битва Бородинская недалеко отъ стѣнъ древняго и первопрестольнаго русскаго града.

Вниманіе къ заслугамъ и ревностнымъ пожертвованіямъ побуждаетъ къ новымъ подвигамъ усердія. Александръ I отъ самой юности своей убѣдился, что милость государя есть оживотвореніе для подданныхъ [1]). Онъ зналъ, что мысли и взоры всѣхъ страдальцевъ устремляются къ царю-отцу. А потому, повторяю еще, онъ на прекрасной зарѣ царствованія своего предписалъ отыскивать неимущихъ отцовъ семействъ въ ихъ жилищахъ и препоручалъ извѣщать себя о людяхъ добросовѣстныхъ, жившихъ въ неизвѣстности въ столицахъ и мѣстахъ отдаленныхъ. Итакъ по внутреннему убѣжденію о силѣ вниманія и милости государя, онъ и за границею, среди новыхъ военныхъ бурь, не забылъ подвига двухъ смоленскихъ дворянъ Энгельгардта и Шубина. Извѣстясь о всѣхъ подробностяхъ, относившихся къ страдальцамъ за отечество, и узнавъ о бѣдномъ состояніи ихъ родственниковъ, Александръ I въ день своего ангела назначилъ имъ щедрыя награды.

При занятіи непріятелемъ Смоленска, полковникъ Энгельгардтъ, оставшись въ деревнѣ своей, съ опасностію собственной жизни истреблялъ разорителей отечества. Онъ былъ захваченъ французами, посаженъ въ тюрьму и представленъ въ оковахъ къ допросу. «Я русскій подданный; я исполнилъ мой долгъ. Мы должны разить врага, который нарушилъ наше спокойствіе и дерзнулъ напасть на нашего

---

[1]) Смотри Библіотеку для великихъ князей.

законнаго государя. Оковы препятствуютъ мнѣ отомстить въ полной мѣрѣ», сказалъ онъ. Выслушавъ безтрепетно смертный приговоръ, онъ прибавилъ: «Вы не поработите Россію; вы погибнете. А я благодарю Бога за то, что умираю какъ вѣрный сынъ отечества. Ведите меня скорѣе къ мѣсту моего торжества».

Непріятель предлагалъ Энгельгардту и жизнь, и свободу, если онъ присягнетъ Наполеону. Онъ отвѣчалъ: «Свобода моя принадлежитъ Богу и русскому царю. Русскіе дворяне умѣютъ умирать за отечество, а не привыкли быть рабами иноплеменника». Его свели въ ровъ близъ разрушенныхъ стѣнъ смоленскихъ и, приготовляясь разстрѣливать, хотѣли завязать глаза. Отбросивъ платокъ, Энгельгардтъ сказалъ: русскій не боится смерти!—сказалъ, и палъ на землѣ родной за вѣру и вѣрность къ царю и отечеству.

Шубинъ съ такимъ же непоколебимымъ мужествомъ ознаменовалъ преданность свою къ престолу.

Въ сіяніи славы еще торжественнѣе ознаменовывается сила добродѣтелей, хранящихъ и созидающихъ общества человѣческія. Любовь сыновняя есть вѣнецъ сихъ добродѣтелей, ибо она есть источникъ всѣхъ благородныхъ чувствованій, возвышающихъ душу.

Въ сердцѣ Александра I отъ отроческихъ лѣтъ напечатлѣно было, что: «человѣкъ отъ родителей принимаетъ и получаетъ первое благодѣяніе» [1]). По движенію сего чувствованія, Александръ поспѣшилъ препроводить къ августѣйшей родительницѣ своей извѣстіе о побѣдѣ, рѣшившей жребій Германіи.

«Промысломъ Всевышняго Творца одержаны союзными арміями блистательнѣйшія побѣды надъ всеобщимъ врагомъ 4-го, 5-го, 6-го и 7-го чиселъ октября предъ стѣнами Лейпцига. Болѣе 100 орудій отбиты у непріятеля; число же плѣнныхъ простирается до 15.000. Въ числѣ оныхъ генералы дивизіонные Лористонъ (тотъ самый, который былъ посломъ въ Петербургѣ), Реньйе, Дельмасъ и до 10 бригадныхъ; но продолжаютъ еще оныхъ приводить изъ передовыхъ корпусовъ. Генералъ князь Понятовскій, бывъ раненъ, потонулъ съ лошадью въ рѣкѣ Эльстрѣ, желая спастись вплавь. Генералъ Латуръ-Мобуръ умеръ отъ ранъ. Самъ король Саксонскій взятъ военноплѣннымъ. Цѣлые полки виртембергскіе, саксонскіе, вестфальскіе и баденскіе во время сраженія перешли къ союзнымъ арміямъ съ оружіемъ и артиллеріей, и обратили тотъ же часъ оныя противу французовъ. Храбрость войскъ союзныхъ нельзя описать. Отъ генерала до послѣдняго солдата всѣ покрыли себя въ сіи достопамятные четыре дня безсмертною славой. Единая десница Всевышняго всѣмъ

---

[1]) Смотри Библіотеку для великихъ князей.

управляла, все устроила. Кто Богъ велій яко Богъ нашъ: Ты еси Богъ творяй чудеса»!

По случаю Лейпцигской битвы въ военныхъ извѣстіяхъ изъ арміи сказано было: «съ начала міра никогда на одномъ мѣстѣ столько войскъ не сражалось. Въ семъ дѣлѣ находилось до 500.000 человѣкъ и 2.000 орудій».

Ничто торжественнѣе сего не можетъ засвидѣтельствовать, сколь необходимо было общее соединеніе силъ къ низверженію общаго врага. Бѣжавъ изъ Россіи почти одинъ, онъ снова воспламенилъ сердца пламенемъ властолюбія, снѣдавшимъ его душу. Франція и Италія, забывъ нанесенныя имъ раны, снова обрекли себя ему въ жертву. Нѣкоторые изъ народовъ германскихъ еще сражались подъ знаменами Наполеона. Къ потрясенію могущества Наполеона и сила природы два раза возставала. Въ предѣлахъ Россіи шумѣли противъ него преждевременныя бури зимнія. Въ областяхъ Пруссіи при началѣ и въ продолженіе новыхъ битвъ наводнялись и разливались рѣки.

По смѣлому выраженію одного древняго писателя, «мы ходимъ по истлѣвшимъ трупамъ и городовъ, и царствъ. Рука времени разрушаетъ города, коса смерти поражаетъ людей: но еще быстрѣе, еще болѣе зависть и ненависть ниспровергаютъ царства; еще болѣе губятъ онѣ людей».

О Людовикѣ XIV сказано, что онъ тогда только былъ великъ, когда давалъ направленіе природному духу французовъ. Такъ поступалъ Александръ I въ 1813 году. Онъ зналъ духъ россіянъ; онъ зналъ, что любовь ихъ къ отечеству нераздѣльна съ любовію къ человѣчеству. Онъ повелъ ихъ къ спасенію царствъ и народовъ, и онъ былъ съ ними свидѣтелемъ возстановленія Германіи. Его слово и отважность сыновъ Россіи рѣшили жребій послѣдняго дня битвы Лейпцигской. Выждавъ надлежащее время, государь приказалъ бывшимъ при немъ казакамъ ударить на непріятеля. Быстро понеслись воины тихаго Дона, столкнули, опрокинули непріятеля. Сей подвигъ совершенъ былъ въ присутствіи императора и короля прусскаго, и съ сего мгновенія началось бѣгство полковъ Наполеона.

Въ первый разъ на берегахъ величественнаго Рейна знамена русскія развѣвались 1734 года. Императоръ Карлъ VI, видя блистательные успѣхи русскихъ подъ Данцигомъ и убѣдясь, что сила ихъ оружія не умерла съ Петромъ I, просилъ императрицу Анну отрядить къ нему вспомогательное войско. Русскіе были отправлены на Рейнъ и, по свидѣтельству Манштейна, удивили области германскія устройствомъ и благочиніемъ своимъ.

Во второй разъ оружіе россіянъ появилось на Рейнѣ въ исходѣ 1813 года.

1-го января 1813 года русскіе перешли за границу отечества, а 1-го января 1814 года Александръ I въ сопровожденіи короля прусскаго переправился за Рейнъ.

Александръ I, не желая причинить заботу швейцарскимъ областямъ, отправилъ войска на Монтбельярскую дорогу. «Не будемъ, сказалъ онъ: не будемъ подражать нашему противнику; увѣнчаемъ оружіе наше великодушіемъ. Побѣжденный непріятель есть нашъ братъ».

На семъ новомъ пути сколько новыхъ трудностей предстояло Александру I! Надлежало сближать умы союзниковъ, отвращать зависть, утверждать единодушіе. Надлежало все наблюдать и иногда показывать, будто бы не все видишь. На одно замѣчаніе одного изъ нашихъ генераловъ, императоръ сказалъ: «И я вижу, что это не такъ дѣлается; но иногда надобно такъ смотрѣть, какъ будто бы не все видишь». Кротость Александра I и рвеніе его къ благу человѣчества все превозмогли, все побѣдили.

Уже Франція взирала на Александра I, какъ на своего избавителя. Въ Труа, столичномъ городѣ Шампаніи, представлены были государю маркизъ де-Виндранжъ и другіе почитатели древняго и законнаго правленія Франціи. «Государь! сказалъ Маркизъ де-Виндранжъ, осмѣливаюсь быть изъяснителемъ большей части праводушныхъ жителей города Труа: повергаемъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества выраженіе глубочайшаго почтенія и умоляемъ принять желаніе наше видѣть возстановленнымъ на престолѣ Франціи королевскій домъ Бурбоновъ».

«Съ удовольствіемъ принимаю васъ», отвѣчалъ монархъ: «но думаю, что вы еще рано предприняли вашъ подвигъ. Я не всесиленъ; обороты войны ненадежны: горестно мнѣ будетъ, если честные люди пострадаютъ и сдѣлаются жертвою своего усердія. Мы не съ тѣмъ сюда пришли, чтобы назначить Франціи короля: мы желаемъ только узнать ея намѣреніе. Она должна сама рѣшить, но внѣ воинскаго поприща; ибо нужно, чтобы не подумали, что оружіе порабощало мнѣніе» [1]).

Ободренный снисходительностію Александра I, маркизъ де-Виндранжъ прибавилъ къ предшествовавшей рѣчи сіи слова: «Никогда, никогда Европа не будетъ спокойна, доколѣ Бонапартъ будетъ владычествовать во Франціи».

«Вотъ для чего», сказалъ государь: «должно его укротить» [2]).

---

[1]) См. Исторію походовъ 1814—15 г. Альфонса-де-Боскара, ч. I стр. 245.

[2]) См. Паденіе Наполеоновой державы, ч. II, книга X, стр. 240.

ГЛАВА XX.

Быстрота Наполеона.—Положеніе Парижа.—Рѣшительность Александра I.—Вступленіе союзниковъ въ Парижъ.—Рѣчь Александра I.—Восторгъ парижанъ.—Прошеніе французскихъ дворянъ.—Отвѣтъ императора Александра.—Союзные государи въ театрѣ.—Низверженіе Наполеона.—Отвѣтъ Александра I французскому сенату.—Память о Людовикѣ XVI.—Награда Лагарпу.—Воззваніе парижской думы къ жителямъ столицы. Паденіе Наполеона.—Парижскій миръ.—Слова Шатобріана.—Необходимость заграничнаго похода.—Слова Александра I объ императрицѣ Жозефинѣ.—Союзные государи въ французской академіи.—Выписка изъ соч. Дюссоля.—Александръ I въ Англіи.—Желаніе Россіи соорудить памятникъ Александру I.—Отвѣтъ императора изъ Брюсселя.—Возвращеніе государя въ Петербургъ.—Послѣднія попытки Наполеона.—Безкорыстіе Россіи.

По единодушному согласію знатоковъ военнаго искусства, Наполеонъ нигдѣ не оказалъ столько удивительной дѣятельности въ военныхъ своихъ движеніяхъ, сколько оказалъ ея въ предѣлахъ самой Франціи. Быстро переходилъ онъ изъ одного мѣста въ другое: внезапно появлялся тамъ, гдѣ его менѣе всего ожидали; для ускоренія переходовъ изыскивалъ мѣста, бывшія до того непроходимыми. Словомъ, онъ показалъ и истощилъ все искусство свое. Но все было тщетно. Наступалъ часъ рѣшительный.

Россійскій императоръ, король прусскій и австрійскій фельдмаршалъ князь Шварценбергъ рѣшились занять Парижъ. Непреодолимая судьба отвлекла Наполеона отъ столицы, и Парижъ былъ погруженъ въ глубочайшее сѣтованіе: на всѣхъ лицахъ являлась мрачная скорбь, всѣ сердца волновались отчаяніемъ. «Полагая, что сохраненіе его престола зависитъ отъ упорнаго сопротивленія Парижа, Наполеонъ предписалъ ополчить стѣны зубцами, заградить заставы укрѣпленіями, перекопать улицы рвами, снесть съ размощенныхъ улицъ камни во всѣ ярусы домовъ и низвергать тучи оныхъ на союзныя войска. Наконецъ онъ повелѣлъ вооружить народъ, выжечь предмѣстія, взорвать мосты, отступить на лѣвый берегъ Сены и защищать оный, не щадя жизни, доколѣ онъ не приспѣетъ съ войскомъ своимъ» [1]).

Мы уже видѣли изъ извѣстій того времени, что Іосифъ, братъ Наполеона, появился на высотахъ Монмартра и вскорѣ долженъ былъ ихъ оставить.

Между тѣмъ на площади Людовика XV громогласно читали воззваніе фельдмаршала князя Шварценберга къ жителямъ Парижа. «Союзныя войска, гласило воззваніе, уже подъ стѣнами Парижа;

---

[1]) См. Исторію Наполеоновой державы, ч. II, книга IX, стр. 350.

цѣль ихъ похода—миръ искренній и непоколебимый. Двадцать уже лѣтъ Европа орошается кровію и слезами. Приступите къ общему дѣлу человѣчества, утвердите миръ и спокойствіе вселенной».

Въ Парижѣ появились бѣлые банты на шляпахъ; загремѣло имя Бурбоновъ, не повторяемое болѣе двадцати лѣтъ. Какой необычайный, какой удивительный оборотъ счастія человѣческаго! Парижъ, провозглашенный Наполеономъ столицею вселенной, отвергаетъ сего счастливца и призываетъ Людовика, двадцать лѣтъ изгнанника изъ земли отечественной.

Знатнѣйшія женщины раздавали народу банты и воспламеняли сердца негодованіемъ противъ Наполеона, который, наводняя Европу кровію и повергая ее въ дикое состояніе, изгналъ изъ предѣловъ Франціи сострадание, любовь, просвѣщеніе и вѣжливость, украшающую общежитіе [1]).

Наступила ночь, и отрадные огни, озарявшіе станъ союзниковъ, засверкали на окрестныхъ высотахъ парижскихъ. Сіяніе сихъ огней, столь страшныхъ въ другихъ случаяхъ, были тогда для жителей Парижа вѣстниками свободы Франціи и спасенія Парижа. Тщетно Наполеоновы приверженцы разсѣивали различные слухи. Жители Парижа убѣждены были, что жребій ихъ зависитъ отъ дружественнаго пріема союзныхъ войскъ.

Въ военныхъ событіяхъ одинъ часъ, одно мгновеніе можетъ измѣнить ходъ всѣхъ дѣйствій. Такое обстоятельство предстояло союзникамъ въ предѣлахъ Франціи. Оставалось только десять дней до вступленія въ Парижъ. Но князь Шварценбергъ, видя упорное сопротивленіе Наполеона, намѣренъ былъ отступить. Война могла бы долго еще продолжаться.

Александръ I, умѣвшій соглашать умы, въ семъ важномъ случаѣ употребилъ и непоколебимую рѣшительность: «Я не соглашаюсь на это движеніе», сказалъ онъ, «продолженіе войны возбудитъ отчаяніе въ сердцахъ поселянъ: они уже начинаютъ вооружаться» [2]).

Отступательное движеніе было отмѣнено.

Итакъ Александръ I рѣшилъ жребій войны 1814 года.

Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ Александръ I обращалъ вниманіе свое на Парижъ и почиталъ лучшею славою своею быть благодѣтелемъ человѣчества. Однажды въ присутствіи вельможъ двора своего Екатерина II спросила внука своего: что особенно нравится въ исторіи? «Поступокъ Генриха IV», отвѣчалъ внукъ Екатерины, «когда онъ посылалъ хлѣбъ осажденному имъ Парижу». Извѣстно, что Генрихъ

---

1) См. Исторію походовъ 1814—15 г., ч. III, стр. 276

2) См. Исторію Наполеона Вальтера Скотта.

IV, осадивъ Парижъ, пресѣкъ всѣ пути къ подвозу хлѣба. Но услыша о страданіи жителей, онъ снабдилъ пищей не только выходцевъ изъ Парижа, но и полководцамъ своимъ дозволилъ препровождать хлѣбъ въ стѣны Парижа. Думалъ ли Александръ I въ отроческія лѣта свои, что онъ превзойдетъ въ великодушіи и самого Генриха IV? Александръ I спасъ тотъ самый городъ, откуда завоеватель выходилъ для разоренія Россіи. Впечатлѣнія лѣтъ отроческихъ сильно дѣйствуютъ на всю жизнь. Александръ I подъ стѣнами Парижа изрекъ безсмертныя слова: «Обѣщаю особенное покровительство городу Парижу. Безусловно отдаю всѣхъ французскихъ плѣнныхъ». Сладостнымъ чувствованіемъ объялись души союзныхъ государей при полученіи извѣстія о сдачѣ столицы Франціи. Въ слезахъ радостныхъ, въ восхищеніи сердечномъ обнимали они другъ друга и восклицали: дѣло человѣчества выиграно [1])!

Казалось, весь Парижъ двинулся на бульвары, гдѣ надлежало проходить союзнымъ войскамъ; балконы, окна, террасы наполнены были зрителями: всѣ жители парижскіе нетерпѣливо ожидали вступленія иностраннаго войска, возвращавшаго Франціи миръ и спокойствіе. Зрѣлище необычайное, зрѣлище никогда не существовавщее въ лѣтописяхъ всемірныхъ!

Уже конница, предводимая его императорскимъ высочествомъ Константиномъ Павловичемъ, и гвардіи союзныхъ державъ устроились въ колонны на зарѣ утренней по дорогѣ къ Парижу. Россійскій императоръ отправился въ Пантенъ съ своимъ штабомъ, куда и король прусскій прибылъ съ своею свитой.

Тутъ меры города Парижа встрѣтили императора Александра и короля прусскаго. Россійскій императоръ обратилъ къ нимъ рѣчь, навсегда достопамятную, ибо каждое слово изъ оной оправдалось событіями.

«Жребій войны привелъ меня сюда», вѣщалъ Александръ I, «вашъ императоръ, бывъ моимъ союзникомъ, три раза учинился противъ меня вѣроломнымъ; онъ даже въ сердце моего государства внесъ бѣдствія, которыхъ слѣды долго не изгладятся. Справедливая защита заставила меня предпринять сюда походъ. Ни Франціи, ни французамъ не воздамъ зломъ за зло; одинъ Наполеонъ мой врагъ. Обѣщаю особенное мое покровительство городу Парижу. Я сохраню всѣ его общественныя заведенія; въ стѣнахъ будетъ только нѣкоторая часть войскъ. Я сохраню вашу народную гвардію, составленную изъ избранныхъ гражданъ; вы сами должны утвердить будущее ваше счастіе. Вамъ нужно правленіе, которые бы вамъ и Европѣ

---

[1]) См. Исторію пох. 1814—15 г., ч. 1., кн. XVI, стр. 234.

доставило спокойствіе. Вы сами должны предъявить ваше желаніе, а я готовъ подкрѣплять ваши усилія».

Оба монарха, въ сопровожденіи императорскихъ князей и полководцевъ своихъ, направили путь чрезъ заставы парижскія къ предмѣстью Сенъ-Мартенъ; казаки и гвардія находились впереди шествія. Графъ Состенъ де-ла Рошфуко прибылъ къ союзнымъ государямъ съ бѣлымъ бантомъ, предлагая себя въ проводники россійскому императору. Около полудня всѣ войска, предшествовавшія императорской и королевской свитѣ, вступили при звукѣ трубъ и военной музыки. Конница и пѣхота отличались превосходнымъ видомъ.

По вступленіи въ предмѣстье, отъ чрезмѣрнаго стеченія народа, воинское шествіе надолго замедлилось. Государи прибыли къ воротамъ Сенъ-Мартенъ для слѣдованія на бульвары. Казалось, что въ семъ мѣстѣ соединился весь Парижъ; долго нельзя было двинуться. Наконецъ въ часъ войско союзное, войско европейское, войско дружественное Франціи явилось на бульварѣ Пуассоньерскомъ. Видя возносящійся лѣсъ копій, видя эти густые баталіоны, эти блестящіе эскадроны, этотъ цвѣтъ воиновъ европейскихъ, парижскіе жители съ удивленіемъ смотрѣли на зрѣлище, дотолѣ еще небывалое въ мірѣ: они видѣли блестящую армію среди шестисотъ тысячъ гражданъ, ничѣмъ не обезпокоенныхъ; они видѣли цѣлый народъ, прохаживающійся среди десяти различныхъ народовъ, какъ будто бы между родныхъ своихъ; наконецъ, они видѣли войско непріятельское, принятое какъ войско народное, возвратившееся въ свое отечество.

Весеннее солнце свѣтило полнымъ блескомъ. Александръ I и король прусскій въѣхали въ Парижъ въ сопровожденіи гвардіи. Французы, восхищенные величественнымъ видомъ героевъ, пожинавшихъ лавры за спасеніе Европы, кричали со всѣхъ сторонъ: «Прекрасное, несравненное зрѣлище!» Этотъ день былъ неописаннымъ торжествомъ любви, довѣренности и благодарности. Никто и никогда даже и изъ защитниковъ собственнаго царства не видѣлъ такой встрѣчи, какая сдѣлана была союзнымъ государямъ столицей Франціи. Непрестанно гремѣли восклицанія: «Да здравствуетъ императоръ Александръ! да здравствуетъ Фридрихъ Вильгельмъ!» Народъ и первостепенные парижскіе жители радостно встрѣчали императора россійскаго, хватались за руки, за колѣни, за одежду его и возглашали: «Да здравствуютъ наши избавители!»

Въ то же время раздавались крики: «Да здравствуетъ король! да здравствуетъ Людовикъ XVIII! Да низвергнется тиранъ! Да здравствуютъ Бурбоны!» Съ восклицаніями жителей парижскихъ, разсѣянныхъ по улицамъ, сливались восклицанія, полетавшія изъ оконъ

домовъ, простиравшихся до полей Елисейскихъ. На балконахъ великолѣпныхъ зданій парижане рукоплескали и размахивали бѣлыми платками. Отъ скопленія народа войско нерѣдко пріостанавливалось. Парижскіе жители сжимали руки воиновъ и предлагали имъ пищу и вино; но ни одинъ солдатъ ничего не бралъ безденежно.

Во время сего величественнаго шествія, продолжавшагося нѣсколько часовъ, союзные государи отвѣтствовали на привѣтствія безчисленнаго народа безпредѣльною благосклонностью и утѣшительнѣйшими словами, возвѣщавшими благоденствіе Франціи и Европы. «Мы не завоеватели», повторяли непрестанно союзные монархи: «мы ваши союзники».

Молодой французъ, Карлъ де-Розоаръ, осмѣлился сказать россійскому императору:

— Удивляюсь вамъ, государь! Вы съ ласкою дозволяете приближаться къ вамъ каждому гражданину!

Александръ I отвѣчалъ:

— Это обязанность государей.

Роялисты, тѣснившіеся около россійскаго императора, громогласно испрашивали дать имъ законнаго ихъ короля.

Виконтъ де-Понсъ и виконтъ де-Мартиньякъ воскликнули:

— Позвольте намъ, государь, водрузить бѣлое знамя на стѣнахъ дворца Тюильрійскаго.

Россійскій императоръ, переговоря съ королемъ прусскимъ, отвѣчалъ:

— Исполните свое желаніе.

Союзныя войска, пройдя внутренніе сѣверные бульвары, повернули чрезъ Королевскую улицу на площадь Людовика XV къ полямъ Елисейскимъ. Между тѣмъ другія отдѣленія войскъ тянулись вдоль стѣнъ парижскихъ для занятія стана.

Союзные государи остановились на поляхъ Елисейскихъ, гдѣ мимо ихъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ проходили ряды блестящихъ войскъ ихъ.

Россійскій императоръ остановился въ домѣ князя Талейрана, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ останавливался Петръ I въ бытность свою въ Парижѣ 1717 года. Привѣтствуя императора, Талейранъ сказалъ:

— Государь! Васъ давно здѣсь ожидали.

— Въ замедленіи моемъ,—отвѣчалъ Александръ I съ обыкновенною своею лаской:—въ замедленіи моемъ обвиняйте храбрость французскихъ войскъ.

Между тѣмъ парижскіе жители опутали уже веревкой шею Наполеоновой статуи, возносившейся на столпѣ побѣды, и, готовясь

стащить ее, кричали: «Да низвергнется тиранъ!» Присланные отъ россійскаго государя убѣждали народъ оставить это предпріятіе, говоря, что на этомъ столпѣ воздвигнется памятникъ миру.

Быстро донеслась до Наполеона вѣсть о томъ, съ какимъ восторгомъ приняты были союзные государи. Народъ, который недавно еще такъ обожалъ его, теперь осыпаетъ его проклятіями. Вся прежняя слава исчезла въ очахъ его, какъ призракъ туманный. «Я желалъ бы, — воскликнулъ онъ, — чтобы мнѣ лучше пронзили сердце кинжаломъ».

Александръ I въ безмятежномъ уединеніи писалъ къ августѣйшей родительницѣ. Онъ означалъ нѣжной матери всѣ шаги свои; онъ желалъ, чтобъ она была на берегахъ Невы первою радостною вѣстницей о новой славѣ, рѣшившей судьбу Франціи.

19-го марта 1814 года былъ день, въ который отринуты были всѣ мелкіе расчеты той увертливой политики, которая, пресмыкаясь во мракѣ, рождаетъ недоумѣніе и раздражаетъ страсти. Возстановленіе Франціи во Франціи происходило явно и торжественно. Не нужно о томъ и упоминать, что Александръ I во всѣхъ отношеніяхъ обезпечилъ Парижъ. Безсмертные памятники искусствъ, имущества, лица, все было подъ щитомъ неприкосновенности, —примѣръ рѣдкій и едва-ли не единственный въ лѣтописяхъ всемірныхъ. Въ стѣны Парижа война ввела миръ, спокойствіе, свободу мыслей и независимость народную. Пользуясь свободою мыслей, Лепелетье-де-Монфонтень первый на поляхъ Елисейскихъ воззвалъ къ друзьямъ древняго престола Франціи. Немедленно собрались многіе изъ знатнѣйшихъ дворянъ французскихъ. Положено было поднести Александру I прошеніе о невозвратномъ низверженіи Наполеона и о возстановленіи Бурбоновъ. Утверждено было слѣдующее прошеніе на имя императора всероссійскаго и короля прусскаго:

«Государи!

«Парижъ занятъ побѣдоносными войсками вашими.

«Примите лестнѣйшую жертву для великодушныхъ побѣдителей, награду сладчайшую и драгоцѣннѣйшую, даруемую побѣдой, примите благословеніе побѣжденныхъ.

«Побѣжденныхъ!... Ахъ! сіе наименованіе, неизъемлющее однако совершеннаго напоминанія о славѣ, не можетъ намъ принадлежать.

«Сердца наши васъ призывали; они вспомоществовали священному вашему походу противъ изверга, чуждаго нашему отечеству, вознесеннаго счастіемъ на первую степень въ государствѣ, растерзанномъ крамолою; противъ изверга, искажавшаго силу народа великодушнаго, употребивъ во зло сію самую силу, для объявленія

войны вселенной и всему роду человѣческому; противъ сего изверга, рожденнаго губить людей и опустошать царства! Отъ береговъ Балтійскаго моря до вершинъ горъ Пиренейскихъ, отнимая сыновъ у отцовъ, онъ обрекалъ ихъ въ жертву своего алчнаго мучительства и заставлялъ отцовъ не желать побѣдъ сынамъ своимъ.

«Провидѣніе исполнило сіи обѣты: они осуществились подвигами храбрыхъ вашихъ войскъ.

«Вы торжествуете, государи! Но мы не побѣждены: мы избавлены, и торжество ваше будетъ предметомъ вѣчной нашей благодарности.

«Избавители злополучнаго нашего отечества! довершите дѣло свое: увѣнчайте благодѣяніе свое.

«Франція не отдохнетъ, не возвратится на чреду державъ европейскихъ, и, говоримъ откровенно, она не можетъ внушить никакой довѣренности къ договорамъ, доколѣ не перейдетъ подъ отеческій покровъ законной власти.

«По крайней мѣрѣ, среди долговременныхъ и преступныхъ нашихъ заблужденій, намъ отдадутъ справедливость, что ни одинъ природный французъ не дерзнулъ возсѣсть на престолъ Людовика XVI.

«Братъ сего злополучнаго, сего праведнаго монарха, законный его наслѣдникъ, потомокъ добраго Генриха, король французовъ еще не съ нами.

«Государи! позвольте, чтобы подъ покровомъ вашимъ вѣрные послы французовъ устремились повергнуться къ стопамъ его, принесть ему жертву раскаянія и умолить его: да возвратитъ онъ Франціи присутствіе ея короля, и постановитъ съ вашими величествами въ столицѣ своей, на вѣки очищенной, непоколебимыя основанія спокойствія Европы».

На другой день обнародовано было въ Парижѣ слѣдующее объявленіе отъ имени Александра I:

«Войска союзныхъ державъ заняли столицу Франціи.

«Союзныя державы объявляютъ:

«Если условія мира требовали сильнѣйшихъ поручительствъ, когда надлежало обуздать честолюбіе Бонапарта, то и сіи самыя условія должны быть благопріятнѣйшими, когда, обратясь къ благоустроенному правленію, Франція сама доставитъ удостовѣреніе въ общемъ спокойствіи.

«Вслѣдствіе чего союзные государи возвѣщаютъ:

«Что они не будутъ договариваться ни съ Наполеономъ Бонапартомъ и ни съ кѣмъ изъ его семейства;

«Что они признаютъ неприкосновенность Франціи въ томъ со-

стояніи, въ какомъ существовала она при законныхъ короляхъ; они даже могутъ болѣе сдѣлать, ибо неизмѣнно руководствуются правиломъ, что для счастія народа Франція должна быть обширнымъ и сильнымъ государствомъ;

«Что они признаютъ и утвердятъ конституцію французскаго народа. А въ слѣдствіе сего и приглашаютъ сенатъ немедленно избрать временное правительство для попеченія о дѣлахъ общественныхъ и для приготовленія конституціи, приличной французскому народу.

«Намѣренія, мною изложенныя, согласны съ намѣреніями всѣхъ союзныхъ державъ».

Въ тотъ же день выведены были на площадь 1.500 человѣкъ плѣнныхъ, взятыхъ подъ стѣнами Парижа. Въ недоумѣніи ожидали они рѣшенія своего жребія. Являются россійскіе офицеры съ объявленіемъ имъ свободы.

По утру россійскій императоръ и король прусскій объѣзжали верхомъ лучшія части города Парижа. Повсюду привѣтствовали ихъ тѣ же восклицанія, какія гремѣли наканунѣ.

Разнеслась молва, что монархи посѣтятъ театръ; всѣ спѣшили туда взглянуть на избавителей столицы Франціи. Въ сей вечеръ театръ представлялъ необычайное и единственное зрѣлище; въ него стеклись жители всѣхъ странъ европейскихъ, одушевленные однимъ желаніемъ: да возвратится миръ вселенной!

Явились союзные государи, и загремѣли продолжительныя восклицанія: «Да здравствуетъ Александръ! Да здравствуетъ Вильгельмъ!» Оркестръ заигралъ старинную любимую пѣсню французовъ: Да здравствуетъ Генрихъ IV.

Нѣсколько разъ заставляли актера пѣть слѣдующіе стихи:

Герой! всеобщій миръ есть плодъ твоихъ побѣдъ;
По славнымъ подвигамъ прими успокоенье!
Ты жребій нашъ рѣшилъ, насъ первый спасъ отъ бѣдъ;
Все оживляетъ здѣсь одно твое воззрѣнье.

Театръ украшенъ былъ еще гербомъ императора Наполеона. Раздался общій голосъ негодованія, исчезъ орелъ съ когтями окровавленными, блеснули лиліи.

На другой день жители Парижа, украшенные бѣлыми бантами и предшествуемые бѣлымъ знаменемъ, толпами ходили по городу и восклицали: Да здравствуетъ король!

Наконецъ сенатъ изрекъ низверженіе Наполеона и отправился къ Александру I. На привѣтствія сената императоръ отвѣчалъ: «Человѣкъ, называвшійся моимъ союзникомъ, вторгся въ предѣлы моего государства: съ нимъ воюю, а не съ Франціей. Я другъ француз-

скаго народа; нынѣшній вашъ подвигъ еще сильнѣе утверждаетъ это чувствованіе. Справедливость и благоразуміе требуютъ, чтобы Франціи дано было устроеніе, соотвѣтственное степени ея просвѣщенія. Союзники и я, мы желаемъ покровительствовать свободному вашему рѣшенію».

И потомъ съ живѣйшимъ чувствованіемъ императоръ Александръ прибавилъ слова:

«Въ залогъ искренняго и непрерывнаго моего союза съ Франціей возвращаю ей всѣхъ плѣнныхъ, находящихся въ Россіи». Такимъ образомъ однимъ реченіемъ устъ своихъ императоръ Александръ возвратилъ до двухъ сотъ тысячъ плѣнныхъ.

Французы ловили и затверживали каждое слово россійскаго императора. Проходя мимо столба,воздвигнутаго Наполеону на Вандомской площади, и смотря на статую, на немъ поставленную, онъ сказалъ: «У меня бы закружилась голова, еслибы меня такъ высоко поставили».

Какое поучительное и величественное зрѣлище! Въ день Воскресенія Христова на той самой площади, гдѣ погибъ добродѣтельный Людовикъ XVI, по обрядамъ россійской церкви и отечественнымъ нашимъ словомъ въ присутствіи союзныхъ войскъ и при безчисленномъ стеченіи жителей парижскихъ, воздана была торжественная дань памяти потомка Генриха IV. Никогда и нигдѣ въ одинъ день и въ одномъ мѣстѣ не стекалось столько различныхъ народовъ подъ знаменемъ любви и милосердія. Передъ лицомъ Александра I. съ смиреніемъ преклонившаго колѣна въ воспоминаніе короля страдальца, предъ лицомъ избавителя Европы всѣ народы различныхъ странъ соединились въ одно семейство.

Людовикъ XVI былъ не только королемъ добродѣтельнымъ, но и ревностнымъ другомъ человѣчества. Онъ возобновилъ судебныя мѣста, отмѣненныя дѣдомъ его, областное управленіе, уничтоженное герцогомъ Ришелье, и собраніе чиновъ государственныхъ, отстраняемое подъ различными предлогами съ 1614 года. Онъ доставилъ протестантамъ гражданское существованіе, онъ далъ свободу крестьянамъ во всѣхъ своихъ помѣстьяхъ. Онъ отмѣнилъ налоги, обременявшіе земледѣліе; при немъ исчезла лютость пытки. Онъ улучшилъ состояніе темницъ и больницъ. Вездѣ и всегда страждущее человѣчество находило въ немъ друга нѣжнаго, вѣрнаго и сострадательнаго.

Государь императоръ наградилъ орденомъ Андрея Первозваннаго Лагарпа, бывшаго въ числѣ наставниковъ его. Здѣсь слово отъ слова повторю то, что напечатано было въ Русской Исторіи моей еще при жизни Александра I.

«Необычайна была эта награда; но необычайны были вѣра,

вѣрность и безпредѣльная приверженность Лагарпа, уроженца древней Гельвеціи, къ Россіи и къ ея самодержцу. Онъ жилъ для Александра I, а не для себя. Но еслибъ онъ въ то же время помыслилъ только преклонить колѣно предъ самовластителемъ Франціи, то былъ бы осыпанъ и блистательными почестями и сокровищами. Но благородный сынъ Швейцаріи во все продолженіе борьбы правоты съ насиліемъ внѣ Россіи служилъ Россіи. Соединяясь съ княземъ Талейраномъ и съ другими ревностными друзьями свободы европейской, онъ жизнію своей ручался, что Александръ I водворитъ въ предѣлахъ Франціи миръ, спокойствіе и законное правительство. Онъ оставилъ Парижъ еще при владычествѣ Наполеона и неусыпныхъ его лазутчиковъ и, прибывъ въ станъ союзныхъ государей, возвѣстилъ, что большая часть сенаторовъ и членовъ законодательнаго собранія готовы изречь низверженіе Наполеона, и что къ совершенію этого подвига они ожидаютъ подкрѣпленія союзныхъ войскъ. Онъ прибавилъ, что обиженные гражданскіе и военные чины, что ограбленные владѣльцы недвижимымъ имѣній, что всѣ вопіютъ противъ нестерпимаго мучительства утѣснителя Франціи».

Не сила, но внутреннее убѣжденіе, что при Наполеонѣ Франція не можетъ быть счастлива, заставила французовъ изречь низложеніе его. На другой день вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ члены градской парижской думы издали къ жителямъ воззваніе, въ которомъ находятся сіи достопамятныя слова: «Вооруженная Европа вмѣстѣ съ нами проситъ о низверженіи его; она умоляетъ о томъ для спасенія человѣчества и для водворенія всеобщаго мира. Но и вооруженная Европа не принудила бы насъ къ тому, если бы то не соотвѣтствовало обязанностямъ нашимъ».

Маршалъ Ней, прибывшій изъ Парижа въ Фонтенбло, гдѣ находился тогда Наполеонъ съ горестными остатками войскъ своихъ, передавая ему парижскія извѣстія, сказалъ:

— Вы уже не императоръ; вотъ опредѣленіе о низверженіи вашемъ: мы не отвѣчаемъ за послушаніе войскъ; мы не властны надъ ними.

Началось сильное преніе, и маршалъ Лефевръ съ жаромъ воскликнулъ:

— Вы погибли, государь! Вы отвергли совѣты преданныхъ вамъ; сенатъ изрекъ ваше низверженіе!

Тутъ разительно оказалось предъ лицомъ цѣлаго свѣта, что жребій смертныхъ въ десницѣ Провидѣнія! Буря страстей, восшумѣвшая во Франціи 1789 года, удалила Людовика изъ отечества. Печальнымъ изгнанникомъ странствовалъ онъ почти по всѣмъ областямъ европейскимъ и вездѣ присутствіемъ своимъ подтверждалъ

непреложную истину, что ни величіе, ни престолъ, ничто не предохраняетъ людей отъ превратностей счастія земнаго. Былъ онъ и въ предѣлахъ Россіи, гдѣ Марія, дочь короля-страдальца, и герцогъ Ангулемскій сочетались бракомъ; то была та самая Марія, которую Павелъ, посѣтя блистательные чертоги Версальскіе, бралъ на руки и желалъ, чтобъ она была украшеніемъ какого-нибудь двора европейскаго. Между тѣмъ Бонапартъ быстрыми шагами стремился къ престолу Франціи. Убіеніемъ герцога Энгіенскаго засвидѣтельствовалъ онъ предъ Европой и вселенной, что все готовъ принесть въ жертву властолюбія своего. Уже онъ облекся порфирою императорской. Онъ требуетъ, чтобы Людовикъ отрекся отъ правъ своихъ, и предлагаетъ ему вознагражденія. Людовикъ, не отвѣчая ему, обращается къ державамъ европейскимъ и говоритъ, что у него осталась одна честь, и что онъ умретъ съ нею. Людовикъ какъ будто бы исчезъ среди обитаемаго міра. Императоръ Наполеонъ летитъ отъ успѣха къ успѣхамъ, потрясаетъ Европу, созидаетъ и разрушаетъ царства: вселенная предъ нимъ трепещетъ и безмолвствуетъ. Кто бы подумалъ тогда, что Людовикъ-изгнанникъ переживетъ величіе завоевателя и увидитъ паденіе его, взойдетъ на престолъ Франціи и будетъ королемъ-законодателемъ!

Но мы все видѣли: мы видѣли паденіе грознаго исполина, мы видѣли мечту расчетовъ человѣческихъ и силу довѣренности къ судьбамъ непостижимаго Провидѣнія.

8-го апрѣля 1814 года Наполеонъ-Бонапартъ отправленъ былъ изъ Фонтенбло на островъ Эльбу. Не спасли завоевателя милліонъ триста тысячъ войскъ, отъ начала 1813 до начала 1814 года избранныхъ сенатомъ и особенно Камбасересомъ къ защитѣ его личности. Россійскій императоръ посѣтилъ короля въ Компьенѣ безъ всякаго блеска и съ дружелюбіемъ обнялъ Людовика, возстановленнаго Провидѣніемъ и ревностными усиліями союзниковъ [1]). Александръ I посѣтилъ также принца Конде. При входѣ его всѣ предстоявшіе воскликнули: «Да здравствуетъ императоръ Александръ! да здравствуетъ нашъ великодушный союзникъ!»

«Россійскій императоръ, говоритъ сочинитель Исторіи политики европейскихъ державъ, въ полной мѣрѣ заслужилъ общее изъявленіе благодарности. Онъ истинный и единственный спаситель Европы; силѣ оружія и искусной его политикѣ обязаны народы событіями, преобразовавшими въ нѣсколько мѣсяцевъ лицо вселенной».

---

[1]) См Исторію полководцевъ европейскихъ державъ, ч. IV, стр. 214.

Наконецъ послѣ тринадцатилѣтнихъ бурь, излившихся на Европу изъ стѣнъ Парижа, въ сей столицѣ Франціи, при личномъ присутствіи союзныхъ государей, подписанъ миръ 18-го мая 1814 года. Какой достопамятный урокъ предлагаетъ сей миръ народу, увлеченному на пути властолюбія! Приверженцы Наполеона утопали въ роскоши, а народъ стоналъ подъ бременемъ нищеты. Но одни приверженцы не могли поддержать ни падающаго исполина, ни завоеванія его. Вслѣдствіе мирнаго парижскаго договора, границы Франціи назначены сообразно существованію оныхъ 1792 года.

Мы не опровергаемъ ни побѣдъ, ни военной славы Наполеоновыхъ войскъ, но что значитъ слава, сопровождаемая бѣдствіями народовъ и злоключеніями Франціи. Что значитъ сія слава, едва появляющаяся и еще быстрѣе исчезающая? Посмотримъ,какъ объясняется о сей славѣ виконтъ Шатобріанъ, знаменитый французскій писатель.

«Наши воины, говоритъ онъ, вступили въ сердце Франціи, болѣе сопровождаемые, нежели гонимые Европой, шедшею по слѣдамъ ихъ. Двѣнадцать столѣтій наша военная слава наводняла страны всѣхъ народовъ и быстро обратилась къ источнику своему. Послѣднія пушечныя ядра двадцатилѣтней войны, покорившей намъ Берлинъ, Вѣну, Москву, Лиссабонъ, Мадридъ, Неаполь и Римъ, послѣднія пушечныя ядра сей войны упали на парижскіе бульвары. Такъ рушилось по истеченіи тридцати лѣтъ исполинское зданіе славы, безумія и злодѣйствъ, поражавшихъ Францію и Европу. Полезныя завоеванія Людовика XIV еще существуютъ, а изъ всего того, что захватила въ Европѣ ложная наша республика и мнимая имперія, остался у насъ только казачій станъ около Лувра».

«Съ прискорбіемъ души», говоритъ императоръ Александръ I, «истощивъ всѣ средства къ отвращенію беззаконной войны, прибѣгли мы къ средствамъ силы. Горестная необходимость извлекла мечъ нашъ. Достоинство народа, промысломъ Всевышняго попеченію нашему ввѣреннаго, воспретило опустить его во влагалище, доколѣ непріятель на землѣ нашей. Торжественно дали мы сіе обѣщаніе, дали его, не обольщенные блескомъ славы, не упоенные властолюбіемъ, не во времена счастія. Съ сердцемъ чистымъ изліявъ у алтаря Предвѣчнаго моленія наши, въ твердомъ уповаміи на правосудіе Его, исполненные чувствъ правоты нашей, призвали Его на помощь. Мы предпріяли дѣло великое. Во благости Божіей снискали конецъ его. Единодушіе любезныхъ намъ вѣрноподданныхъ, извѣстная любовь ихъ къ отечеству утверждала надежды наши. Россійское дворянство, сильная подпора престола, на коей всегда возлежало величіе его; служители алтарей всесильнаго Бога, ихъ же благочестіемъ утверждаемся на пути вѣры; знаменитое заслугами купе-

чество и граждане не щадили никакихъ пожертвованій. Кроткій поселянинъ оружіемъ защищалъ вѣру, отечество и государя. Жизнь казалась ему малою жертвой. Чувство рабства незнаемо сердцу россіянина. Никогда не преклонялъ онъ главы предъ властію чуждою. Дерзалъ ли кто налагать иго — не коснѣло наказаніе! Вносилъ ли кто оружіе въ отечество его—указуетъ онъ гробы ихъ».

Предложивъ уже нѣсколько постороннихъ свидѣтельствъ о необходимости перехода русскихъ за границу, покажу здѣсь собственное о томъ свидѣтельство императора Александра I изъ высочайшаго его манифеста, воспослѣдовавшаго по случаю заключенія мира въ Парижѣ.

Отечество было спасено. «Но»,—вѣщаетъ манифестъ: «новыя между тѣмъ приготовлялись враговъ ополченія, и еще противоборствовавшіе Россіи народы поставляли безопасность свою въ соединеніи силъ. Дабы оградить отечество отъ вторженія непріятелей, надлежало вынести войну внѣ предѣловъ его, и побѣдоносныя воинства наши явились на Вислѣ. Насталъ 1813 годъ. Народы склоняли слухъ свой ко внушенію истины. Утомленная бѣдствіями бодрость воспрянула. Души ихъ слились воедино. Противящіеся покорены оружіемъ. Быстрое прехожденіе отъ торжества къ торжеству привело насъ на берега Рейна. Непріятель пребылъ непреклоннымъ къ миру. Но едва протекъ годъ, узрѣлъ онъ насъ при вратахъ Парижа! Французскій народъ, никогда не возбуждавшій въ насъ чувствъ враждебныхъ, удержалъ громъ нашъ, готовый низринуться. Франція открыла глаза на окружающую ее бездну, расторгла узы обольщенія, устыдилась быть орудіемъ властолюбца. Гласъ отечества пробудился въ душѣ народа. Возникъ новый вещей порядокъ; призванъ на престолъ законный государь. Франція возжелала мира; ей дарованъ онъ, великодушный и прочный. Миръ сей, залогъ частной каждаго народа безопасности, всеобщаго и продолжительнаго спокойствія, ограждающій независимость, утверждающій свободу, обѣщаваетъ благоденствіе Европы; пріуготовляются возмездія, достойныя понесенныхъ трудовъ, преодолѣнныхъ опасностей».

Вскорѣ не стало Жозефины, первой супруги Наполеоновой. Александръ I посѣтилъ могилу ея и сказалъ: «Уже нѣтъ той женщины, которую Франція называла ангеломъ благодѣтельнымъ! Жозефина всегда будетъ жить въ сердцахъ дѣтей своихъ, друзей и современниковъ. Она оставляетъ послѣ себя горесть справедливую и напоминанія душевныя».

Словесность и искусства, сказалъ Виргилій, не цвѣтутъ подъ шумомъ оружія. Въ достопамятный 1814 годъ случилось тому противное. Невзирая на стеченіе всѣхъ союзныхъ войскъ, словесность

и искусства сіяли въ стѣнахъ Парижа во всемъ блескѣ своемъ. Присутствіе государей, избавителей Франціи, одушевляло все новою жизнію. Академія французская въ полной мѣрѣ чувствовала сіе оживленіе, когда удостоили ее посѣщеніемъ своимъ Александръ I и король прусскій. Описаніе сего достопамятнаго случая предложу изъ Лѣтописей словесности, Дюссоля [1]).

«Около девяноста лѣтъ прошло съ того времени, говоритъ сочинитель Лѣтописей, когда Петръ I посѣтилъ парижскую академію наукъ и соблаговолилъ вписаться въ члены оной. Остроумный Фонтенель въ похвальномъ словѣ сему государю сказалъ: «Петръ I въ пользу наукъ нисходилъ до степени простаго гражданина, итакъ въ награду зато науки должны возвести его на чреду Августовъ и Карловъ Великихъ». Науки должны воздать тѣ же почести великодушнымъ государямъ, присутствовавшимъ въ торжественномъ засѣданіи французской академіи съ неизъяснимою простотой и привѣтливостью, превосходящими всю пышность власти и весь блескъ величія. Собраніе блестящее, многочисленное ожидало государей. Это собраніе было, такъ сказать, единственнымъ великолѣпіемъ и украшеніемъ, приготовленными къ принятію великихъ посѣтителей. Въ залѣ поставлены были для нихъ два простыя кресла. Взоры каждаго обращены были къ дверямъ, въ которыя должны были войти государи. Все то, что̀ относилось къ нимъ, возбуждало живѣйшій восторгъ. Первыя рукоплесканія раздались при входѣ генерала Сакена, генералъ-губернатора Парижа. Вскорѣ потомъ вступили россійскій императоръ и король прусскій съ тремя своими сыновьями. Мгновенно со всѣхъ сторонъ загремѣли восклицанія: «Да здравствуетъ Александръ! да здравствуетъ король прусскій!» Все собраніе ликовало. Государи были безъ свиты, безъ стражи. Взирая на сихъ государей, отложившихъ всѣ принадлежности власти верховной, можно было повторить краснорѣчивое изреченіе одного изъ нашихъ ораторовъ: «есть нѣчто неизъяснимо благородное въ сей скромной простотѣ; и чѣмъ они снисходительнѣе, тѣмъ сильнѣе владычествуютъ надъ сердцами». Когда первые восторги нѣсколько укротились, и когда продолжительныя рукоплесканія умолкли, г. Лакретель, президентъ академіи, началъ рѣчь свою. Съ краснорѣчіемъ чистымъ и легкимъ, ему свойственнымъ, старался онъ выразить чувствованія всего собранія. Онъ припомнилъ о томъ времени, славномъ для наукъ, когда Петръ I, посѣтя Парижъ, старался вникнуть въ таинство ихъ. «Какъ процвѣли сіи плоды общественнаго образованія, воскликнулъ онъ, которые Петръ Великій желалъ заимствовать у насъ! Съ какою сугубою наградой

---

[1]) См. ч. IV, стр. 278 до 285.

воздаетъ намъ Александръ I за то, что̀ заимствовалъ у насъ предокъ его, герой законодатель!» Лакретель произнесъ потомъ краткую рѣчь въ похвалу французскаго языка. Величайшій восторгъ произвели слѣдующія слова, которыя ораторъ произнесъ, возвыся голосъ: «Въ тотъ день, который могъ быть столь ужасенъ и который даже не потревожилъ жителей столицы, мы повторяли слова Софоклова Филоктета: Воины, не являющіеся нашими непріятелями! намъ пріятно изъ устъ вашихъ слышать звуки роднаго нашего нарѣчія»!

Потомъ произнесъ привѣтственную рѣчь Вильменъ; особеннымъ рукоплесканіемъ увѣнчалось выраженіе его, что «въ Европѣ есть общая любовь къ Европѣ». Въ продолженіе рѣчи юнаго оратора, король прусскій взглядывалъ нѣсколько разъ на сыновей своихъ, давая имъ знать, сколь ученіе и трудъ помогаютъ счастливымъ вдохновеніямъ природы».

Что̀ значатъ всѣ замыслы высокомѣрія, и можно ли опираться на что-нибудь тамъ, гдѣ одно дуновеніе похищаетъ и жизнь, и всѣ торжества ненадежныя?.. Приготовляясь къ походу въ Россію, Наполеонъ говорилъ: «Иду устрашить сѣверъ. Я сейчасъ узналъ, что императоръ Александръ подалъ возраженіе касательно присоединенія герцогства Ольденбургскаго къ Франціи. Я долженъ съ нимъ сразиться и побѣдить его. Счастливъ будетъ Александръ, если подарю его миромъ...[1]). А потомъ однимъ громовымъ ударомъ свергну Англію съ лица земли».

И уже Александръ I въ сіяніи славы избавителя Европы прибылъ въ предѣлы Англіи. Величественно возвышаясь надъ безднами океана, восхищенная общимъ освобожденіемъ Европы, Англія встрѣтила россійскаго императора, какъ героя охранителя человѣчества[2]). Дворъ, вельможи, народъ, всѣ одушевлены были восторгомъ. Всѣ плѣнялись въ Александрѣ I не саномъ величественнымъ, но личными достоинствами человѣка; всѣ плѣнялись въ немъ изображеніемъ души, сіявшей въ кроткихъ чертахъ его лица, и всѣ, согласно отдавая справедливость его воспитанію, называли его благовоспитаннѣйшимъ европейцемъ. Похвала единственная и никому еще не приписанная.

Не стану говорить ни о блистательной встрѣчѣ, ни о пышныхъ пиршествахъ. Скромность Александра I всему служила украшеніемъ, и чѣмъ болѣе забывалъ онъ величіе и славу свою, тѣмъ болѣе всѣ напоминали о томъ. Но нельзя умолчать объ одномъ случаѣ. Въ лондонской церкви Св. Павла собраны были воспитанники и воспитанницы подъ надзоромъ наставниковъ и наставницъ своихъ. Едва

---

[1]) См. Записки Жозефины, ч. II, стр. 274 и далѣе.

[2]) Въ исходѣ мая 1814 года.

вступили въ сей великолѣпный храмъ россійскій императоръ и король прусскій, тысячи голосовъ юныхъ воспитанниковъ возгласили торжественную пѣснь избавителямъ Европы.

Университетъ причислилъ союзныхъ государей къ своимъ членамъ, а городъ Лондонъ къ своимъ гражданамъ.

Меръ города Лондона, привѣтствуя Александра I, между прочимъ произнесъ сіи достопамятныя слова: «Единодушнымъ союзомъ государей, мудростію полководцевъ, удаленіемъ отъ глазъ народовъ пагубныхъ обмановъ, соблюденіемъ порядка въ войскѣ сокрушенъ былъ волшебный жезлъ, обольщавшій духъ человѣческій, и истреблена язва, опустошавшая цѣлыя поколѣнія».

Въ продолженіе своего путешествія государь посѣтилъ Саардамъ, гдѣ нѣкогда Петръ I въ видѣ простаго работника показалъ вселенной уваженіе къ трудамъ человѣческимъ и учился кораблестроенію, чтобъ ознакомить русскихъ съ морями. Провидѣніе вразумило Петра обогатить Россію всѣмъ нужнымъ къ оборонѣ отечества и царства; Провидѣніе опредѣлило, чтобы правнукъ его всѣ средства, заготовленныя прадѣдомъ, употребилъ къ защитѣ отечества и къ спасенію Европы.

Три первостепенныя государственныя сословія, синодъ, сенатъ и совѣтъ государственный, сообразуясь съ общимъ желаніемъ россіянъ, постановили: во-первыхъ, принести государю императору отъ лица торжествующей Россіи всеподданнѣйшее поздравленіе и живѣйшую благодарность за всѣ великіе труды, подъятые имъ для усугубленія славы и благоденствія державы его; во-вторыхъ, приложить къ священному имени его титулъ Благословеннаго, тѣмъ болѣе приличный скромности и благочестивому смиренію государя императора, что великіе подвиги его очевидно ознаменованы покровительствомъ Вышняго Промысла; въ-третьихъ, для преданія позднѣйшему потомству настоящей славы Россіи и сердечной благодарности къ виновнику оной выбить медаль и воздвигнуть въ престольномъ градѣ памятникъ, съ надписью: «Александру Благословенному, императору Всероссійскому, великодушному державъ возстановителю отъ признательныя Россіи».

Для этой цѣли отправлены были за границу избранные чиновники. Цѣня усердіе Россіи, но по внутреннему убѣжденію отдавая все Богу, Александръ I отвѣчалъ сими словами отъ 30-го іюня 1814 года изъ города Брюсселя:

«Внимая посланному ко мнѣ отъ святѣйшаго синода, государственнаго совѣта и сената прошенію о воздвигнутіи мнѣ въ престольномъ градѣ памятника и принятіи проименованія Благословенный, не могъ я во глубинѣ души моей не почувствовать величайшаго

удовольствія, видя, съ одной стороны, дѣйствительно совершившееся надъ нами благословеніе Божеское, а съ другой чувствованія россійскихъ государственныхъ сословій, подносящихъ мнѣ имя самое для меня лестнѣйшее, ибо всѣ старанія и помышленія души моей стремятся къ тому, чтобы теплыми молитвами призывать на себя и на ввѣренный мнѣ народъ Божеское благословеніе, и чтобъ быть благословляемому отъ любезныхъ мнѣ вѣрноподданныхъ моихъ и вообще отъ всего рода человѣческаго. Сіе самое есть верхъ моихъ желаній и моего благополучія! Но при всемъ тщаніи моемъ достигнуть до сего не позволяю себѣ, яко человѣкъ, дерзновеніе мыслить, что я уже достигъ до того и могу смѣло званіе сіе принять и носить. Тѣмъ паче почитаю оное съ правилами и образомъ мыслей моихъ несогласнымъ, что всегда и вездѣ преклоняя вѣрноподданныхъ моихъ къ чувствамъ скромности и смиренія духа, самъ первый покажу несоотвѣтствующій тому примѣръ. Сего ради, изъявляя совершенную мою признательность, убѣждаю государственныя сословія оставить оное безъ всякаго исполненія. Да соорудится мнѣ памятникъ въ чувствахъ моихъ къ вамъ! Да благословляетъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я въ сердцѣ благословляю оный! да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надо мною и надъ нею благословеніе Божіе!»

13 іюля 1814 года Александръ I прибылъ въ С.-Петербургъ. Два почти года смерть ходила съ нимъ рядомъ; два почти года онъ безтрепетно смотрѣлъ ей въ лицо: близъ него палъ генералъ Моро отъ ядра роковаго; нигдѣ и никогда не укрывалъ императоръ себя отъ опасности очевидной. Смущались сердца русскихъ боязнію о томъ, что одинъ мигъ можетъ похитить у нихъ царя-героя. Теперь Россія встрѣтила Александра какъ царя, вновь посланнаго ей небесами. На лицѣ его сіяла и слава Россіи, и слава избавителя Европы. При первомъ шагѣ своемъ въ градъ Петровъ, повергъ онъ сію сугубую славу къ алтарямъ Божіимъ.

Не долго наслаждалась Россія присутствіемъ государя своего. Политика европейская снова вызывала его за границу. Но личное присутствіе Александра I еще нужно было для Россіи. Одна десница его могла исцѣлить раны, нанесенныя отечеству 1812 года; однѣ личныя его заботы могли возстановить внутренность государства, которое отъ сильныхъ и необычайныхъ напряженій долженствовало впослѣдствіи ощутить необходимое изнеможеніе. Наконецъ, по окончаніи подвига спасенія Европы, могъ онъ приступить къ довершенію подвига законодательнаго, бывшаго всегдашнимъ предметомъ его мыслей. Но Провидѣніе никого изъ смертныхъ не осыпаетъ всѣми благами своими.

Въ виду вѣнскаго конгресса, въ виду вооруженной Европы, На-

полеонъ, обнадеженный преданностію прежнихъ войскъ и нетерпѣливымъ ожиданіемъ приверженцевъ своихъ, бѣжалъ съ острова Эльбы и съ горстью воиновъ вторгся въ предѣлы Франціи. На пути силы его умножились, но и каждый шагъ приближалъ его къ погибели. Марта 7-го король выѣхалъ изъ Парижа. Чрезъ сутки императоръ Наполеонъ ночью явился въ чертогахъ Тюильрійскихъ. Но уже онъ былъ не тѣмъ грознымъ самовластителемъ, предъ которымъ нѣкогда все оковано было безмолвіемъ рабства азіатскаго. Паденіе Мюрата было предвѣстіемъ паденія императора. Однимъ сраженіемъ потерявъ королевство Неаполитанское, Мюратъ моремъ бѣжалъ во Францію. Столь быстро низвергаются царства, купленныя рѣками крови. Одна сила нигдѣ не была подпорой власти. Напрасно Наполеонъ выдумывалъ различныя зрѣлища политическія: сердца безмолвствовали, а клики его приверженцевъ исчезали въ воздухѣ.

Войска союзныя вновь ополчились. Мая 14-го Александръ I отправился къ войску на Рейнъ. Въ началѣ іюня русскіе перешли эту рѣку въ Мангеймѣ и вступили во Францію.

Быстро разбилъ Наполеонъ прусскія и англійскія войска, расположенныя отъ Намура до Брюсселя. За мгновенную удачу заплатилъ онъ потерей всего. 6-го іюня въ битвѣ при Ватерлоо навсегда угасъ послѣдній лучъ военной славы. Отважность и искусство измѣнили ему. Братъ его Іеронимъ съ удивленіемъ говорилъ: «Возможно ли? онъ и здѣсь бѣжитъ отъ смерти! Нигдѣ бы для него не было столь славной могилы».

Союзныя войска и король снова вступили въ Парижъ. Наполеонъ отплылъ за дальнія моря на островъ Св. Елены.

Наполеонъ пережилъ славу свою. Сколько разъ истинные друзья его говорили: «Еслибы передъ Арколою погибъ онъ отъ пули кроата, въ будущемъ для него исчезло бы многое, но онъ былъ бы оплаканъ Франціей, еще побѣдоносною! Для защиты ея было довольно искусныхъ полководцевъ, но онъ одинъ въ силахъ былъ ее поработить. А еслибъ онъ не сжалъ желѣзнымъ ярмомъ самовластія духа народнаго, тогда бы не подвергъ отечество позору, и тогда бы ватерлооскаго сраженія не назвали гробомъ Франціи».

Вѣкъ Александра I ознаменовался утвержденіемъ истины, что Россія въ предпріятіяхъ своихъ никогда не увлекалась страстію завоевательною. Скажемъ болѣе: скажемъ, что къ сей истинѣ присовокупляется еще и другая, ревностная готовность Россіи къ поддержанію спокойствія и безопасности областей европейскихъ, не щадя никакихъ пожертвованій. Объясняясь на островѣ Елены о войнѣ 1812, 13, 14 и 15 годовъ, Наполеонъ сказалъ: «Потеря Россіи въ сіи годы превосходитъ въ шесть разъ потерю Франціи». Са-

мая лучшая похвала есть та, которая изрекается устами непріятеля. Самъ Наполеонъ свидѣтельствуетъ, что Россія ничего не щадила для Европы, но онъ увеличилъ утрату нашихъ воиновъ. Россія пострадала болѣе во внутренности своей отъ той пагубной заразы, которую завоеватель въ предѣлахъ нашего отечества распространилъ по слѣдамъ своимъ. По вѣрному исчисленію Наполеонъ ввелъ въ Россію 610.000. Что же осталось изъ сего исполинскаго ополченія черезъ шесть мѣсяцевъ? Слабыя толпы призраковъ бывшаго войска.

ГЛАВА XXI.

1815-й годъ.—Необычайность политическихъ событій.—Смоленскій Діогенъ.—Современная Франція.—Гр. Растопчинъ въ Парижѣ.—Платовъ.—Анекдоты о Павлѣ I.—Коммиссаріатскіе чиновники.—Харьковскій помѣщикъ.—Князь Сибирскій.—Проводы Платова.—Паденіе моей кареты.—Буря.—Русская журналистика.—Случаи, бывшіе со мной въ 1815 году.—Моя „Русская Исторія“.—Вопросъ о началѣ Руси.—Историческая достовѣрность.—Ошибка Карамзина.—Графъ М. А. Милорадовичъ.—Причина нашей размолвки съ нимъ.—Изученіе русскихъ лѣтописей.—Упадокъ «Русскаго Вѣстника».—И. Н. Скобелевъ.—Первыя произведенія Н. А. Полеваго.

Наполеонъ, или генералъ Бонапартъ плылъ океаномъ на островъ Елены. Людовикъ XVIII снова возвратился въ Парижъ. Чудное дѣло! Глубокомысленнѣйшіе историки минувшаго вѣка полагали, что тогдашняя Европа не пошевелится никогда съ кореннаго основанія своего. Гиббонъ въ превосходной Исторіи паденія и разрушенія римской всемірной державы говорилъ: «Въ наше время Европа раздѣлена на различныя области, независимыя одна отъ другой, однако соединенныя взаимнымъ союзомъ вѣры, языка и нравовъ. Такое размежеваніе спасительно для рода человѣческаго». Но мы видѣли, чему подверглись и размежеванія, и раздѣленія, и подраздѣленія новаго завоевателя: вся Европа, отъ края въ край, превращена была въ станъ ратный. Гиббонъ не дожилъ до этого времени. Но и около 1790 года, при первыхъ порывахъ возстанія Франціи, онъ признавался, что вовсе затерялся въ области исторической. Изъ историческихъ писателей XVIII столѣтія одинъ онъ угадывалъ, что если потѣснятъ сѣверъ даже и къ рубежамъ вселенной, то онъ и оттуда отгрянетъ въ нѣдра Европы. Такъ было въ началѣ XIX вѣка. Хотя нашествіе не потѣснило Россію къ рубежамъ вселенной, но за остатками его полки русскіе двинулись въ Европу и за Европу.

А за ними шли и мысли, и сердца наши. Тамъ были наши братья, наши родные, наши друзья; тамъ было цѣлое поколѣніе, юные то-

варищи юныхъ нашихъ лѣтъ. Многіе изъ нихъ пали на поляхъ отечественныхъ. Многіе изъ нихъ легли въ могилы и на чужой дальней сторонѣ! Смоленскъ въ грозную годину свою встрѣтилъ полки русскіе, какъ-будто и не слышалъ надъ собою бури нашествія. Кутузовъ былъ уже княземъ Смоленскимъ. Графъ Аракчеевъ назначенъ былъ попечителемъ Смоленска. Смоленскъ до царствованія Николая I не выходилъ изъ развалинъ своихъ. Но и въ тѣхъ развалинахъ радушное гостепріимство встрѣчало и привѣтствовало родныхъ воиновъ!

Я разскажу о чудномъ человѣкѣ, жильцѣ двухъ міровъ, міра большаго свѣта и міра уличнаго. Человѣкъ этотъ А. Б. А—нъ. Онъ уцѣлѣлъ отъ нашествія, и я назову его, какъ тогда называли его прочіе, Смоленскимъ Діогеномъ. Но Діогенъ Синопскій пустился въ проказы, когда его уличили въ поддѣлываніи денегъ; а нашъ Діогенъ былъ чистъ совѣстью и тогда, когда жизнь уличная облекла его въ отрепья нищеты. Изъ жребія его есть что вычитывать наблюдателю сердецъ человѣческихъ. Въ блестящіе дни молодости своей нашъ Діогенъ служилъ у князя Таврическаго, былъ военнымъ щеголемъ; прихоти и раздумье Потемкина разсѣивалъ игрою на гитарѣ, пѣснями русскими и французскими остротами, прибаутками и острыми словами.

Вышедши въ отставку, онъ сдѣлался душою обществъ. Графъ А. А. Безбородко очень любилъ его и за острый умъ, и за то, что графу умѣлъ высказывать правду. Зная, что А—нъ былъ въ разладѣ съ фортуною, графъ заставилъ его служить въ Кремлевской экспедиціи. Но вдругъ модный свѣтъ надоѣлъ ему. Онъ захотѣлъ на просторѣ подышать свободой. «Въ большомъ свѣтѣ, — говорилъ онъ, — языкъ лжетъ на сердце». Бросивъ службу и оставивъ Москву, онъ задумалъ искать правдивую искренность въ тѣхъ углахъ смоленскихъ, гдѣ рыцарствовалъ Елисей, герой поэмы Василія Майкова. Щеголь въ полномъ смыслѣ одіогенился. Встрѣтясь съ нимъ въ Смоленскѣ во время милиціонной моей службы, я сказалъ: «Вы ли это, А. Б.?» Онъ взялъ меня за руку и, покачавъ головою, отвѣчалъ: «Я и не я». При разгромѣ стѣнъ смоленскихъ онъ дремалъ въ обыкновенномъ пріютѣ своемъ. «А когда я проснулся, — говорилъ онъ, — вышелъ на улицу, услышалъ вездѣ разговоръ французскій, мнѣ показалось, что я опять очутился въ нашемъ модномъ свѣтѣ». Такимъ образомъ нашъ Діогенъ попалъ въ плѣнъ французскаго языка.

При вторичномъ возвращеніи Людовика XVIII графъ Растопчинъ отъ передрягъ московскихъ ускользнулъ въ Парижъ. Спохватливою мыслію окинувъ политическій бытъ Франціи, онъ писалъ въ Москву: «Бурбонамъ не ужиться во Франціи». Я читалъ это фран-

цузское письмо, и въ немъ, съ прибавленіемъ другаго еще рѣзкаго намека, заключалась вся судьба Бурбоновъ. Читалъ я также замѣтки его о Парижѣ. Графъ предполагалъ, что если французамъ не будутъ мѣшать пѣть и балагурить, то они, кружась въ вихрѣ разсѣянности и забавляясь погремушками, перестанутъ заглядывать въ потемки дипломатическія и политическія.

Первая догадка сбылась; вторая оказалась несостоятельною.

Если русскому сочинителю записокъ позволятъ переступить въ межи политики заграничной, то, мнѣ кажется, что король Людовикъ большой сдѣлалъ промахъ, заградивъ пути къ министерству депутатамъ Франціи, присутствовавшимъ въ палатѣ въ стодневную бытность Наполеона въ стѣнахъ Парижа. Франція снова ихъ избрала, несмотря на опалу ихъ двора, отчего и возникла новая борьба двора во Франціи съ Франціей.

Графъ Растопчинъ, отдыхая въ Парижѣ отъ тяжелаго двѣнадцатаго года, разсѣивался въ театрѣ, на бульварахъ, отыгрывался острыми словами и забрасывалъ любопытныхъ шутками, разлетавшимися по городу. Въ одной изъ прогулокъ своихъ графъ встрѣтилъ стеченіе народа, который разсматривалъ картину, гдѣ изображенъ былъ донской казакъ, преслѣдуемый французами. Обратясь къ графу, зрители кричали: «Посмотрите! посмотрите! какъ вашъ казакъ бѣжитъ отъ нашихъ!» «Ошибаетесь! — отвѣчалъ графъ, — ошибаетесь, друзья мои! Донской казакъ спѣшитъ съ вѣстію о взятіи Парижа». И раздалось: «браво»! и хлопанье въ ладоши.

Между тѣмъ сподвижники наши на поприщѣ войны заграничной возвращались въ отечество. Въ сентябрѣ 1815 года проѣзжалъ черезъ Москву на Донъ графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ и подарилъ меня своимъ посѣщеніемъ. Платовъ былъ воиномъ-богатыремъ и прямымъ человѣкомъ на путяхъ человѣчества. 1813 года началъ я семейный мой бытъ съ азбуки жизни. Графъ М. И. Платовъ предложилъ мнѣ особо издать все то, что у меня сказано было о Донѣ въ Р у с с к о м ъ В ѣ с т н и к ѣ. Графъ препроводилъ ко мнѣ изъ-за границы 2.000 рублей. Послѣ 1812 года мнѣ, до тла разоренному, онъ далъ первый трудъ, и трудъ пріятный, потому что графъ Платовъ и славную, и трудную службу служилъ и Донскому краю, и отечеству. Подъ стѣнами нѣкогда грознаго Измаила онъ первый на вопросъ Суворова отвѣчалъ: «Штурмовать», и донцы, спѣшась, вслѣдъ за полками пошли на приступъ. Но и приступы, и битвы въ полѣ и на вершинахъ горъ, все это не такъ страшно, какъ борьба со страстями человѣческими. Имѣя чистую совѣсть, графъ Платовъ устоялъ и въ этой борьбѣ. Около 1797 года была на него невзгода, и онъ подвергся опалѣ. Темна была его опала; еще свѣтлѣе бле-

снулъ торжественный день его невинности. Въ зимній вечеръ назначенъ былъ пріемъ Матвѣю Ивановичу во дворцѣ. Императоръ Павелъ Первый, узнавъ, что Платовъ страдаетъ глазами, самъ озаботился такъ все устроить, чтобъ яркій свѣтъ не отяготилъ его зрѣнія. Собственною рукой задергивалъ занавѣсы и надѣвалъ на подсвѣчники зонтики. Едва появился Платовъ, Павелъ устремился къ нему съ распростертыми объятіями и вскричалъ:

— Матвѣй Ивановичъ! Что сдѣлать съ твоими врагами?

— Простить! простить ихъ, государь! отвѣчалъ Платовъ.

У Павла навернулись на глазахъ слезы, и онъ воскликнулъ къ императрицѣ, бывшей въ другой комнатѣ:

— Марія Өеодоровна! Слышишь ли? Матвѣй Ивановичъ простилъ враговъ своихъ. Какой онъ великій человѣкъ! Какой онъ великій христіанинъ!

У императора Павла были удивительные душевные порывы. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Коммиссаріатскіе чиновники, Б. и Ов., похитивъ девяносто тысячъ, бѣжали за границу. Ихъ перехватили въ Варшавѣ. Сказываютъ, что Б. бросился изъ окна и убился до смерти. Товарищъ его Ов. привезенъ былъ въ Петербургъ и посаженъ въ крѣпость. Ов., прибѣгнувъ къ изворотливости хитраго ума своего, извѣстилъ тогдашняго канцлера, князя Куракина, что долженъ и обязанъ по силѣ присяги объявить императору важнѣйшую тайну. Князь поспѣшилъ въ крѣпость и убѣждалъ Ов., не безпокоя государя, передать ему тайну, а онъ немедленно сообщитъ ее императору. Всѣ убѣжденія были тщетны. Князь принужденъ былъ представить его во дворецъ. Доложили государю о семъ необычайномъ случаѣ. Князь ввелъ Ов. въ кабинетъ. Отважный Ов. сказалъ государю, что тайну свою ввѣритъ онъ только Богу и царю, но наединѣ. По знаку Павла I князь Куракинъ вышелъ. Ов. упалъ на колѣни и воскликнулъ:

— Государь! Тебя не любятъ!

Павелъ отвѣчалъ:

— Ты мой другъ! ты сказалъ правду!

Съ этимъ словомъ поцѣловалъ и освободилъ его.

Харьковскій помѣщикъ N. предъявлялъ государю, что для укрѣпленія больной его груди врачи совѣтуютъ ему предпринять морское путешествіе. Павелъ отвѣчалъ, что онъ можетъ отправиться въ Кронштадтъ и плавать сколько хочетъ по заливу и морю. Не получа увольненія за границу, N. рѣшился пробраться туда скрытно. Отправясь въ Литву, онъ закупилъ евреевъ перевезть его черезъ Нѣманъ. Евреи, взявъ деньги, увѣдомили о побѣгѣ отрядъ нашъ. Едва лодка отчалила, нѣсколько человѣкъ прицѣлились ружьями. Съ N.

была беременная женщина. Предстоявшая опасность заставила его воротиться. Его отвезли въ Петербургъ въ крѣпость; оттуда препроводилъ онъ къ императору слѣдующее письмо: «Одинъ почеркъ вашего державнаго пера можетъ изречь приговоръ милліонамъ; еще славнѣе для вашей души простить одного преступника». И N. былъ прощенъ и отправленъ въ Москву для разбора бумагъ въ тамошнемъ архивѣ.

Князь Сибирскій, начальникъ комиссаріата подпалъ подъ гнѣвъ Павла и сосланъ на поселеніе въ Сибирь. Сынъ его, полковникъ, изъ Крыма просился въ отпускъ въ Петербургъ и получилъ дозволеніе. Всѣ вновь пріѣзжавшіе военные представлялись при разводѣ, и императоръ каждаго спрашивалъ о цѣли пріѣзда. Когда дошла очередь до князя Сибирскаго, молодой человѣкъ со слезами сказалъ:

— Отецъ мой старъ, онъ не перенесетъ гнѣва вашего величества! Умоляю васъ, дозвольте вмѣсто его отправиться мнѣ въ ссылку!

Императоръ обнялъ его и, оборотясь ко всѣмъ предстоявшимъ, сказалъ:

— Какой нѣжный, какой рѣдкій сынъ! и какъ счастливъ отецъ, имѣя такого сына!

Возвращаюсь къ Платову. Въ заграничную войну 1807 г. Матвѣй Ивановичъ вездѣ былъ тамъ, гдѣ была опасность. Услышитъ ли отъ кого: тутъ жарко, тутъ опасно, онъ возражалъ: «а гдѣ безопасно!» Въ 1812 годъ онъ показалъ и доказалъ, что и въ донцѣ живетъ мысль зоркая, сметливая, которая въ свой часъ загоняетъ всѣ извороты дипломатиковъ и политиковъ. Какая-то нелѣпая молва дошла до Наполеона, и онъ повѣрилъ ей, будто бы Донъ опустѣлъ и обезсилѣлъ, хотя все тотъ же Донъ былъ и въ виду Россіи, и въ виду Европы. Упомянулъ я въ запискахъ моихъ о 1812 годѣ, что графъ Платовъ августа девятнадцатаго, сдавъ начальство надъ полками донскими генералу Краснову, поѣхалъ на дачу къ графу Растопчину, и въ рядахъ нашествія разнеслась молва, что будто бы Кутузовъ и Платовъ размолвили. Говорили также, будто бы Платову надлежало двинуться въ обходъ, но въ какой? У Наполеона на полѣ Бородинскомъ были двѣ арміи: одна сражалась, а другая, состоявшая изъ блистательной гвардіи, была спокойнымъ зрителемъ битвы. Маршалъ Ней требовалъ, чтобы и ее двинуть въ дѣло; но Наполеонъ не двигалъ ея. Ужели должно было обойдти гвардію и двинуть ее на полки русскіе? А послѣ битвы Бородинской дѣло шло не объ обходѣ, а объ уходѣ за Москву, чтобы заслонить ею отступившую горсть русскихъ, горсть по сравненію съ нашествіемъ, къ которому и послѣ Бородинскаго сраженія подоспѣвали новыя силы.

Укоряли и Барклая-де-Толли, зачѣмъ не повелъ онъ войска на Жиздру. Но Кутузовъ оставленіемъ Москвы, а потомъ защитою полуденныхъ областей Россіи оправдалъ Барклая-де-Толли.

Въ день своего отъѣзда Матвѣй Ивановичъ пригласилъ меня на обѣдъ, который оживлялся радушною его бесѣдой. Изъ-за стола мы встали часу въ восьмомъ вечера.

— Сергѣй Николаевичъ, сказалъ мнѣ графъ,—я поѣду къ Иверской, а оттуда заверну подъ Донскую къ N. Слышалъ я, что ему не везетъ: это не мое дѣло. Мы старинные сослуживцы, а подчасъ иногда крѣпко вздохнешь, какъ подумаешь, гдѣ тотъ, гдѣ другой. Коляска моя и люди на Поклонной горѣ, по Калужской дорогѣ; подождите меня тамъ.

А. А. Кирьяковъ, хозяинъ дома, гдѣ стоялъ графъ Платовъ, и Н. А. Безобразовъ, получившій изъ рукъ Матвѣя Ивановича орденъ Pour le mérite, и я, тогдашній исторіографъ Дона,—отправились на Калужскую дорогу. Мракъ ночи осенней часъ отъ часу сгущался. Графъ Платовъ пріѣхалъ часу въ одиннадцатомъ. Заклпѣли у насъ прощальные бокалы донскаго вина. Лилъ проливной дождь. Графъ стоялъ безъ фуражки. Я сказалъ, что насъ зальетъ дождь.

— Такія ли бури, отвѣчалъ Матвѣй Ивановичъ,—шумѣли надъ моею головой! Поговоримъ еще. У меня сердце притомилось, а сердце вѣщунъ. Можетъ быть видимся въ послѣдній разъ. Будь Донъ счастливъ и безъ меня! Знаю, что и тамъ не всѣ меня жалуютъ, но смерть животы окажетъ. Я давно служу, много видѣлъ, а Богъ видитъ, каково пробиваться и за себя, и за другихъ. Жизнь—бѣдовое дѣло. Завидуютъ блеску, а что подъ нимъ? про то одна душа вѣдаетъ. Тутъ, отозвавъ меня въ сторону, графъ прибавилъ:—Сергѣй Николаевичъ! въ Москвѣ много бѣдняковъ; пишите о нихъ ко мнѣ: буду присылать, да только чтобы про то вѣдали я, да вы.

Мы простились и, можетъ быть, мнѣ бы прежде графа довелось отправиться на покой къ предкамъ.

И вотъ какъ это случилось. Дрожки, на которыхъ я пріѣхалъ, куда-то исчезли. Вѣроятно кучеръ спрятался отъ дождя и заснулъ. Въ коляскѣ небольшой едва помѣщался Кирьяковъ и товарищъ его Безобразовъ. До Дѣвичьяго поля, гдѣ я жилъ, было около десяти верстъ. Лилъ дождь проливной, и ночь въ полномъ смыслѣ была дремучая. Оставалась наемная карета графа. А или я карету, или карета меня не любитъ. Въ городѣ я ѣзжу на дрожкахъ, а въ дорогѣ на телѣгѣ. Но тутъ волею или неволею, а долженъ я былъ закупориться въ карету. Тогда Поклонная гора, на Калужской дорогѣ, не была еще уравнена, и подлѣ нея были рытвины глубокія, а за дождемъ и темнотой все скрылось. Едва проѣхали мы нѣсколько

сажень, пристяжная лошадь, съ правой руки, оступилась, и вся четверня съ каретой опрокинулась въ ровъ. Услыша необычайный шумъ, товарищи мои остановились и, не видя на горѣ кареты, закричали:

— Живы ль вы, Сергѣй Николаевичъ?

— Живъ! отвѣчалъ я и, отбивъ дверцы у кареты, вскарабкался на гору. На другой день спутники мои, пересказывая о моемъ паденіи, говорили: чудо спасло его.

Въ то время, когда я писалъ эти строки о графѣ Платовѣ, то-есть 12-го сентября 1834 года, жилъ я въ деревнѣ, у брата моего Ивана. Былъ день ясный, и мгновенно забушевала буря порывистая. Мятель снѣжная, мчась по нивамъ и лугамъ, расшатывала вершины лѣсовъ, рощей и дубравъ. Перешагнувъ за полвѣка, я не видалъ еще никогда такого ранняго волненія природы. Надѣвъ плащъ, поспѣшилъ изъ дому полюбоваться бурей. Крутясь и бушуя, мятель обхватывала и рощи, и дубравы и оглашала ихъ гуломъ грознымъ и унылымъ. Волненіе природы перенесло мечтательность мою въ бурный перелетъ 1812 года. Вспомнилъ я, что подъ шумомъ оружія смолкли въ Петербургѣ и Вѣстникъ Европы, и мой Русскій Вѣстникъ. Вспомнилъ, что тогда же, какъ будто въ предвѣстіе торжества нашего отечества, въ Петербургѣ появился Сынъ Отечества. Два журнала возникли у насъ въ необычайныя времена Наполеоновой судьбы: Вѣстникъ Европы встрѣтилъ консула Бонапарта, Сынъ Отечества встрѣтилъ вторженіе въ Россію императора Наполеона.

Исчезли въ нашъ вѣкъ цѣлыя поколѣнія на поляхъ грозныхъ битвъ, исчезли и поколѣнія журналовъ на поприщѣ нашей словесности. Но къ этимъ срочнымъ, печатнымъ поколѣніямъ я не примѣню стихи князя Горчакова, извѣстнаго остряка своего времени:

Журналовъ тысяча, а книги ни одной.

Но развѣ журналъ не книга? А сколько есть книгъ, о которыхъ можно сказать съ Княжнинымъ:

Чтецы не оскорбятъ ихъ дерзкою рукой.

Книга тогда книга, когда, ставъ на ряду съ отверстою книгой природы, указываетъ человѣчеству животворные его пути. Журналы дышатъ или должны дышать жизнію современною и олицетворять ее для будущаго. Скажутъ, что въ нихъ нѣтъ книжной отдѣлки. Ни слова здѣсь объ этихъ отдѣлкахъ: перо журналиста уловляетъ событія міра нравственнаго въ современномъ его проявленіи; перо историка соображаетъ времена и событія.

1815 года, кромѣ каретнаго паденія, были еще со мной другіе

два роковые случая. Въ іюлѣ мѣсяцѣ я тонулъ у Драгомиловскаго моста, а въ декабрѣ вотъ что угрожало мнѣ. Возвращаясь изъ почтамта, шелъ я отъ Ильинскихъ воротъ влѣво, мимо складочнаго двора, куда сверху бросаютъ тюки; былъ уже полдень, и прохожихъ было много. Кажется, надлежало бы бросаніе тюковъ пріурочить къ раннему утру. Махальные, случалось, тогда остерегутъ проходящаго, когда тюкъ уже упадетъ ему на голову. По обыкновенію моему я шелъ въ задумчивости, и вдругъ огромный тюкъ бухнулъ на улицу, пролетѣлъ почти на волосъ отъ лѣваго моего виска. Прохожіе остановились, ахнули и вскричали: «Ну, видно, Богъ васъ бережетъ!»

1816 года приступилъ я къ печатанію моей Русской Исторіи. Тогда еще объявленія о книгахъ помѣщались въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за подписью начальства полицейскаго. Иду въ полицію, представляю мою рукопись и слышу:

— Нельзя пропустить.

— Почему? спрашиваю.

— Карамзину поручено писать исторію.

— Да развѣ есть особенное предписаніе, чтобы кромѣ нашего исторіографа никто не занимался отечественною исторіей?

— Нѣтъ; однакожь вашей исторіи не пропустимъ.

Не пускаясь въ разсужденія, я взялъ перо и написалъ: «Въ пользу воспитанія».

— Вотъ это другое дѣло, отвѣчали мнѣ,—ваша исторія для дѣтей.

Такимъ образомъ моя Русская Исторія поступила въ печать и вышла въ свѣтъ подъ щитомъ пользы воспитанія, и въ такомъ же видѣ обозрѣваема она была въ Сынѣ Отечества съ замѣчаніемъ, что въ ней недостаетъ критики. Въ чемъ же состоялъ этотъ недостатокъ, не упомянуто. Предполагаю, что это было указкою на то, что я сроднилъ славянъ съ руссами, отдѣляя наименованіе варяговъ.

Не знаю, почему мнѣ не хотѣлось пріурочить начало земли Русской къ племени варяговъ, ходившихъ по морямъ и извѣстныхъ захватами и грабежами. А потому и любопытствовалъ я узнать, какого придерживается мнѣнія нашъ исторіографъ Карамзинъ. Николай Михайловичъ охотно читалъ рукопись свою пріятелямъ и знакомымъ, но, подготовляя статьи для своей Русской Исторіи, мнѣ какъ будто совѣстно было самому выкрасть его мнѣніе. Вслѣдствіе этого упросилъ я Константина Ѳедоровича Калайдовича допытаться, откуда Карамзинъ производитъ начало Русской земли? Дня черезъ два узнаю, что Карамзинъ придерживается мнѣнія Шлецера. Итакъ, я написалъ къ Исторіи моей предисловіе, въ которомъ

перомъ школьника породнилъ славянъ съ руссами; хотя, впрочемъ, и теперь думаю, что мы по человѣчеству всѣ дѣти одного отца. Въ подкрѣпленіе тогдашнихъ моихъ доводовъ вызывалъ я изъ области могильной множество старыхъ писателей. Слышалъ я, что одинъ почтенный профессоръ, занимавшійся изслѣдованіями о Россіи, крайне досадовалъ, для чего не указалъ я на сочиненія поименованныхъ мною писателей. Въ молодости моей я читалъ, что одинъ пылкій италіянецъ девять разъ выходилъ на поединокъ за честь Аріоста и, получа въ девятый разъ смертельную рану, признался, что никогда не читалъ Аріостовыхъ писемъ. Не опоясываясь рыцарскимъ мечемъ за приведенныхъ мною авторовъ, откровенно признаюсь, что я въ глаза не видалъ ихъ книгъ. Стало быть, я выдумалъ ихъ имена? Нѣтъ, существуютъ и они, и книги ихъ, но я вычиталъ только то, гдѣ была на нихъ ссылка... Въ моей *Исторической панорамѣ вселенной* замѣнилъ я руссовъ-славянъ или славянорусcовъ варяго-руссами. Упомянулъ я, что они отважно проникали на берега Франціи и берега Италіи, Испаніи и Англіи, и даже доходили до береговъ Сѣверной Америки. Я согласенъ, что Карлъ, названный Великимъ, потѣсня въ VIII столѣтіи народы съ береговъ Эльбы къ сѣверу войной, вдохнулъ еще болѣе разгульной отваги въ норманновъ, или людей сѣверныхъ, или варяго-руссовъ. Читалъ я также, что и завоеватель Карлъ мрачно смотрѣлъ на волны морскія и предсказывалъ, что по смерти его люди сѣверные придутъ на берега Франціи. И сбылось его предчувствіе, когда подъ тяжелымъ бременемъ выведеннаго имъ изъ могилы древняго владычества римскаго поникли челомъ слабоумные его наслѣдники. Разбойничали люди сѣверные на берегахъ Франціи и дошли до Парижа. Изумляли они Европу отвагою своей и внесли въ страны славянскія колыбель земли Русской. Но что жь изъ этого вышло? Какъ и въ чемъ люди сѣверные или варяги въ этой колыбели преобразили сѣверныхъ славянъ? На какихъ спасительныхъ и твердыхъ законахъ основали они и упрочили зданіе земли Русской, и если славяне новгородскіе призывали князей варяжскихъ, то отчего по смерти Рюрика Олегъ какъ будто бѣжалъ изъ областей сѣверныхъ славянъ, основалъ Кіевъ и назвалъ этотъ городъ матерью русскихъ городовъ, отмежевывая югъ славянскій отъ славянскаго сѣвера, призвавшаго варяговъ? По сказанію Нестора, славяне новгородскіе, къ прекращенію распрей междуусобныхъ, пригласили князей варяжскихъ владѣть и управлять ими по законамъ. Если такъ, то Олегъ, обмѣнявъ Новгородъ на Кіевъ, нарушилъ договоръ. Думаютъ также, что договора не было, а грубая сила поработила славянъ новгородскихъ. Предположимъ, что варяги силою вторглись въ страну сѣверныхъ славянъ,

но и тутъ нѣтъ очевидной причины измѣнить Новгороду. Видимъ мы только, что пагубное феодальное самоуправство при варягахъ затѣснилось и въ древнюю Русь. Говорятъ, что изслѣдованіе преданій скандинавскихъ разольетъ новый свѣтъ на туманную даль нашей исторіи. Но какой? Изъ потемокъ быта варяжскаго у насъ ни одного не осталось животворнаго узаконенія. Полагаютъ также, что саги скандинавскія—сколокъ съ преданій древней Индіи. Если плаваютъ въ Индію за пряными кореньями, то можно сразиться съ волнами, чтобы въ загадочныхъ оболочкахъ отыскать тамъ новыя стихіи для освѣженія общественнаго. Но Олай Рудбекъ, профессоръ упсальскій, освобождаетъ отъ этого плаванія. По мнѣнію его, весь міръ и миѳъ преданій заключался въ Скандинавіи или Швеціи, куда переноситъ онъ и Платонову Атлантиду, и сады Геспeридскіе, и даже поля Елисейскія.

Вольтеръ говоритъ: «Наука исторіи не туманная наука происшествій и чиселъ, ограничивающаяся разсказомъ о томъ, когда умеръ такой-то человѣкъ или безполезный, или пагубный міру». «Одна королева, прибавляетъ Вольтеръ въ другомъ мѣстѣ, сказала, говоря объ исторіи: повѣствуя намъ о порокахъ нашихъ предшественниковъ, она высказываетъ намъ наши обязанности; царедворцы заслоняютъ намъ истину, историки обнаруживаютъ ее».

А какъ историки обнаруживаютъ истину? Тотъ же Вольтеръ и объ этомъ говоритъ. Отправляя къ одному изъ друзей своихъ историческую рукопись свою, Вольтеръ писалъ: «Мы условились, вопреки закону исторіи, уничтожать истины историческія. Пробѣгите рукопись мою, и если найдете какую-нибудь истину, подлежащую истребленію, то извѣстите меня дружески».

Шатобріанъ сдѣлалъ историкамъ грозный приговоръ: «Вѣрь кто хочетъ исторіи! Исторія наглый обманъ».

Но если искажаютъ истину событій историческихъ, то нельзя того же сдѣлать съ узаконеніями или съ ходомъ общественнымъ. Какую же, повторяю и здѣсь, какую жизнь узаконеній принесли намъ варяги?

Когда Екатерина II предприняла сочиненіе З а п и с о к ъ касательно россійской исторіи, тогда графъ Мусинъ-Пушкинъ былъ оберъ-прокуроромъ въ синодѣ. По препорученію Екатерины онъ вытребовалъ изъ монастырей и изъ архивовъ все относившееся къ древностямъ русскимъ. Изъ множества полученныхъ имъ рукописей онъ издалъ въ свѣтъ только П ѣ с н ь о п о л к у И г о р е в ѣ и Д у х о в н о е з а в ѣ щ а н і е В л а д и м і р а М о н о м а х а. Всѣ другіе памятники сгорѣли въ пожарѣ 1812 года. Но и двѣ упомянутыя рукописи отпечатаны въ началѣ XIX столѣтія; а въ XVIII вѣкѣ сло-

весность иностранная заглушила у насъ исторію отечественную. И Карамзинъ зналъ тогда лучше чужое, нежели свое. Вотъ доказательство.

19-го іюня 1789 года, обозрѣвая въ Кенигсбергѣ старинный замокъ или дворецъ, построенный на возвышеніи, гдѣ находится такъ-называемая Московская зала, Карамзинъ говоритъ: «Отчего эта зала называется Московская, я не могъ узнать. Одинъ сказалъ, будто оттого, что тутъ сидѣли русскіе плѣнники, но это не очень вѣроятно».

Карамзинъ или не припомнилъ, или еще тогда не вычиталъ, что въ началѣ XVII столѣтія, въ смутныя времена нашего отечества, въ Пруссахъ, на горѣ Королевской, въ этой Московской залѣ содержался нѣсколько лѣтъ съ семействомъ своимъ воевода и бояринъ Шеинъ, узникъ плѣна смоленскаго, взятаго Сигизмундомъ. Эта замѣтка не въ укоръ Карамзину. Тогда любителямъ словесности иностранной не приходила охота заглядывать въ лѣтопись о мятежахъ и въ другія наши лѣтописи. Карамзинъ въ исходѣ 1801 года въ стихахъ Александру I, сказалъ:

Я въ храмъ исторіи иду.

Переселясь въ область русской старины, какъ я выше упомянулъ, вовсе для меня неизвѣстной до 1807 года, я вчитывался въ лѣтописи. Я не училъ, а учился. Однажды отъ одного бойкаго дѣльца услышалъ я: «Мы судимъ не дѣло, а то, что написано на бумагѣ». И такъ, не бывъ судьей лѣтописцевъ, я прослѣдилъ въ нихъ за постепеннымъ ходомъ событій, вѣря, впрочемъ, Стерну, что «чѣмъ далѣе идемъ на поприщѣ исторіи, тѣмъ болѣе надобно оглядываться назадъ». Но мнѣ было не до оглядокъ.

Знакомство мое съ русской стариной принадлежитъ къ счастливѣйшимъ днямъ моей жизни. Въ лѣтнее время читалъ я лѣтописи за городомъ, подъ тѣнью рощей, подъ открытымъ небомъ; прислушиваясь къ ходу столѣтій, я дышалъ свободно отъ всякихъ заботъ житейскихъ. Дома существовали у меня два міра, отмежеванные отъ различныхъ круженій большаго свѣта: міръ русской старины и семейный бытъ дѣтей моихъ. А между тѣмъ они подростали, и надъ безпечною моею головой болѣе и болѣе скоплялись заботы жизни.

До свиданія еще съ Матвѣемъ Ивановичемъ Платовымъ свидѣлся я съ графомъ М. А. Милорадовичемъ. Сношенія мои съ нимъ отъ исхода 1814 до исхода 1817 года предложу нераздѣльно. Въ проѣздъ свой въ Петербургъ графъ Милорадовичъ завернулъ ко мнѣ. Пріятель мой, Данила Никитичъ Кашинъ, проигралъ и пропѣлъ въ честь графа авангардную пѣсню изъ писемъ русскаго офи-

цера. Графъ былъ весьма доволенъ. Онъ слылъ тогда въ кругу военномъ русскимъ рыцаремъ, Баярдомъ. Въ привѣтливомъ разговорѣ повторилъ онъ то же, о чемъ писалъ ко мнѣ изъ Берлина. Вотъ его слова: «Нѣжное вниманіе женщинъ одушевляло русскихъ воиновъ въ войну отечественную и заграничную. Мысль, что россіянки переносятся къ нимъ думою, эта восхитительная мысль подкрѣпляла насъ и въ дальнихъ походахъ, и въ грозныхъ сраженіяхъ. Наши раненые, получая изъ отечества перевязки отъ прекраснаго пола, забывали труды и раны. Не дивлюсь древнимъ галламъ, которые приписывали женщинамъ нѣчто божественное. Взоры женщинъ упоительнѣе вина. Это нектаръ Олимпійскій».

Въ тотъ же вечеръ графъ Михаилъ Андреевичъ сказалъ мнѣ, что онъ ѣдетъ къ графу Растопчину для уроковъ, какъ жить въ Петербургѣ. Но графу Растопчину было тогда не до уроковъ. Онъ, какъ сказано выше, отъ передрягъ московскихъ уѣхалъ въ Парижъ.

Мы не долго были, говоря просто, съ графомъ въ ладахъ. И вотъ по какому странному случаю. Однажды навѣстилъ меня сочинитель З а п и с о к ъ о С.-П е т е р б у р г с к о м ъ о п о л ч е н і и, бывшій правителемъ канцеляріи у графа Тормасова, поступившаго въ московскіе главнокомандующіе послѣ графа Растопчина. Завязался разговоръ о Красненскомъ дѣлѣ, о которомъ и теперь еще не рѣшено. Графъ Милорадовичъ увѣрялъ, будто бы князь Д. В. Голицынъ просилъ у него: «Le bout d'oreille de Ney», клочекъ уха маршала Нея. Однажды я сказалъ это князю, и онъ улыбнулся. Сочинитель упомянутыхъ записокъ побѣду Красненскаго дѣла приписывалъ графу Тормасову, а я, опираясь на свидѣтельство писемъ русскаго офицера, упорно удерживалъ ее за графомъ Милорадовичемъ. Въ жаркомъ спорѣ мы сидѣли на софѣ подъ портретами Суворова и Милорадовича, и я продолжалъ: «Графу Милорадовичу не нужно жить займомъ, онъ своимъ богатъ. Алкивіадовски началъ онъ свою молодость. Возвратясь при Екатеринѣ изъ-за границы, онъ заказалъ себѣ триста шестьдесятъ пять фраковъ; всѣ тогдашніе щеголи напали на него, и онъ уѣхалъ въ малороссійскую свою деревню. Щеголемъ явился онъ и при первомъ шагѣ на поприщѣ военномъ. Въ Италіи при Борго-Франко убиты были подъ нимъ три лошади; сабля французскаго офицера была надъ его головой; отъ напора превосходныхъ силъ ряды русскіе пошатнулись. Милорадовичъ схватилъ знамя, бросился впередъ и закричалъ: «Солдаты! Посмотрите, какъ умираетъ вашъ генералъ!» А въ приказахъ Суворова сказано: «Юный Милорадовичъ схватилъ знамя, бросился впередъ, за нимъ богатыри». Тѣмъ же героемъ былъ онъ, когда съ горстію храбрыхъ отнялъ изъ рукъ Байрактара Букарештъ. Я видѣлъ

его въ Москвѣ почти за мѣсяцъ до Бородинскаго дѣла; онъ плакалъ, читая о смерти Кульнева, и называлъ смерть его смертію завидной. Нѣтъ! ему не нужны чужія побѣды. Впрочемъ, Милорадовичъ самъ выскажетъ вамъ о Милорадовичѣ».

— Какъ это?

— Увидите.

Въ тотъ же день я послалъ къ сочинителю Записокъ о С.-Петербургскомъ ополченіи портретъ графа Милорадовича при слѣдующихъ стихахъ:

Взирая на портретъ героя,
Воспоминай его дѣла!
Герой онъ Красненскаго боя,
Ему и слава, и хвала!

Вотъ по какому случаю портретъ Милорадовича отдѣлился у меня отъ портрета Суворова. Но изъ мыслей человѣческихъ предположеніе выгоняетъ всякую истину. Монтескье вкусъ въ словесности назвалъ «микроскопомъ ума». Думаю, что это имя еще приличнѣе щекотливому самолюбію: оно все увеличиваетъ, если что встрѣтитъ не по себѣ. Когда графъ Милорадовичъ прибылъ въ 1817 году въ Москву съ гвардіей, я былъ у него. На другой день онъ прислалъ ко мнѣ своего адъютанта. Вижу, что мой гость пристально поглядываетъ на стѣну, какъ будто чего-то отыскивая на ней. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ ко мнѣ графъ Милорадовичъ подъ видомъ будто видѣть моихъ дѣтей. Графъ Милорадовичъ прошелъ всѣ мои комнаты и быстрыми взорами отыскивалъ своего портрета. Садимся, онъ поглядываетъ на стѣну и видитъ одинъ только портретъ Суворова. Я не хотѣлъ объясняться о передачѣ его портрета.

Съ этого времени графъ обходился со мною на однихъ приличіяхъ. Нѣсколько разъ увѣрялъ онъ меня, что почести тяготятъ его, что душа вызываетъ его въ уединеніе, въ деревню. Нѣсколько разъ заставалъ я у него архитектора съ кучею проектовъ и плановъ, и съ которымъ онъ горячо спорилъ то о перестройкѣ, то о постройкѣ новаго сельскаго дома. Слушая графа, казалось, что онъ хочетъ воскресить какое-то дивное зодчество изъ волшебныхъ сказокъ. Но я не вѣрилъ словамъ Милорадовича: онъ не родился ни Цинциннатомъ, ни Вилларомъ, который показался выходцемъ съ того свѣта, когда вызвали его изъ сельскаго уединенія ко двору Людовика XV. Графъ Милорадовичъ родился жить свѣтомъ и на виду свѣта.

Между тѣмъ я неутомимо продолжалъ историческій мой трудъ. Когда въ рукописи прочиталъ я нѣкоторымъ пріятелямъ статьи мои о русской исторіи, они говорили: «Ты шутя пишешь исторію!» Отъ живаго

напоминанія битвъ 1812 года и битвъ заграничныхъ переливался какой-то невольный огонь въ описываемыя мною сраженія. «Въ описаніяхъ вашихъ сраженій», сказалъ графъ Милорадовичъ, «жизнь, огонь и движеніе». Я не принялъ этого за похвалу. Плавность слога Карамзина изливалась изъ безмятежной его души, а душа моя и тогда, и теперь все еще, такъ сказать, въ борьбѣ съ жизнію. Яркой картинѣ битвъ, окровавлявшихъ Русь и Россію, предпочитаю страницы, свѣтящіяся мирными добродѣтелями. «Я блаженствую, писалъ я къ брату Ѳедору Николаевичу: въ глазахъ моихъ проходятъ столѣтія. Но не перелетъ превратностей веселитъ меня. Я блаженствую, когда удастся прояснить мракъ, нагнанный на невинность завистію, клеветою и пронырливою злобой».

Въ обозрѣніи русскихъ лѣтописей всего болѣе поразилъ меня законъ возмездія, то-есть караніе зломъ за зло. Мнѣ казалось, что ни одинъ изъ сплачей русскаго міра историческаго не сошелъ покойно въ могилу. Впрочемъ, повторяю и здѣсь, что я писалъ русскую исторію въ одномъ вещественномъ объемѣ. Но что я при новомъ изданіи не воспользовался замѣчаніями, тому причина многоразличныя семейныя заботы. Да и давно ли начали у насъ проводить новый взглядъ на исторію? Только съ 1827 года сталъ проявляться этотъ новый взглядъ. Правда, что Вико еще въ первой четверти восемнадцатаго вѣка предполагалъ, что «міръ историческій, подобно міру вещественному, подчиненъ стройному кругообращенію, и что подъ надзоромъ Провидѣнія сонмы народовъ протекаютъ поприще жизни и смерти». Но это до девятнадцатаго вѣка вмѣстѣ съ прахомъ Вико таилось въ могилѣ. Съ Гердеромъ познакомился я поздно. Но еслибъ его мысли о человѣчествѣ и ранѣе случилось мнѣ прочесть, я бы все-таки не вышелъ изъ моей вещественности исторической. Мысль моя сосредоточивалась тогда въ одномъ объемѣ Русскаго Вѣстника.

А между тѣмъ бѣдный мой Русскій Вѣстникъ упадалъ. Я началъ прибавлять къ нему Дѣтское Чтеніе; но и это предпріятіе мало имѣло хода. Если время приготовляетъ зданіе къ неизбѣжному паденію, тогда тщетны всѣ подмостки. Такъ случилось и съ Русскимъ Вѣстникомъ. Вызовы Минина, Пожарскаго и другихъ старожиловъ лѣтописей нашихъ утомляли слухъ. Духъ времени требовалъ освѣженія словесности. Упадалъ Русскій Вѣстникъ, упадали и благотворительныя вспоможенія для бѣдныхъ московскихъ гражданъ. Отъ 1808 до исхода 1816 года, посредствомъ добрыхъ нашихъ соотечественниковъ мнѣ удалось раздать нуждающимся болѣе сорока тысячъ рублей. А исполняя ихъ препорученіе, я вполнѣ чувствовалъ душевное наслажденіе. Шиллеръ го-

воритъ, что тотъ не видалъ совершенства красоты, кто не видалъ ея въ слезахъ. Но это поэтично, а не справедливо. Мнѣ кажется, тотъ не знаетъ сладости слезъ, кто не дѣлилъ ихъ съ злополучными страдальцами нужды.

По странной противоположности, въ то самое время, когда прекратилась присылка пособій благотворительныхъ, мои старинные уличные знакомцы, московскіе нищіе, какъ будто обновились. Лица ихъ стали не такъ сумрачны, одежда чище. Москва отстраивалась и оживала.

Зимою 1816 года въ первый разъ свидѣлся я съ Иваномъ Никитичемъ Скобелевымъ. Офицеры Рязанскаго его полка, при вступленіи въ отечество, прочитавъ въ Русскомъ Вѣстникѣ о печальной участи престарѣлаго капитана Богданова, бывшаго въ 1812 году въ плѣну московскомъ, прислали ему тысячу рублей. То было послѣднее пожертвованіе черезъ Русскій Вѣстникъ.

Не войду ни въ какія подробности о генералѣ Скобелевѣ. Вѣроятно, онъ оставитъ свои записки. Скажу только, что вечеръ перваго нашего знакомства быстро прошелъ въ пріятной бесѣдѣ, въ которой не замѣчаешь времени. Въ старину говорили: мы наговорились всласть, а я скажу: я наслушался всласть. Скобелевъ владѣлъ оригинальною русскою рѣчью, его можно было послушать.

Кажется, что въ нашъ вѣкъ время какъ будто убыстрило свой полетъ. А вслѣдъ за нимъ летитъ и мысль человѣческая, и быстро развивается, и быстро зрѣетъ.

Вотъ примѣръ изъ многихъ другихъ примѣровъ.

Въ іюлѣ 1807 года въ *Русскій Вѣстникъ* доставлена была изъ Курска статья: О трехдневномъ въ томъ городѣ пребываніи Александра I, съ приложеніемъ письма, въ которомъ сочинитель статьи, Николай Алексѣевичъ Полевой, отдавая первые труды пера своего на мой произволъ, просилъ о напечатаніи его извѣщенія. Исполняя его просьбу и оставя въ упомянутой статьѣ одни числа и мѣста, когда и гдѣ былъ императоръ Александръ, я все прочее отъ первой до послѣдней строки измѣнилъ. Не воображалъ и не думалъ я тогда, что изъ буквъ вещественныхъ выйдетъ живое слово и яркая мысль. Вѣроятно Н. А. Полевой тогда же по своей природной остротѣ усмотрѣлъ, что объ одномъ и томъ же предметѣ можно предлагать совершенно различнымъ образомъ. Пользуясь сущностью доставляемыхъ статей, я всегда оставлялъ имя сочинителей, а потому и подъ статьей молодаго курскаго писателя оставилъ: Николай Полевой. Вскорѣ потомъ получилъ я отъ него стихи на проѣздъ черезъ Курскъ князя Барклая де-Толли. Хотя я и самъ хромалъ въ поэзіи, но и со стихами поступилъ наряду съ прозой.

Слѣдственно первый трудъ пера историка русскаго народа и издателя Телеграфа былъ напечатанъ въ Русскомъ Вѣстникѣ въ іюлѣ 1817 года.

ГЛАВА XXII.

Моя страсть къ воспитанію. – Пріѣздъ А. В. Иловайскаго въ Москву въ 1817 г.—Предсказаніе жены.—Донское училище.—Уроки съемки.—Занятія словесностію.—Колпаковъ.—Розо.—Театральныя представленія.—Танцовальный учитель Аблицъ.—Пріѣздъ Г. А. Глинки.—Смерть его. Стихи В. А. Жуковскаго на смерть моего сына.—Родство Г. А. Глинки.—Открытіе памятника Минину и Пожарскому. Левицкій. — Отъѣздъ донскихъ юношей.—Систематическое разореніе.—Моя система воспитанія.—Долги.—Исходъ 1819 г.—Вѣдственное положеніе до 1823 г.—Альбертъ Фишеръ.—Дѣлежъ наслѣдства.—Кесарій.—И. И. Дмитріевъ.—Мои отношенія къ нему.—Нападки на меня „Телеграфа“.—Мысли на Дѣвичьемъ полѣ.

Говорилъ я, что страсть къ воспитанію запала въ мысли моей еще въ стѣнахъ кадетскаго корпуса. Упомянулъ я также, что, подаривъ родовое мое наслѣдство сестрѣ, я уѣхалъ учителемъ въ Украйну и прожилъ тамъ три года, уча и учась. Видѣли читатели, что и при изданіи Русскаго Вѣстника проявлялась страсть моя къ воспитанію. Были люди, которымъ я казался какимъ-то страшилищемъ, вышедшимъ изъ потемокъ брадатой русской старины. Но были люди, которые любили меня и, зная любовь мою къ воспитанію юности, совѣтовали мнѣ брать съ Дона молодыхъ людей для образованія. Донцы все болѣе и болѣе сближались въ образѣ жизни съ прочими войсками. Двухлѣтній походъ заграничный заохотилъ ихъ познакомиться съ иностранными языками. Съ мыслію о воспитаніи донскихъ юношей пріѣхалъ въ исходѣ 1817 года въ Москву А. В. Иловайскій съ однимъ изъ сыновей своихъ и съ другимъ донскимъ юношей. Выслушавъ неожиданное его предложеніе, я сказалъ:

— Напрасно перемѣняете вы воспитаніе предковъ своихъ.

Онъ отвѣчалъ:

— Вступая на общую чреду дворянства, и намъ должно на дворянской ногѣ воспитывать дѣтей нашихъ.

Долго спорилъ я, но гордая мысль, что положу начало воспитанію донскаго юношества, и страсть къ воспитанію побѣдили, и я взялъ на себя бремя наставника.

У женщинъ есть зоркая догадливость, и жена моя, зная опрометчивость мою въ порывахъ душевныхъ, сказала:

— Мы опять разоримся, будетъ хуже двѣнадцатаго года: ты все мечтаешь!

Но уже было поздно. Никакія препятствія не останавливали моего желанія воспитывать донцовъ.

Первыхъ учениковъ отдалъ мнѣ А. В. Иловайскій, и съ тѣхъ поръ число ихъ постепенно умножалось: первоначальное руководство поручилъ я женѣ моей.

«Мы потеряли великое искусство, говоритъ Боссюэтъ, искусство, посредствомъ котораго древніе египтяне укрѣпляли тѣло, образовывали умъ и возвышали душу». Усиливаясь отыскивать это животворное искусство и зная, что молодымъ донцамъ предстоитъ борьба и съ климатомъ, и съ новою жизнію, я отпустилъ ихъ въ началѣ осени гулять безъ шинелей. Какъ же я удивился, когда нѣкоторые изъ нихъ возвратились съ прогулки съ простудой! А это отъ того, что и на Дону нѣга стала закрадываться въ воспитаніе.

Немедленно взялъ я годоваго врача; зная также, что и въ нравственности и въ медицинѣ предусмотрительная осторожность предупреждаетъ опасность, я при началѣ болѣзни моихъ юношей приглашалъ г. Фелера и другихъ опытныхъ и извѣстныхъ врачей. Такимъ образомъ одинъ изъ нихъ спасенъ былъ отъ водяной болѣзни и впослѣдствіи сталъ молодцомъ. У насъ почти всегда дѣлаютъ консиліумы тогда, когда, говоря просто, больной умираетъ, а за духовныя завѣщанія цѣпляются, когда смерть вырываетъ изъ рукъ перо.

Озабочивало меня также и то, что называютъ тоской по родинѣ. Къ предупрежденію унынія по родинѣ, я, такъ сказать, переселилъ тихій Донъ въ Москву. Каждому изъ воспитанниковъ препоручилъ я извѣщать меня объ именинахъ и дняхъ рожденія ихъ родителей и родныхъ. Въ эти дни служили они молебны у Иверской, посѣщали такъ называемую *яму* для благотворительной раздачи и, возвращаясь домой съ сердцемъ, освѣженнымъ молитвою и добрымъ дѣломъ, встрѣчали за обѣдомъ любимыя блюда отчизны своей. Зная также, что наша *лѣтняя роскошь*, то-есть арбузы, дыни, виноградъ и проч., простые дары Дона, я цѣлое лѣто лакомилъ ихъ этою роскошью съ накладомъ для кармана. Хозяева того дома, гдѣ помѣщалось у меня донское училище, видя, что я каждое утро пріѣзжаю съ кульками, говорили, что я или разорюсь или обогащусь отъ кульковъ: разорюсь отъ привоза и обогащусь отъ продажи запасныхъ кульковъ. Первое сбылось.

Донскіе юноши пріѣхали ко мнѣ различныхъ лѣтъ. Но давно уже сказано и доказано, что если понятіе не заглушено пустозвоннымъ ученіемъ, то и въ тринадцать и въ пятнадцать лѣтъ умъ быстро развернется. Мои юноши, какъ донцы вообще, были одарены схватливостью и переимчивостью и, неизмученные сидячимъ ученіемъ, охотно принялись за новое ученіе. Природныя понятія можно

или распространить и одушевить, или стѣснить и погасить; вотъ отчего для первоначальнаго ученія должно выбирать опытныхъ, умныхъ и осторожныхъ наставниковъ. Ужасно, когда бѣдныя юныя головки попадутся подъ руки шута-Цифиркина.

Различные предметы представляются намъ и въ обширномъ объемѣ природы, и въ стѣнахъ нашихъ жилищъ. Если вѣрить Жанъ-Жаку Руссо, то юношу надобно отправлять на какой-нибудь необитаемый островъ съ какимъ-нибудь неземнымъ наставникомъ, чтобы предохранить слухъ отъ вредныхъ рѣчей, а глаза отъ вредныхъ предметовъ. Но что это за вредные предметы, и не существуютъ ли они болѣе въ нашемъ воображеніи? Человѣкъ родится въ обществѣ и долженъ жить для общества, если только онъ не автоматъ; слѣдственно все зависитъ отъ выбора и предложенія предметовъ. Разнообразьте предметы учебные. Если какой-нибудь изъ нихъ пробудитъ одну умственную способность, то и другіе будутъ раскрываться постепенно. «Нерѣдко языкъ науки труднѣе самой науки», говоритъ Бюффонъ.

Мы узнаемъ людей, знакомясь съ ними. Полагая, что до рѣшительнаго приступа къ какой бы то ни было наукѣ нужно предварительно ознакомить съ нею учениковъ, я пригласилъ въ наставники математики г. Телепнева, ученика Фусса. Удивился онъ, когда я предложилъ начать ученіе съемкою.

— Для этого нужно знать, сказалъ онъ, — тригонометрію, а ваши донцы и циркуля еще не брали въ руки.

— Это не ваше дѣло, отвѣчалъ я, — мы условились по десяти рублей за урокъ, для васъ все равно получать ихъ подъ открытымъ небомъ или у классной доски. Знаю и я, что Евклидъ на вопросъ о геометріи отвѣчалъ Птоломею Филадельфу, что и для царей нѣтъ особенной геометріи. Мы не станемъ переиначивать геометрію, но исподволь ознакомимъ съ нею нашихъ юношей.

Итакъ, приготовя все нужное для съемки, мы пошли на Дѣвичье поле къ монастырю.

— Въ геометріи, сказалъ я ученикамъ моимъ, — можетъ быть испугали бы васъ точки, линіи, треугольники и проч. Но когда поймете всѣ виды этой науки, тогда вы, такъ сказать, войдете въ умственный союзъ со всею вещественною природой. Видите ли Воробьевы горы и колокольню монастырскую? Научась математикѣ, вы измѣрите вышину ихъ. Видите вправо прудъ? вы измѣрите ширину его. Видите ли поле? вы измѣрите длину его.

Послѣ десяти съемокъ мои юноши стали сами напрашиваться на уроки геометрическіе. И при томъ случаѣ, купя для каждаго по ящику инструментовъ, я просилъ г. Телепнева сперва научить упо-

требленію инструментовъ и черченію всѣхъ видовъ геометріи, а потомъ приступить къ надлежащимъ урокамъ.

«Переходите, говоритъ Локкъ, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному». И я скажу: переходите отъ видовъ геометрическихъ къ соображенію ихъ, ибо въ геометріи начертаніе видовъ то же, что въ азбукѣ начертаніе буквъ. А знаніе цѣли, видовъ и языка науки надежнымъ путемъ ведетъ къ соображенію и примѣненію науки къ пользамъ общежитія.

На поприщѣ словесности, до приступленія къ грамматикѣ я ознакомилъ учениковъ со всѣми произведеніями нашихъ писателей. Ученіе слова роднаго—важнѣйшій подвигъ. Въ этомъ словѣ и жизнь, и смерть, ибо мы говоримъ: «Слово не стрѣла, а пуще убиваетъ». Убиваетъ безъ пушекъ и картечи. А какъ мы учимся слову родному? Мы, такъ сказать, налетомъ нахватываемъ звуки словъ, не вдыхая въ себя нравственной животворной ихъ силы, особенно съ того времени, когда самобытность слова отечественнаго стѣснилась изученіемъ иностранныхъ языковъ. Я теперь не издатель Русскаго Вѣстника, я сочинитель Записокъ моей отживающей жизни. Я теперь смотрю на небо и прислушиваюсь къ слову любви небесной. Но скажу и здѣсь, что безъ жизни слова роднаго стѣснена жизнь человѣка въ отечествѣ.

Донскихъ моихъ юношей надлежало и учить русскому слову, и переучивать выговору словъ. А потому для успѣха въ этомъ пригласилъ я покойнаго актера Колпакова. Въ то же время пригласилъ и французскаго актера Розо. Устроивъ домашній театръ, для дѣятельнаго и дружескаго ученія языковъ сочиняемыя мною русскія драмы и комедіи переводилъ я на французскій и нѣмецкій языки, приготовляя такимъ образомъ учениковъ моихъ и къ чистому произношенію, и къ переводамъ. Въ драматическихъ сочиненіяхъ вездѣ старался я сочетать человѣколюбіе съ доблестію военною.

Напримѣръ, дѣйствіе происходитъ въ Индіи. Война. Юный Идалемъ спасъ отечество и скрылся отъ привѣтственныхъ торжествъ. Подъ тѣнію пальмъ, въ дружескомъ кругу, воины поютъ пѣснь миру.

Коромедъ (Карповъ).

И ты, любезный Идалемъ, раздѣляешь нашъ восторгъ.

Идалемъ (Иловайскій).

Да, мой другъ! я радуюсь: бури военныя не свирѣпствуютъ болѣе.

Коромедъ

Ты увѣнчался лаврами славы: отчего же радуешься миру?

Идалемъ.

Миръ возвратилъ спокойствіе нашему отечеству.

Коромедъ.

Ты спасъ отечество, не принимая никакого начальства; ты скрылся отъ ожидающихъ тебя торжествъ; ты отказался отъ почестей, достойныхъ славы твоей.

Idalème.

La gloire d'un héros c'est l'humanité. Malheur au guerrier farouche! Les coeurs le repousseront, et son nom s'ensévelira à jamais dans la nuit du tombeau!

Les seules conquêtes durables
Sont celles qu'on fait sur les coeurs...

Такъ говорили мои донскіе юноши и по-русски, и по-французски. И какіе были молодцы! Два именитые путешественника, графъ Авидуа и маркизъ Доріо, въ бытность свою въ Москвѣ, посѣтили мое донское заведеніе и, видя юношей, цвѣтущихъ нравственною и умственною жизнію, просили меня сообщить имъ записку, какъ я приступилъ къ образованію маленькихъ дикарей.

«У насъ въ Италіи,—говорили они,—имѣютъ совсѣмъ превратное мнѣніе о жителяхъ края Донскаго».

Честолюбіе мое торжествовало. По слабости человѣческой я мечталъ, что уже пожалъ лавры Конфуція и всѣхъ сподвижниковъ на поприщѣ образователей юношества.

Ученики мои на поприще грамматики перешли съ запасомъ державинскимъ и другихъ нашихъ писателей. Нѣкоторые изъ нихъ и сами сочиняли очень порядочные стихи и складно писали письма, а потому безъ страха встрѣтились и съ склоненіями, и съ спряженіями. А когда приступили къ глаголамъ, одинъ изъ учениковъ спросилъ: «Отчего я любимъ, я уважаемъ глаголъ страдательный? вѣдь очень весело быть любиму и уважаему?»

Ему отвѣчали правиломъ грамматическимъ.

Танцовальнымъ учителемъ былъ у меня г. Аблицъ, служившій при московскомъ театрѣ. Онъ былъ въ своемъ дѣлѣ и догматикъ, и классикъ; онъ, такъ сказать, циркулемъ измѣрялъ и каждый шагъ, и каждое движеніе. «Изъ стройныхъ движеній,—говорилъ онъ,—происходитъ грація». Я не препятствовалъ танцовальному его классицизму. Природная ловкость и пылкая быстрота сами собою увлекали моихъ учениковъ. Они отличались въ танцахъ, сколько Аблицъ ни удерживалъ ихъ на чертѣ методическаго классицизма. Особенно любили играть историческія представленія. Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ восхищенъ былъ, когда въ его Ермакѣ, передѣланномъ мною въ драму, юноши донскіе явились въ костюмахъ Ермака и его сподвижниковъ. По окончаніи представленія онъ обнялъ актера Колпакова, завѣдывавшаго моимъ домашнимъ театромъ.

— Вы дѣлаете чудеса!—сказалъ онъ.

Я отвѣчалъ:

— Въ молодыхъ сердцахъ потомковъ Ермака вашъ Ермакъ прибавилъ новый огонь жизни.

Науки шли у насъ своимъ чередомъ. А между тѣмъ надъ моею головой собирались тучи...

Qui sait ce que renferme l'avenir? Кто изъ насъ, странниковъ земныхъ, вычитываетъ свой жребій въ будущемъ? Кто изъ насъ знаетъ, что ожидаетъ его и тогда, когда перешагнетъ онъ за порогъ домашній? Юлій Цесарь спѣшилъ въ сенатъ римскій къ новымъ торжествамъ, и палъ мертвъ. Новый Юлій Цесарь Наполеонъ въ началѣ 1813 года о новыхъ чертогахъ для своего сына, короля римскаго, сказалъ:

— Мы строимъ для тебя дворецъ, а можетъ быть у насъ не будетъ и хижины!

Великая истина для всѣхъ объемовъ и переходовъ быта человѣческаго:

Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра—гдѣ ты человѣкъ?

Въ половинѣ 1817 года пріѣхалъ въ Москву двоюродный братъ мой, Григорій Андреевичъ Глинка. Въ званіи «кавалера» сопровождалъ онъ нынѣшняго императора [1]) и къ тому же готовился и съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Тогда еще не было у меня донскаго заведенія. Встрѣтясь съ мною въ Кремлѣ, Григорій Андреевичъ сказалъ:

— Здравствуй, братецъ! я шелъ тебя отыскивать.

Проводя большую часть времени при дворѣ, онъ обыкновенно заходилъ ко мнѣ часовъ въ пять послѣ обѣда и заставалъ меня спящимъ.

— Да когда же ты, братецъ, работаешь?

— Я и самъ не знаю, какъ работаю,—отвѣчалъ я.—Р у с с к і й В ѣ с т н и к ъ мой пошатнулся. Поутру часовъ до двухъ хожу по городу за ежедневною и часовою работой. Моя жизнь борьба съ жизнію. По неволѣ захочешь упрятаться отъ нея подъ крыломъ сна. А впрочемъ, спись добро хоть и во снѣ.

Наступилъ 1818 годъ; былъ февраль мѣсяцъ, и родственникъ мой посѣтилъ меня, такъ сказать, на краю могилы своей, то-есть наканунѣ своей смерти. Григорій Андреевичъ давно страдалъ аневризмомъ. На совѣщаніи въ Лондонѣ врачи сказали ему, что онъ можетъ прожить и до восьмидесяти лѣтъ, и кончить жизнь мгновенно. Послѣднее сбылось. Повторяю и еще: онъ былъ у меня за день до смерти.

---

[1]) Писано въ тридцатыхъ годахъ.

Былъ вечеръ. Ударило восемь, ударило десять часовъ, Григорій Андреевичъ у меня оставался, чего прежде никогда не было. Есть предчувствія завѣтныя, которыя какъ будто мимо насъ самихъ тайно бесѣдуютъ съ сердцемъ нашимъ. Не входя объ этомъ здѣсь въ изслѣдованіе, скажу только: запоздалость у насъ родственника моего изумила и меня, и все мое семейство, и всю нашу домашнюю прислугу. Сперва онъ не много говорилъ со мною, а тутъ говорилъ много и отъ души. Нѣсколько разъ вставалъ онъ, прощался и опять садился; подходилъ къ дѣтямъ моимъ, цѣловалъ ихъ и бралъ на руки. Наши кормилицы и няньки, затѣснясь въ гостиную, то посматривали на Григорія Андреевича, то покачивали головами, то умильно перешептывались между собою, не вѣря ни слуху, ни глазамъ своимъ Видя такое необычайное сердечное изліяніе его, я сказалъ:

— Братецъ, отецъ твой былъ воспріемникомъ моимъ отъ купели; ожидаю и я новорожденнаго: будь нашимъ кумомъ.

Онъ всталъ со стула, съ жаромъ обнялъ меня и сказалъ:

— Изволь, братецъ, изволь!

Пробило одиннадцать часовъ. Григорій Андреевичъ, какъ будто нехотя, сталъ прощаться съ нами; пошелъ къ двери и, воротясь снова, нѣсколько разъ поцѣловалъ руку жены моей. На крыльцѣ мы еще разъ обнялись, и, когда онъ садился въ сани, я шутя сказалъ ему:

— Ты, братецъ, говорилъ, что у васъ лѣстницы и высокія, и крутыя: вотъ отчего я, бродяга уличный, и не заходилъ къ тебѣ по этимъ лѣстницамъ; да пора и тебѣ съ нихъ сходить.

На другой день онъ сошелъ съ лѣстницы жизни. Дворъ воздалъ ему всѣ почести погребенія. Вмѣсто покойнаго моего родственника воспріемникомъ новорожденнаго моего сына былъ Василій Андреевичъ Жуковскій.

— Никогда, — сказалъ онъ мнѣ, — не забуду я Григорія Андреевича; онъ былъ моимъ другомъ.

Крестникъ Жуковскаго умеръ. И поэтъ въ альбомѣ жены моей написалъ:

Едва на мигъ одинъ судьба насъ породнила,
И вдругъ младенецъ нашъ, залогъ родства, исчезъ!
Любовь Создателя его переселила
Съ невѣрныя земли въ спокойный край небесъ!
Воспоминаніемъ будь прошлое хранимо!
Не сѣтовать на рокъ! имъ правитъ Божество!
Для насъ же все еще осталося родство
Въ утратѣ, дружбою дѣлимой [1]).

Н. М. Карамзинъ съ восхищеніемъ извѣщалъ въ Вѣстникѣ Европы, что Григорій Андреевичъ Глинка первый изъ дворянъ

[1]) Стихи эти нигдѣ напечатаны не были.

русскихъ вступилъ профессоромъ на каѳедру русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ. Съ каѳедры профессорской переселился онъ въ наслѣдственную свою деревню и съ пламеннымъ рвеніемъ друга человѣчества принялся за улучшеніе быта своихъ крестьянъ. Въ это время приглашенъ онъ былъ ко двору и, какъ было упомянуто, сопровождалъ въ заграничное путешествіе государя императора Николая Павловича. Григорій Андреевичъ говорилъ мнѣ, будто бы англичане такъ увѣрены въ справедливости, что въ языкѣ ихъ нѣтъ слова несправедливость. «Оно есть въ языкѣ англійскомъ, отвѣчалъ я,—но дай Богъ, чтобы менѣе было несправедливости въ дѣлахъ. Если вѣрить Коксу, сочинителю книги о постановленіи англійскомъ, то и въ Англіи волшебная звонкость уловляетъ и слухъ, и право голосное». А что говорилъ и писалъ Веніаминъ Франклинъ, ходатайствуя за жребій жителей областей Сѣверной Америки? Изъ французскихъ писателей родственникъ мой особенно любилъ Бернардена де-Сенъ-Піера. И неудивительно. Наполеонъ среди блестящихъ битвъ на поляхъ Италіи восхищался Индѣйской Хижиной Бернарда де-Сенъ-Піера и, возвратясь въ Парижъ, спѣшилъ въ побѣдныхъ лаврахъ увѣнчать свѣжими пальмами сочинителя Индѣйской Хижины. Чудное дѣло! Хижина плѣняла героя Италіи, а царства земныя не могли удовлетворить Наполеона, императора французовъ!

Григорій Андреевичъ принадлежалъ и къ русскому, и европейскому родству. Теща его была дочь двоюроднаго брата Неккера, управлявшаго сперва судьбою Франціи, а потомъ въ уединеніи кончившаго жизнь за вершиною Юры. Одинъ изъ сыновъ его теперь въ томъ Парижѣ, который Ривароль называлъ столицею вселенной, другой въ столицѣ Скандинавіи, а третій тамъ, гдѣ, говоря Пушкински, бѣлѣетъ въ небѣ голубомъ

Ельборусъ огромный, величавый!

Какой исполинскій объемъ для воспоминаній сердечныхъ!

По собственному назначенію, прахъ родственника моего покоится въ скромной капличкѣ подъ тѣнію любимой его рощи. Если бы тутъ журчалъ прозрачный ручеекъ, отражающій въ серебряныхъ струяхъ лучи солнца утренняго, я сказалъ бы: такъ безмятеженъ былъ и кроткій нравъ его. Одинъ только разъ случилось мнѣ увидѣть, что онъ вспылилъ. Присутствуя при погребеніи матери моей и при застольной трапезѣ, ему показалось, что домоправители обходятъ меня вниманіемъ, принадлежащимъ наслѣднику. Онъ всталъ изъ-за стола и сказалъ:

— А развѣ Сергѣй Николаевичъ не наслѣдникъ?

Я взялъ его руку и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, братецъ! я не наслѣдникъ: я здѣсь гость. Я далъ слово умирающей матери подарить все мое наслѣдство сестрѣ, и подарю. Я сказалъ, что если смерть насъ разлучитъ, то поѣду въ Украйну учителемъ; и въ этомъ сдержу слово. Не сердись, я здѣсь гость!

Не долго былъ я гостемъ на родинѣ отцовъ; не долго и онъ былъ гостемъ на землѣ.

У жизни на пиру онъ быстрымъ гостемъ былъ...
Voyageur d'un moment au banquet de la vie.

Миръ праху его!

10-го февраля 1818 года открытъ былъ въ Москвѣ памятникъ гражданину Минину и князю Пожарскому. По этому случаю сочинилъ я небольшую книжку, въ которой Мининъ представленъ «человѣкомъ избраннымъ всею землей». Такъ тогда думали и не предполагали, будто бы Мининъ былъ только казначеемъ дружинъ, двинувшихся спасать землю Русскую съ Москвою. Избравъ Минина всею землей, то-есть общимъ дружнымъ голосомъ, и наименовавъ его: человѣкомъ избраннымъ всею землей, предки наши возвысили санъ человѣка въ человѣкѣ. Но предположимъ, что Мининъ былъ только хранителемъ казны, составленной самоотверженіемъ людей русскихъ, то и это заслуга Минина. Когда буйный владыка персовъ, когда Ксерксъ опрокинулъ ополченную Азію на Грецію, тогда Греція жизнь быта общественнаго ввѣрила Аристиду и увѣнчала его именемъ «справедливаго». Аристидъ и охранялъ, и защищалъ жизнь Греціи; то же дѣлалъ и гражданинъ Мининъ. Кто въ въ отсутствіе Пожарскаго велъ полки русскіе къ Москвѣ? Мининъ. Кому повиновались и воеводы, и князья, и бояре? Минину. Кто 23-го августа 1612 года мужественнымъ натискомъ дополнилъ ту побѣду, которая была громкою вѣстницей освобожденія земли Русской? Мининъ. Скажутъ, что еслибы сама земля Русская не порывалась къ свободѣ своей, то одинъ человѣкъ ничего бы не могъ сдѣлать? Согласенъ. Но если бы не нашелся человѣкъ, который подъ грозною тучей, подавлявшею землю Русскую, не возвысилъ громкаго рѣшительнаго голоса: «И жизнь, и все отдадимъ за жизнь земли Русской!» тогда, можетъ быть, долго еще томилась бы Русь. Безмолвіе гражданъ—гибель отечества.

О, богиня свѣта бѣлаго,
Ложь, неправда—призракъ истины!

Не бѣлаго свѣта богиня, а туманнаго и при свѣтлыхъ лучахъ солнца яснаго. А эта богиня, этотъ призракъ истины чего не накликалъ на мою бѣдную голову!

Истина, истина! а гдѣ эта богиня свѣта бѣлаго? Странное дѣло, отъ чего началось великое горе моей жизни! Былъ у меня пріятель Левицкій, человѣкъ очень умный, который хотя былъ далеко не юноша, но вздумалъ доучиваться съ моими донскими учениками. Изучая математику и занимаясь геометріей, задумалъ онъ взвѣшиваніемъ доискиваться квадратуры круга, о чемъ и сообщилъ въ Академію Наукъ, которая отвѣчала, что для этого нужны цифры, а не вѣсъ. Бывъ и въ дѣлѣ артиллерійскомъ также самоучкою, онъ безъ моего вѣдома заготовилъ довольно большой фейерверкъ къ именинамъ жены моей. Дни за два удивилъ онъ меня вѣстію, что фейерверкъ готовъ, что нѣкоторые изъ знакомыхъ моихъ снабдили его порохомъ и другими припасами, но что требуется еще въ уплату до четырехъ сотъ рублей. Мнѣ было это очень непріятно, но дѣлать нечего, деньги я заплатилъ. Пригласилъ я пріятелей въ Кунцово на ужинъ. Вечеръ былъ прекрасный; фейерверкъ, на бѣду мою, отличился потѣшными огнями и полетомъ ракетъ. Боже мой! Пошла молва, что ко мнѣ съ Дона льется золотая рѣка. Вотъ такимъ образомъ и я попалъ въ статью Крезовъ. Не хвалюсь ни Катоновскою, ни Эпиктетовскою мудростію, и я затеривался въ путяхъ пылкой юности, но по совѣсти могу сказать, что никогда не залеталъ пересудами въ чужія межи и всегда разочаровывался послѣдній въ добромъ мнѣніи о знакомыхъ моихъ. Довѣрчивость моя ко всѣмъ и ко всему была какая-то ребяческая. Въ незнаніи свѣта я и теперь еще младенчествую и на прощаньи съ свѣтомъ пожалѣю о томъ, что люди заталкиваютъ людей или кривыми толками, или завистію, или ледянымъ равнодушіемъ. Любовь всегда была душею души моей; съ нею жилъ и отживу.

Между тѣмъ донское заведеніе мое все еще процвѣтало, но изъ Москвы посланы были именные и безыменные на меня доносы къ роднымъ моихъ учениковъ. Главный виновникъ моихъ несчастій и разоренія былъ человѣкъ, которому ни добра, ни зла я не дѣлалъ. Что побудило его употреблять столько усилій, чтобы пало мое донское заведеніе, я не знаю и имени его не напишу. Не всегда мы сами себя обманываемъ; есть какая-то чудная судьба, которая какъ будто подстерегаетъ насъ въ тѣ дни безпечные, когда намъ легко живется. Въ декабрѣ 1819 года, возвращаясь часу вь шестомъ вечера домой, застаю весь домъ въ волненіи, а бѣдную жену мою въ горькихъ слезахъ.

— Что сдѣлалось?

И слышу въ отвѣтъ:

— У насъ берутъ донскихъ учениковъ. На насъ наклеветали, будто бы мы истомляемъ ихъ и голодомъ и холодомъ.

Въ эту минуту вошелъ въ комнату мой духовникъ, преподававшій законъ Божій моимъ юношамъ.

— Батюшка, вскричалъ я,—скажите, чѣмъ былъ я для моихъ учениковъ?

— Христіанскимъ и попечительнымъ отцомъ, отвѣчалъ онъ.

— Вы слышите, сказалъ я посланному съ Дона за моими учениками,—вы слышите, чѣмъ я былъ для моихъ воспитанниковъ, а потому и отпущу ихъ съ молитвою и подъ покровомъ Божіимъ.

Немедленно послалъ я за приходскимъ священникомъ. Въ продолженіе молебствія я стоялъ какъ вкопанный. Мнѣ говорили, что смерть свирѣпствовала на лицѣ моемъ, и опасались, чтобы со мною не было удара. Но я, отдаваясь на волю Провидѣнія, осѣнялся только крестомъ. Подъ тяжелымъ бременемъ клеветы слезы не текутъ изъ глазъ. Жалость и унылая горесть ихъ вызываютъ изъ сердца, но юноши мои горько рыдали. Одни изъ нихъ говорили: «Намъ Марья Васильевна была матерью, а Сергѣй Николаевичъ отцомъ». Другіе задыхались отъ слезъ и не могли промолвить ни слова. А старшій изъ нихъ, ставъ на колѣни передъ образомъ Николая Чудотворца, вскричалъ въ порывѣ душевномъ: «Клянусь, что или умру, или примирю родителей моихъ съ Сергѣемъ Николаевичемъ». Изумленный этимъ зрѣлищемъ, посланный съ Дона, прислонясь къ стѣнѣ и не довѣряя глазамъ своимъ, спросилъ меня:

— Что это такое?

— Сила любви и правды, отвѣчалъ я.—Но скажите отцамъ юношей донскихъ, что я не виню ихъ. Зло летитъ на крыльяхъ; знаю, кто возстановилъ ихъ противъ меня.—При душевномъ голосѣ моихъ питомцевъ горе схлынуло съ сердца моего; я вполнѣ убѣдился, что сердце человѣческое въ юности своей еще быстрѣе оцѣняетъ правоту и вниманіе къ человѣчеству.

Спустя нѣсколько дней послѣ разгрома моего заведенія, возвращаясь съ почты, встрѣтилъ я виновника разоренія моего, ѣхавшаго въ саняхъ мимо церкви Смоленской Божіей Матери. Взглянувъ на него и не ощутя въ глубинѣ сердца никакого порыва негодованія противъ него, я вышелъ изъ саней, снялъ шляпу передъ ликомъ иконы и благодарилъ Бога, что онъ далъ мнѣ сердце чуждое ненависти и способное къ одной любви.

Я разорился систематически, и вотъ какимъ образомъ.

Въ книгѣ своей О разумѣ законовъ Монтескье сказалъ: «Воспитаніе часто отъ того безуспѣшно, что въ училищѣ должно забывать то, что знали въ семействѣ, а въ свѣтѣ должно бросить то, что заимствовали въ училищѣ». Прочтя это въ моей рукописи, Ушаковъ, сочинитель Киргизъ-Кайсака, сказалъ: «Мысль блестя-

щая, но ложная». Я ничего тогда не отвѣчалъ, но, обдумавъ и сообразивъ, особенно съ прошедшимъ вѣкомъ, увидѣлъ, что Монтескье замѣтилъ справедливо. Въ семействахъ учители преподаютъ уроки по своему произволу, или основательно, или сбивчиво. Положимъ даже, что основательно, но переходя изъ семейства въ училище, должно на ряду со всѣми сѣсть на общую скамью. Это бы не мѣшало семейственному ученію, если бы всегда существовали общія книги для первоначальнаго ученія. Но и во Франціи въ нынѣшнемъ только столѣтіи издали общенародный Букварь и повѣстили о томъ, какъ будто объ открытіи какого-нибудь новаго міра. И дѣйствительно, общее ученіе — новый міръ въ судьбѣ человѣчества; стезя къ нему — первоначальныя книги, которыя можно уподобить маякамъ, освѣщающимъ плаваніе мореходцевъ. Ученыя сословія не произвели ни одной порядочной первоначальной книги. То же почти повторилъ въ 1828 году и сочинитель книжки: О полезномъ ученіи для земледѣльцевъ. «Достойнѣйшіе любители земледѣлія, пишетъ онъ, въ различныя времена издали сочиненія, гдѣ много превосходныхъ мыслей. Но мы еще ожидаемъ земледѣльческаго букваря». Объясняясь о томъ же предметѣ, Талейранъ сказалъ: «Хорошія правила суть плодъ книгъ первоначальныхъ».

Но у меня воспитаніе не разбивалось на вѣтви. Донскіе мои юноши видѣли у меня и семейство, и училище, и большой свѣтъ, то-есть внѣ моего семейства. Снова сблизился я съ нѣкоторыми домами, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ болѣе породнить Донъ съ Москвой. Но не долго существовало мое донское заведеніе. А сколько было возгласовъ и странныхъ предположеній! Говорили, что я воспитываю юношей донскихъ слишкомъ свободно. А въ чемъ состояла эта свобода? Я разъ навсегда изгналъ изъ системы моего воспитанія инквизиторскія, учительскія и всевозможныя наказанія и старался дѣйствовать на сердца юношей. Бѣда отъ системъ, бѣда и отъ праздной молвы, которой здѣсь не стану повторять; скажу только, что я до-чиста долженъ былъ разориться, въ силу одного ариѳметическаго счета. Я бралъ по двѣ тысячи. Брали и въ другихъ нѣкоторыхъ частныхъ заведеніяхъ такую же плату. Но изъ каждаго частнаго заведенія воспитанники отлучаются и по воскресеньямъ, и въ дни праздничные, и въ дни вакантные или гулевые. А у меня юноши донскіе жили безотлучно отъ 1-го января до исхода декабря. Опытъ во всѣхъ дѣлахъ житейскихъ то же, что компасъ на превратности морской. А откуда мнѣ было заимствовать всѣ опытныя и предусмотрительныя исчисленія какого бы то ни было заведенія? По неопытности, я взялъ на себя и лѣченіе, и всѣ хозяйственныя подробности, и закупку книгъ, географическихъ картъ и математиче-

скихъ инструментовъ. По неопытности моей, я дни вакантные превратилъ въ дни учебные. Увлекаясь мыслію о неразрывномъ ученіи, я думалъ: «Если для подкрѣпленія тѣлесныхъ силъ нужна ежедневная пища, то и умственныя способности того же требуютъ. А сверхъ того, какъ трудно связать нить понятій въ перелетѣ юношескихъ мыслей!»

Это была мечта. А въ существенности пало на меня бремя долговъ. А тутъ изъ волшебной области воспитанія, созданнаго моимъ воображеніемъ, надлежало перейдти ко вседневной жизни; надлежало свесть счеты и съ хлѣбниками, и съ мучниками, и съ мясниками, и съ дровяниками, и т. д. И такимъ образомъ выросла страшная для меня цифра въ 10.000 рублей! Рѣшась болѣе не обманывать себя, я сталъ наказывать себя существенностью и пригласилъ на совѣщаніе вышеупомянутыя лица.

Вотъ нашъ разговоръ:

Я. Братцы! вы знаете, какую Богъ послалъ на меня бѣду?

Они. Слышали, батюшка!

Я. Вы знаете, что у меня ни въ Москвѣ и нигдѣ, какъ говорится, нѣтъ ни кола, ни двора?

Они. Знаемъ, батюшка, что ты живешь однимъ своимъ трудовымъ дѣломъ.

Я. Теперь пропало у меня и это трудовое. Я не въ силахъ уплатить вамъ ни копейки: я въ вашихъ рукахъ. Вы можете на меня жаловаться куда слѣдуетъ. Пусть посадятъ меня въ тюрьму. Горе мыкать вездѣ равно!

Они. Не пойдемъ жаловаться, не пойдемъ. Что намъ за прокъ отъ тюрьмы? Ты, батюшка, былъ всегда честнымъ плательщикомъ. А горя да бѣды на кого не бываетъ. Какъ разживешься, такъ, вѣрно, не обидишь насъ. Уплачивай намъ хоть по красненькой, хоть по цѣлковому: мы не спорщики. У иныхъ есть и дома, и вотчины, а отъ нихъ и гроша не добьешься, да и спасиба не говорятъ. Богъ тебя подниметъ. Мы за тебя богомольцы.

Слезы навернулись у меня на глазахъ, и я сказалъ:

— Вы, братцы, поступили со мной, какъ добрые христіане; а я при помощи Божіей постараюсь быть благодарнымъ плательщикомъ.

Такимъ образомъ совѣщаніе наше кончилось взаимнымъ условіемъ и общею довѣренностью.

Жить и не чувствовать жизни: вотъ тогдашній мой жребій. Исходъ 1819 года былъ для меня ужаснѣе громоноснаго 1812 года.

Въ годъ нашествія у меня была одна только дочь, а тутъ у меня большая семья на рукахъ и никакихъ надеждъ на будущее!

Русскій Вѣстникъ упадалъ окончательно; печатаніе новаго изданія Русской Исторіи обошлось мнѣ дорого. Я не имѣлъ въ трудахъ моихъ никакого особеннаго подспорья, принужденъ былъ однимъ трудомъ заготовлять другой, не зная, какъ и когда что выручу. Между тѣмъ долги тяготѣли надъ моею головой. Часто ходилъ я по улицамъ безъ всякихъ предположеній, безъ ожиданій, безъ мысли, не имѣя никакой надежды. Не отчаяніе, но безконечная скорбь сковала все существо мое. Могутъ вѣрить и не вѣрить: но въ сіи томительные дни однажды я ощутилъ прикосновеніе какой-то невидимой силы, и внезапно какая-то отрада слетѣла на сердце и душу и на мысль мою. Я воскресалъ, освѣжался жизнію, устремлялъ взоры на небо, которому отдалъ судьбу мою, и ступилъ на землю съ надеждой. А это въ объемѣ жизни моей истина историческая. Да и откуда слабому смертному почерпнуть силу, когда все исчезаетъ для бѣднаго земнаго странника? Но между тѣмъ, когда небо освѣжало жизнь мою, люди (и Богъ видитъ, что я не пеняю на нихъ) все болѣе и болѣе старались язвить меня пересудами.

— Онъ разорился; онъ нищій; посмотрите въ какомъ изношенномъ ходитъ онъ фракѣ: на немъ рубище, а не одежда!

И мало ли что еще было говорено! Скажу и я съ Давидомъ: Горе, горе тому, кто впадетъ въ руки человѣческія! Горе тому, чей бытъ, чью жизнь, растрепавъ на клочки, будутъ разносить между собою съ насмѣшками и презрѣніемъ!

Такъ дотомился я отъ исхода 1819 до сентября 1823 года. Была ранняя осень, а у меня всѣ вещи были въ закладѣ. Со слезами спрашивала жена:

— Что мы будемъ дѣлать и чѣмъ изворотиться въ нашихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ?

— Не знаю, отвѣчалъ я,—развѣ Богъ откроетъ въ небѣ окно и подастъ намъ что-нибудь.

Это было сказано 5-го сентября, а на другой день, почти въ тотъ же часъ, пришелъ къ намъ нѣкто Шауръ, бывшій содержатель голландской лавки, и изломаннымъ русскимъ языкомъ сказалъ мнѣ:

— Поздравляю васъ наслѣдникомъ!

— Вы шутите, г. Шауръ! сказалъ я съ досадой.—Я не жду и не ждалъ наслѣдствъ ни изъ какой части свѣта.

— Вамъ отказанъ шеститысячный ломбардный билетъ! Хотите ли я сейчасъ дамъ вамъ за него четыре тысячи.

И съ этимъ словомъ высыпалъ онъ на столъ и золото и бумажки.

— Да кто же дѣлаетъ меня наслѣдникомъ?

— Альбертъ Фишеръ.

— Живъ ли онъ?

— Онъ живъ, но умираетъ.

Тутъ я вскочилъ со стула и сказалъ:

— Подите вы, г. Шауръ, съ вашимъ золотомъ и съ вашими бумажками! Я готовъ отдать послѣднюю рубашку, чтобы почтенный Фишеръ былъ живъ и здоровъ.

Альбертъ Фишеръ былъ уроженецъ Венгріи, въ молодости пріѣхалъ въ Москву, гдѣ тогда арфы были въ большомъ ходу, а Фишеръ игралъ на арфѣ превосходно. Музыка была для него вдохновеніемъ души. Науки и словесность съ нимъ были неразлучны. Въ первый разъ встрѣтился я съ нимъ у Ѳедора Григорьевича Карина.

Въ тридцатилѣтнее мое знакомство съ Фишеромъ мнѣ даже не случилось оказать ему и малѣйшей мелочной услуги. Насъ сближали мечты жизни и ежедневныя пѣшеходныя прогулки. Во время донскаго моего заведенія онъ навѣщалъ меня раза по два въ недѣлю и доставлялъ намъ много удовольствія игрой русскихъ, венгерскихъ и донскихъ пѣсенъ. Онъ любилъ моихъ учениковъ.

Фишеръ передалъ мнѣ и французскую пѣсню трубадуровъ XV вѣка. Вотъ она:

Oui, c'est vous que j'adore
Belle Iris! oui, c'est vous
Vermillon qui vous colore.
N'est pas un signe de courroux.
Votre charmante image
Vivra toujours dans mon coeur.
En tout pays où vous vivrez
Sera toujours le printemps.
Fort content, je veux mourir
Pourvû que ce soit pour vous

Это отголосокъ пѣсни тѣхъ рыцарскихъ временъ, когда напѣвы трубадуровъ повторяли: «Жить для любви, жить любовью, умирать за любовь!» Этимъ чувствомъ жилъ Фишеръ. Не задолго до смерти своей онъ написалъ нѣсколько сонетовъ, въ родѣ Петрарковыхъ. Онъ очень любилъ напѣвы русскихъ пѣсенъ.

— Кто ихъ сочинялъ? говорилъ онъ.—Этого никто не рѣшитъ. Но въ нихъ слышенъ голосъ унынія, какъ будто бы несущійся изъ какой-то дали туманной. Это голосъ сердца и мысли, которыя чего-то ищутъ, чего-то выпрашиваютъ у жизни.

Людей русскихъ называлъ онъ людьми добродушными и сострадательными.

— Когда я страдалъ, говорилъ онъ,—жестокими ревматизмами въ ногахъ и, сидя на бульварѣ, на лавкѣ, невольно морщился, тогда

почти каждый изъ прохожихъ подходилъ ко мнѣ, разспрашивалъ о моей болѣзни и предлагалъ свое лѣченіе.

Есть сочувствіе, есть и предчувствіе. Послѣ посѣщенія г. Шаура на меня напала какая-то тревожная грусть: почти цѣлую ночь я не могъ уснуть. «Не умеръ ли, въ самомъ дѣлѣ, добрый Фишеръ»! подумалъ я. Спѣшу къ нему, но онъ уже умеръ.

Спустя нѣсколько времени я, въ качествѣ душеприказчика Фишера, и другія лица приступили къ раздѣлу завѣщаннаго наслѣдства. Въ числѣ наслѣдниковъ былъ Кесарій, старый холостякъ и ловкій дѣлецъ въ расчетахъ житейскихъ. Подойдя къ сундуку, онъ торжественно провозгласилъ, будто бы покойникъ словесно подарилъ ему все то, чтó находится въ сундукѣ.

— Слѣдственно, — сказалъ я, — и мой ломбардный билетъ

— Нѣтъ, кромѣ билета и другихъ завѣщанныхъ денегъ.

— Стало быть, — промолвилъ я, — вамъ извѣстна вся топографія сундука, вамъ высказаны всѣ закоулки; скажите же, чтó тамъ такое?

Кесарій оторопѣлъ и замолчалъ. Но какъ разгорѣлись его глаза, когда по распечатаніи сундука явился завѣтный кладъ: большой кошелекъ съ имперіалами и полуимперіалами, богатые часы съ драгоцѣнною цѣпочкой и различныя брильянтовыя вещицы. Фишеръ отдалъ двумъ служителямъ своимъ по тысячѣ рублей, всю домашнюю утварь и свободу. При открытіи непоименованныхъ въ духовной вещей наслѣдники уполномочили меня распорядиться ими. Зная, что каждый шагъ мимо полюбовной сдѣлки поведетъ и заведетъ въ потемки тяжебныя, я, вынувъ изъ сундука и кошелекъ, и вещи, отдалъ ихъ вольноотпущеннымъ и сказалъ:

— Молитесь Богу за вашего господина!

Изъ сочиненій Фишера осталось одно разсужденіе о музыкѣ. Но я знаю, что онъ каждый вечеръ, возвращаясь съ прогулки, любилъ записывать свои мысли. Жалѣть ли, что рукопись его затерялась? Въ наше время все скоро отживаетъ. Жанъ-Жакъ Руссо плакалъ, предполагая, что по смерти его сочиненія будутъ перепечатаны въ искаженномъ видѣ. Извѣстно, что іезуитъ Гардуинъ въ началѣ прошедшаго вѣка увѣрялъ, что и Иліада, и Энеида, и вся древняя словесность принадлежитъ монахамъ тринадцатаго столѣтія. Все можно оспорить, кромѣ животворной мысли для человѣчества: она дотолѣ будетъ сіять, доколѣ солнце сіяетъ на небѣ.

Какъ прахъ разлетѣлось мое наслѣдство. Не прінщу словъ къ выраженію этого чугуннаго ярма, подавляющаго жизнь нашу. Меня мучили долги. Я вынужденъ былъ не лихвенные, но геенскіе проценты обращать въ чистыя деньги, которыя, говоря просто, не-

щадно сдирали съ меня по заемнымъ письмамъ. Я по вечерамъ игралъ на фортепіанахъ и напѣвалъ:

Ахъ ты горе, жизни горе!
Какъ кипящее ты море
Залило меня собой!...

Не дай Богъ никому попасть въ ежовыя рукавицы нужды! Ужасно видѣть страданіе матери семейства! Домъ, обремененный нуждой и долгами,—бездонная Данаидина бочка: сколько ни лей, ни капли не уцѣлѣетъ.

Выкупивъ зимнюю одежду и раздавъ нѣсколько долговъ, мы тянулись раковымъ ходомъ до исхода 1824 года.

Сбираясь въ Петербургъ, я вспомнилъ совѣтъ писательницы Екатерины, чтобы запасаться одобреніями. Но, думалъ я, къ кому мнѣ прибѣгнуть? Послѣ паденія моего донскаго заведенія я отсталъ отъ свѣта. Надѣялся я на Ивана Ивановича Дмитріева, но и съ нимъ не видался около трехъ лѣтъ. И вотъ по какому случаю. Однажды встрѣтились мы на Тверской. Нахлобучивъ на глаза изношенную шляпу и въ запыленномъ фракѣ, я шелъ по улицѣ. Остановя меня, Иванъ Ивановичъ сказалъ:

— Вы ли это, Сергѣй Николаевичъ? Ищите мѣста: пойдете въ чины.

— Вы любите почести,—отвѣчалъ я отрывисто,—а мнѣ нуженъ кусокъ хлѣба.

И съ этимъ словомъ отправился я къ книгопродавцу Логинову, отъ котораго слѣдовало мнѣ получить нѣсколько десятковъ рублей за трудъ мой. Съ тѣхъ поръ мы не видались.

Какъ бы то ни было, но я отнесся письмомъ къ Ивану Ивановичу, съ приложеніемъ портрета, который вздумалось отлитографировать одному знакомому моему рисовальному учителю.

На письмо мое получилъ я отъ него желаемый отвѣтъ при слѣдующихъ двухъ запискахъ:

Первая. «Я не нахожу словъ къ изъявленію вамъ моей благодарности, почтенный и любезный С. Н., за вашъ портретъ. Будьте увѣрены, что подлинникъ у меня всегда въ виду и близокъ къ сердцу: но пріятно, очень пріятно имѣть и портретъ, какъ залогъ и новый опытъ вашей ко мнѣ пріязни, которую я умѣю цѣнить въ полной мѣрѣ. Кто знаетъ васъ коротко, тотъ вѣрно любитъ и почитаетъ. Остается желать вамъ только здоровья и домашняго благоденствія. Отъ всей души и желаетъ того преданный вамъ

«Иванъ Дмитріевъ».

Вторая. «Благословенъ грядый во имя Господне»!

Пишу это не изъ хвастовства, но, какъ увидятъ, чтобы показать различіе первыхъ отношеній моихъ къ Ивану Ивановичу отъ последнихъ.

Съ Иваномъ Ивановичемъ познакомился я въ то время, когда, взявъ первую свою отставку, онъ писалъ въ Москвѣ къ друзьямъ своимъ посланіе, въ которомъ сказалъ:

Прочь посохъ! Не хочу васъ больше покидать,
И вотъ рука моя, что буду вашъ отнынѣ.

Тогда, говоря собственнымъ выраженіемъ Дмитріева, онъ жилъ въ Аркадіи. Казалось, что сами музы и граціи убирали небольшой его домъ, располагали библіотеку и картины, и бюсты. Однажды вечеромъ пришелъ я къ нему съ другомъ моимъ А. А. Тучковымъ и съ Пампучіемъ, уроженцемъ древней Эллады, просившимъ насъ познакомить его съ Дмитріевымъ. Пампучій былъ пылкій и рѣчистый человѣкъ; онъ бросился на колѣни передъ библіотекой и бюстами съ восклицаніемъ: «Я въ Греціи, я въ Аѳинахъ! я въ домѣ Перикла и Платона!»

Бывалъ я у Дмитріева раза два въ недѣлю на аѳинскихъ обѣдахъ. Надобно отдать ему справедливость, онъ радовался каждому новому произведенію словесности и особенно любилъ поощрять молодые таланты. Сиживалъ я у него въ саду, куда Карамзинъ забѣгалъ въ запыленныхъ сапогахъ, спѣша передать новыя открытія въ потемкахъ нашихъ лѣтописей. Встрѣчался съ Иваномъ Ивановичемъ и на улицахъ, когда онъ съ новой басней или съ какими-нибудь стихами шелъ къ Карамзину, жившему тогда у Никитскихъ воротъ, въ бывшемъ домѣ портнаго Шмидта, который, говоря мимоходомъ, разорился отъ добродушной довѣренности къ барамъ московскимъ.

Поприще министра юстиціи увлекло Ивана Ивановича. Въ это время издатели Журнала для Милыхъ препроводили въ Русскій Вѣстникъ стихи къ поэту-министру, въ которыхъ торжествовали и Ѳемидины вѣсы, и Аполлонова лира. Я возвратилъ ихъ издателямъ Журнала при слѣдующей запискѣ: «Еслибы сообщили въ Русскій Вѣстникъ какой-нибудь подвигъ поэта-министра, относящійся къ защитѣ утѣсненной невинности, я охотно украсилъ бы имъ мой Вѣстникъ. Но баснословныхъ боговъ не допускаю въ него; а потому не принялъ и Купидона Г. Р. Державина». Издатели цѣликомъ напечатали въ журналѣ своемъ записку мою при упомянутыхъ стихахъ. И. И. Дмитріевъ прочиталъ ее и остался ко мнѣ съ прежнею пріязнію.

Удаляясь изъ Москвы 1834 года, по стеченію новыхъ горест-

ныхъ обстоятельствъ, я заѣхалъ въ нее въ концѣ августа 1836 года. Иду по Тверскому бульвару. Вижу сидящаго на лавкѣ Ивана Ивановича. Подхожу къ нему и, поздоровавшись, говорю:

— Дошелъ и до васъ слухъ о томъ, что отъ козней, ябеды и клеветы я бѣжалъ изъ Москвы; вы знаете, способны ли мы ограбить сиротъ. Прошу васъ напишите къ такимъ-то лицамъ о нашемъ бѣдственномъ положеніи, чтобы сняли, наконецъ, съ насъ эту ужасную тяжбу...

Съ видомъ мрачнымъ Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ:

— Я никому не пишу, я сверхкомплектный, я лишній на свѣтѣ!

— Вы, возразилъ я, — вы сверхкомплектный! вы лишній на свѣтѣ! Не вѣрю. Тотъ, кто сказалъ:

Чувствительна душа и вчужѣ веселится!
Желаешь для себя, а ищешь раздѣлить!

тотъ никогда не исключитъ себя изъ семьи людей.

Это было мое послѣднее свиданіе съ Иваномъ Ивановичемъ.

Во время военной службы своей Иванъ Ивановичъ прибавлялъ къ жалованью трудовые доходы, перевелъ первую часть Мерсьеровой Картины Парижа и его Философа, живущаго у хлѣбнаго рынка. Сверхъ того, перевелъ онъ также съ французскаго жизнь графа Панина. Двѣ послѣднія статьи помѣщены были въ Зеркалѣ Свѣта, издаваемомъ Ѳедоромъ Туманскимъ. Есть также предисловіе Дмитріева къ Московскому Зрителю князя П. И. Шаликова. Въ этомъ отрывкѣ, изложенномъ по образу Вольтерова наставленія Лагарпу, бывшему издателю Mercure de France, слогъ ясный, чистый безъ всякой надутости.

Обращаюсь къ прежнему разсказу.

Въ исходѣ 1824 года получилъ я отъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, А. С. Шишкова, извѣщеніе, что россійская академія не преминетъ обратить вниманіе на третье изданіе моей Русской Исторіи. Между тѣмъ однимъ почеркомъ пера мою Русскую Исторію безпощадно разбранили такъ, что она уснула на вѣки.

За уплатой за напечатаніе денегъ она осталась ничтожнымъ хламомъ. Къ какому ни сунусь книгопродавцу, вездѣ слышу громоносное:

— Не надобно! мы читали объ ней въ Телеграфѣ.

Едва уладился я въ мысляхъ моихъ съ перуномъ телеграфскимъ, грянулъ на меня второй ударъ, не уступавшій въ рѣзкомъ лаконизмѣ первому.

Во всечитательное услышаніе напечатано:

«Любовь къ отечеству Сергѣя Глинки заключается въ однихъ словахъ».

Въ первомъ порывѣ мнѣ показалось, что жизнь моя вырвана съ корнемъ, что честь моя оскорблена жестоко. Но сѣвъ за фортепіано и прозвучавъ на свой ладъ нѣсколько заунывныхъ пѣсенъ и звуковъ, я опять обратился къ моему цѣлебному, мысленному отводу отъ досады на людей. На письменномъ моемъ столѣ лежали двѣ книжки: французская и русская. Развертываю первую и читаю: «C'est en contemplant les grands hommes que l'on apprend à être vertueux et patriote en action et non en parole.

Раскрываю русскую книжку и читаю: «Не родился еще тотъ человѣкъ, который бы могъ сказать, что отечество безъ него не обойдется. Поколѣнія проходятъ, мудрыя постановленія остаются».

Это находится въ духовномъ завѣщаніи сыну историка Татищева, напечатанномъ 1737 года. Прибавлю мимоходомъ, что эту книжку подарилъ я впослѣдствіи главному издателю Телеграфа.

Въ напутствіи запасныхъ мыслей, со скромныхъ Бережковъ на Овражкахъ, въ обыкновенный мой часъ отправляясь на прогулку на Дѣвичье поле, пустился я доискиваться, какимъ образомъ, подражая великимъ людямъ, будемъ патріотами на дѣлѣ, а не на словахъ. Я только-что отпечаталъ тогда шесть частей моего Плутарха въ пользу воспитанія, слѣдственно мнѣ легко было вызывать на прогулку тѣни такъ-называемыхъ знаменитыхъ мужей Греціи и Рима. Величаютъ Александра и Юлія Цезаря, думалъ я. Но что сдѣлалъ Александръ? Разгромя Азію, онъ отдалъ въ жертву мечей и полководцевъ своихъ и Азію, и Египетъ, и Македонію. Юлій Цезарь истребилъ около трехъ милліоновъ народа на поляхъ битвъ. Но и онъ, не удержавъ ни на шагъ отъ паденія римской республики, открылъ кровавое поприще тріумвирамъ или палачамъ Рима и рода человѣческаго. Аристидомъ быть не могу. Я не только никогда не былъ казнохранителемъ общественнымъ, да мнѣ и у себя нечего хранить. Откуда же и изъ чего выкликать мнѣ дѣятельность и быть патріотомъ на дѣлѣ, а не на словахъ? Раздробляя мысль и историка Татищева, я соглашался съ нимъ, что каждый изъ насъ гость на землѣ, и что поколѣнія проходятъ, а мудрыя постановленія остаются. Конечно, и одинъ человѣкъ можетъ жить въ переходѣ цѣлыхъ поколѣній мудрыми и спасительными постановленіями. Честь тому и слава, кто творецъ такихъ постановленій. А мое дѣло—промышлять честный лептъ трудовой для насущнаго быта семейнаго.

Мало ли еще что приходило въ голову на раздольномъ просторѣ Дѣвичьяго поля!..

ГЛАВА XXIII.

1825 годъ въ моей жизни.—Письма изъ Петербурга.—Безденежье.—Благодѣяніе В. В Варгина.—Купцы Варгины. — Поѣздка въ Петербургъ. — А. С. Шишковъ. — Исчезновеніе моей докладной записки.—Содержаніе ея.—Н. М. Карамзинъ.—Судьба моей Русской Исторіи.—Обѣдъ у Н. И. Греча.—Графъ Милорадовичъ. — Подорожная. — Возвращеніе въ Москву.—Предчувствіе великихъ событій.—Письмо Н. М. Карамзина. — Непріятности въ Москвѣ.—Болѣзнь.—Недовольство Милорадовича.—Докладъ государю.—Новая поѣздка въ Петербургъ.—Тяжелое состояніе духа.—Видѣніе.—Встрѣча съ Семеновымъ.—Предложеніе А. С. Шишкова.—Князь Д. И. Лобановъ.—Графъ Милорадовичъ.—Перемѣна въ немъ.—Предложеніе писать доносъ.—Записка къ Н. М. Карамзину.—Отвѣтъ на нее.

Великими историческими событіями ознаменовался 1825 годъ для всего нашего отечества; необычаенъ онъ былъ и для меня. А какимъ образомъ общее соединяется съ частнымъ, не вхожу здѣсь объ этомъ въ изслѣдованіе. Но пора, очень пора убѣдиться всѣмъ обществамъ человѣческимъ, что въ нихъ, если и не всегда видимою, то однако всегда неразрывною цѣпью сопряжено прочное ихъ существованіе. Начнутъ ли ослабѣвать и распадаться звенья, и цѣпь спасительная рано или поздно распадется неизбѣжно, и общество превратится въ отдѣльные призраки, изъ которыхъ каждый гоняется за своими погремушками, не слыша гула бури отдаленной. Приступаю къ разсказу.

Съ 1819 года начали съ береговъ Невы долетать ко мнѣ письма, въ которыхъ говорили мнѣ, что: «цѣлый Петербургъ» говоритъ, что со мною безчестно переписываться, и чтобы я не ѣздилъ туда, ибо тамъ темно. Странно мнѣ казалось, что будто бы цѣлый Петербургъ занимается послужнымъ моимъ спискомъ. Да и какъ я, пѣшеходецъ московскій, могъ представляться цѣлому Петербургу какимъ-то миѳическимъ сторукимъ Бріареемъ? Но, не поручая Петербургу надзора надъ совѣстью и честью моей и не страшась невскихъ потемокъ, я рѣшился отправиться туда. Два разоренія: нашествіе Наполеона и внезапное разрушеніе Донскаго училища, исторгнутаго изъ нѣдръ моего семейства съ одной стороны клеветою, а съ другой опрометчивостію донскихъ отцовъ, въ полномъ смыслѣ довели меня до гробоваго семейнаго изнеможенія. Въ сихъ обстоятельствахъ по требованію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія Александра Семеновича Шишкова составилъ я записку о службѣ и трудахъ моихъ; препроводилъ оную къ Катеринѣ Наумовнѣ Пучковой, русской писательницѣ, и готовился къ отъѣзду. Но какъ и съ чѣмъ ѣхать? Разореніе и время все поглотило у меня. Вдругъ является ко мнѣ добрый портной Гетманъ, который 1812 года шилъ

по моему препорученію мундиры на юношей, поступившихъ съ жаркою душою въ ополченіе московское, но по причинѣ карманной пустоты затруднявшихся въ порывахъ усердія.

— Съ васъ,—сказалъ онъ,—приказано снять мѣрку и на ваточный капотъ, и на ваточный сюртукъ, и на всю пару.

Я не спорщикъ въ добрѣ. Въ ясные дни моей жизни и мнѣ удавалось дѣлиться готовою рукою. Меня удивляетъ только зачерствѣніе сердечное. Впослѣдствіи я узналъ, что обновителемъ истлѣвшей моей одежды и цѣлителемъ чахоточнаго моего кармана былъ Василій Васильевичъ Варгинъ.

Еслибы у насъ издавали лѣтописи государственныхъ поставщиковъ, онъ неоспоримо, по праву заслугъ своихъ, стоялъ бы на чредѣ съ первыми изъ нихъ. А я здѣсь скажу только о немъ нѣсколько словъ.

1807 года по заключеніи Тильзитскаго мира или, лучше сказать, перемирія по предписанію покойнаго императора, московскій военный генералъ Тутолминъ пригласилъ на совѣщаніе первостепенное московское купечество о снабженіи войскъ сукномъ и другими коммиссаріатскими потребностями. Всѣ единогласно отвѣчали: «Не можемъ!» и прибавили: «По нынѣшнимъ обстоятельствамъ за это трудное и важное дѣло можетъ приняться одно родственное общество серпуховскихъ купцовъ Варгиныхъ, которые по давнишнимъ торговымъ своимъ сношеніямъ и съ Воронежемъ, и съ донскимъ краемъ. и съ другими губерніями, пользуются общею довѣренностію».

Такъ говорилъ городской московскій голова.

А приглашенное Тутолминымъ родственное общество Варгиныхъ отъ осьмидесяти членовъ своихъ отправило на берега Невы своимъ представителемъ Василія Васильевича Варгина, цвѣтущаго красою юныхъ лѣтъ и возмужалаго зрѣлою опытностію въ производствѣ дѣлъ. Комитетъ министровъ, выслушавъ основательныя его разсужденія о предстоявшемъ дѣлѣ, представилъ его къ золотой медали. Съ этимъ свидѣтельствомъ довѣрія правительства юный Варгинъ приступилъ къ подвигу своему и участвовалъ въ немъ и во всѣхъ войнахъ до нашествія, и въ трехлѣтней войнѣ заграничной, и далѣе. 1813 года среди могильныхъ развалинъ Москвы, въ домѣ его всѣ военные чиновники, пріѣзжавшіе для пріема вещей, располагались, какъ въ собственномъ своемъ домѣ, и онъ, въ полномъ смыслѣ, послѣ разгрома двѣнадцатаго года, былъ первымъ гостепріимцемъ людей военныхъ.

Съ легкой руки В. В. Варгина пустился я (февраль 1825 г.) въ Петербургъ и пріѣхалъ туда въ самый разгулъ масленицы. Но, какъ говоритъ пословица, «чему быть, того не миновать». Дѣло

мое [1]) закипѣло быстро. При вторичномъ моемъ приходѣ къ министру народнаго просвѣщенія, А. С. Шишкову, въ день заговѣннаго воскресенья, Александръ Семеновичъ сказалъ мнѣ:

— Погодите у меня, я посналъ навѣдаться, будетъ ли сегодня пріемъ у государя.

А тогда министръ просвѣщенія докладывалъ въ семь часовъ вечера по воскресеньямъ. Хотя было воскресенье необыкновенное, однакоже отвѣтъ пришелъ удовлетворительный: «будетъ пріемъ».

Будетъ! Но едва не разрушились всѣ мои ожиданія.

А вотъ какимъ образомъ.

Собираясь во дворецъ, министръ пересматривалъ приготовленные доклады въ портфелѣ и къ удивленію своему не нашелъ докладной своей записки обо мнѣ. Записка эта исчезла.

Объясняюсь.

Съ 1806 года, то-есть со времени изданія Русскаго Вѣстника, выдумали, что будто бы я отголосокъ какого-то невидимаго общества. А я изрѣдка, и то по неволѣ, заглядывалъ и въ видимое общество.

Русскій Вѣстникъ вышелъ съ 1807 года, когда земская моя служба ознакомила меня съ духомъ сословій всего народа русскаго. Онъ не мой, онъ принадлежитъ тогдашней годинѣ нашего отечества.

Съ 1812 года облекли меня личиною таинственнаго человѣка, предполагая, что я самъ собою не отважился бы явно и гласно говорить все то, что тогда говорилъ. Со времени открытія масонскихъ ложъ, негодовали на меня за то, что я ни въ одну изъ нихъ не заполонилъ моей независимости. Не осуждая никакихъ обществъ, скажу только, что именно по духу моей независимости я не подчинялъ себя никогда самовластію часовъ. Даже въ юности моей я не приковывалъ себя къ колесницамъ нашихъ Кипридъ, страшась часоваго у нихъ дежурства; а въ 1811-мъ году, когда избранъ я былъ членомъ въ обществѣ московскихъ любителей словесности, я прочиталъ тамъ рѣчь и въ тотъ же вечеръ оттуда выбылъ, услыхавъ отъ предсѣдателя общества, что члены должны высиживать до окончанія всѣхъ чтеній. И рѣчь моя, и записка о выходѣ изъ общества помѣщены были въ 1811-мъ году въ «Трудахъ любителей словесности» отъ общества. Любовь моя къ независимости (если угодно назовите ее и какимъ-нибудь дикимъ порывомъ) возбудила странное подозрѣніе, будто бы я для того отъ всего и всѣхъ отклоняюсь, чтобы за всѣмъ и за всѣми наблюдать. Это правда: въ удаленіи моемъ отъ

---

[1]) Просьба о вспомоществованіи; изложена ниже.

свѣта я наблюдаю, но самъ собою и для себя. Никогда и никто не оцѣплялъ меня никакимъ постороннимъ наблюденіемъ. Предположенія и заключенія человѣческія иногда бываютъ удивительныя! Вотъ мое объясненіе, и вотъ почему изъ портфеля министра взята была обо мнѣ записка, въ томъ предположеніи, нѣтъ ли въ ней какого доноса на духъ тогдашняго времени.

Великими историческими событіями ознаменовался 1825-й г. для нашего отечества, необыченъ онъ былъ и для меня.

Но какъ бы то ни было, а увлеченіе записки послужило къ пользѣ моей; А. С. Шишковъ быстрымъ и порывистымъ перомъ написалъ обо мнѣ нѣсколько строчекъ, заявляя въ нихъ «безпредѣльную любовь мою къ отечеству и всегдашнюю готовность жертвовать всегда всѣмъ престолу и отечеству».

Это сущность отзыва министра, а вотъ содержаніе пропавшей моей записки:

I) Служба. 1795 года я началъ службу въ числѣ адъютантовъ у князя Юрія Владиміровича Долгорукова, бывшаго въ то время московскимъ генералъ-губернаторомъ.—1799 года добровольно вызвался въ итальянскій походъ съ восьмисотнымъ отрядомъ Архаровскаго полка.—Въ 1806-мъ году находясь въ отставкѣ и бывъ безпомѣстнымъ дворяниномъ (ибо 1802 года, по словесному завѣщанію матери моей, я все родовое наслѣдство отдалъ сестрѣ), на собственномъ иждивеніи служилъ бригадъ-майоромъ въ земскихъ войскахъ по Сычевскому уѣзду, за что и награжденъ золотою медалью съ лицеизображеніемъ императора Александра Перваго и съ надписью: «За вѣру и отечество». 1812 года мнѣ удалось первому записаться въ ратники московскаго ополченія и первому возложить на алтарь отечества жертву. Того же года іюля 18-го награжденъ я былъ орденомъ 4-й степени св. Владиміра при слѣдующемъ рескриптѣ:

«Господинъ майоръ Глинка! Любовь къ отечеству, доказанная дѣяніями и сочиненіями вашими, обратила на васъ вниманіе наше». На подлинномъ рескриптѣ подписано: «Александръ». Въ то же время возложены были на меня особенныя порученія, съ коими жизнь моя подвержена была ежечасной опасности.

II) Печатные труды. Не стану здѣсь напоминать всѣхъ чернильныхъ моихъ грѣховъ, скажу, что въ запискѣ къ министру и тогда уже вмѣстѣ съ Русскимъ Вѣстникомъ простирались они до 130-ти частей. А много ли листовъ отдѣлитъ отъ нихъ потомство? Не знаю. Покойный А. Ѳ. Воейковъ сказалъ мнѣ однажды, что «изъ всѣхъ моихъ многоплодныхъ сочиненій выкроится маленькая книжечка». Если и это сбудется, то будетъ для меня пальмою безсмерт-

ною. На моемъ вѣку сколько поколѣній книгъ пали въ Лету не съ шумомъ, но безмолвно!

III) Просьба. Здѣсь долженъ я прибавить, что вмѣстѣ съ возложенными на меня препорученіями развязаны мнѣ были руки на триста тысячъ экстраординарной суммы, изъ коей по запискѣ моей выдано только пятнадцать рублей для покупки шапки Крылацкому крестьянину Никифору, благословившему трехъ сыновей своихъ въ ополченіе. Не до записокъ было въ то время, когда дѣло шло, быть или не быть Россіи въ Россіи! Тутъ настояла надобность необходимая успокоивать умы, сколько возможно, а для этого, по возложеннымъ на меня особеннымъ порученіямъ, надлежало и днемъ и ночью быть въ непрестанной дѣятельности.

Сверхъ того, нельзя было ни часомъ, ни мгновеніями охлаждать жаркаго рвенія юношей, порывавшихся подъ хоругви ополченія. Вслѣдствіе сего и днемъ, и ночью, во всякое время, когда заставали меня юноши, я бралъ оставшіяся вещи жены моей отъ утраченнаго ея наслѣдства опекою, продавалъ и употреблялъ ихъ къ поспѣшному исполненію желанія новоополченныхъ. Такимъ образомъ снарядилъ я на службу до двадцати юношей и въ представленномъ о томъ свидѣтельствѣ показалъ, что это стоило женѣ моей свыше пяти тысячъ рублей, почему и просилъ, чтобы за пожертвованіе испросить у государя тысячу рублей пенсіи. Деньги же триста тысячъ возвратилъ я черезъ графа Ѳ. В. Растопчина куда слѣдуетъ.

Вотъ подлинная сущность моей записки. Не только не пеняю на руку, похитившую ее, но еще благодарю. Ибо въ треволненный 1825-й годъ читатели записки могли убѣдиться, что ни перо мое, ни сердце ни на кого не посягало. Много бурь нагоняли на меня, но я не отклонялъ ихъ отъ себя, чтобы сбить съ ногъ другихъ. Чтобы не возбудить притязательствъ за 1812-й годъ, мнѣ утверждено было государемъ выдать шесть тысячъ для уплаты въ университетскую типографію за напечатаніе третьяго изданія моей Русской Исторіи и наградить перстнемъ въ три тысячи рублей. Слѣдовательно, это уравнивалось съ издержками нашими 1812-го года. Я тогда объ этомъ расчетѣ не мыслилъ: я радъ былъ, что семейство мое почувствуетъ хотя временную передышку отъ нашествія горестныхъ нуждъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, отправился я къ Николаю Михайловичу Карамзину. Нашъ исторіографъ встрѣтилъ меня съ такимъ же радушіемъ, съ какимъ обходился со мною въ Москвѣ. Однажды, вечеромъ, былъ у него М. М. Сперанскій, и Николай Михайловичъ, указывая на мою Русскую Исторію, лежавшую у стѣны на столикѣ, сказалъ:

— Сергѣй Николаевичъ, вы обогнали меня въ исторіи.

Я отвѣчалъ:

— Въ продолженіе годовъ, а не въ славѣ пера вашего.

А между тѣмъ, когда нашъ исторіографъ говорилъ въ Петербургѣ о быстромъ обгонѣ моей Русской Исторіи, ее, бѣдную, въ Москвѣ безпощадно уничтожали, и она въ безмолвіи уснула сномъ непробуднымъ. Роковая внезапность невольно поражаетъ. Тогда я сильно былъ встревоженъ, а теперь не сержусь, но радуюсь, что журнальная мысль дѣйствуетъ и пробуждаетъ дѣятельность. Прибавлю притомъ только, что безъ безпристрастной, отчетливой критики она будетъ самоуправствомъ, ибо нужно показать недостатки, и что и почему не хорошо. А въ Телеграфѣ, бывшемъ тогда въ ходу, сказано было лаконическимъ приговоромъ: «Не читать безъ замѣчаній Русской Исторіи Сергѣя Глинки ни отцамъ, ни матерямъ, ни наставникамъ». Это приговоръ, а не доказательства.

Прочитавъ это въ Телеграфѣ, Николай Михайловичъ прислалъ ко мнѣ слѣдующую записку: «Иду сейчасъ къ министру просвѣщенія». И онъ пошелъ.

На другой день передъ кабинетомъ министра просвѣщенія встрѣтилъ я Василія Андреевича Жуковскаго и услышалъ отъ него, что Н. М. Карамзинъ въ докладѣ своемъ изъяснилъ, что моя Русская Исторія, по изложенію происшествій и по нравственной цѣли, заслуживаетъ быть классическою книгою, за что и ходатайствуетъ о предоставленіи мнѣ награды.

Между тѣмъ Н. И. Гречъ пригласилъ меня къ обѣду. Я пришелъ къ нему съ сыномъ моимъ Владиміромъ, котораго взялъ съ собою, чтобы не быть въ Петербургѣ вовсе сиротою въ разлукѣ съ семействомъ. Гости съѣзжались. Тутъ, не бывъ въ Петербургѣ около семнадцати лѣтъ, увидалъ я юное, новое поколѣніе, сильное словомъ, мыслію и перомъ. Въ числѣ ихъ былъ Грибоѣдовъ. Хозяинъ посадилъ меня между поэтомъ Гнѣдичемъ и И. А. Крыловымъ. Когда поднесли къ нему исполинское блюдо рыбы, Крыловъ сказалъ:

— Что это, Николай Ивановичъ, ты хочешь насъ закормить?

— Нѣтъ!—возразилъ хозяинъ:—я хочу васъ накормить.

Для меня, тогдашняго московскаго затворника, все было какимъ-то чуднымъ зрѣлищемъ, которое и развернулось неожиданною выходкою. Когда подали жаркое, Н. И. Гречъ, наливъ бокалъ шампанскимъ, сказалъ:

— За здоровье государя императора и за здоровье всего Августѣйшаго дома, увѣнчавшаго наградою Сергѣя Николаевича Глинку.

Бокалы закипѣли. Когда дошла очередь до меня, я попросилъ

перо, бумагу и тутъ же написалъ стихи, напечатанные въ Сѣверной Пчелѣ февраля 17-го 1825 года.

Послѣ заздравнаго тоста за домъ царскій, хозяинъ провозгласилъ тостъ за тогдашняго министра просвѣщенія А. С. Шишкова, обратившаго на меня Высочайшее вниманіе. Обѣдъ былъ данъ не для моихъ «прекрасныхъ глазъ». Ловкій хозяинъ только воспользовался случаемъ. Съ 1824 года, за похищенный изъ его типографіи печатный листъ ему довелось терпѣть въ чужомъ пиру похмѣлье, то-есть попасть въ среду боровшихся страстей. Не любя вмѣшиваться въ чужія дѣла, не стану болѣе о томъ распространяться. А притомъ, съ 1825-го года къ отшельнической моей жизни столько прильнуло необычайныхъ обстоятельствъ, что и теперь, то-есть въ 1841-мъ году, едва могу ихъ сообразить.

Между тѣмъ, когда Нева дремала подо льдомъ своимъ, на берегахъ ея бушевалъ сильный разгулъ раздраженія. Прислушиваясь къ гулу его и видя въ людяхъ какое-то необычайное и затороплёніе и движеніе, я рѣшился какъ можно скорѣе летѣть въ семейное мое уединеніе.

Чтобы ѣхать изъ Петербурга, иду за подорожною къ графу Милорадовичу. При появленіи моемъ онъ держалъ № Сѣверной Пчелы, въ которомъ напечатано было о пирѣ Н. И. Греча; размахивая листомъ, графъ сказалъ:

— Я сейчасъ объ васъ читалъ. Но я скажу государю, что для васъ ничего не сдѣлано. Вамъ въ долгу правительство за двѣнадцатый годъ.—И къ тому высокопарно возгласилъ:—съ Сергѣя Николаевича ничего не брать за подорожную, онъ все отдавалъ отечеству.

Такимъ образомъ получилъ я обѣленную подорожную, и тутъ же графъ напѣвалъ множество хвалебныхъ вѣстей о государѣ, во время и послѣ наводненія, для помѣщенія этихъ его разсказовъ въ Русскомъ Вѣстникѣ. Но напыщенный его разсказъ доказывалъ, что сердце его отрицало то, что языкъ его усиливался высказывать во всемъ риторскомъ великолѣпіи. Это замѣчаніе впослѣдствіи объяснится само собою.

Получивъ подорожную, я поспѣшилъ къ министру откланяться и поблагодарить.

— Погостите у насъ въ Петербургѣ недѣли три,—сказалъ Александръ Семеновичъ,—объ васъ будетъ еще другой докладъ по представленію Н. М. Карамзина.

— Не останусь и на три дня,—отвѣчалъ я.—Я увѣренъ, что вы сдѣлаете для меня все, что будетъ возможно: а я спѣшу въ Москву возвѣстить то, чѣмъ усердіе ваше уже наградило меня.

Съ живымъ предчувствіемъ неизбѣжной политической бури от-

правился я въ Москву и въ первыя минуты свиданія съ женою сказалъ ей:

— Увѣряю тебя, что нынѣшній годъ непремѣнно будетъ въ Петербургѣ что-нибудь необычайное.

— Полно!—возразила она,—ты такой же мечтатель, какъ и любезный твой Жанъ-Жакъ Руссо. Vous êtes un visionaire comme votre favori Jean Jeaques Rousseau.

— Не говори этого,—возразилъ я:—мой Жанъ-Жакъ не только угадчикъ, но былъ почти и пророкомъ. За нѣсколько лѣтъ до революціи онъ въ Эмилѣ своемъ цѣлому свѣту возвѣстилъ, что мы живемъ въ вѣкѣ революцій, цари будутъ подданными, а подданные царями, и мало ли что онъ еще предрекалъ. Да когда въ вихрѣ свѣта прислушиваться и вслушиваться въ ходъ времени! Впрочемъ увидимъ, кто изъ насъ будетъ правъ.

Чрезъ нѣсколько времени по возвращеніи въ Москву, получилъ я отъ Н. М. Карамзина слѣдующее письмо:

«Сердечно благодарю васъ за ласковое, обязательное письмо, но ради Бога не говорите о моихъ мнимыхъ одолженіяхъ! Я еще не могъ ничѣмъ услужить вамъ. Г. министръ не рѣшился доложить объ васъ вторично и сдѣлаетъ то современемъ, какъ сказалъ мнѣ вчера; думаю, что для вѣрнѣйшаго успѣха лучше подождать. Ему единственно обязаны вы первымъ благосклоннымъ докладомъ, обо мнѣ же можете только сказать по справедливости, что я не уступлю никому въ искреннѣйшемъ вамъ доброжелательствѣ и въ готовности доказать вамъ дѣломъ истину чувствъ моихъ. Любите меня просто за любовь мою къ вамъ; а будетъ, что Богу угодно. Не забуду напоминать г. министру, пока намъ рѣшительно не откажутъ.

«Будьте выше зависти и клеветы, о которыхъ вы упоминаете въ письмѣ вашемъ и которыя въ здѣшнемъ свѣтѣ не оставляютъ въ покоѣ добрыхъ людей. Къ счастію, есть Богъ! злымъ не всегда удается сдѣлать зло. 8-го марта 1825 года. С.-Петербургъ».

Я писалъ не о злыхъ людяхъ, но о легкомысленныхъ. Недовѣріе похитило мою записку въ Петербургѣ. Тревожное недоумѣніе встрѣтило меня и на берегахъ Москвы-рѣки. Поѣздка моя въ Петербургъ и данный мнѣ обѣдъ Н. И. Гречемъ взволновали весь Московскій университетъ.

Нѣтъ въ мірѣ ничего хуже и вреднѣе предположеній и ребяческихъ догадокъ. Умъ опытный и основательный сперва все осмотритъ, все изслѣдуетъ, сообразитъ обстоятельства и душевныя свойства человѣка, а потомъ предъявитъ свое сужденіе. Весь университетъ всполошился; одни распустили молву, будто бы я давалъ въ Петербургѣ пиръ и ухлопалъ на него данное на уплату въ университетскую ти-

пографію. Другіе разглашали, будто бы я ѣздилъ для захвата той или другой каѳедры. Не говоря о риторикѣ, которая часто учитъ одному пустословію, но ни логика ни, такъ называемыя, точныя науки не вразумляютъ туманнаго и неугомоннаго подозрѣнія людей. Что же такое просвѣщеніе, если вмѣсто свѣта оно забрасываетъ умъ въ потемки? Что же такое просвѣщеніе, если предубѣжденіе швыряетъ человѣка, какъ ничтожный мячикъ съ одной колеи на другую? Дѣла человѣческія такъ вѣрны, какъ и посылки математическія. Цѣлая Москва знала, на какую гласную чреду забросила меня судьба 1812 года. Что же я дѣлалъ потомъ? Искалъ ли почестей, перебивалъ ли кому дорогу? Я отклонился и отъ свѣта, и отъ всего; я просто съ бѣднымъ трудовымъ моимъ перомъ запрятался въ мой семейный пріютъ и, такъ сказать, самъ сомкнулъ уста гласности обо мнѣ въ великій нашъ годъ. Но бѣгай какъ хочешь отъ пересудовъ предубѣжденія, спрячься въ подземелье, оно doроется до тебя. А я и въ самомъ дѣлѣ чуть было не легъ въ общую намъ матерь сырую землю.

Огромленный со всѣхъ сторонъ молвою, я невольно упадалъ духомъ подъ болтливымъ и шумнымъ ея налетомъ. Желчь разлилась у меня, и при снадобьяхъ Эскулапа я слегъ въ постель. Опасаясь, что семейство мое, въ случаѣ смерти моей, останется безъ всякаго пособія, я изъ-подъ бремени моей болѣзни писалъ къ графу Милорадовичу, чтобы онъ по обѣщанію своему ходатайствовалъ за меня у государя.

Отвѣта не было. Графъ сердился на меня за то, что возгласы его не появлялись въ Русскомъ Вѣстникѣ.

Еслибъ разсказы его дышали искренностію, то, несмотря на тяжкую болѣзнь мою, я написалъ бы и напечаталъ препорученную мнѣ статью, но ни мысли, ни сердце, ни перо мое не поддавались. Не думайте, чтобы издатель Русскаго Вѣстника нахватомъ излагалъ свои мысли и сердечныя чувства. Онъ говорилъ то, что душа его подсказывала ему.

Вмѣстѣ съ весною оживилось и мое здоровье, и въ маѣ мѣсяцѣ того же года получилъ я изъ Петербурга отъ князя П. А. Ширинскаго-Шихматова, что по отношенію Н. М. Карамзина былъ докладъ государю, но что Его Величество не соблаговолилъ на пенсію, говоря, что я не служу, а чтобы служилъ; впрочемъ впредь готовъ оказать мнѣ новое временное вспомоществованіе... Отъ этой вѣсти я нисколько не поморщился, и даже тѣнь досады не потревожила моего сердца. Единственнымъ украшеніемъ наемнаго моего пріюта былъ большой портретъ Александра I въ позолоченной рамѣ и помѣщенный надъ софою. Я сѣлъ подъ него и съ жаркимъ чув-

ствомъ написалъ посланіе къ императору Александру и посланіе къ А. С. Шишкову. Озабочивало меня только, съ чѣмъ снова ѣхать въ Петербургъ, чтобы въ исполненіе государева слова проситься въ какую-нибудь службу. Февральское пособіе мимолетнымъ сномъ исчезло. Надлежало усилить труды и какъ-нибудь добыть нужное на поѣздку на берега Невы. Въ іюлѣ мѣсяцѣ послѣ именинъ, то-есть послѣ 22-го числа (1825 г.), я, взявъ бричку у моего домохозяина, выѣхалъ изъ Москвы. Не болѣзнь, но какая-то тяжелая тоска сильно давила мнѣ грудь и вовсе отбила меня отъ обыкновенной пищи. А потому я запасся апельсинами и лимонами и дорогою покупалъ и ѣлъ ягоды, гдѣ попадались. Не умѣю высказать, что отуманивало мою душу; помню, что я будто исчезалъ въ самомъ себѣ. Время было прекрасное, но глаза мои не обращались на ясный небосклонъ и ни на какіе виды. Въ такомъ чудномъ и безотчетномъ для меня состояніи пріѣхалъ я на Валдайское зимогорье часу въ шестомъ вечера 27-го іюля. Оставивъ чинить бричку, пострадавшую отъ дороги, я пошелъ медленнымъ шагомъ горами.

Несвязныя мысли толпились въ головѣ моей. Я самъ никуда не оглядывался и какъ будто не слыхалъ подъ собой земли. Проѣзжалъ ли кто въ это время мимо меня, не знаю. Пустынею безмолвною была вся окрестность или такъ мнѣ показалось.

Между тѣмъ все болѣе и болѣе вечерѣло. Безмятежный сумракъ спускался на вершины горъ. Къ исходу часа десятаго очутился я на шестой верстѣ, и въ это время просверкнула въ головѣ моей мысль: Государь требуетъ, чтобы я служилъ. Но чтобы добиться до какой-нибудь службы, надобно исканіе, время, а я не привыкъ къ исканію; или нужно ждать, чтобы смерть столкнула кого-нибудь съ мѣста. Это все для меня новое и тяжелое дѣло.

Тутъ не могу и теперь отдать себѣ отчета, по какому необычайному порыву быстро приподнялъ я голову, снялъ шляпу, и вотъ что предстало удивленнымъ глазамъ моимъ.

Среди свѣтозарныхъ облаковъ я увидѣлъ императора Александра, ницъ преклоненнаго отъ юга на сѣверъ въ молитвенномъ положеніи. На головѣ его была корона, а надъ нею виталъ свѣтлый облакъ. Глубокое, душевное, святое умиленіе отражалось во всѣхъ чертахъ лица его. Дивными, радужными цвѣтами отсвѣчивалась державная порфира царя, молившагося Царю царей. Я стоялъ, какъ вкопанный, неподвижно; видѣлъ все явственно и не вѣрилъ глазамъ моимъ, или, лучше сказать, вглядывался въ небесное видѣніе очами душевными, а не земными.

Съ постепеннымъ наступленіемъ сумерекъ величественный призракъ исчезалъ съ ногъ и далѣе. Наконецъ съ послѣднимъ солнеч-

нымъ лучемъ призракъ весь разсѣялся въ розовомъ сумрачномъ тумане. Въ это мгновеніе слезы брызнули изъ глазъ моихъ. Раздался звонъ колокольчика, бричка моя подоспѣла, и я сѣлъ въ нее съ какою-то непостижимою думою.

На другой день около полудня встрѣтился я подъ Бронницами съ Семеновымъ, бывшимъ секретаремъ одного изъ тогдашнихъ обществъ. Пока перемѣняли лошадей, онъ пошелъ пѣшкомъ съ какимъ-то иностранцемъ. Я выскочилъ изъ брички.

— У меня есть къ вамъ письмо отъ Ѳедора Николаевича, — сказалъ онъ: — но оно у меня въ чемоданѣ, достать нельзя. Братецъ вашъ здоровъ, и васъ въ Петербургѣ ждутъ.

Гдѣ ожиданіе, тамъ блеститъ лучъ надежды. При словѣ: «васъ ждутъ» какъ будто свинцовое бремя спало съ моего сердца.

Въ Бронницахъ выпилъ я первую рюмку водки и пообѣдалъ также въ первый разъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ я поспѣшилъ къ брату Ѳедору Николаевичу и пересказалъ ему о дивномъ моемъ видѣніи.

Братъ убѣждалъ меня никому объ этомъ не разсказывать и между прочимъ сказалъ: «Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ императоръ въ то время молился».

Петербургъ показался мнѣ какъ будто окинутымъ какою-то мрачною завѣсою, несмотря на то, что присутствіе Маріи Павловны вызывало празднества. Приготовлялись также и къ поѣздкѣ въ Таганрогъ. Но я уже не встрѣчалъ того движенія, которое такъ кипѣло въ февральскую мою поѣздку. То была та тишина, которая предшествуетъ бурному и грозному волненію океана.

Явясь къ министру просвѣщенія, говорю ему, что я готовъ на всякую службу; но особенно былъ бы радъ и благодаренъ, еслибъ гдѣ-нибудь на городу дано бы было мнѣ мѣсто директора гимназіи, что̀ и доставило бы мнѣ средства воспитывать дѣтей моихъ. Министръ отвѣчалъ:

— Вы мнѣ будете нужны въ Москвѣ. Въ Государственномъ Совѣтѣ разсматриваютъ новый цензурный уставъ, и вы будете назначены цензоромъ. Отнеситесь ко мнѣ объ этомъ письмомъ, а я напишу въ Московскій университетъ, чтобы за безпредѣльное ваше просвѣщеніе дать вамъ какое-нибудь мѣсто до установленія новаго цензурнаго комитета.

Нечего было дѣлать, я не прекословилъ министру и, откланявшись ему, поѣхалъ на дачу къ князю Дмитрію Ивановичу Лобанову.

Даря меня нерѣдко письмами своими и разговаривая со мною нерѣдко откровенно, князь въ этотъ разъ около четырехъ часовъ дѣлалъ крайне мрачное обозрѣніе дѣйствіямъ нашихъ министровъ.

Каждое слово его дышало раздраженіемъ противъ внутренняго тогдашняго управленія. Правду сказать, я ни отъ кого въ Петербургѣ не слыхалъ ни одного добраго слова о тогдашнемъ времени. Все приготовлялось, но подъ завѣсою.

Черезъ нѣсколько времени по пріѣздѣ въ Петербургъ я пошелъ къ графу Милорадовичу; адъютантъ, доложивъ обо мнѣ, возвратился съ отвѣтомъ, что буду принятъ, а минутъ черезъ пять пришелъ сказать, что графъ уѣхалъ. Не уѣхалъ: онъ убѣжалъ другимъ выходомъ на канаву. Это было мщеніе за то, что я не напечаталъ хвалебныхъ его возгласовъ. «Милорадовичъ,—подумалъ я,—щеголялъ въ битвахъ геройствомъ, а отъ меня бѣгаетъ. Видно, я для него страшнѣе пуль». Но онъ страшился не меня, а собственной своей совѣсти, отъ которой не запрячешься и подъ землю.

Дня черезъ два послѣ этой увертливой штуки то-есть въ воскресенье, обѣдалъ я съ братомъ Ѳедоромъ Николаевичемъ на дачѣ у Никитина, бывшаго секретаремъ редакціи журнала: Соревнователь просвѣщенія. Заздравные кубки шампанскаго распалили мое воображеніе. Нѣсколько разъ порывался разсказать я о моемъ видѣніи на Валдайскихъ горахъ, но братъ мой сильно дернулъ меня за руку и сказалъ мнѣ на ухо: «Молчите!»

Дача Никитина была подлѣ Екатерингофа, и мы подъ вечеръ отправились туда. Едва сдѣлали мы нѣсколько шаговъ по саду, графъ Милорадовичъ бросился ко мнѣ съ распростертыми руками и, обнимая меня, кричалъ по-французски:

— Вы забыли! забыли меня!

На восклицанія его я возразилъ также по-французски:

— Къ вамъ нельзя ходить, графъ! Вы въ одни двери принимаете, а изъ другихъ уходите.

— Нѣтъ, нѣтъ!—продолжалъ графъ,—приходите ко мнѣ завтра поутру, мнѣ до васъ крайняя нужда.

Я рѣшился исполнить его приглашеніе. Но чтобы надежнѣе съ нимъ свидѣться, я вооружился рукописью, заключавшею въ себѣ около двухсотъ русскихъ и собственноручныхъ французскихъ писемъ Суворова [1]), переплетенную въ сафьянъ. Приношу и съ восторгомъ представляю рукопись.

Но графъ при имени Суворова холодно поморщился и оттолкнулъ памятникъ души, ума и славы Суворова; и это сдѣлалъ онъ съ какою-то навуходоносоровскою гордынею. Оттолкнувъ Суворова, онъ оборотился къ вазѣ, въ которой плавали золотыя рыбки.

---

[1]) Рукопись эта передана князю М. С. Воронцову.

— Не правда ли, сказалъ онъ, — что онѣ очень красивы.

И, не дождавшись моего отвѣта, всталъ и, съ торжественнымъ видомъ расхаживая по комнатѣ, возглашалъ:

— Видѣли ли вы безсмертный памятникъ императора Александра Благословеннаго на Петергофской дорогѣ, который онъ устроилъ послѣ наводненія?

Я отвѣчалъ отрицательно.

— О, поѣзжайте! воскликнулъ графъ, — поѣзжайте! Я пришлю къ вамъ мою коляску! C'est un monument vers le ciel; vous voirez le triomphe de l'humanité! Боже мой! я каждый день по нѣскольку разъ ѣзжу восхищаться заботами о человѣчествѣ великой души императора Александра.

Послѣ наводненія 1824-го года покойный государь приказалъ по Петергофской дорогѣ при постройкѣ тамъ возвысить двѣ пострадавшія деревни, чтобы впредь вода не причиняла имъ никакого разоренія.

Спѣшу туда въ коляскѣ графа. Спрашиваю кучера:

— Давно ли былъ тутъ графъ Милорадовичъ?

Слышу отвѣтъ:

— Никогда.

Это поразило меня, и я, отпустивъ коляску графа, не поѣхалъ къ нему. Я понялъ, для чего графъ игралъ со мною комедію.

1825-го года о графѣ Милорадовичѣ можно сказать Корнеліевымъ выраженіемъ: «Въ Римѣ не было уже Рима». Не задолго до моей мистической поѣздки на Петергофскую дорогу мнѣ разсказывалъ Егоръ Борисовичъ Фуксъ, что когда 1824 года графъ Милорадовичъ вытѣснялъ и вытѣснилъ с.-петербургскаго оберъ-полицймейстера Гладкова, онъ по этому случаю получилъ грозное письмо отъ Дибича и отъ имени государя. Въ гнѣвномъ порывѣ графъ воскликнулъ:

— Дибичъ мнѣ заплатитъ!

Схватилъ пистолеты, бросился въ карету, но съ Пулковой горы, по убѣжденію своего спутника, котораго имя, къ сожалѣнію, изгладилось у меня изъ памяти, возвратился въ городъ. Съ той поры онъ облекъ себя личиною лести. Раболѣпствовалъ передъ Аракчеевымъ, толкаясь иногда по получасу въ его пріемной. А когда графу Аракчееву докладывали о Милорадовичѣ, онъ говорилъ:

— Пусть подождетъ, онъ пришелъ выманивать денегъ.

И при появленіи сильнаго графа Аракчеева графъ Милорадовичъ изгибался въ три погибели.

Далеко, далеко былъ онъ отъ того Милорадовича, который въ

итальянскую войну, видя, что ряды нашихъ войскъ отступаютъ отъ напора непріятеля, схватилъ знамя и воскликнулъ:

— Солдаты! Посмотрите, какъ умретъ вашъ генералъ!

Далеко былъ онъ 1825-го года отъ Милорадовича 1799 года. Въ 1814-мъ году, отправляясь генералъ-губернаторомъ въ С.-Петербургъ, онъ навѣстилъ меня и сказалъ, что поѣдетъ къ графу Растопчину поучиться, какъ дѣйствовать на чредѣ генералъ-губернатора. Онъ хвастался также, что вступитъ въ борьбу съ тогдашнимъ министерствомъ. Не знаю, далъ ли ему графъ Растопчинъ какіе-нибудь уроки, но кажется, жрицы Киприды и какая-то темная дума изъ прежняго Милорадовича вытѣснила Милорадовича.

Упомянулъ я выше, что въ первую поѣздку въ Петербургъ графъ Милорадовичъ приказалъ выдать мнѣ подорожную, не взыскивая съ меня поверстныхъ денегъ. На этотъ разъ разсудилъ я уклониться отъ этого подарка, а для того послалъ человѣка узнать, у себя ли графъ. Узнавъ, что онъ въ Екатерингофѣ, иду въ канцелярію, беру подорожную, ѣду въ Екатерингофъ. Застаю графа на крыльцѣ у большой залы.

— Я радъ, что вижу васъ, сказалъ графъ.

— Я пріѣхалъ проститься съ вами, вотъ и подорожная.

Начался разговоръ по-французски.

Онъ предлагалъ мнѣ шоколадъ.

Я отозвался, что не пью его.

Графъ предложилъ мнѣ завтракъ.

— Согласенъ, сказалъ я,—завтракъ замѣнитъ мнѣ обѣдъ.

Приказавъ заготовить завтракъ, графъ пригласилъ меня съ собою на балконъ, обращенный къ заливу. Онъ сѣлъ на правую сторону къ заливу, а я на лѣвую. Не знаю, для чего, указывая рукою на Стрѣльну, мелькавшую вдали, онъ сказалъ:

— Voyez vous ce chateau? C'est moi qui a fait tout ce plan.

Что такое онъ устроилъ или смастерилъ, я не озаботился узнать.

— Графъ, сказалъ я,—дня два тому назадъ ѣхалъ я съ Каменнаго Острова Троицкимъ мостомъ. Нева волновалась, небо было подернуто туманомъ, порывистые вѣтры бушевали со всѣхъ сторонъ, и мнѣ пришла въ голову слѣдующая мысль: Pétersbourg est un ville où luttent tous les éléments et toutes lès passions.

— Mais c'est vrai ça.

— Et vous, que faites-vous?

— Je suis irrité, je me suis jeté dans la populace.

— Vous vous êtes jeté dans la mer la plus orageuse. Vous vous perdrez.

Тутъ, прервавъ разговоръ французскій, я сказалъ:

— Ужели одно простонародье составляетъ цѣлое общество? И виноваты ли мы, бѣдные отцы семействъ, что мы родились дворянами? Вы знаете, графъ, что у меня нѣтъ ни деревни, ни дома, а у меня семь человѣкъ дѣтей.

— А на что вы ихъ надѣлали?

— Вы ошибаетесь, графъ. Дѣтей Богъ даетъ. Иной богачъ Богъ-знаетъ что̀ бы далъ, только были бы у него дѣти. Но дѣтей ни покупаютъ, ни дѣлаютъ. Рѣзецъ художника можетъ выдѣлать и Купидона, и Галатею, но повторяю, что дѣтей Богъ даетъ.

Краска выступила на лицѣ графа. Онъ нѣсколько помолчалъ, а потомъ напыщеннымъ и восторженнымъ своимъ голосомъ воскликнулъ:

— Хорошо, я непремѣнно выпрошу для васъ Анну съ алмазами и три тысячи пенсіи; донесите государю, что Гречъ и Булгаринъ его не любятъ. Я буду вамъ самъ диктовать, а вы только пишите своею рукою и подпишите свое имя.

Признаюсь: менѣе бы я изумился, еслибъ громъ упалъ къ ногамъ моимъ, сколько поразилъ меня постыдный вызовъ графа.

— Графъ! сказалъ я:—тѣми ли устами вы вызываете меня на пагубу, которыми нѣкогда воспламеняли русскихъ воиновъ къ дѣламъ славы? Вы меня оскорбляете, и я не узнаю въ васъ того героя, котораго братъ мой Ѳедоръ Николаевичъ назвалъ въ письмахъ своихъ: «русскимъ Баярдомъ». Я бѣденъ, я крайне угнетенъ обстоятельствами, но за всѣ сокровища свѣта не продамъ совѣсти моей и того душевнаго слова, которое Богъ далъ намъ для любви, а не для гибели людей.

Графъ смутился, хотѣлъ что-то сказать, но тутъ послѣдовалъ зовъ къ завтраку. За столомъ мы ѣли, пили haut sotern и переливали изъ пустаго въ порожнее. Смотря на графа, затерявшагося въ прежнемъ Милорадовичѣ, я невольно повторялъ въ памяти моей стихи Жанъ-Батиста Руссо:

Héros cruels et sanguinaires
Cessez de vous énorgueillir
De ces lauriers imaginaires
Que Bellone vous fit eveillir

Вотъ вольный переводъ:

Герои! нѣтъ, не величайтесь
Кровавой яростью своей,
Вѣнцомъ побѣдъ не восхищайтесь.
Мой тотъ герой, кто другъ людей

Я простился съ графомъ и на вѣки.

А когда вышелъ мой «Московскій Альманахъ», гдѣ помѣстилъ я описаніе Екатерингофа и застольную нашу бесѣду, графъ уже

былъ тамъ, гдѣ, говоря словами поэта: «Смерть кладетъ на жизнь завѣтную свою печать»...

Я заговорилъ о лаврахъ его, пожатыхъ имъ на поляхъ Италіи, о тѣхъ дивныхъ дняхъ, когда онъ завидовалъ славной смерти храбраго Кульнева. Лицо графа прояснилось. Наконецъ онъ сказалъ:

— Опишите Екатерингофъ; не забудьте о воспоминаніяхъ оссіановскихъ, и я ваше описаніе отправлю въ Веймаръ, къ Маріи Павловнѣ.

— На это, отвѣчалъ я:—согласенъ. Ея высочество была, можно сказать, попечительною матерью русскихъ раненыхъ въ войну заграничную. Можетъ быть ей угодно будетъ наградить меня перстнемъ. Подарку буду радъ; но о вашихъ обольщеніяхъ стыжусь и подумать. Скажу только вамъ, что я такъ не люблю впутываться въ чужія дѣла, что даже не любопытствую узнать, что значатъ ваши слова, когда, указывая на Стрѣльну, вы сказали: «C'est moi, qui a fait tout ce plan».

Съ прежнею торопливостью я спѣшилъ въ Москву и, проѣзжая Царское Село, посѣтилъ я Н. М. Карамзина. Захожу въ Китайскую деревню, гдѣ жилъ тогда нашъ исторіографъ. Узнаю, что онъ занятъ въ саду утреннею прогулкою, беру перо и пишу: «Вы нѣжный отецъ семейства и вы можете судить, какъ тяжело быть въ разлукѣ съ семействомъ. Но гдѣ бы я ни былъ, напоминаніе о васъ будетъ вездѣ и всегда неразлучно со мною».

Вслѣдъ за мною летѣло слѣдующее письмо Николая Михайловича.

«Мнѣ сердечно жаль, что я не видался съ вами. Вѣрьте моему искреннему усердію. Обрадуюсь, когда узнаю, что вамъ дано хорошее мѣсто, иначе просьба о пенсіи впереди. Выбирайте любое: мѣсто или пенсію. Буду навѣдываться о мѣстѣ черезъ Сербиновича. Александръ Семеновичъ теперь въ горѣ: лишился Дарьи Алексѣевны. Будьте здоровы съ вашимъ любезнымъ семействомъ и проч.»

Чуденъ нашъ бѣлый свѣтъ, и чего въ немъ не бываетъ! Бываетъ и то, что и самыя радушныя желанія накликиваютъ дни черные. Такъ случилось со мною.

ГЛАВА XXIV.

Новая должность.—Четверократный майоръ.—А. А. Антонскій.—Письмо къ А. А. Писареву.—Мое цензорство.—Уставъ цензурный 1826 года.—Разсужденіе о самодержавіи.—Просьба моя о мѣстѣ инспектора.—Составъ цензурнаго комитета.—Цензура совѣщательная.—Уставъ 1828 года.—Кажущаяся свобода его.—Жалоба М. Т. Каченовскаго на меня.—Стихи Н. А. Кашинцова.—Новый попечитель.—Моя шутка съ Двигубскимъ.—Жалобы на меня министру.—Мое объясненіе съ княземъ Ливеномъ.—Коварство моихъ сослуживцевъ.—Объясненіе съ попечителемъ.—Жалобы на меня въ Петербургъ.—Почему меня считали членомъ тайнаго общества?—Отставка.

Въ Москвѣ встрѣтили меня и новыя предположенія, недоумѣніе и догадки, и всѣ разгулы молвы. Не виню за это никого. Моя жизнь такая разлетная: людямъ разряда сидячаго невольно втѣснится въ голову и то, и другое. Долго судили и рядили ученыя головы, куда дѣвать человѣка, извѣстнаго министру «чрезвычайнымъ своимъ просвѣщеніемъ». Наконецъ придумали возвести меня въ небывалую степень: «Оберъ-корректора университетской типографіи». По странному стеченію обстоятельствъ, мнѣ предложено было званіе оберъ-корректора въ самый день кончины императора Александра Перваго, ноября 19-го. Мелкій объемъ моей жизни не разъ сталкивался съ великими событіями. 1808-го года, по жалобѣ Наполеона на Русскій Вѣстникъ, предъявленной посланникомъ его Коленкуромъ, я былъ отставленъ отъ московскаго театра. А далѣе увидятъ, что за то, что я во французской брошюркѣ, изданной мною въ 1828-го года, подъ заглавіемъ «Considérations morales sur la presse périodique en France», касательно происходившихъ въ палатѣ Франціи жаркихъ преній о журналахъ, я предупредилъ паденіе Карла X-го, за то и самъ палъ со стула цензорскаго. A tomber sans péril il n'y a point de gloire.

Но я, право, никогда не искалъ ни славы возвышенія, ни славы паденія и остался цѣлую жизнь мою четверократнымъ майоромъ. А вотъ какимъ образомъ: въ 1806-мъ году служилъ я бригадъ-майоромъ въ земскихъ войскахъ по Сычевскому уѣзду и вышелъ въ отставку, сохраняя чинъ майора. Потомъ поступилъ на службу при московскомъ театрѣ, гдѣ былъ переводчикомъ и просилъ, чтобы оставили меня въ майорскомъ чинѣ. 1812-го года я снова отстоялъ свой майорскій чинъ. А когда, 1828-го года я вступилъ въ московскій цензурный комитетъ и принялъ должность цензора, я подалъ прошеніе къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія А. С. Шишкову, въ которомъ испрашивалъ дозволенія не носить гражданскаго мундира и не давать мнѣ чиновъ, а оставить

меня въ майорскомъ чинѣ. Вслѣдствіе просьбы моей попечитель московскаго учебнаго округа въ іюлѣ мѣсяцѣ того года получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія, генерала-отъ-инфантеріи князя Ливена слѣдующее отношеніе: «Предмѣстникъ мой, въ январѣ мѣсяцѣ сего 1828-го года, представленною государю императору докладною запискою ходатайствовалъ объ оставленіи цензора московскаго цензурнаго комитета майора Глинки въ настоящемъ его чинѣ, который, какъ полученный при увольненіи изъ военной службы, со вступленіемъ вновь на службу ему не слѣдовалъ, объясняя, что цензоръ Глинка состоитъ въ майорскомъ чинѣ двадцать семь лѣтъ и литературными своими трудами пріобрѣлъ довольную извѣстность, чтобы ему оставленъ былъ на службѣ настоящій майорскій чинъ. По собраніи къ сему нужныхъ справокъ, г. начальникъ штаба Его Императорскаго Величества входилъ съ докладомъ по означенному предмету къ государю императору, и его величество по уваженіямъ, изложеннымъ въ представленіи г. адмирала Шишкова, высочайше повелѣть соизволилъ оставить цензора Глинку на службѣ въ настоящемъ чинѣ майора».

Итакъ, съ 26-ти лѣтъ отъ роду остался я вѣчнымъ майоромъ.

Ректоромъ Московскаго университета былъ въ то время А. А. Антонскій. Онъ искусный былъ путеводитель юношей, никто лучше его не умѣлъ водворять тихомиріе среди всѣхъ волненій пылкой юности. Но и онъ, при всемъ ко мнѣ доброжелательствѣ, не изъятъ былъ изъ числа людей, почитавшихъ меня какимъ-то лицомъ или дѣятелемъ таинственнымъ. А потому неумѣстный указъ о назначеніи моемъ въ должность оберъ-корректора не раздражилъ моего самолюбія, ибо такой труженикъ чернильный великимъ былъ бы глупцомъ, еслибъ затѣялъ лелѣять тщеславіе, которымъ живутъ и дышутъ баловни судьбы и искатели почестей. Мнѣ стукнуло уже тогда пятьдесятъ лѣтъ. Трудно было присматривать и за собственными буквами. Каково же было полномочиться въ опекѣ надъ всѣми типографскими буквами! И смѣшно бы было, еслибъ я вступилъ въ оберъ-корректоры. А меня уже и требовали на оберкорректорскій стулъ. Возразить на указъ было легко: онъ присланъ ко мнѣ помимо домогательства моего. Отыскивая въ головѣ такое слово, котораго значеніе было бы полновѣснѣе и отрывочнѣе, я остановился на словѣ: поелику, которое, по чести говорю, я никогда не употреблялъ. Итакъ, вооружась великимъ и сильнымъ поелику, я препроводилъ къ А. А. Писареву, тогдашнему попечителю Московскаго университета, слѣдующее письмо:

«Поелику я никуда никогда не подавалъ никакого прошенія о занятіи мѣста оберъ-корректора, то на основаніи всѣхъ законовъ

отказываюсь не только отъ онаго, но и отъ всякаго сношенія съ Московскимъ университетомъ».

Вскорѣ послѣ письма моего попечитель Московскаго университета давалъ обѣдъ для профессоровъ, на который и я былъ приглашенъ. Отвѣтъ мой на указъ былъ уже въ рукахъ попечителя. А. А. Писаревъ былъ моимъ корпуснымъ товарищемъ и потому обходился со мною по-братски. При входѣ моемъ онъ сказалъ:

— Что это ты дѣлаешь, Сергѣй Николаевичъ?

— Ничего! а спроси, что дѣлаетъ университетъ? Вѣдь это на смѣхъ курамъ, что по свидѣтельству министра народнаго просвѣщенія, «за мое безпредѣльное просвѣщеніе», онъ же, министръ, подписалъ опредѣленіе мое въ оберъ-корректоры! Александръ Семеновичъ часто дремлетъ, и я увѣренъ, что онъ, не читавъ, подписалъ университетскую бумагу соннымъ перомъ...

Отчего уставы человѣческіе, составляемые въ кругу такъ называемыхъ людей государственныхъ, часто и очень часто умираютъ въ колыбели появленія своего? Такой участи подвергся уставъ цензурный, вышедшій 1826 и болѣе года разсматриваемый въ нашемъ велемудромъ Государственномъ Совѣтѣ!

Поговоримъ о скоротечномъ его существованіи.

По случаю коронаціи прибылъ въ Москву министръ просвѣщенія, А. С. Шишковъ, вмѣстѣ съ цензурнымъ уставомъ. Главный сочинитель сего дивнаго творенія, какъ гласитъ молва, былъ князь Пл. Алекс. Шихматовъ-Ширинскій. Отъ него получилъ я уставъ и, прочитавъ его, снова возвратилъ ему, говоря, что «въ силу такого чугуннаго устава не могу быть цензоромъ».

И покойный уставъ во всей силѣ этого слова былъ чугунный; онъ сочиненъ былъ партіей, возставшей противъ прежняго министерства просвѣщенія. Во-первыхъ, этимъ уставомъ запрещалось пропускать масонскія книги. А что такое масонскія книги? Къ распознанію ихъ не давалось никакого ключа. Я не врагъ никакихъ обществъ, но я, по страсти моей къ независимости, никогда не заглядывалъ ни въ какую ложу; какимъ же образомъ могъ я отличить масонскую книгу отъ книги обыкновенной? Но это еще бездѣлица. Екатерина Вторая, перемѣстя выраженіе Паскаля въ свой Наказъ, повторила: «Можно перетолковать и молчаніе». А § 151 чугуннаго устава обязывалъ цензоровъ отыскивать двоякій смыслъ, то-есть превращалъ цензурный комитетъ въ инквизицію. Ужели кропатели этого устава не знали и не вѣдали, что и самую святую, небесную молитву, что и «Отче нашъ» можно перетолковать якобинскимъ нарѣчіемъ? Прости имъ Господи! Быстрое паденіе взлелѣяннаго ими чада доказало, что они не вѣдали, что творили. Но это все

еще бездѣлица. А вотъ что важнѣе всего. Этотъ грозный уставъ давалъ право цензорамъ при малѣйшемъ намекѣ противъ власти самодержавной и противъ августѣйшаго дома брать и сочинителей, и граверовъ, и все пишущее и все ваяющее. Во-первыхъ, можно ли, чтобы кто-нибудь написалъ: я не люблю Бога, я не люблю Царя? Но еслибъ въ какомъ-нибудь порывѣ это и случилось, тогда цензоръ благомыслящій вычеркнулъ бы частицу не, и осталось бы: я люблю Бога, я люблю Царя. Во-вторыхъ, ужели думаютъ, будто бы тюрьмы и цѣпи и сѣкиры поддерживаютъ самодержавное правленіе? Крѣпко ошибаются тѣ, которые насиліемъ и самоуправствомъ домогаются замѣнить любовь сердечную и мудрое, благоразумное наблюденіе, которое можно назвать вторымъ провидѣніемъ въ обществѣ человѣческомъ. Предвидѣть и предупреждать: вотъ вся тайна политики, если политика можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ умнозоркой мысли и душа не довѣряетъ самой себѣ. При Екатеринѣ, Болтинъ въ примѣчаніяхъ на исторію Леклерка, посвященныхъ Екатеринѣ, сказалъ: «Петербургъ есть бездна, поглощающая всѣ доходы государственные и ничего не возвращающая. А потому рано или поздно перенесутъ столицу въ Москву или гдѣ будетъ удобнѣе по мѣстному состоянію Россіи».

И Петербургъ стоялъ себѣ при Екатеринѣ и величаво, и спокойно. Послѣ 1812 года заговорили о перемѣщеніи столицы въ Нижній; тогда же заговорили и о Сибири. А Екатерина при общемъ потрясеніи всѣхъ областей европейскихъ оставила Россію на горней степени безопасности. При Екатеринѣ вышелъ Вадимъ, въ которомъ сказано:

Самодержавіе повсюду бѣдъ содѣтель,
Вредитъ и самую чистѣйшу добродѣтель,
И, невозбранные открывъ пути царямъ,
Даетъ свободу быть тиранами царямъ.

И самодержавіе Екатерины не поколебалось ни на одну черту. Она говорила: «гоненіе умы раздражаетъ» (§ 496 Наказа). При ней только два человѣка подверглись гоненію: Новиковъ и Радищевъ. Радищева Екатерина сослала по требованію раздраженныхъ баръ, а къ чести Потемкина скажу, что хотя на его долю всѣхъ болѣе досталось въ книгѣ Радищева, но онъ не требовалъ ссылки его.

Горе тому обществу, гдѣ изъ мухи дѣлаютъ слона и гдѣ, развязывая умы, усиливаются сковать ихъ цѣпями.

Цѣлый годъ отбивался я отъ этого тяжелаго устава. Между тѣмъ жена моя отправилась въ Петербургъ съ дочерью для помѣщенія ея въ общество благородныхъ дѣвицъ. Тогда же писалъ я къ

помощнику министра просвѣщенія, Д. Н. Блудову, прося, нельзя ли дать мнѣ мѣсто объѣзднаго инспектора надъ частными пансіонами. Г. Блудовъ отвѣчалъ, что правительство положило себѣ за правило не учреждать никакихъ новыхъ мѣстъ, и что если не соглашусь быть цензоромъ, то нѣтъ мнѣ никакого мѣста. Замѣчу мимоходомъ, что инспекторы учреждены, а потомъ скажу, что кто тонетъ, и за бритву хватается. А потому 1 октября 1827 года былъ я назначенъ цензоромъ. Въ прежнемъ уставѣ одно было хорошо: при немъ не было смѣшенія обыкновенныхъ цензоровъ съ профессорами университетскими. Цензурный комитетъ состоялъ при университетѣ, но не зависѣлъ отъ него. Товарищами моими были гг. Аксаковъ и Измайловъ. «М. г..., сказалъ я имъ: — если будемъ буквально руководствоваться уставомъ, то намъ ни одного слова нельзя будетъ пропустить. Уставъ обязываетъ отыскивать двоякій смыслъ, а каждое почти слово подвержено перетолкованію. Я цѣлый годъ отбивался отъ цензурнаго стула, потерялъ три тысячи жалованья, и теперь одна смертельная нужда заставила меня принять званіе цензора. Вы можете повѣрить, что я вникъ въ уставъ и что я удостовѣрился, что онъ недолго проживетъ. Но и при мимолетномъ его существованіи мы накличемъ на себя много бѣдъ, если, повторяю еще, будемъ придерживаться буквамъ устава. А потому составимъ цензуру совѣщательную».

Товарищи мои просили, чтобы я объяснилъ имъ, что значитъ цензура совѣщательная? Я отвѣчалъ: «Если въ рукописяхъ тѣхъ, которые постарѣе насъ, замѣтимъ что сомнительное, то поѣдемъ къ нимъ на домъ для объясненія. А кто помоложе насъ, того пригласимъ въ комитетъ».

А что всего страннѣе, это то, что я, учредитель совѣщательнаго комитета, одинъ только былъ обезпокоенъ. Вотъ какимъ образомъ. Просилъ я В. В. Измайлова процензуровать мою рукопись подъ заглавіемъ: «Исторія жизни Александра Перваго»...

Кончилось тѣмъ, что Измайлвъ совершенно отказался пропустить мою рукопись.

Со времени существованія цензуры никогда не было такого свободнаго, такого льготнаго устава для мысли человѣческой, какимъ казался уставъ 1828 года. Съ горестію повторяю: казался. Въ уставѣ отжившемъ, какъ выше показано, налагали тяжелую обязанность дорываться до двоякаго смысла. Въ новомъ предписывалось смотрѣть на явный смыслъ рѣчи и не толковать ничего въ дурную сторону, не привязываться къ отдѣльнымъ выраженіямъ; наконецъ §-мъ, взятымъ изъ устава 1803 г., предъявлено, что цензоръ не имѣетъ права разбирать, справедливы ли или несправедливы

сужденія писателя или переводчика. Боже мой! Какая, повидимому, свобода мыслей! Но что же вышло? Гдѣ нѣтъ прочнаго, твердаго, кореннаго основанія для слова, мысли и дѣйствій человѣческихъ, — тамъ все на мигъ, тамъ все зависитъ отъ хода обстоятельствъ и произвола силы. — Тяжелъ былъ по сущности прежній уставъ; но доброе рѣшительное желаніе моихъ товарищей и мое желаніе—никому не повредить и никого не оскорбить, дѣйствительно, сдѣлало то, что всѣ были довольны, и не было никакого замѣчанія, ни выговора со стороны министра народнаго просвѣщенія. Новый уставъ воспріялъ силу свою въ началѣ 1829 года, и мгновенно оказались неудобства его. Составители устава и тѣ мѣста, гдѣ его разсматривали, не взглянули, что голоса сторонняго цензора никогда не могли имѣть успѣха. Три профессора-цензора университетскіе и президентъ комитета, вмѣщавшій въ себѣ лицо попечителя университета, всегда должны первенствовать. При прежнемъ уставѣ, я только одинъ подвергся натиску, какъ выше показано; первый шагъ новаго устава меня перваго встрѣтилъ новымъ натискомъ.

Вотъ изъ чего загорѣлась сильная борьба. Я былъ цензоромъ Телеграфа. Въ исходѣ 1828 года издатель Вѣстника Европы, М. Т. Каченовскій, извѣщалъ, что безъ всякаго содѣйствія университета онъ будетъ полнымъ хозяиномъ изданія своего. Это бы очень хорошо было. На бѣду свою, онъ провозгласилъ славянорусскимъ словомъ о какихъ-то партіяхъ, которыя будто бы водрузили знамена на какой-то чужой землѣ, и такъ далѣе. Издатель Телеграфа, возражая на это высокопарное увѣдомленіе, между прочимъ сказалъ, что Вѣстникъ Европы выходитъ изъ стѣнъ университета на скудельныхъ ногахъ. Въ подлинномъ смыслѣ, это даже относилось къ чести М. Т. Каченовскаго, ибо онъ самъ повѣщалъ, что, дѣйствуя безъ университета, собственною развязанною мыслію онъ улучшитъ свое изданіе. Но въ совѣтѣ глубокомысленно рѣшили, что скудельныя ноги Вѣстника Европы непосредственно относятся къ статскому совѣтнику Каченовскому, и г. статскій совѣтникъ подалъ прошеніе, въ которомъ требовалъ въ силу устава благочинія имати подъ стражу майора и кавалера Сергѣя Глинку! Чудные эти ученые люди! Они берутся насъ просвѣщать, а того не знаютъ, что надобно сперва изслѣдовать дѣло, а потомъ сажать подъ стражу того, на кого доносятъ. Тщетно говорилъ я гг. профессорамъ-цензорамъ, что цензурный комитетъ не судъ уголовный; покойный Цвѣтаевъ, профессоръ юриспруденціи, и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Съ учеными людьми да съ нашими судами избавь, Боже, сближаться! Профессора такъ мучили меня болѣе трехъ мѣсяцевъ, что въ поѣзд-

ку мою въ Петербургъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я схватилъ въ дорогѣ сильную горячку.

Въ началѣ 1830 года прибылъ въ Москву государь императоръ. Н. А. Кашинцовъ съ стихами на прибытіе государя заѣхалъ ко мнѣ вечеромъ и просилъ, чтобы я ускорилъ печатаніе его стиховъ, потому что они будутъ поднесены на другой день государю. Я полагаю, что главная обязанность службы, чтобы какъ можно болѣе мирить съ правительствомъ тѣхъ, которые относятся къ различнымъ разрядамъ начальства. Начальникъ и чиновникъ—слуга и долженъ быть ревностнымъ, радушнымъ слугою народа. Руководствуясь этимъ правиломъ, я во всякое время отворялъ и двери, и сердце мое къ услугамъ каждаго, не разбирая ни лицъ, ни званія. Новый же уставъ дозволялъ безъ всѣхъ комитетскихъ формъ напечатаніе того, что̀ не простирается свыше печатнаго листа. Итакъ я немедленно вечеромъ поѣхалъ со стихами г. Кашинцова въ университетскую типографію и, подписавъ ихъ на основаніи льготнаго параграфа устава, препоручилъ, чтобы къ завтрашнему утру они непремѣнно были отпечатаны и доставлены мнѣ. Такъ и сдѣлалось. А я въ тотъ же часъ передалъ ихъ г. Кашинцову, и стихи его были представлены государю. Но едва его величество выѣхалъ изъ Москвы, цензурный комитетъ бросилъ въ университетскую типографію грозный запросъ: какъ типографія осмѣлилась напечатать стихи мимо комитета? Какъ еще не повторить: что за чудаки люди ученые! Дѣло предстояло о стихахъ, поднесенныхъ государю. Слѣдовательно, надлежало внимательно вчитаться въ уставъ: имѣлъ ли цензоръ Глинка, или не имѣлъ право пропустить стихи, и почему онъ ихъ пропустилъ? Куда у насъ до этого! Руби съ плеча: да и только! Типографія перепугалась запроса, а я отвѣчалъ, выставя параграфы, допускающіе безформенное печатаніе листа: «Но еслибъ и не существовали сіи параграфы, то и тогда бы я не усумнился низложить преграды вѣрноподданническому усердію къ государю императору».

Вышло дѣло не на шутку. Прочитавъ уставъ, который до сихъ поръ былъ для нихъ мертвою буквою, они крѣпко призадумались, видя мою настойчивость въ правомъ дѣлѣ. Судьба сняла съ нихъ ношу, бывшую имъ не по плечу. Нерѣдко или почти всегда у насъ перемѣна одного человѣка все перемѣняетъ. Вмѣсто корпуснаго товарища моего Александра Александровича Писарева поступилъ въ попечители князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ. Онъ слыветъ въ Москвѣ добрымъ человѣкомъ, отъ того что у него сотни тысячъ дохода. А я скажу стихомъ комедіи Пять тысячъ рублей:

«Не качествами онъ, количествами годенъ»

Но до приступленія къ описанію новой битвы съ профессорами-цензорами скажу, что ихъ привело въ новое смущеніе и сильное недоумѣніе: ибо ученость судитъ по предубѣжденію, а не по сущности обстоятельствъ. Въ то самое время, когда новый попечитель университета и президентъ цензурнаго комитета, князь С. М. Голицынъ, выѣхавъ на дворъ университетскій, спрашивалъ, гдѣ цензурный комитетъ, шелъ я по двору и, подойдя къ нему, вызвался, какъ цензоръ, быть его проводникомъ. Пока всходили мы на крыльцо, я сказалъ ему:

— La providence impose sur vous une grande tâche: vous aurez à juger la pensée.

Съ этимъ словомъ я съ нашимъ новымъ президентомъ вошелъ въ комитетъ. Профессора-цензора отъ чего-то поблѣднѣли, почитая меня членомъ какой-то тайной полиціи; они предполагали, что я подстерегъ князя и надулъ ему въ уши всякую всячину. А отъ чего почитали меня въ комитетѣ членомъ тайной полиціи? Объясняюсь.

Наши соцензоры-профессора намъ, цензорамъ стороннимъ, давали обыкновенно что потруднѣе, а себѣ предоставляли то, что полегче. Цензоръ Двигубскій взялъ на себя цензуру: Городской и сельскій управитель, частію печатную уже, частію рукописную. Съ добрымъ усердіемъ можно было бы процензуровать эту книгу, не выходя изъ комитета. Но есть люди, которые думаютъ, что они унизятся, оказывая послугу. Прошли недѣли, наступилъ великій постъ, когда на первой недѣлѣ бываетъ ярмарка въ Ростовѣ. Глазуновъ, подавшій рукопись, усильно просилъ объ ускореніи процензурованія упомянутой книги; усильно и я упрашивалъ г. Двигубскаго, но все было тщетно. Утомясь отказами, въ послѣднемъ засѣданіи передъ страстною недѣлею, подошелъ я къ секретарю комитета и шепнулъ ему, что если сейчасъ не будетъ скрѣплена рукопись Глазунова, то я отправлюсь въ тайную полицію и предъявлю о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ комитетомъ.

Секретарь опрометью бросился къ Двигубскому, передалъ ему мои слова; онъ, схватя перо и блѣднѣя отъ страха, хотя дрожащею рукою, но быстро скрѣпилъ рукопись. Выкинувъ эту хитрость, я заѣхалъ къ пріятелю моему Александру Александровичу Волкову и пересказалъ ему о шуткѣ моей. А. А. сказалъ мнѣ, смѣясь:

— И впередъ, если нужно будетъ, шутите такимъ же образомъ: гдѣ совѣсть молчитъ, тамъ нужно ее припугнуть.

Предвидя, что мнѣ не ужиться съ новымъ попечителемъ, благопріятелемъ цензора Цвѣтаева и другихъ цензоровъ, я при первомъ его шагѣ въ комитетъ выпросилъ себѣ отпускъ въ Петербургъ, куда

князь С. М. Голицынъ послалъ къ г. министру народнаго просвѣщенія князю Ливену бумагу, описывая меня бунтовщикомъ и проч. Случилось такъ, что дилижанса надобно было подождать дня три. Въ это время я заготовилъ бумагу и на основаніи устава просилъ, чтобы меня сдѣлали цензоромъ, независимымъ отъ московскаго комитета. Не праздны были гг. цензора; они подсунули новому попечителю для подписи бумагу, въ которой разсуждали, что я требую приведенія въ дѣйствіе скороисполнительныхъ параграфовъ устава для напечатанія бунтовскихъ сочиненій.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, отправился я въ канцелярію министра просвѣщенія, мнѣ сказали, что министръ на дачѣ, и чтобы я письмомъ просилъ дозволенія предстать лицу его въ слѣдующій пріемный день.

«У мужа, писалъ я, украшеннаго просвѣщеніемъ и душевными доблестями, прошу дозволенія предстать лицу его съ объясненіемъ по дѣламъ московскаго цензурнаго комитета». Получаю дозволеніе; но предчувствуя, что не обойдется безъ бури, нагнанной на меня учеными московскими головами, я взялъ рескриптъ, данный мнѣ Александромъ Первымъ 1812 года. До этого роковаго дня мнѣ никогда не случалось видѣть свѣтлѣйшаго князя Ливена. Быстро отворилась дверь его кабинета; вижу, высокій мужчина въ военномъ сюртукѣ идетъ на меня съ поднятыми кулаками:

— Вы, сударь, бунтовщикъ! вы хотите печатать бунтовскія бумаги!

Не хвалюсь храбростью, но я не струсилъ и спокойно отвѣчалъ:

— У меня восемь человѣкъ дѣтей, но на плечахъ нѣтъ осьми головъ! А что я не бунтовщикъ, я сейчасъ представлю свидѣтельство. И, вынувъ изъ кармана рескриптъ, продолжалъ: — въ то самое время, когда Москва 1812 года на шагъ была отъ погибели, Александръ Первый далъ мнѣ рескриптъ, который честь имѣю представить вашей свѣтлости.

Взявъ рескриптъ и быстро прочитавъ его, министръ сказалъ:

— Не князь Ливенъ, а Ливенъ будетъ говорить съ Глинкою.

— Нельзя, отвѣчалъ я: — никакъ не могу забыть, что вы свѣтлѣйшій князь, а я простой майоръ. Дѣло другое, если вы согласитесь говорить какъ христіанинъ съ христіаниномъ.

Князь изъявилъ на это согласіе. Но зала была обширная, мы были только двое; голосъ у меня громкій, а въ пустыхъ стѣнахъ гремѣлъ еще сильнѣе. Послѣ нѣсколькихъ объясненій министръ воскликнулъ:

— Да что вы, сударь, такъ громко говорите?

— Душа моя, ваша свѣтлость, ничего не привыкла дѣлать шо-

потомъ. Вотъ бумага, изъ которой усмотрите, что я ни на волосъ не отступалъ отъ устава.

— Я, сударь, вскричалъ министръ:—я, сударь, уставъ!

— Не правда! отвѣчалъ я:—не вы уставъ; уставъ—государь! и съ этимъ словомъ стремительно отворилъ я дверь и почти выбѣжалъ изъ залы, и вижу передъ собою директора канцеляріи П. М. Новосильскаго. Я замѣтилъ, что онъ былъ очень смущенъ, но я не смутился. Спрашиваю, правъ ли былъ министръ? Его долгъ былъ сперва хладнокровно меня выслушать, сообразить показанія мои съ уставомъ и потомъ заключить, бунтовщикъ ли я, или нѣтъ. Хорошо, что Богъ далъ мнѣ довольно твердый духъ. Съ человѣкомъ въ подобныхъ случаяхъ случается ударъ, что и бывало.

Взволнованный свѣтлѣйшими кулаками министра, я по выходѣ отъ него на улицу кричалъ, что отъ самоуправства министровъ будутъ вспыхивать каждый день четырнадцатые декабри. Чѣмъ кто ближе къ престолу, тѣмъ виновнѣе, если въ человѣкѣ забываютъ человѣка. Не почести, не высокія степени возбуждаютъ негодованіе, но гордыня самоуправства: она потрясаетъ и опрокидываетъ общества человѣческія, это истина вѣковая! Но для многихъ ли существуютъ уроки исторіи?

Сближеніе мое съ учеными головами убѣдило меня, что ученость не доставляетъ того нравственнаго просвѣщенія, которое возвышаетъ душу и даетъ ту твердость, которая не продаетъ себя за всѣ сокровища міра. По возвращеніи моемъ изъ Петербурга, когда я явился въ цензурный комитетъ, меня встрѣтили торжествующія лица профессоровъ-цензоровъ. Они смотрѣли на меня съ лукавою улыбкою и будто неумышленно спрашивали: читалъ ли я посланіе Пушкина къ князю Ю*. Тутъ къ сожалѣнію и сторонній цензоръ, остропамятный Аксаковъ, вслухъ и наизусть прочиталъ нѣсколько стиховъ, также сопровождая ихъ хитрою улыбкою. Между тѣмъ цензоръ Снегиревъ, читавшій Телеграфъ въ отсутствіи моемъ, сказалъ мнѣ откровенно, что десятая книжка Телеграфа ожидаетъ моей подписи, т. е. та роковая книжка, въ которой помѣщена была статья подъ заглавіемъ: «Утро у знатнаго барина, князя Беззубова». Въ ней выставленъ былъ какой-то князь Беззубовъ, имѣвшій собакъ Жужу, Ами и любовницу, какую-то Александру Ивановну, чистившую князя по щекамъ за то, что онъ упрекалъ ее за нескромное гулянье въ Марьиной рощѣ съ французомъ, и снова заключившую съ нимъ миръ за ломбардный билетъ въ двадцать тысячъ. Возвратясь изъ Петербурга за недѣлю до срока отпуска, я могъ бы отказаться отъ цензурованія этой книги Телеграфа, но я всегда стыдился, какъ говоритъ пословица, чужими ру-

ками жаръ загребать. Взявъ десятую книжку Телеграфа, пошелъ я въ типографію г. Семена; читаю: въ глаза мнѣ тотчасъ бросился стихъ изъ посланія, предлагающій перетолкователямъ намекъ на князя Ю*. Отправляю къ издателю «Телеграфа» записку, прося его исключить этотъ стихъ. Получаю въ отвѣтъ, что онъ не намѣренъ исключить ни одной буквы. Что же оставалось цензору? Повиноваться уставу, ибо онъ не дозволялъ цензорамъ никакихъ замѣчаній. Я пропустилъ статью. При первомъ засѣданіи г. Двигубскій объявляетъ мнѣ, что попечитель отстраняетъ меня отъ цензурованія Телеграфа и запрещаетъ журналъ. «Онъ не имѣетъ права, одинъ государь предоставилъ себѣ право дозволенія журналовъ и запрещеніе ихъ. А если находятъ меня въ чемъ виноватымъ, то на основаніи устава я требую суда».

На другой день получено предписаніе отъ попечителя — немедленно явиться въ залу университетскаго правленія. Едва я вошелъ, г. попечитель закричалъ на меня (безъ поднятія кулаковъ): Какъ вы, сударь, осмѣлились пропустить такія мерзости на князя Юсупова? Васъ и такъ за такія мерзости государь сажалъ на обвахту:

— Я оправданъ; государь возвратилъ мнѣ свое благоволеніе; если и послѣдняго бѣдняка оправдаютъ, то никто не имѣетъ права упрекать его въ прошедшемъ.

— А развѣ вы не читали посланія Пушкина? спросилъ князь.

— Не читалъ.

— А почему?

— Потому что я занятъ тѣмъ, что сопряжено съ моею должностью.

Отъ возгласовъ попечителя и презрительныхъ улыбокъ ученыхъ головъ кровь у меня сильно кипѣла, я чувствовалъ, что изъ ногъ кровь быстро приливаетъ къ головѣ, а потому и торопился выйти, а попечитель кричитъ мнѣ вслѣдъ: — Постойте, постойте! послушайте!

— Чего мнѣ слушать! возразилъ я. — И такъ довольно наслушался незаконныхъ обвиненій, а потому на основаніи 70 § Устава прошу уголовнаго суда. Выхожу съ этимъ словомъ, и кровь брызнула у меня изъ носу и шла въ продолженіе трехъ сутокъ.

Какъ видите, сіятельный президентъ въ присутствіи цензурнаго комитета обличилъ своего пріятеля; князь С. М. Голицынъ былъ убѣжденъ, что я масонъ и иллюминатъ и агентъ всѣхъ тайныхъ обществъ.

Оглашая меня тѣмъ, чѣмъ я никогда не былъ, князь, видя притомъ во мнѣ опаснаго бунтовщика, отправилъ на меня грозную жалобу въ Петербургъ; писалъ, что и я для объясненій къ нему явился

послѣ большаго завтрака, т. е. мертвецки пьянымъ. Барское чванство не вѣритъ, что у души свой голосъ, своя жизнь; эти богачи и баловни считаютъ насъ безсловесными тварями, осужденными пресмыкаться у ногъ ихъ. А что они тогда дѣлали, когда 1812 года іюля 15-го дня, положа, такъ сказать, голову на плаху, я не рабскими устами повѣстилъ въ Слободскомъ дворцѣ, гдѣ былъ Александръ Первый, что «Москва будетъ сдана и будетъ жертвою за Россію?» Они молчали.—Почему же мнѣ не имѣть права просить суда, слыша оскорбительныя ругательства сіятельнаго чванства? Я боюсь толкнуть нищаго, но не уступлю самоуправному богатству. Изъ Петербурга требовали, чтобы я искалъ примиренія съ княземъ. Я отвѣчалъ, что у меня нѣтъ сильныхъ посредниковъ, а потому единственнымъ посредникомъ беру судъ, означенный въ уставѣ.

Теперь объясню, почему князь С. М. Голицынъ почиталъ меня масономъ и иллюминатомъ и агентомъ всѣхъ тайныхъ обществъ.

Въ 1828 году происходили во Франціи въ палатахъ перовъ жаркія пренія о законѣ касательно періодическихъ изданій, т. е. вѣдомостей, журналовъ и т. д. И по званію цензора, и по привычкѣ къ наблюденію, я съ чрезвычайнымъ вниманіемъ вчитывался, такъ сказать, во всѣ рѣчи ораторовъ палатъ. Странно и досадно мнѣ было видѣть, что за все про все грозятъ—то тюрьмой, то денежной пеней. Признаюсь, что ни къ селу, ни къ городу затѣялъ я быть рыцаремъ за достоинство мысли человѣческой и написалъ на французскомъ языкѣ книжку, подъ заглавіемъ: «Considérations morales sur la presse periodique en France». Издатель журнала La Revue Encyclopédique повѣстилъ о ней въ декабрѣ мѣсяцѣ 1829 года № 12, отъ стр. 474 и далѣе. Даря меня похвалами, онъ признался, что я справедливо изобличаю законъ ихъ о журналахъ. Это бы ничего, но вотъ что онъ прибавилъ на бѣду мою: «D'après toutes les assertions de l'auteur il semble qu'il propose un problème à la génération qui vient: est ce la nation qui n'a pas la confiance du gournevement, ou si c'est le gournement qui n'a pas la confiance de la nation?

Геро, издатель одного изъ самыхъ ходкихъ журналовъ, не видѣлъ того въ Парижѣ, о чемъ я намекнулъ Парижу въ Москвѣ! И какъ часто мы не видимъ того, говорю просто, что дѣлается у насъ подъ носомъ!

Декабрьская книжка Revue Encyclopédique была доставлена цензорами князю С. М. Голицыну, изъ чего онъ и заключилъ, что я агентъ какихъ-то тайныхъ обществъ.

Какъ бы то ни было, только въ 1830 году приключилось, что въ одно время король французовъ слетѣлъ съ престола, а я съ цензорскаго стула.

ГЛАВА XXV.

Кончина императора Александра I.—Письмо императрицы Елизаветы Алексѣевны.—Наводненіе въ Петербургѣ.—Ввезеніе въ Москву тѣла покойнаго императора.—Бѣдственное положеніе моего семейства.—Сто Лафонтеновыхъ басенъ.—Письмо къ католическому священнику.—Писаніе просьбъ и надгробій.—Помощь отъ князя А. Н. Голицына.—Литературная работа.—Н. Н. Синягинъ.—Мои вечернія прогулки по Москвѣ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Поэтическій дилижансъ.—Суровый пріемъ въ Петербургѣ.—Н. И. Гнѣдичъ.—Письмо Каподистріи.

Очень живо помню, что послѣднее круженіе мое къ отысканію мѣста кончилось ноября девятнадцатаго.

А въ то время, на другомъ краю въ Россіи, дивныя судьбы Провидѣнія сводили съ престола полвселенной въ обитель праотцевъ—Александра Перваго.

Быстро долетѣла молва о кончинѣ императора Александра; Москва превратилась въ столицу военную. Недоумѣніе и страхъ возстали по всѣмъ ея стогнамъ. Многіе уѣзжали изъ нея, опасаясь какого-то волненія. Между тѣмъ началась присяга Константину Павловичу. Въ это время ходило по Москвѣ французское письмо императрицы Елизаветы Алексѣевны ко вдовствующей императрицѣ. Мы сидѣли за ужиномъ, когда къ намъ принесли его. При первыхъ словахъ: «Notre ange est au ciel!» я сказалъ женѣ:

— Я еще въ іюлѣ мѣсяцѣ императора... [1]).

И все было необычайно въ судьбѣ его! Въ годъ рожденія встрѣченъ онъ былъ наводненіемъ, превосходившимъ всѣ прежнія, и за годъ до кончины свирѣпствовало наводненіе, какъ будто отъ крайнихъ рубежей океана вринувшееся въ Неву. Взирая съ балкона дворца своего на борьбу стихій, Александръ писалъ къ нашему исторіографу: «Наводненіе было необычайное. Столица много пострадала. Я на своемъ мѣстѣ. Преклоняю главу предъ Провидѣніемъ». Н. М. Карамзинъ жилъ тогда въ Царскомъ Селѣ, гдѣ буря ломала и рвала съ корнями давнолѣтнія деревья. А нашествіе океана, моря и залива на стогны и окрестности петербургскія забушевало почти ровно черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ нашествія европейскихъ народовъ на Россію.

Нашествіе океанское было предтечею отмежеванія отъ міра земнаго и жребія Александра Перваго, и судьбы исторіи исторіографа его. Занимаясь судьбою Европы отъ 1805 г. и далѣе, Александръ

---

[1]) Рукопись прерывается, но очевидно, что далѣе слѣдуетъ разсказъ о видѣніи на Валдайскихъ горахъ, о чемъ было уже выше. Стр. 340,—341.

Первый былъ за рубежами Россіи то съ русскими полками, то на совѣщаніяхъ конгрессныхъ. На мимолетныхъ путяхъ странниковъ земныхъ онъ какъ будто былъ странникомъ царственнымъ и кончилъ жизнь въ краю, новопріобрѣтенномъ Россіей. А съ нимъ шаткая европейская политика отживала скоротечною жизнью, возникшею 1814 года. Извѣстны приливы и отливы океана, но кто изъ политиковъ европейскихъ скажетъ политическому: «досюда и не далѣе!» Въ маѣ мѣсяцѣ 1827 года, возобновляя память Александра Перваго въ палатѣ перовъ, Гидъ-де-Невиль сказалъ:

— J'ignore si la sainte Alliance a peri avec un immortel Souverain, ce que je sais c'est que l'Europe et surtout la France ont du pleurer sa mort. Alexandre a remis les sceptre aux mains des Bourbons.

А гдѣ старшее поколѣніе Бурбоновъ?

Лирикъ нашъ Петровъ въ двухъ отношеніяхъ предрекъ жребій Александра. Во-первыхъ, въ томъ, что онъ очаровательною образованностію плѣнитъ Европу; во-вторыхъ, въ ревностныхъ ему пожертвованіяхъ сыновъ Россіи. Взирая на его колыбель, онъ говорилъ:

Вы, Граціи, дитя покойте,
Качайте, музы, колыбель!

И, какъ будто провидя жертвы сыновъ Россіи, сказалъ младенцу:

Ихъ имущество, ихъ жизнь тебѣ—жертва безотказная.

И дѣйствительно, со времени существованія Руси и Россіи ни одному изъ властителей нашего отечества не приносили такихъ жертвъ безотказныхъ, какими ознаменовано царствованіе Александра Перваго. Перестраивая Россію на стать европейскую, Петръ отыскивалъ, вынуждалъ, такъ сказать, средства: Александру все предлагали, все отдавали.

День ввезенія въ Москву тѣла императора Александра Перваго былъ въ полномъ смыслѣ слова днемъ могильнымъ. По опустѣлымъ улицамъ разъѣзжали конные отряды; среди глубокой тишины: раздавался только благовѣстъ къ вечернямъ. Носились различные туманные слухи; но я пошелъ навстрѣчу хода погребальнаго. Приближаясь къ Кремлю, Илья Ивановичъ [1]) пріостановилъ печальную колесницу, бросилъ вожжи и, всплеснувъ руками, вскричалъ:

—Граждане московскіе! кого вы встрѣчаете!

Безмолвные сонмы народа, стоя неподвижно, осѣнялись крестомъ, то взирая на царственный гробъ, то обращаясь къ златымъ

[1]) Любимый лейбъ-кучеръ императора Александра I.

главамъ соборовъ московскихъ. Молчаніемъ окованы были уста гражданъ московскихъ! А давно ли торжественное ура гремѣло при появленіи Александра Перваго на крыльцѣ дворца кремлевскаго! Едва промелькнуло двѣнадцать лѣтъ, и все перемѣнилось! Тутъ невольно отозвались въ мысляхъ моихъ слова историка-витіи: «Приидите, взгляните теперь, что осталось намъ отъ великолѣпной славы и отъ величія исполинскаго!»

Въ унылой задумчивости пошелъ я на Дѣвичье поле, откуда жилъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Москва казалась глухою пустынею: ворота у домовъ были заперты, изрѣдка мелькали сани, пѣшеходовъ какъ будто не стало. На Дѣвичьемъ полѣ бѣлѣлся только снѣгъ. Тутъ, взглянувъ на вершины горъ Воробьевыхъ, гдѣ видѣлъ торжественную закладку храма Христа Спасителя, и соображая минувшее съ настоящимъ, горестнымъ вздохомъ заплатилъ дань быстрымъ перелетамъ жизни земной. Въ домахъ начинали сверкать огни. Возвратясь домой и удовлетворя любопытство свое касательно тревожныхъ слуховъ, я развернулъ библію и занялся чтеніемъ Экклезіаста.

Между тѣмъ жребій моего семейства отуманивался часъ отъ часу болѣе, мѣсто исчезло, и доброму Н. М. Карамзину не до пенсіи было за русскую мою исторію. Онъ и самъ угасалъ и въ продолженіи исторіи своей, и на путяхъ жизни. Я горевалъ, но не терзался. Хотя и сказано, что надежда неразлучная спутница человѣка, но я всегда начиналъ и принимался за трудъ безнадежно; былъ бы только трудъ. Щекотливое самолюбіе бѣситъ насъ тогда, когда, создавъ въ мысляхъ что-нибудь затѣйливое и расчисливъ на успѣхъ, попадаемъ въ просакъ.

А я безъ всякой запасной мысли шагая изо дня въ день, высматривалъ только, откуда блеснетъ лучъ чернильной работы, и, если угодно, даже и поденщины. Упомяну здѣсь, что въ цензорство мое въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ помѣщено было, что я не писатель, а ремесленникъ. Товарищъ мой, цензоръ Мерзляковъ, сказалъ, что этого не пропуститъ.

— Пропустите, отвѣчалъ я,—прибавьте только: р е м е с л е н н и к ъ С е р г ѣ й Г л и н к а, ибо у насъ есть писатель Ѳедоръ Николаевичъ Глинка.

Какъ бы то ни было, но въ работу поденную счастливый случай доставилъ мнѣ с т о Лафонтеновыхъ басенъ.

А вотъ какимъ образомъ.

Московскому граверу Кудрявцеву попались въ руки избранныя Лафонтеновы басни съ картинами. Вырѣзая картины, онъ предложилъ мнѣ переводъ басенъ, съ условіемъ за каждую по пяти рублей ассигнаціями. Такъ ли восхищался сказочный Алладинъ, получа

чудесную лампаду, съ помощію которой вызывалъ всѣ диковинки міра волшебнаго, какъ обрадовался я нечаянной находкѣ работы поденной.

Въ продолженіе ста дней получать по пяти рублей вѣрныхъ— это было для меня рудникомъ перувіанскимъ. Были сто дней и у дивнаго человѣка нашего вѣка, у Наполеона. Въ обмѣнъ за нихъ и за нѣсколько державъ получилъ онъ при жизни скалу Еленскую, а по смерти памятникъ на Вандомской площади. Кому изъ насъ болѣе прислужились сто дней? Тутъ, конечно, не сравненіе, а только намекъ на быстрый перелетъ времени. Сто наполеоновскихъ дней перешли въ столѣтія историческія, а будутъ ли когда-нибудь напечатаны мои сто басенъ—и этого не вѣдаю. Но если добрый граверъ московскій вознамѣрится подвергнуть ихъ печатному тисненію, то въ посвященіи Ивану Ивановичу Дмитріеву прошу не выставлять никакихъ чиновныхъ возглашеній, а просто означить: Ивану Ивановичу Дмитріеву. Тутъ имя высказываетъ и произведенія поэта, и заслуги его русской словесности. А какъ состоялось посвященіе, объясняюсь: по предварительному условію съ граверомъ, надлежало переводъ первой басни представить на разсмотрѣніе Ивана Ивановича Дмитріева. Поэтъ нашъ въ переводѣ моемъ перемѣнилъ только одно выраженіе, и подъ щитомъ его мой переводъ пошелъ безостановочно. Каждый день съ новою баснею спѣшилъ я къ граверу на Никольскую, каждый день получалъ по пяти рублей и засыпалъ въ ожиданіи другихъ пяти рублей за басню на нужды существенныя. По составу и ходу существующаго общества труденъ подвигъ отца семейства. Жанъ-Жакъ Руссо, предвидя разгромъ старинной Франціи, плакалъ, когда напоминали ему о его дѣтяхъ. А баснописецъ Лафонтенъ, брося жену и сына и издѣваясь надъ тружениками-отцами семействъ, говорилъ:

O père de famille,
Je ne t-ai jamais envié cet honneur.
Отецъ семейства, будь, будь честь твоя съ тобой,
Мнѣ не завиденъ жребій твой.

Одинъ изъ издателей его басенъ замѣчаетъ, что honneur не означаетъ ни почести, ни чины, но просто выказываетъ заботы и хлопоты семейственныя. Жизнь бѣднаго отца семейства ни чинъ, ни почесть, а кресть, и кресть тяжелый. Стоять на безсмѣнной стражѣ нуждъ ежедневныхъ, уравнивать въ умственномъ образованіи бѣдность съ богатствомъ, видѣть развитіе душъ и мыслей дѣтей и не видѣть для нихъ никакой отрадной цѣли въ обществѣ! Что это такое? Горе великое, неизъяснимое! Свѣтъ движется передъ вашими юными бѣдными птенцами въ различныхъ наслажденіяхъ и очаро

ваніяхъ, но свѣтъ не для нихъ, и они не для свѣта! Счастлива еще чистая, непорочная душа, которая сроднится заранѣе съ міромъ горнимъ, откуда взираютъ на нее ангелы, тогда, когда исчезаютъ для нея всѣ пріюты земные. Въ мірѣ только ангеловъ и предстояла отрада юнымъ птенцамъ моимъ. Въ тѣ дни могильные, въ которые на каждомъ шагу угрожала мнѣ гибель, если не встрѣтится новая работа къ подкрѣпленію вышеупомянутаго труда, не нужно и говорить, что эти пять басенныхъ рублей какъ будто и разлетались басню. Встрѣтился мнѣ новый трудъ въ подспорье прежняго. Въ молодости моей, мечтая съ Юнгомъ, я бродилъ въ мѣстахъ уединенныхъ, въ глуши лѣсовъ; нерѣдко внималъ громовымъ раскатамъ, мечтая подъ дождемъ проливнымъ, пересочиняя въ мысляхъ Юнговы ночи; возвращаясь домой, передавалъ бумагѣ сумрачныя мечты свои. Отчего западало это раннее томленіе въ мою душу? Было ли это вѣстію, чтобы я готовился на борьбу съ жизнію труженической? И отчего слезы и уныніе и въ юности моей сладостнѣе были для сердца моего утѣхъ, кружащихся въ вихрѣ большаго свѣта? Какъ бы то ни было, но 1826 года случилось мнѣ нѣсколько разъ посѣщать могилы по приглашенію тѣхъ, которые чувствованія свои желали передать памятникамъ надгробнымъ. Для одного добраго сына, благоговѣвшаго къ памяти отца, сочинилъ я четыре надписи для четырехъ сторонъ памятника. Сочинялъ и для другихъ. Въ привольное время моей жизни чего не писалъ я для другихъ, не ожидая даже и слова благодарнаго; а въ роковой мой жребій, винюсь передъ небомъ и землею, бралъ, бралъ и за надписи надгробныя! Но тогда же и изъ-за могилы подоспѣло ко мнѣ пособіе христіанское. Получа по ломбардному билету шесть завѣщанныхъ мнѣ тысячъ, я отдалъ священнику церкви Петра и Павла полтораста рублей для памятника Альберту Фишеру, предполагая, что и другіе со мною наслѣдники, которымъ по заемнымъ отказано было по десяти тысячъ, окажутъ свое содѣйствіе. Завѣщанныя имъ деньги по заемнымъ письмамъ состояли на богачѣ и по счету крестьянскихъ душъ, и по огромному дому. Но простосердечное то время давнымъ-давно пролетѣло, когда должникъ, страшась громоносной укоризны: да будетъ стыдно неустойщику въ словѣ своемъ, торопился уплачивать долгъ. Въ нашъ вѣкъ брать и не отдавать одно и то же. Добрый Я. Б. Княжнинъ въ одной изъ оперъ своихъ сказалъ: «Какъ берутъ — хватаютъ, а придетъ время отдавать — на понятный дворъ». Должникъ подъ щитомъ банкротства отнѣкался отъ долга. Итакъ, назначенное мною на памятникъ рѣшась употребить по свойству души моего покойнаго друга, я написалъ къ католическому священнику по-французски слѣдующую записку: «Одинъ изъ вашихъ про-

повѣдниковъ сказалъ, что милостыня, полагаемая въ нѣдра бѣдныхъ, молится за насъ. Я теперь на чредѣ горестнѣйшихъ бѣдняковъ. А потому изъ доставленныхъ вамъ мною ста пятидесяти рублей пришлите мнѣ семьдесять пять, а остальные раздайте тремъ неимущимъ семействамъ. Вмѣстѣ съ ними отправлюсь я на могилу моего друга, и вмѣсто каменнаго памятника прольемъ за него душевную молитву къ небесному Отцу любви и милосердія».

Тутъ вполнѣ сбылась истина, что добро не умираетъ. Другъ мой и съ того свѣта подалъ мнѣ руку помощи съ тѣмъ сердечнымъ привѣтомъ, съ какимъ простиралъ ее при жизни въ подкрѣпленіе моего семейства.

Около этого времени императоръ Николай Первый подарилъ мечъ Александра Перваго войску Донскому.

Стихи, сочиненные мною на этотъ случай, принесли мнѣ нѣсколько сотенъ, что̀ и развязало перо мое для работы безмездной и доставило душѣ моей сладостную льготу быть чѣмъ-нибудь полезнымъ другимъ.

Но въ вѣкѣ рыцарства существовалъ во Франціи Судъ любви, и въ одномъ изъ опредѣленій его сказано было:

Qui prend,
Se vend.
Кто беретъ—себя продаетъ.

Представился и мнѣ счастливый случай передавать и дѣлиться единственнымъ моимъ добромъ, то-есть трудомъ. При учрежденіи коммиссіи прошеній, каждый день стекалось ко мнѣ множество лицъ различныхъ сословій для сочиненія имъ просьбъ. Этотъ случай былъ для меня истиннымъ подаркомъ отъ Провидѣнія, которое посредствомъ друга моего Альберта Фишера и при жизни и по смерти его оживляло мое семейство. Я не могъ, думалъ, соорудить ему памятника, но при сочиненіи прошеній неимущимъ страдальцамъ буду припоминать, что онъ завѣщалъ мнѣ помощь «за любовь мою къ бѣднымъ», и въ каждомъ благодарномъ словѣ просителей буду встрѣчать свидѣтельство, что я не измѣнилъ довѣренности его.

Можно ли жить безъ ожиданій и надеждъ?—Не разсуждаю объ этомъ. Но повторяю и здѣсь, что не порицаю ни увеселеній, ни исканій свѣтскихъ удовольствій; я съ 1812 года вовсе отмежевался отъ всего того, что составляетъ и большой и малый кругъ и чѣмъ живутъ эти два круга. Послѣдній другъ юности моей, Тучковъ, палъ въ битвѣ Бородинской, новыхъ у меня не было. Въ первые годы изданія Русскаго Вѣстника искали со мною знакомствъ и переписокъ. Въ 1826-мъ году знакомство отдалилось, переписка онѣмѣла. Иные за могилой отживаютъ на поприщѣ писателей, а я при

жизни выбылъ изъ разряда писателей своевременныхъ. Въ свѣтѣ есть различные пути удачъ: пути случайности, чиновные, богатства, а въ свою очередь и писательскіе.

Улыбается счастіе, лелѣетъ и свѣтъ. Вмѣстѣ съ возрастомъ дѣтей цвѣтутъ въ семействахъ и ожиданія, и надежды, и мечты; для меня и призракъ этого ни откуда не проглядывалъ. Съ возрастомъ дѣтей моихъ возрастала и боязнь за ихъ будущее. Я страдалъ, тяжело страдалъ, но не томился духомъ. Не муча мыслей моихъ никакими земными расчетами дальновидной или мнимой расчетливости, не тяготя сердце никакими натисками тщеславія и честолюбія, послѣ трудовъ дневныхъ я не былъ жертвою ночей безсонныхъ. Крылами безмятежными осѣнялъ меня сонъ благодѣтельный и освѣжалъ мои силы для новой борьбы житейской. «Не нужно, говоритъ Паскаль, вооружаться вселенной къ подавленію человѣка: и капля воды, и ничтожная былинка нерѣдко похищаютъ жизнь его». Въ такомъ расположеніи духа представилъ я просьбу мою въ коммиссію прошеній, состоявшую подъ предсѣдательствомъ князя Александра Николаевича Голицына.

Коммиссія вытребовала у меня списокъ дѣтямъ моимъ. Сердцемъ и перомъ благодарнымъ составилъ я и доставилъ поименный списокъ пяти сынамъ моимъ и тремъ дочерямъ. Вслѣдъ затѣмъ по волѣ благодѣтельнаго государя сдѣланъ былъ мнѣ запросъ: «Куда желаю я помѣстить дѣтей моихъ?» Я отвѣчалъ, что «однажды препоруча дѣтей моихъ Богу и государю, я отрекаюсь отъ собственнаго моего распоряженія».

Тутъ совершилось въ семействѣ моемъ событіе, которое и здѣсь живетъ въ душѣ моей, и перейдетъ со мною въ обитель вѣчности. Предоставляютъ награду за спасеніе одного утопающаго человѣка; но гдѣ найти на землѣ наградъ за спасеніе цѣлаго семейства въ дни туманные, когда, говоря безъ всѣхъ иносказательностей, горестному отцу, видѣвшему семейство свое на краю пропасти неизбѣжной, оставалось только смотрѣть на небо и оттуда ждать спасенія. И Богъ послалъ день воскресенія!

Дѣла идутъ вслѣдъ за человѣкомъ и высказываютъ его душу. Дѣянія любви христіанской, сочетавшіяся съ обновленною жизнію моего семейства, высказываютъ душу князя А. Н. Голицына. 1827 г. отвезъ я старшаго сына моего въ С.-Петербургъ, куда надлежало препроводить и двухъ дочерей моихъ, опредѣленныхъ государемъ въ воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, или въ Смольный монастырь. Старшей уже было тринадцать лѣтъ. Озабочивала меня мысль, какъ остаться матери безъ подспорья съ малолѣтними дѣтьми, чѣмъ платить мнѣ надзирательницѣ, да и кто будетъ отрадою въ бо-

лѣзняхъ ея? Все это изложилъ я въ письмѣ моемъ къ князю Александру Николаевичу, прося его предстательствовать у государя, чтобы назначенная тысяча на воспитаніе старшей моей дочери предоставлена была на домашнее наше содержаніе.

Едва пріѣхалъ я въ Москву, и встрѣтилъ новую царскую милость. Вскорѣ потомъ извѣстилъ меня князь Александръ Николаевичъ, чтобы я рѣшительно отвѣчалъ: «желаю ли другую мою дочь помѣстить государевою пенсіонеркою въ Смольный монастырь, куда уже и внесена надлежащая за нее сумма».

Я отвѣчалъ, что рѣшительно желаю, чтобы дочь моя Анна воспитывалась подъ покровительствомъ милосердаго государя, но что по причинѣ оскудѣнія трудовъ моихъ не могу ее отправить въ Петербургъ. Новое вниманіе и новая помощь на путевыя издержки.

Что это такое? Милость Божія, расположившая сердце царево къ дарованію новой жизни моему семейству и пославшая за насъ ходатая въ то время, когда, казалось, и люди, и свѣтъ отвернулись отъ насъ. Меценатами слывутъ покровители писателей и художниковъ. Римскій Меценатъ покровительствовалъ двумъ счастливцамъ— поэтамъ и друзьямъ, Виргилію и Горацію, но въ то время, когда въ лицѣ князя А. Н. Голицына Провидѣніе послало ходатая за мое семейство, я былъ на тернистыхъ путяхъ жизни труженика, а не писателя. Горацій, скрывая цвѣты музъ и Грацій, гремѣлъ на лирѣ въ честь Мецената. Перо мое не расточало никогда похвалъ князю. Однажды я сказалъ:

— Князь! я никогда не искалъ покровителей, но васъ самъ Богъ послалъ подкрѣпить мое семейство и отереть его слезы.

Князь отвѣчалъ:

— Богъ поставилъ меня на стражу вашего семейства; Богъ послалъ бы ему и другаго попечителя. Благодарите государя; сердце его само собою расположено на всякое добро для вашего семейства.

Наступилъ часъ разлуки съ дочерью. А до загробной разлуки столько разлукъ встрѣчаемъ на путяхъ жизни! И теперь еще не могу изобразить сердечной тоски при прощаніи съ дочерью и матерью ея, сопровождавшею ее на берега Невы. Ясно еще свѣтились первые дни сентябрьскіе, но туманъ душевный застилалъ отъ глазъ моихъ и солнце, и живописныя окрестности московскія. А въ Москвѣ все показалось мнѣ пустыней. Но чѣмъ далѣе отъ насъ душевные наши друзья, тѣмъ они ближе и къ сердцу, и къ мыслямъ нашимъ. Я вполнѣ это чувствовалъ и, живя пустынникомъ, передавалъ эти чувства въ тогдашній Дамскій Журналъ. Романизмъ дней моихъ весеннихъ и разлука съ милыми влекли меня къ мечтамъ, а на

помощь къ нимъ подоспѣла и нѣкоторая роскошь въ трудахъ моихъ, то-есть прибавленіе работы чернильной.

Въ одно время довелось мнѣ заниматься и переводомъ Лафонтеновыхъ басенъ, и составленіемъ книги: Панорама вселенной, и обработывать исторію Греціи.

Летучіе листки мои въ Дамскій Журналъ были для меня отдыхомъ отъ заказной работы. Впрочемъ и описаніе Греціи убыстряло полетъ мечтательности моей. Я говорилъ ужъ и здѣсь повторяю, что начало воспитанія моего слилось съ очаровательными воспоминаніями о древней Греціи. А потому и новыя событія Греціи шли рядомъ съ моими мечтами, пересылаемыми въ Дамскій Журналъ.

На другой день по пріѣздѣ жены моей изъ Петербурга, куда ѣздила она для помѣщенія младшей дочери нашей Анны въ Смольный монастырь, я сочинилъ романсъ, въ которомъ между прочимъ говорилъ, что возвращеніе ея возвратило мнѣ душу. Видя, какъ торопливо я писалъ и какъ, окончивъ, спѣшилъ съ бумагою изъ дома, жена моя прочла стихи и смѣясь сказала:

— Какъ тебѣ не стыдно подъ такими нѣжностями полными буквами выставлять свое имя?

— Да какъ же мнѣ подписываться?

— Если тебѣ снова придетъ охота сочинять романсы и пѣсни, то по крайней мѣрѣ подписывайся подъ ними: мечтатель.

Такимъ образомъ, 1827 года декабря пятаго произведенъ я въ званіе мечтателя. Такъ что жъ? Мало ли было мечтателей? Солонъ сочинялъ элегіи, Сократъ въ темницѣ перекладывалъ въ стихи Эзоповы басни, Іоаннъ Собѣсскій, избавившій Европу отъ нашествія мусульманъ, пѣлъ пѣсни и сочинялъ пѣсни. Угрюмый Карно, заполнившій области исполинскими своими предначертаніями, до поступленія въ комитетъ du salut public, писалъ мадригалы, подносилъ Ирисамъ и Хлоямъ лилеи и розы мадригальныя. Нашъ пѣвецъ Холмогорскій, задыхаясь отъ дыма химическаго, писалъ къ Шувалову:

О лѣтѣ я пишу, но имъ не наслаждаюсь,
И радости въ одномъ мечтаніи ищу!

Наконецъ нашъ Суворовъ наотрѣзъ сказалъ: «Я живу въ непрестанной мечтѣ».

Въ 1828-мъ году пораженъ я былъ внезапною кончиною Николая Мартіановича Сипягина. И когда? Въ то самое время, когда онъ изъ-за вершинъ Кавказа, гдѣ былъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, желалъ, чтобы дѣти его отъ перваго брака воспитывались вмѣстѣ съ дѣтьми моими. Мысли изъ-за горъ Кавказа летѣли въ

Москву, а смерть сторожила его въ Тифлисѣ. Очеркъ военныхъ подвиговъ Сипягина находится въ Письмахъ русскаго офицера. Очевидцы свидѣтельствуютъ, что непоколебимымъ хладнокровіемъ въ сраженіяхъ сберегалъ онъ людей и въ опасностяхъ одушевлялъ ихъ примѣромъ своимъ: вотъ его лавры. Привыкнувъ къ умственной дѣятельности, Н. М. Сипягинъ обращалъ зоркій взглядъ на различныя отрасли управленія внутренняго. Нѣкоторыя изъ его бумагъ были въ рукахъ покойнаго императора и возвращены ему съ карандашными помѣтками. Одна и очень рѣзкая странность проявлялась въ дѣйствіяхъ его: страсть къ безусловной точности.

Но эта точность относилась не къ расчетамъ хозяйственнымъ, а въ расчисленіи времени, въ ходѣ котораго онъ опирался на каждое мгновеніе — словомъ, съ часами своими онъ хотѣлъ уравнять стрѣлки всѣхъ часовъ.

Однажды онъ поручилъ мнѣ познакомить съ нимъ русскаго учителя, назначая для свиданія двѣнадцать часовъ. Учитель пришелъ десятью минутами позже и не былъ принятъ. Извѣстно, что Карлъ V, утомясь влачить бремя владычества исполинскаго, удалясь въ уединеніе, домогался нѣсколько стѣнныхъ часовъ довести до такой точности, чтобы бой ихъ звучалъ въ одно мгновеніе. Извѣстно, что Наполеонъ говорилъ, что надобно слѣдить время мѣрнымъ шагомъ. Наконецъ извѣстно, что оба великана своего времени не оковали времени по своему произволу. То же случилось и съ Сипягинымъ, также человѣкомъ историческимъ на своей чредѣ. И какъ грозно наказала его безусловная точность! Отпуская вторую супругу свою, урожденную Кушникову, въ Москву къ роднымъ для родовъ, онъ съ обыкновенною увѣренностью своею обнадежилъ ее, что черезъ двадцать дней пріѣдетъ къ ней. Срокъ проходилъ, а онъ не ѣхалъ. Наступилъ день родовъ, а его нѣтъ. Супруга злополучная сперва каждую почту получала письма; не стало и писемъ. Твердо убѣжденная въ томъ, что еслибы болѣзнь или что-нибудь непредвидѣнное по службѣ удержало Николая Мартіановича въ Тифлисѣ, то изъ Тифлиса тотчасъ бы прискакалъ гонецъ, глубокая тоска объяла сердце злополучной супруги. Наступилъ день роковой день двадцатый, и она могильнымъ, гробовымъ голосомъ воскликнула:

— Николая Мартьяновича нѣтъ на свѣтѣ! Николай Мартьяновичъ умеръ!

Въ двадцать дней не стало супруги, и въ двадцать дней осиротѣли дѣти отъ двухъ браковъ.

Ни разстоянье мѣстъ, ни цѣпь огромныхъ горъ
Сердечнымъ откликамъ путей не преграждаютъ.
Гдѣ души таинство предчувствій понимаютъ,
Тамъ у души свой слухъ, тамъ у души свой взоръ.

Тутъ скажемъ съ Суворовымъ: точность въ одномъ Богѣ, а въ дѣлахъ человѣческихъ нужно теченіе. Теченіе для подвиговъ добра, и потому прибавлю другую суворовскую поговорку: торопитесь дѣлать добро! Не успѣешь вымолвить слова и—гдѣ жизнь?

Тамъ:

Тамъ за океаномъ,
Въ дали,
Въ дали безвыходной!

1609 года за четыре дня до смерти своей Генрихъ IV писалъ къ Сюлли: «Если доживу до понедѣльника, то въ понедѣльникъ блеснетъ новый день моей славы!» И въ пятницу Генриха не стало.

Могу и я, гражданинъ безызвѣстный, не дописавъ и одной слѣдующей буквы, могу упасть въ могилу со скуднымъ моимъ перомъ; но если не упаду и увижу, что споткнулся и упалъ человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, я поспѣшу къ нему на помощь и готовою рукою приподниму его.

Несмотря ни на какую погоду, я каждодневно передъ вечернимъ чаемъ ходилъ на прогулку. Нерѣдко слышалъ я въ Москвѣ: «Сергѣй Николаевичъ, ну если въ ночныхъ вашихъ поискахъ кто-нибудь пырнетъ васъ ножемъ?» «Такъ что жъ?—возражалъ я:—умру и только. Развѣ отъ однихъ ножей умираетъ человѣкъ? Странно вамъ кажется, что вмѣсто театровъ и пышныхъ вечеровъ я брожу ночью по улицамъ, особливо въ дни праздничные и отыскиваю упавшихъ. Много горя глубокаго, скорби жестокой видѣлъ я въ темнотѣ на улицахъ московскихъ. Вы ходите въ театръ за тѣмъ, чтобы расшевелить душу, дремлющую въ оковахъ свѣтскихъ приличій или пресыщенную разгуломъ большаго свѣта? А моя душа встрѣчаетъ живое, сладостное ощущеніе, когда затерявшагося въ чаду бахусовомъ отца семейства или юнаго гуляку, по косноязычнымъ ихъ намекамъ, провожу домой, въ кругъ семейства, неспящаго въ томительномъ безпокойствѣ и когда слышу сердечную молитву: награди васъ Богъ!

Я вѣрю этой сердечной молитвѣ. И подъ щитомъ ея въ 1829-мъ году на вербной недѣлѣ, послѣ сильныхъ цензурныхъ передрягъ, отправился я въ Петербургъ. Зимній дилижансъ занятъ былъ поэтомъ Мицкевичемъ, Ротчевымъ и мною. Провожавшіе насъ знакомые назвали этотъ дилижансъ поэтическимъ. Это было справедливо въ отношеніи къ двумъ юнымъ моимъ спутникамъ. Геніальный Мицкевичъ парилъ мыслію; Ротчевъ слѣдилъ за Шиллеромъ, а я, не паря орломъ и въ веснѣ лѣтъ моихъ, истомляясь привычною грустью по семейству своему, тонулъ мыслію въ уныніи. За торопливымъ отъѣздомъ я не могъ наплакаться вдоволь, и потому глаза мои не-

престанно слезили. Я тосковалъ по моему семейству. Замѣтя мою грусть, товарищи мои дарили меня сочувствіемъ. Зимняя дорога была ужасна: казалось, что на ней кипѣли волны морскія и вдругъ оледенѣли. Мы не ѣхали, а бились и выбивались изъ выбоевъ, извилисто изрытыхъ обозами. Поэтъ Мицкевичъ потерпѣлъ сильный ушибъ. Для утоленія крови, отдавая ему мою стклянку лодалавана (l'eau de lavande), я сказалъ:

— Вчера вы дѣлили мое горе, сегодня я вамъ пригодился; взаимность—душа общества.

За горами Валдайскими пересѣли мы на телѣги. Въ Петербургъ пріѣхалъ я истомленный, измученный и въ горячкѣ. Какъ будто сквозь сонъ пересѣвъ въ сани, я приказалъ извозчику ѣхать къ дому одного знакомаго, гдѣ думалъ остановиться. Встрѣтивъ меня на лѣстницѣ, мой знакомый съ суровымъ видомъ воскликнулъ:

— Сергѣй Николаевичъ, зачѣмъ вы пріѣхали въ Петербургъ? У меня для васъ нѣтъ мѣста.

Этотъ черствый пріемъ пробудилъ во мнѣ и память, и сознаніе. Суровый пріемъ пробудилъ во мнѣ осторожность и осмотрительность, а свиданіе съ дѣтьми совершенно оживило меня. Пролежавъ нѣсколько дней въ нумерѣ, я оправился отъ болѣзни и между прочими знакомыми посѣтилъ и Н. И. Гнѣдича. У него встрѣтилъ я эконома патріарха Григорія, спасшагося бѣгствомъ передъ злополучною кончиною пастыря церкви. Покойный Гнѣдичъ, знакомя меня съ экономомъ, сказалъ и мой чинъ, и мое авторство. Экономъ быстро привсталъ и, оборотясь ко мнѣ, проговорилъ:

— Не вы ли тотъ Глинка, который издалъ «Картину новой Греціи?»—Услыша, что это мое сочиненіе, экономъ прибавилъ:—вы съ подлинной стороны обозрѣли и прежнюю судьбу грековъ, и настоящее ихъ положеніе. Вы въ этомъ превзошли и французовъ, и англичанъ.

Слушая такой громкій отзывъ, съ удивленіемъ Николай Ивановичъ спросилъ:

— Давно ли вы издали книгу свою?

— Прошедшаго года,—отвѣчалъ я.

— Ну,—продолжалъ Гнѣдичъ,—я тотчасъ пошлю за нею.

И написалъ карандашемъ записку въ Императорскую публичную библіотеку, въ которой служилъ.

— Весело же,—сказалъ я,—выдавать у насъ книги. Еслибъ не почтенный экономъ упомянулъ о сочиненіи моемъ, вы никогда бы не узнали о немъ. Правду говоритъ поэтъ: Envain par nos travaux nous courrons à la gloire... Но это не относится къ вамъ. Подаря насъ Иліадою, вы увѣнчаете Омировскій свой подвигъ, подаря насъ и Одиссеею.

Между прочимъ Н. И. Гнѣдичъ разсказывалъ мнѣ, что онъ поступилъ на службу въ канцелярію великаго князя Константина Павловича, откуда знаменитый переводчикъ Иліады былъ изгнанъ по приказанію Константина Павловича за то, что въ бумагахъ писалъ старинное Д съ ножками.

Въ исходѣ того же 1829 года получилъ я отъ президента Греціи изъ Навпліи письмо, которое предлагаю въ переводѣ съ французскаго:

Навплія, отъ 6|18 ноября 1829 года.

«Я принимаю съ признательностію книгу, которую вы сочинили для ознакомленія вашихъ соотечественниковъ съ народомъ, пользующимся благотвореніями и могущественнымъ покровительствомъ августѣйшаго вашего монарха. Почту себѣ за счастіе, если буду имѣть возможность чрезъ нѣсколько времени сообщить вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія касательно событій, свидѣтельствующихъ и, надѣюсь,—могущихъ свидѣтельствовать болѣе и болѣе успѣхи сего народа на стезѣ его возстановленія общественнаго и политическаго. Долгъ, налагаемый на меня обязанностью способствовать сей великой цѣли, труденъ, онъ выше силъ и средствъ моихъ, но не выше моего усердія.

«Богъ сдѣлалъ чудеса для спасенія сего народа. Онъ благословилъ побѣдоносное оружіе вашего государя. Онъ благословилъ его намѣренія, и участь Греціи будетъ обезпечена. Вы порадуетесь тому, и ваше перо передастъ вашу радость всей Россіи.—Примите, м. г., увѣреніе въ моемъ отличномъ почтеніи». Подписано: «I. Каподъ'Истріа».

*

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

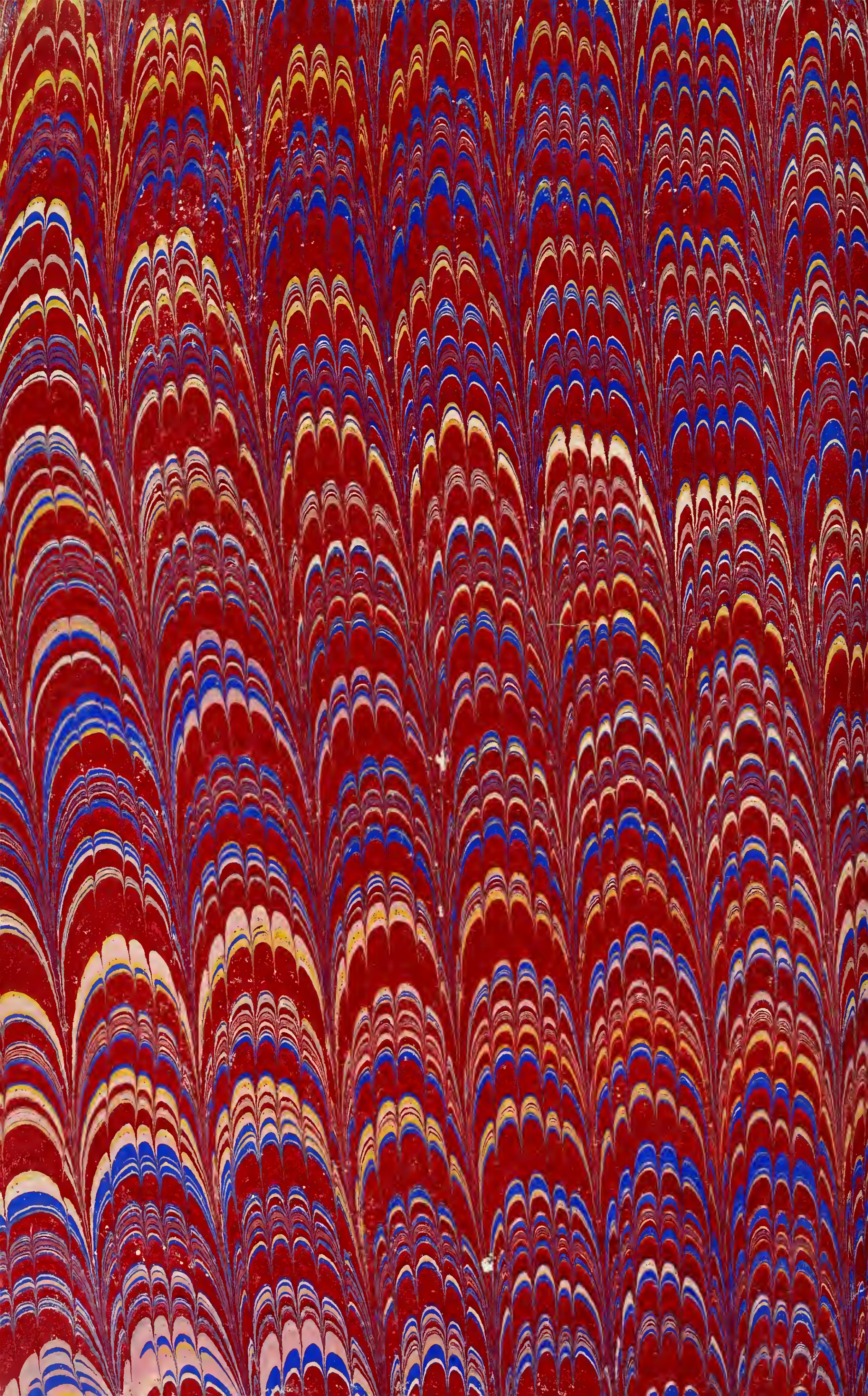
О.

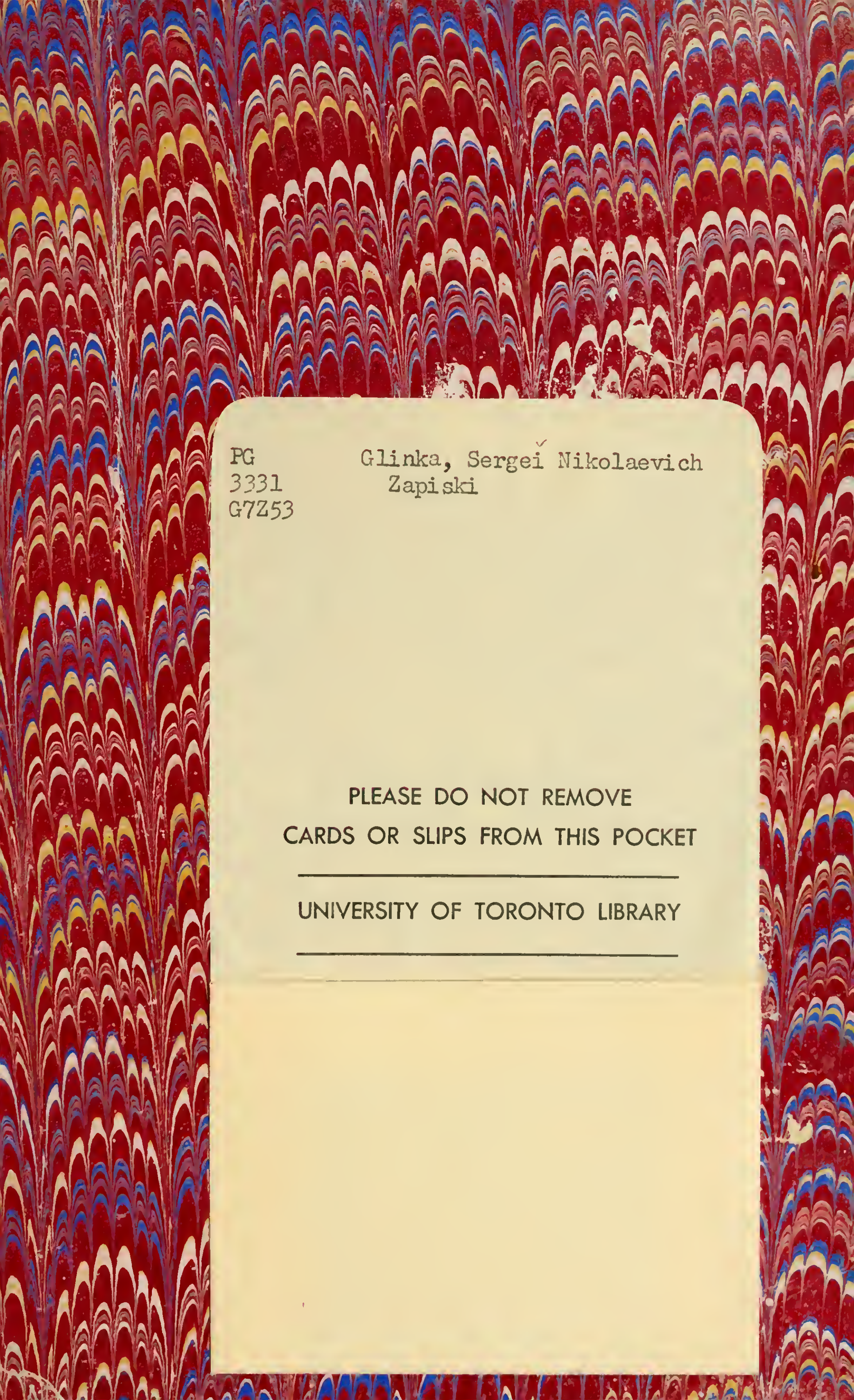
П.

Р.

С.

Т.




PG
3331
G7Z53
Glinka, Sergeĭ Nikolaevich
Zapiski
PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET
UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY